AUXILIARI HISTORICAL DISCIPLINES

XXX

ST.-PETERSBURG
2007

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

XXX

С.-ПЕТЕРБУРГ
2007

В очередном томе сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» публикуются исторические и источниковедческие статьи, связанные с изучением нарративных, апокрифических, дипломатических, сфрагистических, иконографических источников раннего христианства, Византии и Западной Европы VI—XVI вв., Древней Руси XII—XVII вв., истории отечественной и западной науки XIX—XX вв. Статьи сборника посвящаются 70-летнему юбилею члена-корреспондента РАН И. П. Медведева. Статьи написаны учеными России, Германии, Греции, Франции, Чехии.

Все представленные материалы публикуются впервые.

Редакционная коллегия:

М. П. Ирошников (зам. отв. редактора), чл.-корр. РАН С. М. Каштанов, чл.-корр. РАН И. П. Медведев, С. В. Мироненко, Е. К. Пиотровская (отв. секретарь), В. Н. Плешков (отв. редактор), академик РАН Н. Н. Покровский, М. Б. Свердлов, В. Г. Чернуха, А. Н. Чистиков, чл.-корр. РАН В. А. Шишкин, С. О. Шмидт, академик РАН В. Л. Янин

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-9243 д/л.)

© Археографическая комиссия РАН, Санкт-Петербургское отделение, 2007
© Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2007
© «Дмитрий Буланин», 2007

ISBN

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Редакционная коллегия сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» публикует XXX том этого серийного издания. Том I появился в январе 1968 г., и благодаря неиссякаемой энергии С. Н. Валка, чей 120-летний юбилей отмечался в 2007 г., издание было ежегодным до 1989 г. С наступлением трудных времен для производственной деятельности Ленинградского отделения издательства «Наука» выпуски начинают задерживаться с выходом из печати. Самым трудным, пожалуй, был выпуск XXIII тома издания, подготовленного к XVIII Международному конгрессу византинистов (Москва, 1991). Несмотря на предпринятые заблаговременно письменные обращения академика Д. С. Лихачева и других ученых-гуманитариев в дирекцию Ленинградского отделения издательства «Наука», к открытию конгресса удалось получить только 10 авторских экземпляров, чтобы вручить их знаменитым и почетным гостям конгресса: профессору И. И. Шевченко (США), отцу Иоанну Мейендорфу (США), профессору Д. Д. Оболенскому (Англия), профессору В. Вовжинеку (Чехия) и др.

После распада СССР проблемы публикации выпусков «Вспомогательных исторических дисциплин» еще более обострились. Встал вопрос о реальном продолжении издания. Ленинградское отделение издательства «Наука» требовало оплаты работ по изданию как при редактировании рукописи, так и на стадии типографских услуг. У Института и, тем более, у Санкт-Петербургского Отделения (тогда Ленинградского Отделения) Археографической комиссии РАН никаких ресурсов не было. (Напомним, что Российский гуманитарный научный фонд тогда еще не существовал.) В этой сложной ситуации руку помощи протянуло издательство «Дмитрий Буланин», возникшее, как и многие другие коммерческие издательства, в начале 90-х гг. XX в. В конце мая 1993 г. между Санкт-Петербургским Отделением Археографической комиссии РАН, Институтом и Издательством был подписан договор об издании и распространении книг серии «Вспомогательные исторические дисциплины» начиная с XXV тома. В рамках этого договора вышли XXV и XXVI тома. Начиная с XXVII тома издание выходит благодаря издательским грантам РГНФ. К сожалению, в ходе конкурса издательских грантов 2007 г. без определенных причин издание было отклонено и

только благодаря поддержке руководителя секции Отделения историко-филологических наук РАН академика А. А. Фурсенко получило финансовую поддержку в рамках конкурса, посвященного 100-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Нельзя забывать, что Д. С. Лихачев, начиная с VIII тома и до дня своей смерти (30 сентября 1999 г.), был членом редколлегии и активно участвовал в ее работе.

Содержание последних десяти выпусков в значительной степени отражает изменения исследовательских акцентов в отечественной науке, которые появились после начала перестройки и гласности в 80-е гг. XX в. Опубликовано меньше статей, в которых рассматриваются историографические и источниковедческие проблемы советского периода истории. Это связано и с открытием архивных фондов, которые раньше были недоступны, и с необходимостью времени для осмысления многих аспектов наследия разнообразных, во многом противоречивых источников. Поэтому редколлегия отказывалась в некоторых томах издания от строгого деления на разделы. Кроме того, редколлегия приняла решение в ряде случаев дать возможность исследователям публиковать небольшие по объему нарративные и эпистолярные материалы, сохранившиеся в личных архивных фондах ушедших поколений ученых. Появились статьи и зарубежных ученых из США, Чехии, Германии, Греции, Франции, Венгрии, а с появлением новых независимых государств после распада СССР активно печатаются на страницах издания ученые Украины, Литвы и др.

Тридцать томов издания включают более 600 статей. Особенностью последних десяти выпусков является гораздо большее число авторов. Иногда это связано с исследовательскими проблемами редких средневековых источников. К сожалению, в выпусках с XXV по XXX мало обобщающих и проблемных статей, связанных с изучением вспомогательных исторических дисциплин в отечественной и зарубежной историографической традиции. Следует особо отметить лишь несколько статей, в которых освещены или поставлены отдельные крупномасштабные темы. К этому кругу можно отнести, например, статьи: К. К. Акентьева «О проекте „Свода письменных источников по истории византийского искусства и архитектуры" и некоторых вопросах источниковедения художественной культуры» (т. XXIII); В. П. Козлова «Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII—первой четверти XIX в.» (т. XX и XXI); Л. П. Лаптева «Вспомогательные исторические дисциплины в Чехословакии» (т. XXIV); А. С. Мельниковой «Средневековая русская нумизматика в советских исследованиях 1950—1980 гг.» (т. XXII); В. М. Панеяха «Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки)» (т. XXV); Ю. А. Пятницкого «Обзор поствизантийских памятников в России (по данным архивных и печатных источников)» (т. XXIII); Т. Г. Смирновой «Публикация летописных памятников Археографической комиссией 1917—1929 гг.» (т. XXVII); Р. И. Тхоржевского «Краткое введение в бонистику» (т. XXIV); Р. Уортмана, Э. Касинца «Императорские коронационные альбомы» (т. XXV); М. А. Алексеевой «Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы» (т. XXVI); Б. Л. Фонкича «Дипломатика и палеография» (т. XXVII); Л. Н. Цамутали «Петербургская школа византиноведения» (т. XXIII); И. П. Шаскольского «Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах» (т. XXV); Л. Е. Шепелева «Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований» (т. XXII); М. В. Шкаровского «История изъятия церковных святынь и ценностей в Петрограде 1918—1922 гг. Новые источники» (т. XXV); Л. И. Шохина «Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX—начале XX в.» (т. XXII); В. Л. Янина «Сфрагистический комментарий к „Хождению игумена Даниила"» (т. XXVI); Н. Б. Янковской «Клинописная дипломатика» (т. XIX); С. В. Ярова «Доклады агитаторов как источник для изучения политического протеста крестьян Северо-Запада Советской России в 1918—1919 гг.» (т. XXVIII) и др.

Особенностью последних десяти выпусков было и то, что некоторые из них были посвящены определенным историческим датам, событиям, наследию выдающихся ученых. Так, XXIII том был посвящен XVIII Международному конгрессу византинистов, состоявшемуся в Москве в августе 1991 г. Часть статей этого тома состояла из исследований, посвященных трудам академика Н. П. Лихачева, отечественных и зарубежных ученых, стоявших у истоков становления и развития вспомогательных исторических дисциплин. Тематика XXVI и XXIX томов также была связана с памятными датами Н. П. Лихачева: 140-летием со дня рождения ученого и 60-летием со дня его смерти, и, кроме того, издания этих выпусков совпали с важными датами истории Санкт-Петербургского Института истории РАН (60-летием образования Института), истории издания (30-летием) и 100-летием здания на улице Петрозаводской (дом № 7), построенном в 1902 г. Н. П. Лихачевым для своей семьи и специально для своих многочисленных и обширных коллекций по истории письменности разных народов и культур земной цивилизации.

XXVIII выпуск издания был посвящен памяти О. А. Добиаш-Рождественской, чьи исследования по истории культуры западноевропейского средневековья вошли в золотой фонд мировой медиевистики. Статьи тома во многом отражают и тематику состоявшейся Международной конференции, посвященной научным проблемам многомерных исследований исторического источника, которые всегда привлекали внимание выдающегося ученого и успешно продолжаются учеными уникальной специализации в настоящее время.

Нельзя не вспомнить и те редакционные изменения, которые произошли в эти годы. Напомним, что, возобновляя издание сборника в 60-е гг. прошлого столетия, С. Н. Валк большую часть трудностей собирания, редактирования и прохождения сборника через издательские этапы нес на своих плечах. У него были немногочисленные, но известные и редкие по своим научным интересам и изысканиям помощники: Н. Е. Носов, В. И. Рутенбург, В. Г. Чернуха. Но постепенно членов ред-

êîëëåãèè ñòàëî áîëüøå. Ýòî âî ìíîãîì ñâÿçàíî, êàê ìû óæå îòìå÷àëè, ñ ðàñøèðåíèåì èññëåäîâàíèé êîíêðåòíûõ ïàìÿòíèêîâ ïèñüìåííîñòè è êóëüòóðû, âîâëåêàì îáøèðíîãî êîìïëåêñà ìàññîâûõ èñòî÷íèêîâ, îòêðûòèåì íîâûõ ïèàñòîâ ðàíåå íåèçâåñòíûõ èëè íåâîñòóïíûõ ïî öåíçóðíûì ñîîáðàæåíèÿì èñòî÷íèêîâ. Â ñáîðíèêå îïÿâëÿþñÿ ñòàòüè, íàïèñàííûå íà ñòûêâ ðàçíûõ ãñîîìîãàòåëüíûõ èñòîðè÷åñêèõ äèñöèïëèí. Ìíîãèå èññëåäîâàòåëè îâëàäåâàþò ìåòîäàìè êîìïëåêñíîãî èñòî÷íèêîâåäåíèÿ, ÷òî, åñòåñòâåííî, òðåáóåò îò ÷ëåíîâ ðåäêîëëåãèè áîëåå ãëóáîêîãî çíàíèÿ ïðåäñòàâëåííûõ ïóáëèêàöèè ñòàòåé. Ê ñîæàëåíèþ, ìíîãèå íà÷èíàþùèå ó÷åíûå, îâëàäåâøèå ñëîæíîñòüþ îòáëèêàöèè ñòàòåé. Ïî òîìó ó ÷ëåíîâ ðåäêîëëåãèè è ðåäàêòîðîâ èçäàíèÿ íåðåãêî ìíîãî âðåìåíè óõîäèò íà ïðåäâàðèòåëüíóþ ðàáîòó ñ ðóêîïèñÿìè ñòàòåé. àäî îòìåòèòü, ÷òî ñ ìàòåðèàëàìè âûïóñêîâ âñåãäà ðàáîòàëè è ðàáîòàþò âûñîêîêâàëèôèöèðîâàííûå, íåðàâíîäóøíûå ðåäàêòîðû: . À. Àëüáîâà, Å. À. îëü - äè÷, È. Â. Êåí, È. Ï. Ïàëêèíà, À. È. òðîááà. Êòî-òî èç íèõ, ïîãîòàâëèâàÿ ìàòåðèàëû ðóêîïèñè, ñëäèè çà èõ ïðîõîæäåíèåì ÷åðåç êîððåêòóðíûå ñòàäèè òîëüêî äëÿ îãíîãî âûïóñêà, à êòî-òî, êàê È. Ï. Ïàëêèíà, ïåðæèâàè ñ àâòîðàìè è ðåäêîëëåãèåé ðÿäà âûïóñêîâ âñå ïîðàæåíèÿ è óñïåõè. èçêèé èì ïîêîí è áëàãîäàðíîñòü çà íåèçìåííî äîáðûå ñîâåòû è ïîääåðæêó.

Настоящий выпуск XXX тома является не только юбилейным в истории издания «Вспомогательных исторических дисциплин», но и посвящен 70-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева.

И. П. Медведев вошел в состав редколлегии именно в период издания последних десяти выпусков и сразу же с головой окунулся в работу. Многие из авторов публикуемых статей по своим научным проблемам и методам исследований связаны с теми направлениями медиевистики и византинистики, которые он разрабатывает уже на протяжении многих десятилетий. Его первая статья, написанная еще в конце 60-х гг. XX в. для «Вспомогательных исторических дисциплин», называлась «О подделке византийских документов в XVI в.» (т. II). Она до сих пор остается хрестоматийным исследованием, ибо проблема подделок средневекового источника актуальна и в наши дни, особенно для памятников, содержащих уникальные и редкие свидетельства. Одна из последних работ И. П. Медведева связана с исследованием запутанной истории так называемой «Записки готского топарха». Для 86-го тома «Византийского Временника» Игорь Павлович подготовил статью «Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе?». Эта работа удостоилась высокой похвалы профессора Игоря Ивановича Шевченко, почетного президента Международной ассоциации византинистов. Так, Игорь Иванович в факсе от 13 декабря 2006 г. написал: «Игорь Павлович Медведев, неутомимый исследователь архивов по истории русской византинистики, подарил нам еще один документ — рукописный вариант письма о бурном плавании некоего Максима Катилианоса. Новонайденная рукопись написана рукою К. Б. Газе, подарившего миру так называемую записку Готского Топарха».

В XXX томе участвуют коллеги, ученики И. П. Медведева из разных научных учреждений России и зарубежных исследовательских центров и университетов. Материалы тома распределены по шести разделам. В первый раздел включены статьи, связанные непосредственно с византийской или протовизантийской и поствизантийской традицией изучения памятников культуры. Во второй раздел помещены статьи, авторы которых рассматривают памятники западноевропейского средневековья. Третий раздел посвящен проблемам изучения древнерусских памятников, ряд статей связан с источниковедением русско-византийских связей, с вопросами переводной письменности. В четвертый раздел вошли статьи, посвященные архивному наследию отечественных византинистов. Эти исследовательские темы последние годы находятся в центре внимания ученого мира, а И. П. Медведева особенно. Напомним, что в течение 1995—2004 гг. вышли из печати три объемных тома обзоров личных фондов ученых, фондов научных обществ и редких публикаций, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга, при его участии как автора и ответственного редактора. В пятый раздел сборника включены списки научных трудов И. П. Медведева и ведущего научного сотрудника СПбИИ РАН, доктора исторических наук В. Г. Чернухи. Подобного рода раздел впервые предложен редколлегией для издания. Это связано с тем, что материалы сборника посвящены юбилею издания, юбилею И. П. Медведева, а также тому, что в 2005 г. был юбилей и у В. Г. Чернухи, первого ответственного секретаря издания, до сих пор остающейся активным и авторитетным членом редколлегии. Валентине Григорьевне дольше всех членов редколлегии посчастливилось собирать и издавать сборники в сотрудничестве с С. Н. Валком. Он был ее учителем, наставником. Оба юбиляра достойно сохраняют традиции петербургско-ленинградской исторической школы. Кроме того, Валентина Григорьевна была принята в аспирантуру Санкт-Петербургского Института истории РАН вместе с Игорем Павловичем Медведевым. Поэтому интерес к вспомогательным историческим дисциплинам не может не быть в центре внимания их научных исследований, ведь эти проблемы всегда отличали петербургских ученых, у которых они «продолжали свои университеты». Редколлегия от всей души также желает Валентине Григорьевне новых научных открытий в ее любимой области исследований — русской истории XIX—начала XX в. и хороших учеников.

Юбилейные торжества ученых уже прошли, но дань уважения научного содружества в форме «подношения» научных статей и обзоров отдается лишь спустя некоторое время. У историков так нередко бывает.

Этот том не состоялся бы без поддержки и участия всех членов редколлегии петербуржцев, москвичей, новосибирцев, а также академиков Г. Г. Литаврина и А. А. Фурсенко. Текст одного из многих поздравлений Игорю Павловичу Медведеву в день его торжественного юбилея от московских коллег помещен наряду с несколькими фотографиями в пятом разделе. Большую помощь в подготовке всего издания оказали ученицы Игоря Павловича: Л. А. Герд и О. А. Барынина.

Завершает том раздел памяти ушедших ученых.

Как и в предшествующих X и XX томах издания составлен указатель статей, опубликованных в последних десяти выпусках.

И последнее размышление редколлегии сборника о трудных временах для «Вспомогательных исторических дисциплин». Снова, как это уже бывало неоднократно, тревога за судьбу издания не покидает нас в течение последних лет. Смогут ли пришедшие на смену нам отстоять строгие академические позиции исследования и издания текстов памятников культуры? Так хочется верить, что они смогут отметить юбилей L выпуска!

...Звучат лишь письмена.

И. А. Бунин

I

Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ

ПРОТОЕВАНГЕЛИЕ ИАКОВА В СИРИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Тексты. Издания. Версии

Одним из ранних в сирийской апокрифической литературе может считаться перевод широко известного в христианском мире Протоевангелия (вар. Протевангелие) Иакова. Это название, принятое и в изданиях разноязычных версий, и в научной литературе, является достаточно поздним и было введено в XVI в. первыми издателями греческой версии М. Неандером и Г. Постелем.[1] Смысл его в том, что описываемые в этом сочинении события хронологически предшествуют тем, о которых повествуют канонические Евангелия. В Протоевангелии Иакова рассказывается о родителях Богородицы, ее рождении и жизни до встречи с ее обручником Иосифом, о Рождестве Иисуса Христа и связанных с этим событиях. Произведение в его нынешнем виде восходит к нескольким источникам, разновременным по происхождению. Ядро сочинения сложилось не ранее, но и не позднее 150 г. н. э.[2] Оно свободно использует элементы канонического евангельского рассказа (Евангелия от Матфея и Луки), но вместе с тем содержит и новые по отношению к ним детали повествования, восходящие и к неканоническим текстам, и к устной традиции.

Наиболее вероятной сейчас признана та точка зрения, которая считает, что оригинал Протоевангелия Иакова был написан на греческом языке.[3] Однако сама литературная форма рассказа — агадическое повествование — тесно связана с древнееврейской письменностью.[4] В тексте широко используются темы, идеи и образы ветхозаветных сочинений.

---

[1] *Postel G.* (S. I.) Protevangelion sine de natalibus Iesu Christi et ipsius matris Virginis Mariae. Sermo historicus divi Iacobi Minoris. Basilea, 1552. P. 24—70.

[2] *Cullmann O.* The Protevangelium of James // *Hennecke E.* New Testament Apocrypha. Philadelphia, s. a. Vol. 1. P. 372.

[3] Ibid. P. 372.

[4] *Cothenet É.* Le Protévangile de Jacques: origine, genre et signification d'un premier midrash chrétien sur la nativité de Marie // Aufstieg und Nierdergang der römischen Welt. 2.25.6. Berlin, 1988. P. 4252—4269.

© Е. Н. Мещерская, 2007

Если сравнить путем подсчета число мест, представляющих собой прямые цитаты или аллегории ветхозаветных текстов, то оно (ок. 35) не намного меньше цитат и аллегорий из новозаветных источников (ок. 56). Греческий текст дошел до нас в большом количестве рукописей (свыше 150), датируемых с III по XVI в. Наиболее древним является папирусный текст из коллекции М. Бодмера (Papyrus Bodmer V), который, по данным палеографии, относится к III в. н. э.[5] Однако в критических изданиях греческого текста, которых уже достаточно много, используется обычно менее половины всех имеющихся на сегодняшний день рукописей Протоевангелия.[6] В основном они относятся ко времени после X в., и их анализ дает довольно пеструю картину эволюции текста, которая из-за отсутствия публикаций большого количества списков произведения не может быть на сегодняшний день представлена с полнотой и ясностью.

Бесспорным можно признать то, что несколько находящихся в ряде рукописей отрывков интерполированы в сочинение как после времени возникновения протографа (сер. II в.), так и после III в. н. э., поскольку они отсутствуют в тексте папируса Бодмера. К числу таких относятся рассказ Иосифа, излагаемый от 1-го лица, описывающий поведение мира и природы в момент рождения Иисуса Христа, молитва Саломеи и отрывок о смерти первосвященника Захарии, восходящий к особому циклу апокрифических легенд, связанных с именем этого библейского персонажа.[7] Уже А. Гарнак высказал мнение о том, что Протоевангелие Иакова соединило в своем окончательном варианте три разных источника: Историю Рождества Марии (гл. 1—17), Апокриф об Иосифе (гл. 18—21) и апокрифический рассказ о Захарии (гл. 22—24). Немецкий ученый полагал, что эти тексты были объединены и получили новую обработку на греческом языке до конца IV в. Однако текст папируса Бодмера свидетельствует о более раннем (III в.) времени соединения разнородных источников в одно сочинение.

Декрет Псевдо-Геласия, который в окончательном виде датируется VI в., где Протоевангелие фигурирует под наименованием «Книга о Рождестве Спасителя, и о Марии или повитухе»,[8] запретил распространение данного сочинения в христианской литературе. Такой запрет был принят западнохристианской традицией, и это привело к тому, что полная латинская версия памятника не сохранилась. Хотя на основе Протоевангелия Иакова в результате его творческой переработки писателями в латиноязычной литературе возникли такие произведения, как Евангелие Псевдо-Матфея и Книга о Рождестве святой Марии.[9] В восточнохристианской традиции Протевангелие укоренилось задолго до появления Декрета Псевдо-Геласия, и запрет существенно не повлиял на возникновение его переложений на языки христианского Востока. Сочинение известно в переводах на арабский, армянский, древнегрузинский, коптский, древнеславянский и эфиопский языки.[10] Во всех этих локальных литературных традициях Протоевангелие Иакова оказало сильное влияние на процесс формирования и развития христианских представлений о Богоматери, нашедших свое отражение не только в литературных сочинениях (гимнографии, гомилетике, агиографии), но и в литургической практике и иконографии.[11]

Обратимся к рассмотрению сирийской версии Протоевангелия Иакова.[12] Впервые сирийская версия сочинения стала известна ученым благодаря публикации В. Райта в 1865 г.[13] Напечатанный им текст находился в одной из рукописей Британского музея (Add. 14, 484). Когда в 1870 г. вышел «Каталог сирийских рукописей Британского музея», составленный этим же ученым, то выяснилось, что под шифром Add. 14, 484 значатся листы разных рукописей. Протоевангелие Иакова, согласно предисловию к его публикации, занимало л. 10—12 об.[14] того манускрипта, который в «Каталоге» имеет номер CLVII.[15] Однако в «Каталоге» указаны уже другие листы (л. 12—14 об.),[16] на которых располагается текст произведения.

---

[5] Издан: *Testuz M.* Papyrus Bodmer 5. Nativité Marie. Genève, 1958; *Strycker É.* De. La forme la plus ancienne du Protévangile de Jacques. Recherches sur le papyrus Bodmer 5. Bruxelles, 1961. (Subsidia hagiographica 33).

[6] Важнейшие издания греческого текста: *Tischendorf C.* Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1853, 1876/2. P. 1—48; *Vannutelli P.* Protoevangelium Iacobi synoptice. Roma, 1940—1949; *Santos Otero A. de.* Los Evangelios Apócrifos. 4 ed. Madrid, 1984. P. 126—176. Мы пользовались этим изданием.

[7] *Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1897. Bd 2. S. 600—603.

[8] *Dobschütz E. von.* Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis im kritischen Text herausgegeben und untersucht. (TU. 38,4.) Leipzig, 1912.

[9] *Gissel J., Beyers R.* Libri de nativitate Mariae. Pseudo-Matthaei evangelium. Libellus de nativitate Sanctae Mariae // Corpus Christianorum. Series apocryphorum. Turnhout, 1997. T. 9—10.

[10] *Garitte G.* 1) Protevangelii Iacobi versio arabica antiquior // Muséon. 1973. T. 86. P. 377—396. 2) Le «Protévangile de Jacques» en géorgien // Muséon. T. 70, 1957. P. 57—73, 233—265; *Conybeare F. C.* Protevangelium Jacobi from an Armenian Manuscript in the Library of the Mechitarist in Venice // The American Journal of Theology. 1897. T. 1. P. 424—442; *Birdsall J. N.* Second Georgian Recension of the Protevandelium Jacobi // Muséon. T. 83. 1970. P. 49—72; *Leipoldt*. Ein sahidisches Bruchstück des Jakobus-Protevangeliums // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenscnhaft und die Kunde des alten Christentum. Berlin, 1905. Bd 6. S. 106; *Пыпин А. Н.* Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1892. Вып. 3. С. 79—80; *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 147—148.

[11] *Lafontaine-Dosogne J.* Iconographie de l'enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident. T. 1—2. Bruxelles, 1964; *Jastrzebowska E.* Bild und Wort: das Marienleben und die Kindheit Jesu in der christlichen Kunst vom 4 bis 8 Jh. und ihre apokryphen Quellen (Vorabdruck der Habilitationsschrift). Varsovie, 1992.

[12] В справочнике по восточной агиографии: *Peeters P.* Bibliotheca hagiographica Oritentalis. Bruxelles, 1910. (Sudsidia hagiographica 10). № 612.

[13] *Wright W.* Contributions to the Apocryphal Literature of the New Testament. London, 1865. P.'-h.

[14] Ibid. P. 6.

[15] *Wright W.* Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum acquires since the year 1838. London, 1870. Pt. 1. P. 99.

[16] Ibid. P. 99.

Листы рукописи пергаменные, их размер 10×8 $^3/_8$ дюйма, примерно 26×20,7 см. Текст написан в две колонки, на каждом листе от 21 до 30 строк. Манускрипт переписан почерком эстрангело, и по его особенностям он датируется VI в. В. Райт отметил в «Каталоге», что помимо Протоевангелия в этой же рукописи имеются еще два апокрифических сочинения: Детство Господа нашего Иисуса Христа, которое представляет собой перевод греческой версии Евангелия детства,[17] а также Исход Владычицы Марии из мира сего.[18] Если все три сочинения действительно именно в таком порядке располагались в рукописи VI в., то это представляет большой интерес для истории развития повествований о Деве Марии в сирийской литературе. Хотя произведения и не связаны единой повествовательной нитью, можно думать, что перед нами текстологический и сюжетный прототип той сирийской компиляции, рассказывающей о жизни Богоматери, которая представлена в более поздних рукописях начиная с XIII в.

Текст, опубликованный В. Райтом, не полон. Он начинается словами «„Но как день Господень сотворит, так и воля Его". И оседлал осла своего и посадил ее [Марию] на него, и повел его сын его». Эта фраза соответствует одному из начальных предложений XVII главы греческой версии Протоевангелия Иакова. Завершается отрывок заключительной фразой из последней, XXV главы: «Славлю же Господа Бога, который дал мне мудрость, дабы смог я написать книгу сию». В своих заметках к сирийскому тексту В. Райт не только вполне определенно указал на греческую версию Протоевангелия как архетип для сирийского перевода, но и последовательно сопоставил изданный им текст с греческим. В его распоряжении было издание К. Тишендорфа,[19] в котором текст и разночтения к нему даются по греческим рукописям позднего времени. В. Райт отметил расхождение сирийского текста с греческим и в отдельных случаях предложил свою реконструкцию греческого архетипа перевода.[20]

В XVII главе:

а) сирийское выражение «на осла своего» соответствует чтению лишь одной греческой рукописи A (Ven. Marc. n. 42, X в.). В других греческих рукописях «своего» отсутствует;

б) в сирийском тексте нет соответствия выражению καὶ ἡκολούθει ’Ιωσήφ — «и сопровождал Иосиф»;

[17] *Wrigth W.* Contributions... P. 6. Здесь указано, что текст занимает л. 12 об.—16 об.; *Wright W.* Catalogue... Текст расположен на л. 14 об.—18 об. Текст опубликован: *Wright W.* Contributions... P. w-y'; *Budge E. A. W.* The History of the Blessed Virgin Mary and the History of the Likeness of Christ. London, 1899. T. 1. P. 217—222.

[18] *Wright W.* Contributions... P. 8. Указано, что текст занимает л. 16—45; *Wright W.* Catalogue... — л. 18 об.—47. Текст опубликован: *Wright W.* The Departure of my Lady Mary from this world // The Journal of the Sacred Literature and Biblical Record. London, 1865. T. 6—7. P. 417—448; 108—166.

[19] *Tischendorf C.* Evangelia apocrypha. P. 1—48. К. Тишендорф основывался на рукописях X—XVI вв., лишь один небольшой фрагмент (Par. Coisl. n. 152) датируется IX в.

[20] *Wright W.* Contributions... P. 53—55.

в) в сирийском тексте нет заключительной фразы главы: «И снял он ее с осла и сказал ей: „Куда тебя отведу я и укрою неприличие твое? Ведь пустынное место (тут)"».

Сирийский текст XVIII главы значительно короче греческого, опущен большой отрывок, излагающий события от лица Иосифа и описывающий, как весь окружающий Иосифа мир остановился в момент рождения Иисуса Христа.

Сирийский текст XIX главы также короче греческого, за счет отсутствия молитвенного обращения повитухи к Богу и описания чудесных знамений, увиденных ею при входе в пещеру. Чтение mdm dhn' kyn' l' spk lh соответствует греческому выражению: ὁ οὐ χωρεῖ ἡ φύσις αὕτη, которое есть в рукописи B (Ven. Marc. N 363). Сирийская фраза: ḥy hw mry' 'lh' dl' mhymn' 'n' 'l' ḥzyt dbtwlt' hy («жив Господь Бог, не поверю я, (пока не) увижу, что дева она») должна, по мнению В. Райта, иметь в основе греческий оригинал: Ζῇ κύριος ὁ υεός, ἐὰν μὴ ἴδω, οὐ μὴ πιστεύσω ὅτι παρθένος ἐστι. Но такого текста нет ни в одной греческой рукописи.

В XX главе В. Райт отмечает слишком вольную передачу трудно переводимого греческого выражения σχημάτισον (от глагола σχημάτιζω — «представлять») σεαυτὴν сирийским hwy npšky («покажись»), ниже в сирийском тексте есть близкое выражение 'l' hwy npšk' d'n btwlt' 'nt'(«но покажись, дева ли ты»), которое не имеет параллели ни в одной из греческих рукописей Протоевангелия. Следующей сирийской фразе wkrbt и ḥzt dbtwlt' hy («и приблизилась она и увидела, что дева — та») В. Райт предлагает реконструированное греческое выражение: καὶ προσελθοῦσα εἶδεν ὅτι παρθένος ἐστι. В сирийском тексте нет эквивалента малопонятному греческому выражению ἀλλὰ ἀπόδος μετοῖς πένησιν (или τοῦς γονεῦσί μου). В греческих рукописях нет аналогии сирийской фразе из речи Саломеи: mṭl dsklwt' hwt ly blby — «ибо грех был у меня в сердце моем».

В XXI главе в сирийском переводе отсутствует эквивалент греческому выражению οὕτως γὰρ γέγραπται καὶ ἀπέλυσεν αὐτούς — «ибо так написано. И отпустил их». В сирийском тексте говорится, что над головой младенца «встали» (мн. ч.) звезды. Сирийский текст не соответствует имеющимся греческим вариантам в описании приношения магами даров. В. Райт предложил реконструкцию греческого архетипа: καὶ ἰδόντες τό παιδίον μετὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Μαριάμ, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ, καὶ προσήνενγκαν αὐτῷ δῶρα, χρυσὸν καὶ σμύρναν καὶ λίβανον — «И когда увидели они Младенца с матерью Его, Марией, упали они ниц и поклонились Ему, и принесли Ему дар — золото, миро и ладан».

В главе XXII сирийская фраза 'yk zbn' d'kb mn mgwš' — «согласно сроку, о котором выведал он у магов» — соответствует греческому выражению по рукописи N (Par. Nat. N. 1176, XIII в.). Выражение wlyt hw' 'tr' — καὶ οὐκ ἦ τόπος — «и не было места такого» — соответствует чтению греческой рукописи D (Par. Nat. N. 1215, 1068 г.). Для сирийской фразы wnwhr' rb' mnhr hw' lhwn ṭwr' hw — «и светом ярким засветилась для них гора та» — В. Райт предлагает такой греческий архетип — καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο διέφαινε αὐτοῖς φῶς μέγα.

В главе XXIII дополнение lḥykl' во фразе: «И послал он стражников к Захарии» имеет себе параллели в чтениях отдельных греческих рукописей — εἰς τὸ θυσιαστήριον κυρίου или εἰς τὸν ναόν κυρίου («в жертвенник Господень» или «в храм Господень»). Для сирийского выражения nshd mry' — «пусть свидетельствует Господь» — В. Райт предлагает греческий оригинал: μάρτυς ὁ θεὸς. В сирийском тексте В. Райта отсутствует эквивалент словам: εἰς τὰ πρόθυρα τοῦ ναοῦ κυρίου — «пред вратами храма Господня».

В XXIV главе В. Райт отметил отсутствие в сирийском переводе слов κατὰ τὸ ἔθος — «по обычаю». Далее он предложил на основании сирийской фразы w'l lbyt mkdš' дополнить греческий текст словами: εἰς τὸ ἁγίασμα — «в святилище». В этой же главе В. Райт отметил отсутствие большого отрывка, начинающегося словами: «И когда услышал он…». Как и в некоторых греческих списках, в сирийском тексте В. Райта опущено выражение «три ночи». Сирийская фраза «дней многих» вместо τὰ τρεῖς ἡμέρας («трех дней») не имеет аналогии в греческих списках Протоевангелия.

В главе XXV дополнение соответствует чтению двух греческих рукописей G (Vat. 654, XII в.) и H (Ven. 200, XV в.). В сирийском тексте отсутствует заключающая греческий текст евлогия. Таковы наблюдения В. Райта, сделанные им при сопоставлении сирийского перевода Протоевангелия с греческим текстом.

Следующими по времени введения в научный оборот можно считать Берлинские фрагменты сирийской версии Протоевангелия Иакова. Они невелики по своим размерам и были опубликованы Э. Захау в его описании сирийских рукописей Берлинского собрания.[21] Под № 203 раздела «Яковитские рукописи» значатся отрывки из четырех различных манускриптов, представляющие собой фрагменты из монашеско-богословских, литургических и апокрифических сочинений.[22] Э. Захау полагал, что три листа (л. 59a—61b) происходят из какой-то одной древней рукописи и на л. 59a—60b находится отрывок из апокрифической Истории Марии, повествующий о зачатии и Рождестве Христа. В 1902 г. Э. Нестле отождествил напечатанные фрагменты как отрывки из сирийской версии Протоевангелия Иакова.[23] Начало текста на л. 59 соответствует словам из главы II греческого текста: Ἕως πότε ταπεινοῖς τὴν ψυχήν σου — «Доколе ты будешь уничижать душу свою?». Отрывок завершается на л. 59b словами, которые соответствуют началу последней фразы из главы III — οὐχ ὡμοιώθην ... («не подобна…») греческого текста. Отрывок на л. 60 начинается словами, имеющими параллель словам ὡς πᾶσα γυνὴ γεννᾶ («как всякая женщина рожает») из XI главы греческого текста, и обрывается на первой фразе XIII главы греческого текста — εἰσελθὼν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ εὗρεν αὐτήν («придя в дом свой, нашел ее…»).

Э. Нестле в своей небольшой заметке сделал несколько интересных наблюдений, сравнив сирийские отрывки Протоевангелия из Берлинского собрания с греческим оригиналом по изданию К. Тишендорфа. Он указал на иное, чем в греческих списках и другом сирийском тексте, написание имени служанки Анны — ywyl'ym вместо (Ἰουδὶθ или ἰουθὶν) и ywn'tym. Э. Нестле отметил несоответствие сирийской фразы «вот, удержал Бог милость Свою от тебя, так что не произвела ты плод в Израиле» ее греческому оригиналу: καθότι κύριος ἀπέκλεισε τὴν μήτραν σου, τοῦ μὴ δοῦναί σοι καρπὸν ἐν τῷ Ἰσραήλ («Господь закрыл лоно твое, дабы не дать тебе плод в Израиле»). Интересно отметить, что греческому выражению ὑμάτια νυμφικά («одеяние свадебное») в сирийском соответствует m'n' dmlkwt' — «одеяния царские». Греческая фраза τὴν μήτραν Σάρρας («лоно Сарры») в сирийском переделана в l'm' sr' («мать мою Сарру»). Из вариативных в греческих рукописях чтений: τοῖς ἀλόγοις ζῴοις («бессловесным тварям») и τοῖς θηρίοις τῆς γῆς («земным животным») — сирийский перевод выбирает первое. К греческой фразе из обетования ангела Марии: κληθήσεται υἱὸς ὑψίστου — сирийский текст Берлинского отрывка добавляет: «и даст Ему Господь Бог трон Давида, отца Его. И воцарится Он над домом Иакова навеки». Далее, по сравнению с греческой версией, во фрагменте опущены слова συγγενίδα αὐτῆς («родственнице своей»). Э. Нестле отмечает также ошибку сирийского перевода, основанную на неправильном прочтении греческого текста: κόσκινον («решето») вместо κόκκινον («багряница»).

1902 год ознаменовался публикацией еще одного текста сирийской версии Протоевангелия Иакова. Он оказался в рукописи, купленной в Суэце английской исследовательницей и путешественницей А. Смит-Льюис.[24] Пергаменный кодекс, листы которого имеют размеры 20×12$^{3}/_{4}$ см, представлял собой палимпсест. Верхний слой состоял из текстов на арабском языке (и арабским письмом) — отрывков из сочинений отцов церкви Афанасия, Феодосия, мар Ефрема, мар Иакова, мар Исаака, а также Мученичеств Елевферия и Феодора. По палеографическим признакам письмо верхнего арабского слоя текста датируется IX или X вв., каждый из листов верхнего текста представляет собой половину листа более древних рукописей, содержащих нижний текст. Верхний текст написан поперек строк нижнего текста. Если арабский текст идет в строгой последовательности листов, составляющих том, то листы нижнего текста не дают последовательного изложения, так как происходят не из одной, а из нескольких разновременных и разноязычных рукописей. Том состоит из 21 тетради, которые представляют собой кватернионы, за исключением 11-й тетради — это квинион, 14-й — тернион, 15-я тет-

[21] *Sachau E.* Verzeichniss der syrischen Handschriften. Abt. 2. Berlin, 1899. S. 676 (Die Handschriften — verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd 23).

[22] Ibid. S. 673.

[23] *Nestle E.* Ein syrisches Bruchstück aus dem Protevangelium Jacobi // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des alten Christentum. Berlin. 1902. Bd 3. S. 86—87.

[24] *Smith Lewis A.* Apocrypha syriaca. The Protevangelium Jacobi and Transitus Mariae // Studia Sinaitica. London, 1902. N 11. P. b-kb. Точное происхождение рукописи — Египет или Синай — не установлено. В настоящее время кодекс находится в коллекции сестер А. Смит-Льюис и М. Гибсон, которая принадлежит Вестминстерскому Теологическому колледжу Кембриджа.

радь представлена только двумя парами листов. Несколько единичных листов (л. 103, 114 и 115) находятся между 13—14 и 15—16-й тетрадями. Нижний слой палимпсеста включал: листы из двух рукописей с текстом Корана, фрагмент с текстом Септуагинты, листы из рукописей с текстами Евангелий в версии Пешитты, арабский документ, текст сирийского гимна. Но большую часть нижнего слоя палимпсеста представляют тексты Протоевангелия Иакова и примыкающего к нему произведения Исход Марии. Сирийский текст Протоевангелия занимает в рукописи л. 35—36 из 5-й тетради, л. 88—93 12-й тетради, л. 132—133 и л. 138—139 18-й тетради. А. Смит-Льюис датирует сирийское письмо этих листов второй половиной V в. или самым началом VI в.[25] Последовательное повествование складывается по листам следующим образом: л. 92a—89b; л. 92b—89a; л. 139a—132b; л. 139b—132a; л. 36a—29b; л. 36b—29a; л. 35a—30b; л. 35b—30a; л. 138a—133b; л. 138b—133a; л. 91a—90b; л. 91b—90a; л. 88a—93b; л. 88b. Сирийский текст начинается последними словами IX главы греческого оригинала и завершается авторским колофоном из XXV главы. Для отрывка текста, совпадающего по содержанию с фрагментом, опубликованным В. Райтом, даны его разночтения с рукописью Британского музея.[26] При публикации текста, восстановленного ею по листам палимпсеста, А. Смит-Льюис предприняла реконструкцию полной сирийской версии Протоевангелия Иакова. Для восполнения недостающих частей она воспользовалась рукописью, принадлежащей английскому ученому Д. Р. Харрису. К нему кодекс поступил из Тур Абдина (Месопотамия), и, по замечанию А. Смит-Льюис, он был переписан в 1857 г.[27] Воспроизведенный в ее публикации текст находился на л. 94a—100b рукописи и соответствовал I—IX главам греческого оригинала.[28]

В рукописи Д. Р. Харриса тексту предпослан колофон следующего содержания: «С надеждой на Троицу Святую, единую по сущности, начинаем мы писать книгу историй Богородицы Марии со дня рождества ее и до дня исхода из этого мира. Да будет молитва ее с нами! Аминь, Аминь! Книга первая. О родителях ее и также о Благовещении ангельском».[29] Из этого предисловия ясно, что Протоевангелие в данной рукописи является составной частью компиляции «История Богородицы Марии», а не выступает в качестве самостоятельного произведения. К сожалению, А. Смит-Льюис не указала всех разночтений палимпсеста с рукописью Д. Р. Харриса, в которой представлен намного более поздний текст. Некоторые наблюдения над всеми известными ей текстами сирийского Протоевангелия английская исследовательница изложила в

[25] *Smith Lewis A.* Apocrypha syriaca. P. XII.
[26] Ibid. P. ’h-kb.
[27] Ibid. P. XII. Сейчас дата уточнена — 1856 г. Вместе с коллекцией Д. Р. Харриса рукопись в 1905 г. оказалась в Кембридже (США) и находится в Гарвардской университетской библиотеке (Houghton Library): *Goshen-Gottstein M. H.* Syriac Manuscripts in the Harvard College Library. A Catalogue Missoula (Montana) // Harvard Semitic Studies. Ann-Arbor, 1979. T. 23. (Syr. 39). P. 51—52.
[28] *Smith Lewis A.* Apocrypha syriaca. P. b-h.
[29] Ibid. P. b.

предисловии своей книги.[30] Она отметила форму своеобразную мн. ч. ’wlyt’ (вм. yllt’) — «плачи» (p. g. l. 6), форму имени служанки: ywn’tym — «Ионафим», которая не соответствует греческим формам, но окказионально встречается в сирийском тексте Берлинского фрагмента. Далее А. Смит-Льюис восстанавливает по Берлинскому фрагменту слова: lky ’lw ṭb — «Но хорошо...», которые пропущены в кодексе Д. Р. Харриса и не имеют аналогии в греческих текстах.[31] А. Смит-Льюис соглашается с предложением Э. Нестле по реконструкции греческого оригинала для фразы dh’ ’ḥd ’lh’ rḥmwhy mnky («вот, удержал Бог милость Свою от тебя»), поскольку сирийский текст Берлинского фрагмента соответствует тексту по рукописи Д. Р. Харриса.[32] Берлинский отрывок совпадает с текстом по рукописи Д. Р. Харриса и выражением l’my sr’ — «мать мою Сарру» (в греч. τὴν μήτραν Σάρρας), а также словом ‘rbl’ («решето»), которое, по предположению Э. Нестле, возникло в сирийском переводе из-за неправильного прочтения греческого оригинала: κόσκινον вместо κόκκινον.[33] В XIV главе сирийский текст палимпсеста дает: rwḥ’ dml’k’ («дух ангельский») вместо rwḥ’ kdyš’ («Дух Святой»), как в рукописи Д. Р. Харриса и в греческом тексте.[34] В XX главе текст палимпсеста позволяет исправить ошибочное написание рукописи В. Райта: mrym («Мария») вместо šlwm («Саломея»).[35] А. Смит-Льюис обратила внимание на разночтение палимпсеста и рукописи В. Райта в главе XXI: «шум в Вифлееме иудейском» — «смятение великое в Иерусалиме иудейском», отметив, что обе рукописи примерно одинаковы по своей древности.[36] Комментируя выражение из XXIV главы: ‘l ksṭrwm’ dhykl’, А. Смит-Льюис переводит его: beside the porch of the temple и добавляет, что другие сирийские тексты (какие?) дают ‘l ksṭrwm’ dmdbḥ’ (beside the porch of the altar) и byny kstrwm’ lmdbh’ (between the porch and the altar), а греческие варианты (у К. Тишендорфа) — παρὰ τὸ θυσιατήριον («у жертвенника») и τὰ φατνώματα τοῦ ναοῦ ὀλόλυξαν (**«**кессоны (т. е. потолки) возопили»**)**.[37]

В числе опубликованных сирийских текстов, представляющих Протоевангелие Иакова, следует упомянуть особую обработку этого произведения, вошедшую в повествование «История благословенной Девы Марии».[38] В «Истории сирийской литературы» А. Баумштарка есть указание на ряд рукописей (10), содержащих подобную подборку,[39] но ни один из отмеченных им текстов пока не опубликован, а краткость соответствующих каталожных описаний не позволяет говорить о характере сирийского Протоевангелия в этих сборниках.

[30] Ibid. P. XII—XIV.
[31] Ibid. P. XIII. Текст. P. g.
[32] Ibid. Текст. P. g.
[33] Ibid. P. XIII Текст. P. d, y.
[34] Ibid. Текст. P. yb.
[35] Ibid. P. XIII. Текст. P. yh.
[36] Ibid. Текст P. yh.
[37] Ibid. P. XIII—XIV. Текст. P. k.
[38] *Budge E. A. W.* The History of the Blessed Virgin Mary... Vol. 1. P. 1—38.
[39] *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 70, 90.

До сих пор без внимания исследователей оставался фрагмент Протоевангелия Иакова из сирийской рукописи № 128 из Музея Борджиа в Ватикане,[40] хотя подробный разбор содержания кодекса дан в статье Ф. Но.[41] В этом манускрипте, датированном 1720 г. и состоящем из 217 л., есть компиляция «История Девы». Начальные листы рукописи с 1 по 9 утрачены, а на л. 10 находится сирийский перевод Протоевангелия Иакова (начиная с XXII главы и до конца XXV главы). Текст заканчивается колофоном: «Окончена 2 книга о Рождестве». Из этих слов можно понять, что на утраченных листах рукописи имелась заключительная часть текста Протоевангелия (главы с XVII по XXV), разделенная на две книги. Затем в рукописи читается заглавие: «Далее книга 3-я об ангельском Благовещении родителям (Девы Марии)», и следует текст Протоевангелия, соответствующий главам с I по XVI греческого оригинала. Таким образом, становится ясно, что сирийский редактор-переписчик данной рукописи, видимо, сознательно изменил композицию апокрифического произведения, поместив в заглавной части повествования наиболее важный с точки зрения евангельской, христианской истории рассказ о Рождестве Иисуса Христа, и лишь после этого обратился к описанию жизни Богоматери. На л. 15 об.—40 рукописи следует описание пребывания святого семейства в Египте, куда оно было вынуждено бежать из-за преследования царя Ирода. Эта история, известная по множеству источников (исторических, агиографических, апокрифических Евангелий детства), здесь фигурирует в форме Видения Феофила — гомилии, приписываемой перу александрийского патриарха (385—412 гг.) и существующей в нескольких версиях на разных языках.[42] Текст Видения завершается колофоном: «Конец книги 4 о взрослении… Далее книга 5, и как были найдены и разысканы книги сии о Богоматери…». Дальнейшее повествование в рукописи Борджиа, состоящее из 5 и 6-й книг и дополнения, озаглавленного на л. 78 «…об уходе Богоматери из мира в Эдем», представляет собой одну из версий апокрифа Исход Марии. Нам представляется, что рукопись № 128 Музея Борджиа содержит особую версию сирийского Протоевангелия Иакова, которая заслуживает публикации и дальнейшего изучения, как, впрочем, и вся компиляция.

Однако, даже будучи еще не опубликованным, этот сборник апокрифических рассказов имеет для нас значение потому, что позволяет высказать предположение об особенностях сирийского Протоевангелия, дошедшего до нас в Берлинских фрагментах. Дело в том, что из той же рукописи, из которой происходят отрывки этого апокрифа, сохранился еще один отрывок текста, также изданный в Каталоге Э. Захау.[43] Приведем перевод этого отрывка: «…дома Ханании. И я украсил ее (церковь) и поместил в ней всю утварь ее, хотя останки их (были) в Вавилоне. И преисполнились мы радости и ликования. И появились святые в церкви в день святой ее, и увидел их весь народ церкви. И это все произошло по молитвам их, святых, волей Божией. И пришел император боголюбивый Феодосий в град христианский и…». Речь идет о строительстве Феофилом Александрийским новых христианских храмов, посвященных Иоанну Крестителю и трем отрокам, подвиги которых описаны в ветхозаветной книге пророка Даниила (Дан. 1—3). Текст является небольшим отрывком из гомилии Видение Феофила и практически точно совпадает с соответствующим местом из этого сочинения по рукописи Борджиа.[44] Мы можем предположить, что Берлинские фрагменты Протоевангелия Иакова происходят из компиляции «История Девы», аналогичной той, что имеется в кодексе Борджиа. Хотя Э. Захау точно не датировал листы Берлинского манускрипта, он указал на их древность, т. е., вероятно, они восходят ко времени более раннему, чем рукопись Борджиа (XVIII в.). Яковитское происхождение Берлинских фрагментов свидетельствует, что компиляция циркулировала в среде монофизитов и, возможно, оттуда же и вышла. Регионом, где она возникла, могли стать сирийские монофизитские центры — монастыри Египта.

Исследование рукописной и литературной истории Протоевангелия Иакова в сирийской традиции затруднено тем обстоятельством, что мы не имеем на сегодняшний день ни одного полноценного для текстологии издания. Это объясняется тем, что в древних (VI в.) манускриптах это произведение сохранилось фрагментарно, а средневековые рукописи в большинстве своем дают не чистый текст, а его переработку сирийскими книжниками, создававшими компилятивные жития Богоматери. Единственное издание полного текста перевода Протоевангелия на сирийский язык, предпринятое А. Смит-Льюис, представляет собой реконструкцию, осуществленную на основе двух далеко отстоящих по времени (VI и XIX вв.) и месту своего происхождения (Палестина (или Египет) — Месопотамия) кодексов.[45] Таким образом, необходима подготовка и издание сирийского перевода этого апокрифа хотя бы по одной датированной рукописи, содержащей непереработанный текст сочинения (например, рукописи Д. Р. Харриса).

Однако и имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении издания сирийской версии Протоевангелия позволяют сделать ряд наблюдений над его текстом.

Прежде всего обращают на себя внимание результаты сопоставления двух текстов, представленных рукописями, близкими по времени своего написания, — Суэцким палимпсестом (V—нач. VI в. — С) и манускриптом Британского музея (VII в. — Б). Их сравнение можно провести в рамках XVII—XXV глав, поскольку именно в таком объеме сохранился текст Британского кодекса. Сопоставление версий С и Б пока-

[40] *Scher A.* Notice sur les manuscrits syruaques du Musée Borgia, aujourd' hui à la Bibliothèque Vaticane // Journal asiatique. 10-e sér. Paris 1909. T. 13. P. 275—276.

[41] *Nau F.* La version syriaque de la Vision de Théophile sur le séjour de la Vierge en Egypte // Revue de l'Orient Chrétien. 2 sér. Paris, 1910. T. 5 (15). P. 125—132.

[42] *Geerard M.* Clavis apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout, 1992. N 56. Текст гомилии по данной рукописи анализируется Ф. Но в вышеуказанной статье.

[43] *Sachau E.* Verzeichniss... S. 676—677.

[44] *Nau F.* La version syriaque de la Vision de Théophile. P. 129.

[45] *Smith-Lewis A.* Apocrypha syriaca... P. b-kb.

зывает, что текст Б значительно короче за счет отсутствия многих отдельных слов, выражений и нескольких отрывков. Кроме того, в отдельных случаях изложение Б отличается словесной и фразеологической вариативностью. Мы представим наш анализ в таблице:

Номер главы текста по рукописи Б	Вариативность слов и выражений	Отсутствие слов и выражений
XVII	7	3
XVIII	2	1
XIX	11	7
XX	10	9
XXI	16	12
XXII	7	4
XXIII	11	3
XXIV	7	5
XXV	—	2
Всего	61	46

Кроме этого, в рукописи Б можно отметить отсутствие трех отрывков. Первый из них — это эпизод из XVIII главы, описывающий оцепенение мира и природы в момент рождения Иисуса Христа. В греческой версии Протоевангелия повествование здесь ведется от лица Иосифа, он от 1-го лица рассказывает об увиденном им чуде, когда весь окружающий его мир застыл на мгновение. Поскольку в древнейшем греческом тексте папируса Бодмера этот эпизод отсутствует, его считают позднейшей интерполяцией, внесенной в сочинение не позднее IV в. В сирийском списке Б весь этот «я» отрывок сокращен до одной фразы: «Я же, Иосиф, шел и увидел, что все удивительно». Второй пропущенный кусок — это описание огненной теофании над местом рождения Иисуса Христа, которое увидела женщина-повитуха, приглашенная Иосифом к Марии (глава XIX). Данного эпизода нет в греческих рукописях Протоевангелия, но он наличествует в сирийском тексте Суэцкого палимпсеста. Третий отсутствующий в списке Б отрывок связан с историей Захарии — нет описания того, как священники узнают о смерти этого первосвященника и как они реагируют на такое известие.[46] В сирийском тексте палимпсеста (С) этот эпизод имеет небольшую лакуну.

[46] Возможно, этот отрывок был исключен сирийским переводчиком или редактором потому, что ему были известны другие версии смерти Захарии. Одна из них изложена как гностическая Епифанием Кипрским в его «Панарионе» (Epiph. Pan. 26.12.1—4). Захарию, согласно этому рассказу, убили священники, которым он сообщил, что во время принесения им жертвы в храме ему явился бог в виде осла. Две другие приводятся Ефремом Сирином в его Комментарии на Диатессарон: 1) Захария охранял Марию в храмовой пристройке; 2) Захария спас сына Иоанна при избиении младенцев по приказу Ирода. См.: *Leloir L.* Le Commentaire d'Éphrem sur le Diatessaron // Revue biblique. 1987. N 4. P. 486.

Все эти довольно многочисленные расхождения между двумя сирийскими списками Протоевангелия (С и Б) могут свидетельствовать о том, что перед нами два перевода, восходящие к разным греческим редакциям. Версия по списку Б, возможно, основывается на более раннем, чем текст Суэцкого палимпсеста, греческом архетипе или, что менее вероятно, правлена по нему. На это может указывать сокращение отрывка о замершей природе, который, как было отмечено, отсутствует в тексте папируса Бодмера.

Если говорить о соотношении греческого оригинала Протоевангелия Иакова с его сирийской версией, то следует обратить внимание на две ошибки перевода, причиной которых могло стать неверное прочтение текста архетипа. Прежде всего это то, что в сирийском переводе имя отца Марии Ионакир, а не Иоаким. Эта ошибка фигурирует во всех кодексах, в том числе и в рукописи Д. Р. Харриса, она же сохраняется и в компиляциях (несторианской и монофизитской), использовавших текст сирийского перевода Протоевангелия.[47] Вторую ошибку можно заметить в описании встречи Марии с Елизаветой (глава XII). В сирийском тексте говорится, что, побежав навстречу Марии, Елизавета бросила решето. В большинстве греческих списков Протоевангелия речь идет о том, что Елизавета отложила багряницу, которую она пряла. Эту ошибку отметили и Э. Нестле, и А. Смит-Льюис (см. выше), на нее указывают многие комментаторы греческого текста.[48] Вряд ли мы имеем дело здесь с сознательным изменением текста, поскольку такую замену сакральной багряницы (а Елизавета происходит из колена Левия, и прядение пурпура могло рассматриваться как ее сакральная обязанность) на бытовое решето невозможно приписать образованному переводчику-христианину. Следует согласиться с теми, кто объясняет эту ошибку неверным прочтением близких по начертанию греческих слов: τὸ κόκκινον («багряница») и τὸ κόσκινον («решето»).

В сирийском переводе есть случаи, когда можно говорить о сознательной корректировке переводчиком греческого оригинала. Так, в эпизоде из главы II, когда мать Богородицы Анна перед тем, как обратиться с молитвой к Господу о даровании ей потомства, наряжается в красивые одежды. В греческой версии эти одежды названы «брачными», что хорошо коррелирует с аналогией этому отрывку Протоевангелия в библейской книге Иудифь. В сирийском переводе эпитет «брачные» заменен на «царские». И подобная корректировка текста связана, конечно, с идеей, стремящейся обосновать давидическое, царское происхождение Девы Марии. В канонических Евангелиях о родословии Марии ничего не говорится. Отмечается, что из рода Давида был ее обручник Иосиф (Лк. 1:27—32; 2:4; Мф. 1:20). В Протоевангелии Иакова прямо декларируется происхождение Марии из дома Давидова (глава X), когда ее как представительницу царского рода выбирают для того, чтобы ткать заве-

[47] В компиляции рукописи Борджиа имя отца Марии именно в форме Ионакир упомянуто в речи Богоматери, явившейся Феофилу (см.: *Nau F.* La version syriaque de la Vision de Théophile... P. 130).

[48] См., например: *Santos Otero A. de.* Los Evangelios Apócrifos. P. 156.

су храма. В сирийской литературе мысль о давидическом происхождении Марии всячески подчеркивалась и развивалась. Подробное обоснование этого мнения впервые дается в Комментарии Ефрема Сирина на Диатессарон.[49] Сирийский писатель использует для доказательства не только известные евангельские места, но и другие канонические новозаветные тексты (Рим. 1:3; 2 Тим. 2:8). Выражение «дщерь Давидова» по отношению к Деве Марии часто встречается в сирийской гимнографии, связываемой с именем Ефрема Сирина или кругом его подражателей.[50] Эти гимны вошли в литургические циклы праздников, посвященных памяти Девы Марии, как в западносирийской (26 декабря), так и в восточносирийской (вторая пятница после Рождества) календарных традициях.[51] Второй отрывок, появление которого в тексте Протоевангелия Иакова хочется связать с деятельностью сирийских книжников, представляет собой описание огненной теофании над пещерой — местом рождения Иисуса Христа. Он читается только в тексте Суэцкого палимпсеста и отсутствует в рукописи Б. Огонь как символ проявления божественных свойств Иисуса Христа также стал одним из излюбленных образов гимнографии круга Ефрема Сирина.[52] Причем такое божественное качество, согласно одному из гимнов, прославляющих Деву Марию, обнаруживается уже в момент зарождения Спасителя:

В лоне ее — чудо обитает,
Во чреве ее — чудо великое:
Держит она огонь сей перстами своими,
В утробе своей носит она солнце горящее.
Какое благоговение поведать об этом![53]

Возможно, что именно строки этого песнопения вдохновили сирийского переводчика или редактора текста Протоевангелия на то, чтобы описать зарево над пещерой, полыхнувшее в момент Рождества Иисуса Христа.

Сирийский переводчик иногда искажает греческий оригинал, не понимая реалий, о которых идет речь. Так, в главе I есть фраза: «И двенадцати коленам Израиля сказал он [отец Марии]», которая не дает смысла. В греческой версии Протоевангелия здесь сказано, что Иоаким, желая узнать, у кого еще, кроме него, не было потомства, стал изучать «двенадцать колен народа», т. е. Книгу родословия, или Книгу царей, списки, куда заносили имена всех полноправных членов древнееврейской общины мужского пола. Сведения о таких нотариальных книгах сохранились в Библии (Неем. 7:5; 1 Пар. 9:1). Искажена сирийским переводчиком фраза, в которой отец Марии предполагает узнать волю Божию «по знаку, который [находится] между глаз священника». В греческой версии милость Бога должна быть явлена с помощью золотой пластины — элемента головного убора первосвященника Иерусалимского храма.

Иногда в сирийском тексте появляются дополнения, основанные на канонических текстах. Так, в Берлинском фрагменте, в главе XI, фраза — обетование ангела Марии, построенная на лексике из соответствующей главы Евангелия от Луки, дополнена прямым цитированием этого текста (Лк. 1:32—33).

Можно отметить случай, когда сирийский переводчик исправляет греческий оригинал, внося свою смысловую редактуру. Так в главе XXI (по списку Б), когда в тексте опускаются слова «родится Он, ибо так написано». В греческой версии, которая основывается в этом месте на стихе из канонического Евангелия от Матфея (Мф. 2:6), опущены следующие далее стихи, цитирующие пророчество Михея (Мих. 5:2), что делает все высказывание логически не завершенным.

В целом сирийский перевод Протоевангелия по древним рукописям (Суэцкий палимпсест, Берлинский и Британский фрагменты) довольно корректно следует за греческим архетипом.

Изучение истории перевода Протоевангелия Иоакова в сирийской рукописной традиции привело нас к следующим выводам:

1. Сирийское Протевангелие представлено в рукописях двумя типами текста. Во-первых, оно переписывалось в сборниках вместе с примыкающими непосредственно к нему другими апокрифическими сочинениями, повествующими о Деве Марии, начиная собою определенный агиографический цикл, посвященный Богородице; во-вторых, сирийское Протоеванелие включалось как составная часть в разнообразные компиляции (иаковитские и несторианские) житийного характера, также посвященные Богоматери;

2. Мы можем высказать предположение о том, что к VI в. сирийская книжность располагала двумя переводами Протоевангелия Иакова. Эти переводы основывались на двух разных греческих архетипах, более древнем и более новом. Первый, более древний, перевод известен на сегодняшний день лишь частично и в единственной рукописи. Второй получил большее распространение, поскольку стал частью компиляций (иаковитских и несторианских), представляющих жизнеописание Девы Марии.

---

[49] *St. Éphrem*. Commentaire de l'Évangele concordant. Texte syriaque (m. Chester Beatty 709) / Ed. L. Leloir. Dublin, 1963. P. 24, 26.

[50] *Lamy T. J.* Sancti Ephrem Syri Hymni et Sermones. Mechliniae, 1886. T. 2. Hymni de beata Maria N 4, 7, 10, 11, 15; col. 531, 541, 559, 567, 581. См. также: *Brock S.* Bride of Light Hymns on Mary from the Syriac Churches. Kerala, 1994. P. 169.

[51] *Brock S.* Bride of Light... P. 32.

[52] *Lamy T. J.* Sancti Ephraem Syri Hymni... T. 2. Hymni de beata Maria N 4, 17, 18; col. 529, 602, 613.

[53] Ibid. T. 2. Hymni de beata Maria N 4; col. 529.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАДПИСИ НА КОВШЕ С ДИОНИСИЙСКОЙ СЦЕНОЙ ИЗ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В декабре 2000 г. Государственные музеи Московского Кремля приобрели два серебряных предмета — ковш и ложку, которые, по словам владельца, жителя города Сочи, были найдены на Кавказе.[1] На внешней стороне серебряного с позолотой ковша представлено дионисийское шествие: едущий на колеснице, запряженной двумя пантерами, Дионис (рис. 1), следующий за ним на осле Силен, два танцующих Пана, менада и сатир с музыкальными инструментами (рис. 2); на ручке ковша — стоящий под деревом Геракл с копьем и лежащей у его ног собакой (рис. 3). Герой, очевидно, только что поразил эриманского вепря. Этот кабан изображен под ногами Геракла, между двух утиных голов, обрамляющих венчик ковша.[2]

По стилистическим признакам ковш может быть датирован концом IV в. Памятник относится к характерным изделиям так называемого византийского антика периода Феодосийского ренессанса (379—395 гг.) и выполнен, скорее всего, в одном из крупных восточносредиземноморских центров. Его структура, контуры ручки, отдельные элементы декора, прежде всего утиные головы, помещенные при переходе ручки к тулову ковша, имеют параллели как среди позднеантичных памятников, так и ранневизантийских, и встречаются вплоть до середины VII в. Ближайшей аналогией по форме и декору может служить ковш из музея Пти Пале в Париже. На внутренней стороне этого предмета изображен туалет Венеры, а на ручке ковша представлен Нептун. Принято считать

[1] Мемориальность. Древность. Искусство исполнения: новые поступления в Музеи Московского Кремля. М., 2005. С. 6, 31, кат. № 1.

[2] *Залесская В. Н.* К открытию новых образцов ранневизантийской торевтики // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 23—24.

[3] *Martin M.* Wealth and Treasure in the West. 4th—7th Century // The Transformation of the Roman World. AD 400—900 / Edited by L.Webster and M. Brown. Berkley; Los Angeles, 1997. P. 60—61, fig. 25.

© В. Н. Залесская, 2007

Рис. 1. Ковш с дионисийской сценой: колесница Диониса. Серебро. Византия, конец IV в. Государственные музеи Московского Кремля

Рис. 2. Ковш с дионисийской сценой: Пан и менада. Серебро. Византия, конец IV в. Государственные музеи Московского Кремля

Рис. 3. Ковш с дионисийской сценой: Геракл с эриманским вепрем. Серебро. Византия, конец IV в. Государственные музеи Московского Кремля

этот памятник выполненным в Александрии и датировать 380 г.[3] Позы и атрибуты отдельных персонажей дионисийского шествия напоминают изображения спутников Диониса на серебряных блюдах, найденных в Милденхолле (Британский музей)[4], и на сосудах, обнаруженных в Кайзеравгусте, римской крепости Рауракум (Швейцария).[5]

Образ присутствующего среди вакханок и сатиров Геракла-охотника обычен для памятников византийского антика и полон скрытого смысла, а вся композиция может быть интерпретирована в христианском морализирующем духе, оказываясь прославлением созидательных сил природы. Прямых аналогий ни по иконографии представленных персонажей, ни по построению композиции, ни по клейму мастерской торевта на обратной стороне ручки, ни по содержанию предшествующей весовым знакам греческой надписи кремлевский ковш не имеет. Он по праву может считаться изделием уникальным. По совершенству исполнения этот памятник ничуть не уступает современным ему изделиям Британского музея и музея Пти Пале.

На обратной стороне ручки ковша выгравирована греческая надпись (рис. 4): впереди три литеры ΟΥΛ, затем ΣΕΒΑΣΤΗΣ, далее знак, напоминающий букву «бета», вероятно, пиктографический знак мастерской; ближе к венчику ковша — весовая надпись с указанием расхода серебра, данная в литрах, унциях и граммах: ΟΥΛ ΣΕΒΑΣΤΗΣ Λ[ΙΤΡΑΣ] Α,

[4] *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Main Lines of stylistic Development in Mediterranean Art. 3rd—7th Century. Harvard University Press, 1995. P. 29—31, fig. 53.

[5] Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst // Die neuen Funde. Forschungen in Augst / Herausgegeben von M. A. Guggisberg. Bern, 2003. Bd 34. S. 74—293.

Рис. 4. Ковш с дионисийской сценой. Весовая надпись на ручке. Серебро. Византия, конец IV в. Государственные музеи Московского Кремля

ΟΥ[ΓΚΙΑΣ] Γ, ΓΡ[ΑΜΜΑΤΑ] ... Вес предмета, таким образом, равен 1 литре 3 унциям и какому-то количеству граммов (последняя литера утрачена). Если исходить из веса литры и унции, бывших в употреблении в Византии до реформы императора Анастасия I (491—518 гг.): литра — 326,16 г, унция — 27,2 г,[6] то вес ковша в современных единицах измерения должен, приблизительно, равняться 407,76 г: [326,16 + (27,2 × 3)] = 407,76 г.

В настоящее время реальный вес ковша иной, он составляет 359,1 г. Однако, сложенный с весом ложки (рис. 5) — 46,9 г, он равен 406 реальным граммам и почти совпадает с весовой надписью — 407,76 г. Расхождение легко объясняется как незначительными утратами на обоих предметах, так и невозможностью учесть количество граммов, некогда обозначенное в надписи, а ныне стершееся. Здесь мы имеем дело с относительно редко встречающейся у византийских торевтов практикой: указывать в весовой надписи не только собственный вес предмета, но и вес всего «гарнитура». На известных в настоящее время ранневизантийских серебряных изделиях такой вес встречается в третий раз. Первый случай относится к кувшину и ковшу из Перещепинского клада: на ручке ковша указан вес обоих предметов,[7] второй — к двум серебряным, вложенным одна в другую пиксидам, поднесенным, согласно посвяти-

[6] *Schlbach E.* Byzantinische Metrologie // Handbuch der Altertumswissenschaften. München, 1970. Bd 12. N 4. S. 160.

[7] *Залесская В. Н.* Византийские вещи Перещепинского клада // *Залесская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А.* Сокровища хана Куврата. Перещепинский клад. СПб., 1997. С. 114—116, № 3—4.

Рис. 5. Ложка. Серебро. Византия, конец IV в.
Государственные музеи Московского Кремля

тельной надписи, диакониссой Тибериной св. Стефану, из музея города Сан-Луи (США),[8] третий — к ковшу и ложке, поступившим в 2000 г. в Московский Кремль.

Приняв во внимание весовую надпись на известном серебряном блюде со сценами из жизни Ахилла, найденном в Кайзеравгусте, где весовая надпись начинается с литер, обозначающих имя мастера или чиновника, отвечавшего за качество выпускаемых изделий, а затем следует указание на место изготовления — Фессалоники,[9] можно предположить, что и на ковше с дионисийской сценой за неким именем собственным должно было следовать название города, данное в родительном падеже, — в рассматриваемом случае — Севастия. О какой Севастии может идти речь: о малоазийском понтийском городе, центре провинции Armenia prima, развалины которого находятся около города Сивас в Турции, или о Севастии Палестинской? По Страбону (Strab. 12, 560; 14,671), правильное написание Севастии малоазийской — Σεβάστεια, а Севастии Палестинской — Σεβαστή.[10] Следовательно, серебря-

[8] *Mundell Mango M.* Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and related Treasures. Baltimore, 1986. P. 254, fig. 83,1.

[9] *Laur-Belart R.* Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugust: Katalog. Basel, 1967. S. 8—9, Abb. 1—2.

[10] «Sebaste», «Sebastea». Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. членов Общества классической филологии и педагогики. СПб., 1895. С. 1221.

Рис. 6. Гипсовый слепок с инталии с портретными изображениями трех членов семьи Улривис. Карнеон. Восточное Средиземноморье, IV в.
Государственный Эрмитаж

ный ковш, на ручке которого выгравировано Σεβαστής, должен быть изготовлен в Севастии Палестинской.[11] В этом случае находит объяснение непонятный знак, напоминающий букву «бета», располагающийся между ΣΕΒΑΣΤΗΣ и весовой надписью. Это — знак мастерской или первая буква слова — barbaricarii, приводимого в письменных источниках для обозначения мастеров, владевших приемами художественной обработки металла и работавших на созданных императором Диоклетианом в Антиохии, Эдессе и Дамаске «фабриках». В весовых надписях на изделиях, вышедших из мастерских Антиохии и Никомидии, этот знак обозначал вторую мастерскую.[12]

Итак, Севастия Палестинская — новый, не известный до сих пор центр сребродeлия, не проходивший ни по письменным источникам, ни по вещевой палеографии, центр, в котором изготовлялись в IV в. высокохудожественные предметы, к каковым относится ковш, приобретенный музеями Московского Кремля.

Что же касается собственного имени мастера или чиновника (он мог быть и владельцем предмета), то при его раскрытии возможны различные варианты. Гипотетически этот человек мог носить родовое имя Ул-

[11] *Залесская В. Н.* Севастия Палестинская — центр производства ранневизантийской торевтики (гипотезы и факты) // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 27—29.

[12] *Overbeck B.* Argentum Romanum: ein Schatzfund von spätrömischen Prunkgeschirr. München, 1973. S. 23—39.

ривис — ΟΥΛ[ΡΗΟΥΗΣ] и являться одним из членов семьи, представленных на сердоликовой гемме IV в., хранящейся в Государственном Эрмитаже[13] (рис. 6). На этой резанной на карнеоле инталии имеются три портретных изображения: слева и в центре помещены бюсты мужчин, справа — женщины. По краям геммы вырезаны греческие буквы, передающие имена изображенных: ΟΥΗΣ (Виз), ΑΝΗΣ (Анис), ΝΙΝΑΣ (Нина); родовое же имя «Улривис» относилось ко всем троим. И ковш, и инталия были найдены на Черноморском побережье Кавказа: ковш был найден в Сочи, гемма же, по словам антиквара В. М. Ширвашидзе, продавшего ее Эрмитажу в 1888 г., происходит из Сухуми. Предположительно семейство Улривис могло иметь отношение к обоим памятникам.

[13] *Залесская В. Н.* Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа // Сфрагистика и история культуры: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004. С. 13—22, табл. I,5.

А. Я. КАКОВКИН

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

В 1948 г. музей Бенаки в Афинах приобрел у антиквара Ф. Тано несколько интересных в историко-культурном отношении коптских тканей. Среди них были две горизонтальные, оборванные по узким сторонам вставки одинаковых размеров и с тождественными изображениями; слева и справа на них сохранилось по медальону с трудно различимыми изображениями. Между этими медальонами представлены две человеческие босоногие фигуры с нимбами. Греческие надписи рядом с их головами сообщают нам их имена. Слева — Диоген, справа — Лаиса.[1]

Поскольку ткани совершенно тождественны, обращусь только к одной из них (инв. № 7242) (рис. 1). На ней Диоген представлен в трехчетвертном развороте влево. На нем короткая туника и развевающийся за спиной плащ. Голова его повернута в сторону зрителя. Правой рукой он как бы указывает на изображенную перед ним в фас Лаису. У нее из одежд только переброшенный через шею шарф. На шее ожерелье. В правой приподнятой руке она держит кастаньеты, ноги перекрещены. Позы фигур и кастаньеты в руке женщины позволяют предположить, что персонажи представлены танцующими. При том, что пропорции фигур соблюдены, трактованы они довольно примитивно и схематично, без детализации: фигуры оконтурены нитью темно-коричневого цвета, почему-то на руках и ногах персонажей по четыре пальца.

Красочная гамма вставки довольно скупа, в ней преобладают темно-песочные тона: фон светло-коричневый, тела бледно-желтые, туника

[1] Инв. № 7242 и 7243. В литературе фигурирует только ткань под инв. № 7242. Размеры: 24,5×15 см. Отреставрирована в 1999 г. Сохранность: с боков оборвана неровно; почти полностью утрачены нижняя часть женской фигуры, большая часть правой ноги мужчины; утраты ткани в области его пояса и в правом медальоне; кое-где разрывы. Надписи: ΔΑωΓΕΝΗΣ (верно имя указано на второй вставке: ΔΙωΓΕΝΗΣ), т. е. «Диоген», и ΛΑΕΙΣ, т. е. «Лаиса». Лит.: Koptische Kunst. Christentum am Nil. Villa Hügel, Essen. Essen, 1963. S. 334—335. No 343 (V—VI вв.); Christentum am Nil. Koptische Kunst. Zürich, l963. S. 116. No 296 (V—VI вв.); Frühchristliche und koptische Kunst. Wien, l964. S. 194. No 594 (V—VI вв.); L'art Copte. Paris, 1964. P. 182. No 204 (X в.); *Delivorrias A.* Guide the Benaki Museum. Athens, l980. P. 95; Egyptes... L'Egyptien et le copte. Lattes, 1999. P. 147 (VI—VII вв.); Egypte, la trame de 'Histoire. Textiles pharaoniques, coptes et islamiques. Paris, 2002. P. 144—145. No 111 (A) (VI—VII вв.).

© А. Я. Каковкин, 2007

Рис. 1. Диоген и Лаиса. Фрагмент ткани. Египет. VIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

мужчины желтовато-коричневая, нимбы и шарф женщины зеленоватые. Диссонансом в красочном оформлении ткани выглядит обрамление фрагментированных медальонов: они насыщенного темно-синего цвета. Все это позволяет отнести ткани к ординарной ремесленной продукции наверняка не IV в. и не VI—VII вв. или X в. (как это делали мои предшественники), а скорее к VIII—IX вв.

Интерес к этой ткани (проявившийся и в том, что она часто фигурировала в справочной литературе, хотя впервые воспроизведена была — к тому же в цвете — только в каталоге временной выставки 2002 г. в Париже) обусловлен представленными на ней героями.

Изображение на тканях столь древнего времени Диогена и Лаисы, насколько мне известно, уникально. И уже поэтому, безусловно, образы требуют более подробного рассмотрения. К этому побуждают и лишь упоминание ткани в Путеводителе по музею А. Деливорриаса, и скупые каталожные описания, явно не соответствующие ее значимости, тем более что в этих источниках отсутствуют какие бы то ни было комментарии о представленных персонажах, характере их взаимоотношений в жизни и конкретно в той ситуации, в которой они изображены на ткани. Моя задача — восполнить хоть в какой-то степени эти пробелы.

Греческие пояснительные надписи, вытканные рядом с головами героев, также ставят этот образец в разряд очень интересных в историко-культурном отношении памятников.[2] Именно поименование персонажей привлекало внимание к ткани.

[2] Сохранились десятки коптских тканей с надписями, однако чаще всего эти надписи трудно разобрать, а в большинстве случаев они и вовсе не читаемы, поскольку только имитируют буквы. См.: *Gaselee S.* Lettered Egyptian Textiles in the Victoria and Albert Museum // Archaeologia. 1924. Vol. 23. P. 80—81.

Как известно, в истории сохранилось несколько (по меньшей мере пятеро) персонажей по имени «Диоген». Но в нашем случае совершенно определенно можно утверждать, что на ткани представлен Диоген, которого называли «Синопским» (по месту рождения в 400 г. до н. э.) или «Коринфским» (по месту проживания в качестве раба коринфянина Ксенида и месту своего упокоения в 323 г. до н. э.). Уверенность эта основывается на том, что рядом с ним изображена Лаиса. Эта жительница Коринфа была знаменитой гетерой. Источники свидетельствуют, что это была необычайно красивая, разборчивая и жадная женщина. У Лаисы было много поклонников, в их числе и Диоген.

Об этом человеке известно довольно многое. О нем писали его современники: Диокл, Евбулид («О Диогене»), Феофраст (в «Мегарике»), Менипп («Продажа Диогена») и другие — и авторы последующих поколений: Олимпиодор, Полиевкт, Лисаний, Зоил из Перги, Эпиктет, Клеомен, Максим Тирский и др. Особенно ценны свидетельства коллекционировавшего высказывания древних философов и сведения о них писателя III в. Диогена Лаэртского, посвятившего тезке 2-ю главу своей VI книги «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».[3] Столь широкой известностью Диоген обязан своему учению и своему образу жизни.

Диоген Синопский — автор сочинений «Барс», «Послания», возможно, «Фиеста» — был основателем кинической школы и, как всякий основатель чего бы то ни было, он явился крайним выразителем своего учения. Образ его жизни, отличавшийся попранием всех общественных норм, вполне отвечал самым крайним правилам киников: Диоген презирал богатство, нищенствовал, никого не уважал и никому не оказывал почтения,[4] «пикировался» с Платоном, который назвал его «безумствующим Сократом».[5]

Любопытно утверждение Диогена о том, что он «ведет такую жизнь, какую вел Геракл, выше всего ставя свободу».[6]

До нас дошли описания облика Диогена — бородатый полуголый старец, с посохом и сумой.

[3] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. Кн. 6. С. 240—260, 516—519. См. также: *Светлов Э.* [*Мень А.*]. На пороге Нового Завета. Брюссель, 1983. С. 120—124.

[4] Исключением Диоген считал только добродетельных людей, которых он называл «подобиями богов» (*Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях... С. 250), и гетер. «Красивых гетер он сравнивал с медовым возлиянием подземным богам» (Там же. С. 253). «Гетер он называл царицами царей, ибо те делают все, что угодно любовницам» (Там же. С. 254).

[5] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях... С. 251. А. Ф. Лосев называл философа «веселым и беззаботным греком» (*Лосев А. Ф.* Диоген Лаэртский. М., 1981. С. 8).

[6] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях... С. 257. Любопытен в этом контексте отрывок из стихотворения Керкида из Мегалополя о Диогене:

… Был он поистине
Отпрыском Зевса и псом-небожителем.

Появление в долине Нила ткани с изображением этого киника можно объяснить широкой популярностью, которую приобрело его учение в III в., естественно, в первую очередь в Александрии Египетской.[7]

Примечательно, что ткач, наверняка знакомый с историей жизни Диогена, наполненной многочисленными анекдотическими и эксцентрическими эпизодами (проживание в бочке, поиски днем с фонарем в руках человека, поедание сырого мяса, лакание, как собака, воды и проч.), порою даже и непристойными (отправлениями естественной нужды прилюдно), остановил свой выбор именно на иллюстрации эпизода страстного увлечения философа гетерой. По-видимому, мастер решил представить этого героя в нестандартной, непривычной, малоизвестной для большинства людей интимной ситуации — в его взаимоотношениях с Лаисой. Вероятно, этим эпизодом ткач хотел продемонстрировать всепобеждающую силу любви (которую, кстати, философ и моралист называл «делом бездельников»[8]): отрицающий почти все нормы морали циник Диоген в любовных отношениях, оказывается, ничем не отличался от большинства представителей сильной половины человечества: на поверку и он оказался не более как простой, похотливый мужик. Но при этом ткач нашел просто пуританский вариант изображения любовных отношений философа с гетерой: он представил их всего лишь танцующими.[9] Такая сцена позволяет включить ткань с этими героями в многочисленную и популярную у коптов в течение нескольких столетий группу тканей с изображениями так называемых любовных пар.

Источником такого рода изображений служил литературный «Каталог» таких пар, сложившийся в Александрии в позднеантичную эпоху.[10] Он включал в себя обитателей Олимпа, мифологических и литературных героев, реже — исторических лиц: Арея и Афродиту, Адониса и Афродиту, Аполлона и Дафну, Ипполита и Федру, Диониса и Ариадну, Энея и Дидону, Мелеагра и Аталанту, Париса и Елену, Персея и Андромеду, Тезея и Ариадну, Аристотеля и Филлис и др. Многие из этих персонажей нашли свое воплощение и в коптском ткачестве.[11]

Обычно на тканях (в большинстве случаев это были вставки, украшавшие одежды, реже — завесы) представляли стоящими рядом и, судя

[7] *Светлов Э.* [*Мень А.*]. На пороге Нового Завета. С. 123.

[8] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях… С. 250.

[9] Танцевальному мотиву в коптском ткачестве посвящена работа Odile Contamin «Les tissues coptes du Musée Historiques des tissues de Lyon. Etude du thème des danseurs» (Mémoire de maîtrise. Lyon, 1971). Но интересующего меня памятника в ней нет.

Не могу не отметить, что мастера, обращавшиеся к образу другого философа — Аристотеля — в его любовных похождениях, не были столь тактичными, как в случае с Диогеном. См., например, сцену на латунном тазе, выполненном в Нидерландах в конце XV в. (Нью-Йорк, музей Метрополитен, инв. № 64.101.1499), на котором запечатлена скандальная история о том, как предмет воздыханий Аристотеля Филлис подвергает его порке. См.: Декоративно-прикладное искусство от поздней античности до поздней готики: Каталог выставки. Л., 1990. С. 158, № 76.

[10] *Толстой И. И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 215.

[11] *Nauerth C.* Mythologische Liebespaare der spätantike Dargestellt an Beispielen aus der koptische Kunst // Dielheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirche. 1988. Dezember. No 25. S. 97—108.

по жестам, беседующими одетого мужчину и обнаженную или полуобнаженную женщину.[12] Есть экземпляры с изображениями мужчины, преследующего женщину.[13] Встречаются образцы, на которых мужчина и женщина скачут рядом на конях.[14] Встречаются тканые образцы, на которых несколько пар сгруппированы вместе, их разделяют либо колонки, либо медальоны. Характерным памятником такого рода является вставка-полоса (V в.) из собрания Лувра, украшавшая ворот туники.[15]

Уникальность заинтересовавшего меня памятника заключается в том, что действующие лица в нем представлены танцующими. Этот вариант придает сюжету привкус фривольности, в большинстве случаев не свойственный такого рода изображениям (в которых обычно зафиксирован конфликт драматического характера — Аполлон и Дафна, Ипполит и Федра — или событие, окрашенное элементом мужества, — охотящиеся Эней и Дидона, Мелеагр и Аталанта).

Бóльшая часть персонажей, составляющих «любовные пары», безымянна. Но в ряде случаев характерные иконографические особенности, типичные детали изображений, точное совпадение тканых персонажей с литературным первообразом, аналогии среди античных произведении и т. п. позволяют с известной степенью уверенности их идентифицировать (чаще других узнаваемы: Аполлон и Дафна,[16] Ипполит и Федра,[17] Адонис и Афродита,[18] Мелеагр и Аталанта[19]).

В редких случаях персонажи поименованы. Именно к этой категории относится и рассматриваемая ткань. Уверен, не будь на ней пояснительных надписей, вряд ли кто-либо из исследователей смог бы идентифицировать представленных на ней героев.

Примечательно, что у Диогена и Лаисы головы окружены нимбами — атрибутами, довольно редкими у персонажей этой группы тканей.

[12] *Каковкин А. Я.* О сцене на коптской ткани V века из Стенфорда (США) // Уходя, оставить свет... Памяти Евгения Владиславовича Зеймаля: Сб. статей. СПб., 2004. С. 75—79.

[13] *Bourguet P. du.* Musée national du Louvre. Catalogue des étoffes copte. Paris, 1964. T. 1. P. 484. G 353 (X 4817); *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. Paris, 1991. P. 97, 99 (ill.).

[14] *Nolle R.* Unerkannte Szenen aus der Aeneas-Dido-Sage auf koptischen Stoffen in Düsseldorf und Wien // Österreiche Akademie der Wissenschaften. Wien, 1983. Phil.-hist. Klass. Jg. 119. So. 13. S. 261—270.

[15] Инв. № E 29294. См.: *Rutschowscaya M.-H.* 1) Un ensemble de tapisseries coptes à décor mythologique // La Revue du Louvre et des Musées de France. Déc. 1984. No 5—6. Fig. 17; 2) Tissus coptes. P. 92, ил. на с. 98—99; см. также: Art copte. Nouveau Drouot 9, rue Drouot. Paris, 25.01.1982. N 65.

[16] *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. P. 95; *Каковкин А. Я.* Коптские памятники с изображением одной из героинь «Метаморфоз» Овидия // ВДИ. 2003. № 4. С. 169—173.

[17] *Каковкин А. Я.* 1) Коптская ткань VI в. из собрания Музея исламского искусства в Каире // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 33—35; 2) Герои трагедий Еврипида на коптских тканях // ВДИ. 2001. № 3. С. 128—132. Рис. 1—4.

[18] *Каковкин А. Я.* О двух коптских тканях-близнецах VIII в. из Лувра // Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 178—182.

[19] *Rutschowscaya M.-H.* Tissus coptes. P. 100—101; *Simon E.* Meleager und Atalante. Ein Spätantiker Wandbehang. Bern, 1970 (Monographien der Abegg-Stiftung, Bern, 4).

Если нимбы у Диониса и Ариадны или Энея и Дидоны вполне обычны: они воспринимаются как символы их величия, то относительно наличия этого атрибута у философа и его возлюбленной я могу лишь сослаться на мнение Ф. И. Буслаева, отмечавшего, что нимбом — «сиянием обозначалось не одно святое, но и все важное, как-то: цари и властители, олицетворения идей и отвлеченных понятий и т. п.».[20] В данном случае полагаю, что нимб Диогена можно воспринять как символ духовной славы его как известного философа. У Лаисы — как косвенное отражение причастности к этой славе.

Достойна внимания и еще одна особенность афинского памятника: принципиальное отличие представленных на нем персонажей от остальных участников «любовных пар» состоит в том, что это не боги и даже не герои, а обычные, жившие на земле люди, о некоторых сторонах жизни которых (скорее всего, не без досужих домыслов) нам поведали их современники и пересказали потомки.

Мне неизвестны античные изображения Диогена с Лаисой, уже поэтому коптская ткань (независимо от того, копировал ли ткач древний образец или сподобился создать сцену самостоятельно) имеет большое историко-художественное значение.

Судя по красочной гамме, стилистическим признакам и характеру надписей, из мастерской, где была изготовлена ткань с изображениями Диогена с Лаисой, происходят две другие вставки, приобретенные одновременно с рассматриваемой. На одной из них — горизонтальной полосе — сохранилось часто встречаемое изображение стоящего в фас полуобнаженного Диониса с нимбом, опирающегося на колонну. У скрещенных ног юного бога, обутого в сапожки, сидит его обычная спутница — пантера. Слева от бога была несохранившаяся фигура Ариадны (о чем свидетельствуют надписи, схожие с теми, что рядом с Диогеном и Лаисой); с другой стороны — фрагментированный медальон с изображением прыгающего животного (рис. 2).[21] Эта ткань, вместе с тканью с Диогеном и Лаисой, скорее всего, образовывала единую вставку-полосу по подолу. Не исключено, что, как и в подобного рода луврской вставке,[22] в нее были включены и другие изображения любовных пар.

Вторая — квадратная вставка с изображением вписанного в круг Геракла, удушающего льва, служившая, скорее всего, нагрудным украшением.[23] Характерно, что и на ней участники эпизода также снабжены

[20] *Буслаев Ф. И.* О русской иконе. Общие понятия о русской иконописи. М., 1997. С. 86.

[21] Инв. № 7244. Размеры 15×18,6 см. Отреставрирована в 1999 г. Сохр.: боковые края оборваны неровно, фигура Ариадны утрачена. Надписи: ΔΙΟΝΥΣΟΣ, т. е. «Дионис», и ΑΡΙΑΤΝΗ (должно быть: ΑΡΙΑΔΝΗ), т. е. «Ариадна». Лит.: *Marangou L.* Benaki Museum. Coptic Textiles. Athens, 1971. P. 9; *Delivorrias A.* Guide the Benaki Museum. P. 95; Egypte, la trame de l'Histoire... P. 144—145. No 111 (B).

[22] См. примеч. 15.

[23] Инв. № 7245. Размеры: 18,5×15, 3 см. Отреставрирована в 1993 г. Сохр.: края оборваны, кое-где разрывы. Надписи: ΗΡΑΚΛΗΣ, т. е. «Геракл», и ΛΕώΝ, т. е. «лев». Лит.:

Рис. 2. Дионис. Фрагмент ткани. Египет. XIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

греческими пояснительными надписями, начертанием очень схожими с теми, которые вытканы рядом с Диогеном и Лаисой (рис. 3). Геракл был, как уже отмечалось, почитаем Диогеном и самым непосредственным образом связан своими спасительными функциями с Дионисом и Ариадной, сопровождая их свадебный кортеж, который запечатлен по меньшей мере на двух коптских тканях V в.[24]

Marangou L. Benaki Museum… P. 8; *Delivorrias A.* Guide the Benaki Museum. P. 95; *Nauerth C.* Formen des Herakles. Seine Gaten auf koptische Stoffen // ΘΙΑΣΟΣ ΤΩΝ ΜΟΥΣΩΝ. Festschrift für J. Fink zu 70. Geburtstag. Köln; Wien; 1984. S. 62, 64. Abb. 17; *Каковкин А. Я.* Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. статей. Л., 1988. С. 48. Рис. 6; Egypt, la trame de l'Histoire... P. 145. No 112.

[24] Образы на коптских тканях Диониса (часто изображавшегося именно в обществе Ариадны) и Геракла легко объяснимы, поскольку в Египте Дионис был самым популярным из греческих богов, а Геракл — самым известным греческим героем. Об этом свидетельствуют десятки художественных памятников с их образами и литературные произведения, посвященные этим персонажам. Основная литература о происходящих из Египта разнообразных художественных памятниках с изображениями Диониса и Геракла (скульптура, ткани, кость и др.) довольно полно представлена в моей работе: О двух коптских тканях с изображениями двенадцати подвигов Геракла // Византия и Ближний Восток (памяти А. В. Банк): Сб. науч. статей. СПб., 1994. С. 41—54. Рис. 1 (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 11337); рис. 2 (Нью-Йорк, музей Метрополитен, инв. № 18.244).

Рис. 3. Геракл, удушающий льва. Фрагмент ткани. Египет. VIII—IX вв. Афины, музей Бенаки

Объединительным мотивом мужских персонажей на афинской ткани, на мой взгляд, была присущая им любовная страсть.

Рассматривая коптскую ткань с образом Диогена, нельзя не обратить внимания на другой коптский памятник, но уже литературный, в котором фигурирует все тот же Диоген. Речь идет о пергаменном кодексе X—XI вв., разрозненные листы которого хранятся в собраниях Каира, Вены, Берлина. На одном из таких листов (из венского собрания — P. Vindob. K 944; размеры: 24,5×14 см) помещен текст, озаглавленный «Заметки о философах». Содержание его следующее:

«Философ Анахарсис сказал как-то о винной лозе: „Она обыкновенно приносит три грозди. Первая — благополучие, вторая — желание, третья — позор".

Философ Диоген увидел парня, стоявшего с девушкой. Тут он сказал: „Посмотри, вот огонь, который стремится к другому огню".

Философ Диоген увидел девушку, которую учили писать. И сказал он: „Взгляните, вот меч, который оттачивают".

Философ Диоген увидел глупца, сидящего на камне. И сказал он: „Взгляните, вон там один камень сидит на другом".

Однажды некто спросил философа Диогена: „Что острее ножа?". Философ ответил: „Человеческое вероломство".

Философ Диоген увидел однажды женщину, которую несли в паланкине. И сказал он: „Мала клетка, да большой зверь в ней"».[25]

Этот литературный памятник примечателен тем, что он свидетельствует об интересе египтян, живших на рубеже тысячелетий, к творчеству древнегреческих философов, в том числе и к Диогену. Он же подтверждает издавна существовавший и широко распространенный в Египте и соседних странах неизбывный интерес к афоризмам — кладезю многовекового житейского опыта. И цари, и простолюдины собирали подобного рода произведения.[26]

Примечательно, что коптские ткачи донесли до нас не только образы представителей культуры и истории древности: баснописца Эзопа со своим хозяином философом Ксанфом,[27] персидского царя Кира Великого,[28] поэта Арата из Сол,[29] Александра Македонского,[30] — но и людей нашей эры: апостола и евангелиста святого Марка,[31] равноапостольной

---

[25] *Till W.* Griechische Philosophien bei den Kopten // Mélanges Maspero II. Orient grec, romain et byzantin. Le Caire, 1934. I fasc. P. 165—175.

[26] Моренц усмотрел влияние рассказа Плутарха и Диогена Лаэртского о встрече Александра Македонского с Диогеном в изложенном в «Изречениях египетских отцов» («Apophthegmata patrum Aegyptiorum») эпизоде беседы в Константинополе императора Феодосия с неким монахом египтянином (*Morenz S.* Ein koptischer Diogens. Griechicher Novellenstoff in ägyptischer Mönchserzählung // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1941. Bd 77. H. 1. S. 52—54. См. реплику на эту работу: *Doresse J.* A propos d'un apophthegme copte: Diogcne et les moines égyptiens // Revue de l'histoire des religions. 1944. T. 128. P. 84—89).

[27] *Donadoni S.* Stoffe decorate da Antinoe // Scritti dedicati alla memoria di Ippolito Rosellini nel primo centenario della morte (4 giugno 1943). Firenze, 1945. P. 128—129. No cat. 49. Tav. XXII, 20; *Del Francia L.* Tissus coptes d'Antimoé à Florence // Rivista degli studi orientali (1984). 1987. Vol. 58. Fasc. 1—4. P. 66—67. Pl. V, fig. 7.

[28] *Каковкин А. Я.* 1) О главном персонаже на «сасанидо-коптских» тканях-двойниках из Антинои // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А. В. Банк: Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 21—25; 2) Изображение персидского царя на коптских тканях // ПКНО: Ежегодник 2003. М., 2004. С. 532—537.

[29] Benaki Museum. A short guide. Athens, 1959. P. 25 (il.), 34; *Αποστολακι Α.* Εικών του Αράτου επί υφάσματοσ. Αθηνου, 1938; *Каковкин А. Я.* Уникальная коптская ткань IV в. из музея Бенаки (инв. № 7147) в Афинах // ПКНО: Ежегодник. М. (в печати).

[30] *Berliner R.* Horseman in tapestry roundels found in Egypt // Textile Museum Joumal. 1963. Vol. 1. No 2. P. 39—54; *Shepherd D.* Alexander — the victorious emperor // Bulletin of the Cleveland Museum of Art. 1971. No 58. P. 245—250.

[31] *Delivorrias A.* Guide the Benaki Museum. P. 95; *Каковкин А. Я.* 1) Образ святого апостола и евангелиста Марка в коптском искусстве // Государственный Эрмитаж. Копты: религия, культура, искусство: Тезисы докладов участников научной конференции, посвященной памяти В. Г. Бока (1850—1899). СПб., 1999. С. 20—23; 2) Житийные сцены святого апостола и евангелиста Марка на костяных пластинах «группы Градо» // Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура»: Тезисы докладов участников VII коллоквиума. 8—14 апреля 1999 г. СПб., 2000. С. 43—45.

святой первомученицы Феклы,[32] духовного покровителя Антинополиса (Антиноэ), священномученика Коллуфа[33] и др.[34]

[32] *Каковкин А. Я.* 1) Образ святой Феклы в коптском искусстве // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга: Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 48—51; 2) Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи «часовни Исхода» в эль-Багавте // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 226—231.

[33] Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture. Exhibition: Catalogue. London, l994. P. 80. No 72.

[34] Естественно, что большинство персонажей, воплощенных ткачами (уже в силу специфического характера этого ремесла и крохотных размеров изображений) не может претендовать на портретное сходство с первообразом (далеко не все они и сохранились до нашего времени), но некоторые из них несомненно наделены индивидуальными чертами. Например, св. Коллуф (ум. 305 г.). См.: *Каковкин А. Я.* Почитание святого мученика Коллуфа в долине Нила // Культурное наследие Египта и Христианский Восток (Материалы международных научных конференций). М., 2002. С. 129—134.

О. В. ОШАРИНА

ОБРАЗ СВ. ДАНИИЛА ВО РВУ ЛЬВИНОМ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Изображение пророка Даниила во рву львином — один из самых распространенных библейских сюжетов в коптском искусстве. Столь долгая жизнь этого образа была обусловлена многими причинами. Впервые он упоминается в молитве Апостольских постановлений, где этот образ ассоциировался с христианским Воскресением. Именно в таком аспекте этот сюжет трактуется в живописи катакомб, откуда его и заимствует ранневизантийское искусство. Свой новый расцвет эта композиция получила в период развитого средневековья как сцена торжества христианской веры.

Даниил прожил долгую и праведную жизнь в неустанных молитвах об освобождении и спасении своего народа. Он происходил из царского рода и еще в юности был увезен в вавилонский плен. Однажды во время молитвы Даниилу было дано откровение о царстве Сына Человеческого и времени его прихода. Самое важное в Книге пророка Даниила — это учение о воскрешении из мертвых. Вся последующая апокалиптическая литература так или иначе черпала из нее образы и идеи. Как это ни покажется удивительным, христианское искусство обращается не к видениям пророка Даниила, столь важным для любого верующего, а лишь к одному эпизоду из его жизни — чудесному спасению во рву львином. Согласно Книге пророка, Даниил был брошен в ров с семью львами, однако это тот редкий случай, когда раннехристианское искусство не точно следует источнику, а изображает святого в виде оранта между двумя львами, создавая емкую формулу, выражающую идею моления. В Книге пророка Даниила этой идее уделяется значительное внимание. Пророк молился три раза в день, преклонив колени в светлой горнице, воздавая хвалу Богу (9:6). Во время молитвы Бог сообщает ему величайшие откровения; именно за приношение молитвы своему Богу Даниил был брошен в ров со львами. Он был услышан и спасен только благодаря своей вере, обратившись к Богу с пламенной молитвой (Дан. 6:22). Молитва Даниила — проявление безграничной веры в Бога, вера в то,

© О. В. Ошарина, 2007

что без Бога ничто не могло бы существовать, поэтому не властны над Даниилом ни львы, ни смерть. Композиция «Даниил во рву львином» выражает идею победы Христа над злом силой молитвы.

Еще во II в. н. э. римский историк Иосиф Флавий так писал о пророке Даниилe: «Бог ниспослал благодатью и воззвал на верх славы величайшего из пророков, который при жизни снискал любовь царей и уважение народа, а по смерти — бессмертную славу».[1] Пророк Иезекииль говорит, что только три человека — Ной, Иов и Даниил — спасутся праведностью (Иез. 14:14). К нему присоединяется Климент Римский, приводя историю пророка Даниила и трех отроков как пример возвышения праведников.[2] Ипполит Римский, так же как и Апостольские постановления, рассматривает образ Даниила в контексте христианского Воскресения.[3] Триумф Христа и победу его над врагами видит в этом сюжете Ориген.[4] Об идее моления, выраженной здесь, говорит Ипполит.[5] В первые века христианства постоянно подчеркивается необходимость проведения молитвы, о чем пишет и апостол Павел (Рим. 12:12).

17 декабря, день памяти пророка Даниила, совпадает с днем поминовения трех вавилонских отроков. Во время литургии в этот день читается отрывок из Послания к евреям (Евр. 11:33), где оба события рассматриваются в контексте христианского Воскресения. Отметим, что день памяти пророка приходится на предрождественскую неделю, представляя Даниила ветхозаветным прообразом Христа. Действительно, история Даниила имеет необыкновенное сходство с Распятием и Воскресением самого Спасителя. Это и обстоятельства обвинения, и погребения Христа: подобно тому как его погребение было заложено камнем, так ров, в который был брошен пророк, был опечатан царской печатью. Армянский историк X в. сравнивает нахождение Даниила во рву львином с погребением в мартириуме.[6] Выйдя из львиного рва невредимым, Даниил будто воскрес, подобно Христу, узнав об указе царя поклоняться Богу Даниила. Образ Даниила сводится к минимуму деталей, создавая геральдическую формулу спасения: как был спасен Даниил, так будем спасены и мы.

О смерти и погребении пророка Даниила сложилось несколько легенд: Вавилон, Экбатана и Сузы оспаривали друг у друга место его погребения. Гробница святого служила предметом благоговейного почитания не только христианами, но и мусульманами. Мощи св. Даниила, помещенные в медную раку, находились в царском казнохранилище в

[1] Цит. по: Новый библейский комментарий. Ветхий Завет. СПб., 2000. Ч. 2. С. 178.
[2] PL. T. 45. Col. 6.
[3] Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1897. Bd. 1. Col. 176; *Funk F. X.* Didascalia et Constitut. Apost. I. Raderborn, 1905. Bd 1. S. 255.
[4] Die griechischen christlichen Schriftsteller... Bd 2. Col. 1501.
[5] Ibid. Bd 1. Col. 176.
[6] *Мнацакян С.* Рельефные изображения и символика Даниила в мемориальной пластике Армении раннего Средневековья // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1977. № 6. С. 63.
[7] *Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 183.

Сузах. Есть свидетельства с просьбой к персидскому шаху о выдаче реликвии пророка христианам.[7]

Самое раннее по времени изображение сюжета «Даниил во рву львином» появляется в живописи катакомб еще в I в. Согласно А. Леклерку, ко II в. относятся два образа пророка, 9 сцен приходятся на III в., остальные 27 встречаются в IV в.[8] В этих росписях пророк представлен в виде молодого обнаженного юноши в позе оранта с двумя львами по сторонам. Легкая, полная изящества фигура Даниила с удлиненными пропорциями представляет собой типичный образец эллинистического искусства. Львы изображаются в симметричных позах, по сторонам от пророка, с обращенными к нему головами анфас, как в положении сидя, так и стоя. Напомним, что в позднеантичном искусстве лев был символом смерти, стражем могил умерших. Под влиянием искусства Востока зооморфные мотивы получают в этот период новое декоративное звучание. Особенно популярными сценами становятся изображения борьбы со львом известных героев: Геракла, Самсона и Давида. Несомненно, использование древней семантики льва как символа Воскресения — согласно Физиологу,[9] а также неусыпного стража, спящего с открытыми глазами, связывает его с пророческим даром Даниила. В этот период изображения льва как грозного стража встречаются на рельефах храмовых врат, дверях, шелковых завесах, разнообразных предметах торевтики, особенно чашах, курильницах и медальонах, служивших апотропеями. Важно отметить, что уже тогда на одной из живописных композиций Даниил представлен среди изображений львов, оленей и козлов, вероятно, символизирующих собой христианский рай. Изображения Даниила встречаются и на других памятниках монументального искусства — мозаиках. Много мозаичных фрагментов с этим сюжетом было найдено в римских катакомбах, а также на побережье Северной Африки, в Тунисе и Алжире. Так, мозаика с композицией Даниила украшает полы погребальной часовни в Хеншир ал Мсаадин. Из Северной Африки происходит костяной гребень, на котором Даниил изображен в шароварах, короткой фестончатой тунике и с фигурой огромного льва, лежащего у его ног. Стеклянные сосуды с узорами, вырезанными из золотой фольги, часто украшают библейскими сюжетами, и в частности «Даниил во рву львином». Одним из известных центров изготовления этих сосудов считалась Александрия. На сосуде из Кельна Даниил, так же как и Добрый Пастырь, одет в короткую широкую тунику. С момента своего появления в раннехристианском искусстве изображения св. Даниила и Доброго Пастыря были тесно связаны между собой. Это сходство прослеживается не только в формальном плане — одежде и прическе, но и в символическом. Скульптурные изображения Доброго Пастыря и Даниила использовались как поддержка алтарных столов, представляя собой символы Спасения и Воскресения.[10] О скульптурной группе для

[8] *Leclerq H.* Dictionnaire d'archeologie chretienne. Paris, 1910. Vol. 3. P. 2. Col. 224.
[9] Физиолог. СПб., 1996. С. 12.
[10] *Grabar A.* Sculptures Byzantines de Constantinople (IV—X siecle). Paris, 1963. P. l8.
[11] Die griechischen christlichen Schriftsteller... Bd 1. Col. 98.

украшения фонтана, в которую входили статуи св. Даниила и Доброго Пастыря, сообщает Евсевий.[11] На погребальной плите, опубликованной С. А. Уваровым, представлены три символических изображения: Пастырь с агнцем на плечах, Адам и Ева у древа и Даниил во рву львином.[12] Представленная здесь латинская надпись «vivas in aeterno» воспринимается как обещание вечной жизни. Изображение объясняет, что подобно тому, как Даниил был спасен Богом ото львов, так Христос спасает погребенного здесь от смерти. На Востоке, в Сирии, изображение Даниила во рву львином представляло собой своеобразную параллель Распятию.[13] Палестинская традиция в данном случае выявляла связь со страстными событиями жизни Христа, подчеркивая прообразовательный смысл ветхозаветного события: пророк являл будущие страсти Христовы.

К середине III в. изображения Даниила появляются и на саркофагах, представляя собой символ Воскресения, демонстрируя следующие иконографические типы: обнаженный, в короткой тунике, например на саркофаге из Арли — в длинной тунике, с бородой — на саркофаге Юния Басса.[14] О саркофаге из Брешии стоит упомянуть отдельно. Сверху, над головами Даниила и Аввакума, представлено изображение семи звезд, символа божественного свода и руки Вседержителя. Уже в раннее время изображения со св. Даниилом показывают его сопричастность картине рая. Рассмотренные памятники раннехристианского времени с изображением сцены «Даниил во рву львином» относятся к предметам погребального культа, представляя собой символику Воскресения.

Известен целый ряд медальонов и гемм II—IV вв. с этим сюжетом из самых разнообразных материалов: золота, серебра, бронзы, полудрагоценных камней и стекла, происходящих не только из различных регионов империи, но и с Ближнего Востока, на что указывают, например, изображения солнца и звезд. Вероятно, в Малой Азии был изготовлен стеатит, на одной стороне которого представлено погрудное изображение Даниила, а на обороте — св. Марины, культ которой был в раннее время распространен в Антиохии, а после VIII в. появился и на Западе.[15] Христианская мученица св. Марина, подвергшаяся пыткам за свою безграничную веру во времена императора Диоклетиана, так же как и пророк Даниил, была исцелена чудесным образом: ее смертельные раны затянулись за одну ночь. О неколебимой вере Даниила упоминается и в Новом Завете: «...заграждали уста львов, угашали силу огня...» (Евр. 11:33).

В сасанидской глиптике выделяется группа гемм, возникших в среде несториан, в частности со сценой «Даниил во рву львином». Эти изображения представляют собой реминисценции на тему сказаний о Гильгамеше и единоборстве героя со львом. Львы изображались здесь в вертикальном положении, стоящими на двух лапах, иногда вниз головами или припавшими головами к его ногам.

[12] *Уваров А. С.* Христианская символика. СПб., 2000. С. 227.

[13] *Залеская В. Н.* Бронзовые медальоны из могильника у села Лучистое // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 42.

[14] Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century: Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November. 1978. P. N 386.

[15] *Dalton O. M.* Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, 1901. P. 19. N 117.

По-видимому, богатые местные традиции в изображении этого сюжета стали одной из причин появления в V—VII вв. большого количества украшений, фибул, браслетов, гривен, предметов туалета, принадлежавших варварским дружинникам, готам. Во время войны с Ираном в начале VI в. Византия вводит в Месопотамию свои войска, большая часть которых состояла из варваров-наемников. Согласно сирийской хронике Иешу Стилита, местное население называет их готами.[16] Большинство этих изображений исполнено достаточной схематично. Они подразделяются на два типа. В первом Даниил представлен в длинном хитоне, со львами, головы которых находятся у его ног. Во втором львы стоят на задних лапах по обе стороны от пророка. Обе иконографии своими корнями уходят в древнюю культуру Ближнего Востока. «К стандартной для сасанидской глиптики еще древневосточной композиции (царь или герой сражается с вздыбившимся львом), — отмечал В. Г. Луконин, — достаточно было прибавить второго льва»,[17] и получалась известная симметричная композиция. Можно сделать предположение о существовании мастерских, которые, с одной стороны, учитывали христианские верования наемников, с другой — использовали свой богатый художественный опыт.

Также на Востоке, вероятно в Палестине, был изготовлен золотой медальон VI в., опубликованный В. Фольбахом. Пророк Даниил с бородой, одетый в короткую тунику, складки плаща собраны на груди. У него длинные вьющиеся волосы и на голове небольшая шапочка. Львы, сидя у его ног, повернули к нему свои головы. Над головами сидящих львов находятся небольшие точки, обозначающие звезды, изображения которых отчетливо видны на ткани из Дюссельдорфа,[18] вероятно сирийского происхождения. В. Фольбахом было высказано предположение о существовании образца настенной живописи, послужившего прототипом для создания берлинского медальона.[19] С ним не соглашается Г. Маджеска, считая, что иконография медальона слишком хорошо разработана для того, чтобы представлять собой копию монументального искусства.[20] Однако все авторы отмечают сходство берлинского медальона с паломническими евлогиями из Палестины. Иконография св. Даниила, несомненно, как самая ранняя оказала влияние на формирование образов святых, происходящих из восточных провинций. Для христиан византийского мира Вавилон, страна, где в плену находился св. Даниил, представлялась далекой восточной державой. В это время Восток для

[16] *Пигулевская Н. В.* Месопотамия. Л., 1960. С. 58.

[17] *Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963. Табл. VI. № 188 и 189.

[18] *Falke O.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913. Bd 1. S. 41. Abb. 54.

[19] *Volbach W.* Zwei frühchristliche Goldmedaillons // Berliner Museen. Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen. 1922. Jahrgang XLIII. S. 83.

[20] *Majeska G.* A Medallion of the Prophet Daniel in the Dumbarton Oaks Collection // Dumbarton Oaks Papers. 1974. 28. P. 362.

Рис. 1. Ткань с изображением «Даниил во рву львином».
Шерсть. VI—VII вв. Государственный Эрмитаж (№ 13127)

византийцев ассоциировался с могущественной Персидской империей, поэтому мастер одевает пророка в персидскую одежду, которую, по его мнению, носили также и в Вавилоне.

Большинство памятников с изображением св. Даниила, происходящих с Востока, представлено на фоне разнообразных архитектурных композиций. Чередующимися изображениями небольших культовых построек[21] заполнены верхняя и нижняя каймы одной из позднеантичных тканей, выполненной в технике набойки резервом. В центре представлена фигура Даниила в виде молодого юноши с эллинистическими чертами лица, во фригийской шапочке, с вьющимися волосами, на фоне архитектурных деталей с завесой. По сторонам два сидящих льва, повернувших к пророку свои головы с раскрытой пастью, грива исполнена в виде закрученных спиралей. Композиция на ткани полностью соответствует миниатюре рукописи Козьмы Индикоплова, исполненной им в Александрии в VI в. и дошедшей до нас благодаря ватиканской копии IX в.[22] Наблюдаются и различия: на ткани — тип лица скорее восточный, с заостренным подбородком и дугообразными бровями, с пышной шапкой волос и фригийской шапочкой, в то время как на миниатюре — типичном образце позднеантичного искусства — изображен человек с подбородком овальной формы, с волнистыми волосами, украшенными короной. Наконец, если на миниатюре плащ скреплен фибулой на груди, то на ткани округлые складки плаща уложены, следуя сирийской моде того времени.

[21] *Strzygowski J.* Orient oder Rom. Leipzig, 1901. S. 91. Pl. IV.

[22] *Редин Е. К.* Христианская Топография Козьмы Индикоплова. М., 1916. Ч. 1. С. 54. Рис. 32.

[23] *Effenberger A.* Koptische Kunst. Ägypten in spätantiker, byzantinischer und frühislamischer Zeit. Leipzig, 1975. Taf. 85.

Изображение Даниила на коптской ткани по стилю и иконографии соответствует деревянному гребню V в. из Ахмима.[23] Пророк представлен в виде оранта на фоне арки с колоннами. Он одет в короткий подпоясанный хитон так, что впереди заметен пояс, а складки плаща собраны на груди; на голове его — высокая шапка. Это одеяние напоминает одежду св. Мины на мраморной плите, вероятно сирийского происхождения. Распространение этого сюжета прослеживается и в тканях мастерских не столь высокого уровня. Также из Ахмима происходит тканый медальон, на котором Даниил изображен в позе моления, преклонив колени.[24] Другой образец текстиля был куплен в Египте хранителем Эрмитажа В. Г. Боком. Оба медальона, относящиеся к VI—VII вв.,[25] были вытканы нитями яркого цвета, придающими всему изображению несколько условный характер.

Рассмотренные памятники показывают особую популярность этого сюжета в Ахмиме, что, возможно, связано со значительным влиянием Сирии на этот центр.

Сходство деревянного гребня из Ахмима прослеживается и с пиксидой слоновой кости из собрания Дамбартон Оукс в Вашингтоне,[26] также, вероятно, изготовленной на территории Сирии. Известные исследователи византийского прикладного искусства В. Фольбах, М. Росс, Г. Викан и другие выделяют среди изделий из слоновой кости несколько групп, в частности: александрийскую, сиро-палестинскую, константинопольскую. К сожалению, точные данные для их локализации отсутствуют. Даниил одет в короткую подпоясанную тунику с длинными рукавами, его вьющиеся волосы украшает фригийская шапочка. Даниил с высоко поднятыми вверх руками и двумя сидящими львами, повернувшими к нему свои головы округлой формы, изображен на фоне двух колонн. Края хитона неровные, они соответствуют экземпляру из музея г. Трира, на котором Даниил изображен на фоне арки.[27] На третьей пиксиде из собрания Британского музея, возможно североафриканского происхождения, Даниил стоит под балдахином между двух колонн.[28] Его одежду дополняет нагрудная фибула, края короткого хитона прямые. Для уточнения вопроса об иконографии одеяния Даниила приведем в качестве примера икону VI в. с изображением «Трех отроков» из монастыря св. Екатерины. Здесь мы видим все элементы одежды, характерные для рассматриваемых пиксид. Центральная фигура изображена в хитоне с прямым обрезом, соответствуя сирийской моде, в то время как юноши по сторонам от нее одеты в хитоны с фестончатыми краями, согласно сасанидской традиции. Отдельные элементы одежды свидетельствуют о существовании по крайней мере двух различных типов иконографии. По-видимому, с типом месопотамского происхождения связа-

[24] *Forrer H.* Altertums von Achmim. Leipzig, 1898. Taf. XV. 4.

[25] *Быстрикова М. Г.* Коптская ткань VI—VII века // СГЭ. 1971. № 32. С. 44—46.

[26] Age of Spirituality. P. 469. N 421.

[27] *Volbach W.* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters. Mainz, 1976. S. 105. Taf. 82. N 162.

[28] Age of Spirituality. P. 485. N 436.

ны две великолепные шелковые ткани из сокровищницы собора в Сансе и монастыря Св. Вальбурга в Эйхштедте. С момента первой публикации этих тканей у исследователей возникли значительные расхождения в датировке и определении их сюжета. Так, Ш. Линас считал, что в этом изображении представлен варвар, брошенный в цирке на растерзание диким зверям, а на ткани из Санса — «мученик на арене амфитеатра».[29] А. Монтеглон,[30] а вслед за ним и К. Насрала[31] и К. Вессель[32] видели в этой сцене древнеассирийский мотив единоборства царя со львом. По мнению Я. И. Смирнова, обе эти композиции представляют собой изображение Даниила во рву львином, возможно месопотамского происхождения.[33] Несомненно, что так называемый саван св. Виктора имеет некоторые особенности, присущие искусству сасанидского Ирана: одежды в виде рубашки с длинными рукавами и характерным фестончатым завершением, прическа с длинными вьющимися локонами, наконец, передача изображения львов — раскраска львиных тел цветными пятнами и подчеркивание их мускулатуры и суставов. По мнению некоторых исследователей, ткань из Санса относится к X в. и, вероятно, была изготовлена на территории Испании.[34]

Важную роль в выявлении сирийского типа композиции «Св. Даниил» играет григоровское серебряное блюдо X в. из собрания Эрмитажа. Как показали Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов,[35] в основе композиции

Рис. 2. Фрагмент рельефа со сценой «Даниил во рву львином». Известняк. V в. Государственный Эрмитаж (№ 11151)

[29] Цит. по: *Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. СПб., 1899. С. 40.

[30] *Monteglon A. de.* Le tissue // Gazette des Beaux Arts. 1880. T. 21. P. 246.

[31] *Nasralah K.* Bas-relief-chretiens inconnus de Syria // Syria. 1961. T. 38. Pl. III. P. 50—51.

[32] *Wessel K.* Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1963. S. 1118.

[33] *Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* Серебряное сирийское блюдо... С. 40.

[34] *Falke O.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913. S. 95. Abb. 129.

[35] *Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И.* Серебряное сирийское блюдо... С. 21; *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области. М., 1976. С. 28.

лежит сиро-палестинская иконография VI—VII вв. В отдельных элементах сказалось влияние позднесасанидской торевтики. Даниил одет в длинное одеяние, он держит руки перед грудью ладонями наружу. Аналогичный жест рук, означающий «согласие» или «принятие», можно встретить у Богоматери в сцене «Благовещение», а также на синайской иконе VI в. с изображением трех отроков в пещи огненной.

В монументальной живописи сохранилось совсем незначительное количество росписей с изображением Даниила во рву львином. В качестве примера можно привести довольно схематичные росписи из Бауита и Сохага[36] в Египте, в которых легко читается поза оранта, выражающая идею моления. Однако значительное распространение этот сюжет получает на памятниках прикладного искусства и мелкой пластики, в первую очередь погребального назначения: саркофагах и надгробиях.

Фрагмент рельефа из известняка «Даниил во рву львином» V в., хранящийся в собрании Эрмитажа, несомненно был изготовлен в Египте. Это подтверждает и розовая обмазка рельефа, восходящая к традициям египетских мастеров. Сохранились только ступни пророка и фигурки львов, лежащих у его ног. Головы львов округлой формы с гривой в виде завитков даны анфас, следуя, на наш взгляд, эллинистическому образцу. Размеры животных непропорционально малы по сравнению с размером ступней св. Даниила. С левой стороны рельефа сохранилась львиная лапа довольно значительного размера с тремя когтями, что позволяет сделать предположение о существовании двух пар симметрично расположенных львов: по сторонам пророка и у его ног.

Сравнивая раннехристианский саркофаг экзарха Исаака из Сан-Витале с фронтоном ниши из музея Брюсселя,[37] в центре которой стоит фигура Даниила, можно проследить преемственность в передаче не только композиции в целом, но и ее отдельных элементов: изображения павлинов, финиковых пальм, виноградной лозы, представляющих собой символы христианского рая. Сама форма ниши с виноградными побегами и пальмовыми листьями, несколько приземистые пропорции пророка Даниила, исполнение перьев хвоста павлина подобно елочке с глазками позволяют, по нашему мнению, отнести рельеф к искусству коптского Египта.

Напоминанием о Царствии Небесном часто служили рельефы, украшающие капители колонн с изображениями павлинов, орлов, корзин с хлебами и плодами, символизирующих собой тему христианского рая. На рисунке Я. И. Смирнова, выполненном им в Малой Азии, видны капители колонн с композицией «Даниил во рву львином» с фигурками различных зверей и финиковых пальм.

Также из Нижнего Египта из монастырского комплекса Бауит происходит деревянный рельеф консоли балки с изображением Даниила в персидской одежде на фоне арки с раковиной.[38] Символика арки с раковиной как залога спасения согласуется с главной темой изображения. Особенно наглядно эту функцию демонстрирует в более позднее время

[36] *Gruneisen W. de.* Les Characteristiques de l'Art Copte. Rome, 1921. Pl. XLI. 2.

[37] *Rossart-Debergh M.* Musees Royaux d'art et histoire. Bruxelles. 1976. P. 21.

[38] *Effenberger A.* Koptische Kunst... Abb. 45.

композиция «Даниил во рву львином» на боковых алтарных дверях древнерусских и сербских церквей, напоминая о символике самой двери как о входе в Царствие Небесное.

На сирийском рельефе VII в. из Расм ал Канафез Даниил представлен с бородой, в длинном хитоне, с вьющимися волосами, украшенными диадемой или небольшой короной.[39] По сторонам от пророка — сидящие львы, над ними изображение двух павлинов, клюющих виноград, напоминающее о Царствии Небесном. Назначение этой плиты неизвестно. Однако представленные здесь изображения символизируют собой вечную жизнь и демонстрируют характерное для сирийского искусства соединение сцен Распятия и Воскресения.

Самая ранняя из известных нам асимметрично расположенных композиций со львами встречается на известняковой плите из Коптского музея в Каире.[40] Даниил, в короткой тунике, представлен в центре. Кажется, что лев слева от пророка бросается на него, чтобы разорвать, в то время как правый демонстрирует полное смирение.

На другой плите, хранящейся в археологическом музее Стамбула, VIII в., композиция со львами также дана асимметрично: левый опустил голову к ногам пророка, правый смотрит анфас, подняв голову.[41] Сбоку, по вертикальной стороне рельефа — изображение Аввакума, которого ангел держит за волосы. Очевидно, что в качестве образца мастер копировал какую-то миниатюру, но из-за отсутствия места ему пришлось вписать фигуру Аввакума сбоку.

Наиболее ранние миниатюры с изображением св. Даниила представлены сирийскими несторианскими рукописями: рукопись Syr. 341 из Парижской Национальной библиотеки[42] VI в. и манускрипт 568 г. из библиотеки Лауренциано. Уже здесь образ Даниила выступает в виде двух типов: одетого в персидский костюм, в высокой шапке, в позе оранта и в необычно высоком головном уборе с поднятыми вверх пальцами. Изображение на миниатюре из великолепной рукописи «Слов» Григория Назианзина (Gr 510), исполненной в классицизирующем стиле, полностью соответствует рельефу[43] из Каира (см. примеч. 40). Рукопись, как известно, копирует известные образцы эллинистического времени. Лев слева стоит на фоне арки с занавесом. Поза пророка передается с ярко выраженным контрапостом: правая нога, свободная от веса тела, отведена в сторону. Эта же иконографическая композиция используется в Минологии Василия II[44] X в. и в Псалтири монастыря Пантократора конца XI в., относящихся к одной школе аристократических Псалтирей.[45] Изображение пророка представлено здесь дважды, что является характерной чертой минологиев. На одном листе миниатюры Даниил изображен в центре композиции в виде молодого человека с короной на голове на фоне горных уступов; лев слева полон смирения, склонив голову к ногам пророка, лев справа, подняв голову, смотрит на Даниила. Изменяется стиль миниатюр: вместо ярко выраженного контрапоста — невесомость и бесплотность фигуры св. Даниила в Минологии Василия II.

Именно живопись миниатюр позволяет нам выявить еще одно символическое значение, которое получает этот сюжет к IX в. Три псалтири IX в., две из которых также происходят из монастыря Пантократора на Афоне (Cod. 29 и Cod. 61), а третья, так называемая Хлудовская, — из ГИМ в Москве,[46] имеют композиции с изображением Даниила. На л. 64 Хлудовской Псалтири художник дает сцену видения пророка, состоящую из двух частей. Внизу слева молодой Даниил, одетый в персидский костюм, в высокой шапке, лежит на кровати. Справа на листе изображен пророк, но уже с бородой и седыми волосами; подняв руки вверх, он обращается с мольбой к Богоматери с младенцем Христом на коленях, которые находятся на горе Сион, согласно приведенному здесь тексту 67-го псалма. Подобно Давиду, завоевавшему крепость Сион, Христос своим сошествием во ад освободил души праведников, разрушил его силу и сделал его безвредным для благочестивого человека. Прообразовательный характер этого псалма позволяет рассматривать композицию с Даниилом как вариант «Сошествия Христа во ад».[47] Данное место в псалме представляет собой благодарственный гим Богу за помощь при завоевании Давидом неприступной крепости Сион.

Изображение «Даниил во рву львином» получило значительное распространение уже в раннее время как на Востоке, где оно выполняло функцию оберега или защитного амулета, так и на Западе, где с момента своего появления помещалось на памятниках погребального назначения и воспринималось христианами как символ Воскресения. В IV в. композиция «Даниил во рву львином» впервые появляется на фоне святилищ, что показывает ее широкое использование в искусстве паломников. Несмотря на большое иконографическое разнообразие типов св. Даниила, ясно прослеживаются два основных варианта, которые условно можно обозначить — эллинистический и сирийский. Александрийская школа эллинистического искусства имела свои характерные особенности.

В средневизантийский период в Египте сюжет «Даниил во рву львином» встречается в основном на памятниках погребального назначения, символизируя собой христианское Воскресение, в то время как в центральной империи изображения св. Даниила чаще связаны с предметами личного благочестия, выполняя функции апотропея, исцеления и изгнания зла.

---

39 *Nasralah K.* Bas-relief-chretiens inconnus de Syria. Pl. III. P. 50—51.

40 *Effenberger A.* Koptische Kunst... Taf. 85.

41 *Grabar A.* Sculptures Byzantines... Pl. XVII.

42 *Leroy J.* Les manuscripts syriaques a peintures conserves dans les bibliotheques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964. P. 406.

43 *Omont H.* Miniatures des plus anciens manuscripts Grecs de la bibliotheque Nationale du VI au XIV siecle. Paris, 1929. Pl. LVII.

44 *Dalton O. M.* Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911. Fig. 286.

45 *Weitzmann K.* Illustrations in Roll and Codex: A Study of the Origin and Method of Text Illustration. Princeton, 1948. P. 80. Abb. 86.

46 *Щеглова О. М.* Миниатюры Хлудовской Псалтири. М., 1989. № 64.

47 Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1907. Т. 4. С. 263.

Е. В. СТЕПАНОВА

ПЕЧАТИ ТАБУЛЯРИЕВ

Одно из главных направлений научных исследований И. П. Медведева связано с рассмотрением истории частноправового акта в Византии.[1] Основывая свои выводы на разного рода письменных источниках, автор упоминает ряд печатей табуляриев (их еще называли tabellioni, συμβολαιογράφοι или νομικοι[2]), лиц, непосредственно занимавшихся составлением нотариальных актов. Следует особо подчеркнуть, что в Византии «табуляриев» следует отличать от «нотариев», многочисленных служащих государственных канцелярий, всевозможных секретарей, писцов-профессионалов.

В греческих документах слово «табулярий» появилось во II в. н. э. для обозначения лиц, имеющих дело с денежными документами. В IV—VI вв. табуляриями, или нумерариями, именовались также финансово-счетные чиновники при пресидах провинций.[3] При Юстиниане I (527—565) был издан ряд законов, «которые послужили основой всего византийского законодательства о нотариате и частном письменном акте».[4] Следует согласиться с предположением Дж. Нэсбитта и Н. Икономидиса, что после принятия законодательства Юстиниана из нескольких значений термина «табулярий» — финансовый чиновник, писец или нотарий (tabello) — за ним осталось только последнее значение.[5]

Позже, в средневизантийский период, табулярии продолжали оставаться частными лицами, свободными ремесленниками, «которые, не будучи на государственной службе, но получив от государства концессию, занимались в виде промысла составлением юридических актов и судебных бумаг (под контролем государства) для всякого нуждающегося в них за установленное законом вознаграждение».[6] Табулярии были объединены в корпорацию, сведения о которой содержатся в «Книге эпарха» X в.[7] Вместе с тем исследователи констатируют постепенно возраставшую роль клириков в составлении нотариальных актов, что в полной мере проявилось в последние века существования Византийской империи, от которых сохранилось наибольшее количество частных актов.

По всей видимости, согласно юридической практике Византии, табулярии не должны были прикладывать печать к оформляемым ими документам. И действительно, в разных сфрагистических коллекциях сохранилось ничтожно малое количество моливдовулов, заказчиками которых выступают табулярии.

1. Два моливдовула, разных пар матриц, из коллекции Государственного Эрмитажа (М-7769 и М-7746) принадлежат Фоме[8] и датируются второй половиной VI—VII в. (рис. 1—2). На лицевой стороне печатей дано весьма

л. с. о. с.

Рис. 1. Печать Фомы, табулярия.
Вторая половина VI—VII в. Государственный Эрмитаж (М-7769)

л. с. о. с.

Рис. 2. Печать Фомы, табулярия.
Вторая половина VI—VII в. Государственный Эрмитаж (М-7746)

[1] *Медведев И. П.* 1) Очерки византийской дипломатики. Л., 1988; 2) Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

[2] И. П. Медведев, вслед за К. Цахариэ фон Лингенталем, считает, что табулярии и номики составляли отдельные категории нотариев, различных не по принципу разделения компетенций, а по территориальному принципу.

[3] Византийская книга эпарха / Вступ. статья, перевод, коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 107.

[4] *Медведев И. П.* Очерки... С. 101.

[5] Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 3. West, Northwest and Central Asia Minor and the Orient / Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1996. P. 87.

[6] *Медведев И. П.* 1) Очерки... С. 122; 2) Правовая культура... С. 255—258.

[7] Византийская книга эпарха. С. 45—50.

[8] Из коллекции Н. П. Лихачева. Ранее не публиковались.

© Е. В. Степанова, 2007

ñõåìàòè÷åñêîå èçîáðàæåíèå îðëà ñ êðûëüÿìè, ïîäíÿòûìè ââåðõ. Ìåæäó íèìè ïîìåùåíà êðåñòîîáðàçíàÿ ìîíîãðàììà, ñàì òèï êîòîðîé õàðàêòåðåí äëÿ ìîëèâäîâóëîâ íà÷èíàÿ ñ ñåðåäèíû VI â. Ìîíîãðàììà ðàñøèôðîâûâàåòñÿ êàê Φωμᾶ.

На обороте надпись в три строки +TA|BȣΛA|PIȣ.

Φωμᾶ ταβ(ου)λαρί(ου). Фомы, табулярия.

2. Среди печатей табуляриев лишь одна имеет латинские легенды (М-7811, рис. 3). Она принадлежит Стефану и датируется VI—VII вв.[9] В неопубликованном каталоге Н. П. Лихачева[10] отмечено, что «происхождение печати не установлено, вероятно, Константинополь». Однако в его картотеке имеется пометка другого содержания: «итало-греческая».

На лицевой стороне моливдовула помещена латинская надпись в 3 строки:

*V*TE|FA|nu.

На обороте также дана латинская легенда в 3 строки:

TAB|uLA|RIu.

Stefanu tabulariu. Стефана, табулярия.

Н. П. Лихачев прокомментировал графику легенд следующим образом: «Шрифт двух сторон неодинаковый и смешанный, отдельно стоит начертание буквы „S”, интересно разное начертание „A” с одной и другой стороны, показывающее на искусственный, как бы, подбор шрифтов». Однако в этом случае речь, скорее всего, идет о вольном использовании разных типов письма, употреблявшихся в Италии в это время.

3. Ко второй половине VI—VII в. относится печать Феодора (М-7657, рис. 4), который в легенде назван императорским табулярием.[11] На лицевой стороне представлена крестообразная монограмма имени: Θεοδώρου.

На обороте надпись в три строки:

л. с. о. с.

Рис. 3. Печать Стефана, табулярия.
VI—VII в. Государственный Эрмитаж (М-7811)

[9] Из коллекции Н. П. Лихачева; *Степанова Е. В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI—VIII вв. из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2006. № 44.

[10] *Лихачев Н. П.* О византийских печатях (ркп.) // АРАН, ф. 246, оп. 1, д. 157, табл. LXXXVIII, 11 (без датировки).

[11] *Schlumberger G.* Sigillographie de l’empire byzantin. Paris, 1884. P. 598; *Лихачев Н. П.* О византийских печатях. Табл. XCV, 23.

л. с. о. с.

Рис. 4. Печать Федора, императорского табулярия.
Вторая половина VI—VII в. Государственный Эрмитаж (М-7657)

BACI|ΛIK TA|BOYΛ

Θεοδώρου βασιλικ(οῦ) ταβουλ(αρίου). Феодора, императорского табулярия.

4. Печать Леонтия, ипата и императорского табулярия, датирована VII в.[12]

5. Печать Иоанна, табулярия Абидоса (VI/VII в.),[13] города, располагавшегося при входе в Геллеспонт.

6. Вероятно, к ранневизантийскому времени относится и печать Никифора, табулярия, на лицевой стороне которой помещено погрудное изображение Богоматери.[14]

7. Печать великого табулярия М-7508 второй половины VII в. хранится в коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 5). На лицевой стороне изображена крестообразная инвокативная монограмма Θεοτόκε βοήθει. Имя заказчика печати, вероятно, включено в монограмму, хотя сохранность памятника и не позволяет утверждать это с полной уверенностью.[15]

На обороте четырехстрочная надпись:

+МЕГ|АΛОУТА|ВОУΛАР|IОУ.

Θεοτόκε βοήθει …μεγάλου ταβουλαρίου. Богородица помоги ...великого табулярия.

Обычно на печатях инвокативная монограмма (или надпись) лицевой стороны соединяется с легендой оборота, стоящей в дательном падеже. На данной печати в легенде использован родительный падеж, что характерно для второй половины VII в.

[12] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. 1, 1. No 914.

[13] Известно два экземпляра одной пары матриц, из коллекции Г. Закоса (ныне в собрании Дамбартон Оукса) и Афинского Нумизматического музея. Опубликованы: *Zacos G., Veglery A*. Byzantine Lead seals. Vol. 1, 3. No 2805 = Catalogue of Byzantine Seals... Vol. 3. No 40.36; *Konstantopoulos K. M.* Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν ’Αθήναις ’Εθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. Athens, 1917. No 554.

[14] *Konstantopoulos K. M.* Βυζαντιακὰ... No 554α.

[15] *Лихачев Н. П.* О византийских печатях. Табл. CV, 13.

л. с. о. с.

Рис. 5. Печать великого табулярия.
Вторая половина VII в. Государственный Эрмитаж (М-7508)

8. Печать Иоанна, табулярия, VII в., была найдена в Судаке (Крым) в составе византийского архива свинцовых печатей.[16]

9. Еще одна эрмитажная печать (М-704, рис. 6)[17] датируется VIII в. На лицевой стороне крестообразная инвокативная монограмма Θεοτόκε или Κύριε βοήθει и тетраграмма τῷ σῷ δούλῳ.

На обороте четырехстрочная надпись: ГЕW…|WΔIAKON|STABO.|API.

Θεοτόκε (или Κύριε) βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Γεω[ργί]ῳ διάκον(ῳ) (καὶ) ταβου[λ]αρί[ῳ]. Богородица (или Господи), помоги своему рабу Георгию, диакону и табулярию.

Вверху украшение в виде четырехконечного процветшего креста.

л. с. о. с.

Рис. 6. Печать Георгия, диакона и табулярия.
VIII в. Государственный Эрмитаж (М-704)

[16] *Stepanova E.* New seals from Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1999. Vol. 6. P. 50. No 3.

[17] Ранее не публиковалась. Из коллекции Русского археологического института в Константинополе.

10. Кроме свинцовых печатей табулярии употребляли и восковмастичные. В частной коллекции Дж. Манганаро (Сицилия) хранится уникальная печатка, выполненная в форме пирамидки, в основание которой впаяна матрица с зеркальной надписью в четыре строки: ПАГК|АЛЛОУ|ТАВОУЛ|АРIУ. Печатка датируется VII в. и происходит с территории Сицилии.[18]

От IX в. в настоящее время неизвестно ни одной печати табуляриев. Далее мы вновь имеем несколько примеров печатей, где встречается эта должность.

11. Печать Григория, императорского (?) табулярия, из собрания Государственного Эрмитажа (М-7404, рис. 7) была опубликована Г. Шлюмберже[19] и датирована им VIII или IX в. Позже с важными коррективами этот сфрагистический памятник был описан в каталоге Н. П. Лихачева «Материалы по описанию печатей VII—XIV вв.»,[20] так и не вышедшем в свет.

На лицевой стороне печати помещена крестообразная инвокативная монограмма Θεοτόκε или Κύριε βοήθει, в углах монограммы украшения в виде розеток и тетраграмма τῷ σῷ δούλῳ. Т. е. Богородица (или Господи) помоги своему рабу.

Г. Шлюмберже и Н. П. Лихачев по-разному читали надпись оборота. Г. Шлюмберже считал, что в надписи заключено: «ГРНГОРIW ВАС' ТАВОУЛА…», «Γρηγορίῳ βασ(ιλικῷ) ταβουλα[ρίῳ]», т. е. Григорию, императорскому табулярию. Н. П. Лихачев предполагал, что надпись за-

л. с. о. с.

Рис. 7. Печать Григория, императорского (?) табулярия.
X в. Государственный Эрмитаж (М-7404)

[18] *Manganaro G.* Sigilli graffiti su solidi nella Sicilia byzantina // Byzantino-Sicula. Miscellanea di scritti in memoria di Bruno Lavagnini. Palermo, 2000. P. T. 3. 204—205. Tav. XI.

[19] *Schlumberger G.* Sigillographie... P. 599.

[20] *Лихачев Н. П.* Материалы по описанию печатей VII—XIV вв. (ркп.) // АРАН, ф. 246, оп. 1, д. 160, табл. 13, 3.

вершается следующим образом: «В,А,ТАВОУΛАРІW», т. е. «β(ασιλικῷ) (πρωτο)ταβουλαρίῳ», хотя и оговаривался, что «мы не знаем протоархивистов». Печать автор склонен был датировать X в.

К сожалению, ни Г. Шлюмберже, ни Н. П. Лихачев не учитывали того обстоятельства, что на одной заготовке отпечатано два оттиска одной и той же печати под углом около 180° друг к другу и второй отпечаток частично перекрывает первый. Отчетливо видны имя заказчика моливдовула — Григорий и начальные буквы должности табулярия — ТАВ. Впереди этого слова остается достаточно места для эпитета «βασιλικὸς», данного в сокращении, но именно здесь расположены буквы другого оттиска, поэтому ответить на вопрос, был ли Григорий императорским табулярием, не представляется возможным. Несомненно, печать относится к более позднему времени, чем предполагал Г. Шлюмберже. Судя по некоторым эпиграфическим особенностям (открытая «В», мелкий шрифт легенды и монограммы), печать можно датировать X в.

12. Печать асикрита и табулярия Анастасия хранится в Отделе рукописей Британского музея[21] и относится к X в.

13. Печать Василия, анфипата патрикия, китонита, эконома Великой церкви и табулярия, В. Лоран датирует первой половиной XI в.[22]

14. Печать Василия Самуха, табулярия и кувуклисия, относится к XI—XII вв.[23]

Как мы видим, печати табуляриев действительно немногочисленны, особенно в сравнении со впечатляющим количеством печатей нотариев. Это свидетельствует о том, что, как и предполагает И. П. Медведев, табулярии ими, вероятно, не опечатывали документы. По всей видимости, этими моливдовулами пользовались или для скрепления частной корреспонденции, или при исполнении табулярием других должностей (например, Василий был не только табулярием, но и экономом Великой церкви).

Вероятно, ряд табуляриев, заказчиков печатей, не был связан с нотариальной деятельностью. Речь идет прежде всего о печатях императорских табуляриев: Феодора, ипата Леонтия, возможно Григория, а также асикрита Анастасия. Имеются данные о том, что такие ведомства, как военное, сакеллия, государственных имуществ, имели собственных табуляриев.[24] Рассматриваемые печати, по всей видимости, принадлежат чиновникам, состоявшим на государственной службе. Появление должности императорского табулярия — факт уже сам по себе интересный, поскольку в документах, в частности в рассмотренных И. П. Медведевым 1225 актах, подпись императорского табулярия встречается лишь один раз — на акте 1405 г., да и то при сомнительных обстоятельствах.[25] Таким образом, эти печати надежно свидетельствуют о том, что такая должность существовала по крайней мере уже в VII в. Что касается должности великого табулярия, то она вообще не фигурирует в документах и о ее значении остается только гадать.

Следует обратить внимание также на тот факт, что ряд сфрагистических памятников XI—XII вв. (это печати Василия, эконома Великой церкви, и Василия Самуха, кувуклисия), наряду с другими письменными источниками, подтверждает выводы исследователей истории византийского частноправового акта о том, что с течением времени церковный нотариат подменяет и вытесняет гражданский нотариат.[26] Начало этого процесса, судя по печати Георгия, диакона и табулярия, можно наблюдать уже в VIII в.

---

[21] *Gray Birch W. de*. Catalogue of seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. London, 1898. Vol. 5. No 17489 (автор неправильно датировал моливдовул VIII—IX вв.).

[22] *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin: L'Eglise. Paris, 1963. Vol. 5, 1. No 53.

[23] Ibid. No 214.

[24] Византийская книга эпарха. С. 122—123; *Медведев И. П.* Очерки... С. 119—120, примеч. 65.

[25] *Медведев И. П*. Очерки... С. 170.

[26] Там же. С. 125.

А. А. ЧЕКАЛОВА

ЗАПАД И ВОСТОК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Культурно-мировоззренческое противостояние между Востоком и Западом началось с самого начала существования Византийской империи и даже до ее возникновения, уходя своими корнями в глубокую древность. Достаточно четко это противостояние проявилось уже в 325 г. на Никейском соборе. Происходившие на соборе споры были по существу отражением западных и восточных тенденций внутри тогда еще единой церкви. Вместе с тем это была лишь одна из форм различий между Западом и Востоком, суть которых лежала значительно глубже, в самом различии цивилизаций.

Не пытаясь глобально решать эту многоаспектную проблему, мы хотели бы остановиться на том, как византийские авторы воспринимали Запад и Византию (восточную часть Римской империи) на понятийном уровне, когда в их представлении империя разделилась на западную и восточную, какие у них были приоритеты.

Обратимся к Аммиану Марцеллину. Грек по происхождению, выходец из столицы Востока, красавицы Антиохии,[1] Аммиан вместе с тем явно отдавал предпочтение Риму.[2] В его сочинении прославление Рима выливается в подлинный культ Вечного города, которому все народы поклоняются как владыке и царю. Риму как центру римской державы, по мнению историка, суждено жить, пока будет существовать человечество.[3] С представлением о Риме тесно связана и его убежденность в том, что империя должна оставаться неделимой и иметь одного властелина.[4]

В произведении Аммиана Марцеллина империя еще едина, а Восток — лишь составная часть ее. Понятие «западная часть империи» практически не встречается в его сочинении и вообще противоречит его представлению о государстве. Западная часть империи во главе с Римом — это и есть подлинная империя, а Восток – это особая ее область, приобретенная Римом.[5] Представление о том, что империя может быть разделена на разные части, которыми могли бы управлять разные государи, резко осуждается Аммианом. «Res publicam nec posse dividi nec debere», — говорит он устами Констанция в XIV книге своей «Res gestae».[6] Когда историк в своем повествовании доходит до дележа империи между Валентинианом и Валентом, он пишет: «Находившиеся в полном согласии между собой императоры <...> провели зиму на месте, а с началом весны прошли через Фракию и прибыли в Нэсс. Там в предместье Медиане <...> они, как бы собираясь немедленно расстаться, поделили между собой комитов. Валентиниан, которому принадлежал решающий голос, взял себе Иовина <...> и Дагалаифа <...> Следовать за Валентом на Восток назначен был Виктор, к нему был присоединен Аринфей. Люпицин, назначенный магистром конницы, должен был охранять восточные области. Тогда Эквиций, бывший в то время не магистром, но всего лишь комитом, получил командование иллирийской армией, а Серениан, вновь поступивший на службу, сопровождал Валента в звании командира схолы доместиков. Приняв такое решение относительно командиров, императоры поделили между собой и легионы».[7] Далее Аммиан говорит о разделении между императорами гражданских чиновников и придворных.

Иными словами, в представлении историка речь идет не о разделе империи, а всего лишь о разделе между императорами военных и чиновников, с помощью которых они осуществляли свою власть.[8] В его сознании никакого дележа империи нет и не может быть. Существует единый римский мир – orbis Romanus. Haec per orbem Romanum fatorum ordine contexto versante... («Между тем как непрерывной чередой происходили в римском мире события...»).[9] Он порицает Валентиниана за то, что тот нарушил установленный издревле обычай тем, что нарек брата и сына не цезарями, а августами с равными правами.[10] Историк полагает, что август должен быть один, имея при себе цезарей, которые служат ему помощниками.[11]

---

[1] Среди последних исследований, посвященных Аммиану Марцеллину, особое место занимает фундаментальная монография Дж. Мэтьюза: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus (London, 1989), где, среди прочего, автор высказывает оригинальную гипотезу о том, что Аммиан был родом из Александрии. Эта точка зрения, однако, не подтверждена надежными свидетельствами. Из других работ об Аммиане особо следует отметить такие: *Barnes T. D.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca; London, 1998; *Рубцова М. В.* Репрезентация политической организации Римской империи IV в. в «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Екатеринбург, 2005.

[2] *Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte / Ed. W. Seyfarth. Berlin, 1968—1971 (далее — Amm. Marc.). XIV. 6. 6. Cf.: XVI. 10. 13 (Рим — обитель мирового владычества).

[3] Ibid. XIV. 6. 3; XXVI. 1. 14; 3. 1; XXVIII. 1. 36;

[4] Ibid. XIV. 11. 9.

[5] См., например: Ibid. XIV. 7. 1, 5. 21; 8. 5, 6 etc.

[6] Ibid. XIV. 11. 9.

[7] Ibid. XXVI. 5. 1—3.

[8] Ibid. XXVI. 5. 4.

[9] Ibid. XVI. 1. 1.

[10] Ibid. XXVII. 6. 16.

[11] Ibid.

© А. А. Чекалова, 2007

Показательно отношение Аммиана к Константинополю. Он никогда не ставит Константинополь в один ряд с Римом. Об этом в его представлении не могло быть и речи. Рим один. Он центр вселенной. А Константинополь лишь один из sedes principes, таких, как Милан, Трир, Сирмий. После дележа своих подчиненных императоры, пишет он, разъехались: Валентиниан отправился в Медиолан (Милан), а Валент — в Константинополь. Находясь в названных выше sedes principes, оба императора приняли консульские отличия.[12] Константинополь — славный город, родина его кумира Юлиана Отступника, который его щедро украсил,[13] и все же ему далеко было даже до Антиохии, прекрасному венцу Востока.[14]

Но при всем том сознание того, что Восток – некая особая часть империи, несомненно, присутствует в сочинении историка. Население Востока Аммиан Марцеллин нигде не называет римлянами. Это скорее пестрый разноэтничный мир, подвластный Риму и римскому народу, но живущий по своим традициям, на свой лад и нередко с собственной юрисдикцией. Он называет население Востока либо по географическому принципу (антиохийцы, александрийцы и т. д.), либо по этническому (греки, сирийцы, исавры). Аммиан не считает римлянином и себя, и хотя он много лет прослужил в римской армии, историк говорит о себе: «солдат и грек» (miles et Graecus).[15]

Надо сказать, что во времена Аммиана Марцеллина греки Востока еще не считали себя римлянами. Достаточно долго они воспринимали враждебно Константинополь, наполненный латиноязычными военными и чиновниками, не знавшими греческого языка, языка высокой культуры. Либаний ненавидел все римское, ему претило пристрастие римлян к законам и праву. Ритор был убежден, что с Демосфеном легче победить в суде, чем с увесистыми томами законов.[16]

Понятие «новый Рим» в применении к Константинополю родилось, по всей видимости, в церковных кругах.[17] В 381 г. на Втором церковном соборе, проходившем в Константинополе, было заявлено что «епископ Константинополя по почету должен следовать сразу за римским, ибо Константинополь есть новый Рим (διὰ τὸ εἶναι αὐτὴ νέαν Ῥώμην)».[18] Охотно использовал это определение Григорий Назианзин,[19] хотя Василий Великий называл город на Босфоре просто Константинополем.[20] Однако сознание, что Константинополь — центр Восточной части империи, крепло и у самого населения Востока, в первую очередь греческого.

[12] Ibid. XXVI. 5. 4.
[13] Ibid. XXII. 9. 2.
[14] Ibid. XXII. 9. 3.
[15] Ibid. XXXI. 16. 9.
[16] Libanii Epistula 1203 (364 г.).
[17] *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. München, 1968. S. 55.
[18] Canon 3.
[19] Gregorii Nazianzeni Oratio 36 // PG. T. 36. Col. 280 B etc.
[20] *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. P. 61.

Показательно, что после 395 г., когда уже, казалось, империя была навсегда разделена, не на Востоке, а на Западе высказывались надежды на объединение обеих частей империи. Эти надежды лелеял полководец и фактический правитель Запада вандал Стилихон, утверждавший, что Феодосий Великий оставил его опекуном обоих своих сыновей — Аркадия и Гонория.[21] Он выставлял это в качестве предлога для объединения обеих частей империи под главенством Запада и лично его, Стилихона. По мнению апологета Стилихона поэта Клавдиана, ему это даже удалось в 399 г., когда был свергнут еще недавно всесильный временщик Востока Евтропий и «Восток уступил Западу».[22] Клавдиан в своей пространной (в 1200 стихов) речи на консульство Стилихона, составленной между сентябрем и концом декабря 399 г., провозгласил 400 г. (год консульства Стилихона) годом внутреннего согласия между обеими частями империи и даже возвестил начало золотого века.[23] На Востоке, где место Евтропия занял образованный префект претория Востока Аврелиан, дружбой с которым гордился Синесий Киренский[24] и который являлся главой антиварварской партии, подобные притязания варвара-вандала никто не принимал в расчет.[25]

Но прошлое единство Запада и Востока не было предано забвению и в Византии, однако ни о каком политическом преимуществе Запада перед Востоком здесь никто даже не помышлял. Так, для историка Евнапия, который жил во второй половине IV—начале V в., характерно представление о двух частях империи, но ему еще хотелось бы видеть ее единой. Он с осуждением пишет о том, что сыновья правившего на Западе императора Валентиниана I (Валентиниан и Грациан) вознамерились разделить между собой царскую власть (τὴν βασιλείαν διῃρῆσθαι κατὰ σφᾶς ἐδόκουν).[26] Для Евнапия они соцарствующие (συμβασιλεύοντες) с восточным императором Валентом, и им полагалось сначала доложить (ἀναφέρειν) о своих намерениях дяде как старшему правителю государства.[27] А повествуя о более поздних событиях, он пишет: «Какое это было бы счастье (πανόλβιον τι χρῆμα), какая это была бы твердыня нерушимая, когда бы цари (имеются в виду Аркадий и Гонорий. — *А. Ч.*), будучи в двух телах, составляли бы одно царствование».[28] Вместе с тем он уже отдает себе отчет в том, что со смертью Феодосия I появились две державы — τὰς ἀρχὰς.[29] Но объединение их в

[21] Zosime Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. Paris, 1971—1986. T. 1—3 (далее — Zosim).V. 4. 3.
[22] Claudiani De consulatu Stilichonis. I. 8.
[23] Ibid. II. 446—447.
[24] Об Аврелиане см.: The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 1. P. 128—129: Aurelianus 6.
[25] *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'empire romain, 395—410. Essai sur le gouvernement impérial. Paris, 1951. P. 246.
[26] Eunapii Fragmenta // Historici graeci minores / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1870. Vol. 1 (далее — HGM). Fr. 42 (P. 238).
[27] Ibid.
[28] Ibid. Fr. 85. P. 267.
[29] Ibid. Fr. 62. P. 254.

одно царство не кажется ему невозможным. Однако Запад, к его сожалению, все более отдалялся от Востока. События на Западе во времена всесильного евнуха Евтропия, констатирует он, не поддавались точному описанию.[30]

В центре его внимания находится Восток с центром в Константинополе, который он по временам называет просто полис (город),[31] подобно тому как римляне называли городом (urbs) Рим. Жители Константинополя и всей восточной части империи — римляне, а их страна и есть держава римлян. Гайна, против которого ополчилось население восточной части империи, в первую очередь Константинополя, назван Евнапием врагом римлян.[32] Гунны, нападавшие на Византию, воюют с римской державой, и отражают их набеги римляне.[33] Правда, термин употребляется скорее не в собирательном смысле, а лишь как обозначение государственной принадлежности населения к стране, которой правит римский император. Когда же историк повествует о событиях внутри империи, он, как правило, прибегает либо к этническим (сирийцы, исавры), либо к географическим понятиям (александрийцы).[34]

Лишь со второй половины V в. можно говорить о кардинальных изменениях в сознании византийцев, о чем свидетельствует сочинение Приска Панийского.

Для Приска нет сомнений в том, что уже существуют два разных государства — одно западных римлян (ἑσπερίων Ρωμαίων) , другое – восточных римлян (ἑώων Ρωμαίων).[35] Иначе говоря, историк уверен в том, что население Восточной (Византийской) империи – истинные римляне. Здесь уже не только государственный, но и собирательный принцип. О западных римлянах историк упоминает лишь тогда, когда пути их соприкасались с восточными римлянами, т. е. византийцами. Именно такой была ситуация, когда к Аттиле прибыли послы из Константинополя и из Рима. И только именно в этом случае он называет византийцев восточными *римлянами*.[36] В других ситуациях византийцы называются просто римлянами.[37] Именно о них он пишет свою «Историю». Римское государство у него синоним Восточной (Византийской) империи.[38] Его жители и есть настоящие римляне. Повествуя о посольстве восточных римлян к Аттиле он, среди прочего, рассказывает о плененном гуннами жителе империи, который, увидев римлянина Приска, сказал ему по-эллински χαῖρε и с которым у него возникла дискуссия о ἡ πολιτεία Ρωμαίων.[39] В том же фрагменте он заявляет, что скифам трудно говорить по-гречески, поскольку у них нет тесных контактов с *римлянами*.

[30] Ibid. Fr. 74. P. 260.
[31] См., например: Ibid. Fr. 79. P. 264.
[32] Ibid.
[33] Ibid. Fr. 91—94. P. 271—272.
[34] Ibid. Fr. 84. P. 267; Fr. 86. P. 268; Fr. 83. P. 266; Fr. 106. P. 273—274 etc.
[35] Prisci Fragmenta // HGM. Fr. 7. P. 286.
[36] Ibid. Fr. 8. P. 301.
[37] Ibid. Fr. 1. P. 277; Fr. 2. P. 280—281 etc.
[38] Ibid. Fr. 7. P. 287 etc.
[39] Ibid. Fr. 8. P. 305—309.

Иными словами, по Приску, жители Восточной (Византийской) империи говорят на языке эллинов, являются греками по этносу, подобно упомянутому пленнику, но в то же время они и есть истинные римляне.

Для западных римлян он начинает употреблять географический термин — италиоты.[40] Таким образом, можно уже говорит о появлении в сознании византийцев перемещения центра империи из Рима в Константинополь.

Традицию Приска продолжает Малх Филадельфиец. В его сочинении также присутствуют западные и восточные римляне. Но основным царством является держава Востока. Он называет Василиска, свергнувшего на время Зинона, царем восточных римлян.[41] А когда Зинон вернул себе трон, он, по словам Малха, вновь получил верховную власть на Востоке.[42] В том и другом случаях речь шла о событиях, так или иначе связанных с Западом. Когда соприкосновений с Западом нет, то тот же Зинон именуется царем римским (βασιλεὺς Ρωμαίων) или просто василевсом.[43] Внимание Малха сфокусировано на Востоке. Не зря свое сочинение он, как свидетельствует патриарх Фотий, назвал Βυζαντιακά,[44] т. е. события вокруг Византия. Для него главным городом ойкумены является не Рим, как некогда для Аммиана Марцеллина, а Константинополь, Византий, который он, как и его предшественники, называет по временам просто полисом.[45] Соответственно василевс Византии – ключевая фигура в тогдашнем мире, главный вершитель всех судеб. Относя события к 477 г., Малх пишет: «Когда Август, сын Ореста, услыхал, что Зинон, изгнав Василиска, вновь овладел царской властью на Востоке, он заставил сенат отправить к Зинону посольство с тем, чтобы сказать ему, что нет им никакой нужды составлять особое царство, что для обоих краев довольно одного Зинона как общего автократора, что римляне предлагают власть над собой Одоакру, мужу с государственным умом и воинственному. Они просят Зинона пожаловать Одоакру достоинство патрикия и поручить ему управлять италийцами».[46]

Тема translatio imperii еще более четко ощущается в сочинении Зосима «Новая история». Повествуя об упадке некогда могущественной Римской империи, он вместе с тем возвещает о светлом будущем нового Рима — Константинополя. Как и Аммиан Марцеллин, он верит в вечность Римского государства, но олицетворяет его, по его представлению, уже не Рим, а Константинополь.[47] Показательно, что Константинополь в сознании Зосима всегда находился на одном уровне со старым Римом. По мнению историка, Константин создал город на Босфоре как

[40] Ibid. Fr. 15. P. 329; Fr. 30. P. 340.
[41] Malchi Fragmenta // HGM. Fr. 7. P. 391.
[42] Ibid. Fr.10. P. 397.
[43] Ibid. Fr. 8. P. 394; Fr. 9. P. 396.
[44] Ibid. P. 383.
[45] Ibid. Fr. 6. P. 391; Fr. 11. P. 399.
[46] Ibid. Fr. 10. P. 398.
[47] *Kaegi W. E.* Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 135—144; *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 97.

противовес Вечному городу, как новую резиденцию императора и столицу империи. Поэтому Константинополь для Зосима — город равносильный Риму (πόλιν ἀντίρροπον τῆς Ῥώμης) уже с самого начала своего существования.[48] Разделение империи на восточное и западное царства произошло, как полагает Зосим, сразу после смерти Константина, когда его сыновья, Константин, Констант и Констанций, поделили между собой народы (τὰ ἐθνη), и старшему Константину и младшему Константу достались те, что по ту сторону Альп, а также Италия и Иллирик с тамошними (народами), кроме того, те, что у Понта Эвксинского и зависящая от Карфагена Ливия, Констанцию же отошли те, что у Азии, Восток и Египет.[49]

Симпатии Зосима находятся на стороне восточного царства. Он резко отрицательно относится к Стилихону, который в качестве регента хотел объединить под своей властью обе части Римской империи. По мнению Зосима, это означало посягательство на то, что принадлежало василевсу Аркадию.[50] Единая Римская империя была для него фактом прошлого, временем до императора Константина, ни о каком объединении Востока и Запада он не помышлял и писал свое сочинение, имея в виду интересы Востока. Показательным для приоритетов Зосима является, например, следующий пассаж его исторического сочинения. Рассказывая о событиях на Западе в правление Гонория, он начинает свое повествование следующим образом: «В то время, когда еще царствовал Аркадий, а консулами были Гонорий в седьмой раз и Феодосий во второй раз, солдаты, расквартированные в Британии, подняли мятеж…».[51] Иными словами, какими бы важными ни были события на Западе, точкой отсчета для них являются события на Востоке.

События на Востоке, даже не столько отдаленные, сколько современные ему, волновали его, причем настолько, что в ряде случаев под видом событий прошлого он отразил действительность начала VI в.[52]

У Прокопия Кесарийского тема translatio imperii получает свое завершение. Для него Византия и есть Римская империя, а западное государство — это Италия, романское население которой он называет италийцами.[53] «Такие-то вещи совершались и в Византии и в прочих городах. Подобно некоей болезни, это зло (речь идет о стасиотах. — *А. Ч.*), начавшись здесь, распространилось по всей римской державе», — заключает он в 8-й главе «Тайной истории».[54] В другом месте того же сочинения он пишет: «Помимо того, что ему оказалось пустячным делом

[48] Zosim. II. 30. 1.
[49] Ibid. II. 39. 2.
[50] Ibid.
[51] Ibid. VI. 2. 1.
[52] См. об этом: *Goffart W.* Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // AHR. 1971. Vol. 76. P. 423—426.
[53] Procopii Caesariensis. De bello Persico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. 1 (далее — B. P.). II. 3. 42; Idem. De bello Gothico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 2 (далее — B. G.). I. 1. 29 etc.
[54] Procopii Caesariensis. Historia arcana // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 2 (далее — H. a.). VIII. 1.

разрушить Римскую державу, он сумел овладеть еще Ливией и Италией и все ради того, чтобы наряду с теми, кто уже оказался в его власти, погубить обитателей и этих мест».[55] Слово «римляне» в применении к Западу используется Прокопием либо по отношению к жителям города Рима,[56] либо как историческое обозначение римлян до свержения Ромула Августула.[57] Прокопий восхищается королем остготов Теодорихом. По его мнению, Теодорих по сути был самым настоящим императором, однако подданных его он именует готами и италийцами.[58] Прокопий, совершенно очевидно, полагает, что, чтобы быть римлянами, надо не только жить на римской, настоящей или бывшей ее территории, но в первую очередь быть подданными римского императора. Именно таковыми были в его глазах жители Византии. Для него византийский мир также достаточно пестрый в этническом плане, но в собирательном смысле все его обитатели — римляне. «Так обстояли у римлян дела с Юстином»,[59] — пишет он после того, как рассказал о неграмотности этого императора и приспособлении — дощечке, на которой изображен был контур четырех латинских букв (т. е. legi), которые обводил василевс, дабы было свидетельство его собственноручной подписи.[60]

Западные государства, которые он называет царствами (царство готов, царство вандалов), для него далекие и чужие. Он рассказывает, как его, подобно другим римлянам, страшила экспедиция в Северную Африку.[61] В сущности, ему казался ненужным и поход в Италию, который обернулся страшной трагедией для империи,[62] восточные области которой оказались беззащитными перед ударами персов. Именно трагедией представляются ему последствия похода Хосрова на Византию, завершившегося гибелью жемчужины Востока Антиохии. Прокопий был настолько потрясен этим, что даже усомнился в существовании Бога, попустившего такое зло.[63] Страдания Италии и тамошнего населения были для него чужими страданиями. Чужим был для него и город Рим. Его восхитила Аппиева дорога,[64] он описывает памятник кораблю Энея,[65] но у него нет и следов того восхищения Римом, которое было у Аммиана Марцеллина. Прекрасен Византий (Константинополь), прекрасна Антиохия, а в Риме для него есть лишь некие диковинные вещи, какие встречаются в чужих, далеких странах, не связанных особыми узами с его собственной страной.

[55] Ibid. VI. 25.
[56] B. G. I. 19. 1; 20. 5, 14; 22. 1, 3. 10 etc.
[57] Procopii Caesariensis. De bello Vandalico // Idem. Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. l (далее — B. V.). I. 2. 31; 3. 14, 35: B. G. I. 1. 3 etc.
[58] B. G. I. 1. 26, 29.
[59] H. a. VI. 17.
[60] Ibid. VI. 14—16.
[61] B. V. I. 12. 3.
[62] H. a. VI. 25.
[63] B. P. II. 10. 4—5.
[64] B. G. I. 14. 6—11.
[65] Ibid. VIII. 22. 7—16.

Показательно, что если Евнапий начинает деление империи на западную и восточную части со смерти Феодосия, Прокопий, хотя и помнит о таком разделении, все же считает, что разделена была держава еще Константином, который перенес место пребывания василевса в Византий.[66] Именно с основания новой столицы на Босфоре началась, в его представлении, новая жизнь и для Востока, и для Запада. И в этом великий историк, несомненно, был прав.

[66] B. V. I. 1. 3.

CONSTANTIN G. PITSAKIS

ARISTÉALOS, POÈTE BYZANTIN INEXISTANT: A PROPOS DE L'AUTEUR DES VERS GRAVÉS SUR LES FRÈRES GRAPTOI*

On connaît bien le récit sur la torture qu'ont subie les saints frères Théophane (ca. 775—845) et Théodore (ca. 775—842 ou 844) Graptoi, peut-être vers 832, au plus tard en 839, sous l'empereur Théophile (829—842) à cause de leur activité iconophile:[1] on leur fit graver sur le visage

* Je suis heureux de pouvoir offrir cette petite notice à Igor P. Medvedev, le grand savant, le maître distingué des études byzantines pétropolitaines, des études byzantino-russes et des études russo-helléniques et le très cher ami de plusieurs décennies. Une notice qui, à plusieurs reprises, qu'il s'agisse des Graptoi et de Théodora Rhaoulaina ou de Dosithée de Jérusalem et de son *Histoire* ou *Dodécabiblos*, ou même de Denys de Phourna, a eu recours à l'œuvre d'un autre pionnier, Athanase Papadopoulos-Kérameus, savant grec et pétropolitain d'adoption, l'un de ces byzantinistes à qui Igor P. Medvedev a donné, de nos jours, une nouvelle vie, par ses recherches archivistiques, et dont il a, en quelque sorte, renouvelé l'exemple par son œuvre personnelle et par sa propre contribution scientifique. Εἰς πολλὰ ἔτη, Многая лета!

[1] Le récit chez les historiens et les chroniqueurs : Theophane Continué, 104—106 (Bonn); Ps.-Syméon Magistros, 641—642 (Bonn); Georges le moine (Continué), 806—808 (Bonn); Léon le Grammairien, 226 (Bonn); Skylitzès, 62—63 Thurn = Cédrène, II, 115—116 (Bonn); Génésios, 52 Lesmüller-Werner-Thurn = 74 (Bonn) ; Zonaras, III, 365—366 (Bonn); Théodore Skoutariotès (*Synopsis Chronikè*) : C. Sathas, *Bibliotheca graeca medii aevi*, VI, 132—133. Sources hagiographiques (cf. F. Halkin, *Bibliotheca Hagiographica Graeca* (*BHG*)³ [=Subsidia Hagiographica, 8a], II, Bruxelles 1957, 275—276 (Theodorus graptus, conf. sub Theophilo – Dec. 28), 294 (Theophanes et Theodorus fratres grapti, conf. sub Theophilo — Oct. 11, Dec. 27, 28) N. 1745z, 1746, 1746a, 1793; id. *Novum Auctarium BHG* [=Subsidia Hagiographica, 65], Bruxelles 1984, 203 (Theodorus graptus), 207 (Theophanes et Theodorus grapti) N. 1745z, 1746a, 1746e, 1793e): *Laudatio* par Théophane de Césarée en Cappodoce (BHG 1745z) éd. J. M. Featherstone, «The praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea», *Analecta Bolandiana*, 98 (1980), 93—150 (le texte: 104—150); la *Vie* métaphrastique (BHG 1746): PG 116, 653—684 (éd. F. Combefis, *Originum rerumque constantinopolitanarum manipulus*, Paris 1664, 191—213); la *Vie* par Théodora Rhaoulaina Cantacuzène Paléologue (BHG 1793): éd. A. Papadopoulos-Kérameus dans Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, IV, Saint-Pétersbourg 1897, 185—223 ; cf. *ibid.*, V, Saint-Pétersbourg 1888, 397—399. Synaxaires (BHG 1746e, 1793e, cf. 1746a): H. Delehaye, *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* [= Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris], Bruxelles 1902, 352—353; *Ménées* de décembre (27 déc.). *Vie* de saint Michel le Syncelle [*BHG*³, II, 128 N. 1296, 1297; *Novum Auctarium*, 152

© C. G. Pitsakis, 2007

un poème de 12 vers, en trimètre iambique, qui dénonçait leur «impiété» incorrigible; c'est d'ailleurs ce supplice qui leur a valu ce surnom de *Graptos*, *Graptoi*. Un cas unique, où la poésie soit devenue un «instrument» de torture — un procédé inventé sans doute, par ironie méchante, en raison de la production littéraire importante, surtout poétique/ hymnographique, des deux frères.[2] La narration de leur torture, dont l'historicité n'est pas en général

N. 1296, 1297e, 1297f] éd. M. B. Cunningham, *The Life of Michael the Synkellos*, Belfast 1991 (en l'occurrence: p. 86—94; introduction: p. 7—17; cf. les notes aux ch. 17—24). S. Vailhé, «Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti, saint Théodore et saint Théophane», *Revue de l'Orient Chrétien*, 6 (1901), 313—332 ; 610—642. *Actes* des saints David, Syméon et Georges [*BHG*[3], III, 152 N. 494; *Novum Auctarium*, 61 N. 494]: éd I. van den Gheyn, «Acta graeca SS. Davidis, Symeonis et Georgii Mitylenae in insula Lesbo», *Analecta Bollandiana*, 18 (1899), (209—259) 239; J. Phountoulès, Λεσβιακὸν ἑορτολόγιον, III, Athènes 1961, 17—54; traduction anglaise par D. Domingo-Forasté (introduction et notes par D. Abrahamse), dans: A.-M. Talbot (ed.), *Byzantine Defenders of Images* [= Dumbarton Oaks. Byzantine Saints' Lives in Translation, II], Washington, D.C. 1998, 143—241. Sur la peine infligée aux saints voir, en dernier lieu, K. A. Bourdara, Εἰκονομαχία καὶ Δίκαιο: νομικὴ θεώρηση τῶν ἁγιολογικῶν κειμένων [= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Athener Reihe, 14], Athènes-Komotini 2004, 94—95. Les données chronologiques de leur vie d'après le *Tusculum-Lexikon*[3], 776, 786 (A. Holweg); Beck, 511: Théophane (†845), Théodore (†844); G. Prinzing, *Lexikon des Mittelalters*, 8, 662—663: Théophane († 11 oct. 845); sur les dates de la mort des deux frères voir surtout l'analyse de M.-Fr. Auzépy, «De la Palestine à Constantinople (VIIIe—IXe siècles): Étienne le Sabaïte et Jean Damascène», *Travaux et Mémoires* 12 (1994), (183—218) 207—209; *ibid.*, 209—213 («Michel le Syncelle et les frères Graptoi»). Sur la date du supplice: *Tusculum-Lexikon*[3], 832; Prinzing, *Lexikon des Mittelalters*: le 18 juillet 839; en dernier lieu: J.-Cl. Cheynet, dans: *Jean Skylitzès: Empereurs de Constantinople*, texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet [=Réalités Byzantines, 8], Paris 2003, (57—58) 58 n. 40: «les frères „graptoi" …furent suppliciés à une date discutée, au plus tard en 839…». — Bien que, comme le fait remarquer Auzépy, le supplice curieux de «tatouage» ait intrigué les chroniqueurs, qui lui donnent une place centrale dans leur narration, on ne saurait affirmer la même chose à propos de la peinture byzantine. La miniature respective dans le *Skylitzes Matritensis*, placée cependant juste avant la citation des douze vers iambiques, sous la légende: οἱ μοναχοὶ Θεοφάνης καὶ Θεόδωρος τυπτόμενοι καὶ τὰς ὄψεις γραπτόμενοι (sic!) ne représente que la bastonnade à laquelle furent soumis les deux frères (f. 51v a): miniature N. 122, A. Grabar-M. Manoussacas, L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid [= Bibliothèque de l'Institut Hellénique d'Études byzantines et post-byzantines de Venise, 10], Venise 1979, 44 (les éditeurs signalent bien ce petit paradoxe: «la miniature ne représente que le premier de ces supplices») et fig. 51 = S. Cirac Estopañan, *Skyllitzes Matritensis I. Reproduciones y miniaturas*, Barcelone-Madrid 1965, 79 fig. 128. Autres miniatures portant sur l'histoire des deux frères: N. 120—121, Grabar-Manoussacas, 44 fig. 49—50 = Estopañan, 79 fig. 126—127; N. 168, Grabar-Manoussacas, 52 fig. 70 = Estopañan, 91 fig. 174. Même la represantation des saints, tatoués, parmi les confesseurs du culte des icônes, n'appartient pas à l'iconographie courante : saint Théophane Graptos n'est même pas cité dans l' 'Ερμηνεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης de Denys de Phourna: éd. A. Papadopoulos-Kérameus, Saint-Pétersbourg 1909, si ce n'est dans l'appendice de sources, *ibid*, 285, 294, mais sans aucune allusion aux marques de son supplice; peut-être est-il couvert sous le nom de Théophane le poète (parmi les hymnographes : Denys de Phourna, 167, 220) ; dans l'appendice de sources on fait la distinction entre les deux. Saint Théodore Graptos est passé sous silence.

[2] Sur la production littéraire des deux frères Graptoi: A. Ehrhard dans K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*[2], Munich 1897, 73; Krumbacher, *ibid.*, 677 = traduction grecque par G. Sotèriadès, Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας, I—III, Athènes 1897—1900: I, 138=139; II, 564. H.-G. Beck, *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*, Munich 1959, [2]1977, 511, 516—517. J.-B. Pitra, *Hymnographie de*

contestée, malgré les doutes formulés autrefois par Karl Krumbacher,[3] nous est transmise en abondance par des textes byzantins d'historiographie et d'hagiographie. Les textes ne posent pratiquement pas de problèmes, si ce n'est dans le détail: des problèmes portant sur la procédure suivie, sur les paroles échangées entre l'empereur et les saints, surtout certaines questions d'ordre «technique» portant sur l'exécution du supplice: le texte des vers aurait-il couvert le visage (τὰ πρόσωπα [αὐτῶν], Georges le moine, Skoutariotès; ἐπιπροσωπείοις κεντήμασι Génésios; [εἰς] τὰς ὄψεις αὐτῶν Léon le Grammairien, Zonaras; ἐν τοῖς προσώποις τῶν ἁγίων *Vie* de Michel le Syncelle; ταῖς τιμίαις αὐτῶν ὄψεσι, κεκολάφατο διόλου τὰ πρόσωπα Théodora Rhaoulaina) voire seulement le front des saints (τῷ μετώπῳ αὐτῶν Théophane Cont.; τοῖς μετώποις αὐτῶν Skylitzès; ἐν τοῖς μετώποις *Ménées*...), ou même aussi une partie de leur corps (οὐ μόνον ἐν τῷ προσώπῳ, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς στήθεσι Ps.-Syméon, malgré, paraît-il, l'ordre de l'empereur: εἰς τὰ πρόσωπα αὐτῶν ibid.) ? Les vers furent-ils «gravés», au sens littéral, sur la peau ou plutôt les a-t-on fait empreindre sur leur visage (au fer rouge ? ἐν σιδήρῳ πυρωθέντι *Ménées*); ou bien leur a-t-on administré des piqûres (κεντεῖν, ἐγκεντεῖν, ἐκκεντεῖν, κατακεντεῖν; κεντήμασι) où l'on ait introduit de l'encre (κατέστιξε καὶ ταῖς στιγμαῖς μέλαν ἐπέχεε Zonaras)? une sorte, alors, de tatouage.[4] Dans ce cas-là, le qualificatif de «barbare», employé par les auteurs à propos de ce procédé (βαρβαρικῶς Théophane Cont.,

l'Église grecque, Rome 1867, cxiii-cxvii, cxxxi-cxxxviii; plusieurs autres éditions de textes hymnographiques de Théophane (Pitra, *Analecta Sacra et Classica Spicilegio Solesmensi parata*, I, Paris 1876, 408—410 ; S. Petridès, «Office inédit de saint Romain le Mélode», *BZ* 11 (1902) 363—369, en plus des éditions courantes dans les livres liturgiques grecs ; on mentionne aussi un canon inédit de Théodore à la Vierge. W. Christ — M. Paranikas, *Anthologia graeca carminum christianorum*, Leipzig 1871, xl—xli, xliv, 121—130, 236—242, 264; [F. Dübner-] E. Cougny, *Anthologia Palatina*, III, Paris 1890, 343 (app. III, N. 309, cf. N. 310) et notes p. 384 ; P. N. Trempélas, Ἐκλογὴ ἑλληνικῆς ὀρθοδόξου ὑμνογραφίας, Athènes 1949, 195—204, 303—304. C. Émereau, «Hymnographi graeci», *Échos d'Orient*, 25 (1926), 179—182. S. Eustratiadès, «Θεοφάνης ὁ Γραπτός», *Néa Sion*, 31 (1936) 34 (1939), passim. Th. Xydès, «'Ο ὑμνογράφος Θεοφάνης ὁ Γραπτός», *Néa Hestia*, 59 (1956), 155—160 = id., Βυζαντινὴ 'Υμνογραφία, Athènes 1978, 137—145. Ath. D. Kominès, Τὸ βυζαντινὸν ἱερον ἐπίγραμμα καὶ οἱ ἐπιγραμματοποιοί, Athènes 1966, 123—124 N. 5 (Théophane). Dernières notices prosopographiques (ne sont pas indiqués ici des articles de dictionnaire): *Prosopographie der mittel-byzantinischen Zeit [PMBZ]*, Berlin-New York 1998—2000, N. 7526 (Théodore), 8093 (Théophane); J. Martindale (ed.), *The Prosopography of the byzantine Empire*, I (641—867), Aldershot 2001 (CD-Rom): Theodoros 68, Theophanes 6; M.-Fr. Auzépy [supra n. 1], 207—212; J.-Cl. Cheynet [supra n. 1], 58 n. 40; S. Efthymiades, «Notes on the correspondence of Theodore the Studite», *REB* 53 (1995), (141—163) 141—144.

[3] Krumbacher, 707: «Die Erzählung der näheren Umstände dieser Bestrafung zeigt, *wenn sie auf Wahrheit* beruht...» (=Krumbacher-Sotèriadès, II, 617).

[4] C'est le mot qu'emploient M.-Fr. Auzépy [supra n. 1], 210: «les iambes que Théophile fit tatouer sur le visage des frères Graptoi»; G. Prinzing, *Lexikon des Mittelalters*, 8, 662—663: «tätowieren»; la traduction anglaise de la *Vie* des saints David, Syméon et George [supra n. 1]: 204—205 («with tattooing»), 204 n. 1 («to be tattooed») ; cf. *ibid*., XV (General Introduction: «…suffered the unusual punishment of having iambic verses tattooed on their foreheads»), 370 (*Vie* de sainte Théodora l'impératrice, trad. par M. P. Vinson; 369 n. 55: «…suffered the additional indignity of having their forehead tattooed with scurrilous verses…»); Flusin-Cheynet, *Jean Skylitzès* [supra n. 1]: «et qu'on leur tatouât sur le front…» (p. 58); le surnom de *Graptoi* y est aussi rendu, dans la traduction et les notes, par «tatoués»: «Les frères

Skylitzès; σκυθικῶς Génésios) se référerait plutôt à la pratique du tatouage en soi, en tant qu'usage exotique donc «barbare», qu'à la cruauté du châtiment ou à la brutalité éventuelle, très probable d'ailleurs, de son exécution.[5]

Le texte des douze vers, transmis par toute la tradition historiographique et hagiographique,[6] et parfois même indépendamment,[7] a été publié très fréquemment, soit dans les éditions des auteurs qui les citent, pour ne pas parler des livres liturgiques de l'Église grecque, soit dans des éditions indépendantes.[8]

Mais qui en est l'auteur?

1. La meilleure tradition littéraire, à l'origine de laquelle se trouve le Théophane Continué, attribue ces vers à l'empereur Théophile lui-même: ὅθεν προσεταξεν ἐν τῷ τοῦ Λαυσιακοῦ μεσοκηπίῳ ἀπαχθεντας ἀνὰ διακοσίων ῥάβδων τυφθῆναι, καὶ τῷ μετώπῳ αὐτῶν ἐπιγραφῆναι βαρβαρικῶς ἐγκεντηθέντας *οὓς* συνέθηκε λήρους ἰαμβικούς. Εἰσὶ δὲ οὗτοι… (Theophane Cont.); καὶ λοιπὸν προσέταξεν ἐν τῷ τοῦ Λαυσιακοῦ μεσκοκηπίῳ τούτους ἀπαχθέντας ῥαβδισθῆναι ῥάβδων φοραῖς βαρυτάτων ἄχρι τῶν διακοσίων καὶ τοῖς μετώποις αὐτῶν ἐπιγραφῆναι βαρβαρικῶς ἐκκεντηθέντας οὓς *συνετέθεικε* λήρους ἰαμβικούς... Εἰσὶ δ'οὗτοι… (Skylitzès). Cf. …ὧν καὶ τὰ πρόσωπα κατακέντησε γράμμασι, τούσδε τοὺς ἰάμβους ἐγγράψας αὐτοῖς, ὧν, ὡς λέγεται, καὶ πατὴρ ἦν αὐτὸς τούτους ἐκθέμενος, ἔχοντας ἐπὶ λέξεων οὕτως… (Skoutariotès).

C'est aussi l'avis établi, ou dominant, dans la philologie byzantine, tout au moins depuis Krumbacher: «Bald nach dem Tode dieses heldenmütigen Verteidigers der Bilder beteiligte sich Kaiser Theophilos, allerdings auf eine sehr merkwürdige Weise, an der epigrammatischen Poesie, indem er den

„Graptoi", c'est-à-dire tatoués…» (p. 58 n. 40), «Théodora et les frères Tatoués» (p. 79). — En revanche, les verbes des sources ἐπιγραφῆναι, κολάπτειν, ἐγκολάπτειν… sont généralement rendus, dans toute la littérature, par «graver»; cf. ici: «et qu'on leur tatouât sur le front en les gravant…» (p. 58).

[5] *Contra* dans la traduction de B. Flusin [supra n. 1, 4], 58: «en les gravant de la façon la plus barbare…».

[6] Théophane Cont., 105—106 = *PG* 109, 120; Ps.-Syméon, 641—642 = *PG* 109, 704; Georges le moine, 807 = *PG* 109, 868; Skylitzès, 62—63 / Cédrène, II, 115—116 = *PG* 121, 997—1000; Zonaras, III, 366; Skoutariotès, 133 (Génésios et Léon le Grammairien ne donnent pas le texte des vers). *Vie* métaphrastique : PG 116, 673; *Vie* par Théodora Rhaoulaina: éd. Papadopoulos-Kérameus [supra n. 1], 208; Synaxaire: *Ménées* du 27 décembre; van der Gheyn [supra n. 1], 239; *Vie* de Michel le Syncelle éd. Cunningham [supra n. 1], 86; cf. Vailhé, 620. Les éditions de Zonaras (Büttner-Wobst), des *Acta Davidis, Symeonis et Georgii* (van den Gheyn, 239 n. 3) et, plus tard, de Skylitzès (Thurn) et de la *Vie* de Michel le Syncelle (Cunningham) donnent aussi des apparats critiques modernes. Dernière publication des vers, à ma connaissance, dans Bourdara, Εἰκονομαχία καὶ Δίκαιο [supra n. 1], 94 n. 81, d'après la dernière édition dans la *Vie* de Michel le Syncelle (Cunningham).

[7] Voir déjà la note de Krumbacher, 708: «Die zwölf Trimeter des Theophilos sind auch separat überliefert z. B. im Cod. Vindob. Theol. Gr. 325 (Nessel) fol. 54» (= Krumbacher-Sotèriadès, II, 618 n.). Il n'y pas lieu d'insister là-dessus.

[8] Par exemple: [F. Dübner-] E. Cougny, *Anthologia Palatina*, III, 342—343 (app. III, N. 308), avec traduction latine et la traduction en vers de Hugo Grotius ; notes p. 383—384 avec un renvoi à de plus vieilles éditions (dont une en dix vers) et un petit apparat critique. J. Sakkélion, «Ἀνέκδοτα ἱερά», Δελτίον Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος 2 (1885), (577—586) 585—586 et n. 2: les vers ibid., 586.

Brüdern Theophanes und Theophilos [Theodoros *scrib.*][9] zwölf *von ihm selbst verfasste* Trimeter auf die Stirne brennen liess»; son avis est repris, de nos jours, littéralement par Hans-Georg Beck: «Hier in Konstantinopel wurden Theophanes und Theodoros die berühmten Bekenner des Bilderkultes, denen Kaiser Theophilos zur Strafe zwölf *von ihm selbst verfaßte* Trimeter auf die Stirne brennen ließ».[10] C'est l'attribution courante acceptée, sans réserve, par les Bollandistes dans la *BHG*³: «Versus iambici xii a[uctore] Theophilo imp[eratore]»; par le *Tusculum-Lexikon*³: «...wo Kaiser Theophilos den Brüdern zur Strafe für ihr Bekenntnis zum Bilderkult 12 *von ihm selbst verfaßte* Trimeter auf die Stirne brennen ließ (daher der Name Graptoi)»; et, en dernier lieu, par Günter Prinzing dans le *Lexikon des Mittelalters* : «Theophilos… ließ beiden nach Verhören in Konstantinopel am 18 Juli 839 zwölf *von ihm selbst verfaßte* iamb. Trimeter auf die Stirn tätowieren (Brandmarkung als Häretiker; daher ihr Beiname: Graptoi...)».[11] Il en fut de même pour des chercheurs comme Athanasios Kominès, dans son répertoire des auteurs d'épigrammes sacrées byzantines (Théophile y tient une place à lui, en raison précisément de la composition par lui-même de ces vers, qui n'est pas mise en doute) et André Grabar — M. Manoussacas dans leur édition de l'illustration du *Skylitzes Matritensis*.[12]

A noter que les chroniqueurs byzantins qui attribuent la composition des vers à l'empereur Théophile, s'empressent d'ajouter, mais sans faire explicitement la liaison, un paragraphe portant sur les occupations poétiques et musicales de l'empereur: Ὕμνους δέ τινας ποιῶν καὶ στιχηρὰ μελίζων ᾄδεσθαι προετρέπετο…(Théophane Cont., p. 107); Ἐφιλοτιμεῖτο δὲ καὶ μελῳδὸς εἶναι· διὸ καὶ ὕμνους ποιῶν τινας καὶ στιχηρὰ μελίζων ᾄδεσθαι προετρέπετο…(Skylitzès, p. 63 = Kedrènos, II, p. 117); cf. aussi Zonaras: Ἐφιλοτιμεῖτο δὲ καὶ μελῳδεῖν· λέγονται μὲν οὖν καὶ ἕτερα ἐκείνου ποιήματα, πρὸς τοῖς ἄλλοις δέ… (III, pp. 366—367). En effet, c'est à Théophile qu'est attribué par ces auteurs le *stichèron idiomélon* (ton II) des laudes du dimanche des Rameaux: Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί…,

[9] Cf. dans l'index de personnes et de choses, *ibid.*, 1189: «wo Theodoros statt Theophilos zu schreiben ist»; dans l'édition grecque on n'a pas compris, paraît-il, cette remarque (index: III, 760—761): cf. Krumbacher-Sotèriadès, II, 617.

[10] Krumbacher, 707 (=Krumbacher-Sotèriadès, II, 617); cf. supra n. 7: «Die zwölf Trimeter des Theophilos...». Beck, 517. — Krumbacher avait été précédé, pour ce qui est de cette attribution, par E. Cougny, dans son édition des vers dans l'appendice de l'Anthologie Palatine [supra n. 8]: «Θεοφίλου αὐτοκράτορος εἰκονομάχου — Theophili imperatoris iconomachi».

[11] *BHG*³, II, 276; l'attribution n'est pas répetée dans le *Novum Auctarium BHG*, 202 (simplement: «Versiculi…»), mais, je crois, cela n'a pas d'importance. *Tusculum-Lexikon*³, 786 (A. Hohlweg). *Lexikon des Mittelalters*, 8, 662—663 (G. Prinzing). — Dans d'autres articles de dictionnaire on ne fait pas mention de nom d'auteur: voir, par exemple, dans la Θρησκευτικὴ καὶ 'Ηθικὴ 'Εγκυκλοπαιδεία, 6, 205—206 (R. Janin).

[12] Kominès, Τὸ βυζαντινὸν ἱερὸν ἐπίγραμμα... 126 N. 6 (Théophile): «εἶναι γνωστὸς καὶ ὡς συνθέτης ἐπιγράμματος κατὰ τρόπον ὄντως πρωτότυπον…»; cf. *ibid.*, 123 (Théophane): «…ὁ αὐτοκράτωρ Θεόφιλος διατάξας νὰ γραφοῦν ἐπὶ τῶν μετώπων των ἰαμβικοὶ στίχοι τοὺς ὁποίους ὁ ἴδιος συνέταξε». Grabar-Manoussacas [supra n. 1] 44: «marqués au front d'inscriptions infamantes composées par le souverain».

toujours en usage liturgique dans l'Église grecque:[13] τῆς ἐκείνου φασὶν εἶναι τόκον ψυχῆς (Théophane Cont., Skylitzès).

2. Or, nous disposons d'un témoignage de premier ordre, pourvu qu'on en accepte l'authenticité,[14] qui semble nous donner un autre nom d'auteur. Il s'agit de la lettre attribuée à Théodore Graptos en personne, qui se trouve incorporée dans la *Vie* métaphrastique des saints. Elle est adressée à Jean de Cyzique et contient la narration du supplice des deux frères:

(ΚΕ΄) 'Ημῶν δὲ σιωπησάντων, καὶ εἰς γῆν νενευκότων, πρὸς τὸν ἔπαρχον ἐγγύθεν ἑστῶτα, ἰταμῷ τῷ λόγῳ καὶ βλοσυρῷ τῷ ὄμματι ἀποτεινάμενος, λόγον τοιόνδε μετὰ πολλοῦ τοῦ θυμοῦ καὶ τραχείας τῆς φωνῆς ἀπεφθέγξατο· «Ἆρον αὐτοὺς καὶ γράψον τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ἐγκολάψας τούσδε τοὺς ἰάμβους· καὶ παράδος αὐτοὺς δύο Σαρακηνοῖς, καὶ ἀπαγέτωσαν αὐτοὺς εἰς τὴν ἰδίαν αὐτῶν γῆν». Ἔστηκε δὲ πλησίον ὁ τοὺς ἰάμβους ἔχων, ὃς ἦν *καὶ τούτους σκεψάμενος*, Χριστόδουλος τοὔνομα· ᾧ καὶ ὑπαναγινώσκειν αὐτοὺς ἐπέττατε, προσθεὶς καὶ τοῦτο· «Κἂν μὴ ᾦσι καλοί, μή σοι μελέτω». Τοῦτο δὲ εἴρηκεν, εἰλὼς ὡς ἄριστα ἡμῖν ἤσκηται ἡ τῶν ποιητικῶν σκεμμάτων ἀκρίβεια καὶ εἰς ὅσον καταγελασθήσονται πρὸς ἡμῶν. Διὰ τοῦτο καί τις παρὼν καὶ χαριζόμενος αὐτῷ «Οὐδὲ ἄξιοί εἰσιν, ὦ δέσποτα, αὐτοί, ἵνα καλλίους ᾦσιν οἱ ἴαμβοι». Καλὸν δὲ καὶ αὐτούς, ὡς εἶχον, ἐνθεῖναι τῷ διηγήματι…[15]

J'en donne la traduction, assez libre et même parfois inexacte, par le Père S. Vailhé:

«L'empereur se tournant alors vers un officier lui cria d'une voix irritée et rauque: „Enlève-les, grave-leur ces vers iambiques sur le visage et remet-les à deux Sarrasins qui les reconduiront dans leur pays". Or, il y avait là, tout près de nous, un certain Christodule qui avait composé ces vers iambiques et qui les tenait à la main. L'empereur lui prescrivit de les lire, en ajoutant: „Ils ne sont peut-être pas jolis, mais ne t'en inquiète pas". Il parlait ainsi pour se moquer de nous, parce qu'il savait fort bien quel soin nous apportons à nos productions poétiques. Là-dessus un des assistants, évidemment pour le flatter, lui fit cette remarque: „Ils ne sont pas dignes d'avoir des vers plus jolis, ô basileus!"…».[16]

S. Vailhé avait pensé que cette narration donne la solution définitive de la paternité des vers, en faveur de ce *Christodoulos*, inconnu par ailleurs. Or, cette attribution n'est pas aussi définitive que Vailhé l'aurait voulu — toujours sans entrer dans des problèmes d'authenticité de témoignages.

En premier lieu, la phrase ὃς ἦν καὶ τούτους σκεψάμενος aurait évidemment très bien pu désigner l'auteur des vers; mais elle pourrait également signifier, tout simplement, «celui qui a pris l'initiative de ce truc-là», «celui qui en a eu l'idée» — ce qui n'exclut certainement pas la paternité aussi des vers eux-mêmes, mais ne l'implique pas nécessairement non plus. D'autre part, pourquoi alors cette «fausse modestie» de l'empereur pour le compte d'autrui, quant à la qualité des vers ? Pourquoi cette insulte gratuite contre Christodule, ce pauvre courtisan fidèle, et en présence même des condamnés ? Le texte nous donne une explication: «pour se moquer de nous» (en tant que poètes) –mais, toujours pourquoi le faire aux dépens d'autrui ? Serait-ce là un dégoût naturel de l'empereur lui-même pour ce courtisan fidèle, sans doute, mais qui avait eu cette idée perverse ? Et aussi: pourquoi l'autre courtisan eût-il «contredit» l'empereur, même dans ce contexte de moquerie, «pour le flatter» ? Peut-être parce que l'empereur avait, en définitive, approuvé les vers et consenti à leur emploi. Mais c'est peu. Il reste que la «fausse modestie» de l'empereur quant à la qualité des vers aussi bien que la flatterie du courtisan se comprendraient beaucoup mieux si l'auteur des vers était l'empereur lui-même. En revanche, dans ce cas-là, la flatterie négative du courtisan: «Ils ne sont pas dignes d'avoir des vers plus jolis» semble assez pauvre voire assez maladroite de la part d'un bon

[13] Dans toutes les éditions du *Triodion* grec. — Les auteurs byzantins (Théophane Cont., 107; Skylitzès, 63 = Cédrène, II, 117; Zonaras, III, 366—367) en donnent d'autres exemples: «Il se flattait d'être mélode, et c'est pourquoi il composa des hymnes et mit en musique des stichères qu'il donnait l'ordre de chanter: entre autres, il transposa le *Bénissez* du quatrième ton d'après le *Jeune fille, écoute* de la huitième ode, changea son rythme, et décréta qu'il devait être chanté publiquement dans l'église de Dieu. On raconte encore que, pris par l'amour du chant, un jour de grande fête à la Grande Église, il ne dédaigna pas de diriger le chœur et donna pour cela au clergé cent livres d'or…» (Flusin-Cheynet, *Jean Skylitzès*, 59). — Cf. dans le *Skylitzes Matritensis* miniature N. 124 : Grabar-Manoussacas, 44-45 fig. 53 (f. 52r) = Estopañan, 80 fig. 130.

[14] L'authenticité de la lettre est, en général, envisagée sérieusement par les chercheurs: Ehrhard chez Krumbacher, 78: «Sicher stammt von ihm [Theodoros Graptos] nur ein Brief an den Bischof Johannes von Kyzikos über seine und seines Bruders Leiden unter Theophilos, der in seine Biographie aufgenommen wurde» (= Krumbacher–Sotèriadès, I, 139); Beck, 511: «Den Biographen des hl. Theophanes Graptos… machte sein Bruder Theodoros Graptos (†844), der in einem Brief an den Bischof Joannes von Kyzikos über seine und besonders seines Bruders Leiden unter Kaiser Theophilos berichtete – ein Brief, der dann in seine eigene Biographie Aufnahme fand»; *Tusculum Lexikon*[3], 776 (A. Hohlweg): «Theodoros Graptos... berichtet in einem Brief an den Bischof Johannes von Kyzikos über seine und seines Bruders Leiden unter Kaiser Theophilos, der beiden 832 mit glühendem Stift Spottverse ins Gesicht brennen ließ (daher Graptos)». Des doutes implicites pourraient être décelés soit dans un scepticisme général quant à la véracité du récit de la torture (depuis Krumbacher: supra n. 3) soit, *e contrario*, dans des assertions comme: «The earliest and fullest account appears to be the anonymous Life of Michael Synkellos» (D. Abrahamse dans *Byzantine Defenders of Images* [supra n. 1], 204 n. 302). Voir cependant, M.-Fr. Auzépy [supra, n. 1], 207: «La *Vie* de Théodore Graptos [*BHG* 1746], qui fut rédigée quand le frère de Théodore, Théophane, était métropolite de Nicée, et qui est donc antérieure à la *Vie* de Michel le Syncelle, écrite après la mort de Théophane…», et surtout eadem, 209 et n. 186: «comme l'affirme le document, *tenu pour authentique*, contenu dans la *Vie* de Théodore Graptos… C'est ce qui ressort de la lettre envoyée par les deux frères à l'évêque Jean de Cyzique pour lui faire un compte rendu de leur interrogatoire à Constantinople, qui est copiée mot-à-mot dans la *Vie* de Théodore Graptos (23-31) *et qui a de bonnes chances d'être authentique*». — Sur le personnage de Jean de Cyzique, voir, en dernier lieu, D. Afinogenov, «Κωνσταντινούπολις ἐπίσκοπον ἔχει. II. From the Second Outbreak of Iconoclasm to the Death of Methodios», *Erytheia* 17 (1996) 43—71, qui avance l'hypothese d'une identification possible avec «the most irrational eunuch of the church of Kyzikos» dans une allocution de saint Joannice, selon sa *Vie* par le moine Pierre [*BHG*[3] N. 936], dans le cadre des conflits intérieurs des vieux iconophiles sous le patriarche Méthode Ier: «It is not improbable that he is identical with John of Cyzicus, the addressee of the letter of the Graptoi brothers…» (*ibid.*, 65 n. 98); cf. *Byzantine Defenders of Images*, 343 n. 517 (*Vie* de Joannice, introduction et traduction par D. F. Sullivan, 243—351).

[15] *PG* 116, (653—684) 673—674.

[16] «Saint Michel le Syncelle…» [supra n. 1] 619—620. Sans doute Vailhé traduit-il «qui avait composé ces vers» influencé aussi par la version latine chez Migne: ὃς ἦν καὶ τούτους σκεψάμενος → «qui et eorum auctor exstiterat».

courtisan byzantin, qui s'adresse à son souverain à propos d'un de ses propres produits littéraires. On s'attendrait à une flatterie beaucoup plus positive, du genre, par exemple: «Les vers sont bien meilleurs que ces hommes ne le méritent» ou «Les vers sont pourtant très jolis (ou bien: beaucoup trop jolis pour eux)»…

Le récit chez Georges le moine (Continué), qui est étroitement lié à cette tradition, en évite les problèmes, en ignorant complètement Christodule (et la question de la paternité des vers); en employant simplement la première partie du récit («Enlève-les, grave-leur ces vers sur le visage…»), laisse entendre que l'auteur des vers est l'empereur. La «fausse modestie», qui suit immédiatement après, est donc beaucoup plus naturelle. Le problème avec la flatterie du courtisan reste; ici sa réplique est même encore plus maladroite; mais l'absence d'attribution explicite des vers à l'empereur facilite les choses: …μετὰ θυμοῦ καὶ τραχείας φωνῆς πρὸς τὸν ὕπαρχον ἔφη· «Ἆρον αὐτοὺς εἰς τὸ πραιτώριον καὶ γράψον τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ἐγκολάψας τούσδε τοὺς στίχους» …προσθεὶς ὅτι· «κἂν μὴ ὦσι καλοί, μή σοι μελέτω». Τοῦτο δὲ εἶπεν εἰδὼς αὐτοὺς ὡς σοφωτάτους καὶ ἄριστα ἠσκημένους τῶν ποιητικῶν σχημάτων τὴν ἀκρίβειαν, εἰπόντος τινός· «οὐδὲ ἄξιοί εἰσιν αὐτοί, ἵνα καλοὶ ὦσιν οἱ ἴαμβοι».[17]

Enfin le pseudo-Syméon, très lié encore cette tradition, donne à la narration une version différente; c'est au préfet de la ville que l'empereur donne l'ordre de composer lui-même (ou de faire composer) des vers, et la remarque de l'empereur quant à leur qualité, à laquelle on ne devrait pas prêter beaucoup d'attention, vise à encourager le pauvre dignitaire qui se trouve devant cet ordre inattendu; pas de place ici pour la réplique du courtisan, puisque les vers n'ont pas encore été écrits: μετὰ θυμοῦ πρὸς τὸν ὕπαρχον ἔφη· «Ἆρον αὐτοὺς εἰς τὸ πραιτώριον, καὶ ποιήσας στίχους ἔγγραψον αὐτοὺς κολάψας εἰς τὰ πρόσωπα αὐτῶν· καὶ ἂν οὔκ εἰσι καλοί, μή σοι μελέτω»· τοῦτο δέ εἶπεν διὰ τὸ εἶναι τοὺς ὁσίους σοφωτάτους.[18]

Quoi qu'il en soit, S. Vailhé avait complètement tort lorsque, persuadé comme il était qu'il n'y avait pas de problème de paternité des vers, puisque la lettre dans la *Vie* en donne une fois pour toutes le nom d'auteur, il pensait que Krumbacher avait attribué les vers à Théophile par simple inadvertance;[19] Vailhé avait tout simplement ignoré toute une bonne et vaste tradition littéraire qui, à tort ou à raison, attribue explicitement les vers à l'empereur.

* * *

Or, à la fin du XVIIe siecle le patriarche de Jérusalem (1669—1707) Dosithée,[20] dans son livre monumental sur l'histoire de ses prédécesseurs, 'Ιστορία τῶν ἐν 'Ιεροσολύμοις πατριαρχευσάντων, ouvrage posthume,

[17] Éd. I. Bekker (Bonn), 807—808 (=*PG* 109, 868).

[18] Éd. I. Bekker (Bonn), 641 (=*PG* 109, 704).

[19] Vailhé, 620 n. 1: «Krumbacher, p. 707, attribue par erreur ces vers à Théophile lui-même».

[20] Sur Dosithée et ses rapports avec les pays roumains: I. Dură, 'Ο Δοσίθεος 'Ιεροσολύμων καὶ ἡ προσφορὰ αὐτοῦ εἰς τὰς ρουμανικὰς χώρας καὶ τὴν ἐκκλησίαν αὐτῶν, Athènes 1977. Cf.

publié à Bucarest en 1715, avec des remaniements discutables,[21] par les soins de son neveu et successeur, le patriarche (1707—1731) Chrysanthe Notaras,[22] avance une nouvelle attribution des vers, à un certain Aristéalos:

«…καὶ τελευταῖον δώδεκα ἰαμβικοῖς ἔπεσιν ἐν τῷ μετώπῳ κατεστίχθησαν ὑπὸ τοῦ 'Αριστεάλου συντεθειμένοις, οὕσπερ [sic ed. propter συντεθειμένοις (commune masc. et neutr.) et κατὰ τὸ νοούμενον στίχοις pro ἔπεσιν; ἅπερ leg.] εὑρίσεις [εὑρήσεις scrib.] εἰς τοὺς χρονογράφους, καὶ μετὰ τὸ ποιῆσαι αὐτοὺς καταστίκτους, ὁ Θεόφιλος…».[23]

Personne, semble-t-il, n'a jamais prêté attention à cette attribution, à cause, sans doute, du contenu chaotique du gros ouvrage de Dosithée; à cause, peut-être, aussi de sa pauvre réputation à l'époque moderne en tant que source historique, comme nous allons voir. Personne — à la seule exception d'un autre auteur prolifique, un grand lecteur aussi, très attentif mais très peu critique: saint Nicodème l'Hagiorite (1749—1809), qui reproduit tels quels les renseignements de Dosithée sur la paternite des vers, dans son *Synaxariste*, en 1819 (: note au synaxaire des saints frères Graptoi, le 27 décembre):

D. G. Apostolopoulos-P. Michaèlarès, 'Η Νομικὴ Συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου: μία πηγὴ καὶ ἕνα τεκμήριο, I [= Ἐθνικὸ Ἵδρυμα Ἐρευνῶν / Κέντρο Νεοελληνικῶν' Ερευνῶν, 35], Athènes 1987; dans l'attente du vol. II qui comportera l'introduction analytique, voir : D. G. Apostolopoulos, «Τὸ Μέγα Νόμιμον καὶ ὁ Δοσίθεος 'Ιεροσολύμων», Μεσαιωνικὰ καὶ Νέα 'Ελληνικὰ 5 (1996) 283—293; id. 'Ανάγλυφα μιᾶς τέχνης νομικῆς: βυζαντινὸ δίκαιο καὶ μεταβυζαντινὴ «νομοθεσία» [= Ἐθνικὸ Ἵδρυμα Ἐρευνῶν / Κέντρο Νεοελληνικῶν Ἐρευνῶν, 69], Athènes 1999, 183—185.

[21] Voir ad hoc: G. Kournoutos, «'Η Δωδεκάβιβλος τοῦ Δοσιθέου εἰς τὴν τυπογραφίαν τοῦ Βουκουρεστίου», *Théologia* 24 (1953) 251—253; cf. A. Papadopoulos-Kérameus, 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, I, Saint-Pétersbourg 1891, ιγ΄; D. G. Apostolopoulos, «Ἐκδόσεις, περιλήψεις, ἤ εὑρετήρια; Διλήμματα καὶ ψευδοδιλήμματα», dans: 'Η ἀνάγκη καὶ ἡ τεχνικὴ τῶν ἐπιτομῶν / *Nécessité et technique des regestes* [= Institut Hellénique de Venise — Centre d'Études Byzantines, neo-hellèniques et sud-est européennes EHESS. Séminaire de travail 2], Venise 2003, (15—29) 21—22. — Différentes formes manuscrites de l'original dans: *Constantinopolitanus Metochii S. Sepulcri 242* pp. 2104 (en 1703: la version la plus complète et, semble-t-il, définitive; A. Papadopoulos-Kérameus, 'Ιεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, IV, Saint-Pétersbourg 1899, 206—207); *Constantinopolitanus Metochii S. Sepulcri 230* pp. 1163 (Papadopoulos-Kérameus, *ibid.*, 196); *Hierosolymitanus S. Crucis 21* (*ibid.*, III, Saint-Pétersbourg 1897, 50); *Hierosolymitanus S. Crucis 11* N. 4 (*ibid.*, [32—34] 33; d'où Papadopoulos-Kérameus a publié partiellement des passages omis dans l'édition imprimée: 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, I, 231—307). – On sait que le contenu de l'ouvrage va beaucoup plus loin que son titre ne l'indique, tandis que le titre courant de *Dodécabiblos*, qui lui a été attribué posténeurement et qui s'est finalement imposé, reflète un peu, avec son caractère «technique» mais pratiquement «asémantique», le petit chaos du contenu, difficile à décrire par un titre quelconque, de cet ouvrage richissime.

[22] Archim. Cyrille Athanasiadès, «Χρύσανθος 'Ιεροσολύμων ὁ Νοταρᾶς», Ἐκκλησιαστικὴ 'Αλήθεια, IV (1883), 9—11, 21—23, 53—55, 69—72, 81—83 ; *ibid.*, 83—84, 148—150: appendice de documents. En dernier lieu: Pénélope Stathis, Χρύσανθος Νοταρᾶς Πατριάρχης 'Ιεροσολύμων, πρόδρομος τοῦ Νεοελληνικοῦ Διαφωτισμοῦ, Athènes 1999 (sur l'édition de l'*Histoire* de Dosithée: *ibid.*, 113, 243—245).

[23] P. 693 de l'édition imprimée (version de Chrysanthe : supra n. 21, 22). Le texte original de Dosithée, dans un grec plus simple, n'a pas de difference de substance: εἰς τὸ ὕστερον καὶ ἐστιγματίσθησαν εἰς τὸ μέτωπον μὲ ιβ΄ ἰαμβικὰ ἔπη ἀπὸ τὸν Ἀριστέαλον συνθεμένα, ἅτινα εὑρίσκομεν εἰς τοὺς χρονογράφους. Καὶ ἀφ'οὗ τοὺς ἀπεσημάδεψε… (p. 1128 du manuscrit *Constantinopolitanus 242* du Métochion du Saint-Sépulcre : supra n. 21).

«Καὶ τοῦτο δὲ σημείωσαι, ὅτι τοὺς δώδεκα τούτους ἰαμβικοὺς στίχους ἐσύνθεσεν ὁ Αριστέαλος».[24]

Nicodème ne renvoie pas explicitement à Dosithée à propos de ce renseignement particulier, mais il est évident que, dans toute cette note sur le synaxaire des frères Graptoi, il puise largement chez lui; dans cette même note il y a, d'ailleurs, trois autres renvois, cette fois exprès, à Dosithée.

Ce poète byzantin Aristéalos, autrement complètement inconnu, dont le nom même et sa composition sentent déjà le fantaisiste, est certainement une personne qui n'a jamais existé. Serait-elle une invention pure et simple de Dosithée?

On sait que les qualités historiques de l'ouvrage de Dosithée ont souvent été discutées, à tort ou à raison. On est même arrivé à lui attribuer, implicitement, des constructions délibérément imaginaires: «Le patriarche de Jérusalem, Dosithée, est le seul à en parler. Il y aurait lieu de rejeter sans discussions son témoignage…».[25] «Le patriarche Dosithée… est un professionnel de l'inexactitude…».[26] Les accusations du Père Vitalien Laurent ont été reprises par d'autres auteurs.[27] Or, D.G. Apostolopoulos a récemment réussi à éliminer considérablement ces vieux préjugés contre Dosithée;[28] il a même montré que dans le cas particulier où s'était référée la critique du Père Laurent, Dosithée avait raison: il avait, en tout cas, bien reproduit sa source byzantine.[29]

Aristéalos donc, poète byzantin, ne saurait être regardé comme une pure création imaginaire de Dosithée; comme Apostolopoulos l'a bien montré, Dosithée n'invente pas, ne construit pas de choses de sa propre imagination. Il n'en reste pas moins, je crois, que Laurent a raison lorsqu'il écrit que «le patriarche Dosithée… écrivait très vite…»;[30] en effet, l'esprit critique lui fait souvent défaut. Où aurait-il donc emprunté ce nom (et cette attribution)?

1. L'hypothèse plus simple est celle d'une mauvaise lecture (ou d'une mauvaise restitution) par Dosithée ou par sa source (ou par les sources de sa source) du nom (d'auteur ?) transmis par la lettre à Jean de Cyzique, donc par la *Vie* métaphrastique des Graptoi: Christodoulos.[31] En effet, on retrouve bien

[24] Συναξαριστὴς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ, I—III, Venise 1819: I, 422 n. 2 (réédité: Constantinople 1842; Zante 1868. Une nouvelle édition entièrement remaniée du point de vue de la langue, en deux volumes, Athènes 1868 ; rémpression anastatique à Athènes, s.d. Un autre remaniement moderne en fut récemment publié, en six volumes, à Thessalonique, s. d.). Une nouvelle édition de l'original [par les soins de Mme Lamprinè Triantaphyllopoulos que je remercie très cordialement], I—III, Athènes 2005, est sous presse (voir: vol. I, 774 n. 1).

[25] V. Laurent, *Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople*, IV, Paris 1971, 21—22 N. *1218.

[26] V. Laurent, «La succession épiscopale des derniers archevêques de Chypre, de Jean le Crétois (1152) à Germain Pésimandros (1260)», *REB* 7 (1949) 36—37.

[27] C. Hadjipsaltès, «'Η Ἐκκλησία τῆς Κύπρου καὶ τὸ ἐν Νικαίᾳ οἰκουμενικὸν πατριαρχεῖον ἀρχομένου τοῦ ιγ΄ μ.Χ. αἰῶνος…», Κυπριακαὶ Σπουδαὶ 28 (1964), (135—168) 160—161: ὅθεν ἡ περὶ τοῦ Δοσιθέου ἐκφρασθεῖσα κρίσις τοῦ αἰδ. V. Laurent παραμένει ἀκόμη ἀδιάσειστος.

[28] «Ἐκδόσεις, περιλήψεις, ἢ εὑρετήρια;..» [supra n. 21], 17—22.

[29] Cf. id., «Τὸ Μέγα Νόμιμον καὶ ὁ Δοσίθεος 'Ιεροσολύμων» [supra n. 20].

[30] «La succession épiscopale…» [supra n. 26].

[31] Dosithée connaît, semble-t-il, la lettre à Jean de Cyzique incorporée dans la *Vie* métaphrastique (d'après l'édition Combefis de 1664?) ; en tout cas, il y renvoie explicitement:

dans Ἀριστέαλος le groupe de lettres [ ]ριστ[ ] et la terminaison [ ]λος du mot Χριστόδουλος: [ ]ριστ[ ]λος. J'y vois trois difficultés, qui, à vrai dire, ne sont pas du tout dirimantes: (a) Le changement de l'initiale, élément assez important en soi, bien qu'une confusion entre un χ et un α ne soit pas paléographiquement complètement impossible, malgré la présence (ou l'absence) de l'esprit doux; (b) Le choix de cette *lectio difficilior* Ἀριστέαλος contre un nom très commun comme Χριστόδουλος; (c) Dans le cas même où le nom original aurait été mutilé dans le modèle de Dosithée, le fait reste qu'il a eu recours à cette construction, fantaisiste en soi, d'un nom Aristéalos, qui n'évoque absolument rien. Il aurait plus facilement pu penser à un nom comme Ἀριστόδουλος, peut-être également fantaisiste, mais très proche de Χριστόδουλος, sauf l'initiale; même quelque chose comme, par exemple, *Ἀριστέλαος ou bien le nom très bien attesté d'Ἀριστόλαος (des noms qui ne maintiennent cependant pas intacte la terminaison — < > λος !) eût été plus supportable que cet Ἀριστέαλος…

2. Je ne vois que la possibilité d'une autre hypothèse, quelque peu plus compliquée. Le récit hagiographique plus important que connaisse Dosithée sur les deux saints frères Graptoi est, sans doute, leur *Vie* par Théodora Rhaoulaina Cantacuzène Paléologue, éditée par A. Papadopoulos-Kérameus,[32] précisément d'après un manuscrit du patriarcat de Jérusalem, le *Constantinopolitanus Metochii S. Sepulcri 244*, ff. 129r—153r, que Dosithée a bien connu dans la bibliothèque de sa demeure officielle constantinopolitaine, pratiquement dans sa propre bibliothèque; il cite, d'ailleurs explicitement ce texte, alors inédit, sans aucun doute d'après ce même manuscrit.[33] Nicodème dans son *Synaxariste* reprend littéralement cette citation.[34] Or, dans le texte de Théodora Rhaoulaina, juste avant la citation des douze vers iambiques,[35] se trouve une citation poétique classique, sans attribution explicite dans le texte: ὡς ἐν ἀρρήκτοις πέτραις ἀδαμαντίναις, φαίη ἂν

αὐτὸς ὁ ἴδιος Θεόδωρος διηγεῖται εἰς τὴν ἐπιστολὴν ἣν ἔγραψε πρὸς τὸν Κυζικινὸν Ιωάννην (p. 694 de l'éd. =*Constantinopolitanus Metochii S. Sepulcri 242* p. 1129). A moins qu'il ne la connaisse seulement par une mention analogue dans la *Vie* par Théodora Rhaoulaina [supra n. 2]: ἀλλὰ ὁ ταῦθ' ὁμοῦ εἰδέναι βουλόμενος, τὴν πρὸς τὸν Κυζίκου 'Ιωάννην ἐπιστολὴν μὴ κατοκνείτω ζητεῖν (*Constantinopolitanus Metochii 244* φ. 146r = éd. Papadopoulos-Kérameus, 213); mais le fait que Dosithée connaît que l'auteur de la lettre est Théodore Graptos lui-même, ce qui n'est pas explicitement mentionné chez Théodora Rhaoulaina, et aussi la forme latinisante de sa citation: Κυζικηνὸς 'Ιωάννης (= Ioannes Cyzicenus ou Cyzicensis), au lieu de ὁ Κυζίκου Ιωάννης (Théodora Rhaoulaina) ou 'Ιωάννης Κυζίκου, semblent exclure cette hypothèse. — Nicodème l'Hagiorite ne connaît, semble-t-il, la *Vie* métaphrastique que d'après un manuscrit de Lavra: Ἐν δὲ τῇ Μεγίστῃ Λαύρα σώζεται ὁ Βίος τοῦ 'Αγίου Θεοδώρου τούτου, οὗ ἡ ἀρχή· Τῶν ὑπὲρ Χριστοῦ τὴν ἄθλησιν ἑλομένων [= *BHG*³ N. 1746] (*loc. cit.*: supra n. 24).

[32] 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, IV, 185—223 [supra n. 2]

[33] 'Ιστορία τῶν ἐν 'Ιεροσολύμοις πατριαρχευσάντων, 678; cf. Papadopoulos-Kérameus, 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, V, 399.

[34] C'est d'après la mention chez Dosithée que Nicodème l'Hagiorite cite la *Vie* par Théodora Rhaoulaina, inédite encore à son époque: Σημείωσαι ὅτι τὸν Βίον τῶν ἁγίων τούτων αὐταδέλφων Θεοδώρου καὶ Θεοφάνους τῶν Γραπτῶν συνέγραψεν ἡ Θεοδώρα 'Ραουλαίνη καὶ Καντακουζηνὴ ἡ Παλαιολογῖνα (καὶ ὅρα σελ. 678 τῆς Δωδεκαβίβλου) [*loc. cit.*: supra n. 24].

[35] Éd. Papadopoulos-Kérameus, 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, IV, 213 l. 8—9; les vers, *ibid.*, l. 20—31. Il est vrai que les deux citations très voisines se trouvent dans le

ποιητής.[36] Il s'agit évidemment du vers 6 du *Prométhée enchaîné* d'Eschyle, paroles de la Force (Kratos): ἀδαμαντίνων δεσμῶν ἐν ἀρρήκτοις πέδαις [*πέτραις* codd.].[37] S'il y avait eu quelque part une note quelconque, mal écrite, qui eût indiqué le nom du poète: Αἰχύλος ou Αἰσχύλου, il aurait été possible qu'une mauvaise lecture de ce nom (un nom qui n'entre pas dans le contexte immédiat de ce qui était le monde spirituel de Dosithée), ou une fausse restitution de ce qui en restait, d'après des vestiges de lettres, eût donné naissance au nom fantaisiste d'Aristéalos: Αἰσ[χύ]λου → Α[ ]ισ[ ]λου → Ἀ<ρ>ισ<τεά>λου. Il aurait suffi de faire ensuite rapporter cette note (et ce nom), du vers eschylien aux douze vers iambiques cités quelques lignes plus bas dans le même texte.

Seulement, il n'y a pas de note pareille sur le manuscrit du Métochion du Saint-Sepulcre, le seul manuscrit contenant la *Vie* par Théodora Rhaoulaina que Dosithée ait, selon toute probabilité, connu. Pourrait-on supposer que Dosithée, par respect à l'ancien manuscrit de luxe, ait noté (ou ait fait noter) le nom du poète grec classique seulement sur sa propre copie (?) de la *Vie* ou qu'il en ait pris (ou en ait fait prendre) une note séparée, et que plusieurs années plus tard en ait fait une double faute d'emploi ? A savoir une faute quant au passage du texte où la note se référait et une faute de lecture de la note elle-même …

Cette dernière hypothèse n'est pas beaucoup meilleure que la précédente, qui est d'ailleurs bien plus simple. En revanche, elle a pourtant le mérite de donner une solution au problème de l'initiale *A* et aussi, à mon avis, au problème de la *lectio difficilior*: dans ce contexte hagiographique le nom d'Eschyle n'aurait pas été beaucoup plus courant ou ordinaire que n'importe quel nom du type d'*Aristéalos*. Elle a le défaut de ne constituer qu'une simple construction théorique, qui ne se fonde sur aucune trouvaille dans la tradition manuscrite.

Du point de vue d'une petite statistique, aussi insignifiante qu'elle soit en matière de paléographie grecque (elle ne tient évidement pas compte des ligatures et des abréviations éventuelles): le mot Ἀριστέαλος (dix lettres) se trouve à égale distance de ses deux prototypes supposés: Χριστόδουλος (douze lettres) et Αἰσχύλος (huit lettres); il a sept lettres en commun avec Χριστόδουλος et six avec Αἰσχύλος; il a en commun avec Χριστόδουλος le groupe [ ]ριστ[ ], qui est diminué dans Αἰσχύλος en [ ]ισ[ ], mais formant avec l' A initial le groupe Αισ[] (dissocié dans Ἀριστέαλος en Α[ ]ισ); il a en commun avec Αἰσχύλος l'initiale A; enfin tous les trois noms ont la terminaison commune — < > λος.

manuscrit dans des folios différents; cela semble rendre notre hypothèse plus improbable, mais sans la détruire complètement, si on pense à une copie ou une note personnelle faites d'après le manuscrit.

[36] Cf. Papadopoulos-Kérameus, ’Ανάλεκτα ‘Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, V, 398.

[37] Papadopoulos-Kérameus dans ses *addenda* [supra n. 36] corrige même dans le texte de Théodora Rhaoulaina πέτραις en πέδαις. Mais Théodora cite bien πέτραις, ce qui est en conformité avec la concordance des manuscrits du *Promethée* [*codd.* dans l'apparat critique de l'éd. G. Murray (OCT); *M similia cett.* dans l'apparat de l'éd. P. Mazon («Les Belles Lettres»): corrigé par les éditeurs modernes d'après une ancienne scolie]. Théodora n'aurait su précéder les éditions critiques modernes.

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

ЗАГАДКА «ИСТОРИИ ТАРОНА»

Один из самых таинственных памятников средневековой армянской литературы — сборник «История Тарона» — приписывается двум авторам — Зенобу Глаку и Иоанну Мамиконяну. В состав его входят два раздела и памятная запись (ишатакаран) епископа Тарона Иоанна Мамиконяна, который предпринял свой труд (согласно этой записи) по просьбе католикоса Нерсеса III Строителя (640—661).

Первый раздел относится к эпохе христианизации Армении в начале IV в., содержит переписку Григория Просветителя и два рассказа первого игумена монастыря Иоанна Предтечи (Св. Карапета) сирийца Зеноба. Второй раздел (помимо списка игуменов-сирийцев) включает в себя изложение событий церковной и общественно-политической жизни в Тароне конца VI—первой половины VII в., о войнах с персами таронских владетелей Мамиконянов и начале арабских завоеваний.[1]

Автор памятной записи сообщает, что ему удалось разыскать архив монастыря Глакаванк (Св. Карапета) и перевести на армянский язык записи первых сирийских игуменов. Он добавил к этим переводам те материалы, которые собрал сам, и составил сборник «во время царствования Ираклия и смерти Хосрова, по приказу католикоса Армении Нерсеса, в правление Ваана Мамиконяна, которого по материнской линии называли Камсаракан, он был тридцать вторым [правителем Тарона] после Мушега, прозванного доблестным».[2]

Большая часть арменоведов полагает, что «История Тарона» — компиляция, составленная не ранее VIII в., при этом в основу первой части

[1] «История Тарона» дошла до нас во множестве списков. Большая их часть (23 рукописи) находится в Матенадаране (Ереван). Две рукописи относятся к XIII в., одна — к XIV, остальные — к XVI, XVII, XVIII вв. Большое количество рукописей и тысячелетнее бытование сборника доказывают его несомненную популярность у читателей. Критическое издание «Истории Тарона» выполнено А. Абраамяном: *Иоанн Мамиконян.* История Тарона. Ереван, 1941 (на др.-арм. яз.; далее — История Тарона); *Avdoyan L.* Pseudo-Jovhannes Mamikonean. The History of Taron. Atlanta, 1993. См. указанную там литературу.

[2] История Тарона. С. 287—288.

© В. А. Арутюнова-Фиданян, 2007

легли поздние церковные предания, а вторую составляет эпос «Таронская война». Альтернативную точку зрения представляет историко-филологическое исследование К. В. Айвазяна, предпринятое им в конце 70-х гг. прошлого века; по его мнению, «История Тарона» — произведение ранней историографии, относящееся в первом разделе к началу IV в., а во втором — к концу VI—первой половине VII в.[3] Оппоненты К. В. Айвазяна не смогли «справиться» с наличием достоверных реалий в канве повествования «Истории Тарона». В то же время он сам не смог удовлетворительно объяснить многочисленные ошибки и анахронизмы во второй части источника, а также оспорить «смутное представление автора о пережитом им историческом времени» (формулировка А. Абраамяна), т. е. развеять сомнения относительно принадлежности составителя сборника к VII в.

Установление времени составления сборника, на мой взгляд, является главной опорой исследователя при разрешении загадок и противоречий источника. До сих пор не уделялось должного внимания известному факту, что впервые об «Истории Тарона» упоминается в X в. На X в. приходится упразднение власти Арабского халифата и возникновение новых средневековых монархий (царств и княжеств) на территории Армении. Правители Васпуракана, Алуанка и других областей поощряли интерес к региональным анналам.

Составитель сборника «История Тарона» избрал два наиболее ярких периода в истории Таронского княжества: утверждение христианства в начале IV в. и войну с персами в VI—VII вв. Он был знаком, очевидно, с ранней армянской историографией, устными преданиями о войнах с персами и с родовыми преданиями князей Мамиконянов, а типологическое сходство в композиции нарративного материала с региональными анналами X в. дает возможность предположить, что «История Тарона» также была создана в X в., тем более что об этом источнике впервые упоминает епископ Ухтанес (вторая половина X в.).[4]

«История Тарона» — один из самых дискуссионных памятников в арменоведении,[5] однако существует проблема, решение которой ни у кого не вызывает сомнений: и сторонники и противники аутентичности сборника единодушны в одном — «История Тарона» составлена (когда бы это ни произошло) с целью прославления рода Мамиконянов.[6]

[3] *Айвазян К. В.* «История Тарона» и армянская литература VI—VII веков. Ереван, 1976. Библиографию работ, посвященных «Истории Тарона», см.: Там же. С. 4—6. Изложение дискуссии там же в гл. I («„История Тарона” и ее критики»). С. 9—42.

[4] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Время компилятора // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2004. С. 6—8.

[5] Дискутируются жанр, авторство, состав, композиция, время написания, содержание и т. д., и т. п.

[6] С. Т. Еремян отмечает, что обычно анналы, возвеличивавшие крупные нахарарские дома Армении, составлялись в их монастырях, «а в Тароне фамильным монастырем Мамиконянов был Сурб Карапет — монастырь Св. Иоанна Предтечи (Глакаванк). В этом монастыре создавалась „История Тарона” — сборник разновременных записей, начиная V и кончая VIII в.» (*Еремян С. Т.* О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические свя-

И это, на мой взгляд, самая главная загадка если не источника, то источниковедения. Обратимся к памятной записи. Ее автор сообщает, что нашел документы о ранней истории Тарона в монастыре Глакаванк (10 патченов[7]), а сказания о роде Мамиконянов «от царя Трдата до персидского царя Хосрова» обнаружил в Эдессе у священника, который перевез туда часть монастырского архива во время одного из вражеских нашествий («персидских или других войск») — всего 28 патченов, а затем в сборник вошли материалы, собранные Иоанном в VII в. — очевидно, записи местных преданий о князьях Тарона.[8]

Однако в сборнике мы находим только начальную и конечную части повествования, заявленного в памятной записи. И возникают обоснованные сомнения в идентичности личности автора памятной записи и составителя сборника. Загадочно, что в памятнике, созданном в родовом монастыре Мамиконянов, отсутствует генеалогия этого дома — предмет особенного внимания средневековых историков Армении.[9]

Удивительно также, что из сборника изъяты те разделы, которые повествуют о событиях «от царя Трдата до персидского Хосрова», т. е. от конца IV в. до конца VI в. — именно тот отрезок времени, когда Мамиконяны находились на исторической авансцене Армении и в центре внимания эпоса и ранней армянской историографии. «Бузандаран», Елише, Лазар Парпеци предоставляют исследователю достаточно репрезентативный материал. Мамиконяны — владетели обширных областей (в том числе Тарона и Тайка), наследственные главнокомандующие (спарапеты) армянского войска, наставники и регенты царевичей, «делатели царей» и правители страны после падения династии Аршакидов — были лидерами борьбы за независимость с Сасанидским Ираном и Арабским халифатом.[10] Н. Адонц писал: «Трудно найти в истории такой княжеский дом, который на протяжении веков оставался так верен родовому мировоззрению и традициям. Вместе с кровью они наследовали героический дух своего рода. Даже их имена, переходя из поколения в поколение, представляют памятники их прошлого. Они являлись беззаветными защитниками чести и достоинства армянской страны и народа, которые, потеряв свою силу в неравных войнах, сгорели героями в

зи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965. С. 152). М. Абегян писал: «Эта книга по своему простонародному языку, ясному и простому стилю и содержанию в действительности является сборником народных сказаний, который не имеет ничего общего с реальной историей и, напротив, обладает всеми свойствами народных сказаний... Все это произведение, как в части Зеноба Глака, так и Иоанна Мамиконяна, сочинено в целях восхваления Тарона и нахарарского рода Мамиконян» (*Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 230—231).

[7] Патчен — это «письмо, послание», а также «список, копия», что, возможно, подчеркивает дистанцию между сюжетом и составителем сборника.

[8] История Тарона. С. 288.

[9] Даже Мовсес Хоренаци, который уделял Мамиконянам гораздо меньше внимания, чем Багратидам, приводит легенду о происхождении их рода (*Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // Древнейшие государства Восточной Европы. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 15).

[10] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание... С. 9—16.

пламени самопожертвования».[11] Мамиконяны — рыцари армянского эпоса и историографии, они отличаются глубоким и действенным патриотизмом, отвагой и мужеством, им присуще чувство чести и справедливости, они — защитники по призванию, милостивы к слабым и к побежденным врагам. Они верны слову, честны и прямодушны, гостеприимны и доброжелательны. Мамиконяны являют собой воплощение физического и нравственного совершенства (καλοκἀγαθία).[12]

Д. С. Лихачев на материале древнерусской литературы доказывает, «что именно жизнь <...> выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилом людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов».[13] Очевидно, что армянская действительность IV—VII вв. (борьба за государственную и религиозную независимость) требовала героических деятелей и вызывала их к жизни. Спарапеты Мамиконяны, доминировавшие в коллизиях эпохи, должны были быть близки к идеалу государственных деятелей и воинов. Идеализирующим фактором являлась и близость историографов к их дому (Елише был секретарем полководца Вардана Мамиконяна, а Лазар Парпеци — протеже марзпана Ваана Мамиконяна).[14]

Составитель «Истории Тарона» начинает отсчет таронских Мамиконянов не с выдающихся деятелей этого дома IV—V вв., а с Мушега, также достаточно известного полководца конца VI в., принимавшего участие в возведении на престол Хосрова II.

Составитель, очевидно, знал и «Историю» Себеоса (VII в.), и легенду о Мушеге Мамиконяне, которая легла в основу сочинения Себеоса. Он сознательно ставит самого знаменитого Мамиконяна конца VI в. первым в ряду таронских Мамиконянов.[15]

Однако последующие сюжеты «Таронской войны» с персами не имеют никаких параллелей в других источниках, а Мамиконяны из Тарона не похожи на своих знаменитых предшественников. Второй патчен второго раздела посвящен походу персидского полководца Михрана на Тарон с целью взять в плен Мушега Мамиконяна. Ваан Мамиконян пообещал перейти на сторону Михрана: «Если страну эту отдашь мне во владение, я отдам князя Мушега в твои руки». Ваан принес Михрану присягу, получил под свое командование часть персидского войска и вероломно уничтожил его у города Одз.

Ваан пригласил Михрана на пир и зарезал его (составитель беспощаден к читателям, сообщая подробности этого убийства), он пытками получил от персидских князей пароль для их отрядов и часть их перебил мечом, а часть даже сжег в храме. Он обманом разделил оставшееся войско персов на мелкие отряды и истребил их, оставив в живых лишь 40

[11] *Адонц Н.* Исторические исследования. Париж, 1948. С. 42 (на арм. яз.).
[12] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание... С. 16—18.
[13] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 29.
[14] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание... С. 18—19.
[15] Там же. С. 26.

человек, чтобы они донесли до персидского царя весть о случившемся.[16] Ваан гордится своим прозвищем «Гайл» (волк), а его действия — длинная цепь вероломных обманов и притворных клятв. Следующий патчен озаглавлен «О втором приходе Вахтанга с тридцатью тысячами, который построил город Порп и крепость Гаар».[17] Это уже не просто набег. Вахтанг укрепляет границу по линии Тарон — Палуник, строит опорные пункты, заселяя их персами, т. е. превращает край в персидскую провинцию, демонстрируя переход от тактики набега к освоению захваченных земель. Вахтанг, однако, стремится к переговорам и посылает «смелому и великому Ваану» дипломатичное письмо. Ответ Ваана невероятно оскорбителен и для Вахтанга, и для его семьи, и для его страны. Вахтанг посылает шеститысячный отряд на город Муш, армянское войско ночью нападает на лагерь персов и истребляет большую их часть. Оставшиеся в живых предложили большой выкуп за свою жизнь, и Ваан взял его, однако, «когда Ваан увидел, что они уходят <...> он напал на них и стал рубить».[18]

Сын Ваана Смбат продолжает эскалацию жестокости и вероломства. Он уничтожает «всех говорящих по-персидски» — мужчин, женщин и младенцев — жителей города Порп.[19] Смбат истребил войско Вахтанга, убил его самого и взял в плен его жену и сына.[20] Брат Вахтанга Сурен прибыл в Тарон, чтобы выкупить родственников из плена. Автор сказания подчеркивает мудрость и терпимость перса, который сносит оскорбления Смбата и предлагает большой выкуп (100 000 дахеканов) за женщину и ее сына.[21] Смбат ведет его в храм Св. Карапета, чтобы закрепить соглашение обменом клятв. «Но когда они пришли к дверям монастыря, вышли монахи и запретили входить из-за Сурена. Смбат, рассердившись, назвал персов погаными, а князь Палуника Вараз набросился на Сурена и отрубил ему голову».[22] А затем было истреблено все войско Сурена.

Отметим, что Сурен прибыл с мирной целью, согласился отдать выкуп и принести клятвы, закрепляя мир с таронским князем. Он был гостем и пользовался личной неприкосновенностью. Смбат, в сущности, преступил законы гостеприимства и рыцарской чести. Битвы превращаются в резню, Смбат и Вараз громоздят горы трупов. При этом персонажи не испытывают угрызений совести, а автор не высказывает осуждения. Подлое убийство Сурена и истребление его отряда именуется «подвигом Вараза», воспетого «плясунами».[23]

И Смбат, и его сын Ваан во время третьего похода персов на Тарон под командованием Тиграна побеждают только потому, что оказывают-

[16] История Тарона. С. 180—201.
[17] Там же. С. 205.
[18] Там же. С. 208—214.
[19] Там же. С. 226—227.
[20] Там же. С. 227—228.
[21] Там же. С. 229—233.
[22] Там же. С. 235.
[23] Там же. С. 246—247; *Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 235.

ся коварнее и неразборчивее в средствах, чем их враги. Смбат убивает посла,[24] Ваан, переодевшись, проникает в лагерь персов, «как тать в ночи», и не только убивает персидских военачальников, но и крадет «дорогие вещи, драгоценные камни и отборные мечи»,[25] т. е. и действует, как тать. Подобные поступки в армянской историографии позволяли себе только злодеи и изменники. Для Мамиконянов это совершенно невозможно, Мушег Мамиконян, захвативший в бою с Вахрамом Чубином царскую сокровищницу Сасанидов, вернул ее персидскому царю.[26]

Итак, Мамиконяны «Истории Тарона» неизменно побеждают врагов, но не мудростью и стратегическим расчетом, а хитростью и коварством, они жестоки, не щадят ни раненых, ни пленных, попирают законы гостеприимства, рыцарской чести и дипломатического протокола. Они неверны слову и неразборчивы в средствах, вероломны и злоязычны.

Бóльшая часть исследователей, подчеркивая постоянные и легкие победы владетелей Тарона, упорно продолжает считать, что «Таронская война» — это «идеализация, полная и доведенная до конца, и все это с большей наивностью, чем в „Персидской войне"».[27]

А другие, как К. В. Айвазян, исследовавший этот странный феномен, пытаются объяснить его требованиями времени (феодальная раздробленность, отсутствие в стране светского или церковного объединяющего центра, специфичность войн, носивших партизанский характер, когда лишь коварство и обман могли способствовать победе над всегда превосходящими силами противника, и т. д., и т. п.). К. В. Айвазян даже утверждает, что эти откровенно низменные свойства героев епископа Иоанна все равно являются «чертами рыцаря-воина» и что такой образ и есть «идеал эпохи», порожденный «условиями жизни в Армении VI—VII веков».[28] С этим утверждением трудно согласиться, так как у современника Иоанна Себеоса нет ничего подобного. Себеос, разумеется, пишет историю не области, а всей Армении от начала времен до 661 г. Он называет князей из дома Мамиконянов в связи с событиями общеармянского значения, рассказывает о предках Мамиконянов,[29] о восстаниях Ваана Мамиконяна против Пероза и Вардана Мамиконяна против Хосрова Ануширвана,[30] о противостоянии Мушега Мамиконяна Хосрову II.[31] У Себеоса «владетели Мамиконянские» — Мушег и Амазасп — стоят в центре политической жизни Армении VII в.[32] Себеос не

[24] История Тарона. С. 253—254.

[25] Там же. С. 255.

[26] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание... С. 20—21.

[27] *Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 237—238.

[28] *Айвазян К. В.* «История Тарона»... С. 358—367.

[29] История Себеоса / Сводный критический текст, предисл. и коммент. Г. В. Абгаряна. Ереван, 1979. С. 56—57 (на арм. яз).

[30] Там же. С. 66—69.

[31] Там же. С. 76—84.

[32] Там же. С. 171—172. К. В. Айвазян отмечает в «Истории Себеоса» странный «вакуум», охватывающий период от Мушега Мамиконяна (конец VI—начало VII в.) до другого Мушега и Амазаспа Мамиконянов (середина и вторая половина VII в.), т. е. именно

только современник Иоанна Мамиконяна, но и сторонник Багратидов, исконных противников знаменитого рода, и тем не менее в его труде образы Мамиконянов традиционно позитивны.

В эпосе «Давид Сасунский» идеал рыцаря-воина идентичен образам Мамиконянов IV—V вв., между тем социально-политическая обстановка в Армении эпохи Арабского халифата была даже более жесткой, чем в последние десятилетия войн с Сасанидами и непосредственно соприкасалась с ними: конец VII в. — отступление персов и первые набеги арабов.

Сасунские храбрецы — герои войн с арабами (IX—X вв.) — преданы своей земле, отважны в борьбе с врагом и милостивы к побежденным, верны слову, благородны и верны рыцарской чести. Иными словами, идеал рыцаря-воина в общем остается неизменным в армянском эпосе и историографии на протяжении столетий, и резкое выламывание из этого ряда Мамиконянов «Истории Тарона» требует нового осмысления.[33]

Д. С. Лихачев отмечал, что этикет в средневековой литературе становится формой и существом идеализации, но «взятым из жизни, из реальных обычаев этикетным нормам подчинялось только поведение идеальных героев. Поведение же злодеев, отрицательных лиц этому этикету не подчинялось».[34]

Учитывая инерционность этикетных установок для идеальных героев, следует предположить сознательную «дегероизацию» персонажей второго раздела «Истории Тарона».

Вряд ли можно обвинить в этом Иоанна Мамиконяна — автора памятной записи, собирателя письменных материалов и устных преданий о владетельных князях Тарона, жившего в конце VII в. Последний правитель Тарона, упомянутый епископом Иоанном, Тиран погиб в битве с арабами в 640 г., а заказ на создание «Истории Тарона» Иоанн получил от католикоса Нерсеса III.

Удивительно и то, что сборник завершается разгромом владетелей Тарона в первом же столкновении с арабами и что компилятор X в. не вспомнил о том, что Мамиконяны боролись и сражались еще более века. В 774—775 гг. они возглавили одно из самых крупных восстаний против Арабского халифата, в бою при Арчеше пали Мушег и Артавазд, и род Мамиконянов, как и родственных им Камсараканов, подвергся истреблению, Тарон (и ряд других их владений) был передан Багратидам. Ишханом Армении стал Ашот Багратид, его брат Багарат — спарапетом.

тот промежуток времени, когда правителями Тарона были: Ваан по прозвищу «Гайл», Смбат, Ваан и Тиран Мамиконяны (*Айвазян К. В.* «История Тарона»... С. 162—163).

[33] Трудно согласиться поэтому с М. Абегяном, который считает «Историю Тарона», с одной стороны, отголоском эпоса «Персидская война», а с другой — одним из источников эпоса «Давид Сасунский» (*Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 240—241).

[34] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 88—89.

Падение Мамиконянов и возвышение Багратидов в конце VIII в. завершает их многовековое противостояние. Монастырь Св. Карапета перешел под покровительство Багратидов вместе со всем Тароном.

В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что героическая история Мамиконянов IV—V вв. была изъята по приказу новых правителей Тарона в конце VIII в. А затем была проведена последовательная дегероизация Мамиконянов — владетелей Тарона VII в. Негативная трансформация образов Мамиконянов из местных легенд, записанных в VII в., могла пройти долгий путь, прежде чем попала в руки компилятора X в.

Во втором разделе, вероятно случайно, сохранился отрывок первоначальной записи Иоанна Мамиконяна. Ваан перед битвой с персидским полководцем Вардухри (четвертый приход персов в Тарон) наставляет сына Тирана «не обольщаться величием», «не творить греха», «не забывать служителей св. Карапета и не делать им зла». «И ты служи Богу и святым отцам-монахам и священникам, как я. Не прельщался я жизненными благами, не обманул горемык и сирот, но всех, кто был под моей властью — мужчин, женщин и детей, всех верующих во Христа — считал своими братьями, заботился о них, как о членах моей семьи. Сын мой, то же делай и ты. И Господь даст могущество тебе».[35]

[35] *Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 269—270. Составитель сборника тут же добавляет, что в результате военной тактики Ваана пострадали братья монастыря Св. Карапета (История Тарона. С. 274—278).

В. В. КУЧМА

Περὶ τοξείας

ПРЕДИСЛОВИЕ

В комплексе памятников ранневизантийской полемологии под указанным наименованием известен фрагмент военно-научного руководства, содержащий рекомендации по выработке навыков эффективной стрельбы из лука; имя автора этого сочинения письменная традиция не сохранила.

Первое издание фрагмента «О стрельбе из лука» было осуществлено А. Кэхли и В. Рюстовом непосредственно вслед за публикацией нового трактата, за которым впоследствии закрепилось название «О стратегии» («De re strategica»);[1] неизвестный автор этого сочинения получил в последующей ученой литературе условное наименование «Византийский Аноним VI века».[2] Немецкие издатели подчеркнули тесную связь двух впервые опубликованных сочинений, отметив как общность их содержания, так и сходство в способах изложения материала.[3] По мнению А. Кэхли и В. Рюстова, взгляды анонимных авторов на современные им проблемы военной теории и практики вполне соответствуют свидетельствам писателей юстиниановского времени (примером таковых, в частности, может служить Прокопий Кесарийский).[4]

[1] См.: Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // *Köchly H., Rüstow W.* Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil: Die Tactiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855. Текст фрагмента «О стрельбе из лука» с немецким переводом помещен здесь на с. 198—209.

[2] Подробный анализ данного военно-научного сочинения был впервые осуществлен нами, см.: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. Т. 41.

[3] *Köchly H., Rüstow W.* Griechische Kriegsschriftsteller. S. 37.

[4] При этом немецкие издатели сослались, в частности, на два отрывка из сочинения Прокопия «Война с персами» (I, 14 и I, 18), см.: *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 41—46, 55—61 (далее — Прокопий).

[5] *Müller K. K.* Eine griechische Schrift über Seekrieg. Würzburg, 1882.

© В. В. Кучма, 2007

Спустя несколько десятилетий К. К. Мюллером был впервые введен в научный оборот анонимный фрагмент о морской войне.[5] Решая проблему соотношения данного отрывка с другими, более крупными и обобщающими памятниками военной литературы, К. К. Мюллер высказал мнение о том, что публикуемое им военно-морское руководство следует также рассматривать как часть трактата «De re strategica». С гипотезой К. К. Мюллера активно солидаризировался М. Йенс:[6] он полагал, что как трактат «О стратегии», так и оба фрагмента («О морской войне» и «О стрельбе из лука») следует признать составными частями единого военно-научного сочинения, принадлежащего одному и тому же автору.

Гипотеза К. К. Мюллера и М. Йенса не встретила единогласной поддержки в последующей историографии. В ряде позднейших исследований и публикаций[7] отрывок «Περὶ τοξείας» продолжал рассматриваться как отдельное сочинение, не принадлежащее автору трактата «De re strategica». Так, А. Дэн полагал, что фрагмент «О стрельбе из лука» следует считать извлечением из другого, не известного нам трактата, датируемого, по всей вероятности, периодом ранее VI в.[8] Истоки его, по мнению французского исследователя, можно отыскать в «Кестах» Секста Юлия Африкана; позднее, полагал А. Дэн, текст «Περὶ τοξείας» вошел без значительных изменений в состав 60—62-й глав корпуса, условно называемого «Apparatus bellicus» и датируемого, по всей вероятности, временем Константина Багрянородного.[9]

Осуществляя в 1985 г. новейшее критическое издание «De re strategica»,[10] американский исследователь Дж. Дэннис счел возможным присоединить к основному тексту трактата в качестве дополнения фрагмент «О стрельбе из лука», распространив на эту дополнительную часть общую нумерацию глав (с XLIV по XLVII); следует при этом заметить, что никаких пояснений именно такого своего решения издатель не привел.

В 1990 г. была опубликована статья К. Цукермана,[11] в которой была предпринята попытка обосновать существование в византийской литературе конца VI—начала VII в. единого комплекса (компендиума) военно-научных трудов, принадлежавших одному автору — Сириану Магистру. В состав этого компендиума, по мнению К. Цукермана, входили три основные части: трактат «De re strategica», мюллеровский фрагмент

[6] *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaft. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 150—151.

[7] В середине прошлого века было осуществлено еще одно немецкое издание фрагмента «О стрельбе из лука», см.: *Schissel O.* Spätantike Einleitung zum Bogenschiessen // Wiener Studien. 1941. 59; 1942. 60.

[8] *Dain A.* Les stratégistes byzantins // TM. 1967. 2. P. 338.

[9] Ibid. P. 359.

[10] The Anonymus Byzantine Treatise on Strategy // Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation and Notes by George T. Dennis. Washington, 1985. P. 1—136 (далее — Strategy).

[11] *Zuckerman K*. The Military Compendium of Syrianus Magister // JÖB. 1990. 40.

[12] Справку о трактате «Rhetorica militaris» см. в обзоре: *Dain A.* Les stratégistes byzantins. P. 343.

о морской войне («Naumachia») и трактат «Rhetorica militaris», посвященный проблемам военного ораторского искусства.[12] Что касается фрагмента «О стрельбе из лука», то его возможная принадлежность к указанному компендиуму К. Цукерманом также не отрицалась.[13]

Наше мнение по вопросу о соотношении трактата «De re strategica» и фрагмента «О стрельбе из лука» состоит в следующем: мы считаем вполне допустимым рассмотрение этих двух памятников военной литературы в качестве единого комплекса, составные части которого органически сочетаются друг с другом. Представляется обоснованным предположение об одновременности их создания; общий смысл свидетельств, рекомендаций и установок, содержащихся в обеих частях, характеризуется выраженным единством. В свою очередь такое единство отнюдь не является случайным: эти сочинения, оба вместе и каждое в отдельности, достаточно адекватно отражают комплекс исторических реалий одной и той же (именно юстиниановской) эпохи. С точки зрения лексических и синтаксических характеристик никаких принципиальных различий между двумя текстами также не ощущается: в обоих случаях мы имеем дело с сочинениями, характеризуемыми отчетливо выраженным техническим уклоном и написанными в едином стиле,[14] с использованием хорошего греческого языка, еще достаточно близкого к классическому.[15] Совпадает и манера использования иллюстративного материала: так, историческая реминисценция об амазонках, содержащаяся во фрагменте «О стрельбе из лука», по общему характеру своего звучания практически не отличается от аналогичных сюжетов, встречающихся в основном тексте сочинения (см., например, сообщения о стратегемах Ганнибала,[16] Александра Македонского[17] и Кира,[18] упоминание о персах, хитростью захвативших город,[19] а также пересказ известных легенд о римлянине-миротворце Регуле и безымянном египетском враче, фактически спровоцировавшем войну с Персией).[20]

Вызывает, правда, сомнение обоснованность решения Дж. Дэнниса разместить фрагмент «О стрельбе из лука» именно в конце текста «De re

[13] *Zuckerman K*. The Military Compendium... P. 223—224.

[14] Лексическое и стилистическое единство двух текстов особенно бросается в глаза при характеристике конкретных технических конструкций, рекомендуемых в качестве оригинальных (ср., например, описание механизма для определения силы стрельбы во фрагменте «Περὶ τοξείας» с инструкцией по сооружению и использованию специальной осадной машины в основной части трактата «О стратегии» — Strategy, XIII. P. 42, 123—135).

[15] На чистоту и правильность языка Византийского Анонима VI в. впервые указали первые немецкие издатели трактата: они подчеркнули, что «в данном отношении автор заслуживает всяческой похвалы». Вместе с тем А. Кэхли и В. Рюстов зафиксировали в языке Анонима ряд весьма специфичных неологизмов, охарактеризованных издателями в качестве «византинизмов» (см. об этом: *Köchly H., Rüstow W*. Griechische Kriegsschriftsteller. S. 39).

[16] Strategy, XVIII. P. 60, 51—56.

[17] Ibid. XIX. P. 66, 74—76.

[18] Ibid. XIX. P. 66, 85—88.

[19] Ibid. XLI. P. 120, 13—15.

[20] Ibid. XLIII. P. 124, 16 — 126, 25.

strategica»: логическая связь соприкасающихся разделов этих руководств практически отсутствует; в результате общий комплекс информации образующегося единого целого не приобретает надлежащей завершенности.[21] Мы полагаем, что гораздо более органично фрагмент «О стрельбе из лука» вписался бы в раздел, посвященный характеристике вооружения пехотных контингентов: здесь мы вполне солидарны с М. Йенсом, полагавшим, что наиболее удачным было бы размещение фрагмента об обучении лучников после главы XVI трактата «О стратегии».[22]

Перевод фрагмента «О стрельбе из лука» осуществлен по указанному выше (в примечании 10) вашингтонскому изданию 1985 г. Подготовленный нами полный перевод всего текста трактата «О стратегии» (с включением в него и руководства об обучении лучников) в настоящее время находится в печати.

О стрельбе из лука[23]

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

При стрельбе из лука мы стремимся к троякому результату: стрелять точно, стрелять сильно, стрелять быстро.[24] Это приносит пользу не только тогда, когда мы противостоим врагам лицом к лицу, но и когда они отступают или, наоборот, преследуют нас. Лучники ведут стрельбу либо из неподвижного положения по неподвижным целям, либо из неподвижного положения по движущимся целям, либо в процессе движения по неподвижным целям, либо в процессе движения по движущимся целям. Из всех этих видов стрельбы наиболее эффективна такая, когда мы стреляем из неподвижного положения по неподвижным целям, менее эффективна — когда из неподвижного положения обстреливаются движущиеся цели; далее по эффективности следует стрельба из состояния движения по неподвижным целям и, наконец, из состояния движения по целям движущимся.

[21] На это обратил внимание и сам американский издатель (см.: Strategy. P. 4).

[22] См.: *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaft. S. 151.

[23] Из всех предшествующих памятников греко-римской полемологии настоятельная необходимость обучения военнослужащих стрельбе из лука была наиболее полно и подробно обоснована в трактате Вегеция (*Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела, I, 15 // ВДИ. 1940. № 1. С. 239). Развернутые экскурсы на данную тему содержатся в более позднем «Стратегиконе Маврикия» (Das Strategikon des Maurikios, I, 1; I, 2; XI, 1; XII B, 3 / Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981. P. 74—76, 78, 354, 420; далее — Strategicon. Имеется новый русский перевод: Стратегикон Маврикия / Изд. подготовил В. В. Кучма. СПб., 2004), а через его посредство — и в «Тактике Льва» (Leonis Imperatoris Tactica, VII, 5—10 / Ed. J.-P. Migne // PG. 1863. T. 107. Col. 736 C-D).

[24] По свидетельству «Стратегикона Маврикия», сильная стрельба составляла сущность так называемого ромейского способа стрельбы из лука, а скоростная, но не сильная стрельба — сущность так называемого персидского способа (Strategicon, I, 1. P. 74—76; XI, 1. P. 354).

Используя лук в движении, мы можем наиболее точно стрелять тогда, когда ведем обстрел по прямой линии, находясь друг против друга. Это происходит тогда, когда преследователь стреляет по бегущему или же бегущий по преследователю, причем оба ведут стрельбу, находясь верхом на конях. В пешем же строю наибольшего эффекта достигают те, которые при преследовании и отступлении ведут огонь по противнику, обращенному к ним флангом. Когда же они стреляют по врагам, проходящим мимо, удача в большинстве случаев от них отворачивается.[25]

Среди стрелков из лука одни натягивают тетиву тремя средними пальцами, другие — двумя.[26] Из этих последних некоторые придавливают большой палец указательным, а некоторые поступают наоборот — тогда они натягивают тетиву сильнее и посылают стрелу с большей силой. Любому лучнику необходимо упражняться в стрельбе каждым из названных способов так, чтобы в случае, если пальцы утомились от непрерывного натягивания тетивы каким-то одним способом, можно было бы воспользоваться другими.

Мы можем согнуть лук либо до уха, либо до горла, либо натянуть тетиву до груди. Когда тетива натягивается до уха, стрела отправляется с наибольшей силой, когда до горла — с меньшей, слабее всего — когда мы натягиваем тетиву до груди.[27] Говорят, что амазонки, использовавшие этот последний метод натягивания тетивы, были не в состоянии по

[25] Информацию, сообщаемую в двух последних фразах, следует понимать так: стрельба из лука будет действенной тогда, когда вражеские подразделения совершают движение *параллельно* фронту ромейской пехотной фаланги. При этом можно пояснить, что эффект стрельбы окажется максимально высоким, если движение неприятеля происходит *слева направо* — в этом случае стрелы будут поражать *правый* бок вражеских солдат, не прикрытый щитом. Если же враги совершают обходное движение вдоль какого-то одного или обоих флангов ромейской фаланги (т. е. движутся *перпендикулярно* ее фронту), эффект стрельбы окажется гораздо меньшим: в этом случае настильную стрельбу могут вести лишь те ромейские воины, которые расположены на флангах фаланги; воины же, размещенные в глубине, либо вообще лишатся возможности стрелять (иначе они поразят своих), либо в крайнем случае смогут вести лишь навесную стрельбу (поверх голов своих впередистоящих товарищей) — как известно, опасность такого вида стрельбы для противника всегда менее существенна.

[26] Сравнительный анализ техники стрельбы из лука «ромейским способом» (с использованием двух пальцев правой руки) и «персидским способом» (с использованием трех пальцев) был осуществлен Ж. Дагроном (*Dagron G., Mihâescu H.* Le traité sur la guérilla de l'empereur Nicéphore Phocas (963—969). Paris, 1986. P. 143, n. 10).

[27] Цитируемое сообщение сразу же вызывает в памяти яркий пассаж, включенный Прокопием в его «Войну с персами» (I, 12—15): «Нынешние лучники <...> прекрасные наездники и могут без труда на полном скаку натягивать лук и пускать стрелы в обе стороны, как в бегущего от них, так и преследующего их неприятеля. Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцирь не может отвратить ее стремительного удара» (Прокопий. С. 8).

[28] Как отмечено Дж. Дэннисом (Strategy. P. 129, n. 2), указанное свидетельство восходит к сообщению Диодора Сицилийского, греческого историка I в. до н. э., автора «Исторической библиотеки». Упоминание об этих женщинах-воительницах содержится и в трактате Полиэна, датируемом серединой II в. н. э. (*Полиэн*. Стратегемы, I, 1. СПб., 2002. С. 63). См. также специальное исследование: *Косвен М. О.* Амазонки. История легенды // СЭ. 1943. 2—3.

причине природного строения своего тела сгибать лук до конца — именно поэтому они выжигали себе одну грудь.[28]

Ведя стрельбу по пехоте и кавалерии, когда они располагаются перед нашим фронтом, мы должны выбирать цели не по прямой линии, а по касательной, исключая случаи, когда мы стреляем по ногам лошадей: ведь каждый из врагов, расположенных по фронту напротив нас, прикрыт щитом. Это следует иметь в виду не только тогда, когда мы сталкиваемся лоб в лоб, но и тогда, когда мы отступаем или когда осуществляем преследование.

Как следует тренироваться в меткости стрельбы

Цели, по которым стреляют упражняющиеся, должны быть для начинающих широкими и высокими, иначе стреляющие, совершая промахи, могут впасть в уныние. Затем, уменьшая понемногу ширину цели, следует свести ее до узкой: ведь если стреляющие сначала будут промахиваться по обе стороны от знака, то уже после первой тренировки они во всяком случае не должны промахиваться по высоте. В конечном счете должна быть понемногу уменьшена и высота, так чтобы можно было использовать округленные мишени.

Обучаться стрельбе следует и по сплошным целям, и по пустотелым, т. е. по отверстиям, размеры которых могут быть очень различными; стрелять следует сначала по крупным из них, затем по средним, а в конце концов — по самым малым.

Следует тренироваться в стрельбе и по движущимся целям — живым или искусственным. Из живых целей стрельбу можно вести по птицам или по диким животным. Из искусственных — по тем целям, которые можно, находясь на определенной дистанции, тянуть с помощью веревок, например по шарам или чему-либо подобному. Очевидно, что каждый, кто прошел такую тренировку, сможет продемонстрировать точность стрельбы и в реальных боевых условиях.

Как следует учиться стрелять сильно

Сильная стрельба достигается либо с использованием лука, который сгибается не слишком легко, либо с использованием длинных стрел, при более сильном натяжении лука. Какой из этих способов лучше, это определяется при соревновании каждого из упражняющихся друг с другом. Делается это следующим образом.

Устанавливается вертикально какой-либо отмеренный брусок на некоей основе. На нем закрепляется деревянный диск под прямым углом к бруску; по верхней поверхности диска вычерчиваются прямые линии, проходящие через центр, числом не менее трехсот шестидесяти. В центр диска вколачивается железный стержень цилиндрической формы, и на этом стержне поверх диска фиксируется деревянный круг в качестве мишени, достигающий толщины не менее трех пальцев;[29] диаметр круга равняется двум пядям.[30] Пусть круг, закрепленный на стержне, не остается неподвижным, но и не слишком легко поворачивается, когда его приведет в движение ударная сила выстрела. Те, кому предстоит стрелять по этому кругу, должны иметь на стрелах вместо наконечников тупые железные головки. Деления, начерченные по окружности диска, будут являться показателями более сильного или более слабого удара стрелы: более слабый удар повернет круг, допустим, на одно деление, более сильный — на два или несколько.

Как следует обучаться стрелять быстро

Быстрая стрельба является скорее не делом техники, а результатом постоянной тренировки. Делается это следующим образом. Пусть какой-нибудь человек, искусный в скоростной стрельбе, непрерывно выпускает стрелы одну за другой по установленной мишени. Те, кто участвует в этой тренировке, расположившись на одной с ним прямой линии, также ведут стрельбу из своих луков; они должны посылать стрелы в ту же самую мишень. Пусть на стрелах будут написаны имена тех, кем они посланы, или пусть эти стрелы имеют какие-то особые обозначения. Начало и окончание стрельбы определяются не по желанию стреляющих, но такое начало и окончание устанавливаются по определенному сигналу. После того, как они окончат стрельбу означенным способом и стрелы, выпущенные из каждого лука, будут посчитаны, станет очевидным, что тот, кто имеет больше стрел, стрелял быстрее, а тот, у кого меньше, — медленнее, и такое состязание станет для стреляющих стимулом к наиболее скоростной стрельбе.

Имеется и другой метод тренировки, специально для ведения стрельбы в движении. Он осуществляется следующим образом. Пусть тот, кто искусен в скоростной стрельбе, возьмет лук и стрелы и, двигаясь вперед по прямой линии, посылает стрелы вбок от себя в течение определенного времени. После того, как он остановится, стрелы следует собрать, отметив места падения каждой из них. Место остановки будет означать первый рубеж. Отступив назад на расстояние примерно тридцати оргий,[31] следует отметить еще один рубеж, который будет считаться вторым. Упражняющиеся должны быстро двигаться вслед друг за другом в направлении от этого второго рубежа к первому, отправляя стрелы до тех пор, пока не достигнут конечной отметки. После достижения конечной отметки они уже не могут использовать лук, пока не возвратятся назад на исходный рубеж.[32]

---

[29] Палец (δάκτυλος) — наименьшая мера длины в античное и византийское время, равная ширине пальца и составляющая 1,95 см (см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 16; далее — Metrologie). Следовательно, рекомендуемая толщина круга, по которому будет вестись стрельба, составляет около 6 см.

[30] Пядь (σπιθαμή) — мера длины, равная 23,4 см (Metrologie. S. 19). Таким образом, диаметр круговой мишени должен был составлять около полуметра.

[31] Оргия (ὀργυιά) — мера длины, исчисляемая в среднем в 2 м (Metrologie. S. 22 sq.). Следовательно, расстояние между рубежами ведения стрельбы составляет около 60 м.

[32] Смысл рекомендованного упражнения, не очень ясный из описания, следует, по всей вероятности, понимать следующим образом: количество стрел, выпущенных каждым из обучающихся, пока он преодолевает расстояние в 60 м, будет сравниваться с количеством тех стрел, которые успел выпустить опытный стрелок. В результате этого сравнения и будет делаться вывод о скорострельности, продемонстрированной каждым из участвующих в тренировке.

Н. Д. БАРАБАНОВ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БОРЬБЕ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ АМУЛЕТОВ

В сочинении св. Афанасия Александрийского встречается выражение: «Грязь на шее». Именно так (ἐπὶ τὸν αὐχὲνα τὴν ῥυπαρίαν)[1] знаменитый богослов и ревнитель чистоты православия выразил свое отношение к амулетам, ношение которых было широко распространено в среде христиан. Употребление талисманов и амулетов – явление универсальное, свойственное всем этносам и культурам, и не только во времена глубокой архаики.[2] В период становления и распространения христианства, а затем и во времена его господства популярность магических средств защиты нисколько не шла на убыль, что не могло не беспокоить церковь, которая была глубоко озабочена проблемой искоренения всех элементов языческого религиозного наследия.

Проблема осложнялась тем, что византийское христианство постепенно усваивалось массами не только в версии высокого богословия и стройной иерархии догм. Популярными становились многие компоненты того уровня, который можно назвать народным или приходским православием. Речь идет о сложном комплексе верований и ритуалов, сложившемся из причудливого сочетания, лучше даже сказать сплава, архаических традиций с нормами и обрядами христианства. Среди прочих элементов упомянутого комплекса, прежде всего из раздела предохранительной магии, находились византийские амулеты разных типов, в частности того, который получил наименование «змеевиков». Подвески, совмещающие христианский иконографический сюжет и змеевидную композицию в сочетании с заклинательной надписью, удостоились внимания многих исследователей.[3] Однако несомненно оправданный

[1] PG. T. 26. P. 1320. 21—22.

[2] Феномену амулетов посвящено огромное количество исследований. В данном случае достаточно напомнить о старом обзоре проблемы, сделанном Э. Уоллисом Баджем. См. русский перевод книги (она вышла еще в 30-х гг. минувшего столетия): *Уоллис Бадж Э.* Амулеты и суеверия. М.; Киев, 2001. Употребление вербальных и невербальных оберегов актуально в славянском мире и в новейшее время: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

[3] Из обширной литературы по теме филактериев отмечу лишь те исследования, в которых больше внимания уделено историографии вопроса и в связи с этим имеется обширная библиография: *Николаева Т. В., Чернецов А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991; *Zalesskaja V. N.* Amulettes byzantines magiques et leur liens avec le littérature apocriphe // Actes du XIV Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 1976. T. 3. P. 243—247; *Blankoff J.* A propos de la Grivna-Zméevik de Černigov // Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In memoriam Ivan Dujčev. 1988. P. 123—131 (Studia slavico-byzantina et medievalia europensia. Vol. 1); *Spier J.* Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld institutes. London, 1993. Vol. 56. P. 25—62.

© Н. Д. Барабанов, 2007

интерес к этим памятникам оставил в тени ряд важных вопросов, без осмысления которых невозможен полноценный анализ роли филактериев (оберегов) в религиозной жизни. К числу таковых относится вопрос о роли церкви в развитии фонда византийских оберегов. Как уже было отмечено, сохранение традиции использования магических амулетов клир, по крайней мере на уровне епископата, осуждал и считал неприемлемым. Духовенство стремилось искоренить языческое наследие и в этом его проявлении. Были использованы методы убеждения и наказания в сочетании с попытками замены запрещенных оберегов разрешенными. Итог борьбы известен: амулеты сохранили свое место в структуре народной религиозности, и вопрос о том, как и почему это произошло, представляется важной исследовательской задачей. На данном этапе осмысления проблемы изучение процесса и результатов длительного противостояния церкви феномену филактериев составит конкретную задачу данной статьи.

Отношение церкви к филактериям, выраженное в канонах соборов и мнениях богословов или авторитетных клириков, прежде всего основывалось на Священном Писании. Как Ветхий Завет, так и Новый дали немало примеров, показавших, что различные предметы, тем или иным путем связанные с небесными силами, обладали способностью к чудотворению.[4] Среди наиболее известных среди них – Ковчег Завета, милоть пророка Илии, жезл Моисея, не раз показавшие силу, полученную не магическим путем, а исключительно благодаря связи с источником божественной благодати. Разумеется, эти вещи, казалось бы, не могут быть отнесены к категориям амулетов или талисманов, но во многих случаях они выполняли схожие функции. Так, к примеру, милоть пророка Илии дважды помогала пересечь Иордан, сначала ему самому со спутниками, а затем Елисею, уже в отсутствие пророка (4 Цар. 2:8—14). Тем самым милоть показала «заряженность» благодатью, которой обладал Илия, и способность к ее трансляции. В период христианизации примеры такого рода способствовали развитию культа реликвий в том аспекте, который сближал их с филактериями. Следует отметить, что в иудейской среде изображение жезла Моисея со временем стало популярным амулетом.[5]

[4] Полагаю, в данном случае нет необходимости специально рассматривать популярную традицию употребления различных амулетов в среде древних иудеев. См.: *Кацнельсон Л.* Амулет и его происхождение // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Л. Кацнельсона и Д. Г. Гинцбурга. М., 1991. Т. 2. С. 354—367.

[5] *Маггид Д.* Амулеты (в России) // Еврейская энциклопедия. Т. 2. С. 368—369.

В Новом Завете слово «филактерий» встречается только один раз, в словах Христа, когда он говорит, что фарисеи «расширяют их филактерии и удлиняют края их гиматиев» (Мф. 23:5).[6] В данном случае греческое слово соответствует арамейскому tefillin, которое обозначает две маленькие черные кожаные коробочки, содержащие тексты Ветхого Завета и носимые на левой руке и на лбу, особенно во время молитвы.[7] Из контекста слов Христа явствует, что он осуждает не ношение подобных амулетов, а лишь их выставление напоказ, в своем роде хвастовство. Святоотеческие толкования этого места Евангелия значительно расходились. Если Епифаний полагал, что упомянутые у Матфея филактерии не то же самое, что обычные амулеты,[8] то св. Иоанн Златоуст, напротив, рассматривал их как обереги и аналог маленьким книгам — Евангелиям, носимым на шеях женщинами.[9]

Если по поводу употребления в качестве защитных средств священных тестов еще высказывались иногда разные мнения, то отношение пастырей, богословов и архиереев к амулетам языческого и магического происхождения можно признать единодушным. В самом деле, использование апотропеев основано на представлениях о способности человека самостоятельно, при помощи слов, ритуалов, предметов и их сочетания, воздействовать в своих целях на мир божественный и даже иметь над ним власть. Подобные верования и действия противоречили самим основам монотеистического учения о Едином и Всемогущем Боге, которого можно только просить и на благосклонность которого следует уповать. Уже в законодательстве Моисея были строго запрещены различные виды магических действий: «...не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых» (Втор. 18:10—11). Очевидно, что изготовление и ношение амулетов, не будучи названо специально, попадало под общее осуждение магии.

Христианские епископы не раз засвидетельствовали строгое следование закону Моисея. Анкирский собор (между 314—319 гг., вероятнее

[6] См. Синодальный перевод: «расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих».

[7] Соответствие общеизвестно. См., к примеру: Ключ к пониманию Св. Писания. Bruxelles, 1982. С. 274.

[8] Epiphanius. Panarion (Adversus haereses). Vol. I. P. 209. 9—18 (TLG): «φυλακτήρια παρ᾽ ἑαυτοῖς ἐπί τά ἱμάτια ἐπετίθεντο τουτέστι πλατέα σήματα πορφύρας. νομίσῃ δ᾽ ἄν τις, ἐπειδήπερ καὶ ἐν τῷ εὐαγγελίῳ τοῦτο ἐμφέρεται, μὴ ἄρα περὶ περιάπτων λέγει, ἐπειδὴ καὶ εἴωθόν τινες τά περίαπτα φυλακτήρια ὀνομάζειν. οὐκ ἔχει δὲ ὁ λόγος τὸ παράπαν περὶ τούτου. ἀλλ᾽ ἐπειδὴ στολὰς εἴτ᾽ οὖν ἀμπεχόνας οἱ τοιοῦτοι ἀνεβάλλοντο καὶ δαλματικὰς εἴτ᾽ οὖν κολοβίωνας ἐκ πλατυσήμων διὰ πορφύρας ἁλουργοϋφεῖς κατεσκευασμένας, τὰ δὲ σήματα τῆς πορφύρας φυλακτήρια εἴωθον οἱ ἠκριβωμένοι μετονομάζειν, τούτου ἕνεκεν φυλακτήρια αὐτὰ καὶ κύριος κατ᾽ ἐκείνους εἴρηκε.

[9] PG. T. 58. P. 669. 28—34 (TLG): Καὶ τίνα ταῦτά ἐστι τὰ φυλακτήρια καὶ τὰ κράσπεδα; Ἐπειδὴ συνεχῶς ἐπελανθάνοντο τῶν εὐεργεσιῶν τοῦ Θεοῦ, ἐκέλευσεν ἐγγραφῆναι βιβλίοις μικροῖς τὰ θαύματα αὐτοῦ, καὶ ἐξηρτῆσθαι αὐτὰ τῶν χειρῶν αὐτῶν· (διὸ καὶ ἔλεγεν· Ἔσται ἀσάλευτα ἐν ὀφθαλμοῖς σου··) ἃ φυλακτήρια ἐκάλουν· ὡς πολλαὶ νῦν τῶν γυναικῶν Εὐαγγέλια τῶν τραχήλων ἐξαρτῶσαι ἔχουσι.

в 314 г.) в 24-м правиле установил пятилетнее покаяние за магические действия. Канон 36 Лаодикийского собора (середина или вторая половина IV в.)[10] запретил священникам и клирикам быть колдунами, чародеями, астрологами и изготовителями амулетов.[11]

В полном соответствии с указанными мнениями соборов богословы и церковные деятели ранневизантийского времени последовательно осуждали употребление амулетов с языческими мотивами. Среди них более деликатно к проблеме использования оберегов старался подойти св. Иоанн Златоуст, который явно учитывал широкое распространение запретной практики. В одной из гомилий он отметил: если кто-либо имеет амулеты (εἴ τις ἔχει περίαπτα) или что-то подобное, зная, что это плохо, то заслуживает порицания. Если же употребляет по незнанию, то должен быть научен.[12] Св. Афанасий Александрийский посвятил теме амулетов небольшой очерк под названием «Περὶ ἅπτων».[13] В нем святитель старался показать бесполезность оберегов и считал необходимым объяснить человеку, носящему их, что он тем самым делает себя вместо верного неверным, вместо христианина язычником, вместо умного глупым. Насмехаясь над приверженцем филактериев, св. Афанасий отмечает, что старуха за двадцать оболов или четверть вина изготавливает заговор от змеи, и его обладатель носит эту грязь на шее подобно ослу. Св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский, в поучении к своей пастве назвал ношение привесок против сглаза или листов с текстами одной из форм служения дьяволу.[14] Св. Василий Великий в гомилии на 14-й псалом убеждал в том, что помощь, которую, как кажется, оказывают амулеты, на самом деле бесполезна, а помогает человеку только Бог.[15]

Без преувеличения можно сказать, что адресованный христианам призыв отказаться от использования амулетов и обращаться за помощью только к Всевышнему стал общим местом в сочинениях отцов церкви. При этом перечень причин, на основании которых практика изготовления и ношения оберегов объявлена неприемлемой, свелся к двум основным компонентам. Среди них — принадлежность амулетов к языческой традиции, что воспринималось как продолжение идолослужения, и несомненная связь их с магией. К этому могли добавляться утверждения, что осуждаемая практика угодна врагу рода человеческого. В дальнейшем позиция высшего клира, канонистов и богословов по отношению к тем видам филактериев, о которых идет речь, по существу оставалась неизменной и варьировалась лишь в форме выражения.

[10] Хронология собора остается неясной. Историки канонического права относят его то к периоду между 325—381 гг. (С. Н. Троянос), то к 343—381 гг. (П. И. Буми). См.: *Τρωιάνος Σ. Ν.* Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου. Εισαγογικό βοήθημα. Αθήνα-Κομοτηνή. 1986. Σ. 42; *Μπούμη Π. Ι.* Κανονικόν δίκαιον. Αθήνα. 1991. Σ. 42.

[11] PG. T. 137. 1388.

[12] PG. T. 62. 564.

[13] PG. T. 26. 1320 A-B.

[14] *Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский*. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 319.

[15] PG. T. 29. 417.

На исходе VII в. по поводу амулетов решительно высказались епископы — участники Пято-Шестого (Трулльского) вселенского собора (691—692 гг.). В каноне 61, перечисляя связанные с магией запретные виды деятельности, архиереи отметили изготовление филактериев, за которое, как и за прочие подобные прегрешения, полагалась шестилетняя епитимья, а в случае упорства — отлучение от церкви.[16] Надо полагать, появление канона было вызвано популярностью амулетов в среде прихожан — тех «простейших» (ἀπλουστέρων), разумеется, из паствы, заботу о которых проявили пастыри. Однако и лица духовного звания не пренебрегали оберегами. Комментируя данное правило, Феодор Вальсамон привел пример игумена Осии, носившего за пазухой в качестве филактерия сорочку новорожденного младенца.[17]

Следует отметить, что в светском законодательстве также были закреплены нормы, карающие за изготовление и употребление амулетов. Достаточно привести пример «Эклоги», один из титулов которой присуждал изготовителей филактериев к конфискации имущества и изгнанию.[18] Раздел был включен в последующие переделки памятника.

Осуждающие традицию употребления оберегов высказывания отцов церкви, решения поместных соборов и вселенского Трулльского нашли отражение в различных канонических сборниках, синтагмах и номоканонах. Широко распространенный на христианском Востоке Номоканон, известный под именем патриарха Фотия, суммировал в одной из глав (титул XIII, гл. 20) эти мнения и постановления.[19] Среди памятников подобного рода наибольшее внимание амулетам уделил Номоканон при Большом Требнике, возникший, по мнению издателя, в середине XV столетия.[20] Неизвестный составитель текста, возможно афонский инок, не ограничиваясь традиционным понятием «филактерий», перечислил некоторые защитные магические средства, за употребление которых следовало шестилетнее отлучение. Среди них ношение за пазухой змеи, а на шее псалмов Давида, имен мучеников и различных опоясаний.[21] Кроме того, он упомянул филактерии из трав и обвязывания, возлагаемые на детей и животных.[22] Расширение перечня вряд ли было случайным. Скорее всего, оно вызвано требованиями пастырей, сталкивавшихся с необходимостью более подробной трактовки расплывчатых

[16] The Canons of the Council in Trullo // The Council in Trullo revisited / Ed. by G. Nedungatt, M. Featherstone. Roma, 1995. P. 141. 7—17 (Kanonika, 6).

[17] Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. М., 1876. С. 644.

[18] Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos'V / Hrsg. v. L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983. Tit. XVII (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, 10); Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Перевод и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 72.

[19] *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона: Историко-каноническое исследование. Казань, 1899. Ч. 2. С. 559.

[20] *Павлов А. С.* Номоканон при Большом Требнике. М., 1897. С. 3 (Учен. зап. имп. Московского ун-та. Отдел юридический. Вып. 14).

[21] Там же. С. 136.

[22] Там же. С. 134.

понятий «филактерий», «повязка», «опоясание». Наверняка в исповедальной и судебной практике возникали спорные ситуации вокруг вопроса об отнесении тех или иных популярных в народе оберегов к числу запретных, поскольку они не были поименованы в канонах. Тенденция к конкретизации запретов прослеживается не только в Номоканоне при Большом Требнике. Еще в XIV в. (ок. 1335 г.) Матфей Властарь в «Алфавитной Синтагме» подробно разъяснил содержание канонов, направленных против магии и амулетов, приведя несколько примеров.[23] Значительно позже, за пределами византийской истории, на исходе XVIII столетия, составители «Пидалиона» иеромонах Агапий и монах Никодим, комментируя 61-й канон Трулльского собора, также сочли необходимым отметить, поясняя слово «филактерий», что к оберегам относится и употребление шелковых нитей и надписаний с именами демонов.[24]

Относительно проблемы наблюдения за исполнением канонических императивов следует заметить, что вряд ли приходской священник, выходец из той же социальной среды, что и его паства, не знал, когда и чем злоупотребляют прихожане. Однако в распоряжении духовенства оставалось еще и официальное средство контроля за соблюдением церковных запретов — исповедь. В структуре исповедальных руководств (Εξομολογητάριον) находились вопросы, касавшиеся употребления амулетов. Так, один из вопросников, известный по рукописи XVIII в., но имеющий отношение к более ранней традиции, предписывал иерею проявить интерес к тому, не получал ли исповедующийся филактерии от магов и не давал ли их сам другим.[25] В том и другом случаях он лишался причастия на семь лет. Такие же вопросы задавались женщинам.[26]

Тем не менее, несмотря на ясную официальную позицию церкви по отношению к амулетам, в обществе продолжали бытовать (что вполне естественно в условиях повсеместного сохранения запретной практики) мнения, оправдывавшие употребление апотропеев в тех или иных ситуациях. Их отголосок заметен в канонических вопросо-ответах некоторых известных и авторитетных архиереев. К поздневизантийскому времени относятся два важных в данном отношении текста. Митрополит Ефесский Иоасаф, живший, скорее всего, в первой половине XV в., дал ответы на вопросы иерея Георгия Дразина.[27] Кроме прочего, вопрошающий интересовался, является ли грехом завораживание ран и наложение поверх них повязок.[28] Разумеется, имелись в виду магические действия, совершаемые с целью врачевания. В ответных словах митрополита

[23] *Властарь Матфей.* Алфавитная синтагма / Перевод свящ. Н. Ильинского. М., 1996. С. 312—317.

[24] Πηδάλιον. Αθήναι, 1990. Σ. 273.

[25] *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 3. Приложения. С. 46 (репринт: М., 1995).

[26] Там же. С. 52.

[27] *Алмазов А. И.* Канонические ответы Иоасафа, митрополита Ефесского (Малоизвестный памятник права греческой церкви XV века) // Зап. имп. Новороссийского ун-та. 1903. Т. 90. С. 153—214.

[28] Там же. С. 188.

представлена традиционная точка зрения: «Это совершенно чуждо христианину. Ибо хотя в волшебстве и взывают к именам святых (εἰ γάρ καὶ ὀνόματα ἁγίων ἐπιλέγουσιν ε᾽ν τῆ γοητεία), но для обмана изобрел это дьявол, отдаляя мало-помалу пользующихся (сим) от Бога и приближая к себе; почему таковых и законы беспощадно наказывают, равно как и святые отцы определяют — делающих филактерии и надевающих оные не причащать пять лет и поклонов (им) триста».[29] Вряд ли в данном случае снижение срока отлучения с шести установленных Трулльским собором лет до пяти, но при введении кары в виде поклонов, можно считать смягчением наказания и видеть в этом изменение позиции церкви по отношению к амулетам. Скорее речь должна идти здесь о местных особенностях пенитенциарной практики.

Нил, митрополит Родосский, занимавший свою кафедру, возможно, в 1357—1369 гг., ответил на вопросы иеромонаха Ионы.[30] Беседа была посвящена почти целиком литургической сфере, но в одном эпизоде диалог коснулся темы амулетов. Вопрошающего интересовало, запрещено ли в случае болезни употребление филактериев, трав без колдовства и некоторых других явно магических приемов исцеления.[31] Митрополит счел допустимыми только те филактерии, которые имели текст Евангелия, а также травы, воду и мази без наговоров и волхвований, отметив, что подлинное исцеление дает только Бог.[32]

В обоих вопросах видна тень сомнения. Не создает ли болезнь, точнее, необходимость борьбы с нею, прецедент, который оправдывает применение оберегов? Наверняка тема была подсказана реалиями приходской жизни, с которыми священники сталкивались если не повседневно, то достаточно часто. Наверняка в формулировках вопросов скрыт аргумент, выдвигавшийся паствой, имевшей на случай недуга обширный арсенал средств магической терапии: апокрифические молитвы, заклинания, заговоры и, разумеется, амулеты. Следует напомнить, что со всеми перечисленными способами целительства была хорошо знакома средневековая Западная Европа.[33] Византийские иерархи постарались развеять сомнения, заняв позицию, опирающуюся на канонические запреты.

Популярность апотропеев разного рода вряд ли, тем не менее, уменьшалась. Широкое распространение их также не стоит подвергать сомнению. Обострение чувства опасности в любой ситуации стимулировало обращение к помощи амулетов. К примеру, природные катаклизмы, такие как землетрясения, вызывавшие острейшие переживания в столице империи, заставляли население обращаться к амулетам для защиты от опасных феноменов природы.[34] Лица духовного звания и монахи в критических ситуациях также не брезговали прибегать к помощи запретных средств. Широко известны материалы синодального осуждения некоего монаха, который в 1351 или 1352 г., добиваясь епископского сана, обратился за содействием к профессиональному магу. Последний изобразил на пергамене текст молитвы «Отче наш…», написав его задом наперед и, сопроводив характирами.[35] Этот колдовской объект следовало носить на груди как амулет (φυλακτικόν). В данном случае оберег выполнял еще и функции талисмана. С одной стороны, он должен был защитить обладателя от его противников в Синоде, а с другой — помочь в достижении цели. На основании одного или даже нескольких фактов (вспомним казус игумена Осии) нельзя утверждать, что запретные амулеты были популярны в иноческой среде. Однако приведенные свидетельства показывают, насколько сложной была атмосфера византийского монашеского социума, в которой откровенное пренебрежение канонами соседствовало с дисциплинарным максимализмом. Примером последнего может служить труд монаха Иосифа Вриенния (1350—1432), содержащий уничтожающую критику его современников за бесчисленные прегрешения, в том числе — за ношение амулетов.[36]

Запреты и отлучения ярко характеризуют отношение церкви к практике употребления филактериев. Однако ими не исчерпывается арсенал приемов, с помощью которых велась борьба с этой разновидностью магии. С первых веков истории христианства апотропеям языческого происхождения искали замену среди христианских символов и сакраментов.[37] Пастыри поддерживали распространение верований в то, что молитва и пост выполняют те же функции, что и обереги. Даже крещение и евхаристия именуются в патристической литературе филактериями.[38] Святая вода-агиасма, священные изображения и частицы мощей святых также получили широкое распространение в качестве апотропеев. Пользовались популярностью ампулы-евлогии, небольшие фляжки, служившие емкостями для масла из лампад, стоявших на гробницах святых, для освященной в церкви воды или влаги святых источников.[39] Они

[29] Там же. С. 188—189.

[30] *Алмазов А. И.* Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризоверга и митрополита Родосского Нила // Зап. имп. Новороссийского ун-та. 1903. Т. 91. С. 375—458.

[31] Там же. С. 453.

[32] Там же.

[33] *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 267—274.

[34] *Vercleyen F.* Tremblements de terre à Constantinople: l'impact sur la populaton // Byzantion. 1988. T. 58. P. 159.

[35] Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. V. Les regestes de 1310 à 1376 / Ed. par J. Darrouzès. Paris, 1977. N 2334 (P. 277—278).

[36] Ἰωσὴφ μοναχοῦ τοῦ Βριεννίου τὰ παραλειπόμενα. Ἐκδ. ὑπὸ Ἐυγενίου τοῦ Βουλγάρειος. Ἐν Λειψία. 1784. Τ. 3. Σ. 121.

[37] О попытках Римской церкви ввести вместо амулетов привески под названием Agnus dei см.: *Уваров А. С.* Византийские филактерии и русские наузы // *Уваров А. С.* Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 1. С. 242—243.

[38] Соответствующие высказывания находятся в трудах святых Василия Великого, Афанасия Великого, Григория Назианзина, а также Климента Александрийского, Евсевия Памфила и др. См.: *Stander H. F.* Amulets and the Church Fathers // Εκκλησιαστικός Φάρος. 1993. N 75/2. 4. P. 65—66.

[39] Об ампулах — евлогиях, которые создавались в разных паломнических центрах, см.: *Залесская В. Н.* 1) Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники // СА. 1980.

выполняли те же защитно-исцелительные функции. Не углубляясь специально в данный сюжет, заслуживающий отдельного рассмотрения, в качестве примера официальной установки приведу сентенцию Кекавмена: «Амулетов не носи, кроме креста или святой иконы, или мощей святого».[40]

Культ креста стал играть особую роль в деле борьбы с языческим наследием. Кресты-энколпионы, кресты-реликварии и просто крестное знамение постепенно и прочно вошли в арсенал христианских защитных средств, получив подобающее теоретическое обоснование. При этом крест воспринимался не только как индивидуальный оберег, но и как охранение всего социума. По словам Евсевия Кесарийского, императору Константину крест казался хранителем (φυλακτήριον) его царства.[41] По мнению Ж. Дагрона, крест был тесно связан с победой Константина, он был ее знаком и принял затем ценность династического талисмана.[42] Вместе с тем изображения креста и константиновской формулы «сим победиши» использовались в личных амулетах. Известен каменный филактерий, возможно, относящийся к иконоборческому периоду. Он имеет на одной стороне гравировку «печать Соломона», а на другой — крест с примыкающей к нему надписью EN TOYTO NIKA.[43]

По мере развития культа креста его изображения появились повсюду: на алтарях, на дорогах и в публичных местах, на дверях и стенах домов, на украшениях, сосудах и предметах обихода. В церковном календаре появились праздники, посвященные кресту: Воздвижение, Поклонение кресту во время поста и в период Страстной седмицы.[44] Особым почитанием были окружены частицы Животворящего Креста Господня, воспринимавшиеся всеми христианами в качестве носителей огромной благодатной силы.[45] Функция Креста как филактерия хорошо видна в ритуале, совершавшемся 1 августа и относящемся к концу VIII в. В процессии, шествовавшей из императорского дворца в храм Св. Софии, Крест проносили по улицам византийской столицы и даже по крепостным стенам, чтобы предотвратить болезни, очень частые в этом месяце.[46] Эффективным филактерием считал реликварии с частицами Креста Христова константинопольский патриарх Никифор (806—815). В своем третьем «Антирретике» он писал об использовании христианами золотых и серебряных реликвариев, именуемых филактериями и носимых на шее «для защиты и безопасности жизни нашей, спасения душ и тел наших», а также для излечения страданий и отвращения нападений нечистых демонов.[47] Об особом почитании древ Животворящего Креста Господня в Константинополе патриарх рассказал в «Бревиарии».[48]

Отношение к кресту как к главному и универсальному оберегу христиан внедрялось в сознание паствы клириками и богословами. Если Климент Александрийский в своих рекомендациях по поводу допустимых изображений, изложенных в известном «Педагоге», еще не упоминал крест, то Ефрем Сирин в IV в. посвятил ему немало проникновенных и впечатляющих слов. Размышляя о силе и власти креста, он писал: «Посему и на двери наши, и на чело, и на очи свои, и на уста, и на перси, и на все члены наложим себе сей животворящий крест; вооружимся сим непобедимым оружием христиан, сим победителем смерти, сею надеждою верных, сим светом кротких, сим оружием, отверзающим рай, низлагающим ереси, сею опорою православной веры, спасительною похвалою Церкви. Ни на один час, ни на одно мгновение не будем, христиане, оставлять его, повсюду нося с собою, и без него не станем ничего делать; но спим ли, встаем ли, работаем, едим, пьем, идем в путь, плаваем по морю, переходим реки, — все члены свои будем украшать животворящим крестом».[49] Из слов св. Ефрема явствует, что крест, сосредоточив в себе способности и амулета, и талисмана, не оставляет места употреблению каких-либо иных средств защиты. Св. Афанасий Великий особо отметил способность креста обессиливать действие колдовства. В «Житии св. Антония» он вложил в уста главного героя слова о том, что «где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство».[50]

Призывы пастырей использовать крест в качестве филактерия рядовые прихожане могли воплощать в деяниях, граничивших со сферой запретного. В этой связи характерным и важным является эпизод судебных разбирательств по поводу монаха Елевферия, поступки которого сначала во второй половине X в., а затем около 1030 г. были осуждены патриаршими синодами. Иноку, кроме прочего, инкриминировали осквернение креста. Как выяснилось, во время эпизоотии он посоветовал

№ 3. С. 263—269; 2) Ампулы-евлогии из Малой Азии (IV—VI вв.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 182—190; *Каковкин А. Я.* Паломнический центр Абу Мина и его памятники (По материалам коптской коллекции Эрмитажа) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества / Под ред. В. Н. Залесской. СПб., 2001. С. 18—29.

[40] Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / Перевод Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 219.

[41] *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 126.

[42] *Dagron G.* Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des Patria. Paris, 1984. P. 87.

[43] *Thierry N.* Le culte de la croix dans l'empire byzantin du VIIe siècle au Xe dans ses rapports avec la guerre contre l'infidele. Nouveax témoignages archéologiques // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. Miscellanea Agostino Pertusi. 1981. T. 1. P. 215.

[44] Культу креста, его литургическим и гимнографическим аспектам, а также иконографии, посвящено большое количество исследований. В данном случае ограничусь указанием на уже упомянутую работу Н. Тьерри и следующие статьи: *Bernardakis P.* Le culte de la croix chez les grecs // Échos d'Orient. 1901—1902. T. 5. P. 193—202, 257—264; *Walter Ch.* IC XC NI KA. The apotropaic Function of the victorious Cross // REB. 1997. T. 55. P. 193—220. См. также: *Kartsonis A.* Protection Against All Evil: Function, Use and Operation of Byzantine Historiated Philacteries // Byzantinische Forschungen. 1994. Bd 20. S. 73—102.

[45] История культа Креста Господня и почитания его фрагментов исследовалась многократно. Обширный материал по теме собран и проанализирован А. Фроловым в двух монографиях: *Frolow A.* 1) La relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961; 2) Les reliquaires de la Vraie Croix. Paris, 1965.

[46] *Bernardakis P.* Le culte de la croix… P. 260—261.

[47] PG. T. 100. P. 433. C-D.

[48] *Nicephoros, Patriarch of Constantinople.* Short History / Ed. C. Mango. Washington, 1990. P. 66 (18.8—21) et al.

[49] *Святой Ефрем Сирин.* Творения. М., 1993. Т. 2. С. 261—262. См. также «Слово на святой Пяток о кресте и о разбойнике» — Творения. М., 1994. Т. 3. С. 423.

[50] *Святитель Афанасий Великий.* Творения. М., 1994. Т. 3. С. 238.

опечаленным потерей животных крестьянам изобразить крест в хлевах так, чтобы при выходе скот вынужден был попирать его.[51] Несомненно, речь идет о попытке защиты от недуга с помощью мистической силы креста.

Однако стремление найти замену магическим защитным средствам, игравшим важную роль в жизни людей со времен глубокой архаики, привело не к тому результату, на который рассчитывала церковь. Духовное воздействие и практическая деятельность клира в сфере борьбы с традицией употребления амулетов постепенно привели к удвоению фонда филактериев. Помимо запретных оберегов, вытеснить которые не удалось, в религиозный обиход вошли разрешенные апотропеи, так или иначе связанные с христианскими культами. Параллельное существование тех и других привело к попыткам синтеза, которые нашли отражение в амулетах-змеевиках, совмещавших на двух сторонах медальонов священное изображение со змеевидной композицией и заклинательной надписью. Факт существования оберегов этого типа свидетельствует не только о желании использовать в своих интересах силу святых и магию одновременно. Также в нем можно усмотреть стремление скрыть, ввиду очевидной криминальности, употребление магического компонента защиты. Если лицевой стороной филактерия являлась та, на которой помещены крест или образы святых, то в этом проявляется желание обладателя выглядеть добропорядочным православным. Сохранение традиции сочетания в амулете разнородных элементов прослеживается в Греции до сих пор. Значительная часть популярных и ныне оберегов представляют собой мешочки, содержащие внутри крестики, кусочки ладана, камни, части растений, зерна, кости, головы змей и разные другие объекты.[52]

Эволюция фонда византийских филактериев представляет собой сложнейший процесс, в котором роль церкви исключительно значима. В ее деятельности на этой почве прослеживаются деструктивные и конструктивные элементы. Первые были вызваны негативным отношением высшего клира к языческому наследию, воплощенным в конкретных канонических императивах, способствовавших быстрейшей эрозии апотропеев, связанных с гностическим влиянием и античными культами. Вместе с тем устойчиво сохранялось употребление в качестве амулетов объектов живой и неживой природы, что свидетельствует о чрезвычайной живучести архаических ментальных установок и соответствующих приемов магии. Конструктивная деятельность духовенства была направлена на создание христианского фонда филактериев, который должен был заменить запрещенные обереги, но в действительности стал лишь частью защитного арсенала.

---

[51] *Guillard J.* Quatre procès de mystiques à Byzance (vers 960—1143). Inspiration et autorité // REB. 1978. T. 36. P. 14 (текст источника — p. 48.70—77).

[52] См. примеры в работе архимандрита Германа (Параскевопулоса): *Παρασκευόπουλος Γ. Γ.* Τὰ φυλακτὰ τῆς Ἡλείας ὑπὸ τὸ φῶς τῆς χριστιανικὴς πίστεως. Αθήναι, 1981.

М. В. БИБИКОВ

К ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК НА СВЯТОЙ ГОРЕ (АФОНСКИЕ ЭТЮДЫ)

Основание первых христианских храмов на Святой Горе предание относит ко временам Константина I Великого (285—337), а монастырское строительство началось на Афоне не позднее VII в. Непрерывная история афонского монашества до наших дней исчисляется, как известно, со времени утверждения св. Афанасием Афонским в 963 г. первых обителей и с принятия первого святогорского Устава (Типика) в 971/72 г. Многие афонские акты содержат материалы о Руси и русских.

Великая Лавра Св. Афанасия является первым афонским монастырем как по времени основания, так и по месту в святогорской иерархии. Основана она в 963 г. св. Афанасием Афонским, получавшим помощь от византийского императора Никифора Фоки. В дальнейшем и другие василевсы покровительствовали Великой Лавре (Иоанн Цимисхий, Василий II, Константин IX Мономах, Алексей I Комнин и др.). В период своего расцвета, особенно с XI в., когда число монахов Лавры достигло 700 человек, до XIV в. Лавра была центром византийской духовной жизни, искусства, книгописания. И поныне, несмотря на период оскудения жизни в обители (например, в первой половине XVII в. в монастыре находилось 5—6 монахов), Лавра имеет богатейшее собрание рукописей (более 2,5 тысяч) и книг (более 20 тысяч), многие из которых являются шедеврами средневековой книжности. Богатейший архив Лавры Св. Афанасия насчитывает сотни документов начиная с 897 г., сохранившихся часто в оригинале, — от императорских хрисовулов и уставных типиков до частных определений.

Хронологически первый из сохранившихся документов — акт продажи вдовой хорафия в селении Драговитов (ср. «дреговичей» русских летописей); среди подписавших этот акт от 897 г. — свидетель с явно славянским именем Доброта (Act. Laur. I № 1.90.14—15, 18; 91.34).[1]

---

[1] *Lemerle P., Svoronos N., Gouillou A., Papachryssanthou D.* Actes de Laura. Paris, 1970—1982. T. 1—4. (Archives de l'Athos. T. 5, 8, 10, 11). X, 447 p., Alb. LXXX ill.; XV, 316 p., Alb. LXXII ill.; 230 p., Alb. LXXII ill.; 413 p., Alb. XVI ill.

© М. В. Бибиков, 2007

Другой документ, акт гарантии игумена монастыря Св. Илии Николая от 1016 г., содержит аутентичную подпись игумена Русского монастыря на Афоне Герасима — первого известного по имени (Act. Laur. I № 19.155.37—38).

Архив Лавры сохранил оригиналы нескольких императорских хрисовулов, в которых обитель освобождается от митата, т. е. постоя воинских контингентов. Среди наемных иноземных сил ряд актов упоминает росов — русских. Это — хрисовулы Константина X Дуки от 1060 г. (Act. Laur. I № 33.198.81), Никифора III Вотаниата от 1079 г. (Act. Laur. I № 38.218.29), Алексея I Комнина от 1082 и 1086 гг. (Act. Laur. I № 44.243.26; № 48.258.27).

Афонский Протат, или Священный Кинот, является руководящим институтом всех святогорских обителей, решавшим как проблемы, возникавшие между монастырями, так и вопросы внешних связей Афона. Существует с первых лет учреждения монастырей на Афоне, во всяком случае со времени принятия первого Устава в 971/72 г. Священный Кинот (Протат) заседает в монашеском городке Карее, расположенном в центре полуострова и являющемся своего рода афонской столицей. Протат состоит из представителей (антипросопов) всех двадцати афонских монастырей, избираемых сроком на один год. Решения Кинота оформлялись протоколами, которые хранятся в протатском архиве. Библиотека Протата насчитывает 117 рукописных книг, а также акты, среди которых находится и оригинал первого афонского Устава (Типика), изданного византийским императором Иоанном Цимисхием в 971/72 г. и называемого «Трагос» (т. е. «Козел»), так как грамота написана на пергамене из козлиной шкуры.

Протатский акт от сентября 998 г.[2] подписал Леонтий, игумен монастыря Св. Пантелеимона, известный и по другим афонским актам (Act. Chil. 1 и 9; Act. Iber. 18), датированным 1009 и 1013 гг. Этот монастырь будет передан в 1169 г. Русскому монастырю, именуемому с тех пор Русским монастырем Св. Пантелеимона.

В Определении Протата 1394 г. имеется подпись игумена монастыря росов, а в тексте — обязательства Русского монастыря (наряду с другими монастырями) (11:201.30—202.12—13).[3]

Предание называет ктиторами Ксиропотамского монастыря во имя Сорока мучеников византийскую императрицу Пульхерию (450—457), а также императоров Константина VII Багрянородного (913—959) и Романа I Лакапина (920—944). Однако временем возникновения монастыря достоверно следует считать конец X в. — вскоре после основания Великой Лавры св. Афанасия. Основателем монастыря стал монах Павел Ксиропотамит, сохранивший в своем имени название местности, из которой происходил («Ксиропотам» — «высохшая река»). В XI в. Ксиропотам становится одним из самых могущественных монастырей. После латинского завоевания в период IV Крестового похода (1204 г.) обитель

[2] *Papachryssanthou D.* Actes du Prôtaton. Paris, 1975. T. 12. 320 p., Alb. 40 ill. (Archives de l'Athos. T. 7).

[3] *Meyer Ph.* Die Haupturkunden für die Geschichter der Athosklöster. Amsterdam, 1965.

вновь восстанавливается благодаря заботам Михаила VIII (1259—1282) и Андроника II (1282—1328) Палеологов, чьи хрисовулы сохраняются в монастырском архиве. С XVI в. (с перерывом) Ксиропотам находился на 5-м месте среди святогорских монастырей. Сейчас занимает 8-е место.

Библиотека Ксиропотама содержит 409 манускриптов и около 5 тысяч изданий. Тридцать византийских актов Ксиропотамского архива охватывают период между 956 и 1445 гг. Дошедший в оригинале в монастырском архиве акт прота Павла от 1081 г. содержит собственноручные подписи монаха Русского монастыря Кириака (Act. Xeropot. 6:63.68; 64.69).[4] А в завещании Феодоса (Феодула) Скараноса (ок. 1270—1274) упомянут некий кредитор Рус (Act. Xeropot. 9:82.61; 86.88).

По преданию, Ватопедский монастырь был основан между 972 и 985 гг. тремя учениками св. Афанасия Афонского, происходившими из Адрианополя, Николаем, Антонием и Афанасием, на месте древнего города Диона (т. е. города Зевса). Этимология названия неясна. Интенсивное развитие монастыря позволило ему довольно скоро, судя по Типику Святой Горы 1046 г., занять второе место в афонской иерархии. Ватопед поддерживали императоры из династии Комнинов, о чем свидетельствует хрисовул Мануила I. С конца XII в. здесь появляются сербские монахи, устанавливаются тесные связи с Хиландарским монастырем. Преп. Максим Грек именует Ватопед «Лаврой». В XVII в. в обители находилось 300 монахов; большую помощь им оказывали русские цари. В XVIII в. прославилась знаменитая Афонская школа, находившаяся при монастыре, где преподавали известные богословы и деятели культуры.

Ватопедская библиотека является одной из самых богатых на Святой Горе. В ней около 2 тысяч рукописей и до 25 тысяч изданий. Среди актов монастырского архива имеется список хрисовула императора Никифора III Вотаниата от 1080 г., содержащего экскуссионную клаузулу о митате с упоминанием иноземных воинских наемных соединений, где на первом месте стоят росы и варяги (Act. Vatop. 2.122.32).[5]

По преданию, Иверский монастырь основан учениками св. Афанасия Афонского — Иоанном Ивером и Иоанном Торником, монахами кавказского происхождения. Монастырь был назван грузинскими монахами в память о своей родине, именовавшейся в древности Иверией. Из этой обители происходит Иверский чудотворный образ Божией Матери, список с которого был доставлен в Москву в середине XVII в. приглашенными царем Алексеем Михайловичем иверскими монахами. Иверский монастырь занимает 3-ю позицию в святогорской иерархии.

Библиотека Иверона является одной из богатейших на Святой Горе. В ней хранится более 2 тысяч рукописей и более 20 тысяч печатных (в том числе старопечатных) изданий. Ценнейшие документы содержат-

[4] *Bompaire J.* Actes de Xéropotamou. Paris, 1964. T. 14. 298 p., Alb. LIV ill. (Archives de l'Athos. T. 3).

[5] *Goudas M.* Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθω Ἱερας Μονῆς τοῦ Βατοπεδίου // Ἐπετηρὶς Ἑταιρίας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Τ. 3. Σ. 113—134.

ся в монастырском архиве, где находятся хрисовулы византийских императоров Константина VII Багрянородного (946 и 958 гг.), Романа II (960 г.), Василия II (980 г.) и др.

В акте прота Никифора, изданном в апреле 1013 г., имеется подпись игумена монастыря Св. Пантелеимона Леонтия (Act. Iber. 18:32),[6] известного и по более ранним актам, изданным между 998 и 1009 гг. (Act. Prot.; Act. Chil. 1; 9). Монастырь Св. Пантелеимона, как уже упоминалось, в 1169 г. был передан Русскому монастырю, называемому с тех пор Русским монастырем Св. Пантелеимона.

В иверском акте судьи Льва от сентября 1056 г. среди свидетелей фигурирует Евстратий, игумен монастыря Св. Пантелеимона; он известен также по акту Русского монастыря от февраля 1030 г. (Act. Ross. 1).

Название сербского Хиландарского монастыря в честь праздника Введения Богородицы во Храм происходит от имени ктитора, которого, по преданию, звали Георгий Хиландарь. Монастырь, расположенный в северо-восточной части Афона, основан, вероятно, в X в. Нынешний облик обитель обрела в XIII в., в основном благодаря заботам сербского краля Стефана Немани и его сына Растко, отказавшегося от царственного наследия и предпочевшего монашескую жизнь в келиях Святой Горы. Затем, в 1196 г., и сам Стефан принимает постриг. В 1198 г. на месте разрушенного монастыря царственные отец и сын с разрешения императора Алексея III Комнина основывают новую обитель для сербских иноков. Бывшие сербские династы, а ныне монахи под именами Симеон и Савва, вложили свое имущество в строительство Хиландаря. Их примеру последовали и другие. В итоге монастырь стал вторым на Афоне по богатству и владениям после Лавры Св. Афанасия. Савва стал сербским архиепископом; после смерти монашествующие отец и сын были прославлены как святые. В XVI и XVII вв. Хиландарский монастырь находился под защитой валашских господарей и русских царей. В настоящее время в афонской иерархии Хиландарский монастырь занимает 4-е место.

Монастырская библиотека насчитывает 809 славянских рукописей и 181 греческую, а также более 7 тысяч изданий. Из 400 актов архива — 165 греческих византийских хрисовулов, 160 — сербских, 9 — русских, 31 — молдовалашский и 70 турецких фирманов.

Древнейший греческий акт относится к 1009 г. (Act. Chil. 1).[7] В нем указан Леонтий, игумен монастыря Солунцев. Это — хронологически первое свидетельство об этой обители. В 1169 г. монастырь Солунцев (Солунца) вошел в состав Русского монастыря Св. Пантелеимона. По-видимому, тот же Леонтий подписал и другой акт (Act. Chil. 9). В акте 1348 г. фигурирует игумен «Росов» Иоаким (137.120). В хиландарском акте 1366 г. назван монах «Русов» Исайя (151.50—52). Еще обитель «Росов» упоминается неоднократно в 1374 г. (155.5—8, 57—59), в 1370 г. (153.10—11, 13—14, 20—21).

[6] *Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Metreveli H.* Actes d'Iviron. Paris, 1985—1995. T. 1—4 (Archives de l'Athos. T. 14).

[7] *Petit L., Korablev B.* Actes de Chilandar. Amsterdam, 1975 (Actes de l'Athos. T. 5).

Предание относит основание монастыря (по имени ключника Великой Лавры Евфимия) к X в. Первое упоминание о Дохиаре, находившемся на другом месте по сравнению с сегодняшним днем, относится к апрелю 1013 г. Название обители связывают с именем одного из ее основателей Иоанна Дохиара (т. е. «ключника»). После разрушения монастыря он был перенесен в XI в. на новое место на Афоне, где стоит и по сей день. Когда Дохиар, как и многие другие святогорские монастыри, переживал трудные времена, ему оказывали поддержку, в частности, византийский император Иоанн V Палеолог, сербский краль Стефан IV Душан (в XIV в.), затем — валашские господари, Александр и его супруга Роксана (в XVI в.). В настоящее время в афонской иерархии монастырь занимает 10-е место.

В дохиарской библиотеке хранится 545 рукописей и 5 тысяч книг, а в монастырском архиве — 62 греческих акта, датируемых периодом между 1037 и 1496 гг.; это — императорские и патриаршие грамоты, документы святогорских властей и гражданских чиновников, частные акты, фискально-правовые бумаги. Акт 1262 г. прота Арсения содержит подпись игумена «Русов» Мефодия (Act. Docheiar. 7).[8]

Легенда относит основание Эсфигмена ко временам византийского императора Феодосия II и его сестры св. Пульхерии (V в.), однако временем основания монастыря считается рубеж X—XI вв. Название обители связывают с одним монахом-основателем, хотя существуют и другие этимологии (например, в проскинитарии Иоанна Комнина). Первые актовые упоминания обители относятся к 1016 г. (грамота Павла Ксиропотамита) и 1030 г. (завещание Димитрия Халки с подписью эсфигменского игумена Феоктиста). Период процветания монастыря (при покровительстве императора Иоанна V Палеолога, сербского краля Стефана IV Душана, деспота Георгия Бранковича и др.) чередовался со временем упадка (в эпоху османского владычества). В 1655 г. Эсфигмен получает разрешение на получение пожертвований в России на пять лет от царя Алексея Михайловича. Один из параклисов на территории обители построен в память о находившемся здесь в XI в. Антонии Печерском. Киновия занимает 18-е место в святогорской иерархии.

В эсфигменской библиотеке хранится 372 рукописи и более 9 тысяч книг. Старейший акт монастырского архива относится к 1034 г.; последний среди 31 византийского документа относится к 1409 г. Первое издание актов Эсфигмена Л. Пти и В. Регеля содержало 44 акта, датируемых вплоть до 1848 г.

В документе солунского практора (Димитрия Апельмене?) ок. 1300 г. упоминаются личные имена, образованные от корня *рос-*, которые могут указывать на этническое происхождение (?) их носителей (Act. Esph. 8).[9]

[8] *Oikonomidès N.* Actes de Docheiariou. Paris, 1984. 397 p., Alb. LXXII ill. (Archives de l'Athos. T. 13).

[9] *Lefort J.* Actes d'Esphigménou. Paris, 1973. T. 14. 250 p., Alb. XL ill. (Archives de l'Athos. T. 6).

Монастырь Ксенофонта расположен на юго-западной стороне Афона, между монастырями Дохиар и Св. Пантелеимона (Русским). Согласно легенде, монастырь был воздвигнут в 580 г. Ксенофонтом Синклитом, однако, согласно письменным свидетельствам, основателем монастыря был в X в. св. Ксенофонт, известный св. Афанасию Афонскому. В соборе хранятся две чтимые иконы: св. Георгия Победоносца и св. Димитрия Солунского XIV в. Обитель числится на 10-м месте в афонской иерархии.

Библиотека содержит 600 рукописей и около 7 тысяч изданий.

В акте 1452 г. говорится о споре между монастырями Ксенофонта и «Россов» (33.2-13).[10]

Кутлумушский монастырь расположен в центре полуострова, недалеко от афонской «столицы» Кареи. Легендарным основателем обители считается крещеный турок Кутлумуш (XIII в.), хотя в афонских актах (Act. Ross. 7) Кутлумушский монастырь упомянут уже в 1169 г. Основание монастыря относят к X—XI вв. Монастырь процветал в XIV в., пользуясь благодеяниями правителей дунайских княжеств, как, например, воеводы Иоанна Владислава. С XIV в. в Кутлумуше появляются румынские монахи. Однако упадок обители после латинского вторжения в середине XV в. был довершен пожаром в 1497 г., и лишь поселение здесь александрийского патриарха Матфея III в XVIII в., завещавшего все свое имущество обители, вновь выдвинуло Кутлумуш в число ведущих общин (сейчас — на 6-м месте).

Библиотека хранит 662 рукописи, в том числе 100 пергаменных, а также 3,5 тысячи печатных изданий.

В кутлумушском акте 1333 г. упомянут монастырь «Руссов» (15.5—7, 15—16).[11] Акт 1405 г. упоминает «экклесиарха Русов» иеромонаха Иоанна (Act. Kutl. 43.25). А в акте 1369 г. говорится о единстве сербов, болгар, росов и иверов (26.9—10). В 1433 г. вновь говорится о монастыре «Росов» (46.13—19, 34—36).

Основание Дионисиева монастыря приписывается св. Дионисию и относится к середине XIV в. Во второй половине XIV в. монастырю покровительствовал трапезундский император Алексей III Великий Комнин. В XVI и XVII вв. Дионисиат занял 5-е место в афонской иерархии. Библиотека монастыря содержит около 1100 манускриптов и 15 тысяч книг, будучи одной из самых богатых святогорских коллекций. Древнейший акт монастырского архива относится к 1056 г. и представляет собой гарантийный документ Константина Фасула, уступающего свои права на участок земли игумену монастыря Св. Пантелеимона Митрофану (этот монастырь позже станет частью Русского афонского монастыря). Пергаменный свиток акта сохранил и две славянские пометы.[12]

Монастырь Пантократора («Вседержителя») основан в XIV в. греческими ктиторами — Алексеем, великим стратопедархом, и его братом

[10] *Papachryssanthou D.* Actes de Xénophon. Paris, 1986.

[11] *Lemerle P.* Actes de Kutlumus. Paris, 1988.

[12] *Oikonomidès N.* Actes de Dionysiou. Paris, 1968. XIV, 250 p., Alb. LIV ill. (Archives de l'Athos. T. 4).

Иоанном, великим примикирием, которые оставались иноками здесь же до конца своей жизни. Обитель разорялась турками, но была восстановлена в 1536 г.

В библиотеке собрано 350 манускриптов, в том числе 68 пергаменных. Сокровищем собрания является Четвероевангелие, принадлежавшее св. Иоанну Каливиту (Кущнику). Книжное собрание насчитывает более 3,5 тысяч изданий.

Из 20 монастырей киновия Пантократора занимает 7-е место.

В акте 1142 г. назван игумен монастыря Ксилурга («Древодела») «Росов» Василий (3.35—36).[13]

В настоящее время Русский монастырь Св. Пантелеимона, раскинувшийся на побережье в центре юго-западной части полуострова, является одним из крупнейших на Афоне. Но его история восходит к двум другим святогорским обителям: Пресвятой Богородицы Ксилурга (Древодела) и Фессалоникийца (Солунца). Древнерусское предание XVI в. относит честь основания русской монастырской жизни на Святой Горе св. равноапостольному великому князю Владимиру, вскоре после его крещения в 998 г. Первоначально Русский монастырь находился в монастыре Богородицы Ксилурга. Как сказано выше, первая сохранившаяся подлинная подпись игумена Русского монастыря принадлежит Герасиму, подписавшему грамоту 1016 г. (Act. Laur. I № 19). Однако вскоре в результате роста численности братии монастырю стало тесно, и по ходатайству игумена Лаврентия в 1169 г. Священный Кинот Афона выделяет для поселения русским монахам заброшенный к тому времени монастырь Солунца (Солунцев), посвященный св. Пантелеимону. Последовавшая затем семивековая история русского монашества на Святой Горе связана с этим местом, называемым ныне «Старый Руссик» и находящемся на пути в афонскую столицу Карею. На месте же обители Древодела был основан скит во имя Пресвятой Богородицы.

Монастырь в первые годы страдал как от завоевателей и пиратов, так и от стихийных невзгод: так, пожар в XIII в. уничтожил значительную часть архива с бесценными документами. Благодаря помощи императора Андроника II Палеолога Русская обитель вновь обрела могущество. Стефан Душан при посещении Афона в 1345 г. почтил вниманием и монастырь «Фессалоникийца», где был пострижен его предок — св. Савва. Игуменом тогда стал сербский богослов Исаия. В дальнейшем монастырь поддерживали Иоанн V (1341—1376) и Мануил II (1391—1425) Палеологи. В святогорском Типике 1394 г. монастырь Св. Пантелеимона занимал 5-е место в иерархии. В XIV—XV вв. братия пополняется за счет греческих монахов, но с 1497 г. сюда вновь начинают прибывать монахи из России. С 1509 г. покровителем Русского монастыря на Афоне стал великий князь московский Василий III — сын византийской принцессы Софьи (Зои) Палеолог. С конца XVI в. по разрешению патриарха всея Руси Иова (1591 г.) и русского царя Феодора Иоанновича (1592 г.) собирались пожертвования в России в пользу монастыря. Но в

[13] *Kravari V.* Actes du Pantocrator. Paris, 1991.

условиях иноземного владычества обитель приходит в упадок и с конца XVII в. попадает под опеку Священного Кинота. О бедственном положении Руссика, населенного к тому времени в основном греческими, сербскими и болгарскими иноками, свидетельствует в 1744 г. В. Григорович-Барский. В этих условиях монастырю оказали помощь молдавские господари Иоанн (1758—1761) и Скарлат (1773—1821) Каллимахи. В 1765 г. монастырь переходит на новое, занимаемое им и доныне место на Святой Горе, где еще в конце XVII в. инок Христофор построил келью, небольшой храм и причал.

Новый приток монахов из России начался в 1835 г. Возрождению обители способствовали и регулярные посещения Руссика членами царской семьи (в 1845 г. — великим князем Константином Николаевичем, в 1869 г. — великим князем Алексеем Алексеевичем, в 1881 г. — великим князем Константином Константиновичем). К началу XX в. число русских монахов на Афоне достигло 5 тысяч человек, из которых 2 тысячи находились в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Сейчас в святогорской иерархии Руссик стоит на 11-м месте.

В настоящее время библиотека монастыря имеет около 1320 греческих и до 600 славянских рукописей, а также свыше 20 тысяч книжных изданий как русских, так и греческих. Хранящиеся в монастырском архиве акты византийской эпохи — 23 греческих и 15 сербских — относятся ко времени между 1030 г. (Act. Ross. 1)[14] и 1430 г. (Act. Ross. 20). Среди греческих грамот имеются как императорские хрисовулы — Андроника II Палеолога 1311 г. (Act. Ross. 10) и Иоанна V Палеолога 1353 г. (Act. Ross. 11), простагма императора Мануила II Палеолога 1406 г. (Act. Ross. 16), так и подробная опись монастырского имущества обители Ксилурга 1142 г. (Act. Ross. 7), акты святогорских протов, византийских практоров, документы о земельных пожалованиях и других сделках, акты дарения и проч.

Первый по времени из хранящихся в Русском монастыре актов представляет самое раннее упоминание монастыря Богородицы Ксилурга, игумену которого Феодулу были, согласно документу, проданы келья или группа келий (Act. Ross. 1:30.10—11). По-видимому, следующим игуменом был упоминаемый в акте, изданном в мае 1048 г., Иоанникий (Act. Ross. 4:48.44—50; 49.13—14, 21, 25, 34). В том же тексте названы еще двое из монастырской братии — иеромонах Ксилурга Никодим и монах Иосиф (14). По акту прота Павла 23 ноября 1070 г. было определено размежевание владений монастыря Ксилурга (Act. Ross. 6:63.1, 7, 14, 22) и Скорпиона; игуменом Русского монастыря был в это время, скорее всего, Василий.

Важнейшим документом представляется опись имущества монастыря Богородицы Ксилурга от 14 декабря 1142 г. при поставлении нового игумена Христофора (Act. Ross. 7). В этом акте специально перечислены «русские» (ῥουσικόν) предметы монастырского имущества — богослужебное облачение, а также русские книги (74.20), среди которых три упомянуты ниже (74.25—27): две книги Евангелий и одна Евхология как высококачественные манускрипты.

Акт прота Иоанна, изданный в августе 1169 г., идентифицирует монастырь Ксилурга в качестве «Русского» (Act. Ross. 8).

Ряд актов, хранящихся в архиве Русского монастыря, называет или содержит подписи игуменов монастыря Св. Пантелеимона (Солунца/цев или еще Сфрендзи), вошедшего в 1169 г. в состав Русского монастыря: это — Евстратий (Act. Ross. 1 от февраля 1030 г.), известный и из иверского акта (Act. Iber. 31 от сентября 1056 г.), Митрофан (Act. Ross. 5 от мая 1057 г.), известный и по акту Дионисиева монастыря (Act. Dion. 1 от августа 1056 г.) и, возможно, иверского (Act. Iber. 31 от сентября 1056 г.), и Феодосий (Act. Ross. 6 от 23 ноября 1070 г.), известный по актам 1066 г. (Act. Vatop.) и 1080 г. (Act. Athos. 104).

Между 1169 и 1271 гг. не известно ни одного акта Русского монастыря. Эта лакуна в архиве объясняется, по-видимому, пожаром, уничтожившим ряд документов за определенный хронологический отрезок.

Следующий документ, изданный около 1271 г., свидетельствует о территориальном расширении Русского монастыря. Деспот Иоанн Палеолог, брат императора Михаила VIII, дарует два луга на материковой территории размером в 40 модиев (примерно 3,4 га), а также 6 семей париков (крестьян) с их имуществом (Act. Ross. 9).

Дарения в пользу Русского монастыря определены и хрисовулом императора Андроника II Палеолога от сентября 1311 г. (Act. Ross. 10), изданным по просьбе царского зятя, сербского царя Стефана Уроша.

Из других императорских актов в архиве Русика имеются хрисовул Иоанна V Палеолога от сентября 1353 г. (Act. Ross. 11) и простагма Мануила II Палеолога от 20 октября 1406 г. (Act. Ross. 16). Из других документов от имени влиятельных особ укажем на дарение пинкернисы Анны Торникины от августа 1358 г. (Act. Ross. 12) и акт Алексея Палеолога от августа 1375 г. (Act. Ross. 15). Два документа относительно Русского монастыря были изданы протом Дорофеем в апреле 1363 и январе 1366 гг. (Act. Ross. 13 и 14), в оригинале и копии дошел акт Лемносских recenseurs от июня 1407 г. (Act. Ross. 17). Последние из актов Свято-Пантелеимонова монастыря византийского периода принадлежат «голове» (κεφαλή) Кассандрии — от мая 1419 г. (Act. Ross. 18), игумену и монахам обители Алипия — от 24 апреля 1422 г. (Act. Ross. 19) и проту Даниилу — от 27 января 1430 г. (Act. Ross. 20).

Благодаря другим актам известен еще ряд имен игуменов Русского монастыря — Мефодия (1262 г.), Луки (1322 г.), Иоанна (май 1325 г.), Исайи (до июня 1349 г. и до 1366 [?] г.), а также дикея Макария и духовника Симеона (оба — май 1316 г.) и проигумена Евфимия (ноябрь 1366 г.).

Таким образом, афонское наследие является важнейшим источником среди корпуса «Византино-россики».

[14] *Lemerle P., Dagron G., Čirkovič S.* Actes de Saint-Panteleémon. Paris, 1982. 238 p., Alb. LVI ill. (Archives de l'Athos. T. 12).

Vana ***NICOLAÏDOU-KYRIANIDOU***

NATURE ET POUVOIR SELON LES PÈRES DE L'ÉGLISE ORTHODOXE

I

> «Dieu, avant qu'existât rien de ce que nous voyons maintenant, avait projeté et résolu d'amener à l'existence ce qui n'était pas encore; tout à la fois, Il conçu quel devait être le monde, et avec la forme Il produisit la matière qui serait en harmonie avec elle».[1]

Cet extrait de Basile de Césarée suffit pour convaincre quiconque s'est occupé des cosmologies antiques d'une mutation bouleversante concernant les significations imbriquées dans le concept de l'univers. En bref, chez les chrétiens, la nature en tant que cosmos, à savoir comme un système ordonné,[2] n'est plus ce qu'elle a été.[3] Désormais, seul Dieu infini, qui demeure au-dessus de ce monde, est l' «Être nécessaire». Cela veut dire que c'est lui, et seulement lui, qui ne peut jamais ne pas réellement être.[4] Tous les autres étants ne sont que parce que Dieu l'a voulu et que puisqu'il continue à les maintenir dans «ce mode d'être mineur qui est le leur».[5] Selon la formulation d'Eusèbe de Césarée:

> «Quand il le veut, existe ce qui existe; quand il ne veut pas, cela n'existe pas».[6]

[1] *Basile de Césarée*, Homélies sur l'Hexaéméron, 2.2, p. 149 (trad. S. Giet).

[2] D. S. Wallace-Handrill, *The Greek Patristic View of Nature*, Manchester-N. York 1968, p. 101 sq. Également, R. Rocques, *L'univers dionysien. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys*, Paris 1983, p. 40 sq. De même, J. Pelikan, *Christianity and Classical Culture. The Metamorphosis of natural Theology in the Christian Encounter with Hellenism*, New Haven-London 1993, 68 et 90 sq.

[3] Sur le sens de la *phusis* chez les grecs, voir G. Naddaf, *L'origine et l'évolution du concept grec de* phusis, Lewiston-Queenston-Lampeter 1992, *passim* et en particulier p. 11-57. Aussi, A. Motte, De l'idée de nature dans la Grèce antique, dans M. Augé *et alii*, *La Grèce pour penser l'avenir*, Paris-Montréal 2000, p. 61-89, et en particulier p. 75 sq.

[4] Eusèbe de Césarée, *Commentaria in Psalmos*, Migne, *P. G.,* 23 col. 1261: «Εν γάρ ἐστι μένον ἀεί, καὶ οὔποτε δυνάμενον μὴ εἶναι, δηλαδὴ σὺ αὐτὸς ὁ μόνος τῶν ὅλων ποιητής».

[5] C. Castoriadis, *L'institution imaginaire de la société*, Paris 1975[5], p. 272.

[6] Eusèbe de Césarée, *Louanges de Constantin (Triakontaétérikos),* 12.2, p. 159 (trad. P. Maraval).

© Vana Nicolaïdou-Kyrianidou, 2007

Composé d'une matière fabriquée et d'une forme inventée dé -terminante, corruptible et périssable dans sa totalité,[7] le cosmos, qui se destitue de sa qualité de divin, revêt-il le caractère de contingence.[8] Désormais, il se conçoit comme absolument dépendant de la volonté tout-puissante de son auteur, le seul incréé et, par-là, seul éternel: αὐτοζωὴ et αὐτοεῖναι.[9]

D'après Clément d'Alexandrie:

> «Il a suffit de sa volonté pour faire le monde ; car, à lui seul, Dieu l'a fait, puisque seul aussi il est réellement Dieu ; par son seul vouloir il crée et son simple désir est suivi de réalisation».[10]

Retenant des liens avec la tradition qu'inaugura le Socrate du *Phédon*,[11] la nature chrétienne, qui vise toujours à l'accomplissement d'une norme, s'avère absolument finalisée. De là, elle continue à ne rien faire sans raison.[12] Toutefois, sa raison d'être ne lui appartient plus en propre. Elle lui vient du *Logos* transcendant de Dieu.[13] Privée du statut dont l'avaient déjà dotée les premiers philosophes et en vertu duquel elle avait pris le pas sur la tradition ancestrale,[14] la *phusis* ne signifie plus la réalité primordiale qui se parfait, suivant une procédure dont elle est le principe et la règle. Conséquemment, elle ne s'élève plus au rang éminent du modèle pour toute activité créatrice. Désormais, elle se conçoit comme le produit artistique d'un créateur *ex nihilo*.[15]

[7] Basile de Césarée, *Hexaéméron*, 1.3: «τὴν τοῦ ἄναρχον τὸν κόσμον καὶ ἄτελεύτητον εἶναί σοι πλάνην ἐγκαταλίπῃ. Παράγει γὰρ τὲ σχῆμα τοῦ κόσμου τούτου. Καί, 'Ο οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσονται (…) οὗ τὰ μέρη φθοραῖς καὶ ἀλλοιώσεσιν ὑπόκειται, τούτου καὶ τὸ ὅλον ἀνάγκη ποτὲ τὰ αὐτὰ παθήματα τοῖς οἰκείοις μέρεσιν ὑποστῆναι».

[8] Grégoire de Nazianze, *Supremum vale* (orat. 42), Migne, *P. G*., 36 col. 477: «Οὗ δὲ πρεσβύτερον τὸ οὐκ ἦν, τοῦτο οὐ κυρίως ὄν. Τὸ δὲ μὴ κυρίως ὄν, πῶς Θεός;». Voir aussi L. Kolakowski*, Philosophie de la religion*. Trad. J.-P. Landais, Paris 1985, p. 85 sq.

[9] Cf. Ps.-Dénys Aréopagite, *Des noms divins*, 11. 6 [953B-C], éd. B. R. Suchla, p. 221—222.

[10] Clément d'Alexandrie, *Protreptique*, 4.63.3, p. 126 (trad. C. Mondésert): «Μόνον αὐτοῦ τὸ βούλημα κοσμποιία. Μόνος γὰρ θεὸς ἐποίησεν, ἐπεὶ καὶ μόνος ὄντως ἐστὶ θεός·ψιλῷ τῷ βούλεσθαι δημιουργεῖ καὶ τῷ μόνον ἐθελῆσαι αὐτὸν ἕπεται τὸ γεγενῆσθαι».

[11] Platon, *Phédon*, 97b-99c.

[12] Basile de Césarée, *Héxaéméron*, 5. 8: «Οὐδὲν ἀναίτιον· οὐδὲν ἀπὸ ταὐτομάτου».

[13] Athanase, *Orationes tres contra Arianos*, Migne, *P. G.*, 26, col. 189: «Πᾶσα ἡ γῆ τὴν ἀλήθειαν καλεῖ καὶ ὁ οὐρανὸς αὐτὴν εὐλογεῖ καὶ πάντα τὰ ἔργα σείεται καὶ τρέμει. Εἰ δὲ πᾶσα ἡ γῆ τὸν δημιουργὸν καὶ τὴν ἀλήθειαν ὑμνεῖ, καὶ εὐλογεῖ, καὶ τρέμει δημιουργὸς δὲ ταύτης ὁ Λόγος ἐστί, καὶ αὐτὸς λέγει 'Εγώ εἰμι ἡ ἀλήθεια οὐκ ἄρα κτίσμα ἐστὶν ὁ Λόγος, ἀλλὰ μόνος ἴδιος τοῦ Πατρός, ἐν ᾧ τὰ πάντα ἥρμοσται, καὶ αὐτὸς ὑμνεῖται παρὰ πάντων, ὡς δημιουργός». Cf. Eusèbe de Césarée, *Louanges de Constantin*, 12.5-6. Voir aussi Wallace-Handrill, *op. cit*., p. 104 sq.

[14] Voir L. Strauss, *Droit naturel et histoire*. Trad. M. Nathan et E. de Dampierre, Paris 1986, p. 92 sq.

[15] Voir, par exemple, Joannes Grammaticus, *Adversus Manichaeos* (hom. 2), § 9: «Εἰ τοίνυν τοσοῦτον ὑπερέχει τῆς ἀνθρώπων τέχνης ἡ φύσις, πῶς οὐκ ἀνάγκη καὶ τὴν τοῦ θεοῦ δημιουργίαν ἀσυγκρίτως ὑπερβεβηκέναι καὶ τὴν τῆς φύσεως ἐργασίαν; Οὐκοῦν εἰ ἤδη ἡ φύσις τὰ εἴδη μὴ ὄντα παράγει, ἐν ὑποκειμένῳ μέντοι προϋπάρχοντι ταῦτα δημιουργεῖ διὰ τὸ ἀδυνάτως ἔχειν ἄλλως τὴν δημιουργικὴν αὐτοῖς ἐνδείκνυσθαι δύναμιν ἄνευ τινὸς προϋποκειμένου, ἀνάγκη πᾶσα, εἴπερ καὶ ὁ θεὸς δημιουργεῖ καὶ εἰς τὸ εἶναι παράγει τὰ ὄντα, ἔχειν τι πλέον τὴν αὐτοῦ δημιουργίαν τῆς φύσεως· οὐδὲν δὲ ἂν ἔχοι πλέον, εἰ μὴ δύναιτο ἐκ τοῦ μηδαμῇ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παράγειν τὰ πράγματα, ἀλλὰ δέοιτο καὶ αὐτὸς, ὥσπερ ὁ τεχνίτης ἄνθρωπος καὶ ἡ φύσις, ὑποκειμένου τινὸς προϋπάρχοντος, ἐν ᾧ τὴν ἑυτοῦ δημιουργικὴν ἐνέργειαν ἐπιδείξεται, καὶ μηδὲ τοσοῦτον ὑπερέχοι τῆς φύσεως, ὅσον ὑπερέχει τῆς τέχνης ἡ φύσις».

Encore, le cosmos ne coexiste plus avec le chaos,[16] d'où il surgit, et qui sape toute tentative de fondation que sur le vide. La τύχη et l'ἀνάγκη étant exclues de l'ordre de la création,[17] la puissance formatrice du Créateur ne rencontre aucune entrave. Donc, à l'opposé du cosmos présenté dans le*Timée* de Platon, cet univers-là n'est plus menacé par ce « substrat qui, comme tel, est rebelle à l'ordre ».[18] Autrement dit, il n'y a rien qui, du fait qu'il subsiste par soi-même, puisse insister sur son altérité et résister aux aspirations du constructeur ὑρέροὐσιος. Aucun facteur imponderable n'intervient dans cette constitution de part en part déterminée et parfaitement close, par qui se manifeste la puissance illimitée d'un artisan ὑπέρσοφος.

Il en devient clair qu'en dépit du modèle «créationniste»[19] qu'institua le *Timée*, et qui suppose la séparation des deux mondes, le fossé entre le Dieu des chrétiens et le démiurge platonicien n'est pas, pour cela, moins infranchissable. Ce dernier qui ne crée rien du néant, en sorte que les produits de son art ne réalisent le but proposé que dans la mesure du possible,[20] il s'efface effectivement derrière la splendeur du modèle intelligible.[21] En cela, seul le prototype inaltérable, les ὄντως ὄντα ou l'étalon objectif de la perfection, que dieu s'est destiné à contempler et dont il se sert pour façonner le monde visible,[22] mérite l'honneur et l'attention de l'intellect. Puisqu'il constitue l'image fidèle du monde des Idées — l'objet absolument connaissable de la science par excellence —, c'est le cosmos sensible, et seulement lui, qui, en second, vaux l'admiration que lui manifeste l'âme amoureuse de la vérité.[23] Il n'y a pas de quoi s'arrêter sur l'artisan divin.[24] La supériorité de ce dernier à l'égard des êtres rationnels sur terre réside dans le fait que, demeurant sans rapport avec un corps mortel, il est le premier et de loin le meilleur imitateur des Paradigmes éternels.[25]

Du point de vue chrétien, en revanche, produisant les étants d'après leur *eidos* préconçu,[26] matérialisé, Dieu s'avère la cause unique de l'existence.

[16] C. Castoriadis, *Ce qui fait la Grèce.* 1. *D'Homère à Héraclite. Séminaires 1982—1983,* Paris 2004, p. 161; cf. *ibid*., p. 288 sq. et *passim*.

[17] Cf. Pelikan, *op. cit*., 152—165.

[18] Castoriadis, *Ce qui fait la Grèce*, *op. cit*., p. 177.

[19] Naddaf, *op. cit*., p. 345.

[20] Platon, *Timée,* 48a-b, $53b_{5-6}$, $71d_{6-7}$.

[21] Cf. H. Arendt, *Love and Saint Augustine*. Ed. by Joanna Vecchiarelli Scott and J. Chelius Stark, Chicago-London 1996, p. 62 sq.

[22] Cf. Platon, *Timée*, $28a_6$—$29a_3$.

[23] Voir Platon, *Timée,* 90c—d ; Naddaf, *op. cit*., p. 355. En ce qui concerne l'usage que les Pères de l'Église font du vocabulaire du *Timée*, afin de mettre les conceptions du dialogue au service du dogme trinitaire, de la christologie tout comme de l'anthropologie chrétienne, voir J. Pelican, *What has Athens to do with Jerusalem.* Timaeus *and* Genesis *in Contrepoint*, Ann Arbor 2000, p. 89-109.

[24] Cf. F. M. Cornford, *Plato's Cosmology. The* Timaeus *of Plato translated with a running commentary*, London-N. York 1971, p. 35.

[25] Pour une comparaison entre le démiurge du *Timée* et le philosophe-roi de la *République*, voir Nicolaïdou-Kyrianidou, Η πολιτική στη χώρα του *Τιμαίου*, [Postface] dans J. Derrida, *Χώρα*, Athènes 2000, p. 90 sq.

[26] Cf. Ps.-Dénys Aréopagite, *Des noms divins*, 5.8 [824C], p. 188: «Παραδείγματα δέ φαμεν εἶναι τοὺς ἐν θεῷ τῶν ὄντων οὐσιοποιοὺς καὶ ἑνιαίως προϋφεστῶτας λόγους, οὕς ἡ θεο-

Il institue la manière d'être de chaque chose fabriquée en vue de l'œuvre appropriée qu'il lui assigne. De là, il hiérarchise les créatures, s'imposant comme critère increé de toute évaluation et en juge unique de la perfection de toute chose.[27] Voué à manifester l'excellence de son ouvrier, le monde parfaitement façonné ne sert qu'à inciter à la glorification de celui qui l'a fait commencer. D'après Basile de Césarée :

> «La beauté des choses visibles nous donnera une idée de Celui qui est au-dessus de toute beauté; la grandeur de ces corps dont nos sens nous révèlent l'existence et les limites, nous permettra de conjecturer, par analogie, ce qu'est l'Être infini, souverainement grand, dont la puissance défie toute pensée».[28]

Source de l'être et de l'essence et, pour cela, au-delà de toute connaissance possible,[29] Dieu ne peut constituer que l'objet d'une foi inconditionnée, exprimée dans l'adoration. Source du bien, il s'avère l'unique objet d'un amour exclusif et d'une vénération sans réserves. Il n'y a rien qui ne signifie sa suprématie, rien qui ne renvoie à son mérite absolu.

Suivant Clément d'Alexandrie:

> «Qu'aucun d'entre vous n'adore le soleil, mais qu'il dirige ses désirs vers le fabricateur du soleil ; qu'il ne divinise pas le monde, mais qu'il recherche le créateur du monde».[30]

Par sa puissance formatrice, l'artisan *extra-mondain* constitue le réel et l'ordonne. En ce sens, l'être-ainsi du monde manifeste la conformité parfaite aux normes imposées par Dieu et qui se présenté comme:

> «τῆς φύσεως δημιουργὲς καὶ τῆς διατάξεως νομοθέτης» .[31]

«Aussi bien créateur de la nature que nomothète de la mise en ordre».

Autrement dit, le « démiurge est simultanément celui qui crée et celui qui fait les lois, c'est-à-dire l'autorité qui légitime».[32]

λογία προορισμοὺς καλεῖ καὶ θεῖα καὶ ἀγαθὰ θελήματα, τῶν ὄντων ἀφοριστικὰ καὶ ποιητικά, καθ' οὕς ὁ ὑπερούσιος τὰ ὄντα πάντα καὶ προώρισε καὶ παρήγαγεν».

[27] Basile de Césarée, *Hexaéméron* 3,10: «Καὶ εἶδεν ὁ Θεὸς ὅτι καλόν (…) 'Ο τοίνυν ἐναργῆ τὸν σκοπὸν τῶν γινομένων προθέμενος, τὰ κατὰ μέρος γινόμενα ὡς συμπληρωτικὰ τοῦ τέλους, τοῖς τεχνικοῖς ἑαυτοῦ λόγοις ἐπελθὼν ἀπεδέξατο (…) 'Ο μέντοι τεχνίτης καὶ πρὸ τῆς συνθέσεως οἶδε τὸ ἑκάστου καλόν, καὶ ἐπαινεῖ τὰ καθ' ἕκαστον, πρὸς τὸ τέλος αὐτῶν ἐπαναφέρων τὴν ἔννοιαν».

[28] Basile de Césarée, *Hexaéméron*, I. 11, p. 135.

[29] Ps.-Dénys Aréopagite, *Des noms divins*, 1.4 [592D—593A], p. 115: «…τὴν ὑπερούσιον ακτῖνα (…) εν ᾗ πάντα τὰ πέρατα πασῶν τῶν γνώσεων ὑπεραῤῥήτως προϋφέστηκεν, ἣν οὔτε ἐννοῆσαι δυνατὸν οὔτε εἰπεῖν οὔτε ὅλως πως θεωρῆσαι διὰ τὸ πάντων αὐτὴν εξηρημένην εἶναι καὶ ὑπεράγνωστον (…) Εἰ γὰρ αί γνώσεις πᾶσαι τῶν ὄντων εἰσὶ καὶ εἰς τὰ ὄντα τὸ πέρας ἔχουσιν, ἡ πάσης ούσίας ἐπέκεινα καὶ πάσης γνώσεώς ἐστι ἐξῃρημένη».

[30] Clément d'Alexandrie, *Le protreptique*, 4.63.5, p. 127, trad. C. Mondésert. Cf. Photius, *Bibliothèque*, Codex 277, p. 524b: «'Ο εὐσεβὴς ούχ ὑβρίζει τὴν κτίσιν, ἀλλὰ τῷ Δεσπότῃ τὴν προσκύνησιν ταμιεύεται. Τιμᾷ τὴν κτίσιν, ἀλλ' ὡς ὁμόδουλον, οὐκ ἀφαιρῶν δὲ τὸ σέβας τοῦ κτίσαντος περιάπτει τῷ κτίσματι. 'Επαινεῖ τὸ φιλοτέχνημα, ἀλλ' οὐχὶ τὴν τοῦ τεχνίτου δόξαν εἰς ἐκεῖνο περιίστησιν. 'Ο δὲ δυσσεβὴς κακῶς μὲν εἶδεν, κακῶς δὲ προσεκύνησε καὶ πᾶσαν τὴν τάξιν ἀνέτρεψεν». Aussi, Athanase, *Contra gentes*, § 8.

[31] *Constitutions Apostoliques,* 3.9.4. (éd. M. Metzger). Cf. Origène, *Contre Celse*, 5.37.

[32] C. Schmitt, *Théologie politique 1922, 1969*. Trad. J.-L. Schlegel, Paris 1988, p. 57.

Donc, force est de constater que l'exemple socio-politique auquel se réduit maintenant la nature n'est pas celui d'une fondation qui, faisant preuve de sa capacité inhérente d'autolimitation, fonctionne selon le mode l'autogestion rationnelle. Autrement dit, le cosmos ne reflète plus la structure de la πόλις:[33] régie par des lois impersonnelles, dont «les hommes se posent comme auteurs»,[34] cette communauté est soustraite à l'Absolu et mise à l'abri des despotes. Elle se présente articulée selon des institutions stables qui maintiennent les rapports égalitaires de ses parties dans un cadre de régularité.

En effet, la nature n'exemplifie que la soumission complète à la volonté de son créateur supersubstantiel laquelle s'identifie avec la loi.[35] Suivant les formulations de Clément de Rome:

> «Le soleil et la lune et les chœurs des astres évoluent selon son ordre (…). La terre (…) ne conteste pas, elle ne modifie rien des règles qu'il a posées. (…) La cavité de la mer (…) ne franchit pas les barrières dont elle a été entourée, mais elle agit selon les ordres qu'elle a reçus».[36]

D'ailleurs, Grégoire de Nysse affirme:

> «Ἴδιον γὰρ τῆς κτίσεως τό δουλεύειν ἐστίν ».[37]
> «La manière d'être propre à la création est d'être esclave».

Tout en désignant la conformité d'un être à son devoir être idéel et idéal, l'expression évaluative: «selon la nature» puise son sens dans la relation hiérarchisée entre dominant et dominé. Entre celui qui, de par son autorité, impose la loi, une fois pour toutes, en assurant, par sa puissance, son application continue, et celui qui s'y assujettit en reconnaissant son incompétence de mettre le contenu de la loi en question.

[33] Concernant rapport entre cosmologie et politique, et plus précisément, au sujet du lien intrinsèque de la science avec la société grecque, voir G.E.R. Lloyd, *Origines et développement de la science grecque. Magie, raison et expérience.* Trad. J. Carlier et Fr. Regnot, Paris 1990, p. 231 sq. et surtout p. 253 sq.

[34] Castoriadis, *Ce qui fait la Grèce*, *op. cit.,* p. 36.

[35] Jean Damascène, *Contre les Manichéens,* 1.43, Migne*, P. G.*, 94, col. 1545D: «`Ο δὲ νόμος τοῦ θεοῦ θέλημα αὐτοῦ ἐστίν ».

[36] Clément de Rome, *Épître aux Corinthiens* 20.1-6 (éd. A. Jaubert). Nous citons le texte entier : «ἥλιός τε καὶ σελήνη, ἀστέρων τε χοροί, κατὰ τὴν διαταγὴν αὐτοῦ ἐν ὁμονοίᾳ δίχα πάσης παρεκβάσεως ἐξελίσσουσιν τοὺς ἐπιτεταγμένους αὐτοῖς ὁρισμούς. Γῆ κυοφοροῦσα κατὰ τὸ θέλημα αὐτοῦ τοῖς ἰδίοις καιροῖς τὴν παμπληθῆ ἀνθρώποις τε καὶ θηρσὶν καὶ πᾶσιν τοῖς οὖσιν ἐπ' αὐτῆς ζῴοις ἀνατέλλει τροφήν, μὴ διχοστατοῦσα μηδὲ ἀλλοιοῦσά τι τῶν δεδογματισμένων ὑπ' αὐτοῦ. 'Αβύσσων τε ἀνεξιχνίαστα και νερτέρων ἀνεκδιήγητα κρίματα τοῖς αὐτοῖς συνέχεται προστάγμασιν. Το κύτος τῆς ἀπείρου θαλάσσης κατὰ τὴν δημιουργίαν αὐτοῦ συσταθὲν εἰς τὰς συναγωγὰς οὐ παρεκβαίνει τὰ περιτεθειμένα αὐτῇ κλεῖθρα, ἀλλὰ καθὼς διέταξεν αὐτῇ, οὕτως ποιεῖ». Voir aussi R. Brague, *La sagesse du monde. Histoire de l'expérience humaine de l'univers*, Paris 1999, p. 257. Cf. Origène, *Contre Celse*, 8.66 (éd. M. Borret): «Εὐφημοῦμεν οὖν Ἥλιον ὡς καλὸν θεοῦ δημιούργημα καὶ τοὺς νόμους φυλάσσον τοῦ Θεοῦ».

[37] Grégoire de Nysse, *De oratione dominica*, or. 3, éd. F. Oehler, p. 260.

II

L'antithèse classique entre le «φύσει» et le «θέσει», nature et convention, se trouve absorbée par la suprématie du νόμος que *pose* le divin.[38] Abolissant la primauté de la nature, cette loi sape, du même coup, les fondements des cultures et des sociétés particulières, car elle relègue au second rang les conventions humaines aussi.

Sujet à son auteur, le monde est formé par un ordre politique à la base duquel se trouve «l'acte performatif pur qui n'aurait de compte à rendre à personne et devant personne».[39] Conforme à la hiérarchisation du réel, l'ordre juridique établi s'avère compatible avec un monothéisme intransigeant: s'il y a un seul Dieu, le gouvernement de plusieurs n'a aucune légitimité.[40] La loyauté de la nature ne saurait être que monarchiste sans conditions.[41]

En créant l'univers, Dieu fonde un régime.[42] Dans ce rôle et en cette fonction, il instaure le modèle du pouvoir constituant défini par Carl Schmitt:

> «Le pouvoir constituant est la volonté politique dont le pouvoir ou l'autorité sont en mesure de prendre la décision globale concrète sur le genre et la forme de l'existence politique propre, autrement dit déterminer l'existence de l'unité politique dans son ensemble».[43]

Et Schmitt d'ajouter:

> «Pour la conception médiévale, seul Dieu a une *potestas constituens* – du moins dans la mesure où l'on parle d'un pouvoir constituant».[44]

Il en devient clair que dorénavant la notion chrétienne de la loi rompt les liens avec la tradition greco-romaine. Elle n'est plus ce qui, d'après les Romains, relie les hommes de façon durable et qui «s'applique non par une action violente ou un dictat, mais grâce à un accord et une convention».[45] Aussi, contrairement à la forme de gouvernement qu'institua la πόλις, le

[38] Justinien*, Edictum rectae fidei*, éd. M. Amelotti, R. Albertella, L. Migliardi, 1973: «πᾶν δὲ κτίσμα εἰ καὶ ἐκ διαφόρων συνέστηκεν, ἀλλ'οὐν μίαν ἐκείνην ἔχειν λέγεται φύσιν καθ' ἣν παρὰ τοῦ θεοῦ ἐδημιουργήθη». Grégoire de Nazianze, *De Theologia* (orat. 28), § 6 éd. J. Barbel: «Τοῦ μὲν γὰρ εἶναι θεόν, καὶ τὴν πάντων ποιητικήν τε καὶ συνεκτικὴν αἰτίαν, καὶ ἔψις διδάσκαλος καὶ ὁ φυσικὸς νόμος· ἡ μὲν τοῖς ὀρωμένοις προσβάλλουσα, καὶ πεπηγόσι καλῶς καὶ ὁδεύουσι καὶ ἀκινήτως ἵνα οὕτως εἴπω κινουμένοις καὶ φερομένοις· ὁ δὲ διὰ τῶν ὁρωμένων καὶ τεταγμένων τὸν ἀρχηγὲν τούτων συλλογιζόμενος. Πῶς γὰρ ἓν καὶ ὑπέστη τόδε τὲ πᾶν, ἢ συνέστη, μὴ θεοῦ τὰ πάντα καὶ οὐσιώσαντος καὶ συνέχοντος;».

[39] J. Derrida, *Force de loi. Le «Fondement mystique de l'autorité»*, Paris 1994, p. 89.

[40] Eusèbe de Césarée, *Louanges de Constantin*, 3.6, p. 97.

[41] Grégoire de Nysse, *In canticum canticorum*, hom. 14, Migne, *P. G.*, 6, col. 421: «Εἷς βασιλεὺς κυρίως τε καὶ ἀληθῶς καὶ πρώτως ἐστὶν ὁ βασιλεὺς πάσης τῆς κτίσεως».

[42] Eusèbe de Césarée, *Préparation evangelique*, 7.8.3-4, éd. K. Mras: «μηδένα πλὴν τῶν ἁπάντων τὸν δημιουργὸν δεσπότην ὁμοῦ καὶ θεὸν τῶν ὅλων ἐπιγράψασθαι. Πεπεῖσθαι γὰρ αὐτὸν οὐ μόνον ποιητικῇ δυνάμει εὖ καὶ ἐν κόσμῳ τὸ πᾶν διατεθειεκέναι, ἀλλὰ καὶ δεσπότου δίκην, ὡς ἂν μεγάλης πόλεως τοῦ σύμπαντος κυριεύειν οἰκονομεῖν τε καὶ οἰκοδεσποτεῖν ὁμοῦ καὶ κύριον ὄντα καὶ βασιλέα καὶ θεόν».

[43] C. Schmitt, *Théorie de la constitution*. Trad. L. Deroche, Paris 1996, p. 211-2.

[44] *Ibid*., p. 213.

[45] H. Arendt, *Qu'est-ce que la politique?* Texte établi par U. Ludz, trad. S. Courtine-Denamy*,* Paris 1995, p. 115.

νόμος ne s'y conçoit-il que comme commandement.[46] En cela, sa signification est créée à la base du rapport vertical, pré-politique,[47] entre le maître de l'*oikos*[48] qui ordonne et les assujettis qui exécutent.

Or, le Créateur incréé fait surgir du néant un système de significations sans précédent. Il instaure un ordre normatif, dont la légitimité émane d'une décision antérieure aux lois instituées. Ainsi, anticipant l'*eidos* de tout ce qu'il fait naître, précède-t-il toute réglementation. D'ailleurs, Eusèbe de Césarée affirme qu' «il est l'origine de la justice elle-même».[49]

On reconnaît les caractères principaux du décisionnisme, toujours selon les définitions de Carl Schmitt:

> «La décision souveraine ne s'explique juridiquement ni par une norme ni par un ordre concret ; elle ne s'insère pas non plus dans le cadre d'un ordre concret parce que, pour le décisionniste, c'est la décision qui fonde la norme et l'ordre. La décision souveraine est commencement absolu, et le commencement (y compris le sens d' ἀρχή) n'est rien d'autre qu'une décision souveraine».[50]

Réduite au seul vouloir de la divinité indivisible, absolument unie et étrangère aux factions,[51] cette mise en ordre *sans précédent* exemplifie, dans le devenir historique, la prétention de nier le pouvoir instituant de l'activité collective. En ce sens, elle adosse l'aspiration à mortifier la puissance créatrice immanente à «la multitude des hommes» en tant qu'êtres singuliers coopérants à travers leur diversité et leurs différences.[52]

Selon les religions de l'immanence,[53] l'extériorité du fondateur par rapport à l'état actuel des choses fondées ne se réduit qu'à la distance qui sépare un passé originaire révolu d'un présent qui en tire la légitimité de sa manière d'être. En revanche, religion de la transcendance, le christianisme refuse d'inclure la divinité dans le monde et structure ses conceptualisations à

[46] H. Arendt, *Du mensonge à la violence. Essais de politique contemporaine.* Trad. G. Durand, Paris 1989, p. 140 sq. Eadem, *On Revolution*, London 1977, p. 188 sq.

[47] Voir Arendt, *La condition de l'homme moderne*, p. 65—76.

[48] Cyrille d'Alexandrie, *In parabolam vieaae*, hom. 17, Migne, *P. G.*, 77, col. 1096-1097 : «Οἰκοδεσπότης τοῦ μεγάλου οἴκου, τουτέστιν ὁ δεσπότης Θεός . οἶκος γὰρ ὁ κόσμος . Δεσπότης δὲ αὐτοῦ, ὁ κτίσας αὐτὸν Θεός».

[49] Eusèbe de Césarée, *Louanges de Constantin*, 3.6, p. 98

[50] C. Schmitt, *Les trois types de pensée juridique*. Trad. M. Köller et D. Séglard, Paris 1995, p. 83.

[51] Cf. Grégoire de Nazianze, *De filio* (oratio 29), § 2 (éd. J. Barbel): «'Αταξία γὰρ μελέτη λύσεως. `Ημῖν δὲ μοναρχία τὸ τιμώμενον· μοναρχία δὲ, οὐχ ἣν ἓν περιγράφει πρόσωπον· ἀλλ' ἣν φύσεως ὁμοτιμία συνίστησι, καὶ γνώμης σύμπνοια, καὶ ταυτότης κινήσεως, καὶ πρὸς τὸ ἓν τῶν ἐξ αὐτοῦ σύννευσις».

[52] Je me refère ici aux analyses de A. Negri, *Le pouvoir constituant. Essai sur les alternatives de la modernité.* Trad. É. Balibar et Fr. Matheron, Paris 1997, surtout p. 399—440, et plus spécialement 404—417.

[53] Au sujet de l'opposition entre les religions de l'immanence et celle de la transcendance, voir E. Enriquez, *De la horde à l'État. Essai de psychanalyse du lien social*, Paris 1983, p. 282 sq. Concernant la religion grecque, voir J.-P. Vernant, Formes de croyance et de rationalité en Grèce, dans Idem, *Entre mythe et politique*, Paris 1996, p. 237—252, surtout p. 245 sq. Aussi, M. Augé, Une anthropologie des polythéismes est-elle possible?, dans *La Grèce pour penser l'avenir*, *op. cit.,* p. 25—42, et en particulier p. 35 sq.

partir de l'hétérogénéité absolue du Créateur.[54] Puisque l'avant et le dehors ne désignent que la différence de nature, et en cela de valeur, entre le créé et l'incréé, l'extériorité du fondement n'est plus temporelle, mais spatiale. Le rapport de Dieu *absconditus* avec la réalité instituée ne se recouvre que par le biais de l'eschatologie chrétienne.[55]

Abolissant les privilèges accordés au cosmos pré-chrétien, l'ordre ascendant ontologique révélé renverse la supériorité de l'univers à l'égard de l'être humain. Dès lors, l'échelonnement des créatures suivant leur perfection inégale, postule que la cosmologie cède le pas à l'*anthropologie* : le monde devient le subalterne de l'homme. C'est à lui que passent la dignité et l'honneur, vu son office conféré de représenter la divinité dans le monde sublunaire.[56] Dans cette perspective, la fin reçoit une signification nouvelle. C'est le but à atteindre dans le temps en vue d'un achèvement qui dépasse le temps. Ainsi, sous la logique de la rédemption que met en vigueur le «messie à l'envers»,[57] les événements puisent-elle leur sens dans l'économie du salut, le *telos* de tout et après tout.[58] Le monde existe au service du drame humain : il souffre avec la chute, il coopère au mystère de l'Incarnation, il persévère dans l'espérance que la nouvelle promesse sera réalisée.[59]

Donc, selon le nouveau sens dont s'investit la notion de la fin, le temps ne se conçoit que comme la durée prédéterminée, accordée pour le salut du genre humain. D'ailleurs, puisque de toutes les créations douées de raison ce n'est que l'homme qui a de la chair, lui seul puisse avoir une histoire. Il vient et quitte le monde sensible, et ce trajet linéaire entre la naissance et la mort est la

[54] Athanase, *Orationes tres contra Arianos*, *P.G.* 26, col. 360: «Εἰ τοίνυν καὶ ὁ Λόγος χρόνῳ μόνον ἡμῶν διαφέρει, ἔδει καὶ ἡμᾶς ὡς ἐκεῖνον εἶναι». Aussi, *ibid*.: «Εἰ μὲν οὖν, ὡς πολλάκις εἴπομεν, ὁ αὐτός ἐστιν ἡμῖν ὁ τοῦ Θεοῦ Λόγος, καὶ οὐδὲν ἡμῶν διαφέρει ἢ χρόνῳ· ἔστω ἡμῖν ὅμοιος, καὶ τὴν αὐτὴν ἐχέτω χώραν παρὰ τῷ Πατρί, ἥν καὶ ἡμεῖς ἔχομεν».

[55] Mon analyse s'appuie sur les thèses de M. Gauchet, *Le désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion,* Paris 1985, p. 54 sq. Voir aussi, Idem, *La condition historique. Entretiens avec François Azouvi et Sylvain Piron*, Paris 2003, p. 119—121,

[56] Cf. Grégoire de Nysse, *In canticum canticorum*, (hom. 15), éd. H. Langerbeck, VI, p. 68: «Γνῶθι πόσον ὑπὲρ τὴν λοιπὴν κτίσιν παρὰ τοῦ πεποιηκότος τετίμησαι, οὐκ οὐρανὸς γέγονεν εἰκὼν θεοῦ, οὐ σελήνη, οὐχ ἥλιος, οὐ τὸ ἀστρῷον κάλλος, οὐκ ἄλλο τι τῶν κατὰ τὴν κτίσιν φαινομένων οὐδέν». Voir aussi L. Strauss, Jérusalem et Athènes. Réflexions préliminaires, dans Idem, *Études de philosophie politique platonicienne*. Trad. O. Sedeyn, Paris 1992, p. 218 sq.; de même, R. Brague, *La sagesse du monde*, *op. cit.,* p. 240 sq. Aussi, Pelikan, *What has Athens to do with Jerusalem?*, *op. cit*., p. 54 sq.

[57] Gauchet, *La condition historique*, *op. cit*., p. 100. Par cette expression Gauchet explicite le fait que «ce qu'il [*scil.* le Messie] annonce, ce n'est pas la victoire sur l'occupant romain, dernier avatar en date d'une oppression familière, ce n'est pas la révolte, inutile, contre les dominations terrestres, c'est la sortie du monde où il y a des dominations. Il n'y a pas d'issue en ce monde».

[58] Voir aussi Wallace-Handrill, *op. cit.*, p. 112 sq. De même, Brague, *La sagesse du monde*, *op. cit.,* p. 247—252.

[59] Selon les formulations de J. Taubes, *La Théologie politique de Paul. Schmitt, Benjamin, Nietzsche et Freud.* Trad. M. Köller et D. Séglard, Paris 1999, p. 111, pour Paul «qui n'a jamais décrit ni mentionné un seul arbre (…) la nature est une catégorie très importante, c'est une catégorie eschatologique».

chance qui lui a été donnée pour se racheter.[60] Retour vers le début paradisiaque, la sotériologie chrétienne unit le commencement avec l'achèvement ultime.[61] Cela signifie que dans son rôle d'acte providentiel, la création continue vers et jusqu'à la fin. Absolument excepté du monde, Dieu dirige tout et sans aucune exception. À l'opposé du démiurge platonicien,[62] le créateur de l'univers y demeure *présent*, car il détient la *potestas suprema* aussi.[63] Et du fait que Dieu est toujours ce qui est, à savoir l'Être absolu, l'éventualité qu'il ne demeure pas le seul et unique roi est un *non-sens*. Sinon, l'Éternel serait soumis à l'ordre du temporel, faisant face aux contingences et aux changements du devenir historique.[64] À l'opposé donc de Zeus, le Créateur de l'univers ne puisse même pas être menacé d'être dépossédé de la souveraineté.[65] Ce qui veut dire qu'une telle menace ne saurait invoquer une situation dont la condition de possibilité serait saisie par la pensée. Par conséquent, pas d'issu heureuse dans la mise en question de ce pouvoir constitué qui fonde, irrévocablement, la non «identité du gouvernant avec le gouverné».[66]

En Dieu se rejoignent et le fondement qui se trouve tout à fait au dehors et le siège du pouvoir royal qui se place au sommet : absolument extérieur et en même temps agissant à l'intérieur de la réalité instituée qu'il régit, dehors et dedans, il n'est nulle part, car il est partout. Début et fin de toute chose, Dieu, en qui l'autorité et le pouvoir coïncident,[67] constitue la source de toute légalité et l'instance suprême qui octroie la légitimité.

[60] Voir R. Brague, A Medieval Model of Subjectivity: Toward a Rediscovery of Fleshliness, dans R. Lilly (éd.), *The Ancients and the Moderns*, Bloomington-Indianapolis 1996, p. 230—247, surtout p. 235.

[61] Cyrille d'Alexandrie, *Thesaurus de sancta consubstantiali trinitate*, Migne, *P. G.*, 75, col. 280: «Ἔδει πάλιν ἡμῖν ὁδὸν ἑτέραν ἀναδειχθῆναι, δι' ᾗς τὴν ἀρχαίαν κατάστασιν ἐκείνην ἀναβῆναι δυνησόμεθα. Ἐπειδὴ δὲ ἀνθρώπων οὐδεὶς ἱκανὸς ὢν εἰς τοῦτο κατεφαίνετο, ἀναγκαίως αὐτὸς ὁ φιλάνθρωπος τοῦ Θεοῦ Λόγος, ἄκτιστος ὢν τὴν φύσιν ἄνθρωπος κτίζεται δι' ἡμᾶς, βουλήσει τοῦ Πατρὸς τὴν ἡμῶν σάρκα περιβαλλόμενος».

[62] Platon, *Timée* 42e$_{5-6}$.

[63] Cf. Didymus Caecus, *Commentarii in Ecclesiastem*, éd. M. Grünewald, p. 89: «αὐτὸς δὲ καὶ διοικεῖ καὶ προνοεῖται τῶν ἕλων, ἵνα τεταγμένως ἀγομένου τοῦ παντὲς κόσμου ὑπὸ ταξιάρχου καὶ προνοητοῦ καὶ ἄρχοντος καὶ ἡνιόχου καὶ βασιλέως φαντασίαν λάβωμεν, ὅτι ἔστι τις ἡγούμενος τοῦ κόσμου».

[64] Théodoret de Cyr, *Interpretatio in Psalmos*, Migne, *P. G.*, 80 col. 1624: «Ὁ Θεὸς γάρ ἄτρεπτός τε καὶ ἀναλλοίωτος, ἀεὶ ὡσαύτως καὶ κατὰ τὰ αὐτὰ ἔχων. Οὐ γὰρ νῦν μὲν βασιλεύει, νῦν δὲ βασιλείαν οὐκ ἔχει· ἀλλὰ φύσει μέν ἐστιν ἀεὶ βασιλεύς, οὐκ ἀεὶ τοῦτο δῆλον τοῖς ἀνθρώποις γεγένηται».

[65] Selon Castoriadis, *Ce qui fait la Grèce, op. cit*., p. 279: «Les dieux grecs –Hannah Arendt le rappelait à juste titre- sont 'immortels' non pas éternels: Zeus est lui-même, promis par Prométhée, au détrônement, et cela est publiquement représenté à Athènes, vers 460 av. J.-C.».

[66] Schmitt, *Théologie politique*, *op. cit*., p. 58.

[67] Sur la corrélation de l'*auctoritas* (inhérente à la personne physique) et de la *potestas* (liée au normatif et au juridique), tout comme sur les conséquences néfastes de leur coïncidence en une seule personne, voir G. Agamben, *État d'exception. Homo sacer II,1*, Trad. J. Gayraud, Paris 2003, p. 124—148.

III

Source de l'être et de l'essence, l'αὐτοτελές ὂν instaure les circonscriptions qui dé-finissent les étants créés, en prescrivant leur conduite *ordinaire*: celle qui actualise leur forme parfaite, conçue auparavant, et par qui se réalise incessamment le bien-être de la pluralité réduite en une totalité ordonnée. Ainsi, source du bien, le créateur s'identifie-t-il ave la source du juste.[68] De là, il se pose comme le « fondement anomique»[69] de l'ordre qu'il a établi et dont il se porte garant, en demeurant légalement en dehors de lui. En cela, il peut, par sa puissance, facilement le dissoudre, sans qu'il porte atteinte au droit. D'après Léonce de Jérusalem:

> «νόμοι γαρ φύσεως καταλύονται ῥᾷστα τῷ νομοθέτῃ ἐν καιρῷ».[70]
> «Les lois de la nature sont pour le législateur facilement abrogées quand il le juge opportun».

Au-dessus de la nature agit la grâce[71] qui, en cela, dépasse la raison en sorte qu'elle n'ait pas de raisons à rendre.[72] L'Incarnation du Fils en est la preuve. Ressort de la création continuée, l'irruption du divin dans l'ici-bas pourraient être saisie comme le «mouvement descendant à la deuxième puissance»[73] que *nécessite* la téléologie chrétienne. En cela, la violence qu'implique la mise en suspens de l'ordre établi, demeure justifiée par la justice des fins. On l'a déjà vu, du fait que seul le salut *post mortem* de l'être humain expatrié a de l'importance, le plan providentiel sera pleinement réalisé avec la fin du cosmos et des institutions qu'il le constitue. On dirait donc que la mise en suspend de la normalité préfigure la perte de ce monde comme tel[74] et avec lui de la loi en tant que vouée à l'ordre de la particularité, tandis que le « seul corrélat possible de l'Un est l'universel».[75]

L'intervention miraculeuse dans la réalité ordonnée se réduit à une décision personnalisée. Il s'agit de la prérogative de l'empereur omnipotent dont le jugement *ex auctoritate* est, et pour cause, absolument *hors discussion*. On y reconnaît la définition célèbre de Carl Schmitt: «Est

[68] Ps.-Dénys Aréopagite, *Des noms divins*, 8.7 [839D—896A], p. 204: «"Δικαιοσύνη»" δὲ αὖθις ὁ θεὸς ὡς πᾶσι τὰ κατ' ἀξίαν ἀπονέμων ὑμνεῖται καὶ εὐμετρίαν καὶ κάλλος καὶ εὐταξίαν καὶ διακόσμησιν καὶ πάσας διανομὰς καὶ τάξεις ἀφορίζων ἑκάστῳ κατὰ τὸν ὄντως ὄντα δικαιότατον ὅρον καὶ πᾶσι τῆς αὐτῶν ἑκάστων αὐτοπραγίας αἴτιος ὤν. Πάντα γὰρ ἡ θεία δικαιοσύνη τάττει καὶ ὁροθετεῖ καὶ πάντα ἀπὸ πάντων ἀμιγῆ καὶ ἀσύμφυρτα διασώζουσα τὰ ἑκάστῳ προσήκοντα πᾶσι τοῖς οὖσι δωρεῖται κατὰ τὴν ἑκάστῳ τῶν ὄντων ἐπιβάλλουσαν ἀξίαν».

[69] J'emprunte l'expression à Agamben, *op. cit*., p. 118, en m'appuyant sur son analyse concernant le souverain conçu comme loi vivante

[70] *Adversus Nestorianos*, 1.10, Migne, *P. G.* 86, col. 1444A.

[71] Jean Damascène, *Sacra parallela*, Migne, *P. G*., 95, col. 1277: «Ὑπὲρ φύσιν ἡ χάρις». Cf. Maxime le Confesseur, *Quaestiones ad Thalassium*, § 37.

[72] Ps.-Grégoire le Thaumaturge, *In annuntiationem sanctae virginis Mariae*, hom. 1, Migne, *P. G*., 10, col. 1149: «Τὴν χάριν κατὰ φύσιν μὴ ἀνάκριναι. Νόμοις [*al.* νόμῳ] γὰρ φύσεως, ἡ χάρις ὑποβαίνειν οὐκ ἀνέχεται».

[73] S. Weil, *La pesanteur et la grâce*, Paris 1991, p. 10.

[74] Cf. Basile de Césarée, *Héxaémeron*, 1.4.

[75] A. Badiou, *Saint Paul. La fondation de l'universalisme*, Paris 1997, p. 80.

souverain celui qui décide de la situation exceptionnelle».[76] À la dernière, qui se considère comme l'équivalent du miracle, «correspond une compétence par principe illimitée, autrement dit la suspension de l'ordre établi dans sa totalité».[77]

Il en devient clair que, traduite dans le domaine historico-politique, cette transgression que produit le miracle[78] et qui, au lieu de renverser, elle réaffirme l'ordre du pouvoir, suppose que la norme, à laquelle on mesure le licite, réside dans une qualité personnelle, à savoir la suprématie de valeur du chef. En ce sens, la confiance à la rectitude qu'incarne l'ἀρχή ἀνυπεύθυνος[79] se substitue à l'effort partagé de rendre le monde cohérent, de donner du sens aux événements — au lieu de les subir — et se mettre à l'abri de l'*impensable*. Leur capacité de juger étant annulée, les assujettis demeurent, en tant que tels, privés de la possibilité de s'orienter avec sécurité dans la réalité socio-politique. Ce qui supposerait leur émancipation de toute souveraineté, par qui l'Absolu envahit dans la sphère publique et l'écrase comme telle. Ce qui impliquerait leur auto-institution comme des êtres politiques[80] via leur choix de se conformer aux lois qui murent leur être-ensemble. Des lois entendues, en cela, comme les règles librement acceptées du jeu[81] de sorte qu'elles conditionnent l'entrée dans le monde, la scène des apparences qui est là pour être partagé.

Conçue déjà comme le commandement d'un être charismatique, la loi cesse d'être le rempart solide qui circonscrit et protège l'espace public dans lequel les gens recouvrent leur capacité d'agir, car ils peuvent se rencontrer et se déplacer en pleine liberté.[82] Identique à une volonté omnipotente, la loi est constamment en jeu. À tout moment elle entraîne sa révocation *à l'insu* de la communauté constituée, car le pouvoir n'appartient pas à cette dernière : c'est l'autre façon de dire que le commencement absolu ne se rapporte pas à l'action. Par-là, on entend, suivant H. Arendt, la seule activité spécifiquement humaine dont le caractère miraculeux[83] consiste dans son pouvoir de «débuter quelque chose de neuf auquel on ne peut s'attendre».[84] Mais à l'opposé du «je

[76] Schmitt, *Théologie politique*, *op. cit*., p. 15. Voir aussi l'analyse de Taubes, p. 99 sq.

[77] *Ibid*., p. 22.

[78] Grégoire de Nysse, *Contra Eunomium*, éd. W. Jaeger, 3.3.34: «οὐδὲν κατὰ τὴν ἑαυτοῦ φύσιν κινούμενον ὡς ἐπὶ παραδόξῳ θαυμάζεται, ἀλλ'ὅσα τοὺς ὅρους ἐκβαίνει τῆς φύσεως, ταῦτα μάλιστα πάντων ἐν θαύματι γίνεται (…) Διὸ καὶ πάντες οἱ τὸν λόγον κηρύσσοντες ἐν τούτῳ τὸ θαῦμα τοῦ μυστηρίου καταμηνύουσιν ὅτι ὁ θεὸς ἐφανερώθη ἐν σαρκί».

[79] *Souda* B 147 et Δ 1110.

[80] Voir Arendt, *Qu'est-ce que la politique?, op. cit.,* p. 33.

[81] Au sujet de la comparaison de la loi avec les « règles d'un jeu », voir Arendt, *Du mensonge à la violence*, *loc. cit*., p. 200—201. Ricœur, Pouvoir et violence, dans M. Abensour et al. (éd.), *Ontologie et politique. Actes du colloque Hannah Arendt*, Paris 1989, p. 141—159, en particulier p. 145.

[82] Voir Arendt, *Qu'est-ce que la politique?, op. cit*., p. 125; ibid., p. 116 sq. Eadem, *Condition de l'homme moderne.* Trad. G. Fradier, Paris 1983, p. 253 sq. Aussi, *On Revolution*, *op. cit*., p. 196 sq. Au sujet de la politique constitutionnelle de H. Arendt, voir J. Waldron, Arendt's contitutional politics, dans D. Villa (éd.), *The Cambridge Companion to Hannah Arendt*, Cambridge 2000, p. 201—219, *passim* et en particulier p. 203 sq.

[83] Voir Arendt, *Qu'est-ce que la politique?, op. cit.,* p. 51—52.

[84] Arendt, *Condition de l'homme moderne*, *op. cit.,* p. 234.

veux», en principe illimité, car *solipsiste*, l'action ne se dirige qu'aux hommes.[85] Elle ne peut *avoir lieu* à l'écart des autres qui seuls la dotent du sens via la compréhension qu'ils s'en font. Elle demeure, conditionnée par la pluralité, composée des êtres différents et institués comme égaux.[86] Donc, puisque la source des miracles n'est pas surnaturelle, mais elle s'identifie avec l'être humain libéré des soucis de la vie biologique, mais irrévocablement terrestre, car il ne se crée qu'en vivant au pluriel, nous arrivons à formuler une autre définition du pouvoir. Du fait qu'il «correspond à l'aptitude de l'homme à agir, et à agir de façon concertée», le pouvoir «n'est jamais une propriété individuelle; il appartient à un groupe et continue à lui appartenir aussi longtemps que ce groupe n'est pas divisé».[87]

En revanche, comme Schmitt le répète, l'ἀρχή ici s'identifie avec une décision personnelle. En ces termes, la mise en suspens de l'ordre cosmique institue le modèle d'une souveraineté dont le pouvoir ne s'arrête pas avec le droit public. Elle ne supporte aucune limitation, aucune barrière qui récuserait son intervention directe dans une réalité qui, en effet, est comme dénuée de sa *forme constitutive*. Dépossédé des qualités *artificielles* qui déterminent son statut social, politique et juridique, l'être aux prises avec cette puissance *irrégulière* devient le négatif du souverain, source de la vie et, par-là, maître de la mort. Sans place dans le monde, car *forcé* dans le désert que fait étendre la rupture de tout lien,[88] il est, lui, voué à la mort puisque rien que vivant.

Cause de dérèglement, l'intervention extra-ordinaire du roi philanthrope présente une similitude troublante avec l'activité hors la loi du rebelle misanthrope. D'ailleurs, notons ici que, quant à l'exercice du pouvoir, les chrétiens suivent les conceptions de la philosophie politique classique. La différence fondamentale entre le *basileus* et le tyran repose sur le fait que seul le premier agit dans l'intérêt des gouvernés.[89] Cette similitude du miroir entre le surnaturel et le dénaturé[90] devient explicite dans la façon dont Pseudo-Grégoire Thaumaturge décrit la conception immaculée:

> «Καὶ ἔστη η φύσις ἄντικρυς, καὶ ἡ συνουσία πόῤῥωθεν, μετὰ θάμβους θεωροῦσαι τὸν Δεσπότην τῆς φύσεως παρὰ φύσιν, μᾶλλον δὲ ὑπὲρ φύσιν πρᾶγμα θαυματουργοῦντα ἐν τῷ σώματι».[91]
>
> «La nature se plaça en face et l'union charnelle s'éloigna, pour contempler stupéfaites le Seigneur de la nature faire un miracle dans le corps, agissant contre la nature ou plutôt d'une façon qui surpasse la nature ».

[85] Voir Arendt, *La vie de l'esprit, 2. le vouloir.* Trad. L. Lotringer, Paris 1983, p. 224 sq.

[86] Arendt, *Condition de l'homme moderne*, *op. cit*., p. 231 sq..

[87] Arendt, *Du mensonge à la violence*, *op. cit*., p. 144.

[88] Arendt, *Qu'est-ce que la politique*?, *op. cit*., p. 125.

[89] Basile de Césarée, *Homilia in principium Proverbiorum*, Migne, *P. G.* 31, col. 389: «Τοῦτο γὰρ διαφέρει τύραννος βασιλέως, ὅτι ὁ μὲν τὸ ἑαυτοῦ πανταχόθεν σκοπεῖ, ὁ δὲ τὸ τοῖς ἀρχομένοις ὠφέλιμον ἐκπορίζει».

[90] Ce constat fait inévitablement penser à Walter Benjamin, *Origine du drame baroque allemand.* Trad. S. Muller et A. Hirt, Paris 2002, p. 70: «Pour le baroque le tyran et le martyr sont les deux visages de Janus de la tête couronnée (…) La théorie de la souveraineté, pour laquelle le cas d'exception, en développant des instances de dictature, devient un cas exemplaire, oblige quasiment l'image du souverain à s'accomplir dans le sens du tyran».

[91] *In annunciationem sanctae Mariae virginis homilia II* , Migne, *P. G.*, 10, col, 1164.

En suspendant la validité de la loi, Dieu ne fait que circonscrire l'espace dans lequel la norme doit, en principe, rester en vigueur. Autrement dit «ce n'est pas l'exception qui se soustraie à la règle, mais la règle qui en se suspendant, donne lieu à l'exception».[92] L'inverse symétrique de la grâce, laquelle fait dépasser les limites fixées de la nature, est le pêché dénaturant. Mais dans ce cas, violer l'ordre établi implique l'acception de l'illégalité (ἀνομία), en sorte que le coupable doive en subir les conséquences prévues. À l'inverse du souverain, le sujet ne peut, dans aucun cas, ne pas se soumettre à l'ordre de la puissance dans lequel il est déjà inclus.

* * *

Habitant provisoire du monde qui passe, l'être humain déchiffre la présence du «grand auteur et artisan»[93] à travers les produits merveilleux de son activité. Suivant Basile de Césarée:

> «Le monde est l'école où s'instruisent les âmes raisonnables, le lieu où elles apprennent à connaître Dieu».[94]

Connaître la divinité par le moyen de ses œuvres, réalisées « pour répondre au plus grand besoin des êtres»,[95] signifie restaurer la confiance absolue à la bienveillance de celui qui exerce le pouvoir dans son droit subjectif de créateur.[96] Définie par la coopération à l'œuvre de la Providence, l'assimilation salutaire de l'homme à son Archétype céleste consiste dans le respect sans réserves des institutions divines.[97] Selon Jean Damascène, la foi, via qui la fidélité gratuite est sauvegardée, ne saurait être qu'un consentement sans questions :

> «Πίστις δέ ἐστιν ἀπολυπραγμόνητος συγκατάθεσις».[98]

Image du *basileus* de l'univers, l'être humain est le seul, dans le monde sublunaire, qui puisse opérer lui-même sa *dégénération*, renonçant à son statut privilégié.[99] En d'autres termes, de tous les êtres en chair et en os, il n'y

[92] G. Agamben, *Homo sacer*, I. *Le pouvoir souverain et la vie nue.* Trad. M. Raiola, Paris 1997, p. 26.

[93] Basile de Césarée, *Héxaéméron*, 4.1: «ὁ μέγας θαυματοποιὸς καὶ τεχνίτης ».

[94] Basile de Césarée, *Hexaéméron,* 1.6, p. 111 .

[95] *Ibid*.

[96] Cf. Théodoret de Cyr, *Interpretatio in Psalmos*, Migne, *P. G*., 80, col. 1029: «…πάσης δεσπόζει τῆς οἰκουμένης. Δεσπόζει δὲ αὐτῆς οὐχ ἁρπάσας τὴν ἐξουσίαν, οὐδὲ ἄλλον τινὰ τῆς δεσποτείας στερήσας· ἀλλ'αὐτὸς αὐτὴν δημιουργήσας, καὶ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγαγών». Aussi, Photius, *Bibliothèque*, Codex 223, Bekker 210a: «᾽Εργον γὰρ τοῦ πεποιηκότος καὶ τὸ διοικεῖν, ὅτι καὶ μόνος τῶν ἑαυτοῦ δημιουργημάτων τὴν φύσιν οἶδε, καὶ ὅπως μὲν κρατοῖτο, πόθεν δὲ συγχέοιτο καὶ διαφθείροιτο».

[97] Jean Damascène, *Sacra parallela*, Migne, *P.G.* 95, col. 1040: «Καὶ υἱοὺς Θεοῦ γενέσθαι τοὺς πειθαρχοῦντας τοῖς προστάγμασιν ἀπεφήνατο».

[98] Jean Damascène, *Expositio fidei,* § 84, (éd. B. Kotter).

[99] Jean Damascène, *Expositio fidei*, § 17, (éd. B. Kotter): «᾽Εστι τοίνυν φύσις λογικὴ νοερά τε καὶ αὐτεξούσιος, τρεπτὴ κατὰ γνώμην ἤτοι ἐθελότρεπτος· πᾶν γὰρ κτιστὸν καὶ τρεπτὸν, μόνον δὲ τὸ ἄκτιστον ἄτρεπτον, καὶ πᾶν λογικὸν αὐτεξούσιον. Ὡς μὲν οὖν λογικὴ καὶ νοερὰ

a que l'homme qui puisse postuler son *inessentialité*. Ce qui veut dire, mettre en question l'ordre du réel institué et se révolter contre l'état préétabli des choses. Par son aspiration à l'autonomie radicale, à savoir la prétention de changer le sens du monde et créer une nouvelle réalité ontologique,[100] l'être humain renonce à sa nature accordée, en rivalisant le pouvoir constituant supracéleste. Dans cette perspective, l'initiative, dans la réalité historique, de revendiquer le *droit* de s'auto-instituer ne se conçoit que comme la tentative diabolique de s'emparer des préséances divines.

Bien que transcendant au monde visible, vu son rapport spécifique avec Dieu ὑπερκόσμιος,[101] l'être humain, en tant qu'image de l'Autre, recouvre son humanité par la prise de conscience de son hétéronomie ; celle qu'établit précisément cette relation privilégiée avec le Créateur. Autrement dit, l'être humain ne s'arrache à ce monde mortel que puisqu'il consent de suivre l'exemple de ce dernier.[102] Tout capable de préparer sa libération des contraintes issues de son existence empirique, il réussit à se connaître comme tel dans la mesure où il ne se reconnaît pas comme «un animal *instituant*».[103] Fait pour régner sur terre,[104] il réussit à transcender sa nature immédiate et parvient à s'élever au-dessus de son enfermement dans une culture empirique particulière qu'à condition qu'il devienne ce que son créateur a voulu le faire.[105] Grégoire de Nysse affirme:

> «L'image n'est vraiment image que dans la mesure où elle possède tous les attributs de son modèle; dans la mesure où elle déchoit de la ressemblance avec la prototype, par ce côté-là elle n'est plus image».[106]

αὐτεξούσιός ἐστιν, ὡς δὲ κτιστὴ τρεπτή, ἔχουσα ἐξουσίαν καὶ μένειν καὶ προκόπτειν ἐν τῷ ἀγαθῷ καὶ ἐπὶ τὸ χεῖρον τρέπτεσθαι».

[100] On dirait avec C. Castoriadis, Pouvoir, politique, autonomie, *Revue de métaphysique et de morale*, 93, 1988, p. 81—104, en l'occurrence p. 96: «L'autonomie surgit, comme germe, dès que l'interrogation explicite et illimitée éclate, portant non pas sur des 'faits' mais sur les significations imaginaires sociales et leur fondement possible».

[101] Voir aussi l'analyse de L. Ferry, *Qu'est-ce qu'une vie réussie?,* Paris 2002, p. 398—407.

[102] Basile de Césarée, *Hexaéméron,* 7.4: «᾽Ορᾶς τὴν θείαν διάταξιν πάντα πληροῦσαν, καὶ διὰ τῶν μικροτάτων διήκουσαν. ᾽Ιχθὺς οὐκ ἀντιλέγει νόμῳ Θεοῦ, καὶ ἄνθρωποι σωτηρίων διδαγμάτων οὐκ ἀνεχόμεθα. Μὴ καταφρόνει τῶν ἰρχθύων, ἐπειδὴ ἄφωνα καὶ ἄλογα παντελῶς, ἀλλὰ φοβοῦ μὴ καὶ τούτων ἀλογώτερος ᾖς, τῇ διαταγῇ του κτίσαντος ἀνθιστάμενος». Cf. Thiodoret de Cyr, *De providentia*, Migne, *P. G*., 83, col. 748: «᾽Επειδὴ γὰρ εἶδε τὴν ἡμετέραν φύσιν ὁ Ποιητὴς πρὸς τὸν πικρὸν αὐτομολήσασαν τύραννον, καὶ εἰς αὐτὸ τῆς κακίας καταπε - σοῦσαν βάραθρον, καὶ τοὺς τῆς φύσεως νόμους ἀδεῶς πατουμένην, καὶ τὴν κτίσιν φαινομένην τε καὶ φθεγγομένην, καὶ τὸν Δημιουργὸν κηρύττουσαν, πεῖσαι δὲ οὐ δυναμένην τοὺς εἰς ἀναλγησίαν ἐσχάτην ἐκπεπτωκότας, σοφῶς καὶ δικαίως τὴν ἡμετέραν πραγματεύεται σωτηρίαν».

[103] Castoriadis, *Ce qui fait la Grèce*, *op. cit*., p. 292. Les italiques sont de l'auteur.

[104] Grégoire de Nysse, *La création de l'homme*, Migne, *P. G*. 44, col. 136B: «Οὕτως οἷόν τι σκεῦος εἰς βασιλείας ἐνέργειαν ἐπιτήδειον τὴν ἡμετέραν φύσιν ὁ ἀριστοτέχνης ἐδημιούργησε, τοῖς τε κατὰ τὴν ψυχὴν προτερήμασι καὶ αὐτῷ τῷ τοῦ σώματος σχήματι τοιοῦτον εἶναι παρασκευάσας, οἷον ἐπιτηδείως πρὸς βασιλείαν ἔχειν».

[105] *Rom.* 12.2: «καὶ μὴ συσχηματίζεσθαι τῷ αἰῶνι τούτῳ, ἀλλὰ μεταμορφοῦσθαι τῇ ἀνακαινώσει τοῦ νοός, εἰς τὸ δοκιμάζειν ὑμᾶς τί τὸ θέλημα τοῦ θεοῦ τὸ ἀγαθὸν καὶ εὐάρεστον καὶ τέλειον».

[106] Grégoire de Nysse, *La création de l'homme*, 12.156a-b, p. 122 (trad. J. Laplace).

Or, la justification du salut puise son sens dans la conviction que «l'humanité s'est définie dans le miroir d'une altérité constituante».[107] Sous cet aspect, le dévouement du Fils incarné supposerait aussi le sacrifice de la politique entendue comme le «vouloir se faire soi-même autre qu'on est, à partir de soi-même».[108] D'ailleurs, comme Platon l'avait déjà excellemment montré, la suprématie de l'Un a toujours été bâtie sur la fusion du pluriel diversifié. Mais c'est sur cette pluralité que repose la politique,[109] puisque son sens est la liberté.[110]

En guise de conclusion, ajoutons :

— Au niveau de la terre : en tant que créature inscrite dans l'ordre *nécessaire* de la nature, l'être humain qui prend la liberté de suspendre, par des *comportements inhabituels*, les règles qui constituent la normalité de son existence, celle-ci reflétée dans les rôles sociaux,[111] ne commet qu'une violation des prescriptions du Très-Haut.[112] Dans ce sens, l'expression «contre nature » connote la condamnation qu'entraîne la chair révoltée.[113]

— Au niveau de la grâce : le rapport de dépendance que l'image tient avec le prototype re-présenté et qu'a déjà rendu explicite l'ordre ontologique, épistémologique et axiologique platonicien, détermine la condition de l'homme restauré comme celle d'une enfance sans fin. Autrement dit, le mode d'existence approprié à l'être humain parfait exige qu'il soit, à jamais, mis sous la tutelle du Père céleste.[114] Libre de consentir à suivre le Messie, il ne peut, de l'autre côté, renoncer au devoir-être qui constitue sa vraie φύσις sans se priver de la dignité humaine.[115] Autrement dit, le fait d'insister sur son *extranéité* entraîne son dénuement des qualités qui ratifient son appartenance organique à la communauté régie des hommes.[116] Ainsi, l'étranger inassimilable au «territoire chrétien» se place-t-il au-delà des bornes du monde, dans ce non-lieu de l'*'in-humain*:[117] «`Ο Θεὸς μισεῖ καὶ σὺ κοινωνεῖς;».[118] Destitué de son statut de sujet loyal que seule lui confère son droit originel d'accès au paradis,[119] le dissident devient l'être méconnaissable qu'est le simulacre *insignifiant*:[120] abject en tant qu'objet d'une haine parfaite,[121] son état d'exilé dans le dominium du souverain omnipotent préfigure son élimination déterminée.[122] Demeurant *au-delà de toute loi*, Dieu ne tolère pas que l'on reste *en dehors de sa loi*. D'un point de vue complémentaire, comme l'a dit Alain Finkielkraut: «ce qui a même longtemps distingué les hommes de la plupart des autres espèces animales, c'est précisément qu'*ils ne se reconnaissaient pas entre eux*».[123]

Outre le drame du peuple juif persécuté à travers les siècles, la mise à mort cruelle du renégat Iouvenalios au XVe siècle, magistralement mise en relief par Igor P. Medvedev,[124] en est aussi un fait éloquent.

---

[107] Gauchet, *La condition historique*, *op. cit*., 199.

[108] C. Castoriadis*, Domaines de l'homme. Les carrefours du Labyrinthe II*, Paris 1986, p. 310.

[109] Arendt, *Qu'est-ce que la politique?, op. cit*., p. 31.

[110] *Ibid*., p. 48.

[111] Voir par exemple Clément d'Alexandrie, *Stromates*, 4.8.59.5—4.8.60.2, éd. O. Stählin, L. Früchtel and U. Treu: «Εἰ δὲ μηδὲν ἦν τὸ διάφορον ἀνδρὸς καὶ γυναικός, τὰ αὐτὰ ἂν ἑκάτερον αὐτῶν ἔδρα τε καὶ ἔπασχεν. Ἡ μὲν τοίνυν ταὐτόν ἐστι, καθὸ ψυχή, ταύτῃ ἐπὶ τὴν αὐτὴν ἀφίξεται ἀρετήν. Ἡ δὲ διάφορον, κατὰ τὴν τοῦ σώματος ἰδιότητα, ἐπὶ τὰς κυήσεις καὶ τὴν οἰκουρίαν. „Θέλω γὰρ ὑμᾶς", φησὶν ὁ ἀπόστολος, „εἰδέναι ἔτι παντὸς ἀνδρὸς ἡ κεφαλὴ ὁ Χριστός, κεφαλὴ δὲ γυναικὸς ὁ ἀνήρ. Οὐ γάρ ἐστιν ἀνὴρ ἐκ γυναικός, ἀλλὰ γυνὴ ἐξ ἀνδρός…"».

[112] Cf. Jean Damascène, *Contre les Manichéens*, § 47 (éd. B. Kotter): «Ἕκαστον δὲ τῶν γενομένων λογικῶν ἀγαθῶν ἑκουσίως ἢ ἐνέμεινεν τῷ ἀγαθῷ, ὡς ἐκτίσθη, ἢ ἑκουσίως ἐτράπη καὶ ἀπεφοίτησε τοῦ ἀγαθοῦ καὶ ἀπώλεσεν αὐτο. Ἀγαθὲν μὲν γάρ ἐστι τάξις ἀρίστη ἑκάστῳ τὲ κατὰ φύσιν οἰκεῖον διασῴζουσα — ταὐτὸν δέ ἐστι καὶ ἀρετή- κακία δὲ ἡ τῆς τάξεως λύσις εἴτουν ἀταξία». Et Idem, *De duobus in Christo voluntatibus*, § 19 (éd. B. Kotter): «ὅπως τὸ κατὰ φύσιν φυλάξαντες τῶν ὑπὲρ φύσιν τύχωμεν (…) Εἰ γὰρ μὴ ὑποταγῇ ἡ θέλησις ἡμῶν τῷ θείῳ θελήματι, ἀλλὰ κατ'οἰκείαν γνώμην καὶ αἵρεσιν χρήσηται ὁ αὐτεξούσιος νοῦς θυμῷ καὶ ἐπιθυμίᾳ κακίαν εἰργάσατο˙ κακία γὰρ οὐδὲν ἐτερόν ἐστιν εἰ μὴ ἁμαρτία καὶ ἀποτυχία καὶ παρακοὴ τοῦ δεσποτικοῦ νόμου».

[113] Jean Damascène, *De partibus animae*, Migne, *P. G*., 95, col. 232: «Τοῦτο δὲ τὸ ἐπιθυμητικὸν διαιρεῖται εἰς τρία· εἰς θεῖκόν, φυσικόν, καὶ μέσον τὸ σαρκικόν, ὅπερ ἐστὶ τὸ διαβολικόν. Θεῖκὸν μέν, τὸ ἀγαπᾷν τὸν Θεόν· φυσικὸν δε, τὸ ἀγαπᾷν τὸ κατὰ φύσιν· σαρκικὸν δὲ τὸ ἀγαπᾷν τὰ παρὰ φύσιν οἷον κατὰ φύσιν μὲν ὁ γάμος· παρὰ φύσιν δε, ἡ πορνεία καὶ τὰ τοιαῦτα».

[114] Jean Damascène, *Sacra parallela*, Migne, *P. G*., 95, col. 1040: «Καὶ υἱοὺς Θεοῦ γενέσθαι τοὺς πειθαρχοῦντας τοῖς προστάγμασιν ἀπεφήνατο».

[115] Voir par exemple Jean Chrysostome, *Adversus Judaeos*, Migne, *P. G*., 48, col. 854: «Καὶ πῶς οὐχὶ δαίμονας θεραπεύουσιν οἱ Θεοῦ ἐνάντια διαπραττόμενοι; (…) Τοῦ παραδείσου ἐξέβαλον, τῆς τιμῆς ἀπεστέρησαν τῆς ἄνωθεν». Et Michel Psellos, *Poème* 54: «Πάθη Χριστοῦ θεοκτόνων ἀποβολὴ Ἰουδαίων. Ἐνθάδε πάθη τὰ σεπτὰ προλέγει τοῦ σωτῆρος καὶ τῶν Ἑβραίων ἔκπτωσιν τῶν καταρατοτάτων». De même: «Εἴ τις οὐ προσκυνεῖ τὸν ἐσταυρωμένον, ἀνάθεμα ἔστω καὶ τετάχθω μετὰ τῶν θεοκτόνων » (*Concilium universale Ephesenum,* éd. E. Schwartz*, Acta conciliorum oecumenicorum,* vol. 1,1,2, p. 44).

[116] Théodoret de Cyr, *Interpetatio in* xiv *epistulas Sancti Pauli*, Migne*, P. G*., 82, col. 524: «Πάντας δὲ τοὺς πιστεύοντας ἕνα κέκληκεν ἄνθρωπον, ἐπειδὴ μία μὲν ἁπάντων κεφαλὴ ὁ Δεσπότης Χριστός, τὴν δὲ τοῦ σώματος τάξιν πληροῦσιν οἱ τῆς σωτηρίας ἠξιωμένοι».

[117] Voir mon analyse sur le statut de l'exclus dans l'idéologie byzantine: V. Nicolaïdou-Kyrianidou, *Ο απόβλητος και ο θεοπρόβλητος. Πολιτική ανάγνωση της Ακολουθίας του σπανού*, Athènes, 1999, *passim*.

[118] Jean Chrysostome, *Adversus Judaeos,* Migne, *P. G.,* 48, col. 853.

[119] Ps.-Athanase, *Quaestionnes ad Antiochum ducem*, Migne, *P. G*., 28, col. 660: «Τοῦ Κυρίου λέγοντος πρὸς Νικόδημον ''Ἀμὴν λέγω σοι, ἐὰν μή τις γεννηθῇ δι' ὕδατος καὶ Πνεύματος, οὐ μὴ εἰσέλθῃ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν''· εὔδηλον ὅτι οὐδεὶς ἀβάπτιστος εἰς αὐτὴν εἰσελεύσεται».

[120] Théodoret de Cyr, *In Isaiam*, Migne, *P.G.* 81, col. 481B: «Οὐκ ἔχει γὰρ εἰκόνα παραβαλλομένη ἡ ἁμαρτία».

[121] Athanase, *Expositiones in Psalmos*, Migne, *P. G*., 27, col. 536: «„Οὐχὶ τοὺς μισοῦντάς σε, Κύριε ἐμίσησα;'' Ὅτι τοὺς μὲν σοὺς ἠγάπων καὶ ἀπεδεχόμην φίλους· τοὺς δὲ ἐχθροὺς σου τελείως ἐμίσουν. Ἐχθροὶ δὲ τοῦ Θεοῦ πρώτως μὲν καὶ κυρίως οἱ ἀκάθαρτοι δαίμονες· δεύτεροι δὲ μετ' ἐκείνους οἵ τε τὴν εἰδωλολατρείαν πρεσβεύοντες, καὶ οἱ τῶν αἱρέσεων ἀρχηγοί». Cf. aussi Didymus Caecus, *Fragmenta in Psalmos (e commentario altero)*, fragm. 1219: «Τέλειον δὲ μῖσός ἐστι κατὰ τῶν τοιούτων, ὅταν μὴ ἄλλου χάριν ἀλλ' ἢ ἐχθροὺς αὐτοὺς εἶναι τοῦ θεοῦ μισεῖ τις αὐτούς».

[122] Athanase, *Expositiones in Psalmos*, Migne, *P. G.,* 27, col. 73: «'Εμίσησας πάντας τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν, ἀπολεῖς πάντας τοὺς λαλοῦντας τὸ ψεῦδος. Τοὺς μὲν ἐν τῇ πολιτείᾳ πταίοντας ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν ὠνόμασεν· τούτους δὲ μισεῖ ὁ Θεός· τοὺς δὲ ἀποπεσόντας τῆς ἀληθείας ἑτεροδόξους λαλοῦντας ψεῦδος εἶπεν, οὓς ἀπολεῖ ὁ Θεός. Καὶ τήρει διαφορὰν τοῦ ἐμίσησας καὶ ἀπολεῖς. Πρῶτον μὲν εἰ χεῖρον τὸ ἀπολεῖς τοῦ ἐμίσησας· δεύτερον δὲ διὰ τί τὸ μὲν εἰς παρεληλυθότα χρόνον, τὸ δὲ εἰς μέλλοντα».

[123] A. Finkielkraut, *L'humanité perdue. Essai sur le XXe siècle*, Paris 1996, p. 13 (la citation en italiques est de l'auteur).

[124] I. P. Medvedev, 'Η ὑπόθεση τοῦ ἀποστάτη Ἰουβεναλίου ἀπὸ τὴν ἄποψη τοῦ δικαίου, *Βυζαντιναὶ Μελέται*, 3, 1991, σελ. 151—173.

STAVROS PERENTIDIS

À QUOI BON LE LATIN À BYZANCE APRÈS JUSTINIEN? OU LA RHÉTORIQUE ET LE CHARME DE L'INCOMPRÉHENSIBLE

sans le latin, sans le latin,
plus de mystère magique

Georges Brassens

«Alors que l'empire Romain se réduisait et se mutilait, aussi bien du côté oriental qu'occidental, depuis le règne d'Héraclius l'originaire de la Libye, ceux qui sont venus au pouvoir après lui (…) se sont comportés de plus en plus en Grecs et ont abandonné même la langue[1] ancestrale romaine».[2] C'est par ces termes que l'empereur Constantin Porphyrogénète déplore, au ixe siècle, le progrès du grec au détriment du latin, fait dont il situe les débuts à l'époque d'Héraclius — il est vrai que le prédécesseur du second, Phocas, cherchait encore à apprendre le latin.[3] En effet, l'*exhellenismos* progressait depuis, en rendant le latin une langue de moins en moins utilisée dans l'administration byzantine, comme nous suggèrent les témoignages historiques que nous allons voir. Le latin régressait, il n'était plus compris comme dans le passé romain, car son enseignement n'était plus ce qu'il fut avant le vie siècle. Cet abandon a conduit à l'ostracisme total du latin ; ainsi le

[1] Νυνὶ δὲ στενωθείσης κατά τε ἀνατολ ς καὶ δυσμ ς τῆς Ῥωμαϊκῆς βασιλείας καὶ ἀκρωτηριασθείσης ἀπὸ τῆς ἀρχῆς Ἡρακλείου τοῦ Λίβυος, οἱ ἀπ᾽ ἐκείνου κρατ᾽σαντες (…), μάλιστα ἑλληνίζοντες καὶ τὴν πάτριον καὶ ῥωμαϊκsν γλῶτταν ἀποβαλόντες : *De Thematibus*, (éd. A. Pertusi) 1, ll. 20-25, p. 60. À ce sujet, lire M. Leontsini, «Θρησκευτικές πεποιθ᾽σεις και γλωσσικ᾽ διατύπωση τον 7ο αιώνα», dans Οι σκοτεινοί αιώνες του Βυζαντίου (7ος — 9ος αι.), Athènes, 2001, p. 73—87 [Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών. Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών. Διεθν᾽ Συμπόσια. 9].

[2] Ici, il n'y a aucun doute que πάτριος et ῥωμαϊκὴ γλῶττα est la même chose, le latin. Voir M. Gregoriou - Ioannidou, «Μία παρατ᾽ρηση στὴ Δι᾽γηση τῶν θαυμάτων τοῦ ἁγίου Δημητρίου», Βυζαντιακά, 3, 1983, p. 87. Également, A. Basilikopoulou, «Ἡ πάτριος φων᾽», *in* N. Moschonas (dir.), Πρακτικ τοῦ Β΄ Διεθνοῦς Συμποσίου Ἡ ἐπικοινωνία στὸ Βυζάντιο. 4—6 Ὀκτωβρίου 1990, Athènes, 1993, p. 110.

[3] Jean Lydos, *De magistratibus*, 3.73 (éd. A. C. Bandy) : ὁ Φωκᾶς (…) ἠξίου περινοῆσαί τινα πρὸς διδασκαλίαν αὐτῷ τῆς ἰταλίδος φωνῆς, Λίβυν ἐπιζητῶν.

© S. Perentidis, 2007

regretté N. Oikonomidès constate-t-il un «unilinguisme» officiel, manifeste dans les services centraux de l'administration byzantine,[4] phénomène qui ne contredit pas la diglossie notée par G. Dagron.[5] Dans cet édifice politique supranational qu'est l'empire byzantin, les autres langues que le grec n'avaient droit de cité que dans la périphérie,[6] voire même en marge. C'est ainsi, que Théophylacte Simmocate (viie siècle) décrit un moment de panique dans l'armée, où les uns disaient aux autres de faire marche arrière («*torna, torna*»), *dans une langue locale*[7] sans la préciser davantage, mais à nos yeux il n'y a pas de doute que c'était un parler latin:

> ἐπιχωρίῳ τε γλώττῃ εἰς τοὐπίσω τραπέσθαι ἄλλος ἄλλῳ προσέταττεν, " τόρνα, τόρνα " μετ μεγίστου ταράχου φθεγγόμενοι.[8]
> c'est dans la langue locale que chacun commandait à un autre de faire marche arrière, en criant " *torna, torna* " avec beaucoup d'effroi.

Mais en parlant du latin à Byzance[9] que devons nous entendre exactement? S'agit-il bien d'une survivance pure et simple du latin classique ou d'autre chose? Rappelons-nous que, même en Occident à l'époque tardive, dès le vie siècle, le latin change de forme, pour devenir ce qui aboutira, plus tard, aux diverses langues néo-latines.[10] Ce développement semble suivre en Italie un rythme plus lent qu'en Gaule ou dans la péninsule ibérique, ou même en Afrique du Nord avant l'Islam. Mais, pour le sud-est

[4] Dans un stimulant article récent : N. Oikonomidès, «L'"unilinguisme" officiel de Constantinople Byzantine (VIIe-XIIe s.)», Σύμμεικτα, 13, 1999, p. 9—21.

[5] «Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe—XIIe siècle)», *Travaux et Mémoires*, 12, 1994, p. 220 sqq., en particulier p. 221.

[6] Oikonomidès, *loc. cit*., p. 14 sqq.

[7] On a proposé qu'il s'agisse peut-être d'un parler valaque, lui-même issu du latin: M. Whitby, «Theophylact's Knowledge of Languages», *Byzantion*, 52, 1982, p. 426. Voir, également, B. Baldwin, «Theophylact's Knowledge of Latin», *ibid.*, 47, 1977, p. 359.

[8] *Histoire*, 2.15 (éd. C. De Boor / P. Wirth), alors que pour le même événement Théophane parle de la langue ancestrale : ἕτερος τὸν δεσπότην τοῦ ζώου προσφωνεῖ τὸν φόρτον ἀνορθῶσαι τῇ πατρῴᾳ φωνῇ· «τόρνα, τόρνα, φράτερ» (…) οἱ δὲ λαοὶ ἀκούσαντες καὶ τοὺς πολεμίους ἐπιστῆναι αὐτοῖς ὑπονο᾽σαντες εἰς φυγὴν ἐτράπησαν, «τόρνα, τόρνα» μεγίσταις φωναῖς ἀνακράζοντες (Théophane le Confesseur, *Chronographie*, éd. C. de Boor [Bonn], p. 258). Sur cet événement voir Whitby, *ibid.*

[9] Sur les interférences linguistiques (grec-latin / langues néolatines), voir H. Kahane / R. Kahane, *s. v.* «Abendland und Byzanz : Sprache», *in* P. Wirth (dir.), *Reallexikon der Byzantinistik*, Bd. I / Heft 4—6, Amsterdam, 1970-1976, col. 345-640. Voir mon c. r. dans *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 74 / fascicule 2, 1979, p. 172—174. Voir aussi B. Baldwin, «Vergil in Byzantium», *Antike und Abendland*, 28, 1982, p. 81—92, en particulier p. 88 sqq. On consultera toujours H. Zilliacus, *Zum Kampf der Weltsprachen im Oströmischen Reich*, Helsingford, 1935 (=Amsterdam, 1965).

[10] Voir, par exemple, D. Norberg, *Manuel pratique de latin médiéval*, Paris 1968 (=1980), p. 26 sqq. Ajouter : J.-Y. Tillette, *s. v.* «Latin», *in* A. Vauchez (dir.), *Dictionnaire Encyclopédique du Moyen Âge*, ii, Paris - Cambridge - Rome, 1997, p. 872 sqq. Ajouter les indications bibliographiques supplémentaires de l'édition anglaise : *Encyclopedia of the Middle Ages*, ii, Paris - Cambridge - Rome, 2000, p. 826. Enfin, tout récemment, P. Bourgain, *s. v.* «Latin», *in* Cl. Gauvard *et alii* (dir.), *Dictionnaire du Moyen Âge*, Paris 2002, p. 817—819.

[11] *La langue latine dans le sud-est de l'Europe*, Bucarest - Paris 1978. Également, Idem, «Die Lage der zwei Weltsprachen (Griechisch und Latein) im Byzantinischen Reich des 7. Jahrhunderts als Merkmal einer Seitwende», *in* H. Köpstein / F. Winkelmann (dir.), *Studien zum 7. Jahrhunder in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus*, Berlin, 1976,

des Balkans, les travaux de H. Mihãescu[11] — qui puise dans des sources épigraphiques pour l'essentiel[12] — ne semblent pas trancher la question. Plus récemment, invoquant le matériel occidental pour compléter nos connaissances sur le latin des Balkans, P. Bádenas n'exclut pas l'hypothèse que le latin populaire du haut Moyen Âge aurait contribué de la formation des langues néo-latines dans le nord des Balkans.[13] Mais dans le monde byzantin, ce latin tardif ne relevait pas de la culture et de la production littéraire écrite; il ne servait même pas de langue commune parlée. Et encore, faut-il toujours distinguer le centre byzantin de la périphérie, car ce qui nous intéresse ici émane de Constantinople, pôle administratif et culturel à la fois, où siégeait l'empereur, le patriarche et la plupart des institutions: c'est ici même que le latin s'est trouvé, avant Justinien déjà, de plus en plus abandonné. La maîtrise du latin classique aurait, certes, préservé une production littéraire d'expression latine — à côté de la création en grec byzantin – et, surtout, un enseignement systématique de la langue, mais ce ne fut pas le cas.

En revanche, utilisé seulement dans la périphérie et en rapport avec le catholicisme, le latin était oublié dans les milieux intellectuels du centre et son enseignement scolaire abandonné. C'est ainsi qu'Aaron Isaakios, au récit de Choniate (XIIe—XIIIe s.), a appris le latin en Sicile pour devenir traducteur de l'empereur.[14] Notons toutefois, qu'à partir du XIIIe siècle, dans la périphérie, et sous la tutelle de l'autorité ecclésiastique catholique romaine, revient sur place le latin — sous telle ou telle autre forme, tardive ou archaïsante – pour redevenir langue «centrale» (à Chypre sous les Lusignan, en Morée franque). Ici le grec qui persista n'est plus l'atticisant des écrits officiels, mais la langue vivante parlée: la production littéraire sera donc ici

p. 95—100 [Berliner Byzantinische Arbeiten. Bd. 47]. Enfin, Idem, «La langue latine dans le sud-est de l'Europe», *in* H. Temporini / W. Hase (dir.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Prinzipat,* xix.2, *(Sprache und Literatur)*, Berlin — N. York, 1983, p. 1107—1147.

[12] Alors que ses sources littéraires ne remontent pas à une date postérieure au viie siècle.

[13] «Νέες παρατηρ΄σεις για το πρόβλημα των γλωσσολογικών συνόρων στα Βαλκάνια», Πρακτικ τοῦ Β΄ Διεθνοῦς Συμποσίου Ἡ ἐπικοινωνία στὸ Βυζάντιο, p. 123 sqq.

[14] Nicétas Choniatès, *Histoire*, éd. J.L. van Dieten, p. 144 : ὁ Ἀαρὼν Ἰσαάκιος, Κορινθόθεν μὲν ὁρμώμενος, τὴν δὲ Λατινίδα γλῶτταν ἄκρως ἐξησκηκὼς ἡνίκα συναπ΄χθη τοῖς πατριώταις εἰς Σικελίαν αἰχμάλωτος καὶ τοῖς ἐκ τῆς διαλέκτου ταύτης τῷ βασιλεῖ ἐντυγχάνουσιν ὑποβολεὺς τηνικαῦτα γινόμενος. Le sens du terme «*hypoboleus*» est donné par Eustathe de Thessalonique : καὶ ὑποβολεὺς ὁ ἑρμηνεύς (*Commentarius ad Homeri Odysseam*, éd. G. Stallbaum, i, p. 43).

[15] Entre autres : la *Chronique de Morée* (récit de la conquête du Péloponnèse), *La Chronique du doux pays de Chypre* de Léontios Machéras (Chypre au XVe siecle), sans oublier les poèmes de Stéphanos Sachlikis (qui vivait en Crète venitienne au XIVe siècle) etc.

[16] Voir, par exemple, les formulaires de procédure (Λίβελλοι), réunis et édités dans D. Simon *et alii*, *Zyprische Prozeßprogramme*, Munich, 1973 [Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und Antiken Rechtsgeschichte. 65. Heft], sans oublier les versions grecques des *Assises*.

[17] Néanmoins, le cas de la langue de la législation de Frédéric ii von Hohestaufen, en particulier la version grecque de son *Liber augustalis* (1231—32), mérite une discussion plus poussée qui ne saurait être traitée ici. Sur la question, lire M. B. Wellas, *Griechisches aus dem*

en démotique,[15] de même que la rédaction de documents administratifs[16] et officiels.[17]

Mais ne perdons pas de vue un détail très important: à Byzance le latin n'est point la langue de la Bible, ni de la liturgie, ni de la rhétorique ecclésiastique et du catéchisme, ni de l'administration et de la chancellerie de l'Église. De ce fait, celle-ci n'avait jamais ressenti le besoin d'organiser un enseignement pour l'apprentissage du latin. Ceci explique bien la décadence de cette langue et son oubli à Constantinople, voire dans l'Orient chrétien hellénisé. Et c'est ainsi que nous pouvons décrire la situation pour tout ce qui concerne la présence de quelques locutions latines dans des témoignages historiques écrits qui émanent du domaine de l'administration byzantine:[18] là où de nombreux termes survivent isolés, nous ne sommes pas autorisés à parler de survivance de langue, d'autant plus quand il s'agit d'une adoption de termes techniques. Dans ces conditions, il convient de se poser, au niveau des mentalités, la question de savoir que devait-il signifier aux yeux des Byzantins l'emploi du latin, voire le recours au latin, une langue que l'on ne comprenait plus.

Ainsi, pour confirmer la constatation, j'examine comment le latin était-il utilisé dans deux catégories de documents : d'abord dans des écrits juridiques et similaires (*infra*, **I**), ensuite dans des témoignages issus du domaine de l'administration publique, j'entends les titres des officiers de la cour impériale, y compris son usage dans le cérémonial (**II**). N'oublions pas que cette sorte de documents attache la réalité officielle de l'empire d'Orient à la tradition romaine, dont Byzance se définissait idéologiquement comme le descendant légitime.

Et pour chercher une réponse à la question ci-dessus, je termine par l'analyse d'un écrit aussi insolite qu'intéressant (**III**).

I

Commençons par la tradition juridique.[19] Ce qui marque le passage du droit romain au droit byzantin c'est bien l'*exhellenismos*, situation que l'on peut décrire ici comme l'incapacité des juristes à lire les textes, leurs textes, dans l'original latin. Ainsi, durant le viie siècle, la grande époque du droit romain, Justinien se voit dans l'obligation d'interdire la traduction en grec des dispositions juridiques maintenues dans les codifications. Toutefois, il heurte devant l'obstacle de la non compréhension du texte officiel, dont il tient absolument à préserver la forme originale et officielle. Aussi autorisa-t-il un compromis. Est ainsi permise la traduction mot à mot, ou pour mieux dire :

Umkreis Kaiser Friedrichs II, Munich, 1983, p. 27 sqq. [Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung. 33].

[18] Dont l'«unilinguisme» n'est pas contestable : voir Oikonomidès, *loc. cit.*.

[19] Pour l'essentiel : S. Troianos, Η ελληνικ΄ νομικ΄ γλώσσα. Γένεση και μορφολογικ΄ εξέλιξη της νομικ΄ς ορολογίας στη ρωμαϊκ΄ Ανατολ΄, Athènes, 2000, *passim* ; également C.G. PitsakIs, «Ἡ ἱστορία τῆς Ρώμης καὶ τοῦ Ρωμαϊκοῦ δικαίου στ βυζαντιν καὶ μεταβυζαντιν νομικ ἐγχειρίδια», dans Τιμαί Ιωάννου Τριανταφυλλοπούλου, Athènes, 2000, p. 399—436.

mot-au-dessus-du-mot : dans les livres, au-dessus du mot latin du texte serait toléré le terme grec correspondant sans que l'ordre des mots de la rédaction originale (latine) soit modifié; c'est le célèbre κατ πόδας.[20] Justinien a également interdit d'ajouter des commentaires en marge du texte officiel de sa codification, pour que le grec n'ostracise ou ne remplace de fait l'original latin. Il voulait préserver l'authenticité du monument par excellence qu'avait légué la tradition romaine. Mais, il ne réussit pas, car de son vivant, le latin devint une langue morte même pour les juristes. Il se voit donc dans l'obligation de considérer comme valides les testaments qui n'ont pas été rédigés en latin,[21] et même d'accepter que les juges puissent émettre leurs sentences en grec.[22]

C'est bien cette égression du latin comme langue de l'enseignement du droit, qui marque le passage du droit romain au droit gréco-romain, autrement dit Byzantin, comme constate S. Troianos, qui souligne le rôle décisif de l'enseignement du droit à Constantinople et à Bérytte dans ce processus.[23] Effectivement, l'on essayait de passer de la *vox latina* à la *vox graeca*, non sans hésitation, et souvent sans succès, ce qui aboutira au retour des termes latins, cette fois-ci sous forme d'emprunts ou Lehnwörter. Un exemple : improprement traduit comme πρεσβεῖον, *legatum* devra s'interchanger pour redevenir τὸ ληγᾶτον,[24] mais en tant que *terminus technicus*, il ne restera dans le jargon des juristes byzantins que comme un Lehnwort.[25] Nous suivons aussi, avec l'aide de J. Beaucamp,[26] l'aventure sémantique des catégories

[20] *Constitutio Tanta* [= *Code de Justinien* 1.17.2.21, éd. P. Krueger] : «hoc autem quod ab initio nobis visum est, cum hoc opus fieri deo adnuente mandabamus, tempestivum nobis videtur et in praesenti sancire, ut nemo neque eorum qui in praesenti iuris peritiam habent nec qui postea fuerint audeat commentarios isdem legibus adnectere. nisi tantum si velit eas in graecam vocem transformare, sub eodem ordine eaque consequentia sub qua voces romanae positaesunt, hoc quod Graeci κατ πόδας dicunt». À ce sujet, voir H. J. Scheltema, «Das Kommentarverbot Justinians», *Tijdschrift voor rechtsgeschiedenis*, 45, 1977, p. 307—331.

[21] *Code de Justinien* 5.28.8 : «Tutores etiam graecis verbis licet in testamentis relinquere»; *ibid*. 6.23.21: «graece omnibus liceat testari», *et alibi.* À ce sujet H. Mihãescu, «Die Lage der zwei Weltsprachen (Griechisch und Lateinisch)», *loc. cit.*, p. 96 sqq.

[22] *Code de Justinien* 7.45.12 : «Iudices tam latina quam graeca lingua sententias proferre possunt». Cf. Mihãescu, *ibid.*

[23] S. Troianos, «Ἡ μετάβαση ἀπὸ τὸ ρωμαϊκὸ στὸ βυζαντινὸ δίκαιο», Τ Ἱστορικά, vol. 3 / fasc. 6, 1986, p. 267—281, et Idem, Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου, Athènes-Komotini, 1999², p. 22 sqq.

[24] Emprunté dans Troianos, Οι πηγές του βυζαντινού δικαίου, p. 36. Voir Justinien, *Novelle* 22 *De nuptiis* (dans *Corpus Iuris Civilis*, iii, p. 165, l. 6, ĭd. M. Schoell / G. Kroll) : Καὶ ταῦτα δὲ νενομοθετ῎σθω καὶ ἐπὶ τῆς προγαμιαίας δωρεᾶς καὶ ἐπὶ πάσης ἑτέρας φιλοτιμίας. εἴτε ἐν ζωῇ παρ τοῦ ἀνδρὸς εἰς αὐτὴν γενομένης ἢ καὶ ἐκ διαθ῎κης ἢ μόρτις καῦσα δωρεᾶς, εἴτε ἐνστάσεως εἴη μέρος εἴτε πρεσβεῖον εἴτε φιδεϊκόμμισσον. Alors que *dans la mкme Novelle* le terme ληγάτον figure aussi, manifestement comme synonyme: οὐ κλῆρον οὐ φιδεϊκόμμισσον οὐ ληγάτον οὐ μόρτις καῦσα δωρεάν (p. 163, l. 6).

[25] J'adopte la distinction entre *Lehnwort* et *Fremdwort* dans le domaine des sources du droit byzantin, d'après E. Popescu-Mihut, «Contributions à l'étude des mots latins dans la littérature juridique byzantine», *Revue des Études Sud-est européennes*, 19, 1981, p. 434 sqq.

[26] «Byzance et l'héritage latin : le discours juridique du VIe au XIe siècle», *Ktèma*, 23, 1998, 475—484.

publicus et *privatus*, à travers leurs traductions byzantines du VIe au XIe siècle, ce qui confirme l'incertitude manifeste que nous y constatons.

Ainsi dès le VIe siècle, le latin n'était-il plus compris, même dans les professions traditionnellement latinistes. On insistera sur l'analyse de deux cas.

a) Le premier se réfère à la célèbre École impériale de droit, attribuée à l'instigation de Jean Mavropous, sous le règne de Constantin Monomaque, autour de 1047. Celui qui aspirerait au poste de Maître de cette École[27] devrait, outre son expérience des lois et de la science du droit, pouvoir maîtriser aussi bien le grec que le latin:

> ἑκατέραν δὲ γλῶσσαν σὺν ἀκριβείᾳ πάσῃ προΐεται, τὴν ἑλληνικὴν λέγω ταύτην καὶ τὴν ὅση ῥωμαϊκή.[28]
> et il doit maîtriser avec exactitude parfaite les deux langues, j'entends aussi bien le grec que le latin.

Par ῥωμαϊκὴ γλώσσα nous devons entendre le latin. Dans les écrits des chroniqueurs byzantins, la langue des Romains et la langue latine sont des synonymes. Bien plus tard mais dans un esprit de repli vers la tradition romaine, le dignitaire patriarcal Théodose Zygomalas, vers la fin du XVIe siècle, fera à sa manière la distinction par le compromis:

> λέγες γ ρ οἱ ῥωμαῖοι τοὺς νόμους ὀνομάζουσι, ῥωμαῖοι δὲ οἱ νῦν φράγκοι, νέοι δὲ ῥωμαῖοι οἱ γραικοί.[29]
> Car *leges* sont appelées les lois chez les Romains, les Romains sont les Francs aujourd'hui, alors que les Grecs sont les Nouveaux Romains.

Mais pour revenir à notre propos, selon la plus récente interprétation, cette version du texte de la novelle n'a pas été définitif.[30] Autrement dit, cet écrit de Mavropous n'a été qu'un simple projet de loi, jamais promulgué. Toutefois, ce témoignage n'en constitue pas moins une preuve encore de l'attachement idéologique à la tradition romaine, mais non de l'emploi du latin dans l'éducation des jeunes juristes. Ces derniers ne devaient se contenter que d'un apprentissage sur le tas, assuré probablement par des praticiens, où l'enseignement systématique du latin ne devait pas avoir droit de cité.

b) Le second cas est celui des *Gloses nomiques*. C'est ainsi que l'on appelle aujourd'hui les florilèges de mots techniques du droit romain

[27] Manifestement le futur patriarche Jean Xiphilin était pressenti.

[28] A. Salač, *Novella constitutio saec.* xi *medii quae est de schola iuris Constantinopoli constituenda et legum custode creando*, Pragae, 1954 [Textus breves graeci et latini. I], § 17, p. 29. À son sujet, voir S. N. Troianos, «Latinitas Graeca», *in* Chr. Angelidi (éd.), Το Βυζάντιο ώριμο για αλλαγές. Επιλογές, ευαισθησίες και τρόποι έκφρασης από τον ενδέκατο στον δέκατο πέμπτο αιώνα, Athènes, 2004, p. 167 sqq. [Εθνικο Ίδρυμα Ερευνών. Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών. Διεθν῎ Σψμπόσια, 13].

[29] *Paraphrase de la Synopsis minor*, E 34 (éd. S. Perentidis). Dans le même sens : *ibid.* Γ 40 : ἐν τῇ πολιτείᾳ τῶν ῥωμαίων, ἤγουν εἰς τὴν ἀρχοντίαν τῶν φράγκων, ici en parlant du règne du bienheureux *basileus* Markos, qui en réalité n'est autre que Marc-Aurèle !

[30] C'est la nouvelle thèse proposée par P. Speck, «Konstantinopel — Ein Modell für Bologna ? Zur Gründung einer Rechtschule durch Irnerius», dans W. Brandes *et alii* (dir.), *Varia III*, p. 330, 341 [Freie Universität Berlin. Byzantinisch- Neugriechisches Seminar. Poikila Byzantina 11]. Voir aussi Troianos, «Latinitas Graeca», *loc. cit*.

«*ad praetium participatum*», «*aedes*», «*aditeύει*» etc. Ceci ne justifie pas une confusion avec *habet*, mot qui serait normalement placé plus bas dans l'ordre alphabétique du glossaire, avec les mots qui commencent par *h*. Quoi qu'il en soit, c'est un exemple très éloquent pour illustrer le niveau de l'ignorance du latin chez les juristes, de la période byzantine tardive tout au moins.[37]

Un autre lexique commence par le mot αὐσηθ[38] — ou d'après une autre variante: αὐσῆθ – terme que l'on n'a pas su reconnaître, à l'époque, et rectifier en *absit,* malgré la traduction correcte dans le même lexique: «ἀπέστω, μὴ γένοιτο». On serait tenté de voir ici une confusion qui renvoie non pas à un mot latin, mais plutôt à Αὐσῆ, le nom d'un personnage biblique[39] que l'on retrouve souvent dans la littérature ecclésiastique.[40] La transcription grecque du *bs* latin est habituellement rendue par ψ : *obsequium* est ainsi écrit ὀψίκιον[41] alors que *obses* est rendu ὄψις, ὄψιδος;[42] ce n'est point le cas pour *absit* / αὐσηθ. La confusion avec le personnage biblique est très probable, et l'impossibilité des Byzantins à reconnaître la forme correcte du terme latin, à l'aide même de sa traduction grecque, est ici manifeste.

D'autre part, c'est la confusion paléographique entre le *H* oncial et la manière byzantine d'écrire la lettre ν, qui explique la forme erronée νερεδιτάτις (pour *haereditatis*), très fréquente dans les manuscrits. Même le très savant Psellos ne la rectifie pas quand il écrit dans son poème didactique en vers décapentasyllabes sur la science du droit :

---

[37] Le plus ancien des manuscrits qui nous ont conservé le lexique, le *codex Vaticanus graecus* 852, daterait du XIIIe siècle : cf. Burgmann, *ibid*., p. 29.

[38] Éd. L. Burgmann, «Das Lexikon αὐσηθ», dans *Fontes Minores VIII, loc. cit.*, p. 249—337.

[39] *Nombr.* 13.8

[40] Cf. Justin, *Dialogue avec Tryphon* (éd. E. Goodspeed), 106.3, 113,1 *et alibi*. Voir aussi Origène, *Selecta in Numeros*, éd. Migne, *P .G.* 12, col. 576. Également Théodoret de Cyr, *Quaestiones in Octateuchum* (éd. N. Fernandez Marcos / A. Saenz Badillos), p. 209. Jean Chrysostome, *In Epistulam ad Hebraeos homilia*, Migne, *P. G.* 63, col. 188. Voir aussi Georges Syncellus, *Ecloga chronographica* (ed. A. Mosshammer), p. 151. Également, Michel Glykas, *Annales* (éd. Imm. Bekker, [Bonn]), p. 299.

[41] Cf., par ex., *Acta Philippi*, éd. M. Bonnet, 66.4 : μετ ὀψικίου καὶ ὄχλου.. Également, la version longue du *Testament d'Abraham*, éd. Fr. Schmidt, 10.3 : εἶδεν καὶ νεονύμφους ὀψικευομένους. Enfin, *Le livre des cérémonies* de Constantin Porphyrogénète, éd. Vogt, ii, p. 47 : διαμερίζεται τὸ ὀψίκιν εἰς τοὺς προβληθέντας. Voir C. du Cange, *Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis*, Lugduni, 1688, *s. v.* «ὀψίκιον» et «ὀψικεύειν» col. 1071—1073, ainsi que Kahane / Kahane, «Abendland und Byzanz», *loc. cit.* [*supra*, n. 9], col. 523.

[42] Par exemple : la *Synopsis minor* E 52 (éd. dans Io. Zepos / P. Zepos, *Jus Graecoromanum*, vi, Athènes, 1931 [=Aalen 1962], p. 395), passage reproduit dans S. Perentidis, «Recherches sur le texte de la Synopsis minor», dans *Fontes Minores VI*, *loc. cit*., p. 260 : τοὺς ὁμ῞ρους ἀναιρεθῆναι, ἤγουν φονευθῆναι τοὺς ἀνθρώπους ἐκείνους τοὺς ἐξ ἄλλων ἀρχῶν εἰς τὴν ῥωμαϊκὴν ἀρχὴν ἐπὶ συμβιβάσεσι τισι διδομένους, οὓς οἱ κοινοὶ ὄψιδας ὀνομάζουσι. Voir aussi du Cange, *loc. cit.*, *s. v.*, col. 1073.

[43] Psellos, *Synopsis legum*, vers 129—130 (éd. L.G. Westerink). Le regretté G. Weiß, «Die „Synopsis legum" des Michael Psellos», *Fontes Minores II*, p. 163, avait cru nécessaire de corriger en νερεδιτάτης λέγουσι πετίτιο Λατῖνοι, mais sans appui fondé sur la tradition manuscrite. Sur ce terme chez Psellos, voir G. Weiß, *Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos*, Munich, 1973, p. 315 [Miscellanea Byzantina Monacensia. 16].

ἡ περὶ ἀπαιτ᾽σεως κληρονομίας ἄλλη,
ἣν νερεδάτης λέγουσι πετίτιο Λατῖνοι.[43]

Alors qu'ailleurs, *dans le même poème* il reproduit ce même terme (νερεδάτης) en y ajoutant une syllabe de plus : νερεδιτάτις.[44] Manifestement, le nombre correct des syllabes devait, à ses yeux, compter bien plus que la forme exacte du mot latin. D'ailleurs la connaissance du latin et des lettres latines par Psellos a déjà été mise en doute.[45] À son sujet on peut répéter ce que M. Whitby[46] propose pour Théophylacte Simmocate : muni d'une bonne formation, bon juriste et haut fonctionnaire, il utilisait quelque latin, mais pas plus qu'il ne lui fallait pour sa carrière d'homme d'État. On ne peut terminer sans invoquer le cas de Constantin Harménopoulos, le célèbre juge de Thessalonique et rédacteur de l'*Hexabible* (1345—1346), pour lequel le faussaire Nicolas Papadopoli — Comnène[47] avait inventé toute une biographie aussi bien imaginée qu'imaginaire. Entre autres, il avait fait de lui un latiniste distingué, dont le maître serait un certain Aspasios, supposé moine calabrais, lequel n'a probablement jamais existé. Chez Papadopoli — Comnème[47] la vérité importait moins que la propagande.

Et les exemples peuvent être multipliés, comme la tradition semble avoir fabriqué plusieurs latinistes Byzantins.

II

La seconde catégorie de données que je vais analyser sont les titulatures des offices impériaux, autrement dit les titres des *offikialioi* de la cour. Leurs noms manifestent le même attachement idéologique à la tradition impériale romaine. D'un côté nous notons un maintien de termes latins, le plus souvent grécisés, alors des Lehnwörter, de l'autre côté nous constatons des calques, c'est-à-dire la fabrication de termes à la manière latine. En revanche, les *offikialioi* de la cour ecclésiastique ne portaient pas à l'origine de titres latins. Toutefois, des termes empruntés à la titulature impériale y sont également attestés. Ainsi les mots d'origine latine : νοτάριος, πρωτονοτάριος, ῥεφερενδάριος, δομέστικος, πριμικ᾽ριος, καγκελάριος, κανστρ᾽σιος, etc. se trouvent à côté d'une majorité de termes forgés sur le grec : λογοθέτης, οἰκονόμος, λαοσυνάκτης, ὑπομνηματογράφος, πρωτέκδικος, σκευοφύλαξ, χαρτοφύλαξ et ainsi de suite. Mais tous ces termes d'origine latine ont été empruntés à la tradition administrative romaine et la pratique de la

[44] *Ibid.*, vers 612 et 784.

[45] Voir, par exemple, S. Runciman, «Byzantine Linguistics», Προσφορ εἰς Στίλπωνα Π. Κυριακίδην ἐπὶ τῇ εἰκοσιπενταετηρίδι τῆς καθηγεσίας αὐτοῦ (1926—1951), Thessalonique, 1953, p. 598, avec la n. 5 [Ἑλληνικά. Παράρτημα 4]. Voir, également, le scepticisme de Troianos, «Latinitas Graeca», p. 172 sqq.

[46] Whitby, «Theophylacts Knowledge of Languages», *loc. cit.*, p. 428.

[47] *Praenotiones mystagogicae ex jure canonico*, Naples, 1695, *passim*. À ce sujet, J.A.B. Mortreuil, *Histoire du droit byzantin ou du droit romain dans l'empire d'Orient*, iii, Paris-Marseille, 1846, (=Osnabrück, 1966), p. 495 sqq., et plus amplement dans l'introduction de C. Pitsakis, Κωνσταντίνου Ἁρμενοπουλου Πρόχειρον νόμων ἢ Ἑξάβιβλος, Athènes, 1971, p. κε΄ sqq.

cour impériale. Nous ne trouvons pas dans la titulature ecclésiastique des termes latins que la cour n'employait pas déjà. Ils ont donc été empruntés non à la tradition qui remontait jusqu'à la pratique ancienne du latin, mais à un usage courant contemporain. Il est clair que la mentalité à l'égard du latin n'est pas la même au sein de l'Église byzantine.[48]

Voici deux exemples de Lehnwörter.

i) D'abord le terme *quaestor sacri palatii* qui attire l'attention à cause de sa longévité et pour l'intérêt que sa forme grécisée présente pour les linguistes. Confondu peut-être à l'origine avec un autre titre, le *quaesitor*,[49] institué par Justinien, ce terme deviendra, par le moyen de l'*exhellenismos* : κυαίστωρ, forme attestée en même temps que sa variété orthographique : κοιαίστωρ.[50] Le mot figure en permanence dans les listes de préséance de la cour impériale. Quatre parmi elles datent du IXe et du Xe siècle[51]), alors que le *Traité des offices* du Pseudo-Kodinos est bien plus tardif (XIVe siècle). Le terme est attesté aussi dans les écrits historiographiques de diverses époques, d'une façon constante depuis Palladios[52] qui écrivait au IVe—Ve siècle, jusqu'à Georges Pachymérès,[53] lui-même *offikialios* vers la fin du XIIIe siècle. Une longévité qui confirme cet attachement à la tradition.

ii) Un autre échantillon qui présente pour nous un intérêt à cause de sa longévité, constitue le terme ὁ ἀσηκρῆτις.[54] Diverses sources l'attachent directement au latin *a secretis*, donc à la tradition administrative romaine, et

[48] Voir les listes byzantines des *offikia* de l'Église dans J. Darrouzès, *Recherches sur les* ὀφφίκια *de l'Église byzantine*, Paris, 1970 [Archives de l'Orient chrétien. 11]. Il est intéressant de constater que dans une liste des *offikia* orthodoxes en langue latine, datant de février 1274, les titres grecs sont simplement translittérés en caractères latins : *magnus iconomus*, *logotheta*, *protecdicus*, *ipominiscus* [*sic*, pour ὑπομιμν᾽σκων], *chartophylax, skevophylax*.. Cf. Darrouzès, *ibid.*, p. 531.

[49] Jean Lydos, *De magistratibus* 1.25, précisément sur les différences entre ces deux *offikia*.. D'autres homonymes, mais non des synonymes, attestés chez Lydos : κυαιστίων, κυαιστίτωρ (*ibidem*).

[50] Sur la confusion des phonèmes υ et οι en grec médiéval, voir par ex. D. Chila-Markopoulou, « Ἡ προφορ τῆς ἑλληνικῆς τὸν 10ο μ.Χ. αἰῶνα. Ἔμμεσες μαρτυρίες ἀπὸ χειρόγραφο τῆς Bodleian Library», *in* Μνήμη. Τόμος εἰς μνήμην Γεωργίου Κουρμούλη, Athènes, 1988, p. 133—144.

[51] Le *Taktikon* d'Uspenskij (datant de 842/843), le *Klètorlogion* de Philothée (899), le *Taktikon* dit de Beneševič (datable de 934 a 944), le *Taktikon* de l'Escurial (entre 971 et 975). Ils sont édités dans N. Oikonomidès, *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, Paris, 1972.

[52] *Dialogue sur la vie de Chrysostome*, p. 19.

[53] *Relations historiques* (éd. A. Failler / V. Laurent) , p. 126.

[54] Autre forme attestée : ἀσηκρ᾽τις. La graphie ἀσηκρίτης semble attestée seulement dans Syméon le Logothète ou Métaphraste, *Chronique* (éd. Imm. Bekker [Bonn]), p. 195, alors que la variante ἀσεκρῆτις figure chez Jean Malalas, *Chronographie*, p. 494 (éd. L. Dindorf [Bonn]).

[55] Procope, *De bello persico* (éd. G. Wirth / J. Haury) 2.7.16 : τὸν τῶν ἀπορρ᾽των γραμματέα πρέσβεις παρ Χοσρόην στείλας. ἀσηκρ᾽τις καλοῦσι τὸ ἀξίωμα τοῦτο Ῥωμαῖοι· σήκρητα γ ρ καλεῖν τ ἀπόρρητα νενομίκασιν.

[56] ἠρέθη γ ρ ὑπογραφεὺς τοῖς τῶν κρατούντων μυστηρίοις ὑπηρετούμενος, οὕτω γ ρ παρ τῇ Αὐσονίδι διαλέκτῳ τὸ ἀσηκρ᾽της ὄνομα, ὃ ἐπὶ τῶν μυστηρίων μεθερμηνεύεσθαι βούλεται : Ignace le Diacre, *Vie de Nicéphore patriarche* (éd. de Boor), p. 144. La même définition figure aux *Additamenta* a l'*Etymologicum Gudianum* : A 211, *sub verbo*, avec

ce depuis Procope qui vivait au VIe siècle.[55] Il est attesté soit sous cette forme, soit comme πρωτασηκρῆτις, jusqu'à l'époque tardive.[56] Nous notons toutefois que le synonyme grec, μυστικός, en tant que titre d'*offikialios* de la cour,[57] n'a pas réussi à le remplacer, ce dernier ayant été créé peut-être pour désigner un autre fonctionnaire impérial, bien que l'implication symbolique principale reste la même. Les deux cas concernent des dignitaires proches de l'empereur qui bénéficiaient de sa confiance ; *mutatis mutandis* c'est la même logique que pour le rôle de Geheimrat, institution allemande moderne, bien longtemps avant la lettre.[58] Il est toutefois difficile de statuer si cette synonymie nuancée (*a secretis* et *mystikos*) pouvait être saisie par les Byzantins, du fait que le latin n'était plus compris comme auparavant. Son ignorance est manifeste aussi du fait que le terme est transcrit d'une façon erronée: ἀδσηκρῆτις,[59] malgré les reproches que Jean Lydos avait adressé à ses contemporains,[60] au VIe siècle déjà.

Ajoutons que dans la même logique, l'emploi du latin dans le cérémonial de la cour impériale utilise le latin comme une langue que l'on ne comprend plus. Nous disposons d'une nomenclature des acclamations et des vœux rituels prononcés en latin[61] par les *kagkelarioi* du *quaestor*, en l'honneur des souverains, au moment de leur arrivée à l'église de la sainte Sophie, lors de la liturgie de la Nativité, l'Épiphanie, à Pâques, à la Pentecôte et à la Transfiguration. Les vœux latins se trouvent copiés en caractères grecs, accompagnés d'une traduction en grec. Malgré les divers problèmes concernant la tradition manuscrite de ce texte, et malgré toutes les réserves que l'on peut formuler au niveau de la qualité de l'édition en usage, ces quelques extraits permettent de corroborer notre propos. Ainsi :

l'addition : τὸ ἀ[δ]σηκρῆτις ὄνομα ὁ ἐπὶ τῶν μυστηρίων μεθερμηνεύεσθαι βούλεται (éd. A. de Stefani). Voir a ce sujet, *infra,* et la note 57. Le lexique de la *Souda* donne : Γραμματεύς· ὁ νοτάριος. τὸν τῶν ἀπορρ῾των γραμματέα ἀσηκρῆτις καλοῦσι τὸ ἀξίωμα ῾Ρωμαῖοι : Γ 418 (éd. A. Adler).

[57] R. Guilland, «Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin : le mystique, ὁ μυστικός», *Revue des Études Byzantines*, 26, 1968, p. 279—296 et A. K(azhdan), *s. v.* «Mystikos», dans Idem (dir.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*, ii, p. 1431—1432. Toutefois, la définition de Pseudo-Codinos, *Traité des offices*, p. 179 (éd. J. Verpeaux) : ῾Η τοῦ μυστικοῦ ὑπηρεσία νοεῖται καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ὀνόματος, ne doit pas être entendue à la lettre : loin de vouloir dire «secret», par ὑπηρεσία du μυστικός entendons le rôle politique d'une personne fidèle qui ne divulgue pas les confidences qu'il partage avec le prince.

[58] N. Oikonomidès, *Les listes de préséance byzantines*, *loc. cit.*, p. 324 sqq.

[59] Cf. la *Chronique Pascale*, (éd. L. Dindorff [Bonn]), p. 625, 628, 730 *et alibi*. Même le très savant Théodore Studite commet la même erreur, et confirme ainsi l'affaiblissement du latin au ixe siècle, même dans les milieux intellectuels, voire dans les centres d'études philologiques : Théodore Studite, *Lettres* (éd. G. Fatouros), No 5 et No 419, toutes les deux adressées : Στεφάνῳ ἀδσηκρῆτις.

[60] *De magistratibus* 3.20 : οὐδὲ γ ρ ἀδσηκρ῾τις κατ τοὺς ἰδιώτας, ἐξ ἀγνοίας μετ τοῦ δέλτα στοιχείου τῆς προθέσεως ἐπιβαλλομένης. A ce sujet, Troianos, Η ελληνικ῾ νομικ῾ γλώσσα. p. 48.

[61] Dans le célèbre *Livre des cérémonies*, œuvre de l'empereur Constantin Porphyrogénète, chapitre 83 (74), intitulé : Τ ὑπὸ τῶν καγκελλαρίων τοῦ κοιαίστωρος ἐν ταῖς προελεύσεσι τῶν δεσποτῶν ἐν τῇ Μεγάλῃ ῞Εκκλησίᾳ ῥωμαϊστὶ δόμενα .

Εἰς τὰ Φῶτα· «῞Ιῶαννες ἐν ῞Ιορδάνε βαπτίζατ Δόμηνουμ· σεκούνδουμ ἴλλουμ βόκατ δὲ τὲ βόλο».

῾Ερμηνεύεται· «῞Ιωάννης ἐν ῞Ιορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον, ἀκολούθως αὐτὸν φωνεῖ· ὑπό σου θέλω βαπτισθῆναι».

῞Αλλως· «῞Ιωάννης ἐν ῞Ιορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον, ἐκ δευτέρου αὐτὸν ἐφώνησεν· ὑπό σου θέλω βαπτισθῆναι».[62]

Le fait d'y joindre deux traductions témoigne d'une incertitude sur le sens. Dans le manuscrit unique, ce passage est copié en marge du texte ; probablement c'est un ajout à la suite d'une collation. Ainsi la traduction grecque donne un verbe (βαπτισθῆναι) dont l'original latin est omis : s'agit-il d'une simple inadvertance de scribe, qui aurait omis un mot, même après relecture ? Ou bien d'un vocable manquant dans son modèle ? Pour ma part, je crois plutôt qu'il aurait-il reproduit consciencieusement ce qu'il voyait déjà copié sur son modèle, mais sans le comprendre. D'ailleurs, la deuxième traduction grecque du même extrait comporte un constresens: ici «secundum» est rendu «ἐκ δευτέρου»; aussi la seule différence avec la première version grecque du passage (car le reste est identique) ne nous conduit-t-elle qu'au même constat : l'ignorance du latin.

Même sans lien avec l'administration et la cour impériale, ajoutons un exemple analogue. Il émane de la plume de Jean Tzetzès, le célèbre philologue du xiie siècle. Dans les vers récemment découverts de l'épilogue de sa *Théogonie*,[63] l'auteur reprend les salutations prononcées par divers peuples. Suivons ici sa formulation pour le latin.

Τῷ δὲ Λατίνῳ προσφωνῶ κατ Λατίνων γλῶσσαν
καλῶς ἦλθες αὐθέντα μου, καλῶς ἦλθες ἀδελφέ,
βένε βενέστι, δόμινε, βένε βενέστι φράτερ.
Πόθεν εὲσαι καὶ ἀπὸ ποίου θέματος ἦλθες;
Οὖνδε ἓς ἓτ δεκούαλε προβίντζια βενέστι;
Πῶς, ἀδελφέ, ἦλθες εἰς ταύτην τὴν πόλιν;
Κόμοδο, φράτερ, βενέστι ἰνίσταν τζιβιτάτεμ;
Πεζός, καβαλλάριος, δι θαλάσσης, θέλεις ἀργῆσαι;
Πεδόνε, καβαλλάριους, περμάρε, βὶς μοράρε;[64]

[62] Constantin Porphyrogénète, *Le livre des cérémonies* (éd. A. Vogt), ii, p. 169.

[63] H. Hunger, «Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. Neue Lesungen und Ergänzungen, besonders zu den alt-ossetischen Sprachresten, aus einer bisher unbekannten Handschrift der Österreichischen Nationalbibliothek (Phil. Gr. 118)», *Byzantinische Zeitschrift*, 46, 1953, p. 302—307.

[64] Passage édité dans Hunger, *loc. cit.*, p. 305, vers 9—17. L'éditeur place en italiques la traduction interlinéaire des passages, copiés à l'encre rouge dans le manuscrit de Vienne.

[65] La confusion de β et de μπ à cette époque n'est pas concevable au niveau de la prononciation du vocable latin *b*. Au XIIe siècle Anne Comnène ne confond pas les sons β et μπ : elle écrit Ρομπέρτος et non Ρoβέρτος (*e. g. Alexiade*, 1.10.1, 3.12.6, 6.5.8, *et alibi*). Même orthographe du nom chez Michel Glykas, *Annales*, p. 619 (Bonn) et Jean Zonaras, *Épitomè*, p. 736 (Bonn), tous les deux du XIIe siècle également. La graphie du prénom Βονιφάτιος (et non Μπονιφ-, forme non attestée) remonte à une époque bien plus ancienne, jusqu'aux vies et

Donc, «βένε» [à l'époque prononcé : vené] au lieu de *bene*,[65] «μοράρε» et non *morari* (la conjecture de l'ancien éditeur Gyula Moravczik), «δεκούαλε» à la place de *de quale* : cette version latine de Tzetzès manifeste, elle aussi, une connaissance non aisée de la langue. Il est possible que le savant philologue ait reproduit des notes, sans maîtriser effectivement le latin, peut-être d'après un *vade mecum* personnel. Les extraits bilingues dans les autres langues du même passage («scythe» en réalité cuman, turc ou persan, arabe, russe, hébreu etc.) renvoient à la même explication : ils comportent des salutations de formulation variée, ce qui suggère que Tzetzès aurait plutôt réuni ce qui lui était accessible, par ouï-dire probablement, sans pouvoir reproduire la phrase identique dans tous ces parlers différents.

* * *

Juste deux mots sur deux autres catégories de sources, où le latin survit : les inscriptions latines sur les monnaies byzantines et la terminologie militaire.

La monnaie circule et sert de moyen d'estimation de prix sans que l'on ait besoin de lire ce qui est gravé sur elles ; il suffit de pouvoir reconnaître leurs valeurs. La présence des inscriptions latines sur les monnaies byzantines n'exige pas une connaissance du latin, ni au niveau des masses, ni même au niveau des milieux concernés, les professions ou l'administration fiscale. On peut dire la même chose au sujet d'une autre survivance, les termes militaires latins : si l'on comprenait des expressions standard du type : σαγίττα,[66] «la flèche», σκοῦτον[67] ou σκουτάριον[68] «le bouclier», en réalité elles ne fonctionnaient que comme des *Lehnwörter* ou *Fremdwörter*. Il en est de même pour les commandements : aussi δεπονε δεξτρα ou δεπονε σενεστρα[69] devait-il être certainement saisi par les soldats,[70] mais ces derniers n'auraient pas besoin de maîtriser le latin pour suivre ces directives de combat. Les militaires, même ceux de haut rang, ne se servaient pas du latin quotidien.

* * *

Nous reconnaissons ici l'idéologie typiquement byzantine, celle qui tient à légitimer toute situation politique et administrative, voire toute manifestation de la vie publique, par la référence à la tradition romaine et à l'idée de Rome même. On n'est pas étonné de constater que, sous cette perspective, dans l'empire chrétien, l'on maintient le qualificatif «bien-heureux» ou «divin» pour des empereurs de l'ère païenne: ὁ μακαριώτατος ἐν βασιλεῦσι Μᾶρκος,[71] ailleurs ὁ θεῖος Μᾶρκος,[72] toujours pour Marc-Aurèle, tout comme ὁ θεῖος Ἁδριανὸς pour Hadrien.[73] Et dans une confusion significative pour notre propos, où le jurisconsulte Ulpien est manifestement considéré comme un empereur-législateur, ce dernier porte le même qualificatif : τοῦτο ἐλογίσατο ὁ θεῖος Οὐλπιανός.[74]

Mais imposer une idéologie présuppose un consensus, donc on a besoin d'une rhétorique, laquelle servira à consolider le consensus. Et quand on parle de normes juridiques ou de l'administration impériale, on parle, certes, de la rhétorique aussi. Mais ce que nous appelons ici rhétorique que doit-il signifier dans la pratique byzantine ? Autrement dit, faut-il entendre par ce terme un procédé de conviction par l'entente de certains arguments, suivant une procédure bien déterminée, voire les règles d'une dogmatique ?

Au-delà de cette définition, la rhétorique est tout un art de persuasion par le discours qui se sert non seulement de l'argumentation rationnelle, c'est-à-dire de la raison, mais aussi il met à profit l'irrationnel, soit la passion et le sentiment. Pour certains cas de destinataires, comme la foule, la rhétorique ne saurait produire ses effets que par la mobilisation de l'émotion. Quand l'argumentation rationnelle ne suffit pas pour fixer une croyance, l'appel à l'irrationnel est nécessaire pour que la conviction s'établisse à travers l'animation des passions : la peur, la haine, la compassion (vraie ou fausse), l'admiration etc. C'est bien le cas pour les croyances collectives. Suivons dans ce sens le témoignage de Grégoire de Nysse, un théoricien de la pensée chrétienne, dont les écrits étaient bien diffusés à Byzance, étudiés par des théologiens et propagés par les orateurs ecclésiastiques. Il y est dit que

---

les acoluthies de saint Boniface (F. Halkin, *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, Bruxelles, 1957³, nº 279-282 [Subsidia hagiographica, 8a]), dont un sermon par saint Ephrem le Syrien rédigé au IVᵉ siècle. Donc, le souci du respect de la tradition de la forme écrite ne permet pas de considérer ce cas comme un témoignage pour telle ou telle autre prononciation à l'époque de Tzetzès.

[66] Maurice, *Strategikon*, 1.1 l.6, ou même 1.2.16, 17, 58 *et alibi* (éd. E. Gamillschek / G. Dennis). Voir aussi ses dérivés : σαγιττάτωρ (*ibid.* 12.8, l. 8 *et alibi*), σαγιττοποιὸς (*ibid.* 12. 7, l. 6).

[67] Jean Lydos, *De magistratibus*, p. 4 : Δι τί τ ς ἀσπίδας σκοῦτα […] οἱ Ῥωμαῖοι καλοῦσι.

[68] Maurice, *Strategikon*, 6.6.1, tout comme 7.15a.2 *et alibi*. Également Constantin Porphyrogénète, *Le livre des cérémonies* (éd. J. J. Reiske [Bonn]), p. 579, et Idem, Ὅσα δεῖ γίνεσθαι τοῦ μεγάλου καὶ ὑψηλοῦ βασιλέως τῶν Ῥωμαίων μέλλοντος φοσσατεῦσαι, éd. J. Haldon, Texte C, versets 430, 493. D'autres exemples dans Kahane / Kahane, «Abendland und Byzanz», *loc. cit*., p. 531.

[69] *Leonis* vi *sapientis Problemata*, 3.11 (éd. A. Dain). L'extrait correspondant nous est transmis en lettres latines dans les manuscrits VNP de Maurice, *Strategikon*, 3.5, l. 52 et 53.

[70] Tout comme les locutions du même type : περκουτε (Maurice, *Strategikon*, 3.5 l. 29 et *Leonis Problemata*, 3.7), σεκουε (*Strategikon*, 3.5, l. 40 et *Leonis Problemata*, 3.8), σερβατε (*Strategikon*, 12.14, l. 3), τρανσφορμα (*Strategikon*, 3.5, l. 58 et *Leonis Problemata*, 3.12) et d'autres.

[71] *Synopsis minor*, Γ 37 (éd. dans Zepos / Zepos, vi, p. 369). Ce témoignage date de la fin du XIIIᵉ siècle.

[72] Voir dans la collection juridique privée de Michel Attaliatte, *Ponèma nomikon*, 35.191 (éd. Zepos / Zepos, *Jus Graecoromanum*, vii, p. 482), rédigé en 1073-4, d'où le même terme a été repris dans la *Synopsis minor*, B 38 (*ibid*., vi, p. 356).

[73] Jean Malalas, *Chronographie*, p. 279 : ἐπὶ δὲ τῆς βασιλείας τοῦ αὐτοῦ θειοτάτου Ἁδριανοῦ, *et alia*.

[74] D'après la version tardive d'un extrait du *Digeste*, conservé dans un manuscrit tardif, le *Parisinus gr.* 1355 fol. 124v, édité dans M. Th. Fögen, «Hexabiblos aucta. Eine Kompilation der spätbyzantinischen Rechtswissenschaft», *Fontes Minores VII*, Frankfurt/Main, 1986, p. 331.

nous aimons de tout cœur ce dont nous ignorons la nature et que nous ne pouvons pas saisir par l'intellect ; la compréhension par la méditation est loin d'y être présente et constatée ; le sentiment empêche de rejeter ce que nous ignorons, ce qui nous ne convainc pas par la démonstration, donc par la raison.

> ἀλλὰ καὶ αὐτὴν τὴν πάντα νοῦν ὑπερβαίνουσαν φύσιν τὴν θείαν τε καὶ μακαρίαν καὶ ἀκατάληπτον ὅτι μὲν ἔστι πεπιστεύκαμεν (…) καὶ ὅμως ἀγαπῶμεν τὸ ἀγνοούμενον ἐξ ὅλης καρδίας τε καὶ ψυχῆς καὶ δυνάμεως τὸ καταληφθῆναι τοῖς λογισμοῖς οὐ δυνάμενον.[75]
> et nous croyons en cette nature divine, bienheureuse et non intelligible, celle qui dépasse tout intellect (…) et malgré tout cela, nous aimons de tout cœur et du fond de notre âme et par toutes nos forces ce que nous ignorons (en elle), ce qui n'est pas possible de saisir par notre esprit.

À Byzance, aussi bien le droit séculier que l'administration publique relèvent directement du palais impérial, c'est-à-dire d'une instance qui, pour maintenir le consensus dont elle a besoin, cherche à prouver ou à imposer sa légitimité à tout moment et par tous les moyens. Dans cette forme de gouvernement, derrière toute activité législative et juridique au sens large, sans oublier le fonctionnement de l'administration publique, se trouve la volonté de Dieu, tête du pouvoir et de la hiérarchie tout entière. L'empereur n'est que son lieutenant sur terre, toujours dans l'obligation de convaincre son peuple qu'il en est digne, et conserver le consensus afin de consolider et maintenir son pouvoir.[76] Pour persuader les masses, l'on ne peut que recourir à la rhétorique qui éveille le sentiment, mais non la logique. Ce que l'on ne comprend pas nous fait peur, et convainc par la peur. N'oublions pas que, chez les Byzantins, Dieu et sa volonté est avant tout qualifiée d'ἀκατάληπτος, non saisissable par l'esprit. Théodoret de Cyr précise:

> ὡς ἀόρατος ὁ τῶν ὅλων Θεὸς, ἀνέφικτός τε καὶ ἀκατάληπτος.[77]
> Dieu de tous est imperceptible par la vue, inaccessible et non saisissable par l'intellect.

De même que Jean Damascène intitule un chapitre de ses écrits.[78]

> Περὶ τοῦ ἀκατάληπτον εἶναι τὸν Θεὸν, καὶ τ ἔργα αὐτοῦ· καὶ ὅτι οὐ δεῖ ἡμᾶς τ κρυπτ καὶ ἐπέκεινα τῶν διατεταγμένων ἡμῖν ζητεῖν, ἢ περιεργάζεσθαι. Ἀνέφικτος γ ρ ἡμῖν, καὶ ἀκατάληπτος ἀνθρώποις οὖσιν ἡ τούτων εὕρεσις, καὶ ἀλυσιτελής.
> Que Dieu est insaisissable par l'intellect, tout comme ses œuvres ; et que nous ne devons pas chercher à comprendre ou travailler dans l'esprit ce qui est caché et qui se trouve au-delà de ce qui nous est permis. Leur compréhension nous est inaccessible et non maîtrisable, du fait que ne nous sommes que des hommes, et sera sans succès.

[75] *De mortuis non esse dolendum*, éd. G. Heil, dans *Gregorii Nysseni Opera omnia*, IX.1, Leyde, 1968, p. 45.

[76] V. Nicolaïdou-Kyrianidou, Ο απόβλητος και ο θεοπρόβλητος. Πολιτικ ανάγνωση της Ακολουθίας του σπανού, Athènes, 1999, p. 187 sqq., avec la bibliographie antérieure.

[77] *Interpretatio in* xiv *epistulas sancti Pauli*, dans Migne, *P. G.* 82, col. 613. Le motif remonte a Philon d'Alexandrie, *De confusione linguarum*, 138 (éd. Wendland) ou même *De posteritate Caini*, 16 : καταλαβεῖν ὅτι ἀκατάληπτος ὁ κατ τὸ εἶναι θεὸς (éd. Wendland).

[78] *Sacra parallela*, dans Migne, *P. G.* 96, col. 536.

Enfin, de son côté, au xie siècle Michel Psellos affirme :

> Ὁ ἐπὶ πάντων θεός, ὃς δὴ καὶ πατὴρ ὠνόμασται, ἀκατάληπτον ἑαυτὸν ποιεῖ.[79]
> Dieu de tous, qui est appelé Père, rend soi-même non saisissable par l'intellect.

Il devient ainsi clair que l'amour pour Dieu doit l'emporter sur la connaissance et sur la conviction issue de la raison.[80]

Aussi bien le droit que l'administration doivent donc se servir de ce motif, au bénéfice de la propagande impériale. Inaccessible par la plupart des gens, ni même par la majorité des lettrés, le latin doit assurer un prestige aux institutions et au pouvoir, à l'appui du consensus nécessaire à leur validité. À Byzance, le latin n'est pas compris. Selon cette logique le latin *ne devait pas être compris*. Les très rares exceptions que nous connaissons dans l'histoire de la culture byzantine ne contredisent pas cette constatation ; entendons par cela quelques lettrés qui traduisent du latin : Maxime Planude,[81] Manuel Holobolos,[82] les deux frères Cydonès.[83] Nous avons déjà

[79] Michel Psellos, Ἐξήγησις τῶν χαλδαϊκῶν ῥητῶν (éd. O'Meara), *Michaelis Pselli philosophica minora*, Leipzig 1988, p. 141. Cette liste est indicative.

[80] Voir, par exemple, Nicolaïdou-Kyrianidou, Ο απόβλητος και ο θεοπρόβλητος, *op. cit.,* p. 74 sqq. avec des renvois aux sources.

[81] Qui a traduit du latin, entre autres, l'*Énéide* et les *Héroïnes* d'Ovide, le *De Trinitate* d'Augustin etc. Sur ses traductions du latin, lire la préface dans l'édition du texte : Αὐγουστίνου Περὶ Τριάδος βιβλία πεντεκαίδεκα ἅπερ ἐκ τῆς Λατίνων διαλέκτου εἰς τὴν Ἑλλήνων μετήνεγκε Μάξιμος ὁ Πλανούδης (éd. M. Papathomopoulos / I. Tsavari / G. Rigotti), i, Athènes, 1995, p. xxxiv sqq. [Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Βιβλιοθήκη Ἀ. Μανούση. 3] et, plus récemment, Ἀννιτίου Μαλλίου Σεβηρίνου Βοηθοῦ Βίβλος περὶ παραμυθίας τῆς φιλοσοφίας, μετέφρασε Μάξιμος μοναχὸς ὁ Πλανούδης (éd. M. Papathomopoulos), Athènes, Paris, Bruxelles, 1999 [Corpus Philosophorum Graecorum Medii Aevi. 9]. Enfin, E. A. Fisher, «Planoudes, Holobolos, ad the Motivation for Translation», *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 43, 2002/3, p. 77—104.

[82] Auteur d'une traduction du *De topicis differentiis*, de Boëce, œuvre dont une autre tarduction nous est parvenue par la plume de Prochoros Cydonès. Toutes les deux sont éditées dans D. Z. Nikitas, *Boethius, De topicis differentiis* καὶ οἱ βυζαντινὲς μεταφράσεις τῶν Μανουὴλ Ὁλοβώλου καὶ Προχόρου Κυδώνη, Athènes, Paris, Bruxelles, 1990 [Corpus Philosophorum Graecorum Medii Aevi. 5]. À ce sujet, Fisher*, loc. cit*., *passim*.

[83] Auteurs de la traduction grecque (XIVe siècle) de la *Somme theologique* et de la *Somme contre les gentils* de Thomas d'Aquin, et de quelques autres écrits latins. À ce sujet voir, en dernier lieu, Chr. Maltezou, «Diversitas linguae», Πρακτικ τοῦ Β΄ Διεθνοῦς Συμποσίου Ἡ ἐπικοινωνία στὸ Βυζάντιο. *op. cit.*, p. 93 sqq. et sur Démértios Cydonès : P. Gounaridis, «Επιλογές μιας κοινωνικ ς ομάδας (14ος αιώνας)», *in* Chr. Angelidi (éd.), Το Βυζάντιο ώριμο για αλλαγές, *loc. cit*, p. 177 sqq. L'édition critique d'une partie de cette traduction de la *Somme théologique* paraît sous la direction d'E. Moutsopoulos : Δημητρίου Κυδώνη, Θωμᾶ Ἀκυινατου *:* Σοῦμμα Θεολογικὴ ἐξελληνισθεῖσα, t. II,15, éd. G. Leontsinis / A. Glycophrydou-Leontsini, Athènes, 1976 , t. II, 16, éd. Ph. Dimitrakopoulos, Athènes, 1979 et t. II.17, éd. Ph. Dimitrakopoulos / M. Brentanou, Athènes, 1980 [Corpus Philosophorum Graecorum Recentirum]. Sur la polémique théologique autour de ces traductions, voir F. Tinnefeld, «Intelelctuals in Late Byzantine Thessalonike», *Dumbarton Oaks Papers*, 57, 2003, 153—172, et en particulier p. 156 et n. 17.

[84] *Supra*, p. 000 et n. 47.

dit que Constantin Harménopoulos ignorait en réalité le latin.[84] Tout cela ne vaut que pour les langues attachées à une idéologie, soit le latin pour l'idéologie politique, laquelle exprime un retour à la légitimité romaine, ou même le grec *atticisant à l'extrême* au service de l'authenticité doctrinale et de la vérité ecclésiastique.

III

Dans cet esprit, je vais terminer par un récit aussi insolite qu'intéressant. Il s'agit d'un extrait de la version B de la *Vie de sainte Écaterine*,[85] emprunté dans un petit livre introuvable, édité en 1897. Sans trop insister ici sur des détails, je rappelle que ce récit donne la version christianisée d'une fable que l'on connaît aussi par *Les mille et une nuits* : la légende de Tawaddoud, la docte esclave, réputée pour son talent unique de narrateur, voire de rhéteur, comme l'a montré mon regretté maître José Grosdidier de Matons.[86] Donc, Sainte Catherine combattra et vaincra tous les orateurs païens, que l'empereur infidèle avait invités *ad hoc* pour lui montrer que celui que les chrétiens adorent n'était pas le vrai Dieu. Dans la version B de la passion, son rédacteur[87] se sert à l'extrême de cette rhétorique du discours incompréhensible. Son écrit est un récit utile à l'âme, une διῆγησις ψυχωφελής, pleine de miracles et des merveilles surnaturels. Son public est composé de gens qui doivent admirer et croire, précisément puisqu'ils ne peuvent pas comprendre le discours. Les arguments ne comptent pas. La conviction ne viendra que par le sentiment. Pour «prouver», donc, le savoir et la supériorité rhétorique de la docte vierge Catherine, le rédacteur place dans sa bouche des mots calqués sur le grec qui n'ont jamais existé.

Deux mots sur l'extrait avant de vous en donner lecture:[88] précède le discours introductif de la sainte, rédigé en grec clair. Il termine par ces termes, annonçant ce qui va suivre dans son argument:

> (…) Καὶ μετ τοῦτο λέξω σοι τὴν ἀνθόμοιον λέξιν τοῦ Χριστοῦ μου τὴν ἐκτεθεῖσαν τῷ κόσμῳ εἰς ζωὴν αἰώνιον.
> Et après ceci, je te dirai le mot de mon Christ, mot qui n'a rien de semblable, lequel a été exposé au monde en vue de la vie éternelle.

En effet, l'argument de la Sainte surprendra l'helléniste, car il est prononcé dans un grec fictif destiné à être inintelligible. Je reproduis fidèlement l'édition de J. Viteaux, qui précise copier ce qu'il lisait dans les manuscrits (sans accents, ni esprits) :

[85] F. Halkin, *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, *loc. cit.*, nº 30ª.

[86] J. Grosdidier de Matons, «Un hymne inédit à sainte Catherine d'Alexandrie», *Travaux et Mémoires*, 8, 1981 = *Hommage à M. Paul Lemerle*, p. 187—207.

[87] Ou Anastase le tachygraphe, mentionné dans le colophon du texte.

[88] D'après le *Parisinus gr*. 1538, du Xᵉ siècle, tel qu'il a été reproduit dans J. Viteau, *Passions des saints Écaterine et Pierre d'Alexandrie, Barbara et Anysia*, Paris, 1897, p. 31. L'éditeur y donne aussi le même passage d'après le *Parisinus gr.* 1539, du XIᵉ siècle, et le *Vaticanus gr.* 866 ; comme il n'y a pas de différences de fond, je n'ai pas cru nécessaire de les reprendre ici.

> αλκιμονοτατως σπυρμιγιλιοτρυπτως ακτεοφορως κατοπτριζομενα απερεμνυως χρυσοσκαλκισμον αποκυλισμα μανδραγορεστικον ακτεωτατον ακτινοπρυμνολυκιον εν γερσαλινονον λεκτροφανες μανδραγορον ακτουροδαπη σπυρμιγγηλιον πολυκυδον λεκτυοφανες πρυμνοδαπες γεργεσεωμα μαρμαροσπυρμιγγηλοδαπη και ζοφοηλιοειδες καταδρομη βαινοντων κουφοις πτερυξιν εν αεροβαδη τριβω αλκιμωτατως ρυζηδον αποφοιτωντων εκπεπτανται κρυοτατης λαυροειδως εκφυσουσης εν κεραυνοις δενδρεσιν σαφως απογαλακτουνται κλαδοι και ανδρων αποβουνται τευχη σπυρμιγγηλιωτατως εκλεκτων τρυπανισκων παμφολιγες μεγεθος μετεωρων υψωματων εν αβατω τεχνη κρεμαμενων αορατως θεμελιουνται κρημνοειδες το εδρασματι διαλελυμενων απο χαους μεγιστου μυριοδαπη λεξει εν αγλαο κενωματι σαφως σπυρμιγγηλιουμενα πελματιζονται γεργενομενα μετεωρον αιγιειε σφοδρα πως ευωχουμενα αποπλεουσιν αεροβαδη υψωματα πελαγισματα αργψροδαπη απλωματα πυροειδεστατα αρματα θεσπεσια θαυματα ποικιλοδαπη εκφεγγισματα σαφως γλυφεντα..

Alors que la suite du discours est en un grec clair :

> Καὶ τίς ὁ ταῦτα τορνεύσας; ἐπίγνωτε λυσίφρονες, ἀνόητοι, πεπωρωμένοι. Τί διαλέξω σοι ῥ῞τορ ; etc.
> Et qui est-ce qui a forgé tout cela ? Reconnaissez inconscients, insensés, aveuglés. Que te dirais-je, rhéteur ?

Certes, ce passage sans précédent doit tirer son inspiration de l'extrait de saint Paul, qui dit au sujet d'un homme en Christ qu'il avait connu : ἡρπάγη εἰς τὸν παράδεισον καὶ ἤκουσεν ἄρρητα ῥ῞ματα ἃ οὐκ ἐξὸν ἀνθρώπῳ λαλῆσαι.[89]

* * *

Dans ce texte, le terme par lequel est qualifiée la docte et sage Catherine, un *hapax* pour ce sens, est inspiré du vocabulaire latin. Pour la traiter de *sapientissima*[90] ou de *orator doctissima*[91] le redacteur de la version B utilise l'adjectif βιργίλιος, dont la variante de la version A est ἐκβιργίλιος. Le même qualificatif, dans ce texte désigne, également Homère (Τοῦτο τοῦ μεγίστου Ὁμ῞ρου βιργιλίου πρῶτον κεφάλαιον) et Aristote (τοῦ πολυκύδου βιργιλίου Ἀριστοτέλους.[92] Bien qu'il soit unique, ce sens du terme semble attribuer, aux yeux des Byzantins, un ton prestigieux au latin, cette langue qu'ils ne comprenaient plus. Il n'est pas, d'ailleurs, sans importance de noter ici que la fabrication de mots monstrueux est attestée aussi dans le sens inverse: quand ils doivent servir au désenchantement, voire à l'*Entmythologisierung* d'une situation ou d'une personne, les mots monstres sont composés en grec parlé, et pour bien fonctionner leur sens doit

[89] *II Cor.* 12.2-4.

[90] D'après V. Peri, «Βιργίλιος = sapientissimus. Riflessi culturali latino-greci nell'agiografia bizantina», *Italia medioevale e umanistica*, 19, 1976, p. 1—40.

[91] D'après la leçon des manuscrits P et R (cf. l'apparat critique de la p. 31 chez J. Viteau), où βιργίλιος figure comme *varia lectio* synonyme de ῥ῞τωρ. Voir aussi Peri, «Βιργίλιος = sapientissimus», p. 23—25.

[92] J. Viteau, *loc. cit.,* § 11, p. 30.

être absolument compréhensible. Voici quelques exemples pris dans la célèbre *Liturgie de Spanos*, ou *Messe de l'imberbe* :

— «ἀναχεσομούσουδος»,[93] mot approximativement traduisible en français mais tout à fait clair en grec: «celui dont le museau a été chié à plusieurs reprises»,

— «ἀναχεσοφυσοπορδαλ᾽θρα»,[94] que l'on pourrait rendre en français comme «la partie du corps qui chie et provoque des courants et des émanations de pets à plusieurs reprises».

— «ἐντεροκαρδιοσυκωτοφλέγμονα»,[95] inventé pour désigner en un seul mot: «tripes-cœur-foie-entrailles».

Mais, nous connaissons maintenant que ce discours visait à rendre clair aux masses que le défaut physique, le manque de barbe, du protagoniste Spanos, devait dissuader les ambitions d'un personnage notable connu de tous à l'époque (même s'il est resté anonyme pour nous),[96] peut-être ses prétentions à la revendication par lui du pouvoir impérial.[97] Pour faire passer ce message, la clarté du discours était donc une condition *sine qua non*.

* * *

Pour conclure, en termes de continuité et de rupture : dans ce domaine, certes le latin ne parvient pas à gêner la continuité du grec, néanmoins il persiste, grâce aux constructions idéologiques, et c'est ainsi qu'il prend sa revanche. Au lieu de la ruse de la raison, on pourrait ici parler de la ruse du latin par le pouvoir et le charme du discours incompréhensible.

[93] *Spanos* (éd. H. Eideneier), D 208, D 557, D 725, A 54. Voir aussi les commentaire de l'éditeur du texte : *Spanos. Eine byzantinische Satire in der Form einer Parodie.. Einleitung, kritischer Text, Kommentar und Glossar besorgt von* H. Eideneier, Berlin — New York, 1977, p. 282.

[94] *Spanos*, D 629, D 677, D 1590 *et alibi*. Une variante : ἀναχεσοφυσαλλιδοπορδαλίστρια : B 46, B 85.

[95] *Spanos*, A 503. Une variante : ἐγκαρδιοσυκωτοπλέγμονα, B 178, cf. le commentaire d'Eideneier, p. 293, *s. v*.

[96] Nicolaïdou-Kyrianidou, Ο απόβλητος και ο θεοπρόβλητος, *loc. cit.*, p. 333 sqq., et Eadem, «Le corps humain monstrueux comme allégorie du mauvais gouvernement: la politique et la barbe dans l'*Acoluthie de Spanos* byzantine», dans *L'Allégorie de l'Antiquité à la Renaissance*, éd. B.Pérez / P. Lojkine, Paris, 2003, p. 437—471. Au sujet de ce texte voir aussi E. Zachariadou, «Η Ακολουθία του Σπανού· σάτιρα κατά του λατινικού κλ᾽ρου», *in* S. Kaklamanis *et alii*, Ἐνθύμησις Νικολάου Μ. Παναγιωτάκη, Héraklion, 2000, p. 257—268.

[97] Nicolaпdou-Kyrianidou, Ο απόβλητος και ο θεοπρόβλητος, *ibid.*

TELEMACHOS C. LOUNGHIS

LES VILLAGES D'ORIGINE DE L'ARISTOCRATIE PAPHLAGONIENNE

D'après un incident mémorable qu'aurait rapporté à Kékauménos le protospathaire et stratège Jean Maïos en mission dans l'episkepsis impériale d'Arabissos en Cappadoce, presque tous les grands domaines privés de la région auraient été constitués ou acquis en récompense pour des charges publiques.[1] Selon des recherches très récentes qui viennent de voir le jour,[2] la fortune des grands seigneurs cappadociens a eu ses origines à des libéralités des empereurs de la dynastie macédonienne, c'est-à-dire de l'état, jusqu' au moins au règne personnel de Constantin VII Porphyrogénète qui chérissait les nobles (ευγενεις).

Toute autre semble avoir été l'origine de la fortune des nobles paphlagoniens qui précédèrent et antécédèrent chronologiquement les magnats cappadociens dans la lutte de l'aristocratie terrienne d'Asie Mineure pour la conquête du pouvoir; si les Cappadociens s'en sont emparés une seule fois, de 963 à 969, pour en être ensuite renversés et persécutés par les successeurs de Nicéphore Phocas selon Attaleiate,[3] les Paphlagoniens l'avaient abordé pour la première fois au IXe siècle sous Théodora, l'épouse de l'empereur Théophile (829—842) et sa noble parenté,[4] pour parvenir à l'occuper définitivement beaucoup plus tard, au XIe siècle, sous les Doukas et les Comnène.[5] Leur fortune, déjà très considérable au milieu du IXe siècle à

[1] Kékauménos, 141 Tsougarakis. Le contenu de ces charges publiques est mal établi.

[2] Vassiliki Vlyssidou, Υίγδδκίοιι, Αριστοκρατικές οικογένειες και εξουσία (9ος—10ος αι.). Έρευνες πάνω στα διαδοχικά στάδια αντιμετώπισης της αρμενο-παφλαγονικής και της καππαδοκικής αριστοκρατίας. Θεσσαλονίκη 2001.

[3] Attaleiate, 229, 16—17 CSHB.

[4] Vie de Théodora, 2, 2-3, p. 257 Markopoulos, Σύμμεικτα 5, 1983.

[5] Le point de vue exprimé ici va tout à fait à l 'encontre de P. Magdalino, Paphlagonians in Byzantine High Society, in: Byzantine Asia Minor (6th—12th Cent), Athens 1998, 141—150, qui opère, à mon avis, sur des exemples tirés au pur hazard (cf. p. ex. p. 147: *The only major mili tary familles with interexts in Paphlagonia were those of Doukas and Komnenos).* De mon côté, je pense que l'histoire des nobles paphlagoniens est toute autre que celle des rustres et eunuques paphlagoniens qui saute aux yeux de tous ceux qui abordent le problème à brefs délais.

© T. C. Lounghis, 2007

en croire le Continuateur de Théophane,[6] et presque excessive au début du Xe,[7] lorsqu'apparaît dans nos sources le fameux οἶκος des Doukas situé κατά την Παφλαγονίαν[8] et dot de la fille de l'hétériarque Grégoras Ibéritzès d'après les textes, ne semble guère péricliter pendant la durée du Xe siècle, comme ce fut le cas de la fortune des Cappadociens, contre qui sévit la Novelle de 996 de Basile II Les nobles paphlagoniens, ayant toujours comme chefs les Doukas, ne disparurent point de la scène politique à partir du moment où ils ont été évincés du pouvoir au début du Xe siècle. Tout au contraire, les pauvres données sur l'évolution de leur fortune dont on dispose nous permettent quelque peu de suivre leur redressement lent, certes, mais d' autant plus solide en dépit des efforts de la dynastie macédonienne pour les tenir à l'écart du pouvoir en favorisant les nobles Cappadociens, qui finirent par la renverser momentanément. L'importance et la spécificité de la Paphlagonie du IXe au Xle siècle sautent également aux yeux du seul fait qu'à côté de l'instance thématique traditionelle, c'est-à-dire du stratège de Paphlagonie,[9] on y rencontre aussi des katépans au Xe et au début du Xle siècle,[10] mais aussi des juges impériaux (κριται) dès le début du Xe siècle, chargés, comme il appert, «de la surveillance et du confinement non seulement des Doukas, mais aussi de quelques autres familles alliées à eux».[11] De ces mesures impériales échelonées dans une durée de deux siècles environ et ayant comme but de tenir les magnats paphlagoniens à l'écart du pouvoir central après le soulèvement de Constantin Doukas en 913,[12] il est plus ou moins clair que l'aristocratie paphlagonienne n'a point joui de la faveur impériale qui, jusqu'au milieu du Xe siècle du moins, ne cessait de porter aux nues les nobles Cappadociens pour en être désilusionnée par le poutch de Nicéphore Phocas aussitôt après. Dans l'évolution de la fortune terrienne de la noblesse paphlagonienne on pourrait, d'après les témoignages des sources, détecter quelques traits communs ainsi qu'il suit:

1. Son origine se trouve à des villages: ainsi l'exemple typique d'Amnia, village du fameux St.Philarète, aux confins du thème des Arméniaques[13] et de Paphlagonie, après la fondation de ce dernier dans les années vingt du IXe siècle.[14] Il en est de même du village Evissa (ou Avysianon[15]), d'où était originaire l'impératrice Théodora et sa

[6] Théopane Continué, 89, 17—18 CSHB.

[7] Cf. Vie de Basile le Jeune, éd. Veselovskij, Sbornik Otdelenija russkago jazyka Imperatorskoï Akademii Naouk 46, 1889, 58.

[8] Théoph. Cont., 385, 2—3. Skylitzès, 200, 9—10 Thurn.

[9] Dont une liste, plus ou moins complète, cf. dans l'ouvrage collectif H Μικρά Ασία των Θεμάτων, Athènes 1998, 448—449.

[10] Ibidem, 447—448.

[11] Cf. Vassiliki Vlyssidou, Quelques remarques sur l'apparition des juges (première moitié du Xe siècle) in: Byzantine Asia Minor (6111-12* Cent.), Athens 1998, 63.

[12] Vlyssidou, Αριστοκρατικές οικογένειες, 176 sqq.

[13] TIB, 9, 190.

[14] T. C. Lounghis, The Evolution of thematic Encounters and thé Reign of Michael II, in. Byzantine Asia Minor (6th—12th Cent.), Athens 1998, 53.

[15] Cf. les hésitations de K. Belke, TIB 9, 155 et 192, sur l'identification d'Evissa avec Avysianon.

famille.[16] Tous les deux villages Amnia et Evissa disparaissent totalement de nos sources dans les siècles à venir, mais ceci est plutôt l'exception que la règle, car d'autres cas jettent sur les origines de l'aristocratie paphlagonienne une lumière insolite.

2. D'après les déductions de K. Belke, la forteresse de Pemolissa (Osmancik) connue dès le Ixe siècle et même avant, se trouvait également aux confins des Arméniaques avec la Paphlagonie[17] (l'endroit semble avoir une signification sémantique, peut-être un topos); un peu après le milieu du Xle siècle, il semble avoir passé sous le contrôle total d' Isaac Comnène (il y héberge son épouse royale bulgare),[18] ainsi que son bien patrimonial, le village de Castamon qui constituait son οἶκος.[19] Dans ce cas on pourrait supposer une lente progression des biens des Comnène allant vers l'Est.

3. Etant bien connu que le magistre du IXe siècle Serge Nikétiatès était originaire du village paphlagonien Nikétia, près de la ville d'Amastris,[20] on pourrait supposer que la forteresse du nom Νικητιάτου φρούριον cppoûpiov aux confins de la Bithynie et de la Paphlagonie au XlIIe siècle selon la mention de Georges Acropolite[21] se réfère aux biens du magistre du LXe siècle, peut-être même à son village natal, si la petite distance entre ceci et la ville d'Amastris (έγγιστα) témoignée par la Vie de St. Georges d'Amastris le permettrait. La réapparition d'ailleurs d'un village du IXe siècle sous la définition de forteresse ou château-fort (φρούριον) n'est pas du tout exclue, d'après les deux exemples suivants qui concernent les familles des Dokeianoi et des Dalassène: Situé comme d'autres villages encore à la limite des Arméniaques et de Paphlagonie, le hameau natal de la famille des Courcouas et de Jean Tzimiskès Dokeia[22] réapparaît comme forteresse au Xle siècle sous la plume de Michel Attaleiate[23] et du Continuateur de Skylitzès,[24] tous les deux décrivant les errements de Romain Diogène après Mantzikert. Selon Bryennios, suivi en ceci par son épouse Anne Comnène,[25] près de Castamon, c'est-à-dire des domaines des Comnène, se trouvaient les domaines de la famille des Dokeianoi qui étaient nobles, riches et apparentés aux Comnène;

[16] Théoph. Cont., 89, 15—16. Génésios, IV, 15, p. 68 Lesmueller-Werner et Thurn. Skylitzès, 52, 67—68.

[17] TES 9, 42 et 58. Sur les mentions des sources, cf. H Μικρά Ασία των Θεμάτων, 147, n. 257—259.

[18] Skyiitzès Continué, 103 Tsolakis.

[19] Skyiitzès, 489, 71—72. Bryennios, 197, 10—14 Gautier. Cf. aussi TIB 9, 228—229. Cf. aussi J. Crow, Alexios I Komnenos and Kastamon. Castles and Settlement in Middle Byzantine Paphlagonia, in: Alexios I Komnenos I, Papers, Belfast 1996, 12—36.

[20] Zitija sv. Georgija Amastriidskago. Vvedenije i greceskije teksty s perevodom. Letopis' zaniatii Archeologiceskoï Komissii 1882—1884gg, Vypusk 9yi 1893go g. (Trudy III), Petrograd, 3, 9—10, p. 4. Cf. aussi Μικρά Ασία των Θεμάτων. 280.

[21] Acropolite, 59 Heisenberg.

[22] Théoph. Cont., 426, 18—19. Léon Diacre, VI, 6, p. 100. Cf. encore Μικρά Ασία των Θεμάτων, 150.

[23] Attaleiate, 169, 10—13.

[24] Skyl. Cont., 52, 17.

[25] Bryennios, 195, 8—10. D'après l'éditeur P. Gautier, p. 194, n. 2, les domaines de Dokeianos se trouvaient autour de Dokeia. Anne Comnène I, 16 Leib.

vu que Bryennios emploie le même ternie (οικία) dans les deux cas[26] et vu que le village de Dokeia apparaît comme forteresse au Xle siècle, je ne peux m'empêcher de penser que Castamon était au Xle siècle un endroit également fortifié, comme devait l'être aussi Dokeia, tous les deux en tant que résidences de nobles militaires. Aux descriptions des biens à Dokeia et à Castamon par Bryennios correspond la définition du noble militaire byzantin du Xle siècle donnée par Kékauménos,[27] lui aussi associé aux Comnène en 1057:[28] *ανθρώπους γαρ έχει και λαον ίδιον, και το κάστρον και η χώρα αυτωι πείθεται* (car il a des hommes à son service et une compagnie armée à lui, ainsi que la forteresse; et les terres tout autour lui obéissent). Ainsi, est question du noble Constantin Dalassène, grand propriétaire du thème des Arméniaques qui était placé maintes fois aux arrêts, au début dans son propre oíκος d'apres Skylitzès[29] et, ensuite, dans un château-fort, ce qui est confirmé par Attaleiate (*εν πύργωι αποκλεισθέντα*).[30] Ici, le terme oikoç remplit les mêmes fonctions que le terme πύργος et, lorsqu'on lit dans le texte de Psellos que Dalassa est un χωρίον επισημότατον[31] on peut remonter dans les textes byzantins et trouver, dans l'Histoire ecclésiastique d'Evagrios le processus d'après lequel un village (*χωρίον*) était doté par le pouvoir central (vu qu'on était encore au Vie siècle) d'une enceinte, ce qui le rendait équivalent à une ville επίσημος;[32] puisque les nobles Dalassène portent le nom du village au Xle siècle, ceci pourrait insinuer a) que le village entier leur appartenait de droit (comme d'ailleurs Dokeia devait appartenir entièrement aux Dokeianoi au Xle siècle) et b) que lesdits villages devinrent au Xle siècle des endroits fortifiés d'après l'exemple de Dokeia et on pourrait avoir, de la sorte, deux cas (le deuxième étant celui de Dalassa) indiquant comment des agglomérations rurales du Xe siècle seraient transformées en domaines patrimoniaux, se distinguant éminemment des pauvres villages du rang au Xle siècle par un château-fort érigé par le noble propriétaire.

Etant connu que les magnats accomplissent à partir du IXe siècle ce dont était chargé l'état sous le Bas-Empire, le processus en cours nous est décrit en termes plus ou moins clairs par la version II de la Novelle que Basile II publia en 996[33] qui, entre autres, raconte comment un vilain du nom de Philokalès, devenu riche, est parvenu petit à petit à devenir maître du village entier et à le transformer en propriété terrienne privée en lui changeant aussi le nom qu' avait le village à l'origine.[34] À la remarque éventuelle que dans le texte de la novelle de Basile II il n'est nulle part question de fortifications du village en question, on pourrait répondre a) que la coutume de fortifier les villages était aussi vieille à Byzance que l'effondrement des villes antiques sous Justinien 1er[35] et b) que l'association des deux termes χωρία και φρούρια est plutot courante dans les textes byzantins pour décrire en bref la campagne de l'empire[36] et, pour ce qui est du Xle siècle, ce serait imprudent de prétendre que toutes les forteresses de la campagne relevaient directement de l'état, car, plus l'état devenait impuissant, plus il remettait des grands domaines aux nobles qui allaient les défendre contre le danger extérieur.

---

[26] Bryennios, 195: *έγγιστα γέγονε της οικίας του Δοκειανου Θεοδώρου, ανδρός των ευ γεγονότων και πλούτωι κομώντων και καθ'αιμα τωι στρατοπεδάρχηι προσήκοντος...* 197: *Περί δε την Καστάμονα γενόμενος (Αλέξιος) επεθύμησε την του πάππου οικίαν ιδειν*... À noter ici que, selon le même Bryennios, 197-199, la côte de Paphlagonie jusqu' à l'ancienne Héraclée Pontique se trouvait alors sous Mavrix, le futur amiral d'Alexis Comnène.

[27] Kékauménos, 223.

[28] Skylitzès, 483, 97—98. Psellos II, 180.

[29] Skylitzès, 373, 19—20: *...κατά τον Αρμενιακόν εν τωι ιδίωι οίκωι σχολάζοντα...* et 397, 48—50.

[30] Atlaleiate, 11, 17.

[31] Psellos I, 256. Cf. aussi II, 296. Sur les Dalassène, cf. l'essai de J. -C. Cheynet - J. F. Vannier, Études prosopographiques, Paris 1986, 75—115. D'autres *επίσημα χωρία* dans Théophane, 256, 23—25 de Boor. Sur Mélitène comme *emm^iiov Kâcnpov,* cf. Théoph. Cont., 415.

[32] Evagrios, III, 37, 136 Bidez-Parmentier: *Αναστάσιος Δάρας χωρίον...εξ αγρού πάλιν είναι ποιεί, καρτερωι τε τειχείσας περιβόλωι, οικοδομίας τε διαφόρους εκπρεπεις εκτιθείς εκκλησιών και άλλων...αις αι επίσημοι των πόλεων εγκαλλωπίζονται.*

[33] Cf. N. Svoronos, Les Novelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes, Introduction-édition-commentaires (éd posthume par P. Gounaridis) Athènes 1994, p. 203.

[34] Ibidem:*...όλον εκ του και ολίγον εκράτησε χωρίον και προάστειον ίδιον εποίησεν εναλλάξας και την επωνυμίαν του τοιούτου χωρίου.*

[35] Procope, Aed. IV, 1, 35, p. 107 Haury-Wirth: *ούτω συνεχή τα ερύματα εν τοις χωρίοις απεργασάνμενος ώστε αγρός έκαστος ή φρούριον αποτετόρνευται, ή τωι τετειχισμένωι πρόσοικος.*

[36] À titre d' exemples cf. Nicéphore le patriarche, 69. 7—9 de Boor (en 761). Anne Comnène I. 56 (en 1080/1081), pour ne pas énumérer les exemples des κάστρα dans des χωρία mentionnes très fréquemment par F empereur Constantin Porphyrogénète dans le *De administrando imperio,* à partir du ch. 32.

А.-Э. Н. ТАХИАОС

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЧИНЫ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА В РИМЕ

Каждый момент жизни и деятельностей фессалоникийцев Константина-Кирилла и его брата Мефодия вызывает особый интерес у исследователей, так как связан с двумя важнейшими основоположниками просвещения славянских народов. С них ведет свое начало славянская письменность, и им обязаны своим появлением древнейшие письменные памятники славянских народов. Вот почему любое событие, упоминаемое в Житиях этих личностей, является ценным историческим свидетельством, которое дополняет картину их жизни и деятельности, полностью восстановить которую стремятся исследователи. Работа последних затрудняется тем, что Жития, являющиеся для них важнейшими источниками, — это агиографические тексты, цель которых не рассказ об исторических деталях, а представление образа святых людей,[1] которые самоотверженно служили идее создания славянской письменности и славянской церкви, которая хотя и подчинялась юрисдикции Рима, но была независимой в смысле национального самосознания.

Исходя из такого положения вещей, представленного в источниках, следует рассматривать и поездку обоих братьев в вечный город в 868 г., которой предстояло иметь огромное значение, с одной стороны, так как папа Римский одобрил и благословил их деятельность среди славян Великой Моравии и Паннонии, а с другой — так как здесь окончил свой земной путь младший из братьев, Кирилл, в возрасте всего 42 лет.[2] Поездка двух братьев в Рим, а также детали их пребывания здесь неоднократно были объектом внимания ученых, которые попытались подробно проанализировать эту поездку и осветить ее различные аспекты.

[1] Об этих Житиях как об агиографических текстах см.: *Vavřinek V.* Staroslověnské šivoty Konstantina a Metoděje. Pragha, 1963.

[2] О пребывании Кирилла и Мефодия в Риме см. Житие Кирилла, гл. XVII и XVIII и Житие Мефодия, гл. VI: *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 33—36, 72—73.

© А.-Э. Н. Тахиаос, 2007

К многочисленным специальным статьям на эту тему[3] следовало бы прибавить все, что связано с этой поездкой в книгах, посвященных жизни и деятельности Кирилла и Мефодия.[4] В этих публикациях основной упор делается на отношениях двух братьев с церковным главой Рима и всем, что связано со смертью и погребением Кирилла. При таком большом числе публикаций на эту тему возникает вопрос: что нового можно добавить к уже известному? Как обычно происходит с историческими исследованиями, которые никогда не прекращаются, всегда можно обнаружить какую-то неисследованную сторону исторического события, которая может быть рассмотрена с новой точки зрения, и получить новое истолкование или породить проблематику, которая подтолкнет ученых заняться ею и предложить свое решение.

Далее мы остановимся на двух обстоятельствах последних дней пребывания Кирилла в Риме, которые, на наш взгляд, следует обсудить или проанализировать еще раз, ибо до сих пор научная дискуссия вокруг них или вообще не проводилась, или если и состоялась, то, как кажется, не была исчерпывающей. Но прежде всего посмотрим, что рассказывает автор Жития Константина-Кирилла о конце его жизни в Риме. Очень устав от своего трудного дела, Кирилл заболел. Ему было видение, из которого он понял, что приближается смерть. Тогда он решил постричься в монахи и так получил имя Кирилл. В этом образе он пробыл пятьдесят дней и, когда пришло время уйти из жизни, поднял руки и со слезами на глазах обратился с молитвой к Богу. Биограф Кирилла приводит полный текст этой молитвы.[5] После произнесения молитвы Кирилл облобызал всех присутствующих и вскоре испустил дух. Далее биограф подробно описывает его погребение, то, как его брат Мефодий заявил о желании

[3] См.: *Дюлгеров Д. В.* Рим и св. братя Кирил и Методи. София, 1934; *Dvornik F.* Sts. Cyril and Methodius in Rome // St. Vladimir's Seminary Quarterly. 1963. Vol. 7/1. P. 20—30; *Георгиев Е.* Последните часове на създателя на славянската писменост — Константин Философ-св. Кирилл в Рим // Ricerche slavistsiche. 1970—1971. Vol. 17—19. S. 205—215; *Sofranov I.* Il soggiorno romano dei SS. Cirillo et Metodio // Bulgarische Jahrbücher. 1968. Bd 1. S. 1—12; *Sakač S.* I Santi Cirillo e Metodio a Roma // Cirillo e Metodio i Santi Apostoli degli Slavi. Roma, 1964. S. 71—101; *Dujčev I.* Constantin Philosophe-Cyrille a Rome au début de 868 // Slavia. 1969. Roč. 38. S. 521—527; *Salajka A.* Der Aufenthalt des hl. Konstantin-Kyrill in Rom (867—869) // Konstantin-Kyrill aus Thessalonike. Würzburg, 1969. S. 61—75; *Götz H.* Erbe wider Willen. Hadrian II (867—872) und seiner Zeit. Wien; Köln; Graz, 1970. S. 164—168; *L'Huillier P.* L'attitude de la papauté vis a vis de l'action missionaire de Cyrille et Méthode // Константин-Кирил Философ: Доклади от Симпосиума посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1971. S. 251—254; *Tachiaos A.-E.* Cyril and Methodius' visit to Rome in 868: Was it scheduled or fortuitus? // Palaeoslavica. 2002. T. 10, No 2. For Professor Ihor Ševčenko on his 80th birthday. S. 210—221.

[4] См., например: *Dvornik Fr.* Les légendes de Cyrille et de Méthode vues de Byzance. Praha, 1933. S. 284—295; *Георгиев Е.* Кирил и Методий основопожници на славянските литератури. София, 1956. S. 213—220; *Grivec Fr.* Konstantin und Method Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960. S. 77—86; *Duthilleul P.* L'évalgélisation des Slaves. Cyrille et Méthode. Tournai, 1963. P. 119—128; *Lacko M.* Saints Cyril and Methodius. 2-e ed. Rome, 1969. P. 145—154; *Tachiaos A.-E.* Cyril and Methodius of Thessalonica. The Acculturation of the Slavs. Crestwood; New York, 2001. P. 82—91; *Тахиаос А.-Э.* Кирилл и Мефодий Фессалоникийские просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 124—135.

[5] См.: *Лавров П. А.* Материалы по истории… С. 35.

их матери, чтобы в случае смерти одного из братьев оставшийся в живых предал земле тело усопшего в их монастыре на горе Олимп в Вифинии. Но римские епископы настаивали, чтобы Кирилл был погребен в Риме. Их мнение одержало верх, последовала дискуссия о месте погребения, во время которой папа Адриан предложил собор Святого Петра, но в конце концов было принято требование Мефодия о погребении в храме святого Климента, так как Кирилл привез туда из Крыма мощи этого святого. Так оно и произошло, и Кирилл был погребен в храме святого Климента. Сразу после погребения начали происходить чудеса. Когда римляне узнали об этом, они, по словам биографа, «еще больше прониклись почтением к нему и, написав икону над гробом его, начали совершать над ним службы день и ночь» (**болѣ сѧ приложиша свѧтыни его и чести, и написавше иконоу его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ день и нощь**).[6] На этом и кончается рассказ о последних днях Кирилла в Риме.

Здесь следовало бы обсудить два момента: первый — молитва Кирилла и второй — написание его образа. Этих деталей вскользь коснулось большинство ученых, которые упоминали рассказ о последних днях пребывания Кирилла в Риме. Однако есть и исключения, о которых мы скажем. Молитва Кирилла — особо важный текст не только потому, что она проникнута лиризмом и волнением, но еще и потому, что раскрывает некоторые его черты, не отмеченные в других частях его Жития. Считаем целесообразным привести эту молитву целиком в русском переводе П. А. Лаврова ввиду ее особого значения, а затем прокомментировать ее. Вот о чем говорится в этой молитве:

«*Господи, Боже мой, Ты, который сотворил ангельские чины и бесплотные силы, протянул небо и основал землю и все сущее призвал от небытия к бытию; Ты, всегда слушающий исполняющих волю Твою, боящихся Тебя и хранящих заповеди Твои, услышь мою молитву, и верное Твое стадо, к которому приставил меня, неключимого и недостойного раба Твоего, сохрани, избави его от безбожной злобы язычников, говорящих на Тебя хулы, погуби треязычную ересь, и возрасти Твою церковь множеством и соедини всех во единодушии, и сотвори изрядных людей, единомыслящих о вере Твоей и правом исповедании, вдохни в сердца их слова Твоего учения. Они Твой дар, и если Ты принял нас, недостойных проповедания Евангелия Христа Твоего, острящихся на дела благие и творящих Тебе угодное, то, что Ты мне дал, как Твое, Тебе предаю. Устрой его сильною Твоею десницей и покрой кровом крыл Твоих, да все восхвалят и прославят имя Твое, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь*».[7]

Болгарский ученый Е. Георгиев очень верно заметил, что молитва эта не сочинение биографа, а подлинное обращение к Богу самого Кирилла, который, как отмечает он, был автором большого числа молитв и

[6] Там же. С. 36.

[7] См.: Пространные или так называемые Паннонские жития свв. Кирилла и Мефодия в переводе П. А. Лаврова — приложение к книге: *Тахиаос А.-Э.* Кирилл и Мефодий Фессалоникийские... С. 303.

притом вдохновенных.[8] В целом молитва Кирилла не просьба конкретного лица, которое на пороге своей смерти просит у Бога прощения и милости во имя спасения своей души, а молитва пастыря, который, прощаясь с жизнью, просит Бога о пастве, которую Он вверил ему и которую теперь, уходя, вверяет Богу. Правда, молитва Кирилла во многих местах напоминает молитву Иисуса Христа перед Тайной Вечерей.[9] В ней есть фразы, которые показывают, во-первых, что славянский народ, просвещенный Кириллом, является его паствой. Во-вторых, что Кирилл обладает властью, которая на первый взгляд может быть истолкована как власть епископа над своей паствой. Это может служить подтверждением гипотезы, что Кирилл, возможно, имел епископский сан, как утверждали Сакач[10] и другие исследователи.[11] К такой гипотезе можно добавить и еще одну деталь из рассказа о последних минутах жизни Кирилла. В его Житии говорится, что после видения Кирилл **облъкжесѧ въ честныѧ своѧ ризы**.[12] Как следует толковать эту фразу? Если принять слово «ризы» в его современном церковном смысле в русском и славянских языках, то мы, может быть, смогли бы заключить, что речь идет именно о священном облачении, но такое толкование следует исключить, так как рукоположение Кирилла в любой священнический сан ни в коем случае не мог бы обойти молчанием его биограф, который не опустил ни одной почести, оказанной его герою. Впрочем, вопрос о возможном священном сане Кирилла был обсужден с привлечением серьезных аргументов учеными, и вероятность его рукоположения в епископский сан была совершенно исключена.[13] Итак, раз Кирилл не был епископом, то почему в своей молитве он говорит о «пастве» (**стадо**), которую вверил ему Бог и которая была «даром» Бога ему?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, следует прежде уточнить, какое положение занимал Кирилл в византийской миссии в Великую Моравию. Тут можно вспомнить, о чем говорится в главе XVI его Жития, т. е. что властитель Моравии Ростислав послал делегацию к императору Михаилу III и попросил учителя для обучения своего народа христианской вере на его языке. И тогда император созвал императорский сенат, на котором было принято решение поручить эту миссию Кириллу. Конкрет-

[8] *Георгиев Е.* Последните часове… С. 212—213.

[9] Евангелие от Иоанна, гл. 17.

[10] *Sakač* S. 1) De dignitate episcopali S. Cyrilli Thessalonicensis // Orientalia christiana periodica. 1950. Vol. 16. No 3—4. P. 237—266; 2) I Santi Cirillo e Metodio a Roma. P. 93.

[11] См.: *Можаева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945—1974 гг. М., 1980. С. 77—78.

[12] Здесь следует заметить, что в тексте Жития Кирилла, как он передается в южнославянской рукописной традиции, в этой фразе нет слова **своѧ**, но просто **ѡблак се въ чьстны ризы**. *Grivec Fr., Tomšič F.* Constantinus et Methodius Thessalonicenses // Fontes-Radovi Staroslovenskog Instituta. 1960. Kn. 4. S. 140. По-видимому, Кирилл снял свою обычную одежду, которую носил ежедневно, и оделся не облачением, но одеждой, которую употреблял при церемониях или официальных выходах.

[13] *Meyvaert P., Devos P.* Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la «Legende italique» résolues grâce a un document inédit // Analecta Bollandiana. 1955. N 73. Fasc. 3—4. P. 374—461.

но Михаил сказал ему: «Знаю, что ты очень утомлен, философ, но необходимо тебе идти туда. Никто, кроме тебя, не может исполнить это дело».[14] Таким образом, очевидно, что ответственность за миссию была возложена исключительно на Кирилла, о чем свидетельствует далее и письмо Михаила к Ростиславу, где речь идет только о Кирилле как о лице, которое выполнит эту миссию. Наши знания по этому вопросу дополняют данные из V главы Жития Мефодия, где повторяются почти дословно эти слова, а затем император Михаил говорит Кириллу: «...взяв брата своего игумена Мефодия, отправляйся». И далее биограф дополняет: «И, устроив письмена и совершив перевод, он отправился в Моравию, взяв Мефодия. С обычной покорностью Мефодий служил философу и учил вместе с ним».[15] Из вышеприведенных отрывков становится ясно, что главой и ответственным за миссию в Моравии был Кирилл, хотя он был младшим из братьев и не был игуменом, как Мефодий. Таким образом, содержание молитвы Кирилла как ответственного за славянскую паству абсолютно понятно и оправданно и соответствует действительному положению вещей.

Тут возникает еще один вопрос, который в свою очередь требует толкования. Когда Кирилл и Мефодий прибыли в Рим, их сопровождало небольшое число их учеников. Мы знаем, что в Риме по указанию папы были рукоположены в сан священников сам Мефодий и трое учеников его и Кирилла, а трое других учеников были одновременно назначены чтецами.[16] Принимая это во внимание, мы, естественно, можем задаться вопросом, оправдывает ли такое маленькое количество людей молитву о целом стаде и церкви. От произнесенной Кириллом молитвы у читателя остается впечатление, что он прощается с паствой, которую обучил, и с церковью, которую привел к правильной вере. Он бы мог таким образом молиться за Моравию и Паннонию, только если он навсегда покинул эти страны. Так как не может быть сомнения в том, что молитва эта принадлежит самому Кириллу, возникает недоумение, почему она была вознесена в Риме, а не в стране, где он творил, и не в момент прощания с ней. То обстоятельство, что биограф вставил в Житие Кирилла ряд текстов не в те места, где они должны быть, а по своему усмотрению, приводит нас к мысли, что и в данном случае молитва Кирилла была вознесена в час его прощания с Моравией, и просто составитель его биографии связал ее с моментом его смерти. По всей вероятности, Кирилл написал эту молитву до отъезда из Паннонии и потом передал ее своим ученикам. Молитва эта является своего рода духовным завещанием Кирилла славянской церкви Моравии и Паннонии. Кирилл умер в Риме в греческом монастыре и был погребен в окружении греков и римлян. Какое непосредственное отношение имели они к славянскому миру Моравии и Паннонии и как слушали молитву о пастве, покинутой Кириллом? Вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что молитва эта, без сомнения, была переписана его учениками и отдана в распоряжение автора (или авторов) Жития Кирилла, который использовал ее так, чтобы придать больше драматизма его последним минутам. Таким образом, биограф искусно вставил ее в свой рассказ.

Второй вопрос, который хотелось бы обсудить здесь, — это информация биографа о том, что после погребения Кирилла в храме святого Климента римляне **болѣ сѧ приложиша свѧтыни его и чести, и написавше иконоу его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ день и нощь, хвалѧще бога**.[17] Это сообщение из биографии Кирилла упоминается в трудах исследователей его жизни без обстоятельных замечаний и комментариев. Но если смотреть на него с точки зрения современной истории и притом истории искусства, то, по нашему мнению, оно приобретает особое содержание и оказывается очень важным историческим сообщением. Первое, что следует заметить, это то, что икона Кирилла пишется лишь через 26 лет после окончания в Византии иконоборчества, когда с 726 по 787 г. было запрещено изображение святых ликов. В течение короткого периода с 787 по 815 г. иконы вновь были в чести, а затем снова запрещены до 843 г., когда и были окончательно восстановлены во всех церквах. Древнейшие иконы, известные нам с периода до иконоборчества, хранятся в Синайском монастыре. На европейской почве самыми характерными с точки зрения типа и лиц, изображавшихся до иконоборчества, являются главным образом мозаики Равенны, Рима и Фессалоник, как и фрески. Все они изображают прежде всего Христа и сцены из его жизни, Богоматерь, пророков, ангелов, мучеников, святых христианской древности, императоров и императриц, а также основателей известных храмов. Древнейшие настенные мозаики в Фессалониках, родном городе Кирилла, находятся в ротонде Галерия, римском строении IV в., которое позднее было превращено в христианский храм в честь св. Георгия.[18] На этих мозаиках, создание которых относится ко времени между IV и V вв., изображены известные и неизвестные мученики и святые христианской древности. Аналогичные изображения есть и на мозаиках итальянских храмов периода до иконоборчества. Однако до сих пор у нас нет ни одного свидетельства или информации об изображении святого IX в., сразу же после его кончины.[19] Итак, ин-

[14] Пространные или так называемые Паннонские жития... С. 293; *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. 26.

[15] Пространные или так называемые Паннонские жития... С. 311; ср.: *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. 72.

[16] О рукоположении этих лиц пока в Житии Кирилла ничего не сказано, наоборот, в главе VI Жития Мефодия мы читаем: **ст҃и же** [папа римский] **на поповьство блж҃наго Меѳодиꙗ**, и далее: **и повелѣ** [опять-таки папа Римский] **диномꙋепископоу...и ст҃и ѿ оученикъ словѣньскъ три попу а .в҃. анагноста**. *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. 73.

[17] *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. 37.

[18] Странным образом в статье о мозаиках в Оксфордском словаре о Византии ни слова нет о знаменитых мозаиках Ротонды (*A[nthony] C[utler]*. Mosaic // Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. P. 1412—1413), о которых см.: *Grabar A.* La peinture byzantine. Genève, 1953. P. 14, 49, 51, 77. Ср.: Παζαρᾶς Θ. Ἡ Ποτόντα τοῦ Αγίου Γεωργίου στὴ Θεσσαλονίκη. Θεσσαλονίκη, 1998 (библиография об этом памятнике на с. 55—59).

[19] Подробное изложение житий византийских святых IX в. сделано в сочинении: *Лопарев Хр.* Византийские жития святых VIII—IX веков // ВВ. 1910. Т. 17. Отд. I. С. 1—224;

формация из Жития Кирилла имеет очень большое значение, во-первых, потому, что это первая конкретная информация, имеющаяся у нас после периода иконоборчества о написании иконы вообще,[20] и во-вторых, потому, что это икона современного святого, а не святого древней или давно прошедшей эпохи. Здесь, конечно, не следует забывать, что Римская церковь воспротивилась иконоборчеству и сохранила иконописные традиции, которые в Византийской империи были прерваны. Однако традиции эти ограничивались главным образом созданием мозаик или стенописи.

Очевидно, что такая особая честь была оказана Кириллу не только по причине святости его жизни, но и в связи с тем огромным делом, которое он совершил и оценить которое были в состоянии сам папа, римские архиереи и ученые, как, например, Анастасий Библиотекарь,[21] которые общались с ним. Хотя в эпоху правления императора Василия I (867—886) в Византии наблюдается новый расцвет иконописи, написание иконы Кирилла следовало бы связать не с византийской иконописной традицией но, наоборот, с чисто римской.[22] Однако остается открытым вопрос, какого рода была эта икона. Современная или непосредственно последовавшая за ней иконописная действительность в храме Святого Климента, свидетельствующая о традиции стенописи, может привести к выводу, что речь шла о стенописной иконе, т. е. о фреске. Но, вчитываясь внимательно в даваемую биографом информацию: **и написавше иконоу его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ день и нощь**, — мы констатируем, что биограф не говорит, что, написав икону, ее поставили над могилой, но что ее написали **надъ гробомъ**. Фраза эта может означать — или на самой могиле или над могилой.[23] Если согласиться с вариантом «на могиле», тогда мы мысленно переносимся в эпоху расцвета портретной живописи в древнем Египте и изумительных фаюмских портретов, что, однако, отдаляет нас от современной Кирилл

1911. Т. 18. Отд. I. С. 1—147; 1912. Т. 19. Отд. I. С. 1—151. Среди житий святых, современных Кириллу, нет ни одного, икона которого была написана сразу после его кончины.

[20] Как отмечает В. Н. Лазарев, «от IX—первой половины XI века сохранилось очень мало икон, причем преобладают вещи посредстенного качества». *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 81. Даже из этого маленького числа сохранившихся икон ни одна не изображает только что скончавшегося святого, а все — лишь святых прошлого.

[21] Анастасий высоко ценил добродетели и способности Кирилла, которыми он был восхищен. О дружеских отношениях Анастасия с Кириллом см.: *Тахиаос А.-Э.* Кирилл и Мефодий Фессалоникийские... С. 128–129.

[22] О том, что монахи и эмигранты-греки, жившие в Риме в IX в., сохраняли традицию византийского иконописания, см.: *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. С. 59.

[23] Если согласиться с А. Вайаном (*Valliant A.* Textes vieux-slaves. Paris, 1968. T. 2. P. 25), что Житие Кирилла первоначально было написано по-гречески и позднее переводилось на старославянский, то надо искать в этом случае, каким было греческое выражение. Так, славянское **над гробомъ** могло соответствовать греческому «καὶ ζωγραφήσαντες τὴν εἰκόνα» (т. е. «написали икону его на гроб»), но то же равно и выражению «καὶ ζωγραφήσαντες τήν εἰκόνα αὐτοῦ ἄνωθεν τοῦ τάφου» (т. е. «написали икону его над гробом»).

лу действительности и кажется скорее всего невероятным. Но то, как биограф сообщает нам об этом, прямо ведет нас к мысли, что он имеет в виду стенопись, что прямо связано с известной нам иконописной традицией храма святого Климента. Но согласиться с такой трактовкой нам мешает одно обстоятельство, а именно фраза **начаша свѣтити надъ нимъ день и нощь**, которая означает, что перед иконой постоянно горела лампада или, может быть, свеча. Церковная традиция приучила нас видеть горящую лампаду перед переносной иконой или над могилой, но вряд ли перед стенописью.[24] Исследователи, занимавшиеся поисками стенописи с изображением Кирилла в нижней части храма святого Климента, не пришли к единому мнению. Дж. Осборн, выдающийся исследователь этого вопроса, отождествил Кирилла с обликом монаха, изображенного на фреске на краю сцены Христа, поднимающего Адама из ада.[25] Однако другой видный исследователь археологических данных храма Святого Климента, Л. Боил, не принимает эту трактовку, опираясь на серьезные аргументы.[26] Вероятность того, что икона Кирилла была переносной, на что совершенно ясно указывают слова биографа, отдаляет нас от поисков в этом направлении и открывает другой путь решения этой проблемы.

Если согласиться, что речь шла о переносной иконе — а нам кажется, что, учитывая имеющиеся данные, это единственная приемлемая точка зрения, — тогда следовало бы объяснить, как и почему Кирилл был изображен как святой. Ранее его биограф уже описал почти теми же словами чудеса, исходившие от мощей святого Климента, и затем те, что произошли после погребения Кирилла, тем самым вознеся своего героя на аналогичную Клименту высоту святости.[27] Но остается необъяснимым, почему, в то время как, по словам автора Жития Кирилла, от мощей святого Климента исходили чудеса, его икона не была написана, хотя он был мучеником и притом папой Римским I в. И наоборот, почему вскоре после ухода из жизни Кирилла была написана его икона, перед которой постоянно горела лампада.[28] Конечно вполне возможно, что столь быстрому признанию святости Кирилла содействовала и греческая община

[24] В Житии св. Илариона Грузина, скончавшегося в Фессалониках в 880 г., мощи которого были перенесены в Константинополь, сказано, что византийский император Василий I велел повесить над могилой его три неугасимые лампады. *Лопарев Хр.* Византийские Жития святых... Т. 17. С. 63.

[25] *Osborn J.* Early Medieval Wall-Paintings in the Lower Church of San Clemente. Rome; New York; London, 1984. P. 170—197.

[26] *Boyle L. E.* The Site of the Tomb of St. Cyril in the Lower Basilica of San Clement, Rome // Christianity Among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius Periodica 231 (Orientalia Christiana). Roma. 1988. P. 75—82. Ср.: *Boyle L. E.* 1) Petit guide de St. Clément, Rome. Rome, 1989. P. 58—59; 2) The Fate of the Remains of St Cyril. P. 159—194.

[27] См.: *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. 33, 36.

[28] О написании иконы святого в IX в. знаем тоже из Жития святой Феодоры Фессалоникийской, но только в этом случае икона была написана много позже ее кончины. См.: *Πασχαλίδη Σ. Α.* ‘Ο Βίος τῆς ὁσιομυροβλύτιδος Θεοσώρας τῆς ἐν Θεσσαλονίκη. Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 170—172.

Рима, которая была не только многочисленная, но и социально могущественная.[29] Впрочем, и признание Кирилла как святого мужа самим папой Адрианом было очень сильным аргументом в утверждении его культа. Остается неизвестным, как была нарисована икона Кирилла, но это, может быть, найдет свое объяснение в результате более глубокого исследования археологов и искусствоведов.

Все сказанное не является догмой, которая должна быть принята безоговорочно. Мы лишь подчеркнули неослабевающий интерес к освещению всех сторон жизни святого Кирилла. Исследования никогда не остановятся, а научная дискуссия с предложением различных тезисов — это лучший путь к продолжению этих исследований.

---

[29] О греческой колонии в Риме и о монастырях греков в этом городе см.: *Sansterre J.-M.* Les moines grecs et orientaux a Rome aux époques byzantine et carolignienne (milieux du VIe s. fin du IXe s.). Bruxelles, 1980. T. 1—2.

Г. Г. ЛИТАВРИН

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВСТАФИЯ РОМЕЯ

(Из комментария к «Пире» — сборнику судебных решений юриста XI в.)

Органическое свойство либеральной, демократической и марксистской медиевистики — фиксация внимания на теневых сторонах социальной и экономической жизни средневекового общества, в особенности — жизни народных масс и прежде всего крестьянства. Исполненный самых добрых побуждений историк выступает в роли обличителя давно исчезнувших с исторической арены имущих классов и властей всех рангов, доказывая, как они непрерывно, от эпохи к эпохе, усиливали эксплуатацию, ложившуюся тяжким бременем на плечи угнетенных. Выдающийся советский византинист М. Я. Сюзюмов не раз говорил, что, читая труды советских медиевистов, диву даешься, как это человечество не вымерло уже в средние века…

Конечно, нет сомнений в том, что уровень жизни подавляющего большинства народа, особенно крестьянства, был тогда далек от благосостояния, что эксплуатация бывала и непосильной, налоги обременительными, стихийные бедствия влекли массовый голод и эпидемии. Но так было не всюду и не всегда. Создающий материальные блага человек неизменно находил выход из тяжелых ситуаций, умел он своим пассивным и активным противодействием ограничивать аппетиты господствующего класса, обеспечивая тем самым себе и всему обществу необходимые условия для производства и воспроизводства.

В господствующем классе, в структурах высшей власти, в образованных кругах Византии во все времена возникали и находили пути к разной степени реализации здравые идеи о разумной умеренности в отношении к собственному народу и даже об ответственности за его внешнеполитическую безопасность и материальное благополучие. Подобного рода идеи столь же древни, сколь и само государство. Нашли они отражение и в классическом римском праве и никогда в Византии, в отличие от стран Западной Европы в средние века, не исчезали полно-

© Г. Г. Литаврин, 2007

стью из правового сознания правящей элиты. Действующее право империи, развиваясь на фундаменте римской юридической традиции, не сводилось к рецепции — оно было связано с классическим римским правом непосредственной преемственностью.

Около полувека назад в советском византиноведении развернулась дискуссия о степени соответствия созданного при Льве VI Мудром на основе Юстинианова права нового свода («Василик») реалиям византийской действительности рубежа IX—X вв. Мнения тогда резко разделились — от признания применимости переосмысленных норм позднеримского права к жизненным ситуациям новой эпохи до полного отрицания значения этого свода как регулятора общественных отношений в Византии того времени. Ныне в нашей византинистике властвует в целом первая точка зрения. Ее защищали М. Я. Сюзюмов[1] и Е. Э. Липшиц,[2] считавшая, что «Василики», Прохирон и новеллы императоров Македонской династии являлись в IX—XI вв. наиболее авторитетными среди законодательных памятников.[3] Разделяет эту точку зрения и И. П. Медведев. «Василики», пишет он, содержат законы действующего императивного права, как это ясно заявлено в «Пире»: «Ничто из того, что содержится в текстах Василик, не было отменено».[4]

В центре нашего внимания будут, однако, не сами «Василики», а основанный по преимуществу на этом своде упомянутый уникальный правовой сборник «Пира» («Практика»). Известен он под именем Евстафия Ромея, так как является собранием его судебных решений и правовых сентенций, составленным вскоре после его смерти (ок. 1047—1048[5]) его учениками и коллегами в качестве учебника для начинающих и практикующих правоведов, а возможно, и для созданного или преобразованного в это время учебного учреждения, в котором стали вновь изучать юридические науки; условно это учреждение иногда называют «юридическим факультетом Константинопольского университета».[6]

Евстафий родился в 70-х гг. X в. Начало его судейства теперь датируют серединой правления Василия II (976—1025),[7] а окончание — первыми годами царствования Константина IX (1042—1055). Евстафий сделал успешную карьеру — он стал членом Высшего имперского суда

[1] *Сюзюмов М. Я.* Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ. 1958. Т. 14.

[2] О дискуссии см.: *Липшиц Е. Э.* Несколько замечаний о Василиках как источнике // ВВ. 1958. Т. 14.

[3] *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 121—173.

[4] Practica ex actis Eustathii Romani // Jus Graeco-Romanum // Ed. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1895. Vol. 1. (далее — Practica). LI, 16. P. 244; *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 170—175.

[5] *Oikonomides N. St.* Georges of Mangana, Maria Skleraina and the «Malaj Sion of Novgorod» // DOP. 1980—1981. T. 34—35. P. 243. Cf.: *Weiss G.* Hohe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaios und seine Kollegen // JÖB. 1973. 22. S. 121—122.

[6] *Медведев И. П.* Правовая культура... С. 102—133.

[7] См.: Practica, IX, 10. P. 31 — о Василии II говорится как о правящем императоре.

(на Ипподроме), получал почетные титулы, вплоть до весьма высокого титула магистра.[8] И. П. Медведев, оценивая «Василики» сравнительно со сводами времени классического законотворчества, пишет, что тогда судья не был стеснен законодателями в своих поисках выхода из юридических коллизий, тогда как противоречиям в «Василиках» «склонны были слепо следовать некоторые догматически мыслящие судьи, прежде всего чересчур ученые и эрудированные юристы типа Евстафия Ромея».[9]

Мы считаем эту характеристику не совсем справедливой. Конечно, Евстафий был сыном своего времени, не чуждым слепой приверженности к традиции и не свободным от средневекового догматизма. Однако все, что известно (из хроник, историоописаний, из эпистолографии и других источников) о судебной практике в городах и весях империи, убеждает нас в том, что в истории византийского судопроизводства деятельность Евстафия Ромея представляет собой особую, малоизученную в византинистике светлую страницу. «Пира» сама по себе — лучший контрдовод против распространенных в историографии суждений об упадке юриспруденции и невежестве судей в Византии того времени.[10]

«Пира» изобилует примерами явно снисходительного суда Евстафия над представителями низших слоев общества. Немало его решений преследуют цель защитить или смягчить участь бедняков, обиженных, вдов, сирот, обманутых невест, незаконнорожденных детей, падших женщин. Немало приговоров фемных судей Евстафий отменил, рассмотрев апелляции. Разумеется, он опирался при этом на соответствующие нормы позднеримского права. Однако претворение этих норм в жизнь было несомненной заслугой, а иногда — и актом личного мужества Евстафия, творившего свой суд в обстановке абсолютной незащищенности судей перед всевластием государя и его клевретов.[11]

Мы обращаем особое внимание на ряд принципиальных положений, которыми, как пишет сам Евстафий, он руководствовался в своей судебной практике. Во-первых, он внушал своим коллегам-ученикам, что «законом является скорее смягчать, чем ужесточать приговоры».[12] Во-вторых, он требовал учитывать то психологическое состояние «убогих», которое мешает им, даже будучи правыми, защитить себя и свои интересы, так как бедные (πένητες), «имея землю, смелее сопротивляются, когда же она отнята, они падают духом и смиряются, видя силу, одолевающую их изначально».[13] В-третьих, Евстафий соблюдал принцип пре-

[8] *Oikonomides N.* The «Peira» of Eustathios Romaios: an Abortive Attempt to Innovate in Byzantine Law // Fontes Minores. s. a. VII. P. 171—174.

[9] *Медведев И. П.* Правовая культура... С. 465. Ср.: *Weiss G.* Hohe Richter... S. 127 f.

[10] *Weiss G.* 1) Hohe Richter... S. 122; 2) Oströmische Beamte im Spiegel des Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 32.

[11] *Weiss G.* Hohe Richter... S. 118, 126, 128—130.

[12] Practica, LI, 22. P. 246.

[13] Ibid., XL, 12. P. 186: κατέχοντες μὲν γὰρ τὴν γὴν γενναιότερον ἀνταιρήσουσιν, ἀφαιρούμενοι δὲ ὀκλάσουσι καὶ καταραθυμήσουσι τὴν δυναστείαν εἰδότες ἐκ πρώτης αὐτῶν περιγενομένην. Ср.: *Weiss G.* Hohe Richter... S. 136.

зумпции невиновности, независимо от того, кто был у него под следствием.[14] В-четвертых, наконец, Евстафий вел дознание в строгих рамках закона: он с сарказмом отзывался о судьях, вырывающих у подозреваемого признание любой ценой.[15]

Мы считаем более корректной оценку деятельности Евстафия и его самого, сделанную Г. Вайсом и Н. Икономидисом. Как пишет Г. Вайс, служебная порядочность, нравственная чистота, человечность и милосердие Евстафия могли бы послужить образцом даже для судей современного демократического общества.[16] По словам Н. Икономидиса, личность Евстафия и его социально-политическое правосознание были исключительным явлением на фоне поведения и образа мыслей имперского чиновничества XI в. Его позицию и его судебную практику ученый считал, однако, несостоятельной для того времени, образно назвав ее «абортивной попыткой» внести свежую струю в развитие византийской юриспруденции; Евстафий остался одиночкой среди своих коллег, его почин никогда более не был возобновлен вплоть до гибели империи.[17]

То, что владения динатов стремительно росли в X—XI вв., установлено давно, как и то, что центральная власть, проиграв схватку с ними, сама выступила как конкурент динатов в борьбе за крестьянскую землю и самих крестьян. Лучше, однако, известен результат этого процесса, и хуже — его ход.

Особое внимание в «Пире» уделено нескольким представителям знаменитого в X—XI вв. рода Склиров. Они играли крупную роль в общественной и политической жизни империи и в ее отношениях с соседними странами и народами. Полководец Варда Склир прославился своими победами над арабами в 60-х гг. X в. и в войне против Святослава на Балканах в 970—971 гг. Подняв два мятежа в 976 и 987—989 гг., Варда пытался отнять трон у Василия II.

Интерес историков к роду Склиров был едва ли не большим, чем к любой другой знатной фамилии в Византии. Специальное исследование посвятил Склирам, широко используя данные сфрагистики, В. Зайбт (он прослеживает судьбы более 30 членов этого рода, из которых нам особенно интересны 4-5).[18] Специально о них же писали А. П. Каждан и др.[19] Особое внимание уделялось двум персонажам из рода Склиров —

[14] Practica, XXIII, 7. P. 89—90; LXIX, 5. P. 295—296.

[15] Ibid., XI, 1. P. 32.

[16] *Weiss G.* Hohe Richter... S. 132, 138.

[17] *Oikonomides N.* The «Peira»... P. 171—176. См. также: *Weiss G.* Hohe Richter... S. 117—143.

[18] *Seibt W.* Die Skleroi. Eine sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 71—72 (+ библиогр.).

[19] *Каждан А. П.* 1) Господствующий класс в Византии IX—XП вв. М., 1978. Указатель, особ. с. 141, 143, 152, 248, 250; 2) Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975. С. 75—82. Ср.: *Ломоури Н. Ю.* Восстание Варды Склира // Труды Тбилисского ун-та. 1957; *Литаврин Г. Г.* Пселл и Кекавмен о Варде Склире // Polychordia: Festschrift Franz Dölger. Amsterdam, 1968. S. 157—164 (Byzantinische Forschungen. Bd 3).

упомянутому Варде и не менее известной Марии Склирене, фаворитке Константина IX Мономаха с 1034/35 г. до 1046 г.

Однако до сих пор мало затронуты в историографии известия «Пиры» о Склирах. Между тем они являются там главными субъектами 9 судебных процессов (XV, 14; XV, 16; XXIII, 7; XLII, 11; XLII, 18; XLII, 19; L, 4; LXV. 15; LXIX, 5). Все эти казусы поддаются примерной, но достаточно достоверной датировке — это время, равное примерно полувеку с 990-х до середины 1040-х гг. Все казусы к тому же легко локализуемы: 7 имели место в богатейшей и важнейшей феме империи — в Анатоликах,[20] где находились владения Склиров (иски против них подавали их ближайшие соседи), и 2 — в столице.

В своей последней книге Е. Э. Липшиц писала, говоря о Склирах — героях «Пиры»: «Все эти тексты заслуживали бы специального рассмотрения, хотя, разумеется, вопрос об отождествлении отдельных представителей рода с упоминаемыми авторами Пиры лицами, за редкими исключениями (когда указано и имя и должность), к сожалению, не может быть разрешен».[21]

Однако задача, поставленная Е. Э. Липшиц, уже была в значительной мере выполнена: опыт идентификации Склиров «Пиры» был осуществлен А. П. Кажданом и В. Зайбтом (см. примеч. 18 и 19), а существом исков против них интересовались Г. Вайс и Сп. Врионис.[22] Важнее, чем идентификация членов рода Склиров, упомянутых в «Пире», представляются и нам причины этих упоминаний, т. е. вопрос, поставленный Сп. Врионисом. Во многом его наблюдения совпадают с моими, однако — отнюдь не во всем, чем я и оправдываю новое обращение к этому сюжету. Приведем дословно или в более или менее подробном пересказе те места источника, в понимании которых мы расходимся и с Липшиц, и с Вайсом, и с Врионисом, и с Икономидисом.

1) Итак, первый из исков по порядку их следования в «Пире». Некие монахи возбудили тяжбу против Склира, захватившего имение обители. Оправдывался он тем, что будто бы взял имение в аренду (эмфитевзис) и сделал монахам взнос (εἰσδεκτικὸν), но не смог этого подтвердить. А так как монахи утверждали, что Склир получил большой доход с имения, магистр (Евстафий Ромей) решил: если Склир не докажет, что взял в аренду (ἔκδοσιν) имение у монахов, тогда будет рассмотрено, какой доход имело имение, в чем же состояло соглашение о пакте (πάκτον) и сколь велик взнос магистра (Склира). Если аренда была обставлена прилично, то будет определено, была ли отделена шестая часть дохода

[20] Ioannis Scylitzae Synopsus historiarum / Ed. J. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 427. 66—67.

[21] *Липшиц Е. Э.* Законодательство... С. 166.

[22] *Weiss G.* Hohe Richter…; *Vryonis Sp. Jr.* The Peira for the History of Byzantine Aristocratic Society in the First Half of the Eleventh Century // Near Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of George C. Miles. Beirut, 1974. P. 279—284. (Эта работа стала нам доступной благодаря любезности А. М. Кузнецовой, привезшей ксерокопию из Будапешта.)

(προσόδου) в отношении ко всему прочему, ибо закон[23] устанавливает шестую часть отчисления (κουφισμοῦ) в пользу взявшего в аренду. А если монахи не сдавали имения в аренду, тогда надлежало судить Склира за незаконное владение и потребовать с него все плоды имения. Но возразили судьи: «А если соглашение об аренде имело место и был определен (размер) пакта, не сохранит ли силу соглашение и не будет ли он судим в соответствии с ним?». И ответил друнгарий (Евстафий), что если бы соглашение было законным и куфисм (доля взявшего в длительную аренду — эмфитевзис) равнялся шестой части (дохода), а прочее было согласовано давать (монахам), то только тогда договор сохранил бы силу, а если дело обстояло иначе, то договор не имеет силы как противозаконный.[24] Доказательств того, что Склир взял *с согласия монахов* имение в аренду и внес плату, у него не оказалось, он был осужден (κατεδικάσθη), и ему, вероятно, предстояло удовлетворить по суду иск монахов по полной программе. Личное имя Склира не указано. Каждан, Зайбт и Липшиц предполагают — это Василий, внук Варды.[25] В «Пире» имеется другой иск — также о насильнике Склире, тоже магистре, также без указания его личного имени и тоже признанном виновным. Во всяком случае речь там и тут идет о могущественной персоне, управу на которую нашли только в столице: очевиден единый стиль в его отношениях к соседям, прежде всего — к чужой собственности. Однако нет уверенности в том, что это тот самый Василий Склир, который был стратигом фемы Анатолики, но был заподозрен в заговоре, ослеплен и сослан Константином VIII, а возвращен из ссылки и удостоен титула магистра Романом III Аргиром (1028—1034).[26] Не слишком ли необычно столь агрессивное стяжательство со стороны беспомощного слепца? Единственный пункт тяжбы, толкуемый по-разному, — упоминание об $^1/_6$ дохода: мы согласны с Липшиц, что это законная доля эмфитевта, установленная еще законодательством Юстиниана,[27] а не первоначальный взнос арендатора хозяину земли, как полагает Врионис; не согласны мы с ним также в том, что договор монахов со Склиром якобы имел место — он только ничего не платил за аренду.[28]

Примечательно, что в данном случае (как и в казусе № 6) среди судей, даже в столице, находились готовые поставить приговор Евстафия под сомнение: а не произойдет ли, спрашивали они, суд над Склиром не в согласии с его договором с монахами (видимо, эти судьи, в отличие от

[23] Здесь следует ссылка на соответствующее место в «Василиках» (Bas. V, 2, 6).

[24] Practica, XV, 14. P. 47—48.

[25] См. ниже под № 3. Под личным именем Василий Склир выступает только в последнем иске — см. № 9. Ср.: *Каждан А. П.* Армяне... С. 76—77; *Seibt W.* Die Skleroi. S. 65—69; *Липшиц Е. Э.* Законодательство... С. 166.

[26] *Каждан А. П.* Армяне... С. 76—77.

[27] *Липшиц Е. Э.* Законодательство... С. 166—167.

[28] См.: *Vryonis Sp. Jr.* The Peira... P. 281, n. 5, 282. $^1/_6$ часть налога платили первое время взявший в обработку пустошь и вернувшийся в пределах 30-летия хозяин покинутой земли (*Dölger Fr.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig; Berlin, 1927. S. 119. 43). Не было ли запустевшим и захваченное Склиром имение?

Евстафия, верили Склиру, что он предварительно договорился с монахами об эмфитевзисе).

2) Второй процесс, связанный со Склирами, — иск Марии Склирены против патрикия Панфирия,[29] ее должника. Она получила от него по суду на правах харистикия в возмещение долга монастырь Св. Маманта с его недвижимостями.[30] См. ниже под № 8 другой иск Склирены о нарушении права вида на море.[31]

3) Этот процесс мы мельком уже упомянули выше. «Много исков было возбуждено против магистра Склира, так как некоторые говорили, что были лишены своего имущества, что были брошены в затворы и избиты. Поэтому там, где магистр (Евстафий) обнаружил, что кто-либо подвергся каре, тюремным мукам и потере денег, того одного он обязал доказать (ἐβάρυνε δεικνύειν) то, что он был заключен, скажем, (или) что был избит, и затем (все-таки) предпочел (привести) его к клятве», поскольку здесь возможна предвзятость (πρόληψις — обвинение без доказательств?) в отношении Склира. Поэтому Евстафий при недостатке улик, представленных истцом, приводил его к клятве.[32]

Личное имя Склира снова не названо. Но суть дела в целом ясна. Эти иски были некогда рассмотрены мною.[33] Трудность состояла в определении, кто пострадал. В данном случае сказано, что исков против Склира было много — еще больше, конечно, было пострадавших. Видимо, среди истцов были разные люди, но вряд ли все они были бедняками, так как Склир отнимал деньги, которые имелись, конечно, у состоятельных лиц. На местные власти и здесь нет ни малейшего намека. Представляется примечательным, что пострадавших много, а свидетели находятся с трудом (видимо, очевидцы не желали свидетельствовать против Склира — приходилось приводить истцов к клятве)…

4) Здесь (как бы в пояснение предыдущего казуса) говорится о том, что когда спор идет о предвзятости (обвинении без доказательств?), то по закону полагается (приводить) к клятве не ответчика, а истца.[34] И магистр (Евстафий) рассудил так: поскольку много было процессов против Склира как отнявшего у истцов деньги и подвергшего их иным бедам и затворам, постольку истцу предлагается поклясться (в том), что он потерял, так как ответчик магистр Склир борется с предвзятостью (да-

[29] Имя искажено — Πανβήριος. Cf.: *Psellos.* Chronographie. Vol. 2, VI. 4. P. 140: Πανθήριος.

[30] Practica, XV, 16. P. 48.

[31] Ibid. L, 4. P. 239—240. Об этих двух исках, имеющих иной аспект, см. нашу статью: *Литаврин Г. Г.* Мария Склирена — фаворитка императора или вдова-монахиня? // Сб. в честь проф. В. Тыпковой-Заимовой. София, 2005. Впрочем, Врионис, оценивая иск Склирены против Панфирия, говорит об экономической агрессии Склиров, простиравшейся даже на высшую знать столицы: Мария отобрала у патрикия права харистикария на монастырь (*Vryonis Sp. Jr.* The Peira... P. 282—283).

[32] Practica, XXIII, 7. P. 89—90 (текст испорчен во многих местах, особенно в конце).

[33] *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия. М., 1978. С. 275—277.

[34] См.: Basilicorum libri LX. Lipsiae, 1840. T. 3. XXII, 3, 23: ἀεὶ γὰρ ὁ ἐνάγων βαρεῖται ταῖς ἀποδείξεσιν.

лее следуют повторы и лакуна — текст рукописи оборван на середине фразы).[35]

Создается впечатление, что излагаемое здесь — лишь вторая (и не слишком вразумительная) редакция рассказа об уже упомянутых беззаконіях Склира. Евстафий приводит к клятве истца, когда есть опасение, что возможно предубеждение, или, как мы думаем, обвинение, пока не обоснованное четкими доказательствами (ситуация снова передана тем же термином πρόληψις). Мы не видим здесь, в отличие от Вриониса, признаков того, что процесс не был завершен: клятвы истцов судья считал достаточными для осуждения Склира.[36]

5) Когда магистра Склира привлек к ответу иерей за то, что тот избил его плетью, а магистр отрекался, иерей обосновал иск благодаря свидетелям, а они поклялись, что видели избиваемого иерея, и он сам письменно подтвердил, что был избит и потерпел ущерб; магистр (Евстафий) присудил (Склира) за побои к уплате штрафа в одну литру.[37]

На этот раз жители фемы, на глазах которых избили священника, не отказались свидетельствовать. Хотя в изложении тяжбы можно увидеть намек на имевшиеся между тяжущимися сторонами какие-то материальные интересы (иерей «потерпел ущерб» — ἐζημιώθη), неизвестны причины гнева магната против священника, мало отличавшегося тогда от крестьянина. Если и здесь речь идет о том же Склире,[38] можно предположить, что иерей посмел порицать магната за не подобающие доброму христианину дела.

Характерно, что и здесь никто из местных светских властей и из высших духовных лиц, видимо, не вступился за священника: карает самодура по апелляции, поддержанной фемными жителями, только столичный суд.[39]

6) Два следующих иска тесно взаимосвязаны — в процесс были вовлечены одни и те же лица. Протоспафарий Роман Склир совершал насилия над некоторыми поселянами (χωρίτας) и вторгался в их жилища. Затем он помирился с ними и поручился, что даст им деньги (за ущерб). Но (вскоре) *он пошел на попятную,* а поселяне после этого вчинили иск, заявив, что и примирение они сделали (с ним) под насилием, так как судья принудил их. И магистр (Евстафий) определил, что если они не докажут, что пошли на примирение, (лишь) подчинившись насилию, то со

[35] Practica, LXIX, 5. P. 295—296.

[36] *Vryonis Sp. Jr.* The Peira... P. 281. Иногда сам Евстафий или составители «Пиры» делают добавления к приговорам, рассматривая в учебных целях альтернативные возможности хода дела; мы не принимаем эти добавления за признаки незавершенности суда или за выражение сомнений у судьи.

[37] Practica, XLII, 11. P. 197—198.

[38] По мнению Зайбта, Склир, о котором говорится под № 1, 3, 4 и 5, — все тот же Василий Склир (*Seibt W.* Die Skleroi. S. 67—68). Поверить в такую активность слепца весьма трудно, если не допустить, что между процессами прошло много времени и что Склир насильничал, когда еще был зрячим.

[39] Зайбт пишет, что отчаявшиеся поселяне объединились наконец против Склира, а избиение иерея, видимо, разгневало самого василевса (*Seibt W.* Die Skleroi. P. 58. Anm. 237).

Склира востребуют (только) деньги с процентами по 6 номисм на каждую литру со времени (его) ручательства (8,33 %! — *Г. Л.*).[40] Если же они докажут, что совершили примирение против воли и были подвигнуты (к этому) судьей, то будет расторгнут документ (τὸ ἔγγραφον) о примирении, а если они докажут (и то), сколько было отнято, то получат все. Если же они не смогут доказать, то через открытую клятву сообщат (о размерах) отнятого, согласно 7-й главе 3-го титула 52-й кн (?).[41] Там сказано, что если кто-либо не может доказать (размер) отнятого у него имущества, нужно, чтобы судья потрудился и разыскал оценку владений и по брачным соглашениям, и по установлению достатка, и по обнаружению доходов от прочих ежегодных трудов, (а также) по тому, насколько те, кто жалуются, что подверглись насилию, благоденствовали во время нападения на них и разорения, а о захваченном (у них) принести перед судьей ту клятву, какую подобает приносить истцу. И, подобное совершив, принять решение, ибо недопустимо, чтобы явный бедняк за понесенный им из-за одного нападения (якобы) великий ущерб получил возмещение, превосходящее состав его имущества, и чтобы он (таким образом) причинил ущерб другим.[42]

Сразу встают два вопроса, во-первых, не является ли Склир, впервые упомянутый здесь с личным именем Роман, тем же действующим лицом, которое описано выше в пассажах под № 1, 3 и 4, а во-вторых, кем были на этот раз те поселяне, соседи Романа Склира, которые подверглись насилию с его стороны: собственные ли это его парики, или свободные крестьяне окрестных деревень.

Что касается первого вопроса, то ответ на него может быть только предположительным: Роман — протоспафарий, а Склир пассажей под № 1, 3 и 4 — обладатель гораздо более высокого титула магистра. Свидетельства о Склирах с личным именем Роман специально рассмотрел А. П. Каждан. Он допускает, что в данном случае мог быть тот Роман, который возвысился в начале 1040-х гг. при Константине IX (благодаря сестре Склирене, из протоспафариев он стал магистром). Следовательно, во время данного процесса (как и тяжбы под № 7) Роман находился в начале своей карьеры.[43]

Как и ранее,[44] мы считаем, что в пассажах № 6 и 7 речь идет о процессах против Романа, вчиненных его собственными париками. Если это так, то в отношениях господина и его париков обнаруживаются такие детали, которые нам неизвестны из других источников. Во-первых, подтверждается тот факт, что поземельно, а отчасти и лично зависимые кре-

[40] И Врионис (*Vryonis Sp. Jr.* The Peira... P. 280), и Липшиц (*Липшиц Е. Э.* Законодательство... С. 168) полагают, что штраф платить в этом случае должны крестьяне, а не Роман Склир. На наш взгляд, почтенные ученые не учли пассивную форму глагола во фразе ἀπαιτηθῇ ὁ σκληρός («со Склира будет взыскано»).

[41] В примеч. 1 издатель предполагает ссылку на «Василики» (1, 3, 57).

[42] Practica, XLII. 18. P. 198. (Отсюда до конца излагается, видимо, с плеоназмами и повторами смысл соответствующей нормы права.)

[43] *Каждан А. П.* Армяне... С. 78.

[44] *Литаврин Г. Г.* Византийское общество... С. 275—277.

стьяне (парики) считались юридически свободными людьми (это обстоятельство подчеркнуто и Вайсом[45]): оказывается, они, как и представители иных категорий свободных подданных империи, могли привлечь к суду своего господина и (вещь, кажущаяся невероятной!) выиграть такой процесс, хотя и в результате апелляции к Высшему суду в Константинополе. Во-вторых, оказывается, в случае конфликтов париков с их хозяином между сторонами были возможны мирные (с посредничеством местного судьи) письменные соглашения с фиксацией обязательств хозяина уплатить компенсацию за понесенный париками ущерб. В-третьих, явление, видимо, типичное: местный судья в феме стремился замять дело о незаконных действиях магната и оказывал давление на его париков, склоняя их к выгодному для магната компромиссу, но не содействуя в то же время выполнению магнатом письменного договора с ними. В-четвертых, оказывается, сложные подсчеты стоимости имущества париков чиновники производили не только при налоговых описях, но и при судебных тяжбах.[46]

Во всяком случае, очевидна благоприятная парикам позиция Евстафия, готового защитить их от их господина, даже если тому благоволил сам император (Роман был братом возлюбленной Константина IX). Врионис же считает, исходя из своей версии перевода, что суд Евстафия был, напротив, неблагоприятным для париков, что на Романа не было управы, а на париков возложили бремя сбора улик против Романа и им угрожала выплата в его пользу большой суммы с процентами.[47]

7) Управляющий (ἐπισκεπτίτης) протоспафария Романа Склира самовольно передал другим участки (τόπια) некоторых поселян, а также животных и движимые имущества. И магистр (Евстафий) присудил, чтобы недвижимости были возвращены с чистыми плодами, исчисляемыми от времени передачи, а из самодвижимого — скот, увеличившийся от приплода, не превосходящего, однако, число первоначальных голов (потому что не каждая скотина рожает ежегодно и не все, родившись, остаются живыми; причем приплод приравнивается к процентам с денег); вдвойне подлежали возврату рабочие и верховые животные — из-за той пользы (от них, которую они могли бы принести их хозяевам). А из прочего движимого полагалось возместить вдвойне все сохранившееся и не уменьшившееся от употребления, а за все, что от использования уменьшилось и исчезло, пусть будет дана цена, достойная их первоначального состояния…[48]

[45] *Weiss G.* Hohe Richter... S. 129.

[46] Конечно, можно допустить, что рекомендуемые местному судье громоздкие подсчеты имущества поселян являются проявлением скорее теоретической верности юриста букве закона, чем реально осуществимым предприятием. Однако в фискальной практике чиновничества империи была веками отработана бюрократическая техника приблизительного определения размеров имущества подданных империи: платежеспособным крестьянином считался обладающий имуществом, оцениваемым не менее чем в 50 номисм, как и ремесленник с его мастерской; не меньшим состоянием должен был обладать и заслуживающий доверия свидетель (Practica, XXX, 3. P. 136; XXX, 15. P. 138).

[47] *Vryonis Sp. Jr.* The Peira... P. 280—282.

[48] Practica, XLII, 19. P. 168—169.

Прежде всего — о том, является ли изложение данного процесса продолжением и уточнением того, который приведен выше под № 6? Вполне вероятно, что так это и было, хотя можно было бы ожидать ссылки на предыдущее судебное решение, не выполненное Романом, или на то, что он повторно совершил насилие над своими париками. Тяжба позволяет судить, как господин реализовывал в свою пользу предоставляемые ему права, одновременно нарушая законные права своих париков. Господин действительно имел право сгонять париков со своей земли или менять их земельные участки до истечения 30 лет непрерывного держания и внесения ими за держание ежегодного хоропакта,[49] но он не имел права сгонять парика или перемещать его на другое место по истечении 30-летия, а также лишать его имущества, чинить препятствия его уходу из имения, мешать парику забрать с собой свой скот и движимое имущество, включая дом, если он поддавался переносу.[50] Крупнейший землевладелец-полководец конца XI в. Григорий Бакуриани не отягчал париков сверх меры, ставя это себе в заслугу.[51] Не перемещал своих крестьян, нарушая закон, даже Василий II: «Это сказал вест (Евстафий), услышав, что и блаженный василевс государь Василий часто перемещал собственных париков»,[52] т. е. менял (и, видимо, нередко) данные им в держание от короны участки, но только до истечения 30-летнего срока.

Большинство этих норм «парического права» (так оно официально называлось) Роман нарушил, поручив вершить беззаконие своему управляющему. Господин насильно перераспределял между париками не только недвижимое, но и движимое имущество, которое отдавал другим парикам, сея между ними вражду и неприязнь. Весьма соблазнительно представить дело так: раздосадованный первым проигранным процессом по иску париков (см. выше под № 6), Склир обрушился на тех из них, которые подали иск и были особенно активны. И снова дело дошло до апелляционного столичного суда — и снова Роман проиграл, так как оба иска крестьян рассматривал Евстафий Ромей.

[49] См. определение парикии магистром Косьмой (X в.), акцентировавшим права господина (*Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты. Материалы для крестьянского землевладения в Византии XIII—XIV вв. Л., 1927. С. XXXV; *Weiss G.* Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Paroikenrecht // Byz. 1978. S. 477 ff.).

[50] «Пира» содержит новое определение парикии Евстафием, в котором, в отличие от Косьмы, он говорит прежде всего о правах париков (Practica, XV, 2. P. 42).

[51] *Gautier P.* Le typicon du sébaste Grégoir Pacurianos // REB. 1984. 48. P. 35.

[52] Practica, XV, 2. P. 42. Иначе понимает эту фразу Вайс: «Вест сказал, что он слышал это также от покойного василевса кира Василия, что следует только по существенным основаниям *прогонять* собственных париков» (τοῦτο δὲ ἔλεγεν ἀκούσας καὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κυροῦ βασιλείου τοὺς ἰδίους παροίκους πυλνκῶς ἀποκινεῖν). Эти действия царя весьма важны, по мысли Вайса, для понимания борьбы Василия II с динатами, они имели также огромное значение для сохранения париками их жизненных условий (*Weiss G.* Hohe Richter... S. 129). По мнению же Икономидиса, эта фраза свидетельствует об ужесточении власти господ, стремившихся ввести в хозяйственный оборот, часто меняя держания париков, больше земли в их имениях (*Oikonomidès N.* Ἡ Πεῖρα περὶ παροίκων // Ἀφιέρομα στὸν Νῖκο Ζβορῶνο, I. Rethymno, 1986. P. 233 squ.).

8) Речь идет о выигранном дочерью Склира Марией иске по поводу незаконной стройки, нарушающей право вида на море (см. также пассаж № 2 и примеч. 31[53]).

9) Сын поручился, что отец будет постоянно служить патрикию Василию Склиру, а если нет, то уплатит денежную сумму. Придя к магистру (Евстафию), он (сын) избавился от обвинения, так как тот (Евстафий) рассудил таким образом: случившееся поручительное соглашение, хотя и подкреплено выплатой денежной суммы, полностью незаконно как без малого отнимающее свободу того, за кого сделано ручательство. Поскольку же соглашение незаконно, (постольку) и требование (денег за несостоятельное ручательство?) не имеет силы. «Поэтому, с одной стороны, он освобождается от ручательства, подобно тому, кто не являлся виновным изначально, а с другой стороны — оправдывается и в том, чтобы тот, за кого ручались, получил столько, сколько составится законным (ему) дать (?) за то, чем он «управлял» (ἠλευθέρωται, ο ἷα μηδὲ τὴν ἀρχὴν ἔνοχος· γεγονώς· δεδικαίωται δὲ ἀπολαβεῖν καὶ ὅσα συστήσῃ νομίμως δικαιωθῆναι χάριν ὧν διῴκησεν ὁ ἐγγυηθεῖς).[54]

На мой взгляд, перед нами редкий акт отмены судом поручительства. Совершенно очевидно, что Василий Склир был ответчиком и в данном случае. Видимо, охотников нести службу Склиру было мало, и Склир решил связать будущее наемное лицо особым (весьма суровым) договором и с ним самим, и с поручителем. В случае нарушения договора поручитель должен был уплатить неустойку. Скорее всего, нанявшийся отказался от службы, и его сыну предъявлено требование (ἐπερώτήσις) уплатить неустойку. Тот искал защиты в суде. Евстафий не только избавил поручителя от штрафа, так как договор был приравнен к кабальному (незаконному), но и обязал нанимателя уплатить служившему у него управителем за его труд.

Острая необходимость в постоянно служащем Василию лице и все обстоятельства дела оправдали бы догадку, что патрикий Василий Склир — на этот раз именно тот слепец, о котором мы говорили выше. Верный человек как управитель его имений был ему крайне нужен. Но служба у него оказалась, по всей вероятности, не очень приятной. Управляющий оставил службу, и Склир потребовал уплатить неустойку. Евстафий вынес решение не в пользу Склира.[55]

Итак, из 9 процессов в 2 (№ 2 и 8) излагаются тяжбы Марии Склирены, которые оставлены здесь в стороне, так как имеют совершенно иной аспект.

[53] Ibid., L, 4. P. 239—240.

[54] Practica, LXV, 15. P. 278: Примеч. 1: вм. δικαιωθῆναι нужно принять δοθῆναι. По мнению В. Зайбта, сын praktisch den Vater verkauft (*Seibt W.* Die Skleroi. S. 68).

[55] Е. Э. Липшиц, справедливо отметив, что текст местами испорчен, понимает пассаж совершенно иначе, в особенности первую и последнюю фразы: «сын поручился за отца, что всегда будет помогать ему ради Василия патрикия Склира… Исходя из этого он освобождается от поручительства наподобие того, как если бы им не был дан заклад сначала, и было присуждено отобрать его и полагалось бы присудить его в пользу поручителя» (См.: *Липшиц Е. Э.* Законодательство... С. 167—168).

Один — о поручительстве (№ 9) и один об избиении священника (№ 5) также не имеют характера документов о стяжательстве динатов. Остаются 5 процессов. Один (№ 1) повествует о попытке Склира присвоить монастырское имение. Два процесса (№ 3 и 4), в сущности, дублируют или поясняют друг друга при изложении насилий Склира над свободными жителями округи, а два других (№ 6 и 7; в одном из них приведено личное имя Роман) посвящены одной тяжбе — затянувшемуся иску париков против своего господина.

Итак, Склиры «Пиры» притесняли свободных крестьян, служащих им по найму, монахов, священника, держали в неволе и избивали своих париков, присваивали имения, отнимали у крестьян землю, скот и вещи, лишали поселян их денег, не платили нанявшемуся в качестве управителя имения. Нет ни малейших намеков на какое-либо противодействие Склирам со стороны фемных властей, больших и малых. Все приведенные иски против них — апелляции к Высшему суду в столице империи. В двух случаях говорится о робости судей перед Склирами: в одном случае — столичных, во втором — фемных, пытавшихся обелить Склира и склонить истцов к компромиссу с ним.

Доказать вину Склира (которому содействовали местные судьи, а потерпевшим противостоял процесс тщательного дознания и судебной волокиты, когда свидетели боялись давать показания в суде) было, видимо, непросто. Важно, однако, что и в этих условиях Евстафий в 7 случаях из 7 победил, осудив Склиров. Еще важнее то, что его коллеги-юристы, сотрудники и ученики, решили включить процессы против Склиров в сборник показательных, учительных и назидательных судебных процессов.

Свидетельства эти вполне согласуются с данными византийской хронографии о том, что общественную активность Склиров не сумели погасить ни разгром Василием II мятежа Варды, ни его репрессии против других членов этой семьи.[56]

Прадед (или дед?) Романа Склира Варда, подняв мятеж против императора, конфисковывал владения всех, кто отказывался к нему присоединиться.[57] Он имел в виду, по всей вероятности, прежде всего свой опыт и опыт своих родичей, когда, сдавшись на милость императора Василия II Болгаробойцы, давал ему совет — как в будущем избежать мятежей против себя, подобных тому, который поднял Варда. Следует, говорил он, не давать фемной, особенно военной знати очень высоких постов, не позволять им также «слишком благоденствовать», надо заставить их целиком отдать свои заботы поддержанию в порядке своих владений, которые надлежит «изнурять несправедливыми взыскания-

[56] Активность Склиров после подавления мятежа Варды — факт неординарный для византийских будней: членам семьи осмелившегося поднять руку на императора обычно перекрывались пути к успешной карьере. Евстафий говорил, что месть василевсов обрушивалась на весь род мятежника (см.: Practica, LX, 1. P. 264—265). Она передавалась, по словам Пселла, как бы по наследству, независимо от степени вины его родичей и потомков (*Psellos.* Chronographie. Vol. 1, XV. 13—15. P. 125).

[57] Io. Scyl. P. 315. 11—18.

ми».[58] Совет был дан, видимо, со всей откровенностью человека отчаявшегося, полностью проигравшего и надеющегося только на царское милосердие. Через 70—80 лет, однако, военачальник средней руки Кекавмен, готовый хранить верность любому императору, называл совет Варды («негодного старца») коварной провокацией — с целью толкнуть неопытного царя на жесткие меры против магнатов, способные вызвать их недовольство и побудить к новым мятежам.[59]

«Яблоко от яблони падало недалеко», и данные «Пиры» целиком соответствуют свидетельствам Иоанна Скилицы о том, что житейская позиция и моральной облик правнука (внука?) Варды, уже знакомого нам Романа, отличались ярко выраженными фамильными чертами. Роман Склир, сообщает хронист, вел настоящую пойну против своего соседа по владениям выдающегося полководца Георгия Маниака. Он безнаказанно разорил его имения и обесчестил его жену, когда Маниак воевал с арабами на Сицилии, а затем оклеветал его перед царем. Отрешенный от должности и получиший вызов в столицу для расправы, Маниак весной 1043 г. поднял мятеж против императора.[60]

Все сказанное все-таки позволяет нам с особой силой подчеркнуть, что Евстафий Ромей, несмотря ни на что, отнюдь не был, по-видимому, совсем одинок среди его сослуживцев. Мы разделяем в данном вопросе скорее мнение Г. Вайса (характер судебной практики Евстафия и его учеников — видимо, не исключение в византийском судопроизводстве[61]), чем взгляд Н. Икономидиса (Евстафий — великий одиночка). Коллеги-юристы и ученики Евстафия были его единомышленниками. Составленный ими сборник из решений и сентенций учителя служил учебным пособием и практическим руководством. Причастные к юриспруденции такие крупные культурные деятели, как Димитрий Хоматиан, глубоко чтили и два столетия спустя талант и опыт Евстафия.[62]

Не лишен значения и тот бесспорный факт, что Евстафий, несмотря на его неординарную для члена высшего имперского чиновника позицию, в течение полувека сохранял высокий пост и расположение пяти или шести василевсов.

Примечательно, наконец, что примерно из полусотни тяжб, описанных в «Пире», там упомянуто не более десяти случаев вмешательства императора в ход судебных процессов — участниками почти всех этих процессов были представители высшей знати, и во всех тяжбах окончательное решение государя не расходилось с требованием закона (видимо, приговоры и тут были подсказаны Евстафием). Данный факт противоречит, как кажется (во всяком случае — в отношении Евстафия), тезису Вайса о произволе и о постоянно грозящем судье гневе императора.

---

[58] *Psellos.* Chronographie. Vol. 1. P. 17. 12—16.

[59] *Кекавмен.* Советы и рассказы / Издание Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 300. 10—13.

[60] Io. Scyl. P. 427. 57—67.

[61] *Weiss G.* Hohe Richter... S. 143.

[62] См.: *Медведев И. П.* Правовая клтура... С. 210.

Все сказанное позволяет считать рассмотренные в данной статье факты еще одной иллюстрации к тем подспудным квазиконституционным и безусловно (как бы мы их ни назвали) прогрессивным тенденциям в общественном и государственном строе Византии, которые были направлены на утверждение законности. Некоторые из проявлений этих тенденций были убедительно прослежены в исследованиях Игоря Павловича Медведева, уделявшего свое внимание не только слабым росткам будущего,[63] но также не совсем искорененным временем достижениям прошлого.[64]

---

[63] *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997.

[64] *Медведев И. П.* 1) Была ли в Византии конституция? // *Медведев И. П.* Правовая культура... С. 29—43; 2) Равенство перед законом: миф или реальность? // Там же. С. 85—102.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

CURSUS HONORUM НЕСТОРА (XI В.)

Обращение к личности Нестора неслучайно: он — непосредственный участник событий, связанных с восстанием в Паристрионе в 1074 г.,[1] известном в борьбе болгарского народа против византийского господства.

Поскольку, по справедливому замечанию А. П. Каждана, «нарративные источники лишь в редких случаях открывают возможность проследить жизненный путь того или иного лица — обычно же они выхватывают из его жизни один или два-три момента»,[2] возникает необходимость привлечения иного рода материала, чтобы представить себе реально, кем был интересующий нас человек. На помощь приходят византийские печати — ценные исторические и художественные памятники, все более привлекающие внимание исследователей.

Произошедшее в Паристрионе восстание было обусловлено как напряженной внешнеполитической обстановкой (набеги кочевников), так и обострением внутреннего кризиса, вызванного грабительской политикой министра византийского императора Михаила VII Дуки (1071—1078)[3] — Никифорицы. Всесильный алчный временщик беспрестанно занимался установлением новых налогов, ввел монополию на торговлю хлебом и запрет на его свободную продажу, влекущую за собой тяжкое наказание. Он занимался конфискацией имущества военных лиц, отнимая вознаграждение за воинские победы, сокращал расходы на армию и принимал целый ряд различных фискальных мер, не забывая, естественно, при этом собственной выгоды. Народ был не в состоянии выдерживать «жадности»[4] Никифорицы. Из-за недовольства его действиями, как отмечал византийский хронист Михаил Атталиат, «усилился ропот многих людей, а всего более тех, которые хорошо понимали неуместность (такой) политики, и тех, которые находились ближе к происходящим бедам <...> негодовал и смешанный варварский народ, живущий у Истра. Ведь на его берегах расположено много великих городов имеющих население, составленное изо всех языков (ἐκ πάσης γλῶσσης) и составляющее немалое число воинов».[5] Не без воздействия своего министра, после очередного набега печенегов, император прекратил ежегодную выплату воинам этих городов, несшим пограничную службу.[6]

Напряженность обстановки в Паристрионе не могла не беспокоить Константинополь. В мятеже участвовали варвары, солдаты Фракии, печенеги; провинция и Дристра (столица фемы) были в состоянии отделения от Константинополя.[7] Все осложнялось тем более, что в Паристрионе в это время «не было никого, кто бы управлял страной», указывал в своей «Хронике» Продолжатель Скилицы.[8]

Дукой Паристриона (δοὺξ τοῦ Παριστρίου)[9] или катепаном Дристры (κατεπάνω τῆς Δρίστρας)[10] был послан Нестор, происходящий ἀπὸ Ἀλυριῶν,[11] произведенный императором в ранг вестарха. Нестор отправился в Паристрион вместе с некоторыми из жителей Дристры, обещавшими императору, что крепость после прибытия туда Нестора немедленно перейдет на сторону императора.[12] Отвоевание города, несомненно, имело большое значение для Византии.[13] Однако ожидаемые надежды не оправдались: местные жители не пожелали видеть в лице Нестора представителя византийского императора и предпочли передать власть своему экзарху Татру (Τατρὺς αὐτῷ ἡ προσφορία).[14] Продолжатель Скилицы[15] и Анна Комнина[16] называют его Татушем. Нестор ничего не смог предпринять, его бездействие рассматривалось в столице как предательство, и Нестор был вынужден примкнуть к восставшим «или потрясенный страхом перед ними, или любя их образ мыслей, так как по своему роду был одинакового с ними достоинства, или побуждаемый слухами, что дом и имущество его приписаны казне под тем предлогом, что он израсходовал выданное ему из царских сокровищ золото не по назначению: ведь Никифор относился к Нестору враждебно и сделал это дурное дело от зависти и злонравия <...> Нестор стал соучастни-

[1] «Большинство историков относит волнения в Паристрионе к 1074 г. (дата назначения туда дуки Нестора)» (*Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 411, примеч. 1).

[2] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 16.

[3] The Emperors of Rome and Byzantium / By David R. Sear. London, 1974. P. 122, N 187.

[4] Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae Compendium hisroriarum. Ope ab I. Bekkero. Bonn, 1839. II. P. 715. (Далее — *Cedrenus*.)

[5] *Michaelis Attaliotae.* Historia. Rec. I. Berkker. Bonn, 1853. P. 204—205 (далее — *Mich. Attal.*). Перевод текста: *Литаврин Г. Г.* Болгария... С. 411—412.

[6] *Литаврин Г. Г.* Болгария... С. 411—412.

[7] *Cheynet J.-Cl.* Pouvoir et contestations a Byzance (963—1210). Paris, 1996. P. 81, N 102.

[8] *Cedrenus.* II. P. 719.

[9] Ibid.

[10] *Mich. Attal.* P. 205.

[11] Ibid.

[12] Ibid.

[13] *Cheynet J.-Cl.* Pouvoir... P. 390.

[14] *Mich. Attal*. P. 205.

[15] *Cedrenus.* II. P. 719.

[16] *Анна Комнина.* Алексиада / Вступ. статья, перевод, коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. Кн. 6.

© В. С. Шандровская, 2007

êîì âîññòàâøèõ ïîñëå äîëãàèõ ïåðåãîâîðîâ è êëÿòâ â òîì æå ñàìîì èõ çàìûñëå. Ïðèñîåäèíèâ ê òîìó ñîãëàøåíèþ è íàðîä ïå÷åíåãîâ, îí óñëîâèëñÿ ñ íèì èäòè ïðîòèâ ðîìåéâ íåïðèèðèìîé âîéíîé <...> Êîãäà ïðîèçîøëî òî ñàìîå âîçìóùåíèå, íîè ñòàëè ãîòîâèòü âñå íåîáõîäèìîå äëÿ âîéíû è íàáåãà íà ñòðàíó ðîìåâ».[17] Повстанцы вместе с Нестором направились к Константинополю, разрушая и грабя все на своем пути.[18] Дойдя до столицы, они стали требовать выдачи Никифорицы как их злейшего врага либо лишения его должности логофета.[19] Бунт был подавлен, начались переговоры с печенегами. Судьба Нестора осталась неизвестной; он вынужден был уйти «в места близ Дуная»[20] и, возможно, погиб или сумел укрыться в печенежских становищах.[21]

Если нарративные источники отражают только определенный момент деятельности Нестора — его назначение и пребывание на посту дуки Паристриона (катепана Дристры) с титулом вестарха, то византийские печати позволяют раскрыть значительную часть его жизненного пути предшествующего периода.

Известно несколько печатей с именем Нестора. Я хотела бы выделить прежде всего те из них, на лицевой стороне которых изображение Богоматери Агиосоритиссы. Название этого иконографического типа восходит к капелле ἁγία σωρὸς — «святая рака». В Константинополе существовали две такие капеллы: во Влахернском комплексе[22] и в церкви Халкопратийского монастыря.[23] В. Зайбт, характеризуя тип Богоматери Агиосоритиссы,[24] склоняется в пользу Влахернского комплекса и исключает использование для Агиосоритиссы эпитета «Χαλκοπρατείων». Уже в свое время Н. П. Кондаков писал: «Поскольку на печатях нет определения указания на место почитания Агиосоритиссы <...> мы не находим прямого подтверждения догадке Мордтманна, Шлюмберже, Лихачева; разуметь под этим эпитетом имени Халкопратийскую Богоматерь недоказательно».[25]

Богоматерь Агиосоритисса изображается на печатях полуфигурой и в рост, обращенной в трехчетвертном повороте в правую или левую сторону. Ее руки в одних случаях обе приподняты, в других приподнята лишь одна рука, вторая находится перед грудью. Положение рук объясняется обращением Богоматери с мольбой к Христу, ибо она предстает заступницей за род человеческий. Тип Богоматери Агиосоритиссы лег в основу деисусной композиции.

---

[17] *Mich. Attal*. P. 205—206. Перевод текста: *Литаврин Г. Г.* Болгария... С. 413.

[18] *Cedrenus.* II. P. 719.

[19] *Mich. Attal.* P. 208.

[20] Ibid. P. 209.

[21] История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 289.

[22] *Janin R.* La Geographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. T. 3. Les églises et les monastères. Paris, 1969. P. 161.

[23] Ibid. P. 241.

[24] *Seibt W.* Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // Etudes in Byzantine Sigillography. Washington, 1987. P. 49.

[25] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 295—296.

Особого внимания рассматриваемые в статье печати заслуживают в связи с сочетанием образа Богоматери Агиосоритиссы с такой редкой иконографической деталью, как медальон с изображением Христа. На византийских моливдовулах преимущественно можно видеть обращение Богоматери к божественной деснице, выступающей из сегмента неба, реже передана голова Христа или его оплечное (погрудное) изображение, но без медальона. Число печатей, где Агиосоритисса изображена в молитвенном предстоянии Христу, изображенному в медальоне, невелико.[26]

л. с. о. с.

Рис. 1. Печать Георгия. Государственный Эрмитаж (М-4704)

---

[26] Вот несколько примеров: такая композиция дана на печати Николая Агиофеодорита: Богоматерь Агиосоритисса в рост, обращенная в трехчетвертном повороте влево, протягивает обе руки к круглому медальону с Христом. Изображение сопровождается эпитетом «Агиосоритисса». Печать впервые была издана Н. П. Лихачевым с чтением «Богородица, помоги твоему рабу Николаю Агиофеодориту и монаху» с датировкой: X—XI в. (*Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911. С. 58. Рис. 97. Табл. VIII, II). Печать в настоящее время хранится в собрании ГИМ в Москве. При переиздании моливдовула В. Лораном (*Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin: L'Eglise. Paris, 1965. T. 5, 2. N 1431) последняя буква надписи (альфа) осмыслена как обозначение должности — «прот». Этому чтению следуют Хр. Ставракис и И. Колтсида-Макри (*Staurakos Chr.* Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000. N 2; *Koltsida-Makri I.* The Iconorgaphie of the Virgin // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 2003. 8. P. 36. Fig. 14). Печать датирована первой половиной XII в.

На печати М-4704 из собрания б. РАИК можно видеть Богоматерь в рост, стоящую на подиуме. Она обращена вправо к круглому медальону с изображением Христа. Ее правая рука поднята, левая прижата к груди. По сторонам фигуры — титла, слева от нее идет двустрочная надпись: Η ΑΓΙΟCΟΡΙΤΙCΑ. Легенда на обороте: «Дева, защити твоего раба Георгия». Печать XI в.

Известны две печати, исполненные разными буллотириями, где Богоматерь Агиосоритисса передана в рост, в трехчетвертном повороте влево. Ее левая рука у груди, а правая поднята в молитве к Христу в медальоне. Эпитет Богоматери не назван. Сохранность моливдовула из частной коллекции М. Л. Зарнитц (*Seibt W., Zarnitz M.-L.* Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997. 3.1.13), судя по замечанию В. Зайбта (Ibid. S. 119), не позволяет рассмотреть медальон, хорошо видимый на печати из Дамбартон Оукс (Catalogue of Byzantine Seals of Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1996. Vol. 3.2.14). Заказчиком обеих печатей был Иоанн, вест и стратиг фракисийцев. XI в.

Г. Закосом (*Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1985. T. 2. N 543) был приведен моливдовул, на лицевой стороне которого изображена полуфигура Богоматери Агиосори-

К числу таких печатей относится хранящаяся в коллекции Эрмитажа печать под шифром М-11248,[27] на лицевой стороне которой, в двойном кругу из зерни — погрудное изображение Богоматери Агиосоритиссы в трехчетвертом повороте, обращенной в левую (от зрителя) сторону. Ее левая рука прижата к груди, правая вытянута по направлению к круглому медальону, где представлен Христос погрудно, в крестчатом нимбе, с протянутыми вперед руками. Даны титла Богоматери М Н Р — Θ Υ и Христа І С — Х С. Над центральным изображением читается: + ΘΚΕΒΟΗΘ ..... ΝΕCΤΟΡΙ.

На оборотной стороне печати, в двойном круге из зерни, в центре, изображены два святых воина в рост, в воинском облачении. Слева стоит святой воин Димитрий с копьем в правой руке, держа левой меч в ножнах. Надпись имени: Ο ΔΗΜ — ‘Ο ἅ(γιος) Δημ(ήτριος).Справа от него — фигура святого воина Нестора — патрона заказчика печати. В его правой руке — копье, левой он опирается на щит. Надпись имени: Ο ΝΕCΤ — ‘Ο ἅ(γιος) Νέστ(ορος). Круговая надпись: .. ANWANAKT. TOYΔOVKA

Рис. 2. δοῦλος правителя Дуки. Государственный Эрмитаж (М-11248)

тиссы с поднятыми в молении обеими руками. Она обращена влево к поясному изображению Христа в круглом медальоне. Протянутая рука Христа почти касается нимба Богоматери. Легенда печати читается: «Богородица, помоги твоему рабу». Печать не датирована, скорее всего она XI в.

Полуфигура Богоматери Агиосоритиссы в трехчетвертном повороте, обращенная влево, изображена в аукционном каталоге Г. Закоса: Byzantine Seals from the Collection of George Zacos // Spink Auction. Sale 135. Part III. 1999. N 325. В аннотации к печати высказано сомнение, к кому именно обращена Богоматерь: к неясной фигуре Христа или ангела. Мне кажется, что на печати изображен Христос в медальоне. Легенда гласит: «Чья я печать, узнаешь, глядя на письмо». XII в.

Образ Богоматери Агиосоритиссы в рост, обращенной в правую сторону, принимает на свою печать Иоанн Далассин (Рожер), паниперсеваст. Левая рука Богоматери протянута к медальону с погрудным изображением Христа, в то время как правая рука находится у груди. Издатель печати Н. Икономидис (*Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. N 116) определяет появление печати до 1136—1138 гг. Приведенные примеры не исключают существования других печатей с названной выше композицией.

[27] Печать М-11248 из собрания Н. П. Лихачева. Размер: 26,0 (общ.), 21,0 (поля). Сохранность: потерта, выщерблен кусок сверху, щербины внизу на оборотной стороне). Публикуется впервые.

Рис. 3. δοῦλος правителя Дуки (собрание Дамбартон Оукс)

+ Θ(εοτό)κε βοήθ[ει τῷ σῷ δού(λῳ)] Νέστορι [τῷ] ἀν(θρώπ)ῳ ἀνάκτ[ο](ς) τοῦ Δούκα =

«+ Богородица, помоги твоему рабу Нестору, человеку правителя Дуки».

В 1986 г. Н. Икономидисом[28] была издана печать из собрания Дамбартон Оукс с той же композицией, исполненная, однако, другим буллотирием. Сравнение с эрмитажным экземпляром показывает, что Богоматерь обращена вправо, иное расположение фигур святых воинов: слева святой Нестор, сопровождаемый надписью: ΝΕCΤΡ, справа — святой Димитрий и надпись: ΔΜΙ. Легенда читается Θ. ΚΕΒ, Θ, TWCWΔЧ ΝΕCΤΟΡΗ.WANWANAKTO, TЧΔЧKA [+ Θ(εοτό)κε β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δου(λῷ) Νέστορη [τ]ῷ ἀν(θρώπ)ῳ ἄνακτο(ς) τοῦ Δούκα. Резчик использует лигатуры: ΔЧ , TЧ , ΔЧKA, в окончании личного имени стоит Н, а не І. По мнению издателя, под указанием ἄνακτος τοῦ Δούκα имеется в виду император Михаил VII Дука, соимператор своего отца Константина X Дуки (1059—1067). Касаясь датировки, Н. Икономидис пишет: «Вероятно, 1068—1071, несомненно раньше 1072—1073 гг.».[29]

Обнаружение двух экземпляров печати в Силистрии (Болгария)[30] позволило сопоставить их с уже названными моливдовулами. Они имеют общие матрицы с эрмитажной печатью. Чтение легенды: ΘΚΕ .... ΕΙTWCWΔЧ ... TOPITW ..... OYKA-+ Θ(εοτό)κε [βοήθ]ει τῷ σῷ δου[λῷ Νέσ]τορι τῷ (ἄνθρώπ)ῳ ἄνακτο(ς) τοῦ Δ]ούκα.

В противополжность Н. Икономидису, Ив. Йорданов, издавший печати Силистрии, усматривает в лице «правителя Дуки» императора Константина X Дуку,[31] что соотносится с сообщениями письменных источников, где говорится, что Нестор был слугой (δοῦλος) отца василевса, т. е. Константина, отца Михаила: δοῦλον πατρῷον γεγονότα τοῦ βασι-

[28] *Oikonomides N.* Collection... N 95.

[29] Ibid. P. 94.

[30] *Йорданов И.* Неиздадени византийски оловни печати от Силистра (IV) // Известия Народного музея Варны. 1992. 28/43. С. 238. № 14—15. Ил. 12.

[31] Там же. С. 239.

Рис. 4. Протоспафария и служащего императорской Опочивальни. Государственный Эрмитаж (М-6710)

λεύοντος;[32] δοῦλος γεγωνὼς τοῦ πατρὸς τῆς βασιλέως.[33] Мне представляется, что появление печати Нестора может относиться к концу правления Константина X либо ко времени царствования Романа IV Диогена (1068—1071), при котором Михаил Дука продолжает оставаться соправителем.

Возможно, уже при приходе к власти Михаила VII Дуки (1071—1078) (определить точно время затруднительно) Нестор заказывает печать, легенда которой позволяет раскрыть неизвестную прежде сторону его деятельности. Это уникальное свидетельство содержит впервые публикуемый моливдовул эрмитажной коллекции под шифром И-6710.[34] На лицевой стороне изображен святой воин Димитрий в рост, с копьем в правой руке, левой рукой он придерживает круглый щит с умвоном. Надпись имени по сторонам фигуры: O ΔHMHT..OC = ‘O ἅ(γιος) Δημήτ[ρι]ος.

Легенда на обороте состоит из семи строк, исполненных мелкими ровными квадратными буквами. Под строкой следы украшений.

+ KEB, Θ,	+ K(ύρ)ιε β(οή)θ(ει)
NECTOPI	Νέστορι
ACПAΘAP, S	(πρωτο)σπαθαρ(ιῷ) καὶ)
EПITЧΘE	ἐπὶ τοῦ θε
OΦYΛAKT,	οφυλάκτ(ου)
KOITON	κοιτον(ος)

+ Κύριε βοήθει Νέστορι πρωτοσπαθαριῷ καὶ ἐπὶ τοῦ θεοφυλάκτου κοιτ(ῶ)νος =

«+ Господи, помоги Нестору, протоспафарию и служащему богохранимой спальни».

Обязанности китонитов, ведавших императорской спальней и относящимся к ней имуществом, всегда исполняли евнухи. Прежний

[32] *Mich. Attal.* P. 205.

[33] *Cedrenus.* II. P. 719.

[34] Печать М-6710 из собрания Н. П. Лихачева. Размер: 17,0 (общ.), 13,0 (поля). Сохранность удовлетворительная. Публикуется впервые.

Рис. 5. Патрикия и препозита. Государственный Эрмитаж (М-2954)

«ἄνθρωπος ἄνακτος τοῦ Δούκα» был для Михаила VII Дуки одним из близких ему людей «οἰκειοτάτων αὐτῷ,[35] и, будучи евнухом, он не случайно был определен на эту придворную службу.

Вслед за печатью М-6710, судя по содержанию легенды и исходя из табели о рангах, стоит печать Эрмитажа под шифром М-2954.[36]

На лицевой стороне — изображение святого воина Димитрия в рост, держащего левой рукой круглый щит с умвоном, в правой руке должно быть копье, однако сохранность печати не позволяет его увидеть. Надпись имени видна справа от фигуры: ΔHMHTP = [‘O ἅ(γιος)] Δημήτρ(ιος).

Надпись на обороте в пять строк:

+ KEB, Θ	+ K(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
NECTOPI	Νέστορι
ПPHKA.	π(ατ)ρη(κίῳ) κα[ὶ]
ПPAIПO	πραιπο
CIT	σίτ (ῳ)

+ Κύριε βοήθει Νέστορι, πατρ(ι)κίῳ καὶ πραιποσίτῳ

«+ Господи, помоги Нестору, патрикию и препозиту».

Препозит[37] соответствовал прежнему praepositus sacri cubiculi (министру двора). Человек, причисленный к личной службе императора, был по существу дворцовым церемониймейстером. Эта придворная должность почти всегда давалась евнухам. Исполняя обязанности препозита, Нестор носил почетный титул патрикия.

Параллельный экземпляр печати, найденный в Болгарии (около Силистры) и находящийся в частной коллекции, был издан Стефаном Биликом.[38] Судя по описанию, сравнение обоих экземпляров показывает

[35] *Mich. Attal.* P. 205.

[36] Печать М-2954 из собрания б. РАИК. Размер: 16,0. Сохранность: выщерблена сверху и по краям. Сквозное отверстие. Публикуется впервые.

[37] *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century: With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911. P. 123—124.

[38] *Билик С.* Моливдовул на Нестор, патриций и препозит // Годишник на Софийский университет «Св. Климент Охридски». 2000. Т. 90 (9). С. 449—452.

их исполнение одним буллотирием, различна лишь их сохранность. Издатель приводит датировку: ?—1067 (дата смерти Константина X). Существование эрмитажного моливдовула М-6710, где Нестор назван протоспафарием, убедительно доказывает, что предложенное С. Биликом хронологическое определение несостоятельно. Согласно иерархии титулов, патрикий стоит выше протоспафария, поэтому сначала должна была появиться печать Нестора, протоспафария и китонита, а затем печать патрикия и препозита, которую можно датировать 1071—1073 гг. Новое повышение Нестора произошло при его назначении в Паристрион в 1074 г., когда император Михаил VII Дука произвел его в вестархи, минуя титул веста (переходный титул от патрикия до вестарха). Печатей Нестора как вестарха до нас не дошло.

Что касается исполнения обязанностей, то Нестор «человек правителя Дуки» сначала выступает как служащий императорской опочивальни, поднимается далее до церемониймейстера двора и, наконец, становится во главе фемы Паристрион.

Нельзя не заметить, что сведения, заключенные в легендах моливдовулов, способствуют определению служебной карьеры Нестора. Иконография печатей знакомит с кругом священных образов, которые он избирает для себя. При выборе изображений Нестор отдает предпочтение образу святого воина Димитрия. Характер исполнения рассмотренных печатей позволяет судить о различном уровне мастерства резчиков. Наибольшим мастерством, несомненно, отличается печать М-11248: она может служить прекрасным образцом византийской мелкой пластики.

С помощью привлечения двух разнохарактерных источников — письменных и сфрагистических — стало возможным воссоздать cursus honorum Нестора, интерес к которому, в свете событий в Паристрионе, нашел отражение в ряде работ, посвященных истории отношений Византии и Болгарии в 70-х гг. XI в.

Б. Л. ФОНКИЧ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКОВСКОЙ РУКОПИСИ «ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО АФАНАСИЯ АФОНСКОГО»

Одним из важнейших памятников «афонской литературы» времени создания и первых десятилетий существования на Св. Горе общежительных монастырей является Житие основателя Великой Лавры Афанасия Афонского. Оно дошло до нас почти в трех десятках списков, 8 из которых содержат первоначальную редакцию — Житие А, а остальные 21 — редакцию, возникшую на основе первой в пределах второй половины XI—первой половины XII в., Житие Б. П. Лемерль, на протяжении многих лет изучавший весь комплекс текстов, относящихся к основанию и последующим столетиям истории Лавры Св. Афанасия, считал Житие А «историческим источником огромной ценности».[1]

Впервые этот замечательный и значительный по своему объему памятник был издан в 1895 г. по рукописи Московской Синодальной библиотеки выдающимся русским филологом И. В. Помяловским.[2] Издание принесло большую пользу византиноведению, ибо вплоть до начала 80-х гг. XX столетия[3] оно являлось одним из основных пособий для исследователей ранней истории Афона, при изучении и издании древнейших документов святогорских монастырей, при анализе и публикации открытой несколько позже второй редакции — Жития Б.[4] Можно с уверенностью сказать, что благодаря изданию Помяловского на протяжении последующего столетия оказались возможными те результаты, ко-

[1] *Lemerle P.* La Vie ancienne de Saint Athanase l'Athonite composée au début du XIe siècle par Athanase de Lavra // Le Millénaire du Mont Athos, 963—1963. Études et Mélanges, I. Chevetogne, 1963. P. 62, 63, 100.

[2] Житие преподобного Афанасия Афонского. По рукописи Московской Синодальной библиотеки издал И. Помяловский. СПб., 1895. О Помяловском см.: *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 207—240.

[3] Когда увидел свет труд Ж. Норэ: Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae / Editae a Jacques Noret. Turnhout; Leuven, 1982.

[4] *Petit L.* Vie de Saint Athanase l'Athonite // Anal. Boll. 1906. T. 25. P. 5—89.

© Б. Л. Фонкич, 2007

торые были получены при исследовании этого сочинения, и критическое издание текста его обеих редакций. Особенно плодотворной в изучении Жития преподобного Афанасия Афонского оказалась вторая половина XX в., когда всего за 20 лет, с 1963 по 1982 г., появился ряд работ, содержащих анализ текста, прежде всего Жития А, и выводы относительно автора, времени и места его создания;[5] эти усилия венчало готовившееся долгое время издание греческого текста этого выдающегося памятника византийской агиографии.[6]

Не останавливаясь сейчас на точке зрения каждого отдельного исследователя относительно истории создания Жития А, на тех или иных аргументах и их обсуждении в научной литературе, мы приведем здесь лишь те основные выводы, к которым в конце концов пришло изучение указанного вопроса.

1. Житие А написано не в Лавре; оно создано в Константинополе Афанасием, монахом монастыря toà Panag…ou. Он никогда не видел Афанасия Афонского, но принял решение написать житие этого выдающегося представителя византийского монашества.

2. Настоятелем монастыря toà Panag…ou являлся Антоний, любимый ученик преп. Афанасия, возможно, бывший, по рекомендации последнего, некоторое время после смерти основателя Лавры ее игуменом, но затем оставивший Афон и обосновавшийся в Константинополе.

3. Антоний был основным «источником» монаха Афанасия при написании им жития основателя Лавры. Кроме того, помимо показаний некоторых еще живших в то время сподвижников преп. Афанасия ему были доступны все три документа, составленные Афанасием Афонским для первого общежительного монастыря на Св. Горе: Ипотипосис (составленный между 964—973 гг.), Типикон (973—975 гг.) и Диатипосис (984 г. — время кончины св. Афанасия).

4. Монах Афанасий принадлежал к столичной аристократии; он получил блестящее образование, свидетельством чего является Житие А — выдающийся памятник византийской агиографии XI столетия, обладающий всеми качествами литературного произведения самого высокого уровня.

5. Житие А было создано после кончины преп. Афанасия († между 997—(1000) 1006 гг.), но не позже 1025 г.

Что касается Жития Б, то его исследование и повторное, после Л. Пти, издание текста привели к следующим результатам.

1. Житие Б написано в Лавре монахом-лавриотом.

[5] *Lemerle P.* La Vie ancienne… P. 59—100; *Leroy J.* Les deux Vies de Saint Athanase l'Athonite // Anal. Boll. 1964. T. 82. P. 409—429; *Κομίνης Ἀθ.* Ἡ χειρόγραφος παράδοσις τῶν δύο ἀρχαιοτέρων βίων ὁσίου Ἀθανασίου τοῦ Ἀθωνίτου // Ibid. P. 397—407; *Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D.* Actes de Lavra. Première partie. Des origines à 1204. Paris, 1970. P. 13—30; *Mossay J.* A propos des «Actes de Lavra». Note sur les deux Vies de Saint Athanase l'Athonite // Anal. Boll. 1973. T. 91. P. 121—132; *Papachryssanthou D.* Actes du Prôtaton. Paris, 1975.

[6] Vitae duae antiquae…

2. Основным «источником» для создателя этого текста служило Житие А; этот памятник в несколько измененном виде, с некоторыми упрощениями, сокращениями или, напротив, дополнениями и дал новый текст — Житие Б.

3. Житие Б создано в период между 1050 и 1150 гг.

Эти выводы, полученные в итоге долгой и серьезной работы над целым комплексом источников X—XI вв., дают достаточно полное представление о месте и времени создания двух версий жизнеописания Афанасия Афонского. Вместе с тем труд предшествующих исследователей позволяет еще больше продвинуться в изучении нашей темы, новыми данными или предположениями опровергнув или подкрепив сделанные наблюдения. Приведем лишь два примера.

а. Рассуждая о взаимоотношениях монастыря toà Panag…ou с Афонской Лаврой, ученые, не имея сведений о том, что константинопольская обитель является метохом Святогорского монастыря, как бы «закрывают» этот вопрос, ограничиваясь констатацией их связей в первой половине XI в.[7] Между тем нельзя не обратить внимание на то, что константинопольский монах Афанасий, создавая Житие А в первой четверти XI в. не в самой Лавре, а в столице, использует тем не менее документы, составленные преп. Афанасием для основанного им монастыря и там постоянно находившиеся. Поскольку наблюдение о написании Жития А в Константинополе представляется доказанным, следует сделать предположение, что монах Афанасий имел перед собой копию уставных документов Лавры, изготовленную на Афоне непосредственно с их оригиналов и доставленную в монастырь toà Panag…ou. Совершенно ясно, что это было бы возможно лишь в том случае, если константинопольская обитель также должна была бы подчиняться указанным в этих документах правилам, т. е. являлась метохом основного монастыря — Афонской Лавры.

б. Житие А не сообщает нам названия того столичного монастыря, которым управлял монах Антоний, столь близко связанный с преп. Афанасием Афонским, и где было создано это Житие. Название обители — монастырь toà Panag…ou — мы узнаем из более позднего и полностью зависящего от Жития А другого памятника — Жития Б. П. Лемерль полагал, что этот текст не имеет значения для начальной истории Лавры, и был склонен пренебрегать приведенными сведениями.[8] Однако последующее изучение (Ж. Леруа, Ж. Норэ) «реабилитировало» Житие Б, признав за ним серьезное место среди источников ранней истории афонского монашества.[9] Нам представляется несомненным, что составитель Жития Б, называя константинопольскую обитель, имел вполне точные сведения о том столичном метохе Лавры, откуда он получил в свое распоряжение первое Житие преп. Афанасия, ставшее основой его собственного труда. Информация Жития Б о названии константинопольского

[7] См.: *Lemerle P.* et alii. Actes de Lavra… P. 29—30; Vitae duae antiquae… P. CXXX—CXLV.

[8] *Lemerle P.* et alii. Actes de Lavra… P. 27—30.

[9] *Leroy J.* Les deux Vies…; Vitae duae antiquae…

монастыря — месте «рождения» Жития А — является скорее всего точной.

Как мы видим, имеется еще немало резервов для исследования истории создания как Жития А, так и Жития Б. Существует, однако, одна сторона изучения источников, которой ни один из указанных ученых не коснулся: это — специальное, палеографическое и кодикологическое, исследование рукописей, донесших до нас тексты жизнеописания Афанасия Афонского. Чтобы продемонстрировать возможности этого направления источниковедческого анализа, обратимся к московской рукописи Жития А (ГИМ № 398 / Син. греч. 242), содержащей древнейший список памятника.[10]

Филологическое изучение текста всех списков Жития А приводит к заключению, что кодекс ГИМ представляет собой их архетип.[11] Орфография этого списка «во всех отношениях замечательна» и, помимо всего прочего, содержит совершенную по своей корректности систему ударений.[12] В полном соответствии с результатами филологического анализа рукописи находятся и данные ее кодикологического и палеографического исследования.

Рукопись состоит из 165 листов размером 237/41×200, имеет 20 строк текста на странице. Размер листов был более значительным; рукопись на протяжении своей жизни переплеталась, по-видимому, не менее трех раз: первый переплет появился сразу после завершения книги в первой четверти XI в., второй — на рубеже XIII—XIV вв., когда были добавлены л. 1 и 162—165, в настоящее время кодекс имеет переплет XIV в. (доски в обрез, с желобком, в черной коже с тиснением, следы от застежек).

Пергамен хорошего качества и обработки, средней толщины. Инструмент для разлиновки позволяет проводить аккуратные линии, не разрезая насквозь листы или разрывая пергамен. Система разлиновки — 1, тип — 33C1d (за исключением л. 1 с текстом конца XIII—начала XIV в.: 44C1).

Тетради — кватернионы. Сигнатуры писца находятся в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота последнего листа тетради, между вертикалями.

Чернила коричневые, глубокого оттенка; многочисленные красные малые инициалы.

Писец принадлежит к лучшим представителям стиля Perlschrift, его почерк можно, пожалуй, отнести к разряду каллиграфических. Хотя почерки этого стиля, распространенные в Византии (прежде всего в скрипториях Константинополя и его округи) во второй половине X—конце XI в., чрезвычайно трудно датировать, письмо нашей рукописи тем не менее можно сопоставить с почерками столичных рукописей круга Ефрема,[13] с продукцией любимого ученика преп. Афанасия Иоанна Каллиграфа,[14] с некоторыми несомненно константинопольскими рукописями рубежа X—XI столетий. Несмотря на трудности датировки такого материала, создание рукописи ГИМ можно, по-видимому, отнести к первой четверти XI в. Принимая во внимание исключительные достоинства этого манускрипта как памятника книжной культуры (палеография и кодикология, высочайшая грамотность писца), мы должны сделать вывод, что он появился скорее всего в столичном книгописном центре, где существовали условия для производства качественной книжной продукции и где работали образованные переписчики, в совершенстве владевшие своим мастерством. Не будет, как нам кажется, преувеличением, если мы предположим, что перед нами — автограф монаха Афанасия, автора Жития А преп. Афанасия Афонского, кодекс, созданный в константинопольском монастыре τοῦ Παναγίου не позже 1025 г.[15]

По-видимому, именно эта рукопись спустя несколько десятилетий оказалась в Афонской Лавре, где была использована монахом-лавриотом для создания новой версии жизнеописания преп. Афанасия — Жития Б. Если такое предположение справедливо, то следует сделать вывод, что кодекс ГИМ не позже середины XII в. был перенесен из Константинополя на Афон, где в Лавре Св. Афанасия прожил затем долгую — не менее пяти столетий — жизнь и откуда в 1655 г. был привезен в Москву.

---

[10] Описание рукописи см.: *Владимир,* архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894. С. 601; *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 130—131. Воспроизведение л. 104 об.—105 см.: Древности монастырей Афона X—XVII веков в России. Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья: Каталог выставки. М., 2004. С. 54.

[11] Vitae duae antiquae… P. LXXV.

[12] Ibid. P. LXXVI.

[13] См., например: *Perria L.* 1) Un nuovo codice di Efrem: l'Urb. gr. 130 // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. N. s. 1977—1979. 14—16. P. 33—114; 2) Un aspetto inedito dell'attività del copista Efrem: l'uso delle abbreviazioni nel Laur. 28.3 // Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. 1999. Vol. 53. P. 97—101; *Jacobini A., Perria L.* Un Vangelo della Rinascenza Macedone al Monte Athos. Nuove ipotesi sullo Stavronikita 43 e il suo scriba // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. N. s. 2000. 37. P. 73—98.

[14] См., например: *Irigoin J.* Pour une étude des centres de copie byzantins // Scriptorium. 1959. 13. P. 181—195; Древности монастырей Афона… С. 53.

[15] П. Лемерль (*Lemerle P.* La Vie ancienne… P. 65) и Ж. Норэ (Vitae duae antiquae… P. LXXV) приписывают Московскому кодексу афонское происхождение, причем Лемерль предполагает, что он был написан в Лавре.

Рис. 1. ГИМ № 398 (Син. греч. 242). Л. 104—105. Житие Афанасия Афонского

Л. Т. АВИЛУШКИНА

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ХРОНИКИ» МИХАИЛА ГЛИКИ*

«Хроника» Михаила Глики, писателя и теолога XII в., занимает немаловажное место в ряду византийских хронографических памятников. В последние десятилетия в науке обозначился новый подход к изучению византийских исторических сочинений с целью воссоздания наиболее полной истории византийской литературы.[1] В связи с этим изменилось отношение к византийским хроникам, которые ранее рассматривались как безыскусные компиляции. В современной историографии появился ряд работ, в которых делаются попытки лучше понять мировоззрение хронистов и их подход к излагаемому материалу, своеобразие структуры и состава хроник.[2] С этой точки зрения «Хроника» Глики не исследована со всей полнотой.

О жизни ее автора сохранились немногочисленные сведения. Михаил Глика, именуемый в заглавиях его сочинений грамматиком, вероят-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00512а).

[1] *Чичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. // Античность и Византия. М., 1975. С. 203—217; *Досталова Р.* Византийская историография (характер и формы) // ВВ. 1982. Т. 42. С. 22—34; *Любарский Я. Н.* 1) Проблема эволюции византийской историографии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 39—45; 2) Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание? // Продолжатель Феофана / Перевод, статья и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 201—265; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998.

[2] *Jeffreys E. M.* The Attitude of Byzantine Chronicles Towards Ancient History // Byzantion. 1979. T. 49. P. 197—238; *Чичуров И. С.* Место Хронографии Феофана Исповедника в ранневизантийской историографии // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981 г. М., 1983. С. 5—147; *Maisano R.* Note su Giorgio Cedreno e la tradizione storiografica bizantina // Rivista di studi bizantini e slavi. Bologna, 1983. T. 3. P. 227—248; *Любарский Я. Н.* Замечания о структуре «Хронографии» Иоанна Малалы // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985. С. 246—260; *Adler W.* Time immemorial Archaic History and Sources in Cristian Chronography from Julius Africanus to Georgius Syncellus. Washington, 1989; *Афиногенов Д. Е.* Композиция Хроники Георгия Амартола // ВВ. 1991. Т. 52. С. 102—112.

© Л. Т. Авилушкина, 2007

но, служил в императорской канцелярии в качестве секретаря. Известно, что в 1159 г. он был арестован, предположительно за участие в каком-то политическом «заговоре». Несмотря на адресованное императору прошение о помиловании, изложенное в написанном в тюрьме стихотворении,[3] Михаил Глика был ослеплен.[4] Видимо, он не потерял зрение полностью, так как через пять лет после наказания еще раз обращается к императору с просьбой. Глика написал поэму в честь победы Мануила I Комнина над венграми,[5] которая была одержана императором без кровопролития в 1164 г.,[6] и составил для василевса сборник пословиц с поэтическими и прозаическими пояснениями,[7] в которых сообщал также и о своем бедственном положении, умолял простить его и дать денег. Видимо, не получив отклика на свою просьбу, он вскоре удалился в монастырь, где предположительно в 1170-е гг. и создал «Хронику», охватывающую всемирную историю от сотворения мира до 1118 г.[8]

Впервые «Хроника» Михаила Глики был опубликована в 1572 г. в латинском переводе, выполненном И. Леунклавием, который, привлекая сочинения других авторов, продолжил изложение византийской истории до падения Константинополя в 1453 г.[9] Первое издание греческого текста «Хроники» Глики появилось в 1660 г. в Парижском корпусе византийских авторов, которое осуществил Ф. Лаббе по пяти рукописям.[10] Текст «Хроники» был разделен издателем на четыре части: в первой было помещено описание творения мира, во второй — библейской и древней истории, в третьей — истории Римской империи и в четвертой — истории Византийского государства до 1118 г. Последующие издания «Хроники» Глики являются переизданиями текста, изданного Ф. Лаббе. В 1836 г. И. Беккер напечатал ее текст в Боннском корпусе византийских авторов с небольшим сокращением по сравнению с первым

[3] Критич. изд.: Μιχαηλ Γλυκα στιχοι ους εγραψε καθ' ον κατεσχεθη καιρον / Κριτ. Ερδ. Τ. Θ. Τσολακη. Θεσσαλονικη, 1959; «Стихи грамматика Михаила Глики, которые он написал, когда находился в тюрьме» / Рус. перевод М. Е. Грабарь-Пассек // Памятники византийской литературы IX—XVвеков. М., 1969. С. 245—250.

[4] *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897. S. 382.

[5] Текст издан: *Krumbacher K.* Michael Glykas. Eine Skizze siener Biographie und seiner litterarischen Thätigkeit nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben // Sitzungsberischte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Kaiserlichen Bayrischen Akademie der Wissenschaften zu Mühchen. 1894. Heft. 3. München, 1895. S. 447—451.

[6] *Browning R.* A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century // Balkan Studies. 1961. T. 2. P. 175—176.

[7] Сб. издан: *Sathas K.* Bibliotheca graeca medii aevi. Paris, 1876. T. 5. P. 544—564; *Krumbacher K.* Mittelgriechische sprichworter // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Kaiserichen Bayrischen Akademie der Wissenschaften zu Mьnchen. 1893. München, 1894. S. 112—116.

[8] *Авилушкина Л. Т.* К истории изучения биографии Михаила Глики // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2005. № 1 (28). С. 215—218.

[9] Michaelis Glycae Annales / Latinam in linguam transcr. et ed. J. Leunclavius. Basiliae, 1572.

[10] Michael Glykas Annales / Ed. Ph. Labbeus. Parisiis, 1660 (далее — Ph. Labbeus. CP.); 2-е изд.: Venetiis, 1729.

[11] Michael Glykas Annales / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836 (далее — I. Bekkerus. CB.).

изданием.[11] В 1866 г. текст «Хроники» Глики полностью был перепечатан в «Греческой патрологии» с некоторыми изменениями его расположения по сравнению с первым изданием, дополнительный материал, помещенный Ф. Лаббе в конце книги, был перенесен в подстрочные примечания.[12] Поскольку до сих пор отсутствует критическое издание текста «Хроники», то при исследовании приходится обращаться к разным его изданиям.

В настоящее время известны 60 кодексов, сохранивших текст «Хроники» Глики полностью или во фрагментах, которые датируются XIII—XVIII вв.[13] Рукописная традиция «Хроники» еще не получила полного освещения в литературе. Результаты нашего предварительного исследования, основанного главным образом на сведениях, приводимых в каталогах, позволяют сделать некоторые выводы. Около 30 рукописей содержат полный или почти полный текст «Хроники». В соответствии с их датировками 56 кодексов располагаются следующим образом: XIII и XIV вв. — по 3, XV в. — 13, XVI в. — 21, XVII в. — 9, XVIII в. — 7.[14] Таким образом, богатая рукописная традиция может свидетельствовать о большом интересе, который сохранялся к этому произведению на протяжении нескольких столетий. Несмотря на такую популярность, «Хроника» Михаила Глики, своеобразие ее состава и содержания остаются еще недостаточно изученными.

Ученые XIX в., обращавшиеся к «Хронике» Глики как к историческому источнику, особенно для эпохи IX—XI вв. (Михаил Рангаве — Алексей I Комнин), считали, что она является лишь конспектом использованных автором трудов предшественников, Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары, и не представляет исторической ценности, являясь второстепенным источником.[15] Такой взгляд приводил к недооценке этого сочинения в целом как литературного и исторического памятника. Однако следует заметить, что своеобразие этого произведения первым отметил Ф. Лаббе, который во введении к изданию греческого текста «Хроники» Михаила Глики писал, что это не вполне историческое сочинение, какими являются труды Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Константина Манасси, а автора «Хроники» можно считать также богословом и комментатором Священного Писания и весьма искусным исследователем естественных наук и медицины.[16] К. Крумбахер определил три характерные особенности, которые свойственны только «Хронике» Михаила Глики. Первой ее особенностью является то, что Глика включает в хроникальное повествование многочисленные сведения из области естествознания и «сказочной зоологии», занимающие значительную часть его тру-

[12] PG. T. 158. Col. 9—624.

[13] *Colonna M. E.* Gli storici bizantini dal IV al XV sicolo. I. Storici profani. Napoli, 1956. P. 56—57.

[14] *Авилушкина Л. Т.* К истории рукописной традиции «Хроники» Михаила Глики // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 116—124.

[15] *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884. С. XXIV; 2-е изд.: СПб., 2004; *Васильевский В. Г.* Обозрение трудов по византийской истории. СПб., 1890. Вып. 1. С. 30.

[16] Labbei Praefatio см.: I. Bekkerus. CB. P. IX.

да; обширные богословские рассуждения автора являются второй ее особенностью; третья заключается в том, что это сочинение имеет дидактическую направленность и поучительный тон сохраняется на протяжении всей «Хроники».[17] В последние десятилетия XX в. греческая исследовательница С. Мавромати-Катсуйаннопулу изучила источники отдельных частей «Хроники» Михаила Глики, а также отметила индивидуальный подход хрониста к источникам при выборе материала и его компоновке. Первая ее работа посвящена изучению источников третьей части (неполный текст) и четвертой части,[18] а во второй рассмотрены источники того раздела первой части, в котором описано 6 дней творения мира, т. е. текст «Шестоднева».[19]

В данной статье рассматриваются структурные особенности «Хроники» Глики и делается попытка дать оценку характера этого произведения.

В кратком введении хронист пишет: «Я кратко написал свое сочинение для моего любимого дитяти (сына), я собрал в хронику сведения и с усердием изложил их в своем сочинении, но не многое я включил в него (ибо я знал, что это очень обременит слух, если хотя бы на слово удлинить его). Вот кратко тебе я эту книгу составил».[20] Таким образом, автор определил цель и задачи своего труда: собрать и изложить полезные сведения, которые необходимо знать юноше, не раскрывая конкретно, о чем он намерен писать, но формулируя основной принцип изложения материала — краткость.

Михаил Глика начинает свое повествование подробным описанием шести дней творения, текст которого занимает первую половину первой части.[21] Комментируя начальные главы Книги Бытия, автор, описывая первый день,[22] рассказывает о создании неба и земли, почему она помещена в центре мира, о возникновении ветров и дождей, о землетрясениях; второй день[23] — о тверди, небесах, Ниле и природе испарений; третий день[24] — о растениях, о собирании суши, о море как источнике остальных вод и почему оно соленое, о бурных водах и причиняемых ими разрушениях; четвертый день[25] — о небесных светилах, солнце и луне, о влиянии луны на животных и растения, о затмениях солнца и луны, о звездах и кометах, об облаках, молнии и громе; пятый день[26] — о

[17] *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. S. 382.

[18] *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Χρονογραφία του Μιχαήλ Γλυκά και πήγες της (περιοδος 100 π. Χ. — 1118 μ. Χ). Θεσσαλονίκη, 1984 (далее — *Mavromati-Katsouyannopoulou S.* Chronographia).

[19] *Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου Σ.* Η Εξαήμερος του Μιχαήλ Γλυκά: Μία εκλαϊκευτική επιστημονική πραγματεία του 12ου αιώνα. // Byzantina 17. Thessaloniki, 1994. P. 7—70 (далее — *Mavromati-Katsouyannopoulou S.* Hexaemeros).

[20] I. Bekkerus. CB. P. 3,4—4,3.

[21] Ibid. P. 4,4—126,8.

[22] Ibid. P. 4,4—15,10.

[23] Ibid. P. 15,11—21,9.

[24] Ibid. P. 21,9—35,4.

[25] Ibid. P. 35,5—65,2.

[26] Ibid. P. 65,3—91,7.

[27] Ibid. P. 91,19—126,8.

происхождении и видах рыб и птиц; шестой день[27] — о происхождении и видах наземных животных, а также о лечении животных травами, о деторождении и наследственности у животных и людей, о змеях и противоядии от их укусов, кратко о сотворении человека и поселении его в рай. С. Мавромати-Катсуйаннопулу, изучив источники этого раздела «Хроники» Глики, пришла к выводу, что, опираясь на предшествующую традицию, особенно на «Шестоднев» Василия Великого и труды целого ряда церковных писателей, писавших о творении, а также привлекая сведения о природной истории из сочинений Аристотеля («История животных»), Элиана («Природа животных»), Феофилакта Симокатты («Диалог о различных сомнительных явлениях и их разъяснение»), Михаила Пселла («Всеобщее наставление») и «Физиолога», трудов по медицине Гиппократа, Галена, Павла Эгинского, Немесия Эмесского и других, Глика создает самостоятельный научный трактат о шести днях творения, т. е. «Шестоднев» более широкого содержания по сравнению с шестодневами других авторов.[28] В отличие от предшествующих хронистов, которые описывали творение очень кратко, всего на нескольких страницах,[29] только Глика составляет обширный «Шестоднев» и включает в свою «Хронику».

Вторая половина первой части посвящена теологическим рассуждениям автора о сотворении Адама и Евы и рае; о душе и ангелах; о грехопадении и потере бессмертия первыми людьми.[30] В других византийских хрониках не встречается разделов, подобных по содержанию этим богословским рассуждениям Глики. Они являются оригинальной трактовкой избранных автором тем, которые требуют отдельного специального исследования. Одну из тем — учение Глики «О душе» — исследовал теолог И. Х. Бетос, по мнению которого, не изменяя в целом сущности патристического учения «О душе», Глика определенным образом изменяет его вид и форму в соответствии с запросами своей эпохи.[31]

Первая часть заканчивается следующими словами: «Это отступление (сделано), разумеется, ради твоей любознательности. Ибо стремясь, как видишь, в угоду тебе эти (сведения) трудолюбиво и кропотливо я собрал и с усердием в этой книге изложил».[32] Понимая, видимо, что рассказ о творении получился слишком длинным, Глика как бы извиняется за то, что отступил от намерения, намеченного во введении, — писать кратко.

[28] *Mavromati-Katsouyannopoulou S.* Hexaemeros. P. 64—68.

[29] Georgius Syncellus Ecloga Chronographia / Ed. A. A. Mosshamer. Leipzig, 1984. P. 1—7; Georgius Cedrenus Historiarum compendium / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. T. 1. P. 6,12—9,21; Ioannes Zonarae Annales / Rec. M. Pinderi. Bonnae, 1841. T. 1. P. 17,1—20,11; Constantini Manassis Breviarum historiae metricum / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837. P. 4,27—13,230.

[30] I. Bekkerus. CB. P. 126,8—220,22.

[31] *Βετου Ι. Χ.* Η ψυχή του ανθρώπου κατα το Μιχαήλ Γλυκά. Θεσσαλονίκη, 1984. С. 116—118.

[32] I. Bekkerus. CB. P. 221,1—4.

[33] Ibid. P. 221,5—378,17.

Во второй части «Хроники» Глики, так же как и в трудах его предшественников, описывается ветхозаветная и древняя история.[33] Традиционной канвой для хронистов при составлении этих разделов служили события истории еврейского народа, как они изложены в Библии, и некоторые эпизоды древней языческой истории Греции и Рима, а также восточных держав. При этом в определенной степени наблюдается самостоятельность византийских авторов в выборе сюжетов из библейской и языческой истории, а также в последовательности их изложения. Например, описание Троянской войны имеется в хрониках Иоанна Малалы, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары и Константина Манасси, но отсутствует у Георгия Монаха.[34] В расположении исторического материала таких разделов в византийских хрониках наблюдаются два принципа: синхронизация и разделение. Иоанн Малала, автор Пасхальной хроники, и Георгий Синкелл, излагая истории разных древних народов, не разделяли историю еврейского и других народов. Георгий Монах вводит в хроникальную композицию систему разделения, отделяя иудейскую историю после вавилонского плена от истории других народов и описывая события языческой истории в основном течении библейской истории лишь время от времени. Иоанн Зонара и Михаил Глика в разной степени следуют принципу разделения, а Лев Грамматик и Георгий Кедрин в своих хрониках применяют оба принципа.[35]

Изложение ветхозаветной и древней истории в «Хронике» Глики начинается словами: αρχη της χρονογραφιας (начало хронографии),[36] которые указывают на то, что здесь начинается собственно историческое повествование. Этот раздел исторического труда Глики не привлекал пристального внимания исследователей, и детальное его изучение является делом будущего. Наше предварительное изучение источников позволяет говорить, что основными в этой части являются библейский текст и «Хроника» Георгия Амартола, в дополнение к ним используются «Хроника» Константина Манасси, «Иудейские древности» Иосифа Флавия, возможно, и другие источники. Что касается структуры этой части, то мы можем отметить ее некоторые характерные черты. Начиная с повествования об Адаме и его потомках, Глика последовательно описывает ветхозаветную историю и включает в повествование лишь отдельные традиционные для всех хронистов эпизоды из языческой и восточной истории (Крон, Нин, Зороастр, Сарданапал, Геракл Тирский, Крез, основание Рима, Александр Македонский), которые он располагает по своему усмотрению по ходу изложения библейских сюжетов. Так же как и Георгий Амартол, Глика не включает описания Троянской войны в свое повествование. При этом по сравнению с предшествующими хронистами (Георгий Амартол, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Константин Манасси) Глика отводит больше места ветхозаветной истории. Он полнее раскрывает целый ряд ее эпизодов (Каин и Авель; потоп; истории Авраама, Иакова, Иосифа, Моисея; Иудифь и Олоферн, Руфь, Товит), в основном используя библейские тексты и дополняя при этом некоторые из них своим комментарием (например, толкование первого убийства; рассуждения о нечестивых поступках при описании потопа и др.), а также приводит сведения из апокрифов, не встречающиеся в других хрониках (например, о трех головнях, посаженных Лотом по указанию Авраама;[37] о смерти Моисея и др.). Таким образом, по нашим наблюдениям, структура второй части «Хроники» Глики отличается от подобных разделов в других византийских хрониках, поскольку подробное изложение событий ветхозаветной истории с включением в повествование новых сюжетов занимает почти весь текст второй части.

Третья часть «Хроники» Глики посвящена истории Римской империи, события которой кратко излагаются в хронологической последовательности по правлениям императоров. Римская история занимает лишь треть текста,[38] а остальная часть отведена новозаветной истории, изложение которой помещено между описаниями правлений Августа и Тиберия.[39] Источники раздела, в котором излагаются события истории Римской империи, были изучены С. Мавромати-Катсуйаннопулу.[40] Тот раздел, в котором описывается новозаветная история, С. Мавромати-Катсуйаннопулу назвала «теологическим отступлением» и не исследовала его источников.[41] По нашим наблюдениям, в «теологическом отступлении» содержится подробное последовательное изложение событий истории Христа и апостолов с толкованиями автора, представляющее собой своеобразный рассказ Глики о новозаветной истории, который существенно отличается от ее описаний в хрониках его предшественников (Иоанн Малала, Георгий Синкелл, Георгий Амартол, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Константин Манасси) как по объему, так и по содержанию.[42] На наш взгляд, более детальное изложение событий новозаветной истории является своеобразной чертой структуры третьей части.

В четвертой части «Хроники» Глики описывается история Византийской империи, которая излагается в хронологической последовательности по правлениям императоров. Она начинается с описания царствования Константина I Великого и заканчивается царствованием Алексея I Комнина (1118 г.).[43] Источники этой части были исследованы С. Мавромати-Катсуйаннопулу, которая пришла к следующим выво-

[34] *Jeffreys E. M.* The Attitude of Byzantine Chronicles Towards Ancient Hisrtory. P. 208.

[35] *Fishman-Duker R.* The second Temple Period in Byzantine Chronicles // Byzantion. 1977. T. 47. P. 139—141.

[36] I. Bekkerus. CB. P. 221,5.

[37] *Авилушкина Л. Т.* Апокрифический сюжет о Лоте в «Хронике» Михаила Глики и в древнерусских памятниках // Научные доклады международной конференции «Россия—Крым—Балканы: диалог культур» (Севастополь, 6—10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 114—116.

[38] I. Bekkerus. CB. P. 379,2—383,9; 435,7—457,12.

[39] Ibid. P. 383,10—435,6.

[40] *Mavromati-Katsouyannopoulou S.* Chrohographia. P. 522—533.

[41] Ibid. P. 51.

[42] *Авилушкина Л. Т.* Структура третьей части Хроники Михаила Глики и место в ней новозаветных сюжетов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 122—130.

[43] I. Bekkerus. CB. P. 460,1—625,4.

дам: основными являются хроники Георгия Амартола, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары и Константина Манасси, как дополнительные источники использовались другие сочинения разного характера (например, «Отечество Константинополь», жития и др.), а для некоторых эпизодов установить источники не удалось. Несмотря на большую зависимость этой части «Хроники» от ее источников, и здесь прослеживается индивидуальный подход автора к историческому материалу. Глика более кратко передает политические и военные события и уделяет пристальное внимание событиям церковной истории, приводя дополнительные сведения о некоторых ее событиях, например таких, как ереси, семь первых вселенских соборов, чудеса и мученичества из источников не сугубо исторического характера или из не установленных пока источников.[44]

Проведенный анализ структурных особенностей «Хроники» дает нам возможность сделать вывод, что Глика вносит определенные изменения в традиционную структуру византийской хроники. Во-первых, начальная часть «Хроники», в которой содержатся «Шестоднев» и обширные теологические рассуждения автора, является новым вкладом Михаила Глики в византийскую хронографическую традицию, поскольку другие византийские всемирные хроники не имеют подобного по содержанию раздела. Во-вторых, Глика по сравнению с предшествующими хронистами излагает события ветхозаветной истории подробнее, включая в свое повествование библейские и апокрифические сюжеты, отсутствующие в других хрониках. В-третьих, события новозаветной истории он описывает намного полнее, чем другие хронисты, и сопровождает изложение многих ее эпизодов своими комментариями. Характерные черты, присущие только «Хронике» Михаила Глики, позволяют полагать, что в рамках традиционного хроникального повествования Глика, вероятно, учитывая вкусы и запросы читателей своей эпохи, создает оригинальное по структуре и содержанию сочинение, включая в него не только сведения исторического характера, но также сведения по естествознанию, медицине, теологии. В «Хронике» Михаила Глики, на наш взгляд, происходит слияние двух основных направлений христианской византийской историографии — светской и церковной, что позволяет видеть в ней в определенной степени новый тип исторического повествования, который в византийской хронографической традиции не имеет аналогий.

[44] *Mavromati-Katsouiannopoulou S.* Chronographia. P. 535—574.

MIRJANA ŽIVOJINOVIĆ

SUR LES ECCLÉSIASTIQUES D'APRES LES DOCUMENTS ATHONITES

D'après les documents disponibles, les ecclésiastiques (*ekklèsiastikoi*), dans les actes serbes *cr'kovnici* — prêtres et officiers de l'église de la Mésè et des églises conventuelles —, n'apparaissent comme signataires d'actes du Prôtaton, à la différence des économes, des écclésiarques ou des épitérètes,[1] qu'à partir du XIVème siècle. Ceci pourrait indiquer qu'ils n'étaient jusque là nullement impliqués dans la gestion des affaires administratives de l'Athos, d'où le caractère très rare et succinct des données les concernant. Nous essaierons ici, sur la base de toutes les mentions et signatures de titulaires de cette fonction, ainsi qu'à l'observation des données sur leurs cellules et vignes à Karyés, de revenir sur leur apparition, d'établir la place qu'ils occupaient dans la hiérarchie des officiers du Prôtaton et dans les assemblées conventuelles, ainsi que les tâches qui leur étaient imparties.

Les ecclesiastiques de l'eglise du protaton

Les ecclésiastiques du Prôtaton sont des moines et hiéromoines que les «monastères de la Sainte Montagne, comme cela est l'usage, envoient à la Laure de Karyés» est-il précisé dans un acte de juin 1377.[2] Il est donc question d'une pratique très ancienne — à savoir l'obligation faite aux monastères les plus riches, donc à ceux pouvant en supporter la charge, d'entretenir un ecclésiastique à Karyés.[3] La plus ancienne donnée attestant cette pratique figure dans un acte du prôtos Paul de juillet 1089 qui, statuant sur les droits et la position du monastère rénové de Xénophon dans la hiérarchie des

[1] Cf. Archives de l'Athos VII: *Actes du Prôtaton*, éd. dipl. par Denise Papachryssanthou, Paris 1975, 153—161; cit. *Prôtaton*.

[2] Archives de l'Athos II[2] : *Actes de Kutlumus*, éd. dipl. par P. Lemerle, Paris 1988, no 35, l. 33—35: ...καὶ πάντων τῶν τιμίων ἐκκλησιαστικῶν τῶν τε ἱερομονάχων καὶ μοναχῶν οὓς αἱ ἅγιαι τοῦ ἁγίου ὄρους μοναὶ εἰς τὴν λαύραν ταύτην ὡς ἔθος ἐξαποστέλουσι.

[3] Conclusion déjà avancée par D. Papachyssanthou, *Prôtaton*, 123.

© M. Živojinović, 2007

monastères athonites, a enjoint ce monastère «de déléguer un prêtre timide auprès de l'église de la Mésè, qui ne perturbera nullement la vie des anciens» (Ἔχειν ὀφείλεις καὶ κληρικὸν ἕνα ἐν τῇ ἐκκλησία τῆς Μέσεως εὐλαβῆ, τοῦ μή προσφέρειν σκάνδαλα τοῖς γέρουσι).[4] Le fait que Xénophon, à la suite de sa restauration entreprise dans les dernières années de la huitième décennie du XIème siècle par le grand drongaire Stéphanos, alors moine Syméon, s'était élevé, de modeste établissement qu'il était, au rang des grands monastères athonites ressort, d'après ce document, de la place (καθέδρα) que son higoumène occupait au Conseil du prôtos, ainsi que de la stalle correspondant lui revenant dans l'église de la Mésè où il se tenait avec ses moines.[5]

Si, comme nous le verrons dans la suite plus loin, d'autres monastères du rang de Xénophon, tels que Docheiariou, Philothéou, St-Pantéléèmôn, Xèropotamou ou Esphigménou, envoyaient, eux aussi, un ecclésiastique à Karyés, cela était le cas, déjà auparavant, pour les monastères les plus grands et les plus riches — la Grande Lavra, Vatopédi, Iviron et Chilandar. Bien que la première donnée connue rapportant que sur les 12 ecclésiastiques de l'église du Prôtaton, 4 étaient envoyés par les plus grands monastères, alors que les 8 autres venaient des autres monastères, ne date que du XVème siècle,[6] nous considérons que ces monastères étaient tenus à cette obligation depuis une époque bien antérieure, certains depuis leur fondation, d'autres depuis leur rénovation, etc. Il convient, en effet, d'avoir en vu le caractère conservateur de l'Athos s'agissant des usages, et en particulier des *typika*, et la valeur durable que s'y voyait conférer toute décision portée par des documents officiels. En tout état de cause, le *kellion* à Karyés, ainsi que la vigne voisine, qu'un monastère recevait du Prôtaton pour assurer le séjour et les besoins de l'ecclésiastique délégué auprès de l'église de la Mésè, devenaient sa propriété durable, comme cela était le cas pour tout autre bien concédé ou offert, tant à l'Athos qu'en dehors de la presqu'île.[7] Toutefois, lorsque ces *kellia* d'ecclésiastiques venaient à tomber en délabrement, soit à la suite de leurs dévastations par les pirates turcs, à cause, semble-t-il, de la facilité d'accès à Karyés, ou en raison des difficultés auxquelles étaient confrontés leurs monastères, on note que les moines demandaient au Prôtaton la permission de les renouveler. Ceci ressort, entre autres, assez clairement des exemples relatifs aux *kellia* de Docheiariou et de Xéropotamou.

[4] Archives de l'Athos XV: *Actes de Xénophon*, éd. dipl. par Denise Papachryssanthou, Paris 1986, no 1, l. 181—182; cit. *Xénophon*.

[5] L'higoumène de Xénophon devait siéger à côté de l'higoumène du monastère des Amalfènôn, et, en cas d'absence de ce dernier, à côté de l'higoumène de Vatopédi : *Xénophon*, no 1, l. 175—178.

[6] Ph. Meyer, *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster*, Leipzig 1894, p. 198, l. 10—14; cit. Meyer, *Haupturkunden.* Le texte connu comme Νόμος καί. Τύπος, établi vers la fin du XVe siècle dans le but de renforcer la position très affaiblie du prôtos (cf. Dionysia Papachryssanthou, Ὁ Αθωνικὸς μοναχισμός, ἀρχὲς καὶ ὀργάνωση, Athènes 1992, 315, n. 127; cit. Papachryssanthou, Μοναχισμός. trad. D. Papahrisantu, *Atonsko monaštvo. Počeci i organizacija*, Beograd 2003, 231, n. 127; cit. Papahrisantu, *Monaštvo*), de sorte que nous n'avons aucune raison de douter de l'exactitude des données concernant les ecclésiastiques.

[7] L'opinion déjà exposée par D. Vamvakas, *Note sur l'ancien monastère Athonite de Kaproulis*, Byzantion 50/2, 1980, 627.

Victime des fréquentes incursions des Agarènes, le *kellion* de Docheiariou, situé à l'intérieur du *kathisma* de Karyés, est tombé en ruines dans la seconde moitié du XIVème siècle, raison pour laquelle ce monastère a «négligé l'envoi, comme cela était l'usage, d'un ecclésiastique» (...ἠμέλει ἐξαποστέλλειν ὡς ἔθὸς ἐκκλησιαστικόν) pour l'église du Prôtaton.[8] Constatant cette situation, ainsi que le fait que Docheiariou n'avait pas reçu de vigne pour l'ecclésiastique (…οὐδε ἀμπέλιον ἔλαχεν ἔχειν τὸ τῆς τοιαύτης μονῆς ἐκκλησιαστικόν) le moine Iôasaph a décidé d'affecter pour les besoins de l'ecclésiastique de Docheiariou un *kellion* qu'il a fait construire à ses propres frais, ainsi que la vigne qu'il avait lui-même plantée.[9] Ayant accepté la requête de Iôasaph, ainsi que celle, portant sur la même affaire, que lui avaient adressée les moines de Docheiariou, le prôtos Charitôn a remis, en juillet 1378, le dit *kellion* et la vigne sise à proximité de ce dernier (τό ... κελλίον καὶ τὸ σχεδίως ῥηθὲν ἀμπέλιον) à Docheiariou ôtant ainsi à ce monastère la possibilité d'invoquer l'absence d'habitation pour justifier le non envoi d'un ecclésiastique à Karyés.[10] L'acte du prôtos Charitôn stipule que la vigne en question est plantée à proximité du *kellion* de l'ecclésiarque et du *kellion* de Kaproullè.[11] Ce dernier semble pouvoir être identifié avec l'actuel *konaki* de Simonopétra à Karyès, lui-même voisin de Saint-Etienne, l'actuel *konaki* de Dionysiou.[12] Lorsque Docheiariou s'est retrouvé déserté durant plusieurs années au début du XVème siècle[13] son *ekklèsiastikon kellion* sis au Prôtaton a connu une nouvelle période de délabrement. En conséquence, les moines de ce monastère ont demandé en 1514 le droit de le renouveler.[14] Après que le prôtos et les anciens ont soigneusement examiné cette demande ils ont affecté à Docheiariou un emplacement situé entre l'*ekklèsiatikon kellion* de Philothéou et celui du monastère des Russes.[15] Outre le prôtos Joseph, trois représentants de Philothéou et autant du monastère des Russes, l'acte délivré mentionne également les représentants des petits monastères voisins (ἐκ τῶν γειτόνων), de Makrou et de Kaproullè, qui, avec les autres représentants réunis à l'occasion, ont établi les fondations du *kellion*.

Une donnée nous informant sur la restauration du *kellion* ecclésiastique de Xèropotamou à Karyés date, elle aussi, du XVIème siècle. Nous y apprenons qu'en juillet 1539 s'est tenue une grande assemblée des Hagiorites au retour de l'ancien prôtos Eustratios qui ramenait de Moldo-Valachie des subsides

[8] Archives de l'Athos XIII : *Actes de Docheiariou*, éd. dipl. par N. Oikonomidès, Paris 1984, no 46, l. 1—4; cit. *Docheiariou*.

[9] Ibid. l. 4—13.

[10] Ibid. l. 15—19.

[11] Ibid. l. 13—14.

[12] Vamvakas, loc. cit.

[13] Cf. Ch. Kténas, Ὁ πρῶτος τοῦ Ἁγ. Ὄρους Ἄθω καὶ ἡ «Μεγάλη Μέση» ἢ «Σύναξις», ΕΕΒΣ 6, 1929, 279.

[14] Ibid. no 29, l. 1—3.

[15] Ibid. l. 3—6: …καὶ δὴ ἐπερωτήσας τόν τε πρῶτον καὶ τοὺς γέροντας τοὺς ἐπ' ἀκριβῶς ἐπιστάντας τὸν τόπον ἐπέδειξαν αὐτῇ τὸν τόπον τὸ ἀναμεταξὺ τὸ κελλίον τὸ ἐκκλησιαστικὸν τοῦ Φιλοθέου τὸ μοναστήριον καὶ τὸ ἐκκλησιαστικὸν τὸ κελλίον τῶν Ῥωσῶν.

destinés à tous les monastères et aux *kellia*.[16] Lors de cette réunion, à laquelle participaient outre le prôtos Gabriel, les higoumènes, prohigoumènes et *gérontes* d'une vingtaine de monastères athonites, il semble qu'a été tout d'abord abordé un problème concernant les ecclésiastiques de l'église du Prôtaton (ἀνάφεραν περὶ ἐκκλησιαστικῶν τῆ ἐκκλησίας τοῦ προτάτω).[17] Les représentants de Xèropotamou, le prohigoumène Germanos et le *gérôn* Christophoros, ont ensuite exposé que leur monastère ne possédait aucun *kellion* pour leur ecclésiastique (…ὅτι κελλίον ἐκκλησιαστικὸν οὐδὲν ἔχωμεν). Il leur a été répondu qu'il serait procédé à l'érection d'un kellion et qu'ils pourraient /alors/ y détacher un ecclésiastique (ὀκοδομήσεται τὸ κελλίον καὶ βάλετε ἐκκλησιαστικόν). Il ne s'agissait en fait que de la restauration d'un *kellion ekklèsiastikon* comme cela ressort de la suite du texte où il est dit que l'établissement en question se trouvait «entre le *kellion ekklèsiastikon* de Philothéou et celui d'Esphigménou, comme cela a été attesté par tous».[18] C'est donc ce *kellion*, situé derrière l'autel de la grande église, que les moines de Xèropotamou ont obtenu le droit d'ériger au même endroit (ἀπὸ τοῦ νῦν νὰ ἔχουσι ἄδιαν οἱ Ξιροποταμινοῖ νὰ οκοδομίσωσι τὸ ἑαυτὸν κελλίον ἀναμέσα τὸ Φιλοθεΐτικον καὶ τοῦ 'Εσφιγμένου ὀπίσω τοῦ βίματος τῆς μεγάλης ἐκκλησίας).[19]

Les vignes que possédaient les monastères à Karyés ont partagé le destin des *kellia ekklèsiastika*. Nous exposerons ici le cas de la vigne de Xénophon. Dans son acte de juillet 1089, faisant immédiatement suite à son injonction à Xénophon d'envoyer «un clerc timide» pour l'église de la Mésè, le prôtos Paul précise que ce monastère doit posséder une vigne de 2 modioi dans les environs du Siège de Karyés pour subvenir à l'entretien du «*kelliote* timide» (...κυβερνήσεως χάριν τοῦ εὐβλαβοῦς κελλιώτου) et qu'excepté cette vigne il ne doit jamais y acquérir une autre vigne.[20] Nous pensons que cette vigne était destinée au clerc qui séjournait à Karyés en tant que *kelliote*.[21] Toutefois, du fait de la négligence des moines, la vigne que Xénophon «possédait depuis de nombreuses années» au Siège de Karyés (πρὸ χρόνων πολλῶν ἀμπέλιον ἐκέκτητο ἐν τῶ τῆ Μέσεως τόπω) a progressivement dépéri, de sorte qu'au début du XIVème siècle, il n'était plus possible de déterminer avec précision l'endroit où elle avait été plantée. De fait, l'higoumène de Xénophon, l'hiéromoine Barlaam, a demandé avec

[16] Acte inédit, photo: Collège de France: ἤφερε ψηχικὸν ... ἀσπρα καὶ ἐδιεμέροισαν αὐτὰ εἰς ὅλα τὰ μοναστήρια καὶ τὰ κελλία. Je tiens à remercier ma collègue Vassiliki Kravari qui m'a facilité l'accès à ce document. Il est déjà connu de J. Bompaire, *Actes du Congrès international d'études byzantines II*. Ochrid 10—16. Septembre 1961, Beograd 1964, 539 et de P. Nasturel, *Le Mont Athos et les Roumains*, Roma 1986, 298—299.

[17] Le texte est ici partiellement illisible. Il est question d'une obligation de donation, peut-être de versement d'une certaine somme d'argent, aux ecclésiastiques de l'église du Prôtaton, faite aux monastères en vertu d'une décision écrite.

[18] Ibid: ...τὸ δὲ τὸ κελλίον αὐτὸν ἐκκλησιαστικὸν ἦτον ἀναμέσα τὸ Φιλοθεΐτικον τὸ ἐκκλησιαστικὸν καὶ τοῦ Εσφιγμένου, ὡς ἐμαρτυρίθει ὑπὸ πάντων.

[19] Ibid.

[20] *Xénophon*, no 1, l. 181—184: …ἔχειν δὲ μόνον καὶ τὸν διμοδίεον ἀμπελῶνα ἐν τῆ τῆς Μέσεως περιοχῆ...

[21] V. au-dessus et n. 4.

insistance, avant mai 1316, au prôtos Isaac que fût accordée à son monastère une vigne d'une superficie égale, prise parmi celles de la Mésè, ou un terrain en friche situé à peu près au même endroit.[22] Qu'il est bien ici question de la vigne obtenue par l'acte de 1089 ressort du fait que Barlaam a alors présenté un acte du feu prôtos Paul dans lequel sont consignées en détail toutes les possessions de Xénophon, y compris cette vigne.[23] En conséquence, le prôtos avec son Conseil cède à Xénophon, en mai 1316, une terre en friche de 2 modioi, sise près des vignes de la Mésè, pour que les moines de ce monastère y plantent une nouvelle vigne, à la place de l'ancienne, et qu'ils la possèdent sans entraves ni charge (...ὡστε φυτεῦσαι αὐτὴν καὶ αντὶ τοῦ παλαιοῦ ἀνεγεῖραι καὶ διὰ παντῶς νέμεσθαι ἀκωλύτως), car il est considéré, en vertu de l'acte du prôtos Paul, qu' on restitue au monastère une terre lui appartenant et, même si cette terre était estimée comme appartenant à la Mésè, les moines ne seront soumis à aucune redevance,[24] vraisemblablement en raison de la nécessité d'entretenir le clerc de Xénophon rattaché à l'église de la laure de Karyés.

Avec le temps, le *kellion* dans lequel vivait un ecclésiastique, et la vigne qui lui est rattachée ont fini par être désignés par l'épithète *ekklèsastikon*. Toutefois, alors que nous trouvons un premier *ampélion ekklèsiastikon,* déjà en juillet 1378, dans l' acte du prôtos Dorothée,[25] s'agissant des *kellia* cette qualification, à notre connaissance, n'apparaît pas avant le XVIème siècle, à savoir deux actes datés de 1514 et 1539. Les *kellia* à Karyés de plusieurs monastères — Docheiariou, Philothéou, St-Pantéléèmôn (des Russes), Xèropotamou et Esphigménou, y sont, en l'occurrence, régulièrement qualifiés d'*ekklèsiastika*.[26] Nous pouvons également y ajouter un acte de 1561/1562 faisant état de l'*Ekklèsiastikon kellion* de Lavra à Karyés.[27]

L'entretien des ecclésiastiques. — Outre une certaine somme d'argent que les monastères du Mont Athos étaient, peut-être, tenus de verser pour l'entretien des ecclésiastiques de l'église du Prôtaton,[28] ils subvenaient également à leurs besoins en leur fournissant une certaine quantité de denrées, à l'exclusion du vin. Cette exception ressort du fait que le vin ne figure pas au nombre des denrées que les ecclésiastiques recevaient chaque mois, d'après le document de la fin du XVème siècle, de leurs monastères : une mesure de

[22] *Ibid*, no 11, l. 1—5. Sur Barlaam, qui était l'higoumène de Xénophon de 1312 à 1325, cf. *Ibid*, 47.

[23] Ibid, no 11, 5—10: …ὑπεδείκνυ γὰρ καὶ γράμμα ἡμῖν εἰς τὴν τῆς ἀληθείας παράστασιν τοῦ μακαρίτου ἐκείνου καὶ ὁσιωτάτου πρώτου κυροῦ Παύλου, ἐν ὦ εἰσι πάντα τὰ τῆς μονῆς ἐμπεριειλημμένα λεπτομερῶς καὶ αὐτό δὴ μετὰ τῶν ἄλλων τὸ ῥηθὲν διμοδιαῖον ἀμπέλιον.

[24] Ibid, l. 10 sqq.

[25] *Docheiariou*, no 46, l. 12—13..

[26] V. au-dessus et n. 14, 15 et 18.

[27] D'après Papachryssanthou, Ἀθωνικὸς μοναχισμός, p. 316, n. 127 ; trad. Papahrisantu, *Atonsko monaštvo*, p. 231, n. 127. Cf. *Lavra I*, App. II, l. 78: ἕτερον κελλίον τὸ Ἐκκλησιαστικόν (τὸ ἐντὸς τῶν Καρυῶν κοιμητήριον).

[28] V. au-dessus, n. 17.

farine et une remise d'huile, ainsi que de la cire et de l'encens.[29] Qui plus est, la formule *ekklèsiastikon ampélion* montre que cette vigne était rattachée à l'ecclésiastique qui en recevait le vin nécessaire pour la célébration de la liturgie.

Les ecclésiastiques du XIVème siècle. — Nous connaissons uniquement trois ecclésiastiques figurant comme signataires d'actes du prôtos et de son Conseil aux côtés d'autres officiers du Prôtaton, proches d'eux par leur rang et leurs fonctions, ainsi que de représentants d'établissements situés pour la plupart dans les environs de Karyés. Il y est question de la concession à certains monastères athonites de biens sis le plus souvent à Karyés (1316, 1366, 1375) et, pour un quatrième acte, de la confirmation de l'achat d'un tel bien à Karyés (1377). Le *pécheur* Mélétios est tout d'abord l'avant dernier signataire de l'acte déjà mentionné du prôtos Isaac de mai 1316.[30] Il est significatif que ce Mélétios, premier ecclésiastique connu, «sûrement de l'église de Karyés»,[31] portant ce titre, ne mentionne pas qu'il est officier de Karyés, à la différence de l'ecclésiarque,[32] de l'épistémonarque[33] et du paraecclésiarque,[34] également signataires de ce document.

Le second de ces ecclésiastiques, le moine Iôv, signe en dernier un acte du prôtos Dorothée et des *gérontes,* qui rattache au monastère des Russes, en janvier 1366, le *kellion* du papas Kornèlios avec son olivaie.[35] Ce Iôv semble avoir été amené au Prôtaton par le prôtos serbe Dorothée, comme son homme de confiance, de sorte qu'il y apparaît comme le *cr'kovnik prôtov*, après les

[29] Meyer, *Haupturkunden*, p. 198, l. 14—16 ; sur ce document, v. ci-dessus, n. 6. Sur la mesure (*mouzourion*, *mazourion*), cf. E. Schilbach, *Byzantinische Metrologie*, München, 1970, 139.

[30] *Xénophon*, no 11, l. 28: † Μελέτιος ἁμαρτωλὸς καὶ ἐκκλησιαστικὸς καὶ αὐτὸς ὑπέγραψα †

[31] Cf. Remarque déjà faite par D. Papachryssanthou : *Xénophon*, p. 117. Sont également signataires l'épitérète Kallistos en janvier 1375 et les deux anciens épitérètes Iôakeim et Kallistos en juillet 1377, qui ne précisent pas être officiers de Karyés (v. au-dessous, n. 42, 45).

[32] *Xénophon*, no 11, l. 25: …Niphon ecclésiarque τῆς σεβασμίας μεγάλης λαύρας τῶν Καρεῶν signe après le prôtos Isaac, l'higoumène d'Alypiou et les proistaménoi de Rabdouchou et de Rabda (*Xénophon*, no 11, l. 19-24). Sur l'emplacement de Rabdouchou dans la région de Karyés, cf. Archives de l'Athos XVII, *Actes du Pantocrator*, éd. dipl. par Vassiliki Kravari, Paris 1991, 29-30. L'établissement de Rabda " était situé à proximité de Karyés ", cf. Archives de l'Athos XIV, *Actes d'Iviron I*, éd. dipl. par J. Lefort et al., Paris 1995, 204.

[33] Ibid, l. 27: Hilariôn … épistémonarque de la grande laure de Karyés signe entre l'higoumène de Xystrè (l. 26), dont la signature suit celle de l'ecclésiarque (v. au-dessus, n. 32); Hilariôn est le seul épistémonarque portant ce titre connu dans les dossiers des monastères athonites. Attendu que "les fonctions de *l'épistèmonarchès* étant ailleurs comparables à celles de l'officier qu'on appelle à l'Athos l'*épitérète*, — Papachryssanthou se demande — si Hilariôn, qui signe en 1316 avec ce titre, n'est pas un épitérète qui voulut user d'un terme moins banal " (cf. *Prôtaton*, 150). Le *monydrion* de Xystrè est identique à l'actuel Serai de Karyés, cf. Archives de l'Athos IX, *Actes de Kastamonitou*, éd. dipl. par N. Oikonomidès, Paris 1978, 47; cit. *Iviron I*.

[34] Ibid, 29: Naucratios ... *paraecclésiarque* de Karyés signe le dernier, c.-à-d. après l'ecclésiastique (v. au-dessus, n. 30); il est aussi le seul officier de Karyés, portant ce titre, connu dans les dossiers athonites, cf. *Xénophon*, 117.

[35] Archives de l'Athos XII, *Actes de Saint-Pantéléèmôn*, éd. dipl. par P. Lemerle et al., Paris 1982, no 14, l. 25: † **Іѡв монах црьковникь прѡтовь** †; cit. Pantélèmôn.

signatures des higoumènes de trois petits monastères et de trois officiers du Prôtaton, à savoir l'ecclésiarque,[36] l'épitérète[37] et le domestique du choeur droit.[38]

Finalement, le moine Damianos, ecclésiastique de Chilandar, est le dernier signataire[39] de l'acte par lequel le prôtos Gérasimos avec son Conseil cède en janvier 1375, de façon irrévocable, le *kellion* Plakas à Chilandar.[40] Excepté Damianos, parmi les autres officiers du Prôtaton, ce document a été signé par l'ecclésiarque[41] et l'épitérète.[42] Deux ans plus tard, en juillet 1377, ce même Damianos signe en dernier, en tant qu'hiéromoine et ecclésiastique de Chilandar, un acte par lequel l'hiéromoine Daniel lègue un des étages de son kellion à Karyés au Prôtaton alors qu'il vend le second à Chilandar.[43] Outre par le prôtos Charitôn, cet acte de donation et de vente a été homologué par les signatures des higoumènes de deux petits monastères[44] et, parmi les officiers du Prôtaton, des deux anciens épitérètes,[45] du grand

[36] Ibid, l. 18: L'hiéromoine Kyrillos … ecclésiarque de Karyés, signe le premier après le prôtos.

[37] Ibid, l. 20 : L'hiéromoine Iôannikios … épitérète de la Sainte Montagne, signe après le moine Théophilos Plakas (l.19), dont la signature suit première celle de l'ecclésiarque; Papachryssanthou (*Monacismos*, 411, n. 318; 413, n. 326; trad. *Monaštvo*, 302, n. 318; 303, n. 326) remarque que ce Théophilos Plakas signe parfois o` pote. Plaka/j et attire l'attention sur le fait qu'entre 1347 et 1377 un Théophilos ou plisieurs moines portant ce même nom signent vingtaine de document.

[38] Ibid, l. 23: Le moine Iakôbos …. domestikos du coeur droit, officier «chargé de la fonction ecclésiastique dans l'église du Prôtaton», cf. *Pantéléèmôn*, 113. Il a posé sa signature parmi les sigantures des higoumènes de Pseudaki, de Chana (l. 21, 22) et celle de l'higoumène de Stéphanou (l.24), petits établissements dont l'emplacement devait plus ou moins se trouver dans les environs de Karyés.

[39] Petit, *Chilandar*, no 156, l. 50: † Δαμιανὸς μοναχὸς καὶ ἐκκλησιαστικὸς τοῦ Χιλανταρίου.

[40] Les signatures du moine Théophilos Plakas (l. 44), venant après celle du prôtos et de l'ecclésiarque-a, plutôt inattendues sur ce document, ainsi que sur l'acte de juillet 1377 (v. au-dessous, n. 44), révèlent qu'il était très certainement un personnage influent et respecté au Prôtaton. En l'occurrence très rares sont «exemples de représentants de couvents dépendants qui signent des actes établis au Prôtaton»: *Xénophon*, no 18, l. 57 et cf. Ibid, 9, n. 7.

[41] *Ibid*, l. 43: L'hiéromoine Kyrillos, ecclésiarque de Karyés, signe le premier après le prôtos.

[42] Ibid, l. 47: L'épitérète Kallistos signe après les moines Théophilos-a (v. au-dessus, n. 37, 40), Iôannikios (l. 45; qui est n'est pas connu d'ailleurs) et Iônas Komatas (l. 46), que nous supposont être représentant du monastère du même nom (sur le nom Kommatas, cf. *Prôtaton*, p. 158, n. 445), et avant l'hiéromoine Mènas, scribe de cet acte (l. 48-49), et l'ecclésiastique, dernier signataire (v. au-dessus, n. 39).

[43] Chil. Suppl., no 9, l. 38-39: † 'Ο ἐλάχιστος ἐν ἱερομονάχοις Δαμιανὸς καὶ ἐκκλησιαστικὸς τῆς σεβασμίας βασιλικῆς μονῆς τοῦ Χελανταρίου †

[44] Le moine Théophilos Plakas (l. 31, v. au-dessus, n. 42) signe le premier après le prôtos Charitôn, métropolite d'Oungrovlachie (l. 30). Les higoumènes de Chairontos et de Makrogénè/Makrygénè (l. 34—35) signent après les deux anciens épitérèretes et avant le scribe de cet acte l'hiéromoine Matthaios (l. 36—37). Le monastère de Chairontos était limitrophe d'Arméniou à Xèrokastron (cf. *Iviron I*, p. 231). Sur l'emplacement de Makrygénè près de la route publique en direction de Karyés, cf. Archives de l'Athos XXI: *Actes de Vatopédi I*, *dès origines à 1329*, éd. dipl. par J. Bompaire et al., Paris 2001, 26—27 et n. 29; cit. *Vatopédi I*.

[45] Ibid, l. 32-33: les moines Iôakeim et Kallistos, anciens épitérètes (sur ceux-ci, cf. *Prôtaton*, 158) signent après Théophilos Plakas (v. au-dessus et n. 44).

économe[46] et de l'ecclésiastique mentionné. Compte tenu qu'aucun de ces deux documents n'exigeait la signature du représentant de Chilandar, établissement y apparaissant en tant que partie à laquelle ils sont adressés, force est d'estimer que Damianos les a signés en tant qu'officier du Prôtaton, envoyé et entretenu à Karyés par Chilandar. Qui plus est, les dossiers athonites n'offrent aucun exemple d'ecclésiastique ayant représenté son monastère.

Préséance des ecclésiastiques. — Le bon déroulement du cérémonial ecclésiastique exigeait que le personnel de l'église du Prôtaton soit au complet tout comme le respect de la préséance établie et de l'ordre d'affectation des sièges aux membres du Conseil du prôtos.[47] Ainsi, en juillet 1378, la décision du prôtos Charitôn d'attribuer un kellion à l'ecclésiastique de Docheiariou à Karyés a également été motivée par la volonté de compléter le personnel de l'église du Prôtaton (…ἵνα ἀπό γε τοῦ νῦν ἀναμφιβόλως εὑρίσκεται εἰς ἀπαρτισμὸν τῆς ἐκκλησίας ἡμῶν).[48] De même, dans l'église du Prôtaton l'ordre des stalles (*stasidia*) des ecclésiastiques de certains monastères correspondait à celui des sièges (καθέδραι) de leurs higoumènes au Conseil du prôtos. Cet ordre devait strictement respecter;[49] ceci ressort clairement d'un acte du prôtos Dorothée et de son Conseil ayant mis un terme, en décembre 1361, à une vieille querelle qui opposait les moines de Docheiariou à ceux de Xénophon au sujet de leurs stalles dans l'église du Prôtaton. Les Xénophôntinoi contestaient à l'ecclésiastique de Docheiariou le droit d'avoir le pas sur le leur et réclamaient une modification de préséance. Cette revendication était fermement rejetée par les Docheiaritai qui en appelaient à une longue habitude et à la préséance qui leur revenait depuis très longtemps (…τῆς μακρᾶς αὐτῶν καὶ πολυχρονίου νομῆς καὶ συνηθείας).[50] Compte tenu que cette querelle allait en s'aggravant, le prôtos, procédant à une enquête détaillée, a appris de témoins dignes de foi que déjà depuis l'époque du prôtos Isaac, lequel, à la demande des Xénophôntinoi, s'était penché sur le même problème, l'ecclésiastique de Docheiariou occupait la place qui était présentement la sienne, c'est-à-dire à l'époque de

[46] Ibid, l. 40 : l'hiéromoine Daniel, grand économe, signe dernier, ce qui n'est pas surprenant, cf. *Prôtaton*, 153.

[47] Le fait que la décision d'octroyer une *stasis* et une *cathédra* était de la compétence de prôtos ressort d'une donnée concernant un *agros* de Kalyka à Karyés. D'après un accord conclu entre le moine Macaire, occupant de cet *agros*, et l'higoumène Nicéphore de Lavra, ce monastère a obtenu la jouissance de ce bien, ce que le prôtos Gabriel confirme dans ce document daté du 20 octobre 1153, en ajoutant une clause spéciale: «attendu qu'il /le prôtos/ a donné à un tiers, à titre d'arrangement (οἰκονομία χάριν), la place (στάσις) et le siège (καθέδρα) que le moine installé dans cet *agros* possédait dans l'église et au tribunal (ἐν τῇ ἐκκλησία καὶ τῷ κριτηρίῳ), l'higoumène [Nicéphore] ni aucun de ses successeurs ne pourra revendiquer ce droit, mais ils devront se contenter de ce qu'ils ont reçu, à savoir l'*agros* avec tous ses privilèges et dépendances, mais sans la *stasis* ni la *cathédra*» (Archives de l'Athos V: *Actes de Lavra I, dès origines à 1204*, éd. dipl. par P. Lemerle et al., Paris 1970, no 62, l. 28—33).

[48] *Docheiariou*, no 46, l. 10.

[49] Cf. Le *Diataxis* du fondateur du monastère de Boreinè de 1247 dans *Vatopédi I*, no 15, l. 105: Οἱ ἐκκλησιαστικοὶ ὀφείλουσι κεκτῆσθαι τὴν προσήκουσαν τιμὴν ἔν τε καθέδραις, στάσεσι καὶ φιλοτιμίαις).

[50] *Docheiariou*, no 37, l. 4.

Dorothée.[51] Le conflit résultait de toute évidence du fait que la préséance entre Docheiariou et Xénophon n'avait jamais été clairement établie,[52] de sorte que dès 1316, lorsque l'higoumène de Xénophon a commencé à signer, et respectivement à siéger, avant celui de Docheiariou, les Xénophôntinoi ont également demandé la place de l'ecclésiastique de Docheiariou. Le prôtos et son Conseil, approuvant ce en quoi leurs prédécesseurs «avaient correctement agi», ont confirmé que les *ekklèsiastikoi* des monastères mentionnés devaient garder à l'avenir les stalles qui étaient présentement les leurs, à savoir que celui de Docheiariou devait avoir le pas sur celui de Xénophon et signifiaient que les Docheiaritai ne devaient plus être importunés sur ce point par les Xénophôntinoi.[53]

Les ecclesiastiques des monasteres

Compte tenu que les monastères athonites étaient tenus d'envoyer un ecclésiastique à Karyés, des moines assurant une telle fonction devaient faire partie de leur confrérie respective. Toutefois, il semble que le terme *ekklésiastikos* n'était pas en usage à l'Athos aux Xème et XIème siècles. Il ne figure pas non plus dans le *Typikon*, ni dans l'*Hypotiposis* d'Athanase, le fondateur de la Grande Lavra. Il nous semble donc que c'est la raison pour laquelle le «clerc timide» que Xénophon se voit enjoindre d'envoyer pour les besoins de l'église de la Mésè n'est pas mentionné en tant qu'ecclésiastique.[54] De fait, le devoir de veiller aux besoins de l'église conventuelle, et en particulier à la discipline durant la liturgie, a été conféré par Athanase à l'*épistèmonarchès,* à l'*épitérètès* et aux deux *thyrôroi*.[55] A notre connaissance le terme ecclésiastique, en serbe *cr'kovnik*, apparaît pour la première fois dans le *Typikon* de Chilandar : tout d'abord dans la phrase introductive du chapitre 13, qui, rappelant le mode de nomination de l'higoumène, de l'économe et de l'ecclésiarque, désigne ce dernier comme le premier *cr'kovnik*;[56] puis dans une disposition du chapitre 27, qui, revenant sur la remise de vêtements et de

[51] Ibid, l. 6—11: …ὡς ἀπὸ τοῦ καιροῦ τοῦ ... ἐκείνου κῦρ Ἰσαάκ πρώτου χρηματίσαντος ..., ἄχρι καὶ νυνὶ ἐκεῖσε εἰδέναι καί ὁρᾶν καθ' ἑκάστην τὸν τοῦ Δοχειαρίου ἐκκλησιαστικὸν ἱστάμενον, ἔνθα καὶ νῦν ὁρᾶται ἱστάμενος. Sur les rapports entre les moines de Xénophon et le prôtos Isaac, cf. *Xénophon*, 20—22.

[52] N. Oikonomidès (*Ibidem*, 216) a déjà relevé cette situation en rappelant qu' en 1262 et 1314 les higoumènes de Docheiariou signent avant ceux de Xénophon, alors que cet ordre est inversé par la suite (1316, 1322, 1363).

[53] Docheiariou, no 37, l. 11—21.

[54] V. au-dessus et n. 4.

[55] *Hypôtyposis* d'Athanase, éd. Meyer, *Haupturkunden*, 135, l. 20—35; cf. *Vie de saint Athanase l'Athonite*, Analecta Bollandiana 25 (1906), 37, l. 9—28 = J. Noret, *Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athonitae*, CCSG 9, Louvain 1982, 153—154, l. 26—49, où sont également mentionnés les deux *thyrôroi*, qui à l'entrée du *narthèx*, surveillent ceux qui ne font pas partie du choeur et s'enquièrent des raisons du retard de certains moines ou de leur départ avant la fin de l'office. Sur l'épitérète, qui «exerçait une fonction de surveillance», cf. *Prôtaton*, 155—156 et sur l'épistémonarque, v. ci-dessus, n. 33.

[56] *Hilandarski tipik. Rukopis CHIL AS 156*, préparé par D. Bogdanović, Beograd 1995, 27, l. 7—8 (chap. 13), dans la traduction par erreur le premier ecclésiastique a été traduit par le premier ecclésiarque (*Ibidem*, 72); cit. *Hil. tipik.*

chaussures aux membres de la confrérie, s'arrête en particulier sur les ecclésiastiques: ...et que les *cr'kovnici* reçoivent abondamment les sandales (*kalige*) et, pour la nuit, des vêtements de nuit, dans la mesure des possibilités du monastère. Et qu'également il leur soit remis à chacun un litre d'huile par an pour l'éclairage de leur cellule. Et qu'à chacun soit donnée de la laine à raison d'une toison par an, si nécessaire en l'achetant.[57] Ceci se rapportait de toute évidence aux ecclésiastiques affectés à la liturgie et à quelques autres tâches liées à l'église de Chilandar. Outre ces ecclésiastiques, il existait aussi des *cr'kovnici* célébrant la liturgie dans les cellules, comme le révèle la suite du chapitre 27: «et qui sont des *cr'kovnici* nommés par l'higoumène pour réciter l'office du *kellion*, qu'il leur soit remis à chacun trois litres d'huile par an, mais il convient qu'ils soient deux par cellule, qu'ils accomplissent leur office avec une veilleuse, et que la lumière leur dure un an.[58] Or, il s'agit là de deux passages du *Typikon* de Chilandar qui, tout comme le chapitre 15 où est évoquée la nomination de l'ecclésiarque, s'écartent de leur modèle — le *Typikon* d'Evergétis.[59] Les parties du texte restant fidèles à son modèle grec et se rapportant au cérémonial religieux, reprennent pour désigner l'ecclésiastique le terme de prêtre (ἱερεύς).[60]

Au XIVème siècle plusieurs *cr'kovnici* de Chilandar et de Saint-Pantéléèmôn nous sont connus d'après les listes des frères présents lors d'assemblées ayant adopté certaines décisions. Pour Chilandar il s'agit de deux actes relatifs au *kellion* de Saint-Sabbas à Karyés — l'un concernant l'achat d'*adelphata*, en juin 1332, et le second, plaçant le *kellion* sous l'administration de l'impératrice Jelena, alors moniale Jelisaveta, vers 1360. Le premier de ces documents mentionne, venant après ceux du grand économe, de l'ecclésiarque, du *gérôn* du *pyrgos* et de plusieurs anciens et prêtres, les noms de sept ecclésiastiques (*cr'kovnici*): Danilo, David, un second Danilo, Simon, Mihej, Vasilije, Damjan.[61] Quant à la seconde liste, rattachée à la décision de 1360, elle contient les noms de onze ecclésiastiques (*cr'kovnici*): Neofit, pop Jasaf, pop Damijan, Averkije, Teodosije, Makarije, Andonije, Teodosije et un second Teodosije diacre, Arsenije, Isaija[62] — faisant suite à ceux des *gérontes* du kellion de Saint-Sabbas à Karyés et du pyrgos de Chrysè, du grand économe, de l'ecclésiarque, de deux pères spirituels, du grand économe du métoque de Chilandar à Thessalonique,

[57] Ibid, 38, l. 1—30; trad. 82 (chap. 27).

[58] Ibid, 38, l. 30—35, trad. 82.

[59] Il est bien connu que le *Typikon* d'Évergétis a servi de modèle lors de la composition du *Typikon* de Chilandar, cf. M. Živojinoviæ, *Hilandarski i Evergetidski tipik*, ZRVI 33, 1994 87 sqq., avec l'ancienne littérature; Lj. Juhas-Georgievska dans *Hil. tipik*, 116 sqq.

[60] Ibid, 10, l. 12; (chapitre 4) et trad. 61; 13, l. 21—22; 14, l. 13, 19 (chapitre 6) et trad. 64; 19, l. 8 (chapitre 9) = *Typikon d'Évergétis*, éd P. Gautier, REB 40, 1982, l. 88 (cette partie du texte du *Typikon* de Chil. est perdue), l. 109, 201, 223, 228, 341.

[61] *Povelja bratskog sabora manastira Hilandara o adelfatima za karejsku keliju Svetog Save Jerusalimskog*, éd. par Dragić Živojinović dans Stari srpski arhiv 2, 2003, 45, l. 54-55; les éditions anciennes sont notées: *Ibid*, 42.

[62] *Akt hilandarskog bratskog sabora o davanju kelije Svetog Save Jerusalimskog u Kareji carici Jeleni*, éd. par D. Živojinović, dans Stari srpski arhiv 3, 2004, 93, l. 60—62; la mention des éditions anciennes: *Ibid*, 91.

du grand docheiare, de plusieurs anciens et de prêtres. Sur ces deux listes les *cr'kovnici* sont suivis du parecclésiarque, du paréconome, du trapézaire, du vagénaire, du paradocheiare, respectivement du docheiare dans la seconde liste, et sur laquelle uniquement de l'higouménarque[63] et du *portarios*.[64]

S'agissant de Saint-Pantéléèmôn, il est question de deux décisions de l'assemblée des frères concernant toutes deux des contrats d'achat d'*adelphata*, le premier datée de 1395/96 et le second entre 1402 et 1422, et signées par tous les officiers du monastère. Dans la liste des frères ayant adopté la première de ces décisions les *cr'kovnici* Spyridon et Théophane viennent après l'higoumène, les deux prohigoumènes, l'ecclésiarque, et plusieurs anciens, prêtres et diacres, et avant l'higouménarque, l'économe, le trapézaire et le docheiare.[65] A la différence des ces deux premiers, les six *cr'kovnici* de la seconde liste — Théophane, Théodule, Dosythée, Spyridon, Moïse et Aberchye, sont mentionnés en derniers, c'est-à-dire après l'higoumène, l'ecclésiarque, les deux prohigoumènes et plusieurs pères spirituels, prêtres, anciens et membres du chapitre, ainsi qu'après l'higouménarque, l'économe, le trapézaire, le parecclésiarque, le docheiare et plusieurs diacres.[66]

Les fonctions des ecclesiastiques

Il ne fait doute que les ecclésiastiques rattachés à l'église de Karyés et ceux existant dans divers monastères exerçaient les mêmes fonctions, parmi lesquelles les plus importantes étaient celles de participer à la liturgie[67] et de veiller au bon déroulement des offices.[68] Leur obligation de participer à la liturgie est mentionnée par le prôtos Dorothée dans son acte de décembre 1361 «et de suivre dans la paix de l'âme et avec dévotion les cérémonies de l'église».[69] La compétence des ecclésiastiques était semblable à celle de l'ecclésiarque, comme l'atteste notamment la mention de ce dernier en tant que premier ecclésiastique.[70] Le fait que l'emploi du terme «épistémonarque»

[63] *Igoumenarh'* (noté après le paréconome: l. 63—64) était chargé de l'accueil et du logement des hôtes du monastère, cf. *Ibid*, 105.

[64] *Portar'* (noté après le docheiare: l. 65) moine qui se tenait au porte du monastère et autorisé l'entrée et la sortie de ceux qui en avaient obtenu la permission de l'higoumène, cf. loc. cit. et ci-dessus, n. 55.

[65] *Pantéléèmôn*: Actes serbes, éd. par S. Ćirković, no 12, analyse; *Akty russkogo na svjatom Afone monastyrja Sv. velikomučenika i celitelja Panteleimona*, Kiev 1873, 406.

[66] *Pantéléèmôn*: Actes serbes, no 14, analyze; *Akty ... Panteleimona*, 408.

[67] Dans le *Typikon du Christ Sauveur Pantocrator* (éd. P. Gautier, REB 32, 1974, p. 61, l. 537—541) de 1136 les ecclésiastiques sont désignés comme *ekklèsiazoméno*i et *ekklèsiazontes*, qui «se consacreront à la divine doxologie et s'adonneront exclusivement au chant des divines hymnes...».

[68] Sur ces deux fonctions — célébration de la liturgie et souci de préserver de bons rapports au sein de la confrérie sont clairement évoquées dans le Diataxis du fondateur du monastère de Boreinè: les «*ekklèsiastikoi* ... doivent prier pour tous et veiller et assurer les relations pacifiques entre les moines» (...ὡς ὀφείλοντες ὑπὲρ πάντων ὑπερεύχεσθαι καὶ ἐπαγρυπνεῖν καὶ δι' αὐτῶν συνίστασθαι τὸ εἰρηνικόν τε καὶ ἀτάραχον): *Vatopédi I,* no 15, l. 105—107 et cf. p. 139).

[69] *Docheiariou*, no 37, l. 19—20: ..καὶ οὕτως ἐκτελεῖν μετὰ εὐλαβείας καὶ φόβου Θεοῦ καὶ εἰρηνικῆς καταστάσεως τῆν τῆς ἐκκλησίας ἀκολουθίαν.

[70] V. au-dessus et n. 56.

a presque disparu à l'Athos[71] permet de supposer que les fonctions de cet officier ont été reprises par l'épitérète et l'ecclésiastique. Ceci viendrait confirmer l'idée d'une «évolution de ces fonctions qui se seraient adaptées progressivement aux besoins et aux conditions de vie de la communauté athonite».[72] Par ailleurs, compte tenu de la longévité des *typika* et des usages à l'Athos, nous pensons que l'*ekklèsiastikos* avait au moyen âge les mêmes fonctions qu'aujourd'hui[73] — à savoir s'occuper de l'entretien général de l'église, et notamment veiller sur les icônes thaumaturges[74] et à la décoration[75] et la propreté de l'église,[76] et assurer la discipline durant l'office.[77]

Par ailleurs, les signatures des ecclésiastiques relevées sur les documents du prôtos et de son Conseil (1316, 1366, 1375, 1377) montrent qu'au XIVème siècle cet officier, à l'instar des autres officiers du Prôtaton proches de lui par leur rang ou fonctions, ainsi que des représentants des petits monastères, principalement de voisins de Karyés, pouvait prendre part à l'adoption de décisions relatives aux transactions foncières à Karyés. De même, tout comme les officiers du Prôtaton, il pouvait également être témoin lors de l'établissement d'actes juridiques dans la chancellerie du Prôtaton, comme cela est le cas pour le testament de Manassès, moine du monastère de Kutlumus, établi en juin 1377.[78] Enfin, on note que l'ecclésiastique qui prenait part à l'adoption d'une décision du prôtos et de son Conseil occupait une place venant après celle de l'ecclésiarque et de l'épitérète, c'est-à-dire que lui aussi, à l'instar de l'ecclésiarque,[79] a progressé dans la hiérarchie athonite au XIVème siècle.

La présence de *cr'kovnici* parmi les frères qui prennent des décisions à Chilandar et Saint-Pantéléèmôn (1332, vers 1360, 1395/96, entre 1402 et 1422) révèle que dans les monastères également le rôle des ecclésiastiques devient plus important au XIVème siècle et qu'ils occupent alors probablement, comme à Chilandar, une place plus élevée dans la hiérarchie de la confrérie.

---

[71] V. au-dessus, n. 33.

[72] Cf. *Prôtaton*, p. 151.

[73] Opinion déja exposée par Papachryssanthou, *Monacismos*, 316, n. 127; trad. *Monaštvo*, 231, n. 127.

[74] Cf. Pl. de Meester (*De monachico statu iuxta disciplinam byzantinam*, Vaticanis 1942, p. 281, 52[6]: Nunc saepe custos est prodigiosae iconis in ecclesia asservatae) suivant en cela Kourilas (Ἄθως, article dans Θρησκευτικὴ καὶ Χριστιανικὴ Ἐγκυκλοπαιδεία Α', col. 579, d'après Papachrisanthou, loc. cit.) traduit *ekklèsiastikoi* par neôkoroi (Meester, *op. cit*., 328, 93[2]).

[75] Dans la traduction slave de XIV[è] siècle du Σύνταγμα κατὰ στοιχεῖον τῶν ... ὑποθέσεων τοῖς ... κανόσι ποιηθέν καὶ συντεθὲν ἐν ἱερομονάχοις ἐλαχίστῳ Ματθαίῳ, le terme *neôkoros* mentionné dans le deuxième canon du quatrième concile de Chalcédoine est traduit par *cr'kvokrasitelj*, c.-à-d. celui qui orne l'église (*Matije Vlastara Sintagmat*, éd. St. Novaković, Beograd 1907, 538 et n. 1).

[76] Dans le texte du même canon (éd. G. Rallès — M. Potlès, Su,ntagma tw/n qei,wn kai. i`erw/n kano,nwn II, Athènes 1852, réimp. 1966, 217 et n. 3) on a utilisé le terme *paramonarios* ou *prosmonarios*, c.-à-d. celui qui veille la propreté de l'église, cf. I. Sokolov, *Sostojanije monašestva v vizantijskoj cerkvi s poloviny IX do načala XIII veka*, Kazan 1894, p. 406.

[77] V. au-dessus, n. 68.

[78] V. au-dessus, n. 2.

[79] Concernant le progrès de l'ecclésiarque, cf. *Prôtaton*, 159.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

ВОЗВЫШЕНИЕ РОДА АКРОПОЛИТОВ В XIII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV В.

Акрополиты в истории Византии впервые упоминаются в X в.: один из них владел в это время в Константинополе домом знатной семьи Иверицы,[1] возможно тем самым, что стоял близ Акрополя,[2] от которого, вероятнее всего, и идет этимология патронима,[3] хотя имеются и другие, но менее убедительные точки зрения.[4] Согласно исследованию А. П. Каждана, в XI—XII вв. зафиксировано 8 представителей рода Акрополитов,[5] 6 из которых, начиная с царствования Алексея I Комнина, принадлежали к гражданской знати[6] и владели недвижимостью в Константинополе.[7] Среди них отметим *Николая Акрополита* (1088 г.) — вестарха, протоспафария и хартулария логофета стратиотской казны,[8] и *Михаила Акрополита* (середина XII в.) — великого хартулария логофета геникона, а

---

[1] *Preger Th.* Scriptores originum Constantinopolitarum. Leipzig, 1907. T. 2. P. 100. 1—2. См. также: *Janin R.* Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1960. P. 334.

[2] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Berolini et novi Eboraci, 1973. P. 198. 46—47; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkere suppletus et emendatus. Bonnae, 1839. T. 2. P. 279. 7—8.

[3] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII веков. М., 1974. С. 193, примеч. 198.

[4] См.: *Preger Th.* [Рец. на] Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. V. 1—2 // Berliner Philologische Wochenschrift. 1903. 24. S. 1542; *Lampros S.* 'Α'κροπολίτης 'όνομα παραγνωρισθέν // NE. 1905. 2. Ξ.159; *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 133.

[5] *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 94.

[6] Там же. С. 135.

[7] Там же. С. 126, 189.

[8] MM, VI, 50. 34—35; *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'Empire Byzantin. Paris, 1981. T. 2. N 345. В царствование Алексея I старые византийские титулы, имевшие высокий ранг при Василии II — протоспафарий, вест, вестарх, подверглись сильной девальвации и составляли по классификации А. П. Каждана 4-й и 5-й разряды: *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 104—111.

[9] *Laurent V.* 1) Les sceaux byzantins du Medailler Vatican. Vatican City, 1962. P. 70—71, N 81; 2) Les Corpus... N 353.

© П. И. Жаворонков, 2007

затем и дикайофилака.[9] Возможно, им, хотя не исключено, что это был другой Михаил Акрополит, подписана грамота от 1144 (или 1159) г.[10] Недавно в Аргосе была найдена печать, которую издатели датируют концом XII—началом XIII в., некоего *Георгия Акрополита*, но его титулатура неизвестна.[11]

То, что Акрополиты в XI—XII вв. принадлежали к знати, в основном гражданской, — несомненно. Об этом прямо говорит и их знаменитый потомок Георгий Акрополит.[12] Но занимали они довольно низкие ранги в титулярной лестнице.[13]

Расцвет и возвышение рода Акрополитов связаны с крупнейшим византийским историком XIII в., политиком и государственным деятелем, великим логофетом *Георгием Акрополитом* (1217—1282). Родился он в латинском Константинополе. Его отец, имя которого для истории осталось неизвестным, пользовался расположением латинян, имел большой дом, много слуг и служанок.[14] Георгий не был единственным ребенком в семье, но имен его братьев или сестер[15] мы также не знаем. Окончив элементарную школу в Константинополе, он 16-летним юношей прибыл в 1233 г. ко двору никейского императора Иоанна III Дуки, где был хорошо принят василевсом[16] и определен для продолжения учебы к ритору Феодору Экзаптеригу, а после его смерти (1236) — к философу Никифору Влеммиду. Вскоре Георгий становится ὀικεῖς императора, учителем его сына Феодора Ласкаря, получает первый придворный титул великого логариаста. К 1246 г. он уже логофет геникона, а при Феодоре II — великий логофет, титул которого он сохранил, несмотря на все политические и династические перипетии 1258—1261 гг., до конца своих дней. В целом биография Георгия Акрополита неплохо известна,[17] но в ней есть одно до сих пор «темное» место: кто была его жена и какова степень его родства с императором Михаилом VIII Палеологом?

В своей «Истории» Георгий Акрополит всего один раз упоминает о жене, не называя ее по имени.[18] В «Слове», написанном в форме типика его сыном Константином и посвященном восстановленному им же монастырю Анастасия в Константинополе, жена Георгия Акрополита (мать Константина) названа Евдокией,[19] без добавления какого-нибудь фамильного имени (например, Дукиня). С этим согласен Д. М. Найкль[20] и авторы в PLP.[21] Однако С. Б. Кугеас,[22] Д. И. Полемис[23] и Ст. Рек[24] на основе патриаршей грамоты от 1351 г.[25] полагают, что женой Георгия Акрополита была Мария Дукиня. Но в грамоте нигде не сказано, что умершая к тому времени Мария Дукиня Акрополитисса была женой Георгия Акрополита. Из грамоты следует, что церковь Богородицы Магулиотиссы (Мугулиотиссы),[26] заложенная в 1261 г. в районе Фанари (Панариу) Константинополя *тестем* Георгия Акрополита и законченная в 1266 г., о чем свидетельствует помета самого историка, владельца рукописи Paris graec. 2625,[27] перешла затем в собственность (вероятно, как дарение) Марии Дукини Акрополитиссы, ее дочери Феодоры и мужа последней — Димитрия Кондостефана. Впоследствии церковь и вся местность вокруг нее с баней, садами, виноградником и другой недвижимостью была куплена за 4 тыс. иперпиров Марией Палеологиней.[28]

Если считать Марию Дукиню Акрополитиссу женой Георгия Акрополита, то возникает ряд вопросов. Во-первых, непонятно, почему на собственность (церковь и землю) тестя Георгия Акрополита имеют права только его жена и дочь с мужем, а двое его сыновей (Константин и Мелхиседек) лишены этих прав.[29] Во-вторых, ни один источник не сообщает о Феодоре как дочери Георгия Акрополита. В-третьих, если эта Феодора Дукиня Акрополитисса с мужем Димитрием Кондостефаном идентична (а это скорее так) Феодоре Дукине Акрополитиссе, вышедшей замуж за Димитрия Комнина Кондостефана в 1300 г.,[30] то ей к этому

[10] *Petit L.* Le monastère de Notre-Dame de Pitié // ИРАИК. 1900. 6. 3. 33. 16—17.

[11] *Okonomou-Laniado A.* Un sceau de Georges Akropolite trouvé à Argos // REB. 1997. 55. P. 289—294.

[12] Georgii Acropolitae rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII correctior cur P.Wirth. Stuttgart, 1979. Vol. 1. P. 49. 18—19 (далее — Acrop.).

[13] А. П. Каждан почему-то не включил Акрополитов в число семей (257 из 340), обладателей титула. См.: *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 116—122.

[14] Acrop. P. 46. 16—19.

[15] Они названы обобщенно — τά τέκνα (отца): Ibid. P. 46. 19—20.

[16] Существует предположение, что между родами Акрополитов и Ватацев была отдаленная родственная связь: *Rek St.* Georgios Akropolites: poczatkí kariery dostojnika w cesarstwie Nicei // Kwartalnik historyczny. 1989. 1—2. S. 29—32.

[17] О ней см.: Georgios Akropolites (1217—1282). Die Chronik / Übersetzt und erläutert von W. Blum. Stuttgart, 1898. S. 4—35; *Rek St.* Georgios Akropolites... P. 27—39; *Георгий Акрополит.* История / Перевод, вступ. статья, коммент. и приложения П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 14—34 (далее — *Акрополит.* История).

[18] Acrop. P. 164.20.

[19] Constantini Acropolitae Epistularum manipulus / Ed. H. Delehaye // Analecta Bollandiana. 1953. 51. P. 282.

[20] *Nicol D. M.* Constantine Akropolites. A Prosopographical Note // DOP. 1905. 19. P. 251, 253.

[21] PLP, 518, 523, 7295.

[22] *Kugeas S. B.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης κτήτωρ του Παρισινου κώδικος του Σοήδα (cod. Paris graec. 2625) // Byzantina-Metabyzantina. 1949. 2. Ξ. 69—70.

[23] *Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968. P. 83.

[24] *Rek St.* Georgios Akropolites... P. 36. Правда, польский историк делает предположение, что перед смертью Мария приняла монашеское имя Евдокия.

[25] MM, I, 312.

[26] Эта церковь сохранилась до наших дней. О ее названии и последующей судьбе см.: *Kugeas S. B.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης... P. 72—73; *Janin R.* La géographie ecclesiastique de l'Empire byzantin. T. 3. Les églises et les monastères de Constantinople. Paris, 1953. P. 204.

[27] του πενθερου μου: *Dölger F.* Der Titel des sog. Suidas Lexicons // Sitzungeschichte der Bayerische Akademie. München, 1936. 6. S. 35; *Kugeas S. B.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης... P. 62.

[28] MM, I, 312. Мария Палеологиня, незаконнорожденная дочь Михаила VIII и Дипловатацины, в 1265 г. стала женой монгольского хана Абаки. После его смерти в 1282 г. она вернулась в Константинополь. Купленная ею церковь была реставрирована. Умерла до 1320 г., постригшись (после 1308 г.) в монахини, и приняла имя Мелания. Похоронена в монастыре Хора в Константинополе: PLP, 21395.

[29] С. Кугеас (*Kugeas S.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης... P. 69, n. 37) хотя и пытался найти объяснение этому факту, но, по нашему мнению, оно неубедительно.

[30] *Mercati G.*, *Franchi P. de Cavalieri*. Codices Vaticani Graeci, I. Rome, 1923. P. 456; *Polemis D. I.* The Doukai... P. 84.

[31] Георгий Акрополит женился не позднее 1252 г., когда ему было уже около 35 лет, а скорее всего, что ранее. Об этом см. ниже.

времени должно было быть далеко за 40 лет,[31] что не соответствует «духу» пометы в Ватиканской рукописи, где речь идет скорее о молодых людях.[32] В-четвертых, если брак этой Феодоры Дукини и Димитрия Кондостефана состоялся в 1300 г., то и торговая сделка не могла иметь места ранее 1300 г.[33] И, наконец, в-пятых, согласно патриаршей грамоте Феодора в 1351 г. еще была жива (в документе умершими названы только Мария и Димитрий). Если она как дочь Марии и Георгия родилась не позднее середины XIII в., то едва ли через 100 лет могла быть живой.

Таким образом, Мария Дукиня Акрополитисса была, вероятнее всего, не женой Георгия Акрополита, а его неизвестной до сих пор дочерью[34] от брака с Евдокией, которая, возможно, и не имела патронима «Дукиня»,[35] а ее дочь Мария стала «Дукиней» по мужу.

Намного труднее определить степень родства Георгия Акрополита и Михаила VIII Палеолога. Всеми исследователями признается, что жена историка приходилась родственницей императору. Об этом говорят прямо как сам Георгий Акрополит,[36] так и официальные документы.[37] Однако термины «γαμβρός» и «cognatus» далеко не равнозначные, и это значительно усложняет задачу поиска родства. Начнем с первого. Термин «γαμβρός» («зять»), упомянутый в договоре 1277 г., в Византии означал не только мужа дочери или родной сестры, но и мужа двоюродной сестры и племянницы.[38] Среди известных родственниц императора, которым не позднее 1252 г.[39] было не более 25—30 лет, Евдокия не обнаруживается. Приходится идти по пути догадок и предположений.

[32] См.: *Polemis D. I.* The Doukai... P. 84, n. 38.

[33] Общепринятым было мнение (*Kugeas S. B.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης... P. 73; *Polemis D. I.* The Doukai... P. 83), что покупка церкви и земли Марией Палеологиней имела место вскоре после ее возвращения в Константинополь (1282 г.), т. е. сразу после смерти Георгия Акрополита.

[34] Разумеется, теоретически Мария Дукиня Акрополитисса могла быть родной сестрой или племянницей Георгия Акрополита, ибо мы знаем, что он имел братьев или сестер, оставшихся в Константинополе. Но факт получения ею в наследство церкви Богородицы Магулиотиссы с постройками и землей от тестя Георгия Акрополита делает шаткой эту гипотезу.

[35] Ее сын Константин нигде не называет свою мать с таким патронимом. К тому же и он сам, и его дети не носили патроним «Дука».

[36] «Как родственника императора» (εμε δε ως εις κηδος τω Βασιλεί ξυνελθόντα) — Acrop. P. 164. 19—20. «Κηδος» означает всегда родство по браку.

[37] «Зятя моей царственности» (του τε γαμβρου βασιλείας ημων) — в договоре о союзе с Венецией от 1277 г. — MM, III, 96.1; «cognatus imperii nostri» — в письме императора от 1277 г. папе Иоанну XIX: *Tafel G. L. Fr., Thomas G. M.* Urkunden zur älteren Handels- und Sttatengeschichte der Republik Venedig. Teil 3 (1256—1299). Wien, 1857. S. 174.

[38] *Stiernon L.* Notes de titulature et de prosopographie byzantine. Sébaste et Gambros // REB. 1965. 23. P. 232.

[39] Брак Георгия Акрополита с родственницей Михаила Палеолога должен был состояться не позднее судебного процесса (конец 1252 г.), устроенного Иоанном III над Михаилом, после которого отношение императорской власти к роду Палеологов стало резко негативным.

Если дочери (в том числе и внебрачные), как и племянницы Михаила VIII Палеолога, отпадают сразу, так как они не подходят по возрасту, ибо император был моложе Акрополита на 8 лет, то его 3-я сестра (о двух других мы знаем хорошо), имени которой источник не сообщает[40] и о которой почти ничего не известно,[41] — теоретически могла бы быть женой Акрополита. Но это не так, поскольку ее отец — великий доместик Андроник Палеолог умер в 1247 г., а тесть Георгия Акрополита, строитель церкви Богородицы Магулиотиссы, был жив в 1261 г. Несколько более вероятным представляется, что женой Георгия Акрополита могла бы быть двоюродная сестра Михаила VIII по отцу (у матери не было сестер и братьев), т. е. дочь его единственного дяди, великого хартулария Михаила Палеолога.[42] Он родился в 1180/85 г., был женат на дочери Алексия V Мурзуфла и имел двоих сыновей: Андроника, ставшего в 1261 г. протостратором,[43] и мистика Михаила.[44] Была ли у него дочь, достоверно неизвестно, но исключать этого нельзя. Здесь важнее другое: был ли он жив в 1261 г., имея возраст 75—80 лет? Согласно Георгию Пахимеру, в начале царствования Феодора II (1254/55 г.) великий хартуларий был заподозрен в намерении захватить власть и посажен в тюрьму.[45] По мнению Ж.-Ф. Ванье, он и умер там,[46] хотя Пахимер об этом прямо не говорит. Поэтому брак Георгия Акрополита с Евдокией, дочерью великого хартулария, из разряда утвердительного[47] должен быть помещен в разряд гипотетический. Кроме того, интересен и следующий момент: если историк породнился с Палеологами, то почему ни он сам, ни его дети и внуки не носили патроним «Палеолог», иметь который желали многие представители знати?

Теперь обратимся ко второму термину — cognatus («родственник»). В отличие от «γαμβρός» он дает очень широкое поле для поиска родственных отношений, в том числе и по линии жен. Как известно, женой Михаила VIII была Феодора Дукиня, внучка севастократора Исаака Дуки, родного брата Иоанна III.[48] Но император Ватац имел и второго брата, имя и титул которого история не сохранила и о детях которого нам

[40] Collectanea Byzantina / Ed. G. Mercati. Bari, 1970. T. 1. P. 79 (Монодия на смерть великого доместика Андроника Палеолога). См. также: *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologues. Étude généalogique et prosopographique // Études Prosopographiques. Paris, 1986. P. 178.

[41] Правда, Ф. Пападопулос (*Papadopoulos Th.* Versuch einer Genealogie der Paläologen 1259—1453. München, 1938. N 35. S. 22) полагает, что она стала после 1261 г. женой сына султана Кей-Кавуса II (1246—1260).

[42] О нем см.: *Laurent V.* La généalogie des premiers Paléologues // Byz. 1933. 8. P. 148; *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologus. P. 174—175. N 31.

[43] *Papadopoulos Th.* Versuch... S. 71, N 105; PLP, 21432.

[44] *Georges Pachymèrés*. Relations historiques / Édition, introduction et notes par A. Failler; Traduction française par V. Laurent. Paris, 1984. Vol. 1—2; P. 1999—2000. Vol. 3—4 (далее: Pach. I—IV). I. P. 155. 20—21.

[45] Pach. I. P.43. 15—20.

[46] *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologus. P. 175.

[47] См. наши примечания и комментарий: *Акрополит*. История... С. 18, примеч. 5; С. 291, коммент. 988.

[48] См.: Там же. С. 251—252, коммент. 703—707.

ничего не известно. Но вполне можно допустить, что они были и что Иоанн III, радушно принявший, приблизивший и возвысивший Георгия Акрополита до логофета геникона, мог женить его в 1240-е гг. на своей племяннице Евдокии[49] Дукине, дочери второго брата. В таком случае жена Георгия Акрополита приходилась бы Феодоре, жене Михаила VIII, двоюродной теткой. Но как быть в таком случае с «γαμβρός»?

Завершая наши не очень результативные просопографические поиски (к сожалению, источниковедческая база довольно скудна), мы тем не менее склонны полагать, что Евдокия [Дукиня], жена Георгия Акрополита, должна была быть дочерью либо великого хартулария Михаила Палеолога, либо второго брата Иоанна III Ватаца — N. Дуки, один из которых и был строителем церкви Богородицы Магулиотиссы в Константинополе.[50]

Великий логофет Георгий Акрополит от Евдокии имел трех детей: сыновей Константина и Мелхиседека и дочь Марию. Старший сын *Константин* с детства был обласкан вниманием Михаила VIII Палеолога. Как пишет Георгий Пахимер, «император возвысил его, дал образование и сделал его самым близким человеком».[51] Однако, когда юноша не принял церковную унию с Римом (1273 г.), Михаил VIII охладел к нему и отстранил от себя.[52] Но Андроник II назначил Константина логофетом геникона, а после смерти Феодора Музалона (1294 г.) и великим логофетом, должность которого он занимал до 1321 г.[53] Сын-логофет, в отличие от отца-логофета, не оставил после себя крупного исторического сочинения, однако он написал несколько риторических произведений, два «Завещания» и великое множество энкомий на святых,[54] за что заслужил прозвище «Новый Метафраст». Его корреспондентами были патриарх Григорий Кипрский, историк Георгий Пахимер, писатели и риторы Никифор Хумн, Мануил Мосхопул, Мануил Неокесарит, Феодор Иртакин, многие духовные лица.[55] По наследству от матери ему достался большой дом, который его отец, Георгий Акрополит, начал строить в 1267 г.[56] Женой Константина Акрополита была Мария Комнина Торникина, дочь севастократора Иоанна Торника.[57] Он и его жена изображены в нижнем левом и правом углах иконы Богородицы Одигитрии, находящейся сейчас в Третьяковской галерее.[58] Умер Константин в 1324 г.

Из трех их детей (внуков Георгия Акрополита) двое хорошо известны. Дочь *Феодора Акрополитисса*[59] в 1294 г. вышла замуж за пинкерна Алексея Дуку Филантропина Тарханиота,[60] сына Михаила Тарханиота и Марии Филантропины, находящейся в близком родстве с Палеологами.[61] В 1295 г. Алексей Филантропин, находясь с женой и только что родившимся сыном Михаилом[62] в Малой Азии, поднял восстание против Андроника II, но был разбит и ослеплен.[63] Вторая их дочь (имя неизвестно) была на рубеже XIII—XIV вв. выдана замуж за Михаила Комнина, сына трапезундского императора Иоанна II Великого Комнина (1280—1297) и Евдокии Палеологини, дочери Михаила VIII, которая в 1298 г. после смерти мужа вернулась с 14-летним Михаилом в Константинополь.[64] Единственный сын Константина и Марии умер в 1295 г.[65]

Другой сын Георгия Акрополита и Евдокии — монах *Мелхиседек*. Светское имя неизвестно. Он был другом и адресатом Максима Планудa.[66] В 1295 г. примкнул к восстанию своего родственника Алексея Филантропина в Малой Азии. В 1296 г. был ослеплен или убит.[67]

Единственная дочь Георгия Акрополита, *Мария Дукиня Акрополитисса*, получила в наследство, наверное, как любимая внучка, от тестя своего отца, построенную им церковь Богородицы Магулиотиссы в Константинополе вместе с прилегающей землей, которые впоследствии (после 1300 г.) были проданы Марии Палеологине (см. об этом выше). Муж ее неизвестен. Имела дочь *Феодору*[68] и, вероятно, сына *Иоанна Комнина Акрополита*.[69] Согласно помете в Ватиканской рукописи (Vat. gr. 307), их свадьба состоялась одновременно в 1300 г.: Феодора вышла

[49] Женское имя Евдокия было довольно распространенным среди Ангелов и Дук, как мужское имя Михаил и Андроник среди Палеологов.

[50] Мы не знаем, когда умер этот (второй) брат Иоанна III, но другой его брат — севастократор Исаак Дука — участвовал в подписании договора с Генуей 13 марта 1261 г. в Нимфее: *Polemis D. I.* The Doukai... P. 109, N 73.

[51] Pach. II. P. 625. 17—18.

[52] Ibid. P. 625. 20—22.

[53] Подробнее см.: *Nicol D. M.* Constantine... P. 249—253; PLP, 520.

[54] Список трудов Константина Акрополита напечатан: *Nicol D. M.* Constantine... P. 254—256.

[55] Ibid. P. 256; PLP, 19373, 20094, 20242, 7059, 7660, 16200, 22186, 29507.

[56] Διαθήκη / Ed. M. Treu // ΔΙΕΕΕ. 1892. IV. P. 45, 47; *Kugeas S. B.* Ο Γεώργιος Ἀκροπολίτης... P. 62.

[57] Constantini Acropolitae... / Ed. H. Delehaye. P. 282; *Nicol D. M.* Constantine... P. 251; PLP. 29140.

[58] *Антонова В. И., Моева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII века (Государственная Третьяковская галерея). М., 1963. Т. 2. С. 262—263, № 221.

[59] PLP, 7295, 29743.

[60] Maximi monachi Planudis Epistulae / Ed. M. Treu. Breslau, 1890, № 98, 99; PLP, 29752.

[61] Pach. I. P. 273. 16—18.

[62] Maximi monachi... № 120; PLP, 29775.

[63] Георгий Пахимер очень подробно описал ход восстания: Pach. III. P. 237. 10—253.25.

[64] Подробнее см.: *Nicol D. M.* Constantine... P. 252—253.

[65] Ετέρα Διαθήκη / Ed. M.Treu // ΔΙΕΕΕ. 1892. IV. P. 50.

[66] Maximi monachi... № 89—93, 106—111, 113, 120—123, 129—135, 153—164.

[67] Pach. III. P. 241. 19—20; PLP. 523.

[68] MM, I. 312.

[69] Я согласен с предположением Д. И. Полемиса (*Polemis D. I.* The Doukai... P. 84, n. 38), что Феодора и Иоанн были сестрой и братом, но не детьми Георгия Акрополита, как считает ученый, а его внучкой и внуком. Хотя соблазнительно видеть в Иоанне Комнине Акрополите сына Михаила Комнина и Na Акрополитиссы, дочери Константина. Однако дата их свадьбы (1300 г.) не позволяет этого сделать.

[70] *Mercati G., Franchi P. de Cavalieri.* Codices Vaticani... P. 456; *Polemis D. I.* The Doukai... P. 84, n. 38; PLP, 13118.

замуж за Димитрия Комнина Кондостефана, а Иоанн женился на Феодоре Дукине Филантропине.[70]

На этом собственно ветвь рода Акрополитов, идущая от Георгия Акрополита, и заканчивается. Его правнук, стратиг Михаил Филантропин[71] (без пренома Акрополит), последний зафиксированный потомок его крови:

Мы знаем, что у Георгия Акрополита в латинском Константинополе остались братья и (или) сестра. Не исключено, что пансеваст севаст *Лев Акрополит*, дука фемы Серр и Стримона в 1295 г.,[72] был его родным братом или племянником. *Мануил Акрополит* в 1285 г. занимал должность[73] и подписал томос против патриарха Иоанна XI Векка.[74] Может быть, этот Мануил идентичен сыну Георгия Акрополита Мелхиседеку, до

[71] PLP, 29775.

[72] PLP, 91109.

[73] В церковной иерархии эта должность занимала с 12-го по 15-е места. См.: *Darrouzes J.* Recherches sur les οφφίκια de l'église byzantine. Paris, 1970. P. 253, 532; *Darrouzes J., Outier B.* Notice arménienne sur les dignités de l'église // REB. 1982. 40. P. 203.

[74] *Laurent G.* Les signataires du second synode de Blakhernes (Eté, 1285) // EO. 1927. 26. P. 148; PLP, 522.

[75] *Fatouros G.* Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290—nach 1350). Wien, 1973. T. 1. P. 129; T. 2. P. 450; PLP, 517.

принятия последним монашеского чина. Некто *Андроник Акрополит* был ок. 1322 г. адресатом Михаила Гавра.[75] Во Фракии находились большие земельные владения одной *Акрополитиссы*, которая в 1329 г. или чуть ранее подарила их Ватопедскому монастырю на Афоне.[76]

Таким образом, XIII в. и начало XIV-го были периодом резкого возвышения рода Акрополитов. На протяжении одного столетия Акрополиты породнились с Дуками, Торниками, Филантропинами и Кондостефанами. Отдельные представители рода (Георгий, Константин) поднялись до высших ступенек титулярной лестницы (великий логофет). Но уже со второй четверти XIV в. начались упадок и угасание рода. Он ис-

[76] PLP, 90053, 91110.

чезает из анналов политической и духовной жизни Византийской империи.

С. П. КАРПОВ

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ МИРЕ: ГЕРБ И ФЛАГ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ

В своих трудах И. П. Медведев с успехом исследовал историю византийской государственности и ее идеологического и правового оформления.[1] Поэтому обращение еще к одному аспекту этой темы, возможно, будет уместно в сборнике, посвященном его знаменательному юбилею.

Проблема конституирования символов государственной власти, самого их наличия в Византии весьма дискуссионна. Укоренилось справедливое в целом мнение, что, в сравнении с Западной Европой, Византия вообще была «негеральдической» страной. Но столь же справедливо и положение о том, что там начинался процесс зарождения гербовой и иной символики, в том числе — и под влиянием Запада. Конечно, священные образы, иконы и хоругви, а также унаследованная еще от Римской империи атрибутика, прежде всего военная, были в почете. Наблюдалась их преемственность. Но насколько они были устойчивы и «геральдичны» — вот в чем вопрос. Известный специалист по геральдике Н. А. Соболева, например, считает византийского двуглавого орла, изображение которого встречается с XI в., «неофициальной эмблемой» Византии.[2] К числу государственных (имперских) символов относятся флаг и геральдическая атрибутика. Флаги архонтов и боевые знамена частей, как в виде штандарта, увенчанного орлом или крестом, вымпелов, так и в виде горизонтального полотнища, были известны и широко распространены в Византии.[3] Вопрос в другом: в наличии или отсутствии общегосударственной символики империи ромеев.

[1] См. особо: *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

[2] *Соболева Н. А.* Феномен двуглавого орла: семантика, реальность // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11—15 апреля 2005: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 192.

[3] *Babuin A.* Standards and Insignia of Byzantium // Byz. 2001. T. 71/1. P. 5—59 (там и литература вопроса).

© С. П. Карпов, 2007

О том, существовали ли определенные символы государственности или императорской власти в Трапезундской империи (1204—1461), государстве-диадохе Византии, как кажется, вообще не писали. Между тем эта тема заслуживает рассмотрения и, быть может, значима и для всего поздневизантийского orbis terrarum.

Прямое упоминание об императорском знамени мы встречаем в источнике 1372 г. Алексей III (1349—1390) потребовал от венецианцев поднять флаг Великих Комнинов над их факторией, что вызвало спор с венецианским байло. Рассматривая казус, Сенат Венеции постановил руководствоваться обычаем и не обострять отношений.[4] Разумеется, речь шла не о простом боевом стяге (flamoulon), а именно о флаге государства или монарха как выражении суверенитета, об инсигнии, равной стягу св. Марка.

О том, как выглядело знамя Трапезундской империи, мы знаем как из западных, так и из византийских источников. На миниатюре греческой рукописи трапезундского происхождения «Романа об Александре» первой половины XIV в.[5] над городом изображен красный флаг с золотыми горизонтальными полосами.[6] В сочинении о заморских землях испанского францисканца середины XIV в. трапезундский флаг описывается как красный с золотым двуглавым орлом в центре.[7] Красный цвет вообще доминирует на византийских флагах в дошедших до нас иконографических источниках.[8] На морских картах-портуланах трапезундский флаг имеет несколько вариаций. На картах Пьетро Весконте (ок. 1320) и Анджелино Дульсерта (1339) — серебряный двуглавый орел в червленом поле. В 1421 г. описан трапезундский флаг с одноглавым червленым орлом в золотом поле.[9] А. Бабуин полагает, что как двуглавый, так и одноглавый орел параллельно использовались как символ Трапезундской империи вплоть до ее падения. Так же поступали и породненные с Великими Комнинами и с Палеологами правители Митилены (Лесбоса) и Эноса из генуэзского рода Гаттилузи.[10] Необходимо, впрочем, отметить, что нередко атрибуция флагов, особенно восточных правителей (голова негра на флаге Синопа), есть плод творчества и во-

[4] Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXXIV, f. 17v (*Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris — La Haye, 1958. T. 1, N 510)—5/VII 1372: «Super facto autem quod petit dominus imperator videlicet quod ensegniam suam eleventur cum nostris ensegniis sancti Marci volumus quod in hoc fiat secundum quod solitum est servari annis elapsis et de hoc se excuset baiulus noster domini imperatori se exinde fuerit requisitus».

[5] См. издание и комментарий: *Trahoulias N. S.* The Greek Alexander Romance. Venice Hellenic Institute Codex Gr. 5. Athens, 1997.

[6] *Babuin A.* Standards… P. 34.

[7] El Libro del conocimiento de todos los reinos, tierras y señoríos que son per el mindo que escribió un franciscano español à mediados del siglo XIV / Publ. de M. Jiménez de la Espada // Boletin de la Sociedad Geográfica de Madrid. Madrid, 1877. T. 2. P. 198.

[8] *Babuin A.* Standards… P. 34.

[9] *Solovjev A.* Byzance et la formation de l'état russe. London, 1979. N XIV. P. 136.

[10] *Babuin A.* Standards… P. 36—37; *Lunardi G.* Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980. P. 264—265.

îáðàæåíèÿ àâòîðîâ ïîðòóëàíîâ[11] или следствие мифических представлений, бытовавших на Западе. Устойчивой государственной символики, личных гербов, распространенных на Западе еще с начала XI в., в Трапезундской империи, как и в Византии, видимо, не было. Лишь в первой четверти XIV в. в иконографии складывается стабильная идентификация флага Палеологов как красного полотнища с золотым (или серебряным) крестом посередине и четырьмя буквами В по углам (отождествляемыми с кресалами), но не флага с орлом. Именно флаги в наибольшей мере следовали относительно устойчивым геральдическим критериям.[12] Впрочем, и здесь необходима оговорка: их изображения в основном выполнены западными картографами и художниками, усвоившими принятую там геральдическую и вексиллологическую традицию. Однако если в применении к Византии возможна постановка вопроса о различии родового (династического) и общеимперского флагов, то для Трапезундской империи, где правила единственная династия и исключительно с ней отождествлялась сама империя, такого различия, видимо, не существовало. Во всяком случае, оно не фиксируется ни в письменных, ни в иконографических источниках.

Мануил I Великий Комнин (1238—1263) использовал в качестве символа одноглавого орла. Он представлен и на портале «знакового» храма Св. Софии в Трапезунде. Двуглавый орел появляется с правления Иоанна II (1280—1297), и иногда исследователи соотносят это с тем, что тот породнился с Палеологами (1282).[13] Однако на редких медных монетах Иоанна II изображен одноглавый орел.[14] Одноглавый орел (или голова орла) чеканилась и на медных монетах императора Василия (1332—1340).[15] На портретах Алексея III и его супруги в хрисовуле Дионисиату (1374) пурпурный дивитисий Феодоры Кантакузины украшен вышитыми золотыми двуглавыми орлами, что, кстати, указывает на то, что со второй половины XIV в. этот символ стал не только родовой эмблемой Палеологов, но и Кантакузинов (и/или Великих Комнинов). Постепенно он превращался в общегосударственный символ Византии. Двуглавые орлы изображены и на ряде медных монет Трапезундской империи Алексея III,[16] Мануила III (1390—1417),[17] хотя некоторые из

[11] Ср.: *Gerola G.* Le carte nautiche di Pietro Vesconte dal punto di vista araldico // Atti del Secondo Congresso di Studi Coloniali. Napoli, 1934. T. 2. P. 116—119.

[12] *Babuin A.* Standards… P. 38—39, 41.

[13] Например: *Chotzakoglou Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten des byzantinischen Doppeladlers // BS. 1996. T. 57/1. P. 65.

[14] *Sear D. R.* Byzantine Coins and their values. 2nd ed. London, 1987. P. 482. N 2613.

[15] *Sabatier J.* Description générale des monnaies byzantines. Paris; London, 1862. T. 2. Pl. LXVIII, N 23, Pl. LXIX, N 1—3; *Retowski O.* Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сб. М., 1911. Т. 1. Табл. XV; *Соколова И. В.* Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. 14. С. 73, 75. Табл. III, № 7052, Табл. IV, № 7094.

[16] *Sear D. R.* Byzantine Coins… P. 485. № 2636; *Соколова И. В.* Медные монеты… С. 74. Табл. IV.

[17] *Lampros Sp.* Ο δικέφαλος αετός του Βυζαντίου // NE. 1909. T. 6. Σ. 445; *Sear D. R.* Byzantine Coins… P. 485. N 2640.

медных монет по-прежнему носят изображение и одноглавого орла с распростертыми крыльями.[18] Великие Комнины действительно использовали в качестве эмблемы попеременно одноглавого или двуглавого орлов, и эти символы были, по-видимому, взаимозаменяемыми.

[18] *Sear D. R.* Byzantine Coins… P. 486. N 2643.

С. Н. ГУКОВА

ИСИХАЗМ И НОВЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В ПОЗДНЕПАЛЕОЛОГОВСКОМ ИСКУССТВЕ

Проблемы, связанные с исихазмом, занимают особое место в творчестве Игоря Павловича Медведева. Еще будучи студентом Свердловского университета, он посвящает свою дипломную работу истории исихастских споров в Византии XIV в., с которой он и входит в византиноведение. Эта тема остается в центре его научных интересов и в последующие годы, когда он публикует книгу о Мистре,[1] многочисленные статьи, так или иначе затрагивающие проблематику исихастских споров, и, наконец, фундаментальное исследование, посвященное византийскому гуманизму.[2] Продолжая эту традицию моего учителя, с пожеланием ему новых творческих достижений (а нужно отметить, что они всегда были плодом его огромной кропотливой и самоотверженной работы), я посвящаю ему это небольшое исследование.

Уже много десятилетий исследователи пытаются выявить различные аспекты влияния исихазма на искусство позднепалеологовского периода. Большинство исследований посвящено выражению в искусстве одной из центральных тем исихастской доктрины — теме нетварного Божественного света, теме преображения человека, просветления души и обожения. Однако это только один из аспектов этого важнейшего религиозного движения, которое наложило отпечаток на всю византийскую культуру своей эпохи. Исихастсткая полемика, закончившаяся победой паламитов на соборе 1351 г., принявшем их учение как официальную доктрину церкви, как известно, была важным переломным моментов в истории православия. Как явствует из истории византийского искусства, такого рода обновления в лоне церкви вызывали к жизни необходимость нового утверждения ее догматических основ, которое находило свое отражение в иконографии православного искусства, поскольку иконные изображения являются воплощением основных догматических понятий. Достаточно вспомнить иконоборческий период, имевший следствием значительные изменения в иконографии многих сюжетов. Немало новшеств в иконографию Христа было внесено в итоге христологических споров XI—XII вв. Однако если в иконоборческий период были затронуты основы христианской догматики, касающиеся образа и самой возможности изображения Божественного, исихастская полемика не затронула сути догматических основ. Более того, в религиозной культуре этого периода можно наблюдать тенденцию возврата к основам христианской духовности, и прежде всего к древней аскетической и мистической традиции восточного христианства. Этот «возврат», или «возрождение», находит свое выражение как в богословской литературе, так и в искусстве, где видим возрождение многих архаичных иконографических формул, уже вышедших из употребления к этому периоду.

В богословских спорах исихастов и их оппонентов была выработана система понятий, которая существенно обновила и обогатила православную догматику в вопросах о непостижимости сущности Бога, о триединстве, о нетварности Божией благодати, и это обновление должно было найти свое адекватное отображение в искусстве. Расцвет исихазма в Византии и странах византийского круга, таким образом, имел следствием возникновение многочисленных новых элементов, поскольку видение Бога, предложенное исихастами, не исчерпывалось в медитативной практике молитвы видения света, как об этом часто пишут, но интерпретировалось в сложной богословской системе.

Даже поверхностный анализ новых элементов иконографии позднего палеологовского периода показывает, что развитие это идет в направлениях, совпадающих с наиболее важными для исихастской традиции темами. В этом развитии можно было бы обозначить четыре направления, имея в виду, что деление это условно и все темы в конечном счете тесно переплетаются между собой. Первостепенную важность в это время приобретают поиски образного истолкования центрального таинства церкви — евхаристии, стремление пояснить в образе его мистический смысл, поиски стройной образной системы, раскрывающей идею всего домостроительства спасения.[3] Наряду с иллюстрациями отдельных моментов литургии появляется ряд тем, задача которых — раскрыть смысл таинства посредством отвлеченных символических изображений. Вторым направлением является богородичная тема, которая получает в духовности исихастов особое звучание. Третье направление включает сюжеты, посвященные иноческой тематике, что представляется естественным, поскольку исихазм придавал особенно важное значение монашеству как институту и распространился в иноческой среде. И, наконец, все эти темы объединяет ярко выраженный эсхатологический акцент, который получает выражение не столько в появлении новых независимых сюжетов, сколько в новых элементах, включенных в традиционные

[1] *Медведев И. П.* Мистра. Очерк истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

[2] *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв., Л., 1976.

[3] *Успенский Л.* Исихазм и «гуманизм» — палеологовский расцвет // Вестник Русского западноевропейского патриаршего экзархата. 1967. Т. 58. С. 121—122.

© С. Н. Гукова, 2007

иконографические схемы. Подобная классификация является, как отмечено выше, условной, поскольку все эти темы так или иначе связаны между собой и порой присутствуют одновременно во многих композициях, сливаясь в одно стройное догматическое учение, которое, не выходя за рамки традиции, получает тем не менее новое звучание, свидетельствующее о максимальной зрелости художественного воплощения и желании более ярко и определенно выразить основные положения догматического учения.

Немаловажную роль в этом процессе играло возрождение литургического творчества, к сожалению, еще мало изученного для этого периода. Можно отметить здесь деятельность константинопольского патриарха Филофея Коккина (1353—1354, 1364—1376), ученика и горячего последователя Григория Паламы, которому принадлежит принятая в церкви кодификация его учения. И. Мансветов пишет о его литургической деятельности: «Эта обработка простиралась на все главные службы устава и имела в виду определить подробности обряда для служб суточного круга и литургии. Дело было задумано и велось систематически. Составитель держался иерусалимского устава и не только следовал принятому здесь порядку службы, но во многих случаях делал из него буквальные извлечения и повторял особенности текста».[4] Филофей также автор последней, усвоенной с конца XIV в. на Руси редакции литургии, дьяконской службы и Учительного Евангелия.[5]

Оживление церковного песнописания затронуло и славянские страны, где новая волна переводов с греческого на славянский приходится на XIV в. — период «православного возрождения», время активизации во всех областях церковного творчества, которое исследователи связывают с распространением исихазма в этих странах. Важнейшим фактором в этом процессе был перевод на славянский язык сочинений Дионисия Ареопагита, завершенный в 1371 г. сербом Исайей, игуменом Пантелеимоновского монастыря на Афоне.[6] Этот перевод ввел в славянский язык огромное количество новых богословских и философских терминов, знание которых было совершенно необходимо для понимания византийского богословия во всей его полноте.[7]

В распространении исихастстких идей на Руси огромное значение имела деятельность митрополита Киприана, ученика и духовного сына патриарха Филофея, который немало способствовал распространению переводов поздних византийских гимнологов. Последняя четверть XIV и первые годы XV в., время жизни и деятельности Киприана, были, по-видимому, временем самого активного усвоения Русью творений авторов-исихастов.[8] И. Мансветов полагает, что «многое из сочинений Филофея могло быть переведено на Афоне сербскими переводчиками и взято Киприаном в готовом виде из Хиландара и вообще при посредстве Афона».[9]

Помимо гимнографической литературы в этот период на Руси получает широкое распространение учительная и созерцательная литература, популярность которой была вызвана к жизни расцветом монашества. В этом отношении интересны наблюдения над рукописями библиотеки Троице-Сергиевой лавры, одного из важнейших монастырей, с XIV по XVII вв., сделанные Г. М. Прохоровым.[10] С самого начала культурного импульса, полученного в результате распространения исихазма на Руси, в монастыре переписываются переводы сочинений авторов-мистиков Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, т. е. те сочинения, на которых базировались в своей защите учения о божественной энергии византийские исихасты. Эти труды начинают переписываться с момента создания монастыря, причем самым мощным был первоначальный, идущий, вне сомнения, от Сергия Радонежского, интерес к византийским авторам-исихастам. Своего апогея интенсивность их переписки достигает в 20—30-е гг. XV в. Это явление можно рассматривать как один из показателей распространения на Русь монашеского общественного движения, а в конечном счете — как показатель влияния исихазма на русскую культуру.[11] Таким образом, изменения, которые наблюдаются в изобразительном искусстве в эту эпоху, возникают на волне подъема духовной традиции исихазма, охватившего все сферы религиозной культуры и надолго определившего ее облик как в Византии, так и странах византийского круга.

Как известно, авторы-исихасты не оставили сочинений, посвященных искусству, которые могли бы дать в руки исследователей путеводную нить к пониманию изменений в художественном мировосприятии этой интересной эпохи. Однако анализ некоторых богословских сочинений позволяет тем не менее сделать некоторые важные наблюдения. Так, Е. Б. Громова, анализируя комментарии патриарха Филофея к притче Соломона, обнаруживает параллели в изобразительной традиции и приходит к важным выводам, свидетельствующим о тесной связи художественного и догматического аспектов в искусстве: неизобразимые категории противополагаются в сочинении Филофея весьма определенным символическим аналогам, заимствованным из ряда привычных художественных образов. При этом ясно проводится разграничение между понятием неизобразимого и тем, в каких образах его можно представить, т. е. утверждается круг равнозначных уподоблений, основы-

[4] *Мансветов И.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 17—18.

[5] *Прохоров Г. М.* К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 121.

[6] *Прохоров Г. М.* Послание Титу-иерарху Дионисия Ареопагита в славянском переводе и иконография «Премудрость созда себе дом» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 7—17.

[7] *Tachiaos A.* Hesychasm as a creative Force in the Fields of the Art and Literature // Art de Thessalonique et des pays balcaniques et les courants spirituels au XIVe siècle. Belgrad, 1987.

[8] *Прохоров Г. М.* К истории литургической поэзии... С. 141.

[9] *Мансветов И.* Митрополит Киприан... С. 108.

[10] *Прохоров Г. М.* Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317—324.

[11] Там же. С. 324.

вающихся на свидетельствах Священного Предания. Подобное разделение образного пласта христианской культуры и догматизация его основных иконографических мотивов, столь ясно представленные в трактате патриарха Филофея, вполне совпадают с общими тенденциями развития изобразительного искусства в поздневизантийский период. Изобилие новых сюжетов, новых иконографических типов, символических мотивов, созданных в XIII—XIV вв., отражало стремление к точной, ясной повествовательной системе художественной интерпретации происходящего в храме или изложенного в книге, но одновременно это же множество новых изображений требовало и более дифференцированной, индивидуальной семантической основы, детального разделения понятий, особенно если это касалось главных догматических образов — Христа и Богоматери.[12]

Невозможность более обстоятельного анализа в рамках небольшой статьи вынуждает нас лишь коротко охарактеризовать основные направления иконографического творчества, которые, на наш взгляд, являются плодом исихастской культуры.

1. Как отмечено выше, первостепенную важность в это время приобретают поиски образного истолкования центрального таинства церкви — евхаристии, повышенное внимание к которой связано с тем особым значением, которое исихасты придавали основным таинствам церкви, считавшимся ими важнейшим звеном в процессе обожения человека. Как грех и смерть передавались, начиная с Адама, путем естественного рождения, так и жизнь дается новым рождением, крещением и евхаристией, соединяющими нас с Христом. Между преображенной плотью Христа и нашим телом существует связь посредством таинства, утверждал Григорий Палама. Крещение и евхаристия имеют для Паламы бóльшее значение, чем другие таинства, поскольку именно в них является все домостроительство Божие. По-настоящему обновить свою природу можно только в Божественной литургии, присутствуя на богослужении и причащаясь святых таин.[13] Вне благодати таинств, дарующей в церкви божественную жизнь верующим, для него не существует ни христианского опыта, ни духовной жизни. Аналогичные рассуждения находим и у Николая Кавасилы, исихаста и автора сочинений «О жизни во Христе» и «Изъяснение Божественной литургии». Таинства для него представляют главное средство сопричастности Христу и являются образом всего божественного домостроительства.[14]

Другим важным моментом толкования таинств исихастами является акцент на их реализме. В духовной жизни христианин ищет не пространственное или нематериальное «там», а будущее Царство Божие,

[12] *Громова Е. Б.* История русской иконографии Акафиста. Икона «Похвала Богоматери с Акафистом» из Успенского собора Московского Кремля. М., 2005. С. 176.

[13] *Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997. Т. 2. С. 245 (Subsidia Byzantinorossica).

[14] *Bornert R.* Les commentaires Byzantines de la Divine Liturgie du VII au XV siecles. Paris, 1996. P. 217, 226.

уже *сейчас* присутствующее в таинствах. «Сам Христос своим Воскресением <...> ввел нас в новое время, которое символизируется „пасхальным временем" литургии».[15] Здесь важен и акцент на эсхатологическом аспекте таинств, который тесно связан и с теорией символов, ставшей одним из аргументов исихастской палемики. Для Паламы эсхатологическое будущее является уже существующей в настоящем реальностью, ибо видение фаворского света есть реальность, тождественная «начатку воскресения», который все христиане получают при крещении. Христос, искомый и обретаемый исихастами внутри себя, является Царем будущего, а созерцаемый ими божественный свет есть «будущего века».[16] Григорий Палама противопоставляет точке зрения оппонентов свою теорию символов, где символ не понимается как посредник между субъектом и объектом видения. «Тот, кто созерцал Бога не посредством чужого символа, а в естественном символе, видел Бога», — пишет он. Эту мысль развивают и поддерживают и Николай Кавасила,[17] и патриарх Филофей, утверждая, что символы являются выражением настоящей реальности, видимым явлением событий. Христос Премудрость приносит себя в жертву на кресте не посредством символов и образов, но реальными действиями.[18]

Эти новые акценты в интерпретации таинств и их роли в земной жизни христианина находят свое художественное выражение в появлении новых сюжетов литургического характера. К ним относятся «Служба святых отцов», иллюстрации отдельных моментов литургии, изображения трапезы Софии Премудрости Божией, представляющие образную передачу текста притчи Соломона, 9:1—7 «Премудрость созда Себе дом...», которые появляются в искусстве балканских стран и на Руси (илл. 1);[19] образ Христа великого архиерея и Царя царем, композиция «Предста царица» (самый ранний памятник представлен росписью церкви монастыря Трескавац — 1334—1343 гг.)[20] и др.

В русле этого направления следует рассматривать и появление в древнерусском искусстве на рубеже XIV—XV вв. высокого иконостаса. Л. Успенский первым дал объяснение и раскрытие его смыслового ядра — Деисуса, из которого развилась тематика иконостаса, движени-

[15] *Мейендорф И.* Жизнь и труды... С. 262.

[16] Там же. С. 263.

[17] *Bornert R.* Les commentaires Byzantines... P. 224.

[18] *Арсений (Иващенко), еп.* Филофея, патриарха константинопольского XIV века, три речи к епископу Игнатию с объяснением изречения Притчей: «Премудрость созда себе дом». Новгород, 1898. С. 103.

[19] *Meyendorff J.* L'iconographie de la Sagesse divine dans la tradizion byzantine // Cahiers archéologiques. 1959. T. 10. P. 259—262; *Lifsic L.* Die Ikone «Sophia — Weisheit Gottes» aus der Sammlung der Museen des Moskauer Kreml'. Zur Frage nach der Herkunft und der Zeit des ersten Auftauchens des sogenannten «Novgoroder» ikonographischen Typs // *Felmi K., Haustein-Bartsch E.* Die Weisheit baute ihr Haus. München, 1999. S. 29—42; *Гукова С. Н.* София Премудрость Божия (к новгородскому изводу) // Новгородский сборник. СПб., 2003. С. 197—220.

[20] *Осташенко Е. Я.* Об иконографическом типе иконы «Предста Царица» Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 182.

Илл. 1. «Премудрость созда себе дом», икона, первая половина XVI в. Государственная Третьяковская галерея (инв. 28830)

ем исихазма и расцветом богословской мысли и литургического творчества.[21] По его мнению, иконостас является порождением «русского исихазма», благодаря которому произошло «глубокое жизненное проникновение как в Таинство Евхаристии, так и в икону Христову». Самым значительным итогом исихастского осмысления алтарной преграды было раскрытие трехчастной иконы Деисуса в целый ряд заступников святых, обращенных ко Христу — Судии Второго пришествия. Согласно мнению Л. Успенского, смысл этого увеличения в том, чтобы сделать Деисус доминирующим в иконостасе, приблизить его к причастникам. Причастник становится «сотелесником» Христовым, приобщается к

[21] Вопрос иконостаса // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. 1963. № 44, окт.—дек.; см. также: *Щенникова Л. А.* Древнерусский высокий иконостас XIV—начала XV века: итоги и перспективы изучения // Иконостас: происхождение, развитие, символика / Ред. А. М. Лидов. М., 2000. С. 392—408.

«прославленному его телу Второго пришествия» только через Суд, о чем напоминается в молитвах перед причастием; «реальность евхаристического Тела и Крови предполагает и реальность Суда». Грандиозный деисусный чин, помещенный непосредственно перед тем местом, где происходит причащение верующих, усиливает вневременной аспект суда и заступничества святых в соответствии с молитвословием: «ныне и присно и во веки веков». В итоге «сочетание реального тела с образом и молитвой дает полноту участия в Литургии: телесное причащение и общение в молитве через образ».

В это же время на основе композиций древних ветхозаветных теофаний, сохранившихся в стенных росписях Египта и Каппадокии, создается центральная икона деисусного чина — «Спас в силах», имеющая ярко выраженное литургико-эсхатологическое содержание.[22] В отличие от древних композиций ветхозаветных теофаний, «слава» Христа имеет форму двух наложенных друг на друга ромбов. Этот иконографический элемент появляется лишь в палеологовскую эпоху. Одно из самых ранних его изображений представлено миниатюрой Преображения в рукописи, исполненной между 1370—1375 гг. по заказу императора Иоанна VI Кантакузина, известного исихаста, принявшего постриг под именем Иосафат. Такая же форма «славы» встречается и в изображении Богородицы в росписи храма Святой Софии, основанном в 1385 г. в Мистре по заказу Мануила, сына Иоанна Кантакузина. Исследователи связывают такую форму ореола с учением исихастов о фаворском свете.[23] Начиная с этого периода форма ореола в виде двух наложенных друг на друга ромбов (иногда ореол имеет форму одного ромба, как ангел-Премудрость в Дечанах) широко распространяется в искусстве Византии и стран византийского круга. Особенно часто она встречается в стенных росписях молдавских храмов XV—XVI вв. в изображениях как Христа, так и Богоматери.[24]

2. Вторым направлением формирования новых сюжетов является богородичная тема. Центральное таинство христианства — Воплощение — связано с особой ролью Марии, ее божественным материнством, которое обусловило и ее особое место и славу на небесах, рядом с Сыном, где она предстоит как царица небесная и заступница. Для Григория Паламы значение Марии заключалось в том, что божественное таинство рождения Христа имело особые предпосылки в условиях жизни Богоматери во храме, которые состояли в молитве и обращении в себя как в подготовительном этапе созерцания Бога. Именно это единение молитвы и божественного материнства, которые воплотила Мария, было иси-

[22] *Кочетков И. А.* «Спас в силах»: развитие иконографии и смысл // Искусство древней Руси. Проблемы иконографии. М., 1994. С. 45—68; *Пуцко В. Г.* Византийское наследие в искусстве Московской Руси («Спас в силах» в русской живописи XIV—XV вв.) // ВВ. 1995. Т. 56. С. 266—282; 1997. Т. 57. С. 234—245.

[23] Hesychastic Thought as reveales in Bizantine, Greek and Romanian Church Frescoes: a Theory of Origin and Diffusion // Revue des études sud-est européennes. 1978. T. 16, fasc. 4. P. 664.

[24] *Vasiliu A.* L'architettura dipinta. Gli affreschi moldavi nel XV e XVI secolo. Jaca Book 1998.

хастским измерением ее роли. В проповеди на «Введение Богородицы во храм» Григорий Палама утверждает, что Мария в период пребывания во храме, сосредоточив свой ум на обращение в себя и непрестанную молитву, прозревает тайну божественного материнства, сосудом которого ей суждено стать. «Эта Матерь-Дева одна является как бы границей тварной и нетварной природ, и те, кто знают Бога, узнают и в ней вместилище Невместимого».[25]

Рост культа Богородицы в начале XIV в. засвидетельствован как в литературных, так и в художественных памятниках. Константинопольские святыни Богородицы переживают новый расцвет культа: процессии выноса иконы Одигитрии, описанные в рассказах паломников, превращаются в пышные церемонии. Именно в этот период Никифор Каллист Ксанфопул собрал и переосмыслил в своей «Церковной истории» известные письменные свидетельства, связанные с почитанием этой древней святыни. Новый расцвет переживает и культ другого богородичного святилища — «Живоносного источника». Ксанфопул посвящает ему «Слово», в котором собирает все предания, связанные с этим храмом. По-видимому, в это же время был создан и иконографический тип Богоматери «Живоносный источник»,[26] который широко распространяется в странах византийского круга.[27]

Интересно отметить, что на Руси культ Богоматери и ее святыни также переживают новый расцвет. Так на рубеже XIV—XIV вв. начинается новый этап в прославлении иконы Владимирской Богоматери, которая вновь сопоставляется с реликвиями Царьграда (вероятно, по инициативе митрополита Киприана) и перенимает историческую славу константинопольской Одигитрии евангелиста Луки.[28]

Результатом этого нового расцвета богородичного культа становится возникновение иллюстраций целого ряда литургических песнопений, центральной фигурой которых является Богородица: рождественская стихира «Что ти принесем, Христе» (самое раннее дошедшее до нас изображение находится в церкви Богородицы Перивлепты в Охриде — 1295 г.) (илл. 2);[29] «О тебе радуется» (самым ранним памятником является икона начала XV в. из Византийского музея в Афинах).[30] Важнейшую из иллюстраций богородичных песнопений представляет Акафист Богоматери (самый ранний цикл росписей находится в церкви Панагии Олимпиотиссы в Элассоне, 1296—1305 гг.). В XIV в. пение Акафиста регламентируется в уставе Филофеем Коккином. Он предписывает петь его каждую неделю на вечерней службе пятницы по обычаю, установленному «от святых старцев».[31]

[25] *Мейендорф И.* Жизнь и труды... С. 209.

[26] *Тэлбот А.-М.* Чудотворные образы в константинопольском храме «Живоносного источника» // Чудотворная икона в Византии и древней Руси / Ред. А. М. Лидов. М., 1996. С. 117—122.

[27] *Медаковић Д.* Богородица «Живоносни источник» у српској уметности // Зборник радова Српске академије наука. LIX, Византолошки институт. Кн. 5. С. 203—225.

[28] *Щенникова Л. А.* 1) Чудотворная икона Богоматерь Владимирская как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и древней Руси. С. 265; 2) Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси //Древнерусское искусство. Византия и древняя Русь. СПб., 1999. С. 337 и сл.

[29] *Орлова А.* О формировании иконографии рождественской стихиры «Что ти принесем, Христе» // Древнерусское искусство. Балканы и Русь. М., 1995. С. 127—140.

[30] *Нерсесян Л.* К вопросу о происхождении и символическом содержании иконографии «О Тебе радуется» //Древнерусское искусство. Византия и древняя Русь. С. 395, сн. 9.

Илл. 2. «Предста царица», икона, вторая половина XV в. Государственная Третьяковская галерея (инв. 2)

Как показал А. Петцольд, исследуя цикл изображений Акафиста в монументальной живописи XIV в., формирование новых иконографических концепций и трактовка образов иллюстрируют точку зрения исихастов на основополагающие проблемы христианской догматики — явление Воплощения, человеческую и божественную природы Христа, процесс обожения, отношение между вочеловечившимся Богом и обоженным человеком и, наконец, роль церкви в этом процессе. Иллюстрации Акафиста создают новый образ Марии, который воспроизводит ее главную функцию и значение: посредством своего девственного материнства она принесла свет во мрак мира, осветила человека, жившего во тьме, и открыла ему путь к божественному знанию. Этот новооткрытый

[31] *Громова Е. Б.* История русской иконографии Акафиста. С. 46.

путь встречи с Богом через Марию — в рождении Христа — отражается, по мнению автора, также в структуре отдельных сцен второй части Акафиста.[32] В реальности этих акафистных изображений, и это главный момент, который соответствует исихастскому видению Бога, не делается разницы между изобразимым образом Богоматери и мысленной, воображаемой реальностью, относящейся к ее культу. Реалистический характер изображаемого отражается также в последних сценах Акафиста, которые иллюстрируют праздничную литургию перед иконой Богоматери. Они воспроизводят эпизод из реального и видимого культа и подчеркивают тем самым его значение. Соотнесенные с исихастской духовностью, они комментируют реальный характер связанного с культом процесса обожения верующего и подчеркивают, что поклонение Марии также является доступом к этому процессу.[33]

Важным иконографическим показателем новых акцентов в интерпретации роли Богоматери является ореол славы вокруг ее фигуры, который появляется вновь в палеологовский период. Этот интересный элемент прошел различные этапы эволюции в богородичной иконографии. А. Грабар в свое время высказал предположение, что изображение тронной Богоматери в ореоле славы восходит к древним образцам восточнохристианского искусства.[34] Автор предположил, что прототипом этого изображения могла быть сцена поклонения волхвов, возможно, украшавшая один из храмов Вифлеема не позже VII в. Ореол славы должен был выражать идею Theotokos, Девы, родившей Бога. Мать, таким образом, была поглощена ореолом Сына.[35]

Этот иконографический элемент был, по-видимому, достаточно распространен в доиконоборческий период, как свидетельствует один из немногих дошедших до нас памятников этого времени — мозаичное изображение Богоматери в церкви Панагии Канакарии на Кипре (VI в.). Ореол славы Богоматери восходит к образу ее вознесения и славы. Он исчезает после иконоборчества: будучи знаком божественной природы и символом теофании, ореол сохранился только для изображений Христа, ибо Богоматерь не имела божественной природы. Он появляется вновь уже в палеологовскую эпоху в сценах Успения Богоматери, в некоторый сценах Акафиста и в сложных композициях, связанных с похвалой Богородицы.

Порой это ореол принимает форму двух наложенных друг на друга ромбов, как в упомянутой выше росписи храма Святой Софии в Мистре. Но самым итересным нововведением в богородичной иконографии являются появившиеся в этот же период изображения Богоматери во «сла-

[32] *Pötzold A.* Akathistos-Hymnos. Die Bilderzyklen in der byzantinischen Wandrnalerei des 14. Jahrhundert. Stuttgart, 1989. S. 92.

[33] Ibid. S. 98—99.

[34] *GrabarA.* The Virgin in a Mandorla of Light // L'art de la fin de l'Antiquité e du Moyen Âge. Paris, 1968. Vol. 1. P. 535—541.

[35] Эта гипотеза, однако, не подтверждается памятниками раннего периода. До нас не дошло ни одного изображения Поклонения волхвов с Богоматерью во славе. Сохранившиеся документы подтверждают скорее иное толкование.

Илл. 3. «Богоматерь во славе» с символами евангелистов, артосная панагия, Афон, монастырь Дионисиат (см.: Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. М.: Индрик, 2004. Илл. XXXII)

ве» с символами евангелистов, причем «слава» Марии имеет очертания двух наложенных друг на друга прямоугольников, другими словами, в точности воспроизводит композицию «Спаса во силах» (илл. 3). Эта композиция, несомненно вдохновленная исихастскими идеями, не является тем не менее совершенно новой для византийского искусства. По всей вероятности, она существовала уже в доиконоборческий период, однако «слава» имела форму обычного овального ореола, а не двух наложенных друг на друга ромбов, о чем свидетельствует интереснейшая миниатюра пролога греческого Четвероевангелия Национальной библиотеки Бреши в Италии, изображающая Богоматерь с символами евангелистов. Подобную композицию воспроизводят абсида патриаршей базилики в Аквилее и некоторые другие западные памятники X—XIII вв., удержавшие эту древнюю иконографическую схему.[36] Эта композиция встречается и в новгородской иконописи.[37]

3. Третье отмеченное нами направление охватывает темы, связанные с монашеским подвигом. Роль монашества в религиозной и политической жизни Византии значительно возрастает и достигает своей кульминации в XIV в. Популярность монашеской и монастырской тематики в искусстве в условиях быстрого распространения исихазма представляется вполне закономерной, и количество памятников возрастает в византийском и южнославянском искусстве уже в начале XIV в., причем процесс этот идет параллельно с движением религиозной мысли.

Репертуар сцен, связанных с монашеской тематикой, значительно расширяется. Создаются образы, адекватные современным поискам духовной жизни, новым установкам церкви и искусства, ориентирован-

[36] *Гукова С.* Богоматерь с символами евангелистов // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 268; *Gukova S. N.* Miniature del manoscritto Queriniano A.VI.26 // Annali Queriniani. 2002. T. 3. P. 7—46.

[37] Novgorod Icons 12th—17th Century. Leningrad, 1980. N 200.

ным на внутренний путь, на религиозный опыт, как, например, портрет Исаака Сирина, пустынника и мистика, возникший на Афоне, где уже в начале XIV в. болгарским иноком Закхеем делается полный перевод на славянский язык «Слов Постнических» Исаака Сирина.[38]

Иллюстрируются не только отдельные эпизоды жития монахов, но возникают небольшие циклы. Уже в начале XIV в. в росписях храмов начинают распространяться циклы сцен из жизни монахов-пустынников: св. Евфимия Великого, в приделе при базилике Св. Димитрия в Фессалониках, 1303 г., св. Герасима — в церкви Св. Николая Орфанос, около 1320 г., св. Антония Великого в Матейче, Македония (около 1356—1360) и др. Появляется и распространяется композиция с изображением Причащения св. Марии Египетской преподобным Зосимой. Святость иноческих деяний, их осененность ангельской помощью и небесным покровительством иллюстрируется в кремлевской иконе «Архангел Михаил с деяниями», в клейме «Ангел, наставляющий св. Пахомия монастырскому уставу». Эта сцена широко распространилась в византийских храмовых росписях XIV в., была популярна и в новгородских стенописях.[39]

Особое место в исихастской духовности отведено Иоанну Предтече. В основе толкования этого образа лежит евангельское изречение об Иоанне как о предшественнике Христа: «Я посылаю ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мф. 11:10; Мк. 1:2; Лк. 7:27). Соотнесенность ангельской темы с иноческой — одна из наиболее важных в православной культуре этого периода. Тема осененности иноческих деяний ангельской помощью и небесным покровительством отразилась в целом ряде памятников византийского круга, связанных с монашеской темой. В образе Предтечи византийская традиция всегда подчеркивала аскетическое, отшельническое начало, что приобретает особую важность в связи с возросшим значением иноческого идеала. По словам Григория Паламы, на Предтечу, «как на свой первый образец, устремлены взоры тех, кто покинул мир». Действительно, он «был не только Предтечей Христа, но и Предтечей его Церкви, а также, братия, Предтечей нашей монашеской общины». Как Иоанн Креститель возвестил миру близкий приход Мессии, так и иноки возвещают приближение Второго пришествия.[40] Палама дает в своих произведениях эсхатологическое обоснование институту монашества. Благодать крещения состоит в даровании нам начатков Царствия, а вся христианская жизнь — только осуществление этих начатков и по возможности полное предвосхищение славы будущего века; монашеская жизнь составляет особую форму этого предвосхищения. Св. Григорий видел в монашестве разновидность пророческого служения.[41]

[38] *Попова О. С.* Византийская аскеза и образы искусства XIV в. // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 96—111.

[39] *Смирнова Э. С.* Образ монашества в русской живописи второй половины XIV в. // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 63, 68.

[40] *Мейендорф И.* Жизнь и труды... С. 271.

[41] Там же. С. 369.

Расцвет культа Иоанна Крестителя и исихастское его толкование имели следствием создание его нового облика в образе Ангела пустыни. Предтеча изображается крылатым и с блюдом с собственной головой в руке. Самое раннее изображение, сохранившееся в Арилье (Сербия) и исполненное художниками, прибывшими из Фессалоник, относится к 1296 г. Этот образ, несомненно, навеян литургическими песнопениями, где Предтеча неоднократно называется ангелом. J. Lafontaine-Dosogne полагает, что образ Ангела пустыни мог быть создан в Студийском монастыре, который был реконструирован Константином Палеологом, братом императора Андроника II, в 1293 г., где по случаю, возможно, были вновь помещены реликвии Иоанна Предтечи.[42]

Иконографический извод Предтечи Ангела пустыни находит распространение и на Руси, где самый ранний памятник представлен иконой из Коломны (ГТГ), написанной в конце XIV в. Как замечает Г. И. Вздорнов, греческие и грекофильские произведения, созданные на рубеже XIV—XV вв. в Новгороде и Москве, образуют на редкость интересное явление. Они свидетельствуют о широкой экспансии византийского искусства на Русь.[43]

Проповедниками идеального монашеского образа, создателями новых иконографических программ и акцентов были, скорее всего, представители митрополичьего двора во главе с митрополитом Киприаном. Идеи, сформулированные тогда, нашли свое продолжение в первой трети XV в., когда была прославлена память великих представителей русского иночества Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского. В конце того же века была создана целая галерея портретов русских преподобных.[44]

Особый мистический подъем, который наблюдается на Руси со второй половины XIV в., расцвет монашеской жизни вызвали к жизни некоторые темы, которые встречаются только в русском искусстве. Хотя они находят свое художественное выражение несколько позже, нет сомнения, что идеи эти тесно связаны с исихастской духовностью. В этом отношении особенно интересна эволюция композиции Страшного суда, где появляется мотив вознесения монахов в Небесный Иерусалим и низвержение падших ангелов.[45] В окончательно сформировавшемся виде он встречается на иконе середины XVI в. из села Лядины (ГЭ), причем вознесение монахов здесь сопровождается надписью: «Стыя мниси летять в Горный Іерслмъ и да имъ Гь Бгъ крыла огненіі». Этот сюжет восходит к видению преподобного Иоанна Колова, египетского подвижника, жившего в начале V в., перевод его в русских рукописях встречается с XIV в. Л. Нерсесян приводит и другие примеры духовного «восхище-

[42] *Lafontaine-Dosogne J.* Una icone d'Angélos au Musée del Malines et l'iconographie du st. J. Baptiste ailé / Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Bruxelles, 1978. P. 130.

[43] *Вздорнов Г. И.* Икона «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» — памятник круга Феофана Грека // ПКНО 1975. М., 1976. С. 179.

[44] *Смирнова Э. С.* Образ монашества... С. 76.

[45] Мы опираемся в этом вопросе на исследование: *Нерсесян Л.* Вознесение монахов и падение ангелов. Об одном иконографическом мотиве в русских иконах Страшного суда // Искусствознание. 1998. № 2. С. 262—269.

ния» подвижников во время молитвы, которые так же, как и описания вознесения их праведных душ на небеса после смерти, были широко распространены в аскетической литературе. Небесный Иерусалим предстает в этих сочинениях как главная цель духовного «делания». В числе возносящихся монахов, судя по надписям на иконах, могли быть представлены практически все знаменитые подвижники, причем не только основоположники монашества, но и их русские последователи. По мнению автора, сравнение монахов и ангелов, распространенное в православной традиции, рассматривавшей аскетов-подвижников как «земных ангелов», возносящихся умом к лицезрению божественной славы, сопоставимо с иллюстрациями «Лествицы» — важнейшим смысловым и иконографическим прототипом вознесения монахов.[46]

Важно подчеркнуть, что все рассмотренные выше новые сюжеты имеют ярко выраженный эсхатологический акцент, который является одним из ключевых в богословии исихазма. Для Григория Паламы эсхатологическое будущее является уже существующей в настоящем реальностью, ибо видение фаворского света есть реальность, тождественная «начатку воскресения», который все христиане получают при крещении. Бесконечное число текстов, которые Палама посвящает эсхатологической природе света, не оставляют никакого сомнения в том, что действительно думал учитель безмолвия и какое место отводил эсхатологии в понимании аскетики.[47]

В заключение отметим, что многие иконографические элементы рассмотренной эпохи представляют собой возрождение древних схем. Этот процесс идет параллельно с развитием исихазма, который по сути своей есть не что иное, как возврат и возрождение древней мистической традиции восточного христианства. Этот возврат наблюдается и в литургии: Филофей Коккин регламентирует в уставе пение Акафиста по обычаю, установленному «от святых старцев», — петь его каждую неделю на вечерней службе пятницы. Искусство отражает эту тенденцию исихастской традиции. Еще J. Strzygowski[48] и G. Millet[49] отмечали в сербском искусстве присутствие архаичных элементов сирийской традиции эпохи «древних отцов», которая могла быть перенята через Афон. Сербские мастера переписывали и иллюстрировали также не дошедшие до нас древние рукописи, восходящие к александрийской традиции.[50] Композиции «Спаса в «силах», Богоматери в ореоле славы, новгородского извода «Софии Премудрости Божией»[51] — все они восходят к древним восточным образцам.

[46] Там же. С. 263—264.

[47] *Мейендорф И.* Жизнь и труды... С. 264.

[48] *Strzygowski J.* Die Miniaturen des serbischen Psalters. Vienne, 1906. S. 128.

[49] *Millet G.* Recherches sur l'iconographie de l'Évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles d'après les monuments de Mistra de la Macédoine et du Mont-Athos. Paris, 1916. P. 28—29.

[50] *Vasić M.* L'hésychasme dans l'église et l'art des serbes du Moyen Age // L'art byzantine ches les slaves. Paris, 1930. P. 117—118.

[51] *Гукова С. Н.* София Премудрость Божия... С. 214—216.

Т. В. КУЩ

ТОРГОВЦЫ В ОЦЕНКАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Среди поздневизантийских авторов только Георгий Гемист Плифон, как показал И. П. Медведев, четко сформулировал свои экономические воззрения, отличавшиеся стройностью и оригинальностью мысли.[1] Другие писатели ограничивались преимущественно отвлеченными рассуждениями по поводу экономических проблем отечества и лучшего обустройства государства. По-разному литераторы оценивали социальные роли и общественную значимость тех, от кого непосредственно зависело состояние византийской экономики. Оценка торговцев Димитрием Кидонисом, одним из поздневизантийских авторов гуманистического круга, станет предметом этой небольшой статьи.

Экономическую ситуацию поздней Византии определяло в том числе и состояние торгово-предпринимательской сферы. Константинополь палеологовского времени сохранял статус крупного торгового центра.[2] Рынок, торговые улочки с многочисленными лавками, порт, где швартовались груженные товарами корабли, являлись непременными атрибутами поздневизантийского города. Жизнь продолжала кипеть на торговых площадях, несмотря на все трудности кризисного времени. И хотя на столичных рынках господствовали итальянцы, византийские торговцы продолжали заниматься своим ремеслом, обеспечивая повседневными товарами жителей Константинополя. Картина византийского города, столь многоликого и полифоничного, была бы неполной без мира купечества.

Торговцы, составлявшие значительную часть городского населения, играли важную роль в экономической и общественной жизни империи. В социальной структуре поздневизантийского общества, по мнению исследователей, торговцы принадлежали к средним слоям

[1] *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997. С. 163.

[2] *Matschke P.-K.* The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth—Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: from the Seven through the Fifteenth Century / Ed. by A. Laiou. Washington, 2002. P. 464.

© Т. В. Кущ, 2007

(μέασοι).[3] И хотя в состав торгового населения входили как крупные оптовики, имевшие значительный доход от своих сделок, так и мелкие лавочники, положение которых было ничуть не лучше последнего бедняка,[4] сознание византийского интеллектуала не проводило таких социологических различий. Отношение к этой категории в обществе, особенно среди образованной его части, колебалось от нейтрально-безразличного до негативно-пренебрежительного. Георгий Гемист Плифон, не демонстрируя своего отрицательного отношения к торговцам, причислял их наравне с ремесленниками к вспомогательному классу.[5] Алексей Макремволит, автор полемического «Разговора между богатыми и бедными», в резких тонах изобличал «богатых», под которыми подразумевал торговцев и предпринимателей, размерами своих богатств приближающихся к высшей имперской знати.[6] Причиной критических высказываний в адрес купечества было пренебрежительное отношение к характеру их деятельности. С точки зрения образованного византийца, торговцы принадлежали к народу, толпе (δῆμος, ὄχλος), неспособным к производству духовного продукта.[7] Относя купечество к необразованной толпе, интеллектуалы априорно отказывали этой категории в достойной оценке. Не являлся исключением и византийский писатель второй половины XIV в. Димитрий Кидонис.

Торговец (ἔμπορος) крайне редко появляется на страницах обширного эпистолярного наследия Димитрия Кидониса. Но даже скудные сведения о купечестве позволяют составить представление об отношении этого интеллектуала к торговому люду и его морали, поскольку каждое упоминание о торговце в тексте его писем наполнено эмоционально-оценочным содержанием. И если Кидонис допускает купца в свой эпистолярный мир, то сопровождает его появление зачастую нелицеприятными характеристиками.

Социальная значимость той или иной категории населения определяется Кидонисом, исходя из ее пользы для общества. Характеризуя суть торговой деятельности, Кидонис отмечает, что торговцы строят корабли, закупают у производителей товары и переправляют их на дальние рынки.[8]

[3] См.: *Завражин В. Н.* «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 224—230; *Ченцова В. Г.* К вопросу о понятии «μέσοι» в Поздней Византии // ВО. 1991. С. 91—101; *Oikonomidès N.* Hommes d'affaires grecs at latins à Constantinople (XIII-e—XV-e siècles). Montréal; Paris, 1979. P. 114—123; *Matschke P.-K.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 51; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 71.

[4] *Matschke P.-K.* Commerce, Trade, Markets and Money: Thirteenth—Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium... P. 800.

[5] *Медведев И. П.* Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона // ВВ. 1973. Т. 34. С. 91.

[6] *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 223.

[7] *Matschke P. K., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 64—65.

[8] *Démétrius Cydonès*. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2. Ep. 328. 8—9.

Однако купцы, в отличие от ремесленников или крестьян, сами непосредственно не производят продукцию, которую реализуют, а выступают лишь в качестве посредников. Поэтому они, по мнению Кидониса, не могут быть полезными городам самостоятельно изготовленными товарами,[9] паразитируя на труде других. И хотя Кидонис признает, что они продают товар тем, кто в этом нуждается,[10] все же он осуждает купцов, так как они думают только о наживе и прибыли, а не о людских интересах. Для торговца не важна забота о покупателе, им движет материальный расчет. Интеллектуал критикует стяжательство купцов, «которые перевозят товары, чтобы увеличить свою выручку, в то время как они их дешево покупают, но дорого продают».[11] С точки зрения писателя, торговцы, стремясь к извлечению барыша, занимаются откровенной спекуляцией на рынках. Столица, где концентрация торговцев была особенно велика, открывала широкие возможности для выгодного сбыта товаров. По едкому замечанию Кидониса, «великий Город (Константинополь. — *Т. К.*) дает этому зверью изобильные пастбища».[12]

Осуждению подвергается даже не столько торговая деятельность, сколько мораль, царящая среди купцов с их неуемной погоней за наживой. «Поклонники оболов видят всю суть человеческого счастья и добродетели» в накоплении денег.[13] Торговцы, с точки зрения интеллектуала, ограничивают суть своего существования лишь материальным благополучием, не заботясь о нравственной чистоте и духовной свободе. Их главной целью является желание «накопить монеты».[14] Золотой телец для торговцев является идолом, а главным богом — слепой Плутон, одаривающий своими сокровищами подчас людей недостойных. Нравственная сторона поступков в этой среде не имеет значения. Жажда денег лишает человека его человеческого обличья, так как ради монет он готов пожертвовать собой: «...ведь оболы купцу ценнее, чем собственные глаза».[15] Таким образом, критика Кидонисом купечества основывается на разоблачении главной цели их торговой деятельности — получении наживы. Поэтому он не находит оправданий ни занятиям торговлей, ни этике торговцев.

С этих позиций автора пренебрежение к деньгам заслуживает высших похвал. Человек, лишенный страсти к наживе, не уподобляется торговцам, ограничивающим все прекрасное суетным накоплением монет. Независимость от материального богатства дает человеку духовную свободу, позволяя направить свои помыслы к возвышенным целям. В монодии на смерть своего брата Прохора Димитрий Кидонис особо подчеркивает, что тот «был удален от тех, кто стремился к прибыли и

[9] Ibid. Ep. 328. 7—8.
[10] Ibid. Ep. 328. 10.
[11] Ibid. Ep. 328. 13—15.
[12] Ibid. Ep. 247. 22—23.
[13] Ibid. Ep. 247. 20—22.
[14] Ibid. Ep. 169. 44.
[15] Ibid. Ep. 71. 18—19.

деньгам (это отличительная черта тех, кто его ненавидел), он даже собственность, которая принадлежала ему по закону, еще юношей предоставил в распоряжение бедных...».[16] В набор добродетелей этого человека автор включает не только его презрение к богатству, но и жертвенность, которая была чужда купеческой этике.

Для Кидониса характерна ссылка на моральные ценности торговцев в его критических рассуждениях на различные темы. В частности, он использует намек на обскурантизм торговцев, осуждая своих идейных оппонентов — паламитов. Будучи непримиримым противником исихазма, Кидонис резко выступал против учения Паламы. Интеллектуал был убежден, что адептом паламитских идей могла быть только невежественная толпа. Палама, по язвительному замечанию Кидониса, боясь посвященных в тонкости богословия людей, предпочитал «преподносить свои аргументы торгашам, ткачам, ремесленникам, предоставляя им право судить о его музе».[17] Эти необразованные слои являлись подходящей аудиторией для Паламы: «...для того, что он сказал, они являются, конечно, достойными судьями!».[18] Подобный аргумент критики паламизма лишал это учение интеллектуальной утонченности и ставил под сомнение его научность, уподобляя речи Паламы пустой болтовне на рыночных площадях.

Сравнение с торговцами Кидонис использует для характеристики монахов Афона, которые не брезговали продажей древних манускриптов, не понимая их истинной ценности, не измеримой деньгами. В одном из своих писем императору Мануилу II Палеологу Кидонис описывает попытку василевса заполучить сочинение Платона, находившееся на Афоне. Монахи, видя заинтересованность императора в приобретении рукописи, сознательно завысили цену. В погоне за наживой монахи «желают извлечь выгоды из твоего интереса, хотя другим продали бы ее (рукопись. — *Т. К.*) за бесценок».[19] Монашество, которым движет материальный расчет, уподобляется в этом случае торговцам. Кидонис подчеркивает недалекость и необразованность афонского монашества, которое не могло оценить сокровища мудрости, которыми оно обладало, видя в древних текстах лишь предмет для торга. Поэтому для Платона, как пишет Кидонис, «Афон нисколько не полезней, чем Сицилия, но каждый (монах. — *Т. К.*) думает, возможно, о том, чтобы продать его дважды».[20] Алчность и двуличие монашествующих проявляются в их поведении, так как они, поступая, как мелкие лавочники, выставляют попытки императора снизить цену как неуместные. Кидонис замечает, что, «когда ты нежно с ними обращаешься, они представляют торговлю как святотатство и разыгрывают недоступность».[21] Как показывают наблюдения Кидониса, моральные принципы купечества, которые он резко осуждал, проникали и в иные слои византийского общества. Даже монастыри превращались в рынок, где монахи, подобно торговцам, стремились выгоднее сбыть свой товар. Возможно, критические суждения об афонском монашестве, известном своими исихастскими настроениями, были определены антипаламитскими убеждениями автора.

Следует заметить, что Кидонис прибегает к сравнениям с торговцами, когда желает подчеркнуть главным образом необразованность объекта своей критики. Торговец для Кидониса — антипод ученого. Отсюда и негативные отзывы о торговой деятельности, далекой от утонченного интеллектуального труда. Поэтому Кидонис не желает примириться с тем фактом, что его друг, обладающий натурой философа, «вынужден вести торгашескую жизнь».[22]

Для Кидониса, определившего целью своей жизни занятия наукой, немыслимым казалось пренебрежение философией ради практической деятельности. Он пытался уберечь от неправильного выбора своего ученика Радена, которого отец стремился приобщить к своим коммерческим делам. Переписка между учителем и учеником, как показал Ф. Тиннефельд, не только содержит дидактические наставления, но и фиксирует нравственно-моральные ориентиры истинного ученого.[23] Жизнь образованного человека, по мнению Кидониса, не может сочетаться с предпринимательской деятельностью.[24] Он уверен, что мудрость «мало принесет пользы, если думать только о том, чтобы применить ее в торговых или общественных делах».[25] Ученые занятия, по его мнению, не только не носят прикладного характера, но и являются противоположностью практической деятельности. Для усиления эффекта своих слов наставник вновь прибегает к образу торговца, изобличая моральные доминанты торгашеской среды. Кидонис не желает, чтобы его ученик стал «одним из этих торговцев мукой или лавочников».[26] Кидонис понимает, что искушение деньгами всегда достаточно велико, поэтому и боится, что Раден между философствованием и материальным благополучием выберет последнее. Поэтому он наставляет своего воспитанника: «Если мы ограничиваем все хорошее деньгами и достигаем этого в жизни, то все прекрасное от нас исчезает, и мы объявим торговцев более важными, чем семь искусств».[27] Для Кидониса несовместимы такие понятия, как наука и деньги, возвышенное и мелочное, духовная жизнь и практическая деятельность. В силу этого он настаивает: «Ты должен презирать деньги, даже если бы их было много».[28]

---

[16] *Demetrios Kydones*. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981—2003. Bd 1—4. № 81. 53—55.

[17] Ibid. № 81. 88—90.

[18] Ibid. № 81. 90—91.

[19] *Démétrius Cydonès.* Correspondance. Ep. 276. 24—25.

[20] Ibid. Ep. 276. 21—23.

[21] Ibid. Ep. 276. 25—26.

[22] Ibid. Ep. 339. 22—23.

[23] *Tinnefeld F.* Freundschaft und παιδεία: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // Byz. 1985. T. 55. Fasc. 1. S. 228—230.

[24] Ibid. S. 231—233.

[25] *Démétrius Cydonès.* Correspondance... Ep. 428. 17—18.

[26] Ibid. Ep. 177. 10—11.

[27] Ibid. Ep. 177. 22—24.

[28] Ibid. Ep. 169. 26.

Чтобы Раден мог противостоять тем, кто пугал его бедностью, Кидонис советует вооружиться словами Солона: «Мы не хотели бы обменивать добродетели на богатства. Так и быть, будьте богатыми, если вам это удается! Но для нас иметь мудрость — это больше, чем доля их богатств, и презирать занимающихся торговлей — это важнее, чем их сокровища».[29] Он убеждает ученика, что заниматься наукой вовсе не означает жить в нужде, так как «многие получили большое богатство благодаря научным занятиям, хотя незначительней, чем торговцы с их уловками».[30] Для Кидониса подобная дилемма — деньги и богатство или философская жизнь — была решена в пользу последней, но многие молодые люди не всегда могут устоять перед соблазном материального благополучия, принося в жертву свой талант и призвание. Выступая апологетом науки, Кидонис с присущим ему пафосом развенчивает этические нормы и принципы купечества, резко противопоставляя их деятельность ученым занятиям.

Это противопоставление неоднократно можно обнаружить в корреспонденции образованного византийца. Он убежден, что подражать торговцам — недостойное, низкое занятие. Однако Кидонис, по своему ироничному признанию, однажды сам уподобился им, чтобы доставить на родину рукописи из Италии. Словно торговец, Кидонис вез в своем багаже груз, приобретенный в итальянских городах. Но своими товарами он называет книги,[31] которые, по его замечанию, «поспособствуют большей мудрости друзей».[32] Кидонис подчеркивает, что, в отличие от купцов, он даром, не рассчитывая на вознаграждение, привез эти «сокровища мудрости».[33] Моральные принципы не позволяют ему вести себя подобно коммерсантам, всегда рассчитывающим на материальную выгоду. Кидонис заключает, что благодаря своему бескорыстию он «не подражает купцам».[34]

Для Кидониса признание его литературных талантов было гораздо ценнее, нежели материальное вознаграждение. Он заявляет, что для него как человека, стремящегося к истине, похвала достоинств его творений «дороже, чем все золото на земле и под землей, и я принимаю ее за самое дорогое, и буду лучше оберегать, чем самый скверный корыстолюбец бережет свои деньги…».[35] Конечно, Кидонис ни в коем случае не был аскетом, и частые жалобы на недостаток средств, неоднократно встречающиеся в его письмах, красноречиво говорят об этом.[36] Но как истинный ученый он расставляет свои жизненные приоритеты, среди которых алчности и страсти к наживе не находится места. Поэтому торговцы, невежественные и ненасытные в своей жажде денег, заслуживают лишь презрения со стороны образованного человека. Такая оценка Кидонисом торговцев, пусть и не отличавшаяся оригинальностью мысли, но характеризовавшаяся крайним негативизмом, отражает социальные взгляды и нравственно-моральные доминанты этого интеллектуала.

---

[29] Ibid. Ep. 177. 19—22.
[30] Ibid. Ep. 177. 27—28.
[31] Ibid. Ep. 328. 29.
[32] Ibid. Ep. 328. 18.
[33] Ibid. Ep. 328. 12—14.
[34] Ibid. Ep. 328. 13.
[35] Ibid. Ep. 192. 19—21.
[36] *Tinnefeld F.* Freundschaft und παιδεία… S. 233.

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

К СЛОВАРЮ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ЦЕРЕМОНИАЛА: АНАВАФРА

Как некогда участники плифоновского союза, Игорь Павлович Медведев в кругу учеников профессора М. Я. Сюзюмова является «эсотериком». Давно принадлежа петербургской школе византинистики, в Уральском университете он поныне остается «своим», тем более что и стороннее мнение причисляет его к этой школе: он был назван А. П. Кажданом «самым способным из учеников М. Я. Сюзюмова».[1]

Круг интересов юбиляра необычайно широк (и в этом он тоже достойный ученик своего учителя). Перу И. П. Медведева принадлежат работы по истории города, культуре, праву, дипломатии и дипломатике — разве что о церемониале он, кажется, не писал. Вот по этому принципу и отобрана мной небольшая заметка, которая, я надеюсь, будет скромно вплетена в праздничный букет статей, подносимый юбиляру коллегами и друзьями.

В византийских церемониальных текстах встречается немало названий, недостаточно знакомых современному читателю. Но за ними всегда стоят реалии, могущие (в той или иной степени) помочь понять нюансы придворной культуры. К числу подобных реалий относится и анавафра.

Что пишет об анавафре Псевдо-Кодин, автор церемониальной книги середины XIV в. «О должностных лицах Константинопольского двора и о должностях Великой церкви»?[2]

При описании коронационного обряда (глава VII) Псевдо-Кодин сообщает, что император после акта поднятия его на щите направлялся в храм Св. Софии, где должно было состояться его коронование. Там он, переодевшись в саккос и диадему в специально для этого построенном «деревянном домике»,[3] направлялся к установленной вблизи от «домика» анавафре, которая, по описанию автора обрядника, представляла собой деревянное строение, полностью декорированное алыми шелковыми тканями. Наверху были установлены, соответственно числу императоров и их супруг — в зависимости от обряда или этапа обряда, золоченые троны, высота которых была увеличена за счет ступеней (четырех или пяти).[4]

В ходе коронационного обряда император (или императоры, или император с императрицей) несколько раз по ходу действия поднимались на анавафру, занимали места на тронах и спускались, соответственно ритуалу.[5] Так, перед миропомазанием патриарх, поднявшись на амвон, приглашает императора и по прочтении принятых в акте миропомазания текстов помазует крестообразно божественным елеем голову императора, трижды повторяя «Свят!». После возложения стеммы на голову императора с троекратными возгласами «Достоин!» император спускался с амвона в сторону солеи и алтаря и вновь поднимался на анавафру.[6] Затем происходила коронация императрицы, которая, спустившись с анавафры, вставала перед солеей, где император возлагал на голову супруги корону. После проскинезы императрицы, демонстрирующей почтение супругу, и прочитанной патриархом молитвы царственные особы занимали места на анавафре, при этом василевс держал крест, а василисса — вайю, украшенную драгоценными камнями и жемчугом. При звучании гимна Трисагии, как и при чтении текстов Посланий апостолов и Евангелия, коронованные особы вставали со своих мест на анавафре.[7]

Наряду с анавафрой для коронуемых императора и императрицы по обе стороны храма специально для обряда коронования строились деревянные анавафры для певчих, доместиков и чтецов (с древних времен называемых κράκται), исполнявших соответствующие ритуалу песнопения.[8] При этом, стоя на анавафрах, они держали три копья, имеющих деревянные обручи с висящими на них красными и белыми шелковыми тканями, которые позднее, при возвращении императора во дворец, будут нести перед ним.[9]

После причащения императора и раздачи народу антидорона[10] император с супругой, императором-отцом и императрицей-матерью вновь поднимались на анавафру, но только меньшего размера, с обычными (без ступеней) тронами. Их сопровождали певчие и доместики. Когда золотые занавеси прикрывали царствующих особ, псалты пели: «Вос-

---

[1] *Kazhdan A.* Portraits of Soviet Byzantinists. I: M. Ia. Siuziumov // BS / Etudes byzantines. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204.

[2] *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. Paris, 1976 (далее — *Ps.-Kod.*).

[3] Ibid. P. 256.20—25. «Деревянный домик» (ξύλινον οἴκημα μικρόν) служил цели сиюминутного переодевания императора и в других церемониальных обрядах. См. об этом: *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X в. СПб., 1893. С. 44—45. Сн. 2.

[4] Ps.-Kod. P. 257. 2—25.

[5] Ibid. P. 260.8, 261.9, 262.19, 267.2 и др.

[6] Ibid. P. 259.10—260.

[7] Ibid. P. 262.24—28.

[8] Ibid. P. 262.28—263.9.

[9] Ibid. P. 263.9—14.

[10] Ibid. P. 268.22—23.

© М. А. Поляковская, 2007

станите, восстаните!». После этого занавеси раздвигались, и все, кто стоял на катихумениях, приветствовали их.[11] Названная сцена несколько напоминает ситуацию прокипсиса, но об этом ниже.

Итак, при описании обряда коронации императора Псевдо-Кодином восемь раз названы анавафра — большая, малая и две — для протопсалтов и анагностов.

Сравним информацию, полученную нами из обрядника Псевдо-Кодина, с другими описаниями поздневизантийского коронационного обряда: это текст Иоанна Кантакузина об акте коронации Андроника II Палеолога 2 февраля 1325 г.,[12] анонимное описание коронации Мануила II Палеолога 11 февраля 1391 г. (сохранилось лишь фрагментарно)[13] и дневниковая запись паломника Игнатия Смоленского, присутствовавшего на коронации Мануила II.[14]

Описание коронации Андроника III Палеолога в 41-й главе «Истории» Иоанна Кантакузина во многом совпадает с текстом коронационной главы обрядника Псевдо-Кодина. Долгое время полагали, что автор церемониальной книги позаимствовал текст у Кантакузина. Ныне же, по обоснованному мнению Ж. Верпо, считается, что Иоанн Кантакузин и Псевдо-Кодин пользовались одним и тем же официальным предписанием в отношении коронационного чина.[15] Хотя рассказ Иоанна Кантакузина о коронации Андроника III Палеолога достаточно пространен, однако он существенно короче описанного Псевдо-Кодином чина. По подсчету Ж. Верпо, если у Кантакузина этот текст занимает 176 строк, то в трактате Псевдо-Кодина рассматриваемому чину посвящено 303 строки (или 247, если исключить начало и конец, которых нет у Кантакузина).[16] Можно констатировать совпадение ситуаций, связанных с упоминанием анавафры. Единственно, что дополнено в тексте Кантакузина, — это характеристика той алой шелковой ткани, которой со всех сторон (πάντοθεν) была декорирована анавафра: он называет ее Σηρικά,[17] что может свидетельствовать о ее восточном происхождении (от Σῆρες — жители Индии и Китая). В целом, в тексте Иоанна Кантакузина мы наблюдаем не расширение характеристики анавафры, а, напротив, ее сокращение по сравнению с текстом Псевдо-Кодина. Так, отсутствует «сцена» с копьями, а также описание анавафры среднего размера, на которую поднялась императорская семья после причащения императора. В тексте «Истории» Иоанна Кантакузина анавафра названа шесть раз.

[11] Ibid. P. 269.2—19.

[12] Joannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 1—2. Bonnae, 1831. Vol. I. P. 196.8—204.3 (далее — *Cant.*).

[13] *Ps.-Kod.* P. 353—361. См. также: *Лопарев Хр.* К чину царского коронования в Византии // Сб. статей в честь Д. Ф. Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 8—11. Копия статьи Хр. Лопарева была любезна прислана мне И. П. Медведевым.

[14] Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / By G. T. Majeska. Washington, 1984. P.105—112. О дате коронации см.: *Verpeaux J.* Appendice // *Ps.-Kod*. P. 351—352; *Majeska G. T.* Commenty // Russian Travelers… § 88. P. 416—420.

[15] *Verpeaux J.* Introduction // *Ps.-Kod*. P. 31—35.

[16] Ibid. P. 31.

[17] *Cant*. P. 197.

В описании коронации Мануила II (флорентийская рукопись VIII)[18] отсутствует текст, воспроизводивший начало коронационнного действа, определенного церемониальной книгой Псевдо-Кодина. Обряд, засвидетельствованный этой рукописью, начинается с происходящего в алтаре акта каждения,[19] чтения молитв и Трехсвятия, завершающегося миропомазанием императора и возложением на его голову короны. Следовательно, в тексте анонимного автора нет упоминания о «деревянном домике», где император переодевался перед актом коронации, а затем восходил с императрицей на анавафру с высокими тронами. По анонимному автору, анавафра впервые упомянута в контексте коронации императором императрицы, когда они, коронованные, после коленопреклонения перед алтарем, поднимаются (он с крестом, а императрица с ветвью, украшенной камнями и жемчугом) на анавафру и усаживаются на свои троны.[20]

Далее в тексте, изданном по флорентийской рукописи, следует сюжет с анавафрами для музыкантов: «За амвоном устроены две деревянные анавафры, одна справа, другая слева — так, чтобы сверху стояли певцы хора (μαΐστορες) с прекрасными голосами, надевшие поверх своих платьев золотые одежды из императорского вестиария, и распорядители торжеств <…> Протопсалт и доместик стоят праздно на солее, лампадарий с двойным подсвечником (μετὰ τοῦ διβαμπούλου) впереди василевса пониже царской анавафры, протоканонарх же стоит посреди амвона с задней стороны и громко ведет счет строф (κανοναρχεῖ), а маисторы поют после каждого стиха „ей свят"».[21]

По тексту анонимного автора, после возношения Святых Даров и провозглашения многолетия в честь императора он шел в сопровождении духовенства до солеи и, вновь поднявшись вверх, садился на свой трон (ἀναβὰς κάθηται ἐν τῷ θρόνῳ αὐτοῦ).[22] Хотя здесь прямо не названа анавафра, упоминание о ней присутствует в причастии от глагола ἀναβαίνειν.

Затем, по анонимному автору, императора вызывали в алтарь для причащения, после же он снова поднимался на анавафру.[23] Таким образом, до названного момента в описании коронационного обряда и Псевдо-Кодин, и анонимный автор близки (за исключением начала церемонии с актом переодевания императора, как уже указывалось).

В последующем тексте анонимного описания коронации Мануила II начинаются разночтения с текстом Псевдо-Кодина. В названном источ-

[18] См. выше, сн. 13.

[19] Сначала кадил император, а затем патриарх: *Ps.-Kod.* P. 353.1—9.

[20] Ibid. P. 355.27—28.

[21] Ibid. P. 356.9—357.1. См. также: *Лопарев Хр.* К чину царского коронования… С. 4.

[22] *Ps.-Kod.* P. 358.18—20.

[23] Ibid. P. 359.2.

нике после причащения император, сев на коня, направлялся из храма во дворец (ὁ βασιλεύς καβαλικεύσας ε κτοῦ ναοῦ ει ςτὰ βασίλεια πορεύεται).[24] Это означает, что, по этой версии, анавафра, дважды названная в дальнейшем тексте, была расположена во дворце. Однако описание торжества (и места анавафры в нем) совпадает во многом с описанием Псевдо-Кодина,[25] а у него эта часть церемонии проходила в храме.

Текст анонимного автора таков: «Во дворце заранее была приготовлена анавафра и покрыта алыми тканями; впереди имеется занавес, и весь народ находится по другую сторону занавесей. Василевс поднимается с августой на анавафру на свои троны. Маисторы восклицают с напевом: „Восстаните, восстаните, цари Ромейские!". Тотчас открываются занавесы, императоры появляются, и происходит восславление. Затем занавесы снова закрываются…», так что народ не видит царствующих особ. Василевс с августой, войдя во внутренние помещения и надев другие одежды, садятся за стол.[26]

Т. е. при общем совпадении этого фрагмента текста с описанным Псевдо-Кодином чином коронования здесь наблюдается явное разногласие. Можно согласиться с Хр. Лопаревым, комментировавшим текст флорентийской рукописи, что анавафра в этой ситуации стояла в храме, ибо народ (ὁ λαός) не допускался во дворец (особенно после акта коронации).[27] Хотя аргумент относительно народа довольно шаток (народом в такой ситуации могли быть названы придворные), следует все-таки принять доводы Хр. Лопарева, поскольку аноним не был свидетелем церемонии и, переписывая по готовому тексту,[28] мог ошибиться. Впрочем, за несколько десятилетий в финале церемонии могли произойти изменения.

Итак, всего в сочинении анонимного автора анавафра названа пять раз (и в шестой раз она упомянута в тексте через соответствующий глагол). По сравнению с текстом обрядника Псевдо-Кодина, как было отмечено, отсутствует описание анавафры с высокими тронами в начале церемонии, происходившей в храме Св. Софии.

Записи русского паломника Игнатия Смоленского «О царском венчании» свободны от влияния официальных предписаний и являются скорее отражением первого впечатления от потрясшего его зрелища: великолепные царские одежды, яркие одеяния духовенста, иностранных гостей и сановников, обилие света и песнопений. Описание Игнатия Смоленского очень эмоционально: «И бысть вѣнчание его чюдно видѣти».[29]

[24] Ibid. P. 359.3—5.
[25] Ibid. P. 269.2—19.
[26] Ibid. P. 359.11—360.12.
[27] *Лопарев Хр.* К чину царского коронования… С. 6.
[28] Там же. С. 2.
[29] Хождение Игнатия Смолянина // Russian Travelers… P. 105.434.

При сравнении записи Игнатия Смоленского с чином коронования в описании Псевдо-Кодина, Иоанна Кантакузина или анонимного автора заметны некоторые отличия и совпадения.

Одно из бросающихся отличий — это присутствие василевса в храме Св. Софии в ночь, предшествующую акту коронации: «Тои нощи бысть все бдѣние нощное в Святѣи Софии».[30] Этому можно поверить. Как известно, в палеологовский период, когда императорский двор находился довольно далеко от храма Св. Софии, во Влахернском дворце, василевсы иногда приезжали в храм с вечера и ночевали в мутатории, в расположенных на галерее храма покоях для отдыха и переодевания.[31] Тем более можно этому поверить, так как коронация Мануила II проходила в феврале, и даже для юга это не лучшее время. А в тот год февраль действительно был холодным, о чем свидетельствует письмо Димитрия Кидониса, обращенное к Мануилу II Палеологу по поводу его коронации. Вернувшись из Венеции, Кидонис решил поздравить императора вскоре после того, как тот «от Бога получил скипетр».[32] Автор письма извинился, что плохо себя чувствует «из-за зимней погоды» и в силу этого не смог лично посетить с поздравлениями «царя философов».[33]

Что касается интересующего нас вопроса, то уже в первом абзаце заметок Игнатия можно получить нужные сведения: «И бяше под палатами по правои руцѣ чертог 12 степени, шириною двѣ сажени, а облечен весь черленым черьвцем, на немже два стола златы».[34] Паломник пишет, что царь, проведя ночь в верхней галерее («на полатах») храма, с началом службы вошел в храм через царские ворота и прошел до чертога.[35] Затем царь, «вшед в чертог, облечеся в багряницю и диадиму и вѣнец кесарьский».[36] Выйдя из чертога, он и царица взошли наверх («взыде на верх») и сели на троны, после чего началась литургия.[37]

Далее Игнатий рассказывает о ходе самой коронации, не сообщая ничего о предшествующем ей акте миропомазания: «И положи патриарх вѣнець на царя и даде ему крест в руку. И сшед царь доле[38] и положи вѣнець на царицю, и поидоша на свое мѣсто и сѣдоша на столѣх».[39]

[30] Ibid. P. 105.437.
[31] *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы… С. 129.
[32] *Démétrius Cydonès.* Correspondans / Publ. par R.-J. Loenertz. ST 208. Città del Vatic., 1956. № 430.7. Немецкий перевод: *Demetrios Kydones.* Briefe / Übers. und erläut. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 2003. T. 4. № 427.
[33] *Démétrius Cydonès.* Correspondans. № 430. P. 386.10.
[34] Russian Travelers… P. 107.518—533.
[35] Ibid. P. 107.533—546.
[36] Ibid. P. 109.573—577.
[37] Ibid. P. 109.579—588.
[38] Т. е. спустившись с амвона.
[39] Russian Travelers… P. 109. 623—111.631.
[40] См. выше, сн. 11. Занавес упоминается Игнатием Смоленским в ситуационном контексте, которого нет в обряднике Псевдо-Кодина: «...и ту стоящии народи раздраша всю опону чертожную, колико кто вьсхити себь» (Russian Travelers… P. 111.666—670).

Затем паломник отмечает, что после акта причащения открывался занавес на царском помосте («опона чертожная»), что напоминает фрагмент с малой анавафрой из текста обрядника Псевдо-Кодина.[40]

Итак, в записи Игнатия Смоленского в ходе коронационного обряда анавафра названа чертогом и упомянута пять раз. Вполне понятно, что рассказ паломника более краток, чем другие описания коронационного чина XIV в., но в целом он при определении назначения помоста соответствует основным этапам рассматриваемого обряда.

Обратимся к тем сюжетам поздневизантийского церемониала, которые свидетельствуют о возможности использования анавафры не только в стенах храма Св. Софии, но и в императорском дворце. Это описанные Псевдо-Кодином акты возведения в сан патриарха (гл. VIII) и празднования Воздвижения Креста (гл. IV).

При возведении в сан патриарха триклиний дворца делился занавесями на две части. В первой их них ставилась покрытая алой шелковой тканью деревянная анавафра,[41] на которой находился трон императора. За занавесями стояли все архонты в парадных костюмах и с соответствующими их должности инсигниями. В третьем выделенном занавесями пространстве, расположенном напротив императорского трона, стоял трон будущего патриарха. После того как занавеси раздвигались, начиналась евфимия. Самый высокий из присутствующих чинов, взяв кандидата под руку, подводил его к анавафре,[42] и тот — после произнесенной формулы возведения патриарха в сан — поднимался по ее ступеням, получая из рук императора диканикий как символ власти и императорское благословление. Далее начиналась евфимия в честь императора и патриарха, после которой, по завершении акта, император отправлялся в свои покои, а патриарх — в храм Св. Софии.

Что касается праздника Воздвижения Креста, информация автора обрядника весьма лаконична. Мы лишь знаем, что в триклинии дворца ставилась деревянная, покрытая красным шелком анавафра, на которую поднимался патриарх для ведения акта праздника.[43]

Попробуем обобщить материал на основании 27 упоминаний анавафры в поздневизантийских текстах.[44] Во всех случаях она присутствует в церемониальном пространстве, предназначаемая преимущественно для репрезентации императорской власти (26 упоминаний). В основном анавафра использовалась в акте коронации императора в храме Св. Софии, но и происходившие во дворце упомянутые выше церемонии служили идее императорской власти. Так, при возведении в сан патриарха анавафра и находившийся на ней императорский трон устанавливались,

[41] *Ps.-Kod.* P. 279.23—24.

[42] Ibid. P. 280.8—13.

[43] Ibid. P. 239.26—240.4.

[44] Помимо рассмотренных в статье источников, поиск проведен по текстам исторических сочинений Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Никифора Григоры, однако он не увенчался успехом.

[45] К этимологическому толкованию слова можно добавить относящиеся к этой же группе слов понятия τὸ βάθρον (ступень, порог) и τὸ ὑποβαθρον (подставка).

«как во время коронации василевса» (ὁποῖος ἐν τῇ βασιλέως στεφηφορίᾳ εἴρηται).

Что же такое анавафра? Слово ἡ ἀναβάθρα этимологически происходит от глагола ἀναβαίνω (всходить, подниматься).[45] В древнегреческом словаре оно обозначается как «сходни», «помост». Из византийских текстов видно, что это специально — для определенного церемониального акта — построенное из дерева, обитое со всех сторон алой шелковой тканью и имеющее ступени возвышение, на котором стоял императорский трон (или троны для членов императорской семьи).[46]

Игнатий Смоленский добавляет некоторую информацию о местонахождении анавафры в храме и ее размерах. Он прямо сообщает, что она находилась «под палатами по правой руцѣ», т. е. справа от амвона. Это не противоречит описанию тех передвижений (алтарь — солея — амвон — анавафра), которые совершает василевс во время акта коронации. Г. П. Маджеска ссылается на традицию, подтверждаемую и Антонием Новгородским, упоминавшим «пурпурный мрамор», на котором возводился трон для коронации императора.[47] В связи с этим можно вспомнить представлявшую план храма Св. Софии таблицу X в книге Д. Ф. Беляева.[48] На этой таблице отмечено место, на котором возводился обычно коронационный помост. Это расположенный на полу в юго-восточной части храма (ближе к восточным колоннам) прямоугольник, вымощенный гранитом и порфировым мрамором. По периметру этот прямоугольник был украшен каменной цветной мозаикой. В центре прямоугольника находился круг диаметром в 3,5 м — именно над этим кругом и возводилась анавафра, при этом мозаичный декор оставался видимым для присутствующих на праздничном акте.[49]

Несомненной «составляющей» анавафры являлись ступени. Самую содержательную информацию о них сообщает в своем описании коронации Игнатий Смоленский. Он отмечает, что «степени»[50] имели ширину две сажени,[51] что составляет 2,84 м. Казалось бы, что при этом размере анавафра действительно могла бы войти в названный круг справа от амвона. Однако, определяя площадь анавафры, следует иметь в виду, что она могла быть, судя по источникам, большой, средней и малой.

[46] Если обратиться к традиции, восходящей к «Книге церемоний» Константина Багрянородного, то в текстах первой книги анавафра, названная в главах 1 (5 раз) и 19 (4 раза), имеет все ту же характеристику — деревянная, покрытая алой тканью. Упоминается также размер анавафры (большая, малая). Все упоминания относятся к пространству храма Св. Софии: Constantini Porphyrogeneti De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. I.23, 609— 611. См. также: *Беляев Д. Ф.* Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 94.

[47] *Majeska G. P.* Commentary. P. 423.

[48] *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы… Объяснения к таблице: с. 304.

[49] *Majeska G. P.* Commentary. P. 423.

[50] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. С. 511. Срезневский ссылается на текст Игнатия Смоленского.

[51] Разумеется, здесь имеется в виду маховая сажень. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 129.

Ступени, как следует полагать, должны были быть пологими (приблизительно 10 см в высоту), иначе трудно было бы представить многократные подъемы и спуски с анавафры императора и членов его семьи в длинных тяжелых одеяниях. При пологих ступенях высота анавафры, возможно, была 1,5—2 м. Иногда, чтобы сделать видимыми всем собравшимся на празднество восседающих царственных особ, к тронам вели дополнительные четыре-пять ступеней, названные как Иоанном Кантакузином, так и Псевдо-Кодином. Думается, что размер анавафры мог варьироваться применительно к торжественному акту.

При характеристике анавафры встает вопрос и о так называемом «домике для переодевания», упоминаемом Иоанном Кантакузином и Псевдо-Кодином при характеристике обряда коронования. По Игнатию Смоленскому, названный им чертог и служил цели смены коронационной одежды. А троны стояли «на немже». Возможность сочетать помост с комнатой для переодевания отмечалась и М. А. Андреевой[52] применительно к церемонии прокипсиса. Само слово «чертог», используемое Игнатием Смоленским, имело, наряду со значениями «комната», «дворец», «палата», и конкретный смысл — «царский чертог», т. е. возвышенное место в Московском Успенском соборе, где венчались русские цари.[53] Вполне вероятно, что и там чертог был связан с функцией переодевания.

Как можно видеть, между анавафрой и прокипсисом (как постройкой) было много общего: оба сооружения были специально для конкретного торжественного акта построенными деревянными помостами, сценой, служившей цели пропаганды «императорской идеи». По М. А. Андреевой, прокипсис представлял собой нечто вроде шатра с занавесями и с отгороженной комнатой для переодевания.[54] Подробное описание прокипсиса содержится у Псевдо-Кодина.[55] Церемония проводилась в дни церковных праздников, прежде всего Рождества и Крещения, а также в дни свадебных торжеств дочерей императора.[56] Поскольку помост прокипсиса служил цели представления зрителям большого количества лиц (императора и его окружения), его строили не в помещении, а во дворе либо храма, либо дворца. Иоанн Кантакузин назвал его даже «воздушным домиком».[57]

О том, что двум рассматриваемым здесь сооружениям, играющим роль праздничной сцены, было отведено разное место в поздневизантийском церемониале, свидетельствует и то, что в трактате Псевдо-Кодина нигде не совпадают фрагменты текста, сообщающие об анавафре[58] и о прокипсисе.[59]

Можно обратить также внимание на то, что в переводе текста сочинения Псевдо-Кодина, осуществленном Ж. Верпо, хотя греческие названия помостов не сохранены, однако ἡ αναβάθρα переводится как «une estrade», а ἡ προκύψις как «la tribune de présentation» или просто «la tribune». Это, несомненно, передает различие представлений византийцев об этих видах сооружений (хотя предпочтительнее бы были существительные с сохраненными греческими корнями).

По наблюдениям М. А. Андреевой, прокипсис был генетически связан с римскими триумфами и кафисмой императоров.[60] Основанием как для кафисмы, так и для прокипсиса являлись колонны, бывшие в римские времена стационарными, мраморными, а в поздневизантийское время — временными, деревянными. Анавафра же (или, по Андреевой, шатер,[61] построенный в катихумениях Св. Софии) возводилась не на колоннах, а на ступенях.[62]

Пытаясь реконструировать по данным источников внеший вид анавафры, мы не разрешили окончательно всех вопросов. Обращает на себя внимание, к примеру, то, что Хр. Лопарев, комментируя текст Псевдо-Кодина, пишет: «василевс вошел в анавафру», «сидит в анавафре» и «вышел из анавафры».[63] Хотелось бы предположить, что передняя стенка анавафры прикрывала нижние ступени, но об этом не преминул бы написать Игнатий Смоленский, бывший свидетелем коронации Мануила II в храме Св.Софии.

Как бы то ни было, уточнение значения названия «анавафра», взятое в контексте церемониального протокола, позволяет в некоторой степени воссоздать зримые реалии жизни поздневизантийского двора.

---

[52] *Андреева М. А.* О церемонии «прокипсис» // Seminarium Kondakovianum. 1927. Vol. 1. S. 162.

[53] *Даль В.* Толковый словарь… Т. 4. С. 597.

[54] *Андреева М. А.* О церемонии «прокипсис». S. 162.

[55] *Ps.-Kod.* P. 197—198.

[56] Ibid. P. 587.18—588.12.

[57] *Андреева М. А.* О церемонии «прокипсис». S. 160.

[58] *Ps.-Kod.* P. 239.27, 257.4, 260.8, 261.9, 262.19, 263.1, 267.7, 269.3, 269.12, 272.24—25, 278.14, 279.23—24, 280.9.

[59] Ibid. P. 181.1, 183.13, 195—198, 202.26, 203.16, 208.21, 209.23, 226.26, 227.5.

[60] *Андреева М. А.* О церемонии «прокипсис». S. 172.

[61] Видимо, М. А. Андреева имела в виду анавафру с занавесями.

[62] Там же. S. 173.

[63] *Лопарев Хр.* К чину царского коронования… С. 4. Собственно, это неясное словосочетание и подтолкнуло автора этой статьи к поиску. Вероятнее всего, слова Хр. Лопарева следует отнести к анавафре с занавесями.

GILBERT DAGRON

LA FRANCE AU MIROIR DE BYZANCE

Quelques remarques sur l'historiographie française du Moyen Âge au XVIIIe s.

L'histoire de l'histoire byzantine tardait à s'écrire, et il faut remercier ceux qui, comme notre ami Igor Pavlovic Medvedev, nous ont fait prendre conscience de son importance. L'historiographie peut seule donner une troisième dimension aux études historiques et rajeunir des disciplines aux problématiques un peu érodées. Cette archéologie des textes et des images, aussi bien que celle des fouilles, fait découvrir des trésors, comme l'ont montré l'exposition *Byzance retrouvée*, organisée à Paris en relation avec le XXe Congrès international des Études byzantines, et le catalogue qui l'accompagnait, dû à Marie-France Auzépy et Jean-Pierre Grélois.[1] En travaillant au même moment sur «Byzance et l'Europe», j'avais moi-même perçu les multiples facettes de l'intérêt porté par la France à Byzance, à ses textes et à son histoire, qui font, à bien des égards, des études byzantines en France une introspection de la France elle-même. D'un projet trop ambitieux, je ne garde ici que quelques remarques sur la place de Byzance dans la genèse d'une idéologie royale, dans l'épanouissement des disciplines érudites à l'âge classique, et, négativement cette fois, dans la pensée des philosophes ou historiens du Siècle des Lumières.

Pour des raisons de géographie, de langue, de religion et de culture, l'ancien Empire oriental, à travers son passé ou le présent de ses héritiers balkaniques et continuateurs ottomans, ne s'insère jamais tout à fait dans le

[1] *Byzance retrouvée. Érudits et voyageurs français (XVIe—XVIIe siècles)*, exposition organisée à la Chapelle de la Sorbonne à l'occasion du XXe Congrès international des Études byzantines, Paris 13 août-2 septembre 2001, catalogue réalisé sous la direction de M.-F. Auzépy et J.-P. Grélois. Pour l'historiographie sur Byzance, on rappellera deux travaux fondamentaux: G. Falco, *La polemica sul Medio Evo*, I, Biblioteca della Società Storica Subalpina 143, Turin 1933; A. Pertusi, *Storiografia umanistica e mondo bizantino*, Quaderni dell'Istituto Siciliano di Studi bizantini e neoellenici 5, Palerme 1967, qui reprend sous forme développée id., «Le siècle de l'érudition», *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft* 15, 1966, p. 3—25.

© G. Dagron, 2007

tissu d'une histoire identitaire à laquelle on demande de comprendre les racines de la France ou les destinées de l'Europe, mais il fournit, par similarité ou contraste, des arguments indispensables pour expliquer ce qu'est un roi, ce que fut et est devenu le christianisme, ce qu'est le «progrès» dans un nouveau et très inégal partage des rôles qui donne à l'Occident européen un avenir et rive le vieil Orient à un passé mythique ou dévalorisé.

On comprendrait difficilement l'enjeu de pouvoir que représente Byzance au XVIIe siècle sans un détour par le Moyen Âge. En dehors des croisades, l'intérêt que portent alors les théoriens, juristes et canonistes français à cette civilisation lointaine qui prolonge Rome sans discontinuité apparente est assez faible, mais très précisément centré autour de la notion d'Empire. Dans un monde politique voué depuis le Ve siècle à la *divisio regnorum*, il s'agit pour eux de démontrer que le pouvoir royal, tel qu'il se développe dans les Royaumes de quelque importance, a la même origine et les mêmes prérogatives que le pouvoir impérial et que «le roi est empereur dans son royaume».[2] Dès le milieu du XIIe siècle commencent à émerger les idées qui feront évoluer la monarchie patrimoniale et héréditaire des premiers temps sur le modèle impérial : les titres de *rex* et d'*imperator* sont tenus pour équivalents; le roi est l'évêque du Christ, et «puisqu'il est oint de l'huile des prêtres, il ne peut être compté au nombre des laïques» (Honorius Augustodinensis).[3] Le plein essor du droit romain au XIIIe siècle permet aux romanistes et décrétistes toutes sortes de variations sur l'universalité du royaume dans ses limites territoriales et sur l'autorité suprême du roi, fondée sur sa *potestas condendi leges sicut et imperatores* (Glose d'Alanus Anglicus). Autour de 1300, la querelle entre Philippe le Bel et Boniface VIII (1295—1303) esquisse les linéaments de ce que sera le «gallicanisme», justifiant la tutelle du roi sur un clergé qui est considéré comme l'une des composantes du «corps» du royaume[4] Les écrits théoriques des XIVe et XVe siècles donnent une cohérence politique à tous ces éléments qui préfigurent l'État moderne. Si l'Empire apparaît alors comme une réalité politique dépassée, c'est parce que tous ses éléments constitutifs ont été transférés aux grandes royautés occidentales, particulièrement à la royauté française.

Ce transfert ne se fait pas sans contradictions. La France, soucieuse de préserver sa souveraineté et de dénoncer toute prétention impériale, présente des candidats à ce qui reste de l'Empire. Évrart de Trémaugon, dans *Le songe du vergier* qu'il compose en 1376/1378 pour Charles V, affirme que les Empires se sont imposés par la force contre une pluralité des royaumes et principautés voulue par Dieu; mais il proclame : «le royaume de France peut être appelé Empire et le roi empereur aussi bien que l'Empire de Rome est

[2] Les analyses qui suivent résument les récents travaux de J. Krynen, *L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe—XVe siècle*, Paris 1993; A. Rigaudière, *Penser et construire l'État dans la France du Moyen Âge (XIIIe—XVe siècle)*, Paris 2003 (recueil d'articles).

[3] Krynen, *op. cit.*, p. 23—30.

[4] Krynen, *op. cit.*, p. 87—91; sur la notion de «corps mystique du royaume: J. Barbey, *La fonction royale. Essence et légitimité d'après le* Tractatus *de Jean de Terrevermeille*, Paris 1983.

appelé Empire et l'empereur de Rome empereur, car le royaume de France est une partie issue de l'Empire par division faite par Charlemagne».[5] Bien entendu, la référence à Charlemagne est de loin la plus importante depuis les premiers Capétiens, qui prétendaient descendre directement de lui; mais Byzance ne tarde pas à apparaître et à prendre sa place dans cet imaginaire impérial de la France. Le même auteur, qui oppose au point de vue d'un clerc, battu d'avance, celui d'un chevalier ferru de droit et d'histoire, invoque Constantin le Grand — dont il pense qu'il aurait été baptisé en Gaule —, s'appuie sur la *Donatio Constantini* et de la *translatio imperii*, cite Théodose II en raison de son orthodoxie, a recours à Justinien comme référence juridique incourtournable, et mentionne Baudouin II, empereur «français» de Constantinople . Il insiste sur la présence en France, depuis saint Louis, des reliques du Christ, transfert symbolique qui est à ses yeux aussi important que le transfert politique. Le pays de France mérite d'être appelé Terre Sainte; il est «singulièrement élu»; il est «fontaine de toute science». On peut donc penser que la papauté devrait y avoir son siège; et puisqu'on dit *Ubi papa, ibi Roma*, la ville de France où s'installerait le pape serait une Nouvelle Rome.[6]

Ces audacieuses spéculations donnent à la France, dès l'époque médiévale, une conscience et une mémoire impériales qui ne font que se développer. La place qu'y tient Byzance tend à augmenter. Jusqu'à Louis XIV, nombreux sont les rois de France qui rêvent d'accéder à l'Empire.[7] On se souvient de l'Empire latin; on évoque la part prise par les Français aux projets de rétablissement de l'Empire après 1453. Charles VIII ayant racheté en 1495 les droits d'André Paléologue sur la couronne de Constantinople, on imagine qu'il a été sacré à Rome par le pape Alexandre VI.[8] François Ier et Charles Quint s'affrontent pour un titre impérial qui n'a plus guère de réalité territoriale mais n'a pas perdu son sens et qu'accompagne toute une symbolique, des insignes, des devises, des prétentions à l'universalité, des alliances. Au XVIIe siècle, le rêve se prolonge et l'on envisage la candidature d'Henri IV, puis celle de Louis XIV. L'argumentation juridique sur le *Rex Franciae imperator in suo regno* est reprise, à des fins de propagande, par Charles Sorel notamment,[9] mais dans une perspective où l'Orient compte de plus en plus. La mission de l'Empire français serait de le reconquérir, d'y restaurer ses droits, de rétablir une unité avec l'Occident et d'assurer une domination mondiale.

En faveur de cette nouvelle *translatio*, les théoriciens se mobilisent et sollicitent de plus en plus les sources byzantines. Baronius, pour favoriser un

[5] *Le songe du vergier*, Livre I, chap. XXXVI, § 47—48, éd. M. Schnerb-Lièvre, I, Paris 1982, p. 56.

[6] *Ibid.* I, chap. CLVI, éd. Schnerb-Lièvre, I, p. 324—336.

[7] G. Zeller, «Les rois de France candidats à l'Empire. Essai sur l'idéologie impériale en France, *Revue Historique* 173, 1934, p. 237—311, 497—534, repris dans *Aspects de la politique française sous l'ancien régime*, éd. G. Zeller, Paris 1964, p. 12—89; A. Y. Haran, *Le lys et le globe. Messianisme dynastique et rêve impérial en France aux XVIe et XVIIe siècles*, Paris 2000, p. 124—126, 181—186.

[8] Haran, *op. cit.*, p. 210—211.

[9] Charles Sorel, *Divers traités sur les droits et prérogatives des Rois de France*, Paris 1666; Haran, *op. cit*., p. 191.

rapprochement avec la France, avait dédié à Henri IV le volume de ses *Annales ecclesiastici* consacré aux années 322—330 et relatant le baptême de Constantin à Rome par Silvestre, sa soumission au pape et l'abandon, par la donation, d'une partie de ses droits et symboles régaliens; mais dans la réaction gallicane qui suit la régence de Marie de Médicis la tendance s'inverse et le mythe de Constantin baptisé en France par un évêque français refait surface. Jean Morin, prêtre de l'Oratoire, dédie en 1630 au roi de France et s'appuie sur les sources grecques pour contredire la version romaine de Baronius.[10] Antoine Aubery croit lire dans Procope que Justinien a concédé aux Germains, c'est-à-dire aux Français, l'autorité impériale sur la Gaule.[11] Le Père Balthazar de Riez affirme que les empereurs de Constantinople ont honoré les rois de France, et eux seuls, du titre d'Auguste.[12] Pierre Audigier évoque le conseil donné par Constantin Porphyrogénète de ne conclure de mariages princiers avec aucun étranger «à la réserve des Français».[13] Pierre Louvet — et bien d'autres dans sa suite — affirme que Clovis reçut d'Anastase le titre et les insignes impériaux par crainte d'être déposé par lui.[14] C'est en historien qu'Antoine Aubery croit pouvoir conclure: «Nos rois... sont les vrais successeurs des anciens empereurs, tant de Rome que de Constantinople». La *translatio* de l'Empire aux Français ne se conteste pas, elle est un fait.

Plus exactement, elle est une promesse divine depuis longtemps réalisée, qu'une monarchie renouvelée et repensée met pour la première fois en pleine lumière sous Louis XIII et surtout Louis XIV. Sont significatifs le plan présenté au roi par Leibniz, de passage à la cour en 1672, en vue d'une expédition au Levant qui rétablirait au profit de la France un Empire chrétien d'Orient,[15] l'exploitation qui est faite de la participation de troupes françaises contre les Turcs au siège de Vienne (1683), la mission confiée en 1685-1687 au capitaine Gravier d'Ortières de relever l'*état des places que les princes mahométans possèdent sur les côtes de la mer Méditerranée... avec le projet d'y faire descente et de s'en rendre maîtres*,[16] ou bien encore l'importance de la croisade contre les Turcs dans la littérature de colportage de l'époque. Les visées politiques rejoignent et stimulent les préoccupations scientifiques sans se confondre avec elles; mais elles ne sont guère moins chimériques que les «rêves d'Empire» précédents; elles montrent surtout que le roi de France a

[10] Jean Morin, *Histoire de la délivrance de l'Église chrétienne par l'empereur Constantin et de la grandeur et souveraineté temporelle donnée à l'Église romaine par les rois de France,* Paris 1630.

[11] *Des Justes Prétentions du Roy sur l'Empire*, par le Sieur Aubery, Paris 1667.

[12] Balthazar de Riez, *L'incomparable piété des très-chrestiens rois de France*, *et les admirables prérogatives qu'elle a méritées à leurs Majestez*, I—III, Paris 1672—1674.

[13] Pierre Audigier, *L'Origine des Français et de leur Empire*, I—II, Paris 1676.

[14] Pierre Louvet, *La France dans sa splendeur...*, I—II, Lyon 1674; voir Haran, *op. cit.*, p. 191—203.

[15] Gottfried Wilhelm Leibniz, «Projet d'expédition d'Égypte présenté à Louis XIV», *Œuvres*, V, Paris, Firmin Didot, 1864; voir Th. Hentsch, *L'Orient imaginaire. La vision politique occidentale de l'Est méditerranéen*, Paris 1988, p. 137—142.

[16] *Byzance retrouvée, op. cit.*, p. 40—43; J.-P. Grélois, «Louis XIV et l'Orient : la mission du capitaine Gravier d'Ostières (1685—1687)», dans *Byzance et l'Europe*, éd. M.-F. Auzépy, Saint-Denis (Presses universitaires de Vincennes) 2003, p. 31—41.

bien endossé le rôle que les théoriciens de la monarchie ont écrit pour elle et que de savants historiens comme Du Cange cautionnent avec l'enthousiasme d'un découvreur de textes.[17] La grande entreprise royale de la «Byzantine du Louvre»,[18] qui restitue à Byzance son histoire et donne à l'Europe savante sa première collection d'auteurs byzantins, n'est pas au service du roi, mais intéresse très directement le royaume et sa gloire.

C'est cette quasi-identification du roi au *basileus* qui explique l'importance nouvelle donnée à la littérature byzantine. On y recherche des modèles et des définitions à la fois morales et politiques qui pourraient aider à édifier la grande architecture hiérarchique au sommet de laquelle est placé le roi. La rhétorique la plus conventionnelle des «miroirs du prince» est prise au sérieux. Une œuvre mineure comme les *Sentences* adressées par le moine Agapet à Justinien, après avoir été traduites en français par Jean Picot en 1563, puis par Pardoux du Prat en 1570, connaît plus de quinze éditions au XVIIe siècle sous le titre *De l'office du Roi*. Le recueil similaire que Basile Ier aurait écrit pour son fils Léon VI est traduit en 1612 par David Rivault, Sieur de Fleurance, «par l'exprès commandement du très Auguste Louis XIII», sous le titre *Remontrances de Basile, empereur des Romains, à son cher fils*, et réédité en 1649 pour que le jeune Louis XIV ait un manuel de bon gouvernement. Comme l'a montré Ernst Kantorowicz, la symbolique solaire, qui part de la Rome impériale et passe par Byzance, aboutit à la France du XVIIe siècle, avec les médailles gravées pour Louis XIII, puis le Roi Soleil lui-même; le *De cerimoniis* de Constantin Porphyrogénète n'est pas encore connu, mais le *De officiis* du Pseudo-Codinus a été édité et traduit en latin à Lyon en 1588, à Paris en 1625, repris par Jacques Goar dans la Byzantine du Louvre en 1648, et il n'est pas impossible que sa description très précise de la *prokypsis* impériale, accompagnée de l'hymne *Anateilon* (Lève-toi !), ait inspiré certaines mises en scène du «Lever» solaire du roi.[19] Byzance sert à tester la nature et à préciser les limites du pouvoir monarchique dans sa plus parfaite théâtralité. Même si les exemples que son histoire propose servent parfois de repoussoir et non de modèles, ils introduisent à des problèmes qui sont désormais au cœur de l'actualité. Dans son ouvrage sur l'«idolâtrie politique», le théologien Jean Filesac étudie à travers Balsamon le cas de Jean Tzimiskès considéré comme absout du meurtre de son prédécesseur par l'*onction* royale, pour s'étonner d'une telle décision et proclamer haut et fort que l'onction du sacre n'efface pas les péchés, qu'il n'est qu'un *sacramentale* symbolique et qu'il ne donne au souverain aucun charisme sacerdotal.[20]

[17] Voir M.-F. Auzépy, dans *Byzance retrouvée, op. cit.*, p. 18—19, 36—38, 86; J.-M. Spieser, «Du Cange and Byzantium», dans *Through the Looking Glass. Byzantium through British Eyes*, éd. R. Cormak et E. Cormack, Aldershot 2000, p.

[18] *Byzance retrouvée, op. cit.*, p. 70-84; L. Bréhier, «Le développement des études d'histoire byzantine du XVIIe au XXe siècle», *Revue d'Auvergne*, 18, 1901, p. 1—34; id., art. «Byzantines», *Dictionnaire d'histoire et géographie ecclésiastique*, X, col. 1511—1518 (1938).

[19] «Oriens Augusti — Lever du Roi», *DOP* 17, 1963, p. 117—177.

[20] Jean Filesac, *De idolatria politica et legitimo principis cultu commentarius Ioannis Filesaci Theologi Parisiensis*, Paris 1615; voir G. Dagron, *Empereur et prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin*, Paris 1996, p. 277—278.

Les enjeux de pouvoirs apparaissent dans la continuité d'une réflexion française sur l'Empire; les enjeux scientifiques, eux, ne se comprennent qu'à partir d'un rupture bien marquée. Après ou même avant 1453, la page avait été vite tournée. Malgré quelques *Exhortationes ad bellum Turcis inferendum*, Byzance disparaît très vite de l'horizon européen. L'imminence du péril turc ne renvoie pas au passé byzantin. Lorenzo Valla, en dénonçant la *Donation de Constantin* comme un faux, avait donné le ton d'une critique de la papauté, de la Rome impériale et de son prolongement oriental. Érasme la reprend dans ses écrits de 1508—1530 en esquissant le modèle d'une *Pax* et d'une *Respublica christiana*.[21] Ce qui reste de Byzance, ce sont d'abord de grandes figures byzantines liées à l'humanisme et une armée de grecs immigrés qui travaillent dans les ateliers de copistes de l'Occident, de Venise surtout, et qui assurent la transmission des œuvres de l'hellénisme, jusqu'à ce que soient progressivement résolus les problèmes de l'impression en caractères grecs. Même si ses centres d'intérêt sont principalement la philologie et la rhétorique antique, cet humanisme dépend encore pendant quelque temps de la mémoire et du savoir-faire des hommes. Le grec en garda pour longtemps la saveur d'une langue orientale vivante, lue et glosée dans des manuscrits. Janus Lascaris, que Guillaume Budé reconnaissait comme son maître et sur les conseils duquel la bibliothèque royale s'enrichit de nombreux manuscrits, est à citer parmi les grandes figures «byzantines» qui comptèrent le plus en France. Le premier professeur de grec connu à Paris fut un certain Georges Hermonyme, originaire de Sparte/Mistra, qui enseigna pendant trente ans et recopia un grand nombre de manuscrits, entre autres celui de la *Suite d'Homère* de Quintus de Smyrne, découvert par Bessarion dans un monastère de Terre d'Otrante. Après lui, François Tissard, né a Amboise en Touraine, s'était formé en Italie et avait trouvé à Paris un éditeur capable d'éditer le grec, Gilles de Gourmont. En 1530, François Ier nomma deux «lecteurs royaux» de grec en même temps que des lecteurs d'hébreu, sous le signe d'un retour aux sources orientales, et les notes du cours de Pierre Danès pour 1532—1533 montrent bien ce qu'avait encore de pragmatique et d'artisanal cette réappropriation du grec, qui, directement ou par relais, gardait malgré tout un lien matériel et humain avec Byzance.[22]

L'érudition du XVIIe siècle n'a pas seulement d'autres moyens, mais d'autres fins. Elle peut recouper les visées orientales du roi et bénéficier de ses largesses, mais ce qui frappe c'est plutôt la liberté avec laquelle elle s'organise au niveau européen, dans un monde savant qui constitue désormais une «République des Lettres». Elle rencontre Byzance, mais dans une

[21] Voir Lorenzo Valla, *De falso credita et ementita Constantini Donatione*, éd. W. Setz, Weimar 1976 (trad. fr. et comm. par J.-B. Giard, Paris, Les Belles Lettres, 1993); La Donation de Constantin, trad. française, Paris 1993; *Guerre et paix dans la pensée d'Érasme*, Introduction, choix de textes, commentaires et notes par J.-C. Margolin, Paris 1973; P. Mesnard, *L'essor de la pensée politique au XVIe siècle*, 3e éd., Paris 1969.

[22] J. Irigoin, «L'enseignement du grec à Paris (1476—1530) : manuels et textes», dans *Les origines du Collège de France (1500—1560)*, sous la direction de M. Fumaroli, Paris 1998, p. 391—404; O. Reverdin, *Les premiers cours de grec au Collège de France, ou L'enseignement de Pierre Danès d'après un document inédit*, Collège de France. Essais et conférences, Paris 1984.

recherche des sources qui ne prétend nullement lui faire une place particulière dans l'histoire. C'est l'époque de la «Byzantine du Louvre», mais aussi celle où s'épanouissent les spécialités (philologie, diplomatique, numismatique, liturgie, hagiographie, droit), qui donnent leur autonomie à des disciplines, sans grand souci de perspectives historiques. Cette érudition n'est historique, comme l'a fort bien compris Bruno Neveu, que dans la mesure où elle est critique et vise à rétablir textes et documents dans leur authenticité. Elle est gorgée d'histoire, mais prompte à dénoncer, dans le sillage de la théologie positive, l'ignorance scolastique, le progressif «obscurcissement de la foi» et la pesanteur des traditions.[23] Les grandes entreprises d'édition de l'époque correspondent à des courants de pensée, à des préoccupations contemporaines, à des choix fondamentaux. Il y a des différences profondes, dans le choix des textes et dans leur traitement, entre les Jésuites (Poussines, Fronton du Duc, Petau, Sirmond, Philippe Labbe, Hardouin...), molinistes sur le problème de la liberté humaine et de la grâce, plus ouverts au monde laïque, plus soucieux de chronologie, et les jansénistes de Port-Royal (Arnauld d'Andilly, Lenain de Tillemont...), rigoristes, hantés par la prédestination et la sainteté, qui cherchent dans les *Vies des saints du désert* ou dans l'*Échelle* de Jean Climaque et ses fameux pénitents la définition de la «vie parfaite» et des «morceaux d'éternité»,[24] ou encore les mauristes ou bénédictins de Saint-Maur (Mabillon, Bernard de Montfaucon), plus théologiens, canonistes, férus d'érudition,[25] et, parmi les jésuites, les Bollandistes (Héribert Rosweyde, puis Jean Bolland, Daniel Papebroch), dévoués à leur grand projet des *Acta Sanctorum* avec un mélange de foi naïve et d'esprit positiviste qui avait inquiété le cardinal Bellarmin et ne cessa d'alarmer Rome.[26]

La place qui est faite aux sources non narratives à côté de la Byzantine du Louvre, invite à s'interroger sur ce que sont respectivement l'érudition et l'histoire vers la fin du XVIIe siècle. La philologie, «d'humble servante, devient reine». Dans les divers débats religieux, pour justifier ou combattre le protestantisme, pour montrer le peu de fondement du schisme oriental, pour préciser des positions contradictoires sur la liberté ou la prédestination, la transsubstantiation dans l'eucharistie, la critique des textes devient une arme

[23] B. Neveu, *Érudition et religion aux XVIIe et XVIIIe siècles*, Paris 1994.

[24] *Traité de S. Jean Climaque des degrés pour monter au ciel*, traduit par Arnauld d'Andilly, Paris 1652.

[25] Voir l'approche comparative des articles rassemblés par S. Guellouz sous le titre «L'histoire au XVIIe siècle», dans *Littératures classiques* (Toulouse) 30, printemps 1997: B. Chédezeau, «Les Jésuites et l'histoire au XVIIe siècle», p. 9—19; J .-L. Quantin, «Port-Royal et l'histoire», p. 21—32; D.-O. Hurel, «Les Bénédictins de Saint-Maur et l'histoire», p. 33—50.

[26] Il craignait une publication sans retouches des Vies, *ne forte in originalibus historiis multa sint inepta, levia, improbabilia, quae risum potius quam aedificationem pariant*, voir H. Delehaye, *L'œuvre des Bollandistes à travers trois siècles, 1615—1915*, Subsidia hagiographica 13A, 2e éd., Bruxelles 1959; P. Peeters, *L'œuvre des Bollandistes*, Académie Royale de Belgique, Mémoires de la Classe des Lettres, LIV, 5, Bruxelles 1961, citation de Bellarmin p. 9; B. de Gaiffier, «Hagiographie et critique. Quelques aspects de l'œuvre des Bollandistes au XVIIe siècle», dans *Études critiques d'hagiographie et d'iconologie*, Subsidia hagiographica 43, Bruxelles 1967, p. 289—310.

redoutable, qui n'épargne même plus les textes sacrés. Bossuet, à la lecture de l'*Histoire critique du Vieux Testament* de Richard Simon (1678), s'en désole et constate que «la grammaire s'est substituée à la théologie».[27] Byzance prend une part modeste mais réelle à cette mutation, dans une vraie continuité qui est celle des problèmes et non de leur mise en place historique. Car l'histoire, à moins d'être constituée de sources mises bout à bout, comme dans les *Mémoires pour servir à l'histoire des six premiers siècles justifiée par les citations des auteurs originaux*, que Le Nain de Tillemont composa de 1693 à 1712, ne dépasse guère le niveau d'une mise en scène morale. Comme l'écrit Pierre Bayle dans son *Dictionnaire* (s. v. Orose), elle est «le miroir de la vie humaine,... le portrait de la misère de l'homme»; elle vise à l'exemplarité et non pas à la connaissance pour elle-même du temps passé; elle s'apparente ainsi aux nombreux drames joués dans les collèges jésuites ou sur des scènes publiques, qui puisèrent alors dans des sujets que nous dirions aujourd'hui byzantins (Zénon, Bélisaire, Maurice, Héraclius, Léon l'Arménien, Alexis Comnène...), mais qui s'incrivaient dans l'unité d'une culture et montraient de grands malheurs, la vertu triomphante ou le vice puni.

Les circonstances qui firent sortir Byzance de ce quasi-anonymat et lui donnèrent une histoire, à la fin du XVIIe siècle et au XVIIIe siècle, sont liées à l'émergence d'une conscience européenne d'où elle fut exclue. L'«invention de l'Antiquité» fut un préalable. Elle eut pour cause ou pour effet de rattacher la Grèce et Rome à la culture occidentale, en ne considérant Byzance que comme une dégénérescence orientale de ces modèles dont l'Europe était la seule véritable héritière. On perdit peu à peu ce sens d'une continuité et d'une transmission qui caractérisait l'esprit de l'humaniste, puis du retour aux sources érudites. Il est vrai que la curiosité croissante à l'égard de l'Orient est de mieux en mieux satisfaite par les récits et analyses de «voyageurs du Levant» comme Jean Baptiste Tavernier (1682), le Chevalier Chardin (1686), Jean Thévenot (1689) ou Pitton de Tournefort (1717); on compare les coutumes et les mœurs, mais cette comparaison, même intelligente et bienveillante, signifie à la fois fascination et rejet. L'Orient est mis à bonne distance pour servir soit de miroir soit de repoussoir, pour opérer des clivages et formuler quelques concepts qui servent, par jeu d'opposition, à préciser l'identité européenne: ceux de fanatisme, de despotisme oriental.[28] Dans la pensée de Montesquieu, qui théorise des notions diffuses, l'Orient est soumis au vieux déterminisme géographique des «climats». Byzance en fait partie, qui représente pour lui le modèle naturel d'une perversion du système monarchique et de la décadence. Paul Lemerle, fervent lecteur de Montesquieu, éprouve quelque tristesse à noter, au milieu d'analyses clairvoyantes et assez bien informées pour l'époque, quelques passages où s'exprime son parti-pris.[29] À propos de la fondation de Rome: «L'envie qu'eut Constantin de faire une ville nouvelle, la vanité de lui donner son nom, le déterminèrent à porter en Orient le siège de l'Empire... Rome presque

[27] P. Hazard, *La crise de la conscience européenne, 1680—1715*, Paris 1961, p. 165—189.

[28] Voir Hentsch, *op. cit.*, p. 118—165.

[29] P. Lemerle, «Montesquieu et Byzance», revue *Le Flambeau*, 1948, 4, p. 386—394.

entière y passa»; à propos de Justinien, vu à travers l'*Histoire secrète* de Procope: «On réduisit [l'Empire] à rien en coupant l'une après l'autre les sectes qui ne dominaient pas... [L'empereur] crut avoir augmenté le nombre des fidèles: il n'avait fait que diminuer celui des hommes [citation de Procope]»; après Justinien, «l'histoire de l'Empire d'Orient — c'est ainsi que nous nommerons désormais l'Empire romain — n'est plus qu'un tissu de révoltes, de séditions et de perfidies... Une bigotterie universelle abattit les courages et engourdit tout l'Empire... Cette lâcheté, cette paresse, cette mollesse des nations d'Asie, se mêlèrent dans la dévotion même... La religion chrétienne dégénéra sous l'Empire grec au point où elle était de nos jours chez les Moscovites avant que le csar Pierre Ier eût fait renaître cette nation», «La source la plus empoisonnée de tous les malheurs des Grecs, c'est qu'ils ne connurent jamais la nature ni les bornes de la puissance ecclésiastique et de la séculière».[30] Voltaire n'est pas en reste. Il juge «horribles et dégoûtantes» les révolutions de palais qui rythment la vie d'une cour où règne «un mélange de l'artifice des Grecs et de la férocité des Thraces»;[31] et il mérite la palme de l'esprit et de la méchanceté lorsqu'il déclare, après avoir critiqué l'historiographie romaine depuis Tacite: «Il en est une autre encore plus ridicule: c'est l'*Histoire byzantine*. Cet indigne recueil ne contient que des déclamations et des miracles, Il est l'opprobre de l'esprit humain, comme l'Empire grec était l'opprobre de la terre. Les Turcs, du moins, sont plus sensés: ils ont vaincu, ils ont joui, ils ont très-peu écrit».[32]

Le Siècle des Lumières relégua pour longtemps Byzance dans l'obscurité d'un Orient des origines et de la décadence, à propos duquel Voltaire déclarait: «De quelque peuple policé de l'Asie que nous parlions, nous pouvons dire de lui: il nous a précédé et nous l'avons surpassé».[33] Ainsi s'établit un partage qui plaça pour longtemps Byzance en marge de toute modernité. L'érudition philologique, qui remontait le temps, lui avait été bénéfique, l'histoire finalisée qui suivait désormais la pente du «progrès» la frappa d'ostracisme. Il reste aux historiens bien du travail pour démonter cette idéologie tenace, qui fait encore aujourd'hui de Byzance disparue un pôle d'altérité et permet de donner à l'Europe une frontière orientale l'assimilant à l'Occident.

---

[30] Montesquieu, *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence* (1734), chap. XVII («Changement dans l'État»), XX («Des conquêtes de Justinien. De son gouvernement»), XXI («Désordre de l'Empire d'Orient»), XXII («Faiblesse de l'Empire d'Orient»), Paris, Garnier Frères, 1882, p. 142—143, 173—174, 178, 184—185, 194; voir P. Lemerle $$; A. Guillou, «Le Siècle des Lumières», *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft* 15, 1966, p. 27—39; D. Burkhardt, «Gallic Perspectives from the reign of Louis XIV to 1900, as reflected in the Works of Selected Historians», *Byzantina* 10, 1980, p. 289—336.

[31] Voltaire, *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*, chap. XXIX («De l'Empire de Constantinople aux VIIIe et IXe siècles»), Œuvres complètes, t. XIII, Paris, Garnier, 1878, p. 320.

[32] Voltaire, *Le pyrrhonisme de l'histoire, par un bachelier en théologie* (1768), chap. XV («Des contes absurdes intitulés Histoire depuis Tacite»), Œuvres complètes, t. XXVII, Paris, Garnier, 1879, p. 265; P. Lemerle, «Présence de Byzance», *Journal des Savants*, 1990, p. 253.

[33] Voltaire, *Essai sur les mœurs, op. cit.*, t. XIII, p. 444, voir aussi Introduction, p. 157—164; Hentsch, *op. cit.*, p. 162.

ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ Κ. ΠΑΠΟΥΛΙΔΗΣ

ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ ΓΡ. ΜΑΡΑΣΛΗΣ (1831—1907) Ο ΕΥΕΡΓΕΤΗΣ ΔΥΟ ΠΑΤΡΙΔΩΝ

Ο γιος του **Γρηγορίου Ιωάννου Μαρασλή, Γρηγόριος Γρηγορίου Μαρασλής,** γεννήθηκε στην Οδησσό το 1831. Η οικογένεια του Γρ. Ιω. Μαρασλή είχε και μια θυγατέρα, για την οποία γνωρίζουμε ότι παντρεύτηκε με το Ρώσο **Αλέξανδρο Στ. Σαφόνοφ.** Είναι η **Ευρυδίκη Σαφόνοφ,** η οποία τάφηκε σε νεκροταφείο του Παρισιού το 1867.

Ο Γρ. Γρ. Μαρασλής γεννήθηκε στο αστικό περιβάλλον της ελληνικής οικογενείας του μεγαλεμπόρου πατέρα του την εποχή που είχε δημιουργηθεί ένα τμήμα της πατρίδας του πατέρα του ελεύθερο. Οπωσδήποτε, οι γονείς του θα μετέδωσαν στο νεαρό βλαστό τους όλο το ιστορικό για τους αγώνες που έκαναν στην Οδησσό, μαζί με άλλους ομογενείς, καθώς και για τους αγώνες που έκαναν οι συμπατριώτες τους στην ελεύθερη, τότε, αλλά και σκλαβωμένη ελληνική γη, για την ελευθερία της. Εξάλλου, θα πρέπει να τον προετοίμασαν από μικρό για τη σταδιοδρομία του εμπόρου.

Από τους βιογράφους του πληροφορούμαστε ότι ο Γρ. Γρ. Μαρασλής φοίτησε στην Ελληνεμπορική Σχολή της Οδησσού, στην ίδρυση της οποίας συνέβαλε και ο πατέρας του. Μετά την Ελληνεμπορική Σχολή, φοίτησε στο ονομαστό, τότε, λύκειο Ρισελιέ (Richelieu) της Οδησσού, στις τάξεις του οποίου σπούδαζαν όλα τα εύπορα παιδιά της πολυεθνικής κοινωνίας της παραλιακής πόλεως της Μαύρης Θάλασσας.

Το λύκειο Ρισελιέ άρχισε τη λειτουργία του το 1817. Το ονομαστό αυτό ίδρυμα της Οδησσού όφειλε την ίδρυση και ονομασία του στο Γάλλο **Αρμάνδο-Εμμανουήλ ντε Πλεσίς** (de Plessis), δούκα του Ρισελιέ, «εμιγκρέ» στη Ρωσία μετά τη Γαλλική Επανάσταση. Μαθητές του λυκείου ήταν και πολλοί Έλληνες, γνωστοί αργότερα από τις θέσεις τους στην ελληνική κοινωνία. Για παράδειγμα θα αναφέρουμε, εκτός από τον Γρ. Γρ. Μαρασλή, τους Κωνσταντίνο Παπαρρηγόπουλο, Αλέξανδρο Ραγκαβή, αδελφούς Λεβίδη, Γρηγόριο Καμπούρογλου κ.ά. Το λύκειο Ρισελιέ εξελίχθηκε, αργότερα, σε πανεπιστήμιο και το 1865 έγινε γνωστό με την επωνυμία Novorossijskij Universitet (= Νεορωσικό Πανεπιστήμιο).

© ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ Κ. ΠΑΠΟΥΛΙΔΗΣ , 2007

Ο Γρ. Γρ. Μαρασλής αποφοίτησε από το λύκειο Ρισελιέ το 1850. Οι βιογράφοι του αναφέρουν ότι μετά την αποφοίτησή του πήγε για «ανώτερες σπουδές» στο Παρίσι, αλλά δεν διευκρινίζουν τι συγκεκριμένα σπούδασε και πότε. Ασφαλώς θα πήγε τη δεκαετία του 1850. Πάντως, στον Κατάλογο Συνδρομητών «κατά την Γαλλίαν» του έργου του **Ι. Φιλήμονος, Δοκίμιον ιστορικόν περί της Ελληνικής Επαναστάσεως,** συναντάμε και ονοματεπώνυμο «Γρηγόριος Μαρασλής», για πέντε σώματα του έργου.

Στην αρχή της σταδιοδρομίας του, «ανέλαβε κατ' αρχάς δημοσίαν υπηρεσίαν παρά τω Γενικώ Διοικητή του Καυκάσου κ. Βοροντσώφ». Από το 1867 ως το 1873 ήταν ανώτερος υπάλληλος του Δήμου Οδησσού. Από το 1873 ως το 1877 ήταν δημοτικός σύμβουλος, και παράλληλα, επιστατούσε στις επιχειρήσεις του πατέρα του.

Το 1878 ο Γρ. Γρ. Μαρασλής εξελέγη δήμαρχος Οδησσού. Στη θέση αυτή παρέμεινε επί τέσσερις τετραετίες. Από την εποχή των μεγάλων διοικητικών μεταρρυθμίσεων της Ρωσίας το 1863, στην Οδησσό, όπως και σ' όλες τις πόλεις της Ρωσικής Αυτοκρατορίας, καθιερώθηκε η συνέλευση των εκπροσώπων της πόλεως, η οποία εξέλεγε τη βουλή της πόλεως (= Obščaja gorodskaja duma), η οποία, με τη σειρά της, εξέλεγε την εκτελεστική επιτροπή (= rasporjaditel'naja gorodskaja duma), από την οποία τελικά εκλεγόταν ο δήμαρχος της πόλεως (= Gradonačal'nik).

Η θητεία του Γρ. Γρ. Μαρασλή στη θέση του δημάρχου της Οδησσού υπήρξε καρποφόρα και δημιουργική. Ρωσικές και ελληνικές πηγές αναφέρουν ότι την εποχή εκείνη, από το 1878 ως το 1894, η Οδησσός μεταβλήθηκε σε εργοτάξιο υλικής και πνευματικής αναδημιουργίας. Αν ανατρέξουμε σε ρωσικές πηγές της εποχής, θα παρατηρήσουμε ότι ο Δήμος της Οδησσού είχε για πολλά χρόνια της θητείας του Γρ. Γρ. Μαρασλή τεράστια ελλείμματα σε χρυσά ρούβλια, ακριβώς λόγω των πολλών δημοτικών έργων και ιδίως λόγω της επεκτάσεως του λιμανιού της, ώστε η πόλη αυτή να συναγωνίζεται τις πόλεις της Δυτικής Ευρώπης.

Ως πρόεδρος της Ελληνικής Κοινότητας Οδησσού ο Γρ. Γρ. Μαρασλής φρόντιζε πάντοτε και να προβάλλει την Κοινότητα, αλλά και ο ίδιος να υπηρετεί με ζέση το Έθνος και το Γένος. Πρωτοστατούσε πάντοτε στις εκδηλώσεις που πραγματοποιούνταν στην Οδησσό και είχε επικοινωνία με γνωστές προσωπικότητες της εποχής.

Ο Γρ. Γρ. Μαρασλής ήταν, με καθολική διαπίστωση, η ψυχή και η κινητήρια δύναμη της Ελληνικής Κοινότητας Οδησσού, στα τέλη του 19ου και στις αρχές του 20ού αιώνα.

Και για την περίοδο αυτή της ζωής του, από το 1895 ως το 1907 (έτος του θανάτου του), οι πληροφορίες μας είναι φτωχές.

Το 1905 παντρεύτηκε με «ευγενή Ρωσίδα», αλλά δεν απέκτησαν απογόνους.

Το 1907 πήγε στη Νίκαια της Γαλλίας για θεραπεία, διότι υπέφερε από αρθρίτιδα και ποδάγρα. Το ταξίδι αυτό, που το έκανε κάθε χρόνο, ήταν το τελευταίο. Εκεί στη Νίκαια υπέστη ημιπληγία. Όταν επέστρεψε στην Οδησσό, τις τελευταίες ημέρες του Απριλίου του 1907, ήταν έκδηλο ότι δεν θα ζούσε. Πράγματι, την 1η Μαΐου του 1907 πέθανε «πιθανώς εκ συγκοπής της καρδίας».

Ο θάνατος του Γρ. Γρ. Μαρασλή συγκίνησε τον κόσμο της Οδησσού και της Αθήνας. Η σορός του τάφηκε μέσα στον ελληνικό ναό της Αγίας Τριάδος της Οδησσού. Η εφημ. **Εστία,** των Αθηνών, έγραψε ότι «Η είδησις, απροσδοκήτως και αιφνιδίως ελθούσα, μετεδόθη ταχέως και παρήγαγε βαθείαν συγκίνησιν, ανάλογον προς την συγκίνησιν, ην ενέπνεε το όνομα το παλλόμενον εν αυτή τη ψυχή του Έθνους». Κληρονόμο της τεράστιας περιουσίας του άφησε τον ανεψιό του **Αλέξανδρο Στ. Σαφόνοφ,** γιο της αδελφής του, αξιωματικό του ρωσικού στρατού, ο οποίος, σύμφωνα με όρο της διαθήκης, πρόσθεσε το επίθετο Μαρασλής **(Marazli)** στο δικό του.

Στη νεκρολογία, η οποία είδε το φως της δημοσιότητας στην εφημ. **Εκκλησιαστική Αλήθεια,** του Οικουμενικού Πατριαρχείου, αναφέρεται ότι ο Γρ. Γρ. Μαρασλής «... ετίμησε το Έθνος, εις ο ανήκεν, υπηρέτησε τη Εκκλησία και τη πίστει των πατέρων αυτού».

Τέλος, λίγες ημέρες μετά το θάνατο του Γρ. Γρ. Μαρασλή, ο **Γρηγόριος Ξενόπουλος** έγραψε το χρονογράφημα «Ευεργέται και Πολιτισμός», όπου εξαίρεται το εκδοτικό έργο της «Βιβλιοθήκης Μαρασλή».

Ο εθνικός ευεργέτης και μαικήνας

Ας δούμε όμως, σε αδρές γραμμές, τι πραγματοποιήθηκε στην Οδησσό το διάστημα της δημαρχίας του Γρ. Γρ. Μαρασλή. Τις πληροφορίες αυτές τις αντλούμε από ελληνική πηγή της εποχής: ο εφέτης Πατρών **Ε. Π. Καράκαλος** συναντήθηκε στην Οδησσό το 1895 με τον **Παύλο Λέφα,** ιδιαίτερο γραμματέα του Γρ. Γρ. Μαρασλή και κατέγραψε όσα άκουσε:

«Υπό έποψιν επιστημονικήν»

1. «Μικροβιολογείον». Πρόκειται για το δημοτικό μικροβιολογικό εργαστήριο, το οποίο χτίστηκε το 1894 στο δυτικό τμήμα της πόλεως. Η δαπάνη της ανεγέρσεως εβάρυνε τον Γρ. Γρ. Μαρασλή, αλλά η συντήρησή του κατά 50 % το Δήμο της Οδησσού και τον κρατικό προϋπολογισμό, αντιστοίχως.

2. Βιβλιοθήκη. Η δημοτική βιβλιοθήκη της Οδησσού χτίστηκε το 1880. Όταν άρχισε να λειτουργεί είχε περίπου 20.000 τόμους βιβλίων. Η δαπάνη της ανεγέρσεως εβάρυνε τον Γρ. Γρ. Μαρασλή, και έφθασε στο ποσόν των 30.000 ρουβλίων της εποχής.

3. Μουσείο. Το δημοτικό «μουσείον των ωραίων τεχνών και των πειραματικών γνώσεων» χτίστηκε και αυτό με έξοδα του Γρ. Γρ. Μαρασλή.

4. Τεχνουργείο. Το δημοτικό «τεχνουργείον» ή «μέγαρον των βιομηχάνων τεχνών» χτίστηκε σε οικόπεδο το οποίο παραχώρησε ο Γρ. Γρ. Μαρασλής. Το «τεχνουργείον» ήταν τεχνική σχολή, στην οποία διδάσκονταν οι νέοι της Οδησσού την ξυλουργική, τη σιδηρουργική και τη ζωγραφική τέχνη.

5. Το δημοτικό «Μέγαρον της Εταιρείας των Βιομηχάνων τεχνών» ήταν σχολή διδασκαλίας των βιομηχανικών μαθημάτων. Διευθυντής της σχολής ήταν ο βοηθός δήμαρχος, καθηγητής **Βαλέριος Λιέγκιν** (Liegin). Από περιγραφές της εποχής μαθαίνουμε ότι εντυπωσίαζε η αίθουσα συνεδριάσεων των εταίρων.

6. Αγροκήπιο. Το δημοτικό αγροκήπιο ιδρύθηκε έξω από την Οδησσό, στο νοτιοανατολικό τμήμα των προαστίων της. Οι κύριες εγκαταστάσεις, το παράρτημά του καθώς και ο ναός του χτίστηκαν με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή.

7. Το δημοτικό πάρκο της νοτιοανατολικής πλευράς της πόλεως, στα εγκαίνια του οποίου παραβρέθηκε και ο τσάρος της Ρωσίας **Αλέξανδρος Β'** (1851—1881).

8. Δημοτικά εκπαιδευτήρια. Το κτιριακό συγκρότημα των δημοτικών εκπαιδευτηρίων, αλλά και ο παρακείμενος ναός επ' ονόματι του αγίου Γρηγορίου, στο νοτιοδυτικό τμήμα της πόλεως, χτίστηκαν με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή.

9. Δημοτικό αναγνωστήριο. Το δημοτικό αναγνωστήριο χτίστηκε κοντά στα δημοτικά εκπαιδευτήρια, προφανώς για να χρησιμοποιείται από τους μαθητές.

10. Νέα δημοτικά εκπαιδευτήρια. Στο κτιριακό συγκρότημα των δημοτικών εκπαιδευτηρίων (βλ. αριθ. 8), τα οποία αναφέραμε, πρέπει να προσθέσουμε τα νέα δημοτικά εκπαιδευτήρια που προστέθηκαν, προφανώς λόγω αδιαχωρήτου. Το 1881 χτίστηκε δημοτικό σχολείο θηλέων, το 1892 μικτό δημοτικό σχολείο και το 1894 παρθεναγωγείο.

«Υπό έποψιν φιλανθρωπικήν»

11. Πτωχοκομείο. Το δημοτικό πτωχοκομείο στέγαζε, το 1895, 780 άτομα. Το κτίριο, το οποίο αποτελούνταν από πέντε ορόφους, είχε 150 δωμάτια και βιβλιοθήκες. Από τους πέντε ορόφους, οι τέσσερις χτίστηκαν με δαπάνες του δήμου και ένας με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή. Το πτωχοκομείο συντηρούνταν από τον τακτικό προϋπολογισμό του δήμου.

12. Γηροκομείο. Το δημοτικό γηροκομείο είχε χωριστό τμήμα ανδρών και γυναικών. Το κτίριο χτίστηκε με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή. Το συγκρότημα συντηρούνταν από τον τακτικό προϋπολογισμό του δήμου.

13. «Εστιατόριον των παίδων». Το δημοτικό «εστιατόριον των παίδων» της Οδησσού ήταν παρόμοιο με τα σημερινά «Άσυλα παιδιού». Προοριζόταν για τα παιδιά των εργαζομένων, τα οποία έμεναν εκεί όλη την ημέρα και είχαν διατροφή και εκπαίδευση. Ο Γρ. Γρ. Μαρασλής έχτισε ένα διαμέρισμα της οικοδομής.

14. «Εστιατόριον των ορφανών παίδων». Το δημοτικό «εστιατόριον των ορφανών παίδων» της Οδησσού ήταν παρόμοιο με τα σημερινά «ορφανοτροφεία». Εκεί φιλοξενούνταν τα ορφανά παιδιά της Οδησσού και επιπλέον είχαν εξασφαλισμένη διατροφή και εκπαίδευση στην ξυλουργική τέχνη.

15. «Άσυλον ύπνου». Στο δημοτικό «άσυλο ύπνου» μπορούσε να καταλύσει οποιοσδήποτε, πληρώνοντας 4 καπίκια τη βραδιά. Ήταν το ξενοδοχείο των απόρων. Το κτίριο χτίστηκε με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή.

16. «Εστιατόριο των απόρων». Το δημοτικό «εστιατόριο των απόρων» χτίστηκε το 1894.

17. «Βρεφοκομείον των εκθέτων». Το δημοτικό «βρεφοκομείον των εκθέτων» ιδρύθηκε το 1889.

18. «Οφθαλμοκομείον». Στο δημοτικό οφθαλμιατρείο είχαν δικαίωμα εξετάσεως όλοι οι κάτοικοι της Οδησσού.

19. «Γηροκομείον των εις πενίαν περιπεσόντων πλουσίων». Το δημοτικό αυτό γηροκομείο ιδρύθηκε το 1889.

Εξάλλου, κατά τη διάρκεια της θητείας του Γρ. Γρ. Μαρασλή στο Δήμο Οδησσού, εκτελέστηκαν τα ακόλουθα μεγάλα έργα:

20. Το δημοτικό θέατρο.
21. Οι δημοτικές φυλακές.
22. Η δημοτική αγορά.
23. Η δημοτική ζωοαγορά.
24. Το δημοτικό ταχυδρομικό μέγαρο.
25. Ο ηλεκτροφωτισμός της πόλεως.
26. Οι δημοτικοί τροχιόδρομοι.
27. Το νέο δημοτικό υδραγωγείο.
28. Τα δημοτικά μηχανικά πλυντήρια.
29. Το δημοτικό ψυχιατρείο.
30. Η δημοτική παλαίστρα.
31. Η δημοτική αίθουσα συναυλιών.
32. Ο δημοτικός παιδικός κήπος.
33. Η ανακαίνιση του δημοτικού νεκροταφείου, και
34. Η εκτέλεση διαφόρων λιμενικών έργων.

Τέλος, **στην Ελληνική Παροικία της Οδησσού ο Γρ. Γρ. Μαρασλής πρόσφερε:**

35. Το σπίτι του πατέρα του, το οποίο ονομαζόταν **«Το εργαστήρι της Φιλικής Εταιρείας».** Το σπίτι αυτό σώζεται μέχρι σήμερα (Krasnyj pereulok 18). Στο κτίριο υπάρχει επιγραφή στην ουκρανική γλώσσα, η οποία αναφέρει τα ακόλουθα: **Στο κτίριο αυτό στεγαζόταν το κέντρο της μυστικής ελληνικής πατριωτικής ΕΤΑΙΡΕΙΑΣ που ιδρύθηκε στην Οδησσό το 1814, η οποία τέθηκε επικεφαλής το 1821 της Επαναστάσεως στην Ελλάδα ενάντια στον τουρκικό ζυγό.**

36. Ένα ακίνητο στο τέλος της οδού Πούσκιν, κοντά στο σιδηροδρομικό σταθμό (της Οδησσού), από το οποίο είχε 50.000 ρούβλια το χρόνο εισόδημα η Ελληνική Κοινότητα Οδησσού.

37. Το γηροκομείο της Ελληνικής Κοινότητας Οδησσού, το οποίο χτίστηκε το 1895.

38. Το πτωχοκομείο της Ελληνικής Κοινότητας Οδησσού, και

39. Οικονομική ενίσχυση στο ναό της Αγίας Τριάδος Οδησσού.

Ας δούμε, σε αδρές γραμμές, τις **δωρεές του Γρ. Γρ. Μαρασλή προς τον Ελληνισμό εκτός της Ρωσίας:**

1. Καρπός της μεγαθυμίας του υπήρξε κυρίως η ίδρυση της μοναδικής στο είδος της **«Βιβλιοθήκης Μαρασλή»,** η οποία των κατέταξε στη χορεία των μαικήνων.

2. Στην ιδιαίτερη πατρίδα του **Οικουμενικού Πατριάρχη Γρηγορίου Ε' (1801—1821),** τη Δημητσάνα, πρόσφερε τον ανδριάντα του Εθνομάρτυρα. Ο ανδριάντας κατασκευάστηκε στην Ιταλία το 1892 και βρισκόταν στον περίβολο του ναού της Αγίας Τριάδος της Οδησσού, από όπου μεταφέρθηκε στη Δημητσάνα.

3. Το κτίριο στη λεωφόρο Διαδόχου Κωνσταντίνου (αργότερα Κηφισιάς και σήμερα Βασιλίσσης Σοφίας) των Αθηνών, όπου θα στεγαζόταν η «Βιομηχανική και Εμπορική Ακαδημία». Πρόκειται για τον πρόδρομο της Ανωτάτης Σχολής Οικονομικών και Εμπορικών Επιστημών. Είναι το σημερινό **Ιπποκράτειο Γενικό Νοσοκομείο Αθηνών, Βασιλίσσης Σοφίας 114, Αθήνα** (βέβαια στη μορφή που είχε όταν ήταν «Προσφυγικό Νοσοκομε-

ίο» το 1922). Οι δαπάνες ανεγέρσεως εβάρυναν και άλλους Έλληνες της διασποράς.

4. **Το Μαράσλειο Διδασκαλείο Αθηνών.** Πρόκειται για το κτιριακό συγκρότημα της οδού Μαρασλή 4. Το οικόπεδο 10 στρεμμάτων το παραχώρησε το 1876 η μονή των Ασωμάτων Πετράκη στο Δημόσιο. Ο Γρ. Γρ. Μαρασλής ανέλαβε τη δαπάνη της ανεγέρσεως του κτιρίου και τον εξοπλισμό του. Τα εγκαίνια του κτιρίου έγιναν στις 5 Νοεμβρίου 1905.

5. Το ενυδρείο του Παλαιού Φαλήρου. **Το «Μαράσλειο ενυδρείο»** ιδρύθηκε στις αρχές του αιώνα μας μέσα στο ζωολογικό κήπο του Παλαιού Φαλήρου. Καταστράφηκε όμως το 1912.

6. Η Διεθνής Έκθεση, των Αθηνών, το 1903. Η **πρώτη «Διεθνής Έκθεση» στο νεοελλαδικό χώρο** εγκαινιάστηκε στην Αθήνα στις 31 Μαΐου 1903. Τότε ο Γρ. Γρ. Μαρασλής εξελέγη επίτιμος πρόεδρός της.

7. Το (Μαράσλειο) **Ορφανοτροφείο Κερκύρας.** Το κτίριο ανεγέρθηκε το 1906 με 1907 με δαπάνες του Γρ. Γρ. Μαρασλή, «επί γηπέδου κειμένου κατά την λεωφόρον Μ.Δ. Αλεξάνδρας».

8. Πολλούς **πίνακες** στην Εθνική Πινακοθήκη των Αθηνών.

9. Τη βιβλιοθήκη στο Γάνο και οικονομική ενίσχυση των κοινοτικών σχολείων της Χώρας.

10. Την **«Πατριαρχική Αστική Σχολή του Μαρασλή»** (όπως την αναφέρει η *Εκκλησιαστική Αλήθεια*) στο Φανάρι της Κωνσταντινουπόλεως.

11. Τη **Μαράσλειο Σχολή της Φιλιππουπόλεως,** για την οποία έγραψε σχετικά ο γνωστός **Κ. Μυρτίλος-Αποστολίδης** και δημοσίευσε αρκετά ενδιαφέρουσες φωτογραφίες. Την περίοδο του 1900 με 1906 εκεί στεγάστηκε το ελληνικό γυμνάσιο αρρένων, η αστική σχολή και η κοινοτική βιβλιοθήκη.

12. Το **«Μαράσλειον Ελληνικόν και Πρακτικόν Εμπορικόν Λύκειον» της Θεσσαλονίκης.** Πρόκειται για το «Ελληνικόν Εμπορικόν Λύκειον» του γνωστού λογίου **ιεροδιακόνου Στεφάνου Νούκα,** ο οποίος με συνδρομή 10.000 ρουβλίων του Γρ. Γρ. Μαρασλή (περίπου 1.200 χρυσές λίρες του 1905) έκτισε νέο κτίριο. Το κτίριο αυτό σώζεται μέχρι σήμερα στην οδό Αλεξανδρείας 93, Θεσσαλονίκη, και στεγάζει το 19ο γυμνάσιο και λύκειο Θεσσαλονίκης. Οι παλαιοί Θεσσαλονικείς γνωρίζουν το κτίριο ως **«Β' γυμνάσιο Θηλέων Θεσσαλονίκης».**

13. Στο Οικουμενικό Πατριαρχείο δώρισε το 1893, «δια τον Πατριαρχικόν Ναόν του Αγίου Γεωργίου», μια πατριαρχική στολή, δώδεκα ιερατικές και έξι διακονικές. Εξάλλου, το 1900 δώρισε, «δια τον Ιερόν Ναόν Ευαγγελίστριας Ταταούλων», ένα χρυσοκέντητο επιτάφιο.

14. Πολλές οικονομικές ενισχύσεις.

Η Βιβλιοθήκη Μαρασλή.

Το 1897, ύστερα από πρόταση του τότε διευθυντού της Ελληνεμπορικής Σχολής της Οδησσού Λυσσάνδρου Γ. Χατζηκώνστα, ο Γρ. Γρ. Μαρασλής ίδρυσε οργανισμό με την επωνυμία **Βιβλιοθήκη Μαρασλή.** Κύριος σκοπός του οργανισμού ήταν η μετάφραση στην ελληνική γλώσσα επιστημονικών κλασσικών συγγραμμάτων από άλλες γλώσσες, αλλά μεταξύ αυτών εκδόθηκαν και πρωτότυπα έργα. Ο χαρακτηρισμός της «Βιβλιοθήκης Μαρασλή», ο οποίος αναφέρεται σε κάθε έκδοση, ήταν **«Συλλογή εγκρίτων επιστημονικών ξένων τε εν ελληνική μεταφράσει και πρωτοτύπων**

Ο Γρηγόριος Γρηγορίου Μαρασλής (1831—1907).
Πορτραίτο του Ι. Α. Καρτσώφ, 1896, λάδι σε μουσαμά, Καλλιτεχνικό Μουσείο Οδησσού.
Φωτογραφία του εξωφύλλου του βιβλίου: O. F. Botušanskaja (επιμ.), *Grigorij Grigorievič Marazli, Mecenat i kollekcioner,* Οδησσός (OKFL) 1995

συγγραμμάτων». Ο δωρητής ανέθεσε την επιμέλεια της Βιβλιοθήκης στο λόγιο εκπαιδευτικό της Οδησσού, ο οποίος είχε την έμπνευση και εισηγήθηκε το όλο εκδοτικό έργο, Λύσσανδρο Γ. Χατζηκώνστα. Ο τελευταίος διηύθυνε τον οργανισμό από την Οδησσό. Οι εκδόσεις πραγματοποιήθηκαν από το τυπογραφείο των αδελφών Πολυβίου και Δημητρίου Αθ. Σακελλαρίου, το οποίο λειτουργούσε στην ελληνική πρωτεύουσα από το 1857. Μετά το θάνατο του Λυσσάνδρου Γ. Χατζηκώνστα, την επιμέλεια της Βιβλιοθήκης ανέλαβε ο Αναστάσιος Ν. Μάλτος.

Σύμφωνα με μαρτυρία της εποχής ο Γρ. Γρ. Μαρασλής δαπανούσε το ποσόν των 25 με 30.000 ρουβλίων το χρόνο. Υπολογίζεται ότι στο διάστημα των δώδεκα ετών, που εκδίδονταν τα έργα της Βιβλιοθήκης, δαπανήθηκαν από το δωρητή περισσότερα από ένα εκατομμύριο δραχμές. Τα έργα διετίθεντο σε χαμηλές τιμές, αλλά και μεγάλο μέρος βιβλίων στέλνονταν δωρεάν σε δημόσιες, δημοτικές, σχολικές και εκκλησιαστικές βιβλιοθήκες.

Η έκδοση της Βιβλιοθήκης διακόπηκε μετά το θάνατο του δωρητή. Από δημοσίευμα της εποχής πληροφορούμαστε ότι έγινε έκκληση στον ανεψιό και κληρονόμο του Γρ. Γρ. Μαρασλή, Αλέξανδρο Στ. Σαφόνοφ, να συνεχίσει τη χρήσιμη αυτή εκδοτική προσπάθεια. Πράγματι, η έκδοση συνεχίσθηκε, αλλά μόνο για δυό χρόνια, ως το 1909, και έτσι στάθηκε δυνατό να εκδοθούν όσα έργα ήταν στο τυπογραφείο από το 1907. «Είναι λυπηρόν, έγραφε ο καθηγητής του πανεπιστημίου της Οδησσού Συνόδης Παπαδημητρίου, ότι ο μέγας δωρητής, ίσως μη περιμένων το τέλος του τόσον ραγδαίον, δεν επρόλαβε εν τη διαθήκη του να προνοήση υπέρ του μέλλοντος της Βιβλιοθήκης του...».

ΒΑΣΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

1. O. F. Botušanskaja (επιμ.), *Grigorij Grigorievič Marazli, Mecenat i kollekcionner, Sbornik statej,* Οδησσός (OKFL) 1995.
2. P. Herlihy, *Odessa, A history, 1794—1914,* Cambridge, Mas., 1991.
3. Μαρία Καραβία, *Οδησσός· Η λησμονημένη πατρίδα,* Αθήνα (Άγρα) 1998.
4. Β. Καρδάσης, *Ο Ελληνισμός του Εύξεινου Πόντου,* Αθήνα (Μίλητος) 1997.
5. Β. Καρδάσης, *Έλληνες ομογενείς στη Νότια Ρωσία,* Αθήνα (Αλεξάνδρεια) 1998.
6. Κ. Κ. Παπουλίδης, *Γρηγόριος Γ. Μαρασλής (1831—1907)· Η ζωή και το έργο του,* Θεσσαλονίκη (ΙΜΧΑ) 1989.
7. Κ. Κ. Παπουλίδης, *Οι Έλληνες της Οδησσού,* Θεσσαλονίκη (Αφοί Κυριακίδη) 1999.
8. Ε. Παυλίδης (επιμ.), *Ο Ελληνισμός της Ρωσίας και τα 33 χρόνια του Σωματείου των εκ Ρωσίας Ελλήνων,* Αθήνα 1953.
9. Σ. Γ. Σακελλαρίου, *Φιλική Εταιρεία,* Οδησσός 1909.
10. Γ. Φαρσακίδης, *Η πρώτη πατρίδα,* Αθήνα (χ.χ.).

II

В. И. МАЖУГА

НЕИЗВЕСТНЫЙ КАРОЛИНГСКИЙ ФРАГМЕНТ СОЧИНЕНИЯ БЛ. АВГУСТИНА «О ТРОИЦЕ»*

Коллекция древнейших латинских фрагментов в составе Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН возникла благодаря покупкам у европейских антикваров, и прежде всего немецких. Принимая фрагменты на комиссию, антиквары не в последнюю очередь руководствовались графически импозантным внешним обликом фрагментов. По этой простой причине в названной коллекции оказались представлены ведущие школы раннесредневекового латинского письма. В этом отношении показателен и пример фрагмента № 1 из картона 621 Западноевропейской секции. Фрагмент содержит § 7—12 сочинения Августина «О Троице». До сих пор он никак не был отмечен в научных публикациях.

Фрагмент представляет собой бифолиум с последовательным текстом. Следовательно, он был извлечен из середины тетради утраченной ныне рукописи, где составлял, вероятно, л. 4 и 5. Отметим, что бифолиум, по всей видимости, сохранил первоначальные свои размеры, а именно: 310/315×240/239 мм и 313/312×203/199 мм (различие в ширине листов объясняется тем, что при дальнейшем использовании листов уже расплетенной рукописи сгиб прошел значительно правее первоначального). Пространство листа, занятое текстом, имеет такие размеры: 260×170 мм. Каждая страница насчитывает 29 строк.

В XVII в. бифолиум был использован в качестве обложки для подборки документов. Общее поле оборотной стороны л. 1 фрагмента и лицевой стороны л. 2 служило корешком обложки. Легко прочитать название подборки документов, некогда заключенной в наш бифолиум: Augsbur/ger /altz/adliger/geschlechter. Речь шла, как мы видим, о документах знатных семейств Аугсбурга. Можно предположить, что рукопись была обращена в макулатуру именно в Германии, где прежде и хранилась. Тем не менее в подробном описании рукописей фрагментов с

* Автор выражет свою глубокую благодарность за помощь в работе профессору Авиньонского университета Ги Лобришону.

© В. И. Мажуга, 2007

сочинениями Августина из современных немецких собраний[1] мы не встретили упоминаний фрагментов, которые можно было бы предположительно считать происходящими из той же рукописи.

Равным образом мы не обнаружили указаний на такие фрагменты и в списке рукописей с текстом «De Trinitate», хранящихся во Франции, который составлен в Институте исследования и истории текстов (Париж—Орлеан). Так же обстоит дело и с общим списком рукописей с текстом «De Trinitate», который в свое время составил Дом Вильмар[2] и затем дополнил Вильям Маунтейн.[3]

По-видимому, рукопись, частью которой являлся наш фрагмент, была создана во Франции и оказалась в Аугсбурге в значительно более позднее время. В древнейших каталогах рукописных собраний области Аугсбурга не упомянуто ни одной рукописи с текстом «De Trinitate»[4]. Гармоничная каллиграфия фрагмента, мастерство писца свидетельствуют о том, что рукопись, к которой принадлежал рассматриваемый фрагмент, родилась в одном из ведущих книгописных центров второй половины IX в.

Текст Августина воспроизведен во фрагменте грамотно и внимательно, и столь же тщательно рукой писца выправлены отдельные ошибки. Отметим некоторые из древнейших рукописей «De Trinitate», с которыми в наибольшей степени согласуется текст фрагмента. Это рукопись Муниципальной библиотеки Камбре № 300, написанная около 780 г. в Мо, рукопись IX в., входившая некогда в состав библиотеки аббатства Клюни под № 56, ныне хранящаяся в Национальной библиотеке Франции под шифром nouv. acq. lat. 1445, наконец, рукопись X в., некогда принадлежавшая парижскому коллегиуму иезуитов и ныне хранящаяся в берлинской Государственной библиотеке Preussischer Kulturbesitz под шифром Philipps 1681.

Рассмотрим письмо фрагмента (илл. 1). Оно отличается легкостью, наклоном вправо, буквы кажутся написанными на одном непрерывном, ритмичном движении. Тонкие малые вертикали контрастируют с наклонными жирными линиями, которые идут в направлении слева направо. Такой стиль латинского книжного письма мы отмечаем в известном иллюминованном списке «Физиолога», выполненном во второй четверти IX в. в Реймсе,[5] и в рукописи Национальной библиотеки Франции Lat. 232, выполненной при дворе Карла Лысого.[6]

[1] *Kurz, R*. Die Handschriftliche Überlieferung der Werke des Heiligen Augustins. Deutschland. Wien, 1976. Vol. 5: BR.

[2] *Wilmart Dom A*. La tradition des grands ouvrages de saint Augustin // Miscellanea Agostiniana (Studi Agostiniani II). Roma, 1931. P. 269—278.

[3] *Mountain W. J.* Additional Manuscripts of St. Augustine's «De Trinitate» // Sacris erudiri. 1965. XVI. P. 198—202.

[4] *Ruf P*. Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz. München, 1932. Bd 3.

[5] *Mütherich Fl*., *Gaehde Jo. E.* Carolingian Painting. London, 1977. Pl. 16.

[6] *Mütherich Fl*. Die karolingischen Miniaturen. Bd 5: Die Hofschule Karls des Kahlen. Berlin, 1982. Taf. 18 d.

Отметим следующие особенности форм отдельных букв. Нижняя дуга **g** отличается размашистостью и тем, что она не замкнута (см. табл. 1, стр. 4: «redintegrati»; илл. 2 *passim*). Унциальная форма **a** чередуется с формой, подобной двойному **c** (см. илл. 1, стр. 4: «mediatorem»; стр. 8: «humanitatis»; илл. 2 *passim*). Обычная минускульная форма **n** чередуется с формой, где первая вертикаль спускается ниже строки и где линия, соединяющая две вертикали, получает вид горизонтальной поперечины (илл. 2 *passim*). Отметим, кроме того, вытянутую по вертикали и сжатую по горизонтали «головку» **e** в лигатуре **et** (табл. 1, стр. 6 и сл.).

За отсутствием иных, более близких нашему фрагменту примеров сравним его с известным кодексом Национальной библиотеки Франции Lat. 7899, содержащим иллюминованные комедии Теренция. Подходящий материал для сравнений прекрасно воспроизведен в издании Бете.[7] Фредерик Кэри отнес кодекс к Реймской школе,[8] и эта локализация была в целом единодушно принята исследователями. Кэри датировал рукопись периодом с 882 по 900 г.

Парижский кодекс был выполнен, насколько удалось нам установить, шестью писцами. На табл. 3.1 представлен образец письма пятого писца. Мы видим здесь **g**, подобное **g** нашего фрагмента. У этого писца мы встречаем и упомянутую форму **n** с удлиненной первой вертикалью. Заметим, что еще более выразительный примеры интересующей нас формы **g** представляет письмо четвертого писца (л. 91 об.—96 об.). На илл. 3.2 представлен образец первого писца рукописи. Для этого писца весьма характерно упомянутое чередование двух форм **n** (ср. стр. 1: «nusquam»), как и лигатура **et**, где головка **e** вытянута по вертикали и сжата по горизонтали.

Наш фрагмент демонстрирует, однако, большую опытность и искусность писца, и, очевидно, его надо отнести к середине или третьей четверти IX в. Более того, его происхождение надо искать южнее Реймса, возможно, в направлении Бургундии. В отличие от кодекса с текстом Теренция, **n** с удлиненной первой вертикалью во фрагменте применяется и в середине слова, что характерно для Бургундии. Достаточно частое применение **a**, подобного удвоенному **c**, является еще одним отличительным свойством письма бургундских рукописей. Весьма выразительная форма «капитального» **N**, подчеркнуто вытянутого в горизонтальном направлении (илл. 1, стр. 1—2), как представляется, свидетельствует о влиянии традиций виднейших скрипториев, действовавших в долине Луары.

[7] *Bethe E*. Terentius // Codices graeci et latini photographice depicti duce Sc. De Vives. Leiden, 1903. T. 8.

[8] *Carey Fr*. M. The scriptorium of Reims during the archbishopric of Hincmar // Classical and Mediaeval Studies in Honor of Edward Kennard Rand / Ed. by Leslie Webber Jones. New York, 1938. P. 58.

Sur un fragment carolingien inconnu de «De Trinitate» de saint Augustin

Résumé

Le fragment, qui se trouve dans le Cart. 621 sous le nr. 1 est resté jusqu'à présent inconnu des chercheurs. Ce fragment contient une partie du traité «De trinitate» de saint Augustin, paragr. 7—12. C'est un bifolium, qui présente un texte continu. Le 1er folio est de 310/315×240/239 mm et le 2e folio est de 313/312×203/199 mm, le champs d'écriture est de 260×170 mm. Chaque page compte 29 lignes. Au XVIIe siècle, le bifolium a été utilisé comme reliure pour abriter les titres des familles nobles d'Augsbourg. Il manque toutefois des mentions sur un manuscrit «De Trinitate» dans les anciens catalogues de la région d'Augsburg.

On ne trouve pas des notices sur les fragments semblables dans la liste des manuscrits du «De trinitate», qu'on peut consulter à l'IRHT. C'est aussi le cas de la liste générale rédigée par Dom André Wilmart. Le supplément publié par William J. Mountain n'en dit pas davantage.

La calligraphie harmonieuse du fragment, la maîtrise du scribe, témoignent de ce fait que l'ancien manuscrit aura été produit dans un centre important de la deuxième moitié du IXe siècle. Le texte est de bonne qualité et bien vérifié. Mais parfois, on trouve un **et** additionnel. Parmi les anciens manuscrits du «De trinitate», il est à signaler quelques-uns auxquels correspond le texte du fragment. Ce sont le manuscrit de la Bibl. mun. de Cambrai 300, écrit vers 780 à Meaux, l'ancien manuscrit 56 du fonds de Cluny, à présent BNF, nouv. acq. lat. 1445 qui date du IXe siècle, enfin l'ancien manuscrit du collège des jésuites de Paris, datant du Xe siècle, Berlin, Staatsbibl. Preussischer Kulturbesitz, Philipps 1681.

L'écriture est légère, distinguée par l'inclinaison vers la droite et comme par un mouvement continu et bien rythmée. Les fines hastes, moyennes, y alternent avec les graisses bien accusées qui vont de gauche à droite. Apparemment, c'est à l'époque de Charles le Chauve que notre scribe a été formé.

Parmi d'autres particularités des formes de lettres, on peut signaler dans le **g** la courbe inférieure très large et non fermée. La forme «onciale» de **a** alterne avec la forme qu'on peut dire composée de deux **cc**. La forme minuscule du **n** alterne avec une forme où la première haste descend au-dessous de la ligne et la transversale va dans le sens horizontal. Remarquons aussi la tête étroitement serrée de la ligature **et**.

On peut approcher l'écriture du fragment de celle du fameux manuscrit de Térence BNF 7899 produit à Reims probablement entre 882 et 900, si l'on prend en considération la forme du **g** analogue à celle que nous voyons dans notre fragment, l'alternance de deux formes du **n** et la ligature **et** avec la tête serrée.

Илл. 1
Архив СПбИИ РАН, Западноевропейская секция, карт. 621, № 1, f. 1r, 10—19

Илл. 2
Архив СПбИИ РАН, Западноевропейская секция, карт. 621, № 1, f. 2v, 21—29
Бл. Августин. О Троице. § XII

Илл. 3
1. Национальная библиотека Франции Lat. 7899
Terentius. Phorm. 841—846 (Bethe 1903: XXVI (b))

2. Национальная библиотека Франции Lat. 7899
Terentius. Adelphoe, 246—251 (Bethe 1903: XXV (a))

Л. И. КИСЕЛЕВА

ЧАСОСЛОВ = ЧАСОВНИК = КНИГА ЧАСОВ?

Всем известно, что в науке важную роль играет правильное определение понятия (дефиниция). Это необходимо для адекватного понимания сущности исследования или сущности предмета, о котором идет речь. Особенно важно дать точное определение при переводе понятий с одного языка на другой. Иногда определения даются по внешнему случайному совпадению, близкому звучанию или поверхностному сходству. Так произошло с названием молитвенника, созданного католической церковью специально для мирянина и названного «Liber Horarum» — «Книга часов», «Libro di ore» (ит.), «Livre d'heures» (фр.), «Libro de Horas» (исп.), «Livro de Horas» (порт.), «Book of Hours» (англ.).

В 1926 г. О. А. Добиаш-Рождественская организовала в Публичной библиотеке выставку западных молитвенников с миниатюрами, назвав их часовниками и объяснив, что западный молитвенник отличается от восточного.[1] «Определяя его буквально, это часослов с сильными, впрочем, отличиями от часослова восточного, отличиями, ввиду которых мы предпочитаем дать ему особое имя».[2]

Попробуем выяснить, есть ли сходство и в чем отличие этих молитвенников у западных и восточных христиан.

У православных христиан есть молитвенник, называемый Часослов, Часословец, Часовник. Это церковно-богослужебная книга, относящаяся к общественному богослужению. Она предназначалась для чтения и пения священниками в церкви. История ее создания уходит в глубокую древность. Считается, что ее первоначальный текст составил Савва Освященный. Это было чинопоследование ежедневных церковных служб. Позднее к тексту были сделаны дополнения Иоанном Дамаскиным и Феодором Студитом. Русский Часослов был заимствован у греков. Он включает в себя неизменяемые молитвословия ежедневной церковной службы. К ним относятся: утрени, полунощницы, междучасие, изобразительные часы, вечерни и повечерия. Как видно, молитвы читаются в определенные часы.

Часослов выполняет роль служебника и содержит чины, молитвы к дневным службам: утренние молитвы, последование возношения панагии, благословение трапезы, канон Богородице, молитвы на сон грядущий.

Кроме того, Часословы включают в себя песнопения: тропари, кондаки, богородичны, причастны, относящиеся к богослужению круга седмичного и годового.

Таким образом, очевидно, что православный Часослов — это богослужебная книга для священников. Приведем несколько примеров. Рукопись конца XVI в. (РНБ, ОСР, О.I.243) имеет заголовок: «Часословец — служба ночная и дневная по уставу иже в Иерусалиме лавры святого отца нашего Саввы».

В Часослове XVII в. (441 л.) даны: чин полунощницы, утрени, часы с почасиями и литургии. Среди тропарей помещены Каноны Казанской иконе Богоматери. Тут же «Указы» о поклонах, чины пасхального богослужения (ОР РНБ, собр. Погодина, № 358). Некоторые Часословы помещаются в рукописях вместе с Иерусалимским уставом (ОР РНБ, собр. Погодина, № 776), другие — с выписками из Уставов (ОР РНБ, собр. Погодина, № 357).

В начале печатного Часовника (М., 1565) помещена молитва «Отче наш», затем псалмы: 104, 140, 129, 116, 122. Начало 3-го часа сопровождается кроме псалмов исповеданием православной веры Первого и Второго соборов. В начале утренней службы иерей должен благословить прихожан, затем поются хвалебны, тропы и гласы. В повечерии поют гимны и молитвы Василия Великого. Далее канон Пресвятой Богородице сопровождается творением Кир Феофана и ирмосом Василия Великого. Завершается текст воскресными богородичными тропарями и кондаками.

В XVII в. содержание этих молитвенников расширяется. Часослов, изданный в Москве в 1652 г., начинается словами: «Книга, глаголемая часослов имя в себе всю службу церковную и дневную». Далее следуют: чин вечерний и благодарение в трапезе на вечерне, повечерницы великие, средние и малые; полунощницы повседневные субботние и воскресные, молитвы на 1, 3, 6-й часы и между часами. Затем перечислены псалмы, исполняемые на литургии, дан «чин о вознашении панагии в трапезе». Во всех разделах даются рекомендации, кто и как совершает молитвы. В 1-й час рекомендуется читать настоятелю монастыря молитвы отца нашего Саввы, перед следующей молитвой необходимо делать трехкратный поклон к святым церковным вратам. После этого молитву начинает иерей, а псаломщик поддерживает кротким и ровным голосом, чтобы было слышно всем. Затем даются указания о том, что после псалма читают стих. В конце молитвы псаломщик произносит: «Аминь», все поют тропарь, далее осуществляют поклоны. В 9-й час до литургии

[1] *Добиаш-Рождественская О. А.* Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке 28 марта—4апреля 1926 г. // Библиотечное обозрение. 1927. Кн. 1—2.

[2] *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. М., 1987. С. 232.

© М. И. Киселева, 2007

должно произносить «Исповедание православной веры». Далее – кондаки святым от сентября на весь год.

Все эти примеры подтверждают, что православный Часослов (Часовник) является сугубо богослужебной книгой, в которой помещены молитвы в расчете чтения в церкви по часам в течение всего литургического года.

Имеется ли сходство и есть ли различия между православным Часословом (Часовником) и католической «Книгой часов»?

Истоки католического молитвенника уходят в глубь веков.[3] После установления основного литургического текста в X в. монахи стали добавлять молитвы, обращенные к святым, литании, ввели службу за умерших. Их тексты составлялись главным образом из псалмов. В X в. появился обычай читать небольшую молитву, обращенную к Деве Марии. Комбинация псалмов и вновь создаваемых молитв продолжалась до XIII в. К основной части добавлялось приложение, возраставшее с каждым десятилетием. К началу XIV в. службы и молитвы объединили с псалмами, в результате чего был создан специальный сборник, названный «Книга часов». Тексты для молитв этого сборника извлекались из разных сочинений – от Иосифа Аримафейского до Петрарки и Жерсона, а иногда включались молитвы, составленные по случаю определенного праздника. Например, молитвы Беды Почтенного, бл. Августина на праздник Вознесения Христа (ГЭ, инв. № ОРр 15).

Основные составные части «Книги часов» включают: календарь, часы Девы Марии, покаянные псалмы, молитвы избранным святым, заупокойные молитвы. Постепенно этот молитвенник пополнился фрагментами из Евангелий, текстом страстей по Иоанну, молитвами, обращенными к Святому Кресту и к Святому Духу, непосредственно к Богородице «Obsecro te…» («Молю тебя»), «O, Intemerata…» («О, Непорочная») (ГЭ, инв. № ОРр 13, 15), а иногда добавлялись семь прошений Господу, «Пятнадцать радостей Девы Марии» (РНБ, Lat. Q.v.I.112). Дополнительные тексты часто меняют свое местоположение.

В некоторых «Книгах часов» встречаются проповеди, 10 заповедей и градуальные псалмы. Исследователи считают, что нет абсолютно идентичных «Книг часов». Важно отметить, что тексты молитв не подчинены контролю церкви. «Книга часов» предназначалась для верующих мирян и стала одной из любимых книг. Часто состав дополнительных молитв зависел от личного желания и вкуса заказчика, переписчика, главы мастерской, где переписывались такие молитвенники. Хотя «Книга часов» была создана для мирян, следует подчеркнуть, что в ее основе дух католического благочестия проявился в молитвах Деве Марии, Св. Кресту, Св. Духу, культу святых и культу мертвых.

Такие молитвенники не зависят от литургического цикла, в них не выделены праздники, отмечаемые христианами в течение года, часто отсутствуют праздники мученикам, переноса мощей и все, что связано с

[3] *Leroquais V.* Les livres d'heures manuscrits de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1921. Т. 1. В предисловии к этому каталогу Национальной библиотеки дается подробная характеристика «Книг часов».

литургической жизнью. «Книги часов» никогда не использовались в церковной службе.

Кроме того, особенность «Книги часов» заключается в том, что она имеет украшения, состоящие из инициалов – филигранных, цветных, историзованных (т. е. с «историей»), бордюров, украшенных цветами, плодами, разными юмористическими фигурками, бабочками, жучками, лягушками, не имеющими отношения к тексту. Их называют «дролери» (от фр. drôle – «смешной, забавный») (см. ил. РНБ, Разн. Q.v.I.9). Главное место в иллюминации «Книг часов» занимают миниатюры.[4] Некоторые «Книги часов» содержат десятки миниатюр, иллюстрирующих составные части этих молитвенников. Выполненные достойными художниками, они представляют собой своеобразные картинные галерии.

Остановимся несколько подробнее на каждой составной части этого молитвенника. «Книга часов» начинается с календаря на весь год. Имена святых вносятся в определенные дни каждого месяца. В их числе общие и местные католические святые. В список святых иногда включались имена по просьбе заказчика или произвольно по желанию мастера ателье или переписчика: св. Оскорбление, св. Пощечина, св. Туфля и др.

Каждый месяц календаря иллюстрировался изображением знака зодиака и сценой занятий в соответствии со временем года: «соколиная охота», «весенний сев», «сбор урожая», «у камелька» и т. п. Сюжеты этих сцен менялись, художники были абсолютно свободны в их выборе. Они стремились реалистично передать красоту природы, крестьянскую и рыцарскую жизнь (ГЭ, инв. № ОРр 22). В XV в. на полях листов с календарем появляются медальоны с изображением святых.

Молитвы Богородице (Officium parvum Beatae Mariae Virginis) составляют главный элемент «Книги часов». Они читаются по часам. Важно отметить природу этой службы. Она делится на 7 частей: 1. Matutinus et Laudes, 2. Primus, 3. Tertius, 4. Sextus, 5. Nonus, 6. Vesperus, 7. Complices. Сначала указаны главные праздники: Рождение Девы Марии, Введение во Храм, Благовещение, Сретенье, Успение. Последующие молитвы распределяются по дням недели и исполняются по часам. Заутренние молитвы (Matutinus) начинаются вступлением, затем следует гимн, антифон, 3 псалма, 3 чтения. В 3-й час читается молитва «Te deum» («Тебе, Господи»). Laudes (хвалебные молитвы) состоят из антифона и 5 псалмов. Complices (заключительная молитва) состоит из гимна и краткой молитвы (oraison). Малые часы (sextus, nonus) состоят из гимна, 3 псалмов и 2 кратких молитв. Последнее место занимают молитвы в вечерние часы. Тексты всех молитв поэтичны и наполнены любовью к Деве Марии. Самая древняя относится к X в.

Молитвы, посвященные Богородице и размещенные по часам, иллюстрируются, как правило, миниатюрами в полный лист: «Благовещение» (Matutinus), «Встреча Марии с Елизаветой» (Laudes), «Рождество»

[4] Все иллюстрации, о которых говорится в этой статье, можно видеть в каталоге выставки «Искусство западноевропейской рукописной книги V—XVI в.» (СПб., 2005). Совместная выставка Государственного Эрмитажа и Российской национальной библиотеки (15 марта—19 июня 2005 г.) была посвящена 200-летию Отдела рукописей РНБ.

(Primus), «Поклонение волхвов» (Tertius), «Богоявление» (Sextus), «Сретенье» (Nonus), «Бегство в Египет» (Vesperus), «Коронование Богородицы» (Complices).

Однако этими сюжетами не ограничивается иллюстрирование этого раздела. Ряд молитвенников включает сюжеты «Благовестие пастухам», «Избиение младенцев».

Покаянные псалмы иллюстрируются, как правило, изображением царя Давида, которого считают автором Псалтири, сюжетами «Христос воскрешает мертвых», «Вирсавия и старцы» (во второй половине XV в.). В литанию (краткую молитву) включается список святых, как правило соответствующий именам святых, упоминаемых в календаре.

К основным частям «Книги часов» добавлены фрагменты Евангелий от Иоанна, Луки, Марка, Матфея. Обычно евангелисты изображаются пишущими за пюпитром рядом со своими символами: орлом, быком, львом, человеком (в соответствии с видением Иезекииля, 1:4—12).

Многие экземпляры «Книги часов» имеют раздел с молитвами Святому Кресту, который сопровождается целой серией миниатюр с сюжетами «Крещение Христа», «Предательство Иуды», «Бичевание Христа», «Распятие», «Снятие с Креста», «Оплакивание Христа», «Помещение во гроб», «Воскресение Христа», «Вознесение Христа», «Христос во Славе» (ГЭ, инв. № ОРр 6).

К молитве, обращенной к Св. Духу, часто дается миниатюра «Сошествие Св. Духа на апостолов», а также в некоторых экземплярах — «Крещение Христа», «Проповедь Апостолов».

Заупокойные молитвы занимают значительную часть «Книги часов» и сопровождаются иллюстрациями: «Отпевание покойного», «Трое живых и трое мертвых», иногда изображением символа Смерти (скелет).

Особый раздел «Книги часов» (Suffragium) составляют молитвы, посвященные избранным святым, почитаемым заказчиком, и обращенные непосредственно к святому с просьбами верующего. Причем число их колеблется от 2—3 до пятидесяти. Как правило, текст сопровождается «портретами» святых. По их составу можно определить, в каком месте жил заказчик и где изготовлены «Книги часов».

В некоторых «Книгах часов» с XIV в. появляются дополнительные молитвы «Obsecro te» и «O, Intemerata», которые сопровождаются миниатюрами: изображение Богородицы с Христом, сидящим у нее на коленях, и/или склонившимся перед ними заказчиком «Книги часов» (ГЭ, инв. № ОРр 4). Иногда изображается группа музицирующих ангелов перед Богородицей и Христом (РНБ, Разн. Q.v.I.9).

В «Книгу часов» часто включаются молитвы под названием «Радости Девы Марии», самые знаменитые из которых были составлены Фомой Бекетом. Число таких молитв меняется от 5 до 15.

Молитва, названная «Семь прошений Господу», обращена непосредственно к нему с просьбой бросить взгляд на просящего. При этой молитве часто изображается «Новозаветная Троица». Кроме «Книг часов» в Европе сохранилось много молитвенников, отличающихся от

«Книг часов» набором молитв, среди которых нет календаря, часов Богородицы, заупокойных молитв.

Исследователи считают, а каталоги подтверждают, что не существует одинаковых «Книг часов», как не существует одинаковых готических соборов. Такого рода молитвенники различаются числом разделов, составом, текстом молитв и иллюстративным материалом. Молитвы в них составлялись в соответствии с принятыми обычаями (usus) в той или иной части Европы. Иногда после календаря в рукописи имеется заголовок: «Incipit officium Beate Marie Virginis secundum romane curie», т. е. служба Богоматери читается по часам, а молитвы составлены по обычаю Римской курии (ГЭ, инв. № ОРр 6). Большая часть «Книг часов» не имеет таких заголовков, и определение места их происхождения можно осуществить несколькими путями. Во-первых, usus определяется по составу молитв и их расположению. Так, например, утренние часы в экземплярах, созданных в Париже, начинались с гимна со словами «O quam glorifica…»; антифон: «Exaltata es…»; чтение I: «Surge, beatissima…»; чтение II: «Cecos cordium…»; чтение III: «O Sacratissima…».

В «Книге часов», созданной в Риме, в те же утренние часы – другие молитвы: гимн: «Quem terra…»; антифон: «Benedicta tu…»; чтение I: «In omnibus…»; чтение II: «Et sic in Sion…»; чтение III: «Quasi cedrus…». Тексты молитв в последующих разделах (Laudes; Primus, Tertius etc.) тоже отличаются по составу. В Вероне, Лионе, Майнце, Сен-Дени и т. п. состав молитв мог быть другим.

Во-вторых, происхождение молитвенника можно определить по составу имен святых в календаре, литании и в специальном разделе (Suffragium). Иногда по именам святых можно определить и время создания «Книги часов», ориентируясь на дату канонизации святого.

Дополнительным источником определения происхождения «Книги часов» служит ее иллюминация, так как каждая страна, а иногда отдельный район имели свои специфические особенности в украшении книги.

Иногда в «Книгах часов» сохранился герб заказчика, что сразу ориентирует на время и место ее создания (РНБ, Разн. Q.v.I.9 – герб Николая Ролена, 1376—1462), или изображение самого заказчика (РНБ, Lat. Q.v.I.112; РНБ, Разн. O.v.I.6; ГЭ, инв. № ОРр 4, 6, 13, 22).

Часто владельцы этих маленьких молитвенников в последующие века вписывали имена избранных и почитаемых ими святых. Свободные листы (их специально приплетали к тексту молитвенника) использовались для дневниковых записей, которые раскрывают их историю и происхождение. Так, в одной «Книге часов» (ГЭ, инв. № ОРр 10) на свободных листах в начале и в конце рукописи имеются записи многих событий семейства Де Клюни с 1594 по 1778 гг. До настоящего времени сохранилось огромное число молитвенников с подобными записями.

Точное число созданных «Книг часов» не установлено. Известно, что их массовое производство наблюдалось в XV в. Особенно прославились в этом отношении фламандские ателье. Если парижские художники создавали шедевры, то во Фландрии, и прежде всего в Брюгге, рядом с превосходными экземплярами появились сотни более низкого худо-

Книга часов. РНБ, Разн. Q.v.I.9

жественного уровня «Книг часов», которые отправлялись в разные страны Европы (Испанию, Португалию, Италию). В конце XV в. во многих странах Европы начали печатать «Книги часов». Миниатюры были заменены гравюрой.

Как видим из вышесказанного, такие молитвенники предназначались для мирян, обширно иллюстрировались и никогда не использовались священниками при богослужении в церкви. Именно поэтому неверно называть «Книги часов» Часословами или Часовниками.

* * *

Весьма признательна Игорю Павловичу за потраченные им часы для чтения и рецензирования моих рукописей, превративших их в печатные книги.

А. А. КАСАТОВ

СИМВОЛИКА АКТА СЕЙЗИНЫ В АНГЛИИ XII В.*

1. Введение

В трудах по истории средневекового общества очень слабо до сих пор изучены правовые акты, оформлению которых служили действия с символическими предметами. Изучение символов и символических действий позволяет порой пролить новый свет на важнейшие общественные институты средневековья. В настоящей работе мы рассмотрим применение палки-символа, по-латыни *baculus,* в Англо-Нормандском королевстве при вводе во владение путем так называемой сейзины.[1]

Институт сейзины восходит к формам приобретения собственности континентальными аллодистами раннего средневековья. Для их обозначения использовался франкский глагол в латинизированной форме «sacire», от которого и происходит романское слово «saisina». Названный глагол впервые появляется в континентальных источниках в конце VII в.[2]

В ходе завоевания Англии Вильгельмом, герцогом Нормандии, в 1066 г. этот акт, обозначавшийся уже выражениями *saisitus esse*, *saisina*, *saisire*, равно как и связанные с ним символические процедуры, переносится в Англию, где уже на местной почве получает своеобразное развитие.

2. Количественная характеристика источников

Несмотря на тщательные поиски, нам удалось обнаружить сравнительно небольшое число документов, где упоминаются действия с интересующим нас символом «палка» (хотя в действительности их было, несомненно, больше). Символ «палка» упоминается в 11 документах. Почти все рассматриваемые случаи касаются передачи имущественных

* Автор статьи выражает благодарность Фонду содействия отечественной науке за финансовую поддержку исследовательского проекта. Работа выполнена на средства гранта президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ № НШ-8260.2006.6.

[1] В силу многозначности слова *baculus* ниже мы будем давать латинское название там, где это представляется уместным.

[2] *Касатов А. А.* Континентальное происхождение акта сейзины в Англии // Historia Animata: Сб. статей. Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2004. Ч. 1. С. 104—119.

© А. А. Касатов, 2007

прав в пользу духовных учреждений. Можно также указать и на особый случай одновременного упоминания символов *baculus* и «нож» (*cultellus*) в одном документе. Хронологически грамоты распределены неравномерно: 7 рассмотренных документов можно датировать первой половиной XII в., 3 — третьей четвертью XII в. и 3 документа были, по-видимому, составлены в конце столетия.

3. География символа *baculus*

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры можно локализовать географически, хотя не всегда это легко сделать. Все грамоты содержат указание на то или иное место (вилла и т. п.), где находилось передаваемое имущество. Учитывая то обстоятельство, что в грамотах нередко упоминается алтарь главной церкви монастыря, в пользу которого совершалась передача владельческих прав, можно до некоторой степени связать местоположение передаваемого имущества с местоположением известного монастыря. Во всяком случае, таким образом удается определить хотя бы ту историческую область, где находилось упомянутое имущество.

Можно сказать, символ *baculus* в основном встречается на северо-востоке и востоке Англии. Так, в частности, в картуляриях северного аббатства в Витби (Йоркшир) до нас дошли 5 грамот, в которых упоминается символ *baculus*, и один документ, в котором упомянуты как символ *baculus*, так и символ «нож». Еще одна грамота, в которой содержится указание на интересующий нас символ, была найдена в картулярии монастыря Мо (Melsa), к слову сказать, расположенного все в том же графстве Йоркшир.

Что касается восточных графств, то можно указать, в частности, на два примера из аббатства Рамси (Кембриджшир) и два примера из Оксфордшира, где мы имеем дело с передачей прав на имущество, которое до того было предметом спора: церкви и мельница (земля при этом не упоминается). Напротив, несмотря на тщательные поиски, в сборниках грамот монастырей западной Англии, в частности аббатства в Глостере, нам не удалось найти ни одного примера, где бы упоминался символ «палка». В то же время там встречаются грамоты, где в сходной функции упомянут символ «нож».

Тот факт, что именно на северо-востоке и востоке Англии привился обычай применять при сейзине символ «палка», можно объяснить сохранением достаточно архаичной социальной структуры в результате длительного присутствия в качестве господствующего слоя выходцев из Скандинавии, как, возможно, и влиянием определенных правовых традиций скандинавов. Если численность свободного населения и сократилась вследствие завоевания и опустошений, произведенных в Йоркшире в ходе подавления восстания 1069—1070 гг., то это мало отразилось на старом социальном укладе всех графств на северо-востоке Англии.[3]

4. Связь акта сейзины с символом *baculus*

Надо признать, что в нормандских источниках, впрочем не столь богатых, как англо-нормандские того же периода, связь символа «палка» с актом сейзины по-настоящему проследить не удается. Напротив, ряд примеров из сборников грамот английских монастырей в этом отношении весьма репрезентативен. В этих примерах акт сейзины и символ «палка» выступают в единстве.

Так, некто Влнотус де Валеброк (Wlnothus de Walebroc) продал аббату Рамси дома и держания и ввел его во владение с использованием «некой палки» (per quendam baculum), отказавшись перед судом города Лондона (hustingum) от всех претензий на это имущество.[4] В другом примере лорд Роджер Маубрей (Rogerus de Moubray) совершил акт сейзины в пользу монахов монастыря в Витби, вручив им символ lignum, посредством которого ему ранее было передано даруемое имущество.[5] Словом lignum, которое, вероятно, можно передать по-русски «палочка», обозначался символ, несомненно, вполне сходный с тем, на который указывало слово *baculus*.[6] В источниках, как свидетельствует словарь средневековой латыни, составленный Р. Латамом, встречается выражение «per baculum et lignum». В грамоте из монастыря в Витби некто Вильгельм Вирфальд (Willelmus Wirfald) ввел приора во владение посредством акта сейзины, применив все тот же *baculus*; затем дар был подтвержден возложением ножа на алтарь главной церкви Св. Петра в Витби.[7] Ниже мы подробнее остановимся на последнем примере. Связь

---

[3] Как отмечает Ф. Стентон: «Грамоты этого региона свидетельствуют о весьма слабом, если таковой вообще имел место, контроле в части распоряжения имуществом» (*Stenton F. M.* The free peasants of the Northern Danelaw. Oxford, 1969. P. 15).

[4] Cartularium Monasterii de Rameseia. Vol. 1—3 / Ed. by W. H. Hart and P. A. Lyons // RBS. 1884—1886. Vol. 79. Vol. 1. P. 139: «vendidit praedictus Wlnothus abbati Ramesiae et saisivit eum per quendam baculum et clamavit solam et quietam absque omni calumnia coram omni hustingo de Lundonia».

[5] Cartularium abbathiae de Whiteby. Vol. 1—2 / Ed. J. C. Atkinson // Publications of the Surtees Society. 1878. Vol. 69. Vol. 1. N 282: «saisivi per idem lignum per quod et recepi illud».

[6] По наблюдению М. Тангела, она могла быть длиной 15 см и толщиной всего 2,5 см (*Tangel M.* Urkunde und Symbol // Festschrift Heinrich Brunner zum 70 Geburtstag. Weimar, 1910. S. 767). Напротив, среди документов приората Девы Марии в Парижском диоцезе дошел пример того, как даритель опирался на палку, названную *baculus*. Очевидно, она была внушительных размеров, если он мог на нее опираться (Le Cartulaire de prieuré de Notre-Dame de Logpont de l'ordre de Cluny au diocese de Paris. Lyon, 1879. N 81 (1100): «Quod donum misit [in manus] Henrici, prioris, per quendam baculum quo ipse se sustentebat»).

[7] Cartularium abbathiae de Whiteby / Ed. J. C. Atkinson // Publications of the Surtees Society. 1881. Vol. 72. Vol. 2. N 426: «prius seisivi Priorem per unum baculum in Hilderwelle coram multis testibus».

[8] Cartularium Abbathiae de Whiteby. Vol. 2. N 422: «per eundem baculum per quem pater meus Walterum, ejusdem loci priorem, de eadem terra saisiverat; English Lawsuits from William I to Richard I Vol. 1—2 / Ed. R. C. Van Caenegem // Publications of Selden Society. 1990—1991. Vol. 106—107. Vol. 2. N 533 (1182): «et saisinam hujus terre fecit Rotbertus filius Junguini Walerano de Cirkelade per baculum quendam».

символа *baculus* с актом сейзины выступает и в некоторых других грамотах.[8]

5. Значение символа *baculus* в акте сейзины

Итак, «палка» служила символом прав на имущество, передаваемое путем акта сейзины. Применение палки в качестве символа передачи собственности, надо признать, не укладывается в какую-либо жесткую схему, однако некоторая классификация рассматриваемых примеров все же возможна. Так, отметим, что в подавляющем большинстве изученных нами документов *baculus* символизирует непосредственно права на материальные объекты, как-то: земля, дома (edificium, mansurae). Наряду с простым дарением или иной формой передачи имущества, небольшая, но любопытная группа документов удостоверяет передачу имущества посредством символа «палка» в тех особых обстоятельствах, когда имущество передавалось вследствие судебного решения имущественного спора. Иными словами, речь шла, так сказать, об отказе от определенных имущественных притязаний. В последнем случае рассматриваемый акт отдаленно напоминает завершение судебного поединка, где в качестве оружия могла применяться именно палка. Наконец, в случае полного отчуждения имущества в пользу нового владельца, когда отчуждаемое имущество находится в некоторой зависимости от вышестоящего лорда, *baculus* мог служить символом отказа от особых прав, исходивших от лорда, и его передача лорду символизировала одновременно снятие с себя обязательств по отношению к нему. Дальнейшие следствия последнего акта рассмотрим в следующем параграфе.

6. Лица, совершающие акт сейзины посредством палки-символа

6.1. Символ *baculus* в руках лордов

Некто Роджер, его жена Эмилия и их сын Том продали (vendiderunt) монахам монастыря Мо (Melsa), расположенного в Йоркшире, за 13 марок принадлежавшую им половину карукаты земли в местечке Мур (Mora).[9] При этом они полностью передали свои права на землю в Муре своему лорду графу Вильгельму посредством символа *baculus* (et eam integre per baculum domino Willelmo comiti Albemarliae in curia sua reddiderunt), клятвенно отказавшись от всякого принадлежавшего им права (et omne jus quod ad eos pertinebat adjuraverunt) с тем, чтобы сеньор освободил их навсегда от всех служб в отношении проданного имущества (ipsi ab omni servitio <…> quieti imperpetuum remanerent).

Можно довольно ясно себе представить, какие действия должны были последовать в дальнейшем со стороны лорда. Очевидно, лишь какие-то неотложные дела лорда или затруднения с вызовом необходимых свидетелей вынудили участников сделки оформить документом лишь часть произведенных юридических действий. Несомненно, продавцы земли действовали с согласия лорда.

Как показывают другие документы, скорее всего, лорд должен был передать палку новому владельцу в знак своего покровительства. Едва ли при этом речь шла об установлении каких-то обязательств монастыря в отношении лорда. Лорд мог завершить передачу имущества, возложив на алтарь главной церкви монастыря тот самый символ, который он получил от лиц, передавших новому владельцу свою землю. Такую ситуацию рисуют, как видно, две грамоты из аббатства Витби, которые можно датировать первой третью XII в. (около 1130 г.).

Согласно первой из них, некто Дуранд вместе с наследником Гоффридом, заручившись согласием жены и сыновей, подарил на вечные времена монастырю Витби одну карукату земли в местечке Бутервик, что в Йоркшире, свободную от всех служб, за исключением «датских денег».[10] О последних надо сказать, что первоначально это был экстраординарный налог, который был введен в правление Этельреда Нерешительного (979—1016) для откупа от датчан, совершавших набеги. Налог был поземельным и взимался вплоть до 1162 г. От него не были освобождены ни феодалы, ни простые держатели свободного статуса, так что указание на «датские деньги» само по себе не позволяет нам судить о реальном статусе Дуранда, был ли он сокменом, т. е. свободным крестьянином, или же занимал более высокое социальное положение.

Далее со слов Дуранда в документе указано, что с его стороны двумя его сыновьями, Рандульфом и Радульфом, был совершен акт сейзины (illam terram ex mea parte duo filii mei Randulfus et Radulfus seisierunt fratribus de Whiteby). В документе не сообщается, участвовал ли в акте сейзины наряду с представителями Дуранда его прямой наследник Гоффрид, или же он в это время отсутствовал.

Содержание грамоты, составленной от лица Дуранда, перекликается со сведениями, заключенными в документе, составленном от имени его лорда Роберта Фоссарда. Роберт извещает, что он уступил в свою очередь (sciatis me concessisse) карукату земли, подаренную его человеком Дурандом (Durandus homo meus dedit), освободив ее от всех причитавшихся ему служб (liberam et immunem ab omni servitio quod de me

[9] Chronica monasterii de Melsa a fundatione usque ad annum 1396 auctore Thoma de Burton abbate. Vol. 1—3 // RBS.1866—1868. Vol. 43. Vol. 1. P. 165. Возможно, Мора — это современное поселение Бармби Мур (Barmby Moor) в восточном ридинге Йоркшира.

[10] Cartularium abbathiae de Whiteby. Vol. 1. N 214: «Sciatis me meumque heredem nomine Geffridum concedente mea uxore cunctisque meis filiis, dedisse pro nostrorum amicorum salvatione, unam carucatam terrae in Buteruic liberam et immunem ab omni servitio excepto danegeldo in perpetuum S. Petro et S. Hyldae de Witeby et hujus doni sunt testes filii mei».

[11] По всей видимости, речь идет о родственнике Нигеля Фоссарда, который возвысился при Генрихе I до держателя первой руки из незначительных землевладельцев. В пользу такой трактовки говорит и то обстоятельство, что Нигель Фоссард держал владения в Йоркшире, где и находилось аббатство Витби. См.: *Newman Ch.* The Anglo-Norman Nobility in the reign of Henry I. The second generation. Philadelphia, 1988. P. 117.

[12] Cartularium abbathiae de Whiteby. Vol. 1. N 251.

pertinet).[11] Вместе с наследником Дуранда Гоффридом Роберт Фоссард, как сказано в источнике, «возложил этот дар посредством *baculus* на алтарь <церкви> Св. Петра» (et illud donum optuli per unum baculum una cum Geffrido haerede Durandi super altare S. Petri).[12]

Очевидно, в обеих грамотах речь идет о дарении одного и того же земельного владения. Сейзина как таковая упомянута только в первой грамоте, составленной от имени Дуранда. Можно, однако, предполагать, что свое подлинное завершение сейзина получила в общем акте лорда и наследника дарителя, когда они возложили *baculus* на алтарь. О том, что дарение, совершенное от имени Дуранда, и заключительный акт с участием лорда и наследника Дуранда были разделены во времени, свидетельствует наличие разных списков свидетелей в названных грамотах.

Наиболее полную картину того, как передача имущества путем сейзины сопровождалась заключительным актом со стороны лорда, мы находим в упомянутом выше примере с символом, названным lignum (§ 4). Некто Регинальд Поэр продал свое имущество в Северном Йоркшире, а именно: 6 боват земли в Торпе и четыре дома в Йорке монастырю Витби, — что и зафиксировала грамота, составленная между 1150—1170 гг. от имени его лорда Роджера Маубрея.[13]

Продав в полном объеме монахам свое право на названное имущество (vendidit ecclesiae praefatae de Wytby totum jus quod habuit in praefata terra), Регинальд в то же время передал его посредством «палочки» своему господину Роджеру Маубрею с тем, чтобы оно служило пользе новых владельцев под покровительством последнего (et reliquit michi ad opus illorum). Роджер Маубрей совершил обряд сейзины в пользу нового владельца посредством того самого символа lignum, с которым Роджер получил в свою руку соответствующее право Регинальда (et saisivi per idem lignum per quod et recepi illud).

Едва ли Регинальд имел статус горожанина. Площадь подаренной им земли (6 боват) была немалой, чуть меньше гайды,[14] в то время как городские держания были много меньше, так что их размеры редко превышали несколько акров.[15] К тому же в качестве сеньора Регинальда выступал не кто иной, как лорд Роджер Моубрей, семья которого принадлежала к высшей знати.[16] Укажем и на то обстоятельство, что в одном из вариантов написания фамилия Регинальда выглядит как la Poer, что выдает его французское происхождение. Очевидно, Регинальд принадлежал к рыцарскому сословию. В том, что многие феодалы владели в ту пору домами в городах, нет ничего необычного.

Привлечение к акту передачи собственности путем купли-продажи такой важной персоны, как Роджер Маубрей, можно объяснить равно и статусом передаваемой собственности, в отношении которой Роджер, по-видимому, имел некоторые права,[17] так и простой потребностью в обеспечении прав нового владельца путем установления особого рода покровительства со стороны лорда.

6.2. Передача палки-символа в частном порядке

Наряду с теми документами, в которых нашла отражение практика участия лордов в акте сейзины, можно привести и примеры, где фигура лорда-посредника никак не выступает. Несомненно, передача имущества посредством «палки-символа» могла совершаться и без участия лорда. В одном случае лорд выступает в качестве лица, которому передается имущество посредством названного символа, и тем очевиднее самостоятельность действия бывшего владельца.

Грамотой, которую можно датировать 1114—1130 гг., засвидетельствовано, что некто Влнотус де Валеброк продал принадлежавшее ему земельное владение аббату Рамси Рейнальду (vendidit Reinaldi abbati quamdam terram), который был лордом названного Влнотуса, с тем, чтобы тот владел им на пользу церкви Рамси более полно и на все времена (illam terram <…> omnibus diebus amplius in perpetuum in ecclesiae Ramesiae habendam).[18] В источнике сказано, что одна часть проданного имущества находится в местечке Валеброк (Walebroc), давшем прозвище самому Влнотусу, причем особо отмечается, что там находятся каменный дом (quamdam domum de lapide) и большой амбар (cellarium, edificium). Влнотус владел названной землей с каменным домом и амбаром в качестве собственного домена (quae sua fuit dominica). К этому владению примыкали деревянные дома, построенные на средства Влнотуса (domos de ligno) в пределах феода, который он держал на правах наследства от аббата (…et feudum et hereditatem alterius terrae, quam tenebat de abbate vendidit praedictus Wlnothus abbati Ramesiae). Одновременно с собственной землей и находившимися на ней строениями Влнотус продал аббату Рамси свои права на названный феод и построенные в его пределах дома.

Как бы то ни было, именно земля, которой он владел на правах свободного человека, выдвинута как главный предмет акта продажи и последующей сейзины. Особо указано, что она свободна от каких-либо

[13] Ibid. N 282: «Sex bovatas terrae in Thorp et quator mansuras in Eboraco. Reginaldus autem Poer vendidit Ecclesiae praefatae de Wytby totum jus quod habuit et reliquit michi ad opus illorum et ego reddidi eis et saisivi per idem lignum per quod et recepi illud».

[14] «Бовата» представляла собой не столько реальную земельную, сколько фискальную единицу, но восходила к тем временам, когда землю пахали восьмиволовым плугом (бовата этимологически производна от слова «bos»), и составляла $^1/_8$ гайды (15 акров). Гайда также была фискальной единицей, но изначально это тот размер земли, который можно было вспахать силами большой семьи восьмиволовым плугом в течение сезона.

[15] *Кириллова А. А.* Свободное земельное держание в городах Англии в XIII веке // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1954. Т. 68, вып. 4. С. 65.

[16] Charters of the Honour of Mowbray 1107—1191 / Ed. D. E. Greenway. London, 1972. Introduction.

[17] Отметим, что в Йоркшире в рассматриваемый период, по крайней мере в высших стратах общества, утверждается форма имущественных прав, сопоставимых с аллодиальными: *Dalton P.* Conquest, anarchy and lordship. Yorkshire 1066—1154. Cambridge, 1994.

[18] Cartularium Monasterii de Ramesiae. Vol. 1. P. 139.

[19] *Stenton F.* Norman London: Social life in Early England / Ed. by G. Barraclough. London, 1960. P. 188—190. Hustingum — специальный суд города Лондона, собиравшийся каждый понедельник и решавший вопросы коммерции и земельных сделок.

притязаний третьих лиц, которые могли бы быть выдвинуты в одном из будущих судебных собраний (clamavit solam et quietam absque omni calumnia coram omni hustingo).[19] Это указание лишний раз свидетельствует о свободном статусе земли, иными словами, о том, что это владение не было включено в систему вассально-сеньориальных связей. Сообщается, что как Влнотус, так и аббат заплатили жене Влнотуса за отказ от прав на названные земельные владения, доставшиеся ей от своей матери. Акт сейзины был совершен в городском доме, владельцем которого был, по-видимому, богатый горожанин-англосакс по имени Альфин. Несомненно, и сам продавец был англосаксом и, возможно, имел статус лондонского горожанина.

Ввиду всего вышеизложенного можно заключить, что сейзина, совершенная с помощью «палки-символа» (et saisivit eum per quendam baculum), относилась в первую очередь к передаче прав собственности именно на свободное земельное владение. И с этим обстоятельством связано употребление самого символического предмета.

К подобному же выводу приводит и следующий пример. В документе из аббатства Витби (в северном ридинге графства Йоркшир), который можно датировать временем ранее 1135 г., некто Паган (Paganus) даровал полкарукаты земли и усадьбу,[20] относящиеся к феоду Роберта де Брюса (unam dimidiam carucatam terrae <…> de feodo Roberti de Brus et unum toftum de eodem feodo). Это земельное владение и строение объявлены свободными от каких бы то ни было повинностей и платежей, кроме выплаты «датских денег» (solutam et quietam de omnibus rebus praeter danegeldum Regis).[21]

Полкарукаты земли нельзя признать значительным владением. Тем не менее, М. Барг в своем исследовании оценил гайду и соответствующую ей карукату как единицу измерения доходности земли, владелец которой был избавлен от самостоятельного физического труда.[22] А также М. Барг считал, что и полгайды могли указывать на владение, которое он отнес к категории некрестьянского фригольда.[23]

Кроме того, обращает на себя внимание упомянутое в документе имя отца Пагана — Осберн (Paganus filius Osberni), свидетельствующее о его возможном скандинавском происхождении. Таким образом, можно полагать, что этот Паган был не только из местных землевладельцев, но и принадлежал к скандинавским поселенцам с определенными публичными правами. Трудно сказать, был ли выбор символического предмета, примененного в акте сейзины, как-то связан именно с укоренившимися здесь скандинавскими традициями, но определенно можно утверждать, что применение символа «палка» было продиктовано свободным статусом дарованного земельного владения.

[20] Слово toftum имеет значения «участок для постройки, участок, прилегающий к дому» и «усадьба». См. *Niermeyer J. F.* Mediae Latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 1031; *Сойер П.* Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 230.

[21] Cartularium abbathiae de Whiteby. Vol. 1. N 93.

[22] *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма. М., 1962. С. 45.

[23] Там же.

В документе сообщается, что дар сделан во спасение души не только самого Пагана, но и его лорда Роберта де Брюса, иными словами, дарение и сейзина были совершены с явного согласия лорда, которое могло заключаться, например, в том, что он допустил изменение границ собственного манора. О прямом участии лорда в акте сейзины ничего не сказано, и, очевидно, он действительно отсутствовал при совершении акта сейзины.

По-видимому, мы имеем дело с правом самостоятельного распоряжения своим имуществом и в следующей грамоте. Вильгельм де Аргентон доводит до сведения всех «видящих и слышащих», что он «уступил и даровал» церкви и монахам Витби две боваты земли, расположенные в местечке Аппельон и относящиеся к его домену (concessisse et dedisse ecclesiae et monachis de Whiteby illas duas bovatas terrae de demenio meo in Uppelyon), которые прежде уже даровал им его отец.[24] Кроме того, монахам отходил участок под постройку в той же вилле (et quoddam toftum in eadem villa). Вильгельм передает дарованные права на две боваты в том же объеме, как и его отец, а именно «полностью» «во всех местах» (plenarie in omnibus locis), т. е. не выговаривая себе никаких прав на пользование отдельными участками дарованной земли.[25] Насколько можем судить, и здесь речь шла об имуществе, которым даритель распоряжался в большой мере самостоятельно.

В источнике сообщается, что Вильгельм совершил передачу имущества, используя ту самую «палку-символ», с помощью которой его отец в свое время совершил обряд сейзины в пользу приора Вальтера (per eundem baculum per quem pater meus Walterum, ejusdem loci priorem, de eadem terra saisiverat), причем действуя точно таким же образом, а именно: путем возложения палки на алтарь церкви Витби (super sanctum altare ecclesiae de Whiteby in perpetuum optuli). Почти нет сомнений, что указанный символ был сохранен в монастыре во свидетельство совершенного ранее акта сейзины.[26]

В документе ничего не сказано об участии лорда. Известно, однако, что между 1154 и 1166 гг. Вильгельм Перси подтвердил дар двух боват в пользу Витби. Возможно, дар, совершенный Вильгельмом, и требовал

[24] Cartulatium Abbathiae de Whiteby. Vol. 2. N 422.

[25] Отметим, что в юридической теории XIII в. Брактон для описания полноты передачи прав использовал специальное выражение «plenaria saisina». *Bracton* De ligibus et consuetudinibus Angliae / Ed. by George E. Woodbine, transl. with rev. and notes by Samuel E. Thorne. Cambridge, Mass. Vol. 1—4. 1968—1977. Vol. 2. P. 124: «...Et etiam <plenariam fecerit seisinam donatorio> cum donator corpore et animo recesserit a possessione <…> sine aliqua spe et animo revertendi ut dominus…».

[26] English Lawsuits from William I to Richard I. Vol. 1. N 272 (1113—1127): «Videns R[obertus] quod nullo modo posset hec disserere <…> dominum R[obertum] abbatem per vicinos requisivit eique ad ultimum terram de Sibestuna per baculum Odonis Revelli, qui in thesauro ecclesiae reservatur, apud Newetune in grancia reddens homo ejus efficitur eique fidelitatem juravit <…> et omnes calumpnias quibus eum impetiverat <…> quietas clamavit…».

[27] *Keats-Rohan K. S. B.* Domesday Descendants. A prosopography of persons occurring in English documents 1066—1166: II Pipe Rolls to *Carta Baronum.* Woodbridge, 2002. P. 34.

предварительного согласия лорда, но, как бы то ни было, Вильгельм действовал совершенно самостоятельно.[27]

7. Место совершения символического акта

Большинство рассмотренных документов отразило практику благочестивых дарений, адресованных святому покровителю монастыря и его братии. Видимо, этим следует объяснять относительную частоту возложения «палки-символа» на алтарь (8 примеров из 12). Вместе с тем можно сослаться на 3 документа, в которых акт передачи имущества посредством «палки-символа» служил оформлению не дарения, но акта купли-продажи. В двух случаях, очевидно, палка была передана непосредственно в руку нового владельца, причем в одном документе местом совершения этого акта назван дом видного лондонского горожанина, а в другом — курия лорда.[28] В третьем случае сообщается, что палка была передана непосредственно лорду, который, предположительно, должен был совершить дальнейшие действия.[29] К этому ряду примеров можно отнести и случай с передачей в аренду земельного участка в Оксфорде, оформленной как акт сейзины с применением «палки-символа». Эта передача была совершена в полном собрании королевского суда под председательством шерифа Оксфордшира и в присутствие жителей Оксфорда.[30]

8. Символ *baculus* при передаче спорного имущества

В рассмотренных выше примерах с актом сейзины, совершенных посредством передачи «палки-символа», последняя служила знаком вполне реальных имущественных прав. Вместе с тем мы сталкиваемся с рядом документов, отразивших передачу с помощью этого символа лишь, так сказать, заявленных прав на то или иное имущество, что передавалось средневековым латинским словом «calumpnia». Рассмотрим эти примеры особо.

Так, в документе, который может быть датирован 1114—1123 гг., речь идет о правах на церковь селения Шитлингдон (Schitlingdone), располагавшегося, по-видимому, вблизи Хантингдона, где был решен спор между аббатом Рамси и Бальдевином, а именно: в доме некоего Дрогона (apud Huntedoniam in domo Drogonis quiquid calumniabatur in ecclesia de Schetlingdone).[31] В свое время отец Бальдевина, действующего лица документа, и сам Бальдевин отказались от своих прав на указанную церковь в пользу монастыря в Рамси.[32] После смерти отца Бальдевин попробовал вернуть обратно спорное имущество, инициировав судебное разбирательство против монахов Рамси. Как сказано в источнике, Бальдевин, движимый алчностью, добился получения от короля документа на возвращение ему церкви, которое было бы оформлено актом сейзины (Baldewinus, avaritiae commotus, quaesivit per breve Regis ut resaisiretur).

Но поскольку в приказе содержалось указание, что акт сейзины должен был последовать только после принятия соответствующего решение в одной из судебных курий (…in breve Regis continebatur, ut per rectum resaisiretur), аббат предложил Бальдевину на выбор решить вопрос либо в собственной курии аббата, либо в курии епископа Линкольнского, который уже прежде, еще при жизни отца Бальдевина, вынес свое решение относительно принадлежности церкви аббатству Рамси.[33]

Осознав тщетность своих усилий, Бальдевин отступился от своих требований, передав вместе со своим братом Бурредом аббату посредством «палки-символа» все, на что он притязал (per quemdam baculum <…> iterum reddidit praedicto abbati <…> quiquid calumniabatur).

О высоком социальном статусе Бальдевина, вступившего в спор с аббатом Рамси, свидетельствует сам предмет спора. Как хорошо известно, определенными правами на сельские церкви пользовались достаточно крупные землевладельцы, которые зачастую являлись наследниками тех, кто решил основать и обеспечить всем необходимым новую церковь в своих собственных владениях.

В ряду случаев, где сейзина осуществляется в отношении спорных прав на имущество, по-видимому, следует упомянуть и уже рассмотренный в параграфе 6.2 пример сейзины в отношении участков земли со строениями, как мы предположили, в окрестностях Лондона. Передача денег за проданное имущество там была совершена в судебном собрании. Иными словами, отказ прежнего владельца от своих прав, пусть и путем продажи, возможно, произошел в результате судебного решения.[34]

8.1. Отказ от спорных прав на имущество, сдаваемое в наследственную аренду

В следующем документе, который не удается датировать точнее, чем 1100—1135 гг., отражен спор о правах на мельницу в местечке Лонгефорд (Longeford), принадлежавшую аббатству в Абингдоне (Оксфордшир).[35] Некто Вильгельм во времена аббата Фариция (Faritius) уступил

[28] Cartularium Monasterii de Rameseia. Vol. 1. N 60; Chronica monasterii de Melsa… Vol. 1. P. 165.

[29] Cartulatium Abbathiae de Whiteby. Vol. 2. N 282.

[30] English Lawsuits… Vol. 2. N 533 (1182).

[31] Cartularium Monasterii de Rameseia. Vol. 1. N 60.

[32] Ibid. Vol. 1. N 59.

[33] Cartularium Monasterii de Rameseia. Vol. 1. N 59: «…Sed obtulit eidem Baldewino predictus abbas rectum judicium, sive in propria curia sua, sive in curia ipsius episcopi Lincolniensis, qui rem prius terminaverat».

[34] По-видимому, к рассматриваемому типу сейзины можно отнести и пример, содержащийся в документе 1113—1127 гг.: English Lawsuits…. Vol. 2. N 272. К сожалению, документ плохо поддается четкой интерпретации.

[35] Chronicon monasterii de Abingdon. Vol. 1—2 / Ed. by J. Stevenson // RBS. 1858. Vol. 2. P. 123.

монастырю в Абингдоне мельницу на правах фирмы (molendinum <…> concessit <…> in perpetuum firmum) и знак передаваемого имущества поместил на алтаре (donum super altare posuit). Источник не сообщает нам, какой конкретно предмет служил символом передаваемого имущества. После смерти аббата Вильгельм пожаловался королю, находившемуся в то время в Нормандии, по поводу своей уступки мельницы аббату Абингдона, что монастырь владеет ею скорее по воле покойного аббата, чем по собственной воле Вильгельма (vi potestatis praedicti abbatis potius quam suae voluntatis). Идя навстречу жалобам Вильгельма, король повелел ввести Вильгельма во владение мельницей путем сейзины (Regis mandato saisitus est).

Однако, узнав позднее суть дела от выступившего посланником монахов Вальтера, капеллана Вильгельма де Бохланда, король предписал вернуть аббатству права на мельницу путем акта сейзины (postea veritatem rex cognoscens, precepit resaisiare ecclesiam). Вильгельм, как сказано в источнике, сам исправил совершенное им противоправное действие и, отказавшись в капитуле монастыря от всех заявленных им прав (in capitulo <…> in perpetuum omnem calumniam de ipso molendino clamaret quietam), подтвердил свою новую волю посредством символа *baculus*, который он возложил на главный алтарь церкви (in ecclesia super altare Domini per baculum illic impositum confirmavit). Нет сомнений в том, что с помощью этого символа было осуществлено и само восстановление в правах путем акта сейзины (resaisire). Можно думать, что и первоначальная передача мельницы монастырю, от которой позднее Вильгельм отказался, сопровождалась таким же символическим актом.

Владение мельницей входило в систему сеньориальных баналитетов. Не приходится сомневаться в высоком общественном положении главного действующего лица и в этом документе. К тому же из документа мы узнаем, что Вильгельму покровительствовал сам король.

В противоположность вышерассмотренным документам, в разобранном примере сейзина совершается не в отношении более или менее полных владельческих прав, но права на пользование с уплатой ренты. Такое применение акта сейзины можно объяснить тем, что передаваемым имуществом здесь выступала мельница, которая едва ли могла быть полностью отделена от манора, которому она принадлежала. Она входила в систему неотъемлемых от манора баналитетов.

Как нам представляется, отказ от прав на имущество как итог судебного разбирательства отразил и нижеследующий документ, который можно датировать 1182 г. По крайней мере, в нем сказано, что акт передачи прав состоялся в полном собрании королевского суда перед лицом шерифа Оксфордшира Роберта, а также горожан Оксфорда (coram Roberto <…> qui fuit vicecomes de Oxenefordscire <…> in pleno placito domini regis coram villata ejusdem ville…). Суть дела заключалась в следующем.

Некто Роберт, сын Ингуна уступил и «освободил» (concessit et liberavit) в пользу Валерана de Crikelade всю свою землю, которая располагалась в Оксфорде с тем, чтобы Валеран и его наследники держали эту

землю от него и его наследников за плату в размере 10 солидов ежегодно. Эта передача земли в аренду была совершена за плату со стороны Валерана в размере 18 марок серебра. Мы не знаем сути спора между Робертом и Валераном, но, как видно, оба пошли на уступки, причем Роберт не упустил своей выгоды. Возможно, он претендовал на полное владение спорной землей. Об этой земле сказано, что она находилась между домом Эасвина, друга Виарда, и домом Фулькона Дагуна (liberavit totam terram suam que est inter domum Easwini socii Wiardi et inter domum que fuit Fulkonis Dagun…).

В условиях города даже небольшой участок земли приносил большой доход самому арендатору, и последнему было важно закрепить свои права. Очевидно, с этим связано применение акта сейзины, сопровождавшегося передачей «палки-символа»: hanc conventionem et saisinam hujus terre fecit per baculum quendam.[36] Отметим только, что составитель документа использовал не привычную для нас глагольную форму *saisire*, а близкое ей по значению существительное «сейзина».

9. Передача прав с помощью двух символов — *baculus* и *cultellus*

В завершение раздела о функции символа *baculus* стоит указать на редкий пример параллельного употребления этого популярного символа вместе с другим, не менее распространенным — «ножом».[37]

Некто Вильгельм Вирфальд передал в качестве благочестивого дара аббатству Витби полкарукаты земли вместе с местом под постройку в местечке Хильдервилла, расположенном в 8 милях к северо-западу от Витби, с согласия сына Вильгельма ради спасения души своей, причем на праве такого же свободного от всех произвольных поборов владения, которое принадлежало ему самому.[38] Как сказано в источнике, Вильгельм сначала наделил этой землей приора Вальтера, совершив обряд сейзины посредством «палки-символа» при множестве свидетелей в селении Хильдервилла, где находилось дарованное имущество (de illa terra prius seisiavi Priorem Walterum per unum baculum in Hilderwelle coram multis testibus). Затем Вильгельм и его сын возложили свой дар, символизируемый ножом, на алтарь церкви Св. Петра в Витби (et post ego et filius meus Willelmus optulimus illam terram per unum cultellum super altare S. Petri in Whiteby).

Несомненно, сейзина посредством «палки-символа» была хотя и необходимым и сама по себе достаточным актом ввода во владение одариваемых лиц, но возложение ножа на алтарь представляло собой более торжественный и значимый акт, которым выражалось особо торжественное пожалование прав новым владельцам со стороны знатного лица. Как известно из параллельных источников, сын дарителя свидетельст-

[36] English Lawsuits… Vol. 2. N 533.

[37] Функции символа «нож» и его возможному прототипу — мечу посвящена отдельная статья: *Касатов А. А.* Меч и нож как символы ввода во владение в Англии XI—XIII вв. // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. Выборгские чтения (1) / Под ред. И. О. Ермаченко, Л. П. Репиной. М., 2005. С. 137—158.

[38] Cartularium abbathiae de Whiteby. Vol. 2. N 426.

вовал грамоты одного из видных северных баронов — Ричарда Брюса. Кроме того, отметим, что владения потомков самого Вильгельма Вирфальда были занесены в так называемую Inquisitio post mortem, т. е. в опись, которая отражала владения держателей короля – баронов.

Подводя некоторый итог вышеизложенному, выразим мнение, что символ «палка» применялся в акте сейзины пусть и не последними людьми в феодальной иерархии, но все же стоящими ниже знати, для которой были характерны символические акты с ножом как символом власти и высокого социального положения.[39] Как мы видели, среди лиц, применявших «палку-символ», выступают жители Лондона и Оксфорда, потомок скандинавских поселенцев, Паган сын Осберна.

Заключение

Как мы постараемся показать в отдельном исследовании, опираясь на работы многочисленных предшественников, применение символа «палка» коренилось в представлении о характерном вооружении рядового германского воина. За сценами сейзины с применением этого

[39] *Касатов А. А.* Меч и нож… С. 144.
[40] См. сн. 2.

символа стоят обряды, уходящие в раннее средневековье с характерным для него дружинным строем. Как мы пытались показать в другой своей работе, сам акт сейзины в свою очередь отразил древнейшую практику приобретения земельных владений в рамках дружинной организации.[40]

Т. Н. ТАЦЕНКО

ПИСЬМА XVI В. ГЕРЦОГОВ ВЮРТЕМБЕРГСКИХ В КОЛЛЕКЦИИ Н. П. ЛИХАЧЕВА

Западноевропейская секция архива
Санкт-Петербургского Института истории РАН

В числе немецких рукописей XVI в., приобретенных Н. П. Лихачевым в конце XIX—начале XX в. в антиквариатах Германии, находится 14 писем герцогов и графов Вюртембергских. Письма охватывают период с 1552 по 1592 г. Приобретенные по случаю, они не составляют единого комплекса, относятся к разным годам и принадлежат разным членам княжеской Вюртембергской семьи. Но даже в такой небольшой и скромной по своему историческому значению группе письменных памятников встречаются отзвуки крупных событий не только вюртембергской, но и общегерманской истории XVI в., взгляд наталкивается на выразительные штрихи реальной, живой жизни той эпохи.

Герцогство Вюртембергское находилось в Швабии — на крайнем юго-западе Германской империи вблизи границ Швейцарской конфедерации на юге и Эльзаса на западе, естественную границу которому составляет Рейн. Наряду с этим представители княжеского дома Вюртемберг обладали несколькими маленькими владениями в Эльзасе и графством Мёмпельгарт на северо-востоке Франш-Конте, поблизости от границ Эльзаса (Mömpelgart, по фр. — Montbéliard).

Герцоги Вюртембергские довольно рано и бесповоротно стали приверженцами лютеранства, соответственно реформировав церковь в своих землях в 30—50-е гг. XVI в. Эта конфессиональная окраска сохраняется по сей день: и ныне в Вюртемберге находится самая крупная лютеранская церковь юга Германии. Интересно, что и в Мёмпельгарте, с 1792 г. перешедшего к Франции, большая часть населения еще в начале XX в. оставалась лютеранской.

В XVI в. Вюртемберг был заметной величиной во внутригерманской политике благодаря своей обширной территории и постоянному политическому курсу. Оставаясь лютеранами, герцоги Вюртембергские старались сохранять лояльность императорам из католического лагеря.

© Т. Н. Таценко, 2007

В основе этой традиции лежали личные человеческие связи: герцог Кристоф (1515—1568) воспитывался при императорском дворе, проведя в общей сложности там 10 лет (1520—1530). Вместе с тем географическое положение, близость к Франции и Швейцарии обусловили определенные политические и хозяйственные интересы Вюртемберга, связанные с этими странами. Герцоги Вюртембергские были вовлечены в ряд военно-политических союзов немецких протестантских князей с французскими гугенотами, участвуя в ряде вооруженных конфликтов в пользу последних и испытывая постоянную угрозу со стороны войск французской католической лиги для своих владений в Эльзасе и графстве Бургундском.

Исследованные письма были деловыми и официальными. В соответствии с этим они написаны профессиональными писцами-секретарями (немецкий язык, неоготический канцелярский курсив), отправители писем — герцоги Вюртембергские — оставили на них лишь собственноручную более или менее пространную подпись, скрепив ее печатью. Среди рассматриваемых писем не удалось найти ни одного опубликованного. Просмотр соответствующих изданий не дал никаких результатов.[1]

По своему содержанию несколько из рассматриваемых писем непосредственно вводят нас в контекст немаловажных военно-политических событий Германии XVI в. Так, в письме 1/421 от 2 декабря 1552 г. герцог Кристоф по просьбе своего адресата Людвига Старшего, графа Оттингенского, уточняет дату недавнего договора между германским императором Карлом V и маркграфом Альбрехтом Бранденбургским: «Поскольку ты также желаешь знать, какая дата стоит в договоре между Его императорским величеством и нашим любезным свойственником маркграфом Альбрехтом Бранденбургским, то мы соизволили посмотреть его (договор), причем выяснилось, что он от 24 дня прошедшего октября, что, памятуя твое письмо, и не применем сообщить тебе с изъявлениями нашей готовности к дальнейшим услугам» («Nach dem du auch (wie das datum Jm vertrag zwischen der Kay: M: und unnserm freuntlich(en) lieben vettern Marggraf Albrechten zue Brandenburg etc. stee) begeren thust, haben wir denselbig(en) besichtigen lassen Unnd befindet sich daraus, das es der vier und zweintzigst tage dess jungstverschinen Monats octobris ist, Welches alles wir dir uf gedacht dein schreÿben freuntlicher maynung nit verfall(en) wollen. Unnd seind dir mit freuntlichenn willen woll gewegenn»).

Речь идет о потрясшем всех в империи одиозном договоре императора Карла V с маркграфом Альбрехтом Алкибиадом Бранденбургским, за разбои, вероломство и аморальность прозванным «извергом». Последним его «подвигом» было опустошение летом 1552 г. Франконии с епископствами Бамбергским и Вюрцбургским. Ожидалось, что Карл V по прибытии в империю объявит жестокую опалу в отношении Альбрехта.

[1] См., например, богатейшую публикацию: Briefwechsel des Herzogs Christoph von Württemberg / Hrsg. von V. Ernst. Stuttgart, 1899—1902. Bd 1—4.

К этому императора обязывал и Пассаусский договор от 15 августа 1552 г. с германскими территориальными государями, предусматривавший, в частности, самые серьезные санкции против нарушителей мира в обессилевшей от внутренних междоусобиц стране. Карл V же, напротив, практически взял под защиту Альбрехта Алкибиада и не только потому, что нуждался в его помощи в войне против Генриха II французского, в первую очередь во взятии Меца. Главное — император хотел сохранения внутренней напряженности в Германии, даже если от междоусобиц при этом жестоко страдали его союзники по католическому лагерю — епископы Бамберга в Вюрцбурга. В такой ситуации, как казалось императору, ему легче будет восстановить контроль над страной и вернуть мятежных протестантских князей в лоно римской церкви. Однако позорный договор с маркграфом Бранденбургским только уничтожил остатки авторитета Карла V.[2]

Неудивительно, что тема этого договора попала на страницы княжеской переписки. Непрочность слова императора задевала за живое всех. Ответом явился оборонительный договор 26 марта 1553 г. в Гейдельберге, предполагавший совместную организацию обороны против любого агрессора. Примечательно, что его подписали князья как католических, так и протестантских земель (Майнц, Трир, Пфальц, Вюртемберг, Бавария, Юлих-Клеве): различие вероисповеданий отступало перед грозными опасностями. Летом следующего, 1553 г., 9 июля, наемное войско «изверга» Альбрехта Алкибиада Бранденбургского было разбито объединенными войсками князей под Зиверсхаузеном неподалеку от Брауншвейга, сам маркграф бежал и был объявлен в имперской опале как преступник.[3]

Особым образом это отразилось в письме 2/421 герцога Кристофа к бургомистру городка Битикхайм в Швабии от 20 сентября 1554 г. В нем герцог напоминает об имперской опале над маркграфом Альбрехтом Бранденбургским, установленной более года назад имперским судом в Шпайере и утвержденной императором. Далее герцог сообщает, что император ввел экстренный налог в 6 имперских округах (4 рейнских курфюрста, Рейнский, Баварский, Швабский, Франконский и Верхнесаксонский округа) для возмещения убытков особо пострадавшим в прошлогодней войне с Альбрехтом Алкибиадом герцогу Брауншвейгскому, епископам Бамбергскому и Вюрцбургскому. В качестве утешения император обещает вычесть сумму этого налога из будущих общеимперских сборов:

Das Ro: Kay: Mt: unsers allergnedigsten herrs und dess Hailigen Ro: Reichs Chamer gericht zu Speyr Marggraff Albrechten zu Brandenburg etc vor Jar und tagen In die ocht erkhendt. Auch Ir Kay: Mt: fur Ir Mt: selb sollich ocht erclerung bestetigt. Und daruff den sechs Reichs kraysen, Nemlich den vier Churfursten am Rein, dem Reinischen, Payerischen, Schwaebischen, Frenckischen und Obern sechssischen. Die Execution sollicher ocht

[2] *Rabe H.* Deutsche Geschichte 1500—1600. Das Jahrhundert der Glaubensspaltung. München, C. H. Beck, 1991. S. 440—444.

[3] *Бецольд Ф.* История Реформации в Германии. СПб., 1900. Т. 2. С. 375—376.

erclerung zum andern mal nachainand(er)n gar ernstlich gepotten und darzu auch zubezalung herzog hainrichs von Bronschweickh etc und boider Bischoff zu Bamberg und Wurzburg etc kriegsvolckhgelts zum hochsten von nären. So hat hochstgedachte Kay: Mt: an obgemelte und sonst an all andre dess Ro: Reichs kraißstend und also auch an uns aller gnedigst begert den Frenckischen ainigungs verwanten stend(en), so In vergangnen kriegs emporung(en) grossten schaden erliten, Ain hilff mit gelt zuthun. Doch mit der gnedigsten vertrostung, das Ir Mt: sollichs In kunfftigen gemainen Reichs anlagen aller gnedigst widerumb erstatten oder ains yed(en) stands angepur abziehen lassen wollenn.

Интересную иллюстрацию к событиям общегерманского значения дает и письмо 9/421 герцога Людвига Вюртембергского от 29 января 1588 г. к Вильгельму, пфальцграфу Рейнскому, герцогу Баварскому. Людвиг сообщает о получении «польских новостей (Pollnische Zeyttungen)», доверительную информацию с которыми и пересылает адресату. Далее Людвиг сообщает свое «всеподданнейшее родственное соболезнование (trewlich vetterlich Mitleiden)» в отношении эрцгерцога Максимилиана — католические герцоги Баварские были в тесном родстве с Габсбургами — и отмечает, что главы конфликта с обеих сторон будут милостивы и благоразумны во избежание пролития крови с обеих сторон («…das ettliche hohe Haupter dieser sachen sich güttlich unnd erfiengen, Damit beederseiz verrer Bluett vergiessen verhüttet wurde etc.»). Речь идет о борьбе Габсбургов за польский престол в 1587 г., на который они выдвинули эрцгерцога Максимилиана. В ожесточенных столкновениях, в том числе и вооруженных, победил, однако, сын шведского короля Сигизмунд Ваза, католик, в жилах которого текла и кровь польских Ягеллонов. В этом конфликте, между прочим, участвовала и Россия, сталкивавшаяся в своих интересах в Прибалтике со шведами. Что касается самого эрцгерцога Максимилиана, то его сторонники были разбиты в самом начале 1588 г., а сам он попал в плен к полякам. Это и подразумевается в нашем письме. Впрочем, Максимилиан вскоре был выкуплен Габсбургским двором.[4]

Интересные события отражаются и в письме 15/421 Фридриха, графа Вюртемберг-Мёмпельгарт, от 1 сентября 1588 г. к некому князю, судя по обращению: адрес вместе с половиной текста письма утрачен. Фридрих пишет, что в старых хрониках своего графства он нашел рассказ о таком же грабительском и опустошающем нападении лотарингцев на Мёмпельгарт в 1440 г. «Из этого мы можем заключить, — пишет автор письма, — что лотарингцы не впервой явили свою враждебность. Это является вполне достаточной и справедливой причиной для того, чтобы просто так не спустить им этого, но отплатить соответственно, чтобы они не превратили такие ужасные и противоправные дела в обычай» («Dieser tagen haben wir neben Annderm Jnn unnserer Registratur sovil berichtz gefunden, Wie das Jnn A(nno) 1440 durch den Lottringer fast ein gleichmessiger feindtlicher einfall mit Rauben Verhergen unnd Annderm Jnn

[4] *Rabe H.* Deutsche Geschichte 1500—1600… S. 600—601.

unnsere Graffschafft Mümppelgart beschehen, Alss E(uer) L(iebden) uss beigelegter Altten Missiven zuvernehmen. Welches wir E(uer) L(iebden) allein der meynung verstendigen wellen damit sie wüssens haben möge, das diss nicht das erste Mahl, das Lottringen sich dergestalt feindtlich erzeygt unnd man genugsame unnd billiche vrsachen habe, die sach nicht ersitzen zulassen, Sonder dermaln eins sich wider zurachen, Sonsten dörffen sie eines bösen unnd PraJudicwlich(en) habitum Daraus mach(en)»).

Фридрих Вюртембергский в своем письме имеет в виду нападение на его графство Мёмпельгарт на северо-востоке Франш-Конте в начале 1588 г. отрядов французской католической лиги под предводительством герцогов Гизов.[5] Протестантские князья запада Германии были очень сильно вовлечены в конфликты религиозных войн во Франции, поддерживая гугенотов с оружием в руках. Неудивительно, что и Гизы не пощадили пограничное лютеранское графство одного из своих врагов. Тон письма, как видно, служит укреплению образа врага с помощью исторической аргументации.

В ряде рассмотренных писем находят свое отражение случаи правового регулирования имущественных отношений. Так, в письме 12/421 Фридриха, графа Вюртемберг-Мёмпельгарт, от 28 апреля 1585 г. к старшине, бургомистру и советникам швейцарского города Берна содержится ходатайство за графиню Изабеллу Шаллант (Fraw Ysabella Grevin zu Schallant), которая желает выкупить небольшое графство Валангин/Валанжэн (Valangin) на французско-швейцарской границе, некогда заложенное ее отцом городу Берну («…widerlösung der Graveschafft Valangin mit unnserm beistannd unnd hilff auch uffbringung der Somma geltt darumb Weilundt Jhr Herr unnd Vatter Rheinhardt Grave von Schalant sehliger sie bej Euch versetzt verholffen zu sein»).

Граф Фридрих сообщает, что графство Мёмпельгарт действует здесь в силу определенных традиций как гарант прав своего соседа и обладает сохранными документами, которые доказывают правомочность выкупа («…von unns nun uß Allerhanndt uffgelegter briefflicher gewarsam in originali unnsers behaltz für genugsam erschienen, Das sie billich wider zu dem Jhren gelassen werden soll. Auch Jnn ansehung die Von Valangin bej unnserm Altt Fürst unnd loblichen Hauß Mümppelgartt Je unnd Allwegen Jnn bestem angesehen unnd sonnsten wollverdienst gewesen»).

В этом ряду документов стоят и поручения герцогов своим служащим или просьбы родственников об улаживании долговых дел (1/420; 7/421).

Все герцоги и графы Вюртембергские — авторы рассматриваемых писем были людьми набожными: Георг (1/420, 5/421) сочинял духовные стихи, Кристоф (1/421, 2/421, 6/421, 7/421) и его сын Людвиг (7/420, 8/421, 9/421) еще при жизни получили прозвище «благочестивый». Как государям, реформировавшим свои владения, им приходилось много заниматься вопросами устройства и законодательства складывавшейся лютеранской церкви, вникать во многие вопросы, до которых князьям

[5] Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1878. Bd 8. S. 45.

прежде не было дел. Один из таких примеров дает письмо 10/421 герцога Людвига от 6 ноября 1581 г. церковным советникам Штутгарта. Герцог просит их опробовать и оценить вместе с капельмейстером присланное ему новое песнопение, «ибо сам он такого никогда не слышал и не может судить» («Unnd aber wir (weyl wir solliche noch nie gehördt) nit wüssen khönnen, was Ime dargegen zuvuerehrenn sein möchte»). Этот эпизод очень характерен для эпохи Реформации. Постепенно складывался новый тип богослужения, где песнопения приобрели более важную роль, нежели прежде. Разумеется, писались и новые произведения, стихи и музыка. Эта шедшая исподволь напряженная работа не могла обойтись без территориального государя, принявшего роль «summus episcopus».

С точки зрения истории церкви, развития лютеранской теологии интересным, может быть, покажется и письмо 7/420 герцога Людвига от 6 апреля 1573 г. к советникам г. Веймара, содержащее соболезнование по поводу смерти Иоганна Вильгельма, герцога Саксонского (ум. 2 апреля 1573 г.). Герцог Людвиг, известный как сочинитель духовных текстов, дает здесь образчик лютеранской проповеди.

Значительная же часть наших писем отражает просто каждодневную жизнь германского княжеского двора в XVI в. с ее характерными частными, чисто человеческими мелочами: родственному князю сообщается о переносе свадьбы дочери (не было под рукой календаря и поставили не на тот день), чтобы он соответственно менял дату своего путешествия (6/421). Другому родственнику рекомендуется молодой трубач (Trommetter), надо думать, не для службы в придворном оркестре, а скорее в боевом отряде князя (14/421), сообщается о назначении встречи (1/421). Особой любовью князей и любимейшим времяпрепровождением была охота. Даже в нашей сравнительно небольшой группе писем два посвящены охоте. В письме 5/421 от 15 мая 1556 г. Георг, граф Вюртемберг-Мёмпельгарт, пишет о болезни своей гончей собаки (leithundt) и, чтобы не сорвалась оленья охота, в изысканных выражениях просит соседнего правителя подобрать подходящего пса, а для верности посылает еще к соседу своего егеря («…ein gutten angeenden leithundt so von gutter art und zu gebrauchen sein möcht mitteilen. Bei zeigen diß unnsern derwegen zugeschickt Jagermeister…»). В письме 11/421 от 4 октября 1589 г. герцог Людвиг благодарит Готфрида, графа Оттингенского, за присланную серую венгерскую лошадь («das grawe Ungarische Pferdt»).

Исследованные письма не принадлежат по своей исторической важности к источникам первого ряда. Однако и в них, как в маленьких случайных осколках прошлого, нашли отражение большие и маленькие события, мелкие реальные черточки давно ушедшей эпохи.

В текст введена современная пунктуация, но при этом сохранена архаичная орфография XVI в. Употребление прописных и строчных букв соответствует оригиналу.

1. 1/420. 25.11.1557. Harburg

Письмо Георга, графа Вюртембергского и Мёмпельгарт, 1498—1558 («Georg Grave zu Würtemberg unnd zu Mümppelgart etc.») к Фридриху фон дер Танн и Конраду Цоллерн фон Шпеквинкель обоим и каждому в отдельности («Unnsern lieben Besonndern Friderich von der Tann unnd Conradt Zollern von Speckgwinckel sampt unnd sonders»).
Содержание: Напоминает адресатам письма о своем поручении оказать содействие своему зятю («Herrn Vettern vattern unnd Schwähern»), данном в присутствии собственной жены (Барбары, графини Вюртембергской и Мёмпельгарт, урожденной ландграфини Гессенской). Далее граф пишет о том, что служащие и подданные владения Райхенведлер настоятельно требуют от зятя некого документального обязательства (Reverß). Граф просит адресатов содействовать в получении требуемого документа от зятя.

Georg Grave zu Würtemberg
Unnd zu Mümppelgart etc.

Unnsern grus Zuvor. Liebe besonndere. Eüch würdt one Zweivel on vergessen sein, Was wir Jnn gegenwertickeit unnserer freünndtlichen geliepten gemahelin Jrer L(ieb)den halber euch angezeigt unnd gnediglichen an eüch gesinnen lassen. Sollichs Jrer L(ieb)den herrn Vettern auch unnsern freunndtlichen lieben Herrn Vettern vattern unnd Schwähern mit bescheidenheit fürzubrinngen Sein wir der gnedigen zuversicht zu euch, Jr werden dasselbig eüwerem erbietten nach nun meer verrichtet unnd von S(einer) L(iebden) ein willfärige antwurt empfanngen haben.

So sein wir von unnsern Lieben getreüwen Amptleuthen unnd unnderthanen der Herrschafft Reichenwedler des ausstenndigen Reverß halber, so gemelter unnser freünndtlicher lieber Herr Schwäher Jnen noch Zugebenn hatt, Unndertheniglichen angemant worden. Versehen unns gnediglichen zu eüch, Jr werden Jnen sollichem eüwerem versprechen nach mitt dem fürderlichesten verfertiget zukummen lassen Unnd unns das Jenig darumb wir wie oberzelt mitt euch und gehaltenn durch eüweren schrifftlichen bericht neben überschickunng solchen reverß verstenndigen. Seind wir gnediglichen zuerkennen geneigt. Datum Harburg den 25. Novembris Anno 1557. «G(eorg) G(rave) Zu Württe(m)berg etc.»

Немецкий язык, неоготический канцелярский курсив с размашистыми петлями выносных и инициалов, «бисерными» строчными буквами. Адрес на л. 2 об. выписан более крупным канцелярским письмом. Темно-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 33 × 21 см. Печать отправителя под бумагой и его собственноручная подпись: «G(eorg) G(rave) zu Württe(m)berg etc.».
Подлинник.
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

2. 7/420. 6.04.1573. Stuttgart

Письмо Людвига, герцога Вюртембергского, 1554—1593 («Ludwig Herzog zue Württemberg etc.») к штатгальтерам и советникам Веймара («Den Edlen unnd Hochgelerten Unsern lieben Besonndern. N. Sächssischen verordneten Stathalter unnd Räthen zue Weinmar»).
Содержание: Письмо содержит соболезнование по случаю смерти родственника, герцога Иоганна Вильгельма Саксонского (11.03.1530—2.03.1573), написанное в высоком патетическом стиле. Специально выражается горячее сочувствие вдове покойного Доротее Сюзанне, герцогине Саксонской, и двум малолетним сыновьям Фридриху Вильгельму, 11 лет, и Иоганну, 2 лет, а также земским сословиям.

Von Gottes gnaden Ludwig
Herzog zue Württemberg etc.

Unnsern günstigen grus zuvor. Edle unnd Hochgelerte liebe Besonndere. Wir haben Ewer schreiben de Dato den 2 tag des nechstverganngen monats Martij an gestern zue unnsern hannden wol empfangen. Unnd daraus den tödtlichen abgang weilundt des Hochgebornnen fursten unnsers freundtlichen lieben Oheims unnd schwagers herzog Hanns Wilhelmen Zue Sachssen etc Gottseliger milter gedechtnus mitt betrüebtem gemüet. Aber herwider sonnders gern vernommen, Das S(eine) L(iebden) Dermassen nach langwiriger erdulter schwacheit auß disem Jamer thal seliglich verstorben ist. Gott der herr, welle S(eine) L(iebden) an dem grossen tag wie unns dann mitt Zweifelt Seittenmahl S(eine) L(iebden) Jn Zeit deren lebens so Gottseliglich Regiert unnd gelebtt auch Christenlich abgeschieden ist mitt allen anndern außerwälten ein frewdenreiche Verstenndt gnediglich Unnd vätterlich mitthailen. Unnd ob wol wir alle Sterblich So tragen wir dannacht mitt S(einer) L(iebden) hinderlassen gemählin etc auch Jungen herrschafft unnd dero loblichen Landschafft ein Christenlichs unnd freundtlichs auch gnedigs mittleiden, weil unnd aber solches Gottes will unnd verordnung ist, So soll man auch dasselbig seiner Almacht bevelhen unnd hinabgeben, der welle auch zue dessen Glorj unnd Eer ermelte von Sachssen wittib beneben der Jungen Herrschafft, bej langem leben unnd guttem fridlichen Regiment frissten unnd erhalten, Wo auch wir Jren L(iebden) oder dero Lanndt unnd leuthen freundtlichen gebüerlichen unnd schwägerlichen dienst auch euch günstigen unnd gnedig(en) willen erzaigen unnd beweisen könnden, wellen wir darzue freundtwillig unnd mitt gnaden genaigt erfunden werden . Wolten wir euch hinwider zue günstiger auch gnediger anntwort nitt bergen. Datum Stuettgardten den 6. Apprillis Anno 1573.

«L(udwig) H(erzog) Z(u)Württemberg etc.
M(anu) p(ro)pria s(ubscrip)si».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив четкого размеренного стиля, начальный титул отправителя и адрес на л. 2 об. выписаны более крупным канцелярским письмом. Светло-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 32×22,5см. Печать под бумагой утрачена, остались лишь следы красного воска на бумаге.
Собственноручная подпись герцога: «L(udwig) H(erzog) Z(u) Württemberg etc M(anu) p(ro)pria s(ubscrip)si».
Подлинник.
Дорсальные надписи: л. 1 — внизу карандашные пометы почерком XIX в.: «Württemberg Ludwig III der Fromme B.S.». N 4122.
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в антиквариате «List und Francke», о чем свидетельствует его собственноручная помета на папке документа: «List und Francke cat. 302, N 1676».

3. 1/421. 2.12.1552. Pfullingen

Письмо Кристофа, герцога Вюртембергского, 1515—1568 («Christoff Herzog zu Würtemberg») к Людвигу Старшему, графу Оттингенскому («Dem Wolgebornen unnserm lieben oheim unnd besonndern Ludwigen dem Eltern Graven»).

Содержание: Сообщает о получении письма адресата от 30.11 с извещением о намерении посетить герцога Кристофа Вюртембергского. В связи с этим последний сообщает, что в настоящий момент собирается уехать и вернется в Тюбинген примерно через восемь дней. Далее он поручает Людвигу Оттингенскому обратиться к докторам права, советникам Каспару Воланден (Caspar Vollanden) и Никлаусу Варенбилеру (Niclaus Varenbilern), чтобы подготовить письмо к императору. Также адресат сообщает о подписании примирительного договора между императором и маркграфом Альбрехтом Бранденбургским (1522—1557) 24 октября 1552 г.

Vonn Gottes gnaden Christoff
Herzog zu Würtemberg etc.

Unnserm freuntlichen gruß zuvor. Wolgeborner lieber oheim unnd besonder. Wir haben dein schreybenn deß datum ist den letsten, verschines Monats Novembris empfangen und seins Jnnhallts verlesenn. Unnd nach dem du Jnn einem eingelegten zedell anfangs melldest, das Du Dich so es gerhaten sein wöllt, zu unns verfüegen, unnd Jnn diser sachen unnsers Rhats pflegen wölltest etc. Darauff füegen wir Dir freindlicher maynung Zuvernemen, Das wir Jetzmalls unnd noch der zeyt uff dem waidwerck umbtziehenn. Aber ungevarlich Jnnerhalb acht tagen gedenncken wir (durch Göttliche verleyhung) widerumb ghen Tubingen zuverrückenn. Alls dann magstu Deiner gelegenhayt nach Dich zu unns verfüegen. Wollen wir dir unnsers verstanndtz, allen freuntlichen unnd getrewen Rhat mittaylen. Es were auch gut, das du bey Doctor Caspar Vollanden und doctor Niclaus Varenbilern umb verfertigung der schrifften ann die Röm: Kay: M: etc. unnsern allergnedigsten Hernn anngehallten hettest dann unns vonn Jnen nach der Zeyt nichtz zukom(m)en, Nach dem du auch (wie das datum Jm vertrag zwischen der Kay: M: und unnserm freuntlich(en) lieben vettern Marggraf Albrechten zue Brandenburg etc. stee) begeren thust, haben wir denselbig(en) besichtigen lassen Unnd befindet sich daraus, das es der vier und zweintzigst tage dess jungstverschinen Monats octobris ist , Welches alles wir dir uf gedacht dein schreÿben freuntlicher maynung nit verfall(en) wollen. Unnd seind dir mit freuntlichenn willen woll gewegenn. Datum pfulling den. 2. decembris A(nno) 1552. «Cristoff herzog zw Würtemberg etc.»

Немецкий язык. Неоготический подвижный канцелярский курсив, обильные росчерки, размашистые петли. Светло-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 32×21,3 см. Печать под бумагой.
Собственноручная подпись герцога.
Подлинник.
Дорсальные надписи на л. 2 об. почерком, одновременным почерку письма:
«Herzog Christopf zu Würtenberg An G(rafen) Ludwig zu O.p. den Eltern 1. nach Jnnerhalb 8. Tag(en) gehn Tübing(en) zu Erscheinen. 2. bei Dr. Caspar Vollanden und d. Niclaus Varenbülern umb verferttigung d(er) schrifft an die Röm: Kay: Mt: anzuhalten. 3. Bericht, daß d(er) Vertrag zwischen Kaÿ: Mt: und Marggraf Albr. den 24. Octob. A(nn)o 1552 zue seiner versöhnung ufgericht. Decem. A(nno) 1552».
Карандашные пометы почерком XIX в. на л. 1 об.: «1008; vorhanden; 1552; Würtemberg; Christophle».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в 1913 г. в Берлине в антиквариате K. E. Heinrici, о чем свидетельствует собственноручная пометка Н. П. Лихачева на папке документа: «Heinrici A XVIII, 1913».

4. 2/421. 20.09.1554. Stuttgart

Письмо Кристофа, герцога Вюртембергского, 1515—1568 («Christoff Herzog zu Würtemperg») к фогту и бургомистру Битикхайма («Unnsern Vogt Burgenmaistern und Gericht zu Bietickhaim und lieben getreuenn»).
Содержание: Пишет, что в войне с маркграфом Альбрехтом Бранденбургским (1522—1557) немногим более года назад, за которую последний подвергся имперской опале, франконские сословия, епископы Бамбергский и Вюрцбургский, а также герцог Генрих Брауншвейгский понесли наибольшие потери. Поэтому император призвал к помощи все имперские сословия. Далее герцог Кристоф, который был имперским управляющим Швабского округа, пишет, что и его округу следует обложить податью всякое сословие и внести свой взнос в течение полутора месяцев в имперский суд в Шпейер на общую сумму 10 968 гульденов, каковой приказ и направляется, в частности, администрации Битикхайма.

Vonn Gotts gnad(en) Christoff
Herzog zu Wurtemperg etc

Unnsern gruß zuvor. Lieben getrewen. Wir geben Euch gnediger maynung zuerkhennen, Das Ro: Kay: Mt: unsers allergnedigsten herrs und dess Hailigen Ro: Reichs Chamer gericht zu Speyr Marggraff Albrechten zu Brandenburg etc vor Jar und tagen In die ocht erkhendt. Auch Ir Kay: Mt: fur Ir Mt: selb sollich ocht erclerung bestetigt. Und daruff den sechs Reichs kraysen, Nemlich den vier Churfursten am Rein, dem Reinischen, Payerischen, Schwaebischen, Frenckischen und Obern sechssischen. Die Execution sollicher ocht erclerung zum andern mal nachainand(er)n gar ernstlich gepotten und darzu auch zubezalung herzog hainrichs von Bronschweickh etc und boider Bischoff zu Bamberg und Wurzburg etc kriegsvolckhgelts zum hochsten von nären. So hat hochstgedachte Kay: Mt: an obgemelte und sonst an all andre dess Ro: Reichs kraißstend und also auch an uns aller gnedigst begert den Frenckischen ainigungs verwanten stend(en), so In vergangnen kriegs emporung(en) grossten schaden erliten, Ain hilff mit gelt zuthun. Doch mit der gnedigsten vertrostung, das Ir Mt: sollichs In kunfftigen gemainen Reichs anlagen aller gnedigst widerumb erstatten oder ains yed(en) stands angepur abziehen lassen wollenn. Daruff die Churfursten und andre kraißstend, Sonderlich auch der Schwäbisch, auch ellig bewilligt, Das ain yeder Stand ain ainfachen Rom Zug Und daran das halbthail Im ersten Monat (welcher sich uff den XXVIII tag yetzigs Monat endet) und den andern halbtail gleich Im and(er)n Monat hernach erlegen soll. Dieweil Nun sollichs ain gemaine ordenliche Reichsanlag dar Inn gar Niemands verschont wurt Und darzu allain ain sollich gelt ist, Welches In kunfftigen gemainen Reichs anlag widerumb soll erstattet oder abgezogen werden. Und herwiderumb wer das uff abbestimpte zway kurtze Zit nicht erlegt Das wir Auch unsere prellaten deßgleichen getrewe Landschafft und also auch Ir gegen Hechstgedachter Kay: Mt: ainer grossen schweren Ungnad und ochterclerung. Auch darnebenn ains gewaltigen überfals und herzugs In unser Furstentumb, Sonderlich aber vonn Herzog Hainrichen von Bronschweick etc (so diser zeit mit ain Namhafften kriegsvolckh zu Ruß und fuss verfast ist). In bedenckung, das die mandierten kraiß die acht ercklerung nit volnzogen Auch sonst allerhandt hochbeschwerlicher weiterung gewißlich gewertig sein müssen, So haben wir uns hier Innen mit nichtenn Und khains wegs absundern oder sollichs abschlahkhunden, Und gepurt also an sollichem

ainfachen Römer Zug unsern Prellathen und gemainer Land Schafft In gemain Zehen Tusent Neven hundert Sechtzig und acht guldin Und Euch In statt und Ampt daran zuerlegen, Wie Ir auß beiligenden Zedel vernemen werden. Und ist dem allem noch Auch in betrachtung abgehorter Eehaffter tringender Ursachen Unser gnediger bevelch. Das Ir unverzug gedacht Ewer angepur In stat Und Ampt einpringen Und uff die bestimpten Zway Zit allhieher den verordneter schickhung, Damit sollich gelt alßbald gen Speir erlegt Und also allerlay gefar auch Nachtail verhiet werden mög. Verlassen wir uns gnediglich und ernstlich. Dat(um) Stutgarten den XX. Septemb(er) An(n)o 1554. «Cristoff herzog zw Wirtemberg etc.».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив «жирной» выписки с размашистыми массивными петлями, гибкими линиями. Коричневые чернила.
Бумага 2 л. 31×20,5 см. Остатки красного воска, свидетельствующие о наличии прежде печати под бумагой.
Собственноручная подпись отправителя: «Cristoff herzog zw Wirtemburg etc.».
Подлинник.
Дорсальная надпись на л. 2 об.: «87 fl bezalaggbetreff(end) uff den 24. septe(m)b: A(nno) (15)54»; л. 1. Внизу на лицевой стороне почерком XIX в. готическим курсивом написано (черные чернила): «Herz. Christoph geb. d(en) 12 Mai 1515. Folgte seinem Vater, dem Herzog Ulrich 1550. Starb d(en) 28. Dez. 1568». «1554» «Schreiben von 1554».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым 9—11.12.1912 в Германии в антикварной фирме «Leo Liepmannsohn», Аукц. 40. Nering, о чем свидетельствует собственноручная надпись Н. П. Лихачева на папке.

5. 5/421. 15.05.1556. Blomont

Письмо Георга, графа Вюртембергского и Мёмпельгартен, 1498—1558 («Georg Grave zu Wurtemberg und zu Mumppelgartt(en)») к Людвигу Старшему, графу Оттингенскому («Dem Wolgebornen unserm Lieben Oheim Ludwigen dem Eltern Graven zu Öttingen»).
Содержание: Сообщает, что накануне охоты на оленя заболела одна из легавых собак, просит родственника оказать услугу и прислать легавого пса («leithundt»)

Unnser freundtschafft zuvor. Wolgeborner Lieber Oheim. Nach dem wir zu vorsteender Hirschfeiste mitt einem leithundt ubel verseh(en) Unnd Inn manngel steen, aber dannocht an solcher kurtzweil nit gern verhinndert werd(en) wolten, so ist unser gantz freundtlichs ansinnen und bitt an euch, Ir wolt wa muglich und Ir denselben nit hettet aber bei euwern gutten herren unnd freunden bekommen mögt uns von altter kundtschafft wegen ein gutten angeenden leithundt so von gutter art und zu gebrauchen sein möcht mittheilen. Bei zeigen diß unnsern derwegen zugeschickt Jagermeister zu kummen und als einen altten son vatterliche treuw erzeigen und daran nitt lassen möcht(en) seer wol leiden, wa die gelegenhait das geben möcht, Ir einmal bei uns kummen unnd unnser Haushalttung auch besichtigen könnt(en). Dann warum wir euch als unnsern alttenvatt(erlichen) freundtschafft und gutten willen zu erzeig(en) wüsten, sollt ir uns jederzeit willig finden. Datum Blomont den xvj May A(nno) (15)Lvj.

«Georg Grave zu Wurtemberg
und zu Mumppelgartt(en)»

Собственноручная приписка:

G(eorg) G(raf) Zu Württe(m)berg etc.

Lieber alte pater. So Eß Euch gelücklich und mitt gutter gesuntheit wol zustiende hort ich Götz Gevn. Hab Lang Zeit nicht von Euch vernom(m)e(n), ds macht aber wan die herrn wider in grossten standt kom(m)en, so acht man der kleine frundt un(d) son nicht nicht döster weniger so ich noch dienstlich könt sein zu ein Erlich Küpler wie ich Ein mal mit Euch gerödt hab, so erbitt mich diß willige wir Grosse Zeit daß Jr ein mal auch frömer würd(en) Den Grobe Rüst schwaben und Gevuter Eidtgnaß dem Lutz Euverm son meiner Gevatter un(d) guterin wolt vo(n)minett wage vil güter zeit un(d) alles gutz anzeig(en)

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив с жирными строчными буквами и короткими выносными, инициалы исполнены росчерками. Адрес выписан более крупным канцелярским письмом. Коричневые чернила.
Бумага 2 л. 33,5×21 см. Печать под бумагой.
Собственноручная подпись и приписка отправителя.
Подлинник.
Дорсальные надписи на л. 2 об. Почерком, одновременным почерку письма: 1. «Graf Jorg Württemberg schreibt umb ain laithund; (empfangen) unter den 24 May ann Altthaim A(nno) (15)56»; 2. «Ain seer guediger anmutiger brief».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в антиквариате «List und Francke» согласно записи на папке собирателя: «L. u. Fr. Verst. 6—8 Nov. 1911».

6. 6/421. 24.12.1565. Stuttgart

Письмо Кристофа, герцога Вюртембергского, 1515—1568, («Von Gottes gnaden Christoff Herzog zu Wirttemberg unnd zu Teck Grave zu Mümpelgart(en) etc.») к родственнику, Георгу Фридриху, маркграфу Бранденбургскому, 1539—1603, («Dem hochgebornnen fursten Unserm freundlichen lieben Oheimen Schwagern und gevattern Hern Georg Friderich(en) Marggraven zu Brandenburg zu Stetin pomern der Cassuben unnd wenden auch in Schlesien zu Jagerndorff unnd etc Herzogen Burggraven zu Nurmberg unnd Fursten zu Ruegen»).
Содержание: Сообщает, что день свадьбы его дочери Сабины с ландграфом Гессенским Вильгельмом падает на воскресенье 10 февраля, что не было замечено в отсутствие календаря. По согласованию с отцом жениха, Филиппом, ландграфом Гессенским, свадьба переносится на следующий день — понедельник 11 февраля. Герцог просит маркграфа учесть это при планировании своей поездки на свадьбу.

Unser freundlich dienst unnd was wir liebs unnd Gutz vermögen allezeit zuvor. Hochgebornner Furst, freundlicher lieber Oheim, Schwager unnd Gevatter. Wir geben Euer Liebden freundlich zu erkhennen, Wiewol unser Tochter hochzeitlicher Eeren tag mit Lanndgraff Wilhelmen etc uff den 10. tag Februarij des kunfftigen 66 t(en) Jars in der Heirats beredung angesetzt unnd bestimbt. So ist doch Inn demselbigen was geirt worden, nachdem wir selbiger zeit khein neuwen Calender uff dass vorstehenndt 66. Jar bekhommen moegen, das d(er) zehendt tag Februarij uff ein Sontag gefallen soll. Dieweil dann der gebrauch das vor dem zusamen geben dj verzicht beschehen wie auch solches die heurats nottell mit sich bringt, haben wir unserm vettern unnd gegen Schwehern Landgraff Philipissen darumben geschriben, Hatt S(ein) L(iebden) Daruff Jr gefallen lassen, das solcher Eeren Heurats tag uff den volgennden Montag den 11. bemeltz monats erstreckht werde. Welches wir E(uer) L(iebden) Darumben freundlich vermelden

wellen, damit E(uer) L(iebden) Deren Rais darnach anzuschickhen wissen, wolten wir E(uer) L(iebden) freundlicher wolmeinung nit bergen unnd seind daneben derselben zu dienen mit freundtlichem willen wolgewegen. Datum Stutgardt den 24. Decembris Anno 1565.

Von Gottes gnaden Christoff Herzog zu Wirttem//
berg unnd zu Teck / Grave zu Mümpelgart(en)
«Cristoff herzog zu Wirtemberg. etc.».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив: тонкие сухие заостренные штрихи строчных и вертикалей с наклоном вправо, длинные выносные. Инициалы составлены из легких витиеватых росчерков. Адрес выписан крупным канцелярским письмом. Темно-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 32×22 см. Печать под бумагой.
Собственноручная подпись отправителя: «Cristoff herzog zu Wirtemberg. etc.».
Подлинник.
Дорсальная надпись на с. 2 об. почерком, одновременным почерку письма: 1.«(em)pfang(en) 6 Januarij 1566»; 2. «Hertzogk zw Wirtembergk zaigt...seiner … Tochter, frawlain Ssabinn hochzait uff den 11. februarij erstregkt worden».
Приложен гравировальный портрет отправителя — бумага 6×4,7 см.
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

7. 7/421. 21.07.1567. Stuttgart

Письмо Кристофа, герцога Вюртембергского и Тэк, графа Мёмпельгарт («Von Gottes gnaden Christoff herzog zu Wurtemberg und zu Teckh Grave zu Mumpelgart etc.») к Георгу Фридриху, маркграфу Бранденбургскому, 1539—1603 («Dem Hochgebornen Fürsten unserm freundtlichenn Lieben Oheim Schwager und Gevattern Herrn Georg Friderich Marggraven zu Brandenburg zue Stetin Pom(m)ern der Cassuben und Wenden auch In Schlesien Zu Jägerndorff und etc. Herzogen Burggrafen zu Nurmberg und Fursten zu Rugen»).
Содержание: Пишет о том, что готов приехать в назначенный день в Ансбах («Onolzpach») для переговоров по делу опеки над Лойтенбергским владением.

Unnser freundtlich dienst, auch was wir liebs unnd guts vermögen allzeit zuvor. Hochgeborner Fürst freundtlicher lieber Oheim Schwager und Gevatter. Wir haben E(uer) L(iebden) zwaj unnderschidliche schreiben bede de datis den 15. diß noch werenden Monats an gesstern zue unsern hannden wol empfangen.
Sovil nun die Leuthenbergisch anvorderung belangt, dieweil E(uer) L(iebden) uns nochmalen zu einem underhendler leiden mögen, So wöllen wir so bald wir verstendigt unnd bericht werden, das die Juny Leüthenbergisch herschafft vervormunder worden ist, begerter massten tag gehn Onolzpach furnem(m)en und denselben bederseitz bej Zeiten Zuschreiben, die Iren zu solcher guetlichen underhandlung wissen zuverordnen.
Am andern, So ist unns dessbewüssten berichtz halben, den wir E(uer) L(iebden) underm dato den 4.t(en) huius In vertrawen zugesandt Haben, untz heer weitter nichtz einkom(m)en, was unns aber derwegen weitter anlangen wurden, das soll E(uer) L(iebden) unser habenden Correspondentz nach auch unverhalten bleiben.

Was unns aber sonsten für allerhandt Zeittung angelangt hat, davon lassen wir E(uer) L(iebden) zu continuierung angeregter correspondenz hieneben Abschrifften freuntlich zukom(m)en.
Und wollten solches E(uer) L(iebden) hinwider zu einem recepisse freuntlicher wolmeinung nit bergen Unnd derselben zudienen seien wir Jeder Zeit gutwillig. Datum Stutgarten den XXI t(en) Julij Anno (15)LXVIJ
Von Gottes gnaden Christoff herzog zu Wurtemberg und zu Teckh Grave zu Mumpelgart etc.

«Cristoff herzog zw Wurtemberg etc.».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив с размашистыми выносными. Темно-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 32,5×22,5 см. Печать под бумагой вырезана (остатки красного воска).
Собственноручная подпись отправителя: «Cristoff herzog zw Wurtemberg etc.».
Подлинник.
Дорсальные надписи на л. 2 об. почерком, одновременным почерку письма: 1. «(empfangen) den 23: Julij Anno 1567»; 2. «dess Herzog(en) Christoff zu Wirtembergs recepisse, sambt uberschickung etzlicher Newen Zeittung»; 3. «Zum Ber(icht) Unterhandlung in des Landtgraven zu Wurthenbergk schuldtssach».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в антиквариате «List und Franke», Berlin, о чем свидетельствует запись собирателя на папке с указанием: «cat. 302, N 1634».

8. 8/421. 25.02.1575. Stuttgart

Письмо Людвига, герцога Вюртембергского и Тэк, графа Мёмпельгарт, 1554—1593 («Von Gottes gnaden Ludwig herzog zu Würtemberg unnd zu Teckh, Grave zu Mümpelgardt(en) etc.») к неизвестному лицу (лист с адресом утрачен), предположительно, лицу княжеского достоинства.
Содержание: Речь идет о правовом документе (Instruction), характер которого предлагается обновить, к чему герцог Людвиг относится очень осторожно, упоминая о незыблемости установлений его отца, герцога Кристофа Вюртембергского, и о том, что изменения (обновления) должны учитывать традиции каждой земли / княжества.

Unnser frundtlich dienst und was wir liebs unnd guets vermögen zuvor. Erwürdiger besonder lieber herr und frundt. E(uer) L(iebden) schreiben umb mittaillung unnser Urwerungs Instruction haben wir empfang(en) unnd seins Innhallts vernom(m)en. Unnd ist gleichwol nit ohn, das vor Jarn der Hochgeborn fürst herr Christoff herzog zu Würtemberg etc unnser gnediger lieber herr und Vatter millter und Christseliger gedechtnus ein begriff einer Instruction fassen unnd Inschrifften bringen lassen. Solche aber ist nach unnsers Fürstennthumbs lannds art, hin und wider nach gelegennhait dessen zu mindern und zu mehrn gestellt. Auch allerlay Eehafftin unnd sonndere zugehördt gedachts Unnsers Fürsenthumbs, die sich vil leücht gegen anndern lannds arten nit vergleichen.
Dieweil dann die Renovation, so man zuthon begert, nach Jedes lannds art reguliert werden soll und dann unnser Renovator, so E(uer) L(iebden) zu dero Renovation gebrauchen wellen, Allss der Jhenig so dannacht lanng darbey gewest der sachen des Renovierens wol unnd Nun mehr einer bequemen instruction wie man Renovieren soll gnugsamb bericht, Setzen wir In keinen Zweifel, er werde (aus unnser Instruction) an E(uer) L(iebden) vorhabenndt

werckh des Ernewerens nichs versamen sonnder sich nach E(uer) L(iebden) lannds art wol anzuschicken unnd zu regulieren wissen.
Welches wir E(uer) L(iebden) uff deren schreiben zu frundtlicher wider anntwurtung nit verhalten wellen. Seindt auch deren frundtliche dienst zuerzaigen sonders geneigt. Datum Stuttgardten den 25 t(en) Februarij Anno 1575.
Von Gottes gnaden Ludwig herzog zu Würtemberg unnd zu Teckh Grave zu Mümpelgardt(en) etc.

«LhzuWürtemberg etc
(manu propria subscripsi)».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив аккуратного типа. Коричневые чернила. Латинские слова по обычаю выписаны округлым гуманистическим курсивом, что контрастирует с угловатой готикой курсива.
Бумага 1 л. 32×22 см. Печать под бумагой.
Собственноручная подпись отправителя: «L(udwig) H(erzog) zu Würtemberg etc manu propria subscripsi».
Подлинник.
Дорсальные надписи: л. 1 об. — внизу на приклеенном клочке бумаги почерком XIX в.: «Ludwig III. (oder V.) geb. d(en) 1. Januar 1554 Succed. 1571 im Aug. 1593; S. Layritz, hist. geneal. Palmwal etc.».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в одном из немецких антиквариатов в начале XX в.

9. 9/421. 29.01.1588. Stuttgart

Письмо Людвига, герцога Вюртембергского и Тэк, графа Мёмпельгарт, 1554—1593 («Von Gottes gnaden Ludwig herzog zue Wurttemberg unnd zue Teckh Grave zue Muempelgart etc.») к Вильгельму, пфальцграфу Рейнскому, герцогу Верхней и Нижней Баварии («Dem hochgebornnen Fursten Unnserm freundtlichen lieben Vettern unnd Brudern, hern Wilhelmen Pfalzgraven bei Rhein Herzogen Inn Obern unnd Nidern Bayern»).
Содержание: Сообщает о ставшими ему в этот день известными «польских новостях» и выражает сочувствие в связи со случившимся с эрцгерцогом Максимилианом.
Речь идет о неудаче с выдвижением эрцгерцога Максимилиана Габсбургского на польский престол. Спор о престолонаследии между польско-шведскими Ягеллонами (Сигизмунд) и Габсбургами (Максимилиан) перерос в военное столкновение в самом начале 1588 г. и вызвал пленение Максимилиана польской стороной. Сочувствие выражается Вильгельму V, герцогу Баварскому, тесно связанному с Габсбургским домом родственными и вероисповедальными (католицизм) узами.

Unnser freundtlich diennst auch was wir liebs unnd guetts vermögen zuvor. Hochgeborner Fürst freundtlicher lieber Vetter unnd Bruder. Was unns heuttiges Tags für Pollnische Zeyttungen einkommen Thueen wir E(uer) L(iebden) hergebrachter Vertrawlicher Correspondenz nach freundtlich Communiciern. Da nun die achen mit unnsers auch freundtlichen lieben herrn Vetters Erzherzog Maximilianj etc Lt. sollicher gestalldt beschaffen weren, Triegen wir desshalben ein Trewlich Vetterlich Mitleiden. Unnd were Allßdann wol vonnötten, Das ettliche Hohe Haupter dieser sachen sich güettlich unnd erfiengen, Damit beederseiz verrer Bluett vergiessen verhüettet wurde etc. Wolten wir E(uer) L(iebden) Zue vortpflannzunng dess guetten vertrauwens wie es An unns gelanngt freundtlicher Mainung nicht

pergen. Unnd seindt dero angeneme freundtliche diennst zuerzeigen genaigt. Datum Stuettgardt denn 29 ig(sten) Januarij Anno 1588 . / .
Von Gottes gnaden Ludwig herzog zue Württemberg unnd zue Teckh Grave zue Mümpfelgart etc.

«L(udwig) h(erzog) z(u) Würtemberg etc m(anu) p(ro)pria s(ubscripsi)».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив «бисерного» типа с причудливо извивающимися выносными. Темно-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 32,8×21,4 см. Печать под бумагой.
Собственноручная подпись отправителя: «L(udwig) h(erzog) z(u) Würtemberg etc. m(anu) p(ro)pria s(ubscripsi)».
Подлинник.
Дорсальные надписи л. 2 об. почерком, одновременным почерку письма: 1. «wirttemberg schikht zeitung vom Erzherzog Maximilian»; 2. «(empfangen) den 19 t(en) Februarij A(nno) 1588».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

10. 10/421. 6.11.1581. Böblingen

Письмо Людвига, герцога Вюртембергского и Тэк, графа Мёмпельгарт, 1554—1593 («Von Gottes gnaden Ludwig Herzog zue Württemberg etc.») к церковным советникам Штутгарта («Unnsern Kürchenräthen zue Stutgardten unnd lieben getrewen etc»).
Содержание: Герцог получил новое церковное песнопение, пересылая которое, просит церковных советников совместно с капельмейстером опробовать это музыкальное произведение, обработать его и прислать герцогу, выразив собственное мнение.

Unnsern gruess zuvor. Liebe getrewen. Nachdem uns gegenwürttiger briefsweyster beygethone Gesang stückhlein unnderthenis presentieren lassen, Unnd aber wir (weyl wir solliche noch nie gehördt) nit wüssen khönden, was Ime dargegen zuvuerehrenn sein möchte. So ist unser bevelch, Ir wöllend sampt dem Capelmaister Die bemellte stückhlein besichtigen unnd zum thailss probieren, Auch Ine Allssdann der gepür unnd nach gestallt derselben mit ainer zimblichen verehrung Abferttigen. Das solle Euch Inn Rechtnnues passiert werdenn unnd beschieht daran unnser mainung. Datum Böblingen den 6. Novembris ANNO 1581.

«L(udwig) H(erzog) z(u) Württemberg etc.».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив с размашистыми выносными и росчерками инициалов. Начальный титул отправителя выписан более крупным канцелярским письмом. Латинские слова выписаны округлым гуманистическим курсивом. Коричневые чернила.
Бумага 1 л. 33×22,5 см. Печать под бумагой не сохранилась.
Собственноручная подпись отправителя: «L(udwig) H(erzog) Württemberg etc.».
Подлинник.
Л. 1 внизу: запись карандашом почерком XIX в.: «Württemberg Ludwig der Fromme Sohn Chr(istoffs), gestorben 1593. 1581».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

Рис. 1. 11/421. 4.10.1589. Письмо Людвига, герцога Вюртембергского, к Готфриду, графу Оттинген

11. 11/421. 4.10.1589. Stuttgart

Письмо Людвига, герцога Вюртембергского и Тэк, графа Мёмпельгарт, 1554—1593 («Von Gottes gnaden, Ludwig Herzog zue Württemberg und Teck Grave zue Mümpelgartt etc») к Готфриду, графу Оттингенскому («Dem Wolgebornen unnserm Oheim unnd lieben besonndern Gottfriden Grafen zue Öttingenn./.»).
Содержание: Благодарит адресата за доставленную ему со слугою серую венгерскую лошадь («das grawe Ungarische Pferdt»), которой он остался очень доволен.

Von Gottes gnaden Ludwig Hertzog Zue Württemberg und Teckh Grave zue Mümpelgartt . etc.
Unsern freundlichen grues zuvor. Wolgeborner lieber Oheim unnd Besonnder. Wir haben das grawe Ungarische Pferdt, so du unnss bey unnserm abgeferttigten diener zugeschickht hasst, Wol empfangen. Dasselbige ist unns sehr angenemb, unnd geraicht unns von dir zue sonnderm gnedigem gefallen. Inmassen wir auch genaigt seyen solches gegen dir in annd(er)wege mit freundtlichem unnd gnedigem Willen zuerkhennen. Wollten wir dir (dem wir one das ganz wol gewogen) zur danckhsagung freundtlich unnd gnedig nit perg(en). Datum Stuetgardten den 4. Octobris. A(nno) 1589 .

«L(udwig) H(erzog) z(u) Württemberg etc.».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив с длинными острыми выносными и крупными подвижными инициалами. Титул отправителя выписан более крупным канцелярским письмом. Латинские слова выписаны округлым гуманистическим курсивом. Коричневые чернила.
Бумага 2 л. 33×22,7 см. Печать под бумагой не сохранилась.
Собственноручная подпись отправителя: «L(udwig) H(erzog) z(u) Württemberg etc.».
Подлинник.
Дорсальные надписи: л. 2 об.: отметка о получении письма: «8 (octo)bris 1589»; л. 1, внизу: карандашная запись XIX в.: «Württemberg Ludwig III Herzog genan(n)t(er) Fromme 1589»; л. 2, коричневыми чернилами почерком XIX в. написано: «Graf Gottfried».
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

12. 12 / 421. 28.04.1585. Schloss Mümpelgarten

Письмо Фридриха, графа Вюртембергского и Мёмпельгартен, 1557—1608 («Von Gottes gnaden Friderich Grave zu Württemberg und Mumppelgartt etc.») к бургомистру и советникам Берна («Den Fursichtigen Ersamen unnd weisen Unsern Besondern lieben Nachbaurn und guetten Freunden N.N. Schuldtheiss Burgermeister und Rath der Statt Bern»).
Содержание: Герцог ходатайствует перед городом Берном о выкупе за сходную цену графства Валангин (Валанжэн) в пользу графини Изабеллы Шаллант (Шаллан), заложенного отцом последней, покойным графом Рейнхардом Шалант, городу Берну.

Unnsern gunstigen grues zuvor. Fürsichtige Ersame unnd weise besonndere liebe Nachbaurn unnd guette freundt. Nachdem wir zugleich unnsern hochlöblichen Altfordern des Hauss Württembergs etc. bej Euch ohne Unnderlass alle guette Nachbaurschafft unnd vertreuwliche Correspondenz bissher gespurt unnd derenthalben unns noch Inn künfftig einnichen zweivel nit machen, sie werden Inn solchem guetten Vertrauwen wenniger nit dan wir zugleich zu Continuieren geneigt sein. So khönnen wir aus solchem gemeinen guetten Verstandt Euch diser Zeitt Nachbeurlichen nicht verhaltten, Nämlich das wir ohnlanngest durch die Wolgebornne Fraw Ysabella Grevin zu Schallant etc uff das Aller flehenlichst ersucht unnd freundtlich gebetten Jro unnd deren geliebten Kindern zum besten Jnsonderheit aber widerlösung der Graveschafft Valangin mit unnserm beistannd unnd hilff auch uffbringung der Somma geltt darumb Weilundt Jhr Herr unnd Vatter Rheinhardt Grave von Schalant sehliger sie bej Euch versetzt verholffen zu sein Von unns nun uß Allerhanndt uffgelegter briefflicher gewarsam in originali unnsers behaltz für genugsam erschienen, Das sie billich wider zu dem Jhren gelassen werden

soll. Auch Jnn ansehung die Von Valangin bej unnserm Altt Fürst unnd loblichen Hauß Mümppelgartt Je unnd Allwegen Jnn bestem angesehen unnd sonnsten wollverdienst gewesen.
Zudem unns auch noch was anforderung selbiger Herrschafft Valangin halben bevorsteth Jnmassen von unnsert wegen. Durch unnsere Lanndtvogt Canzler unnd Räth A(nno) 77 bej Euch unnd euier Statt Solothurn anregung beschehen Wir auch fruwere beantwurtung noch beihannden haben Dannenhero wir wenniger nit Dan bej allen Fürstlichen unnd andern dergleichen gebornen Persohnen Rhum unnd Loblich (ainannder Jnn obligenden ehafften sachen unnd nottfahlen mit hilff zuzuspringen) Jro auch auß freundtlicher zuneigung unnd vermöglichait unnsern beistanndt nit versagen wellen. So sein wir auch der guetten unnd freundtlichen zuversicht, Ihr werden Euch Alß denen Jr fueg am bastem bekhanndt unnd die für sich selbß der billichait woll gewagen sein ein solches nicht frembt sein, Wie wir dan nitgern unnsers wuessens ettwas so unnser Uralt guet vertrauwen unnd Corresponndenz freundt unnd Nachbaurschafft umb das geringste andern moechte fürnehmmen woltten. Sonder sie die Grevin wie billich widerumb vermittelst erstattung der darumb ußgelegten Summa geltts unnd sonnsten was Recht unnd billich vermög Euwerer selbß verschreibung unnd deren von Longewille gethonner uebergab zu dem Jhren khommen lassen. Auch sich also erzeigen wie wir zu Euch unnser ohnzweiveuliches freundtlich unnd Nachbeurliches vertrawen tragen, Damit sie diser unnserer erwissenen Freundtschafft unnd fürbitt bey Euch genossen haben, Jm verckh spüren möge, Welches neben dem es billich unnd der gerechtigkheit gemeß Steth unns umb Euch Jnn gleichem unnd mehrerm . uff zutragenden fall zubeschulden, Dan Euch allen freundt unnd Nachbeurlichen guetten willen zuerzeigen Habt Jhr unns allzeit woll gewag(t). Dat(um) Inn unnserm Schloß Mümppelgartt den 28(ten) Aprilis A(nno) 1585 Stilo veteri.

«Friderich Grave zu Wurtte(m)berg und Mumpellgardt. etc (manu) propria subscripsi».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив «бисерного» типа с витиеватыми росчерками. Светло-коричневые чернила.
Бумага 2 л. 31,4×20,8. Печать под бумагой не сохранилась.
Собственноручная подпись отправителя: «Friderich Grave zu Wurtte(m)berg und Mumpellgardt. Etc. M(anu) propria subscripsi».
Подлинник.
Дорсальные надписи: л. 1 — почерком XIX в., карандаш: «Neuenburg, 1585 April 28»; л. 2 об.: «1585 28 aprl. (рукой XVIII в.)», «Mümpelgart (рукой XVIII в.)», «p(er) nothoriales zu gunst der gräfi(n) vonn Challant» (почерком, одновременным почерку письма).
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым 6—8.11.1911 в антиквариате «List und Francke», о чем свидетельствует его собственноручная надпись на папке.

13. 14/421. 29.10.1592. Granges

Письмо Фридриха, графа Вюртембергского и Мёмпельгарт, 1557—1608 («Von Gottes gnaden Friderich Grave zu Württemberg unnd Mümppelgart etc.») к Христиану, князю Ангальтскому, графу Аскании, господину Цербста и Бернбурга («Dem Hochgebornen Fürsten Unserm Freundtlichen lieben Oheim unndt Schwagern Herren Christian Fürsten zu Anhalt Graven zu Ascanien Herren zu Zerbst Unnd Bernburg»).

Содержание: Рекомендательное письмо трубачу (Trommetter), молодому человеку, желающему служить у князя Ангальтского.

Unnser Freundtlich dienst unnd was wir Liebs unndt guetz vermögen Allzeit zuvor. Hochgebornner Fürst freundtlicher lieber Oheim unnd Schwager. Unns hatt gegenwurttiger zeiger Junger angehennder Trommetter unnderthennig zuerkhennen geben, wie das er bej Jtzigen guetten gelegenheitt ettwas ferners zue ersuchen zu erfahren unnd sonnderlich E. L. zu diennen Lust unnd begirde hett. Derwegen unns unnderthennig bittende, wir wollten Jme Umb seines bestens willen mit einer vorschrifft an E. L. deren er würckhlichen zugeniessen verhofft gnedig befürderlich unnd erspriesslich erscheinen. Weil unns dan sein vorhaben unnd das er als ein Junger Man was zuerlernnen unnd zu erfahren begirig nicht miss sonnder wollgefeltt. Also haben wir Jme sein unnderthennig bitten desto wenniger verwaigern, Sonnder E(uer) L(iebden) hiemit gannz Freundt unnd Schwägerlich anstimen wellenn Gedachten Zeiger von unnsert wegen vor einen Trommetter uff unnd anzunehmmen, Auch sich also gegen Jme zuerzeigen, Das er diser unnserer Fürschrifft genossen haben Jnn werckh spüren möge. Verseh(en) wir uns, Er werde sich aller gebür getrew fleissig unnd ohnclagbahr verhaltten. Wie wellen auch ein solches umb E(uer) (Liebden) uff gleiche oder anndere gelegenheit zu erwidern guettwillig sein, Wie wir dan ohne diss E(uer) L(iebden) zu aller Freundtschafft unnd Schwegerlicher willen wollgeneigt. Dat(um) Granges den 29 t(en) Octobris A(nno) 1592.
Von Gottes gnaden / Friderich Grave Zu Württemberg unnd Mümppelgart etc.

«Friderich manu propria subscripsi».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив «бисерного» типа с причудливо изогнутыми размашистыми выносными и инициалами. Светло-коричневые чернила. Печать под бумагой.
Бумага 2 л. 31,5×21 см.
Собственноручная подпись отправителя: «Friderich manu propria subscripsi».
Подлинник.
Письмо не опубликовано.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

14. 15/421. 1.09.1588. Blaumot

Письмо Фридриха, графа Вюртембергского и Мёмпельгарт, 1557—1608. Адрес и нижняя половина листа утрачены, однако ясно, что письмо адресовано лицу княжеского достоинства, родственнику отправителя, как это обозначено в обращении в начале письма: «Unnser Freundtlich dienst unnd was wir Liebs unnd guetz vermögen Allzeit zuvor. Hochgebornner Fürst freundtlicher lieber herr Vetter unnd Gevatter».
Содержание: Отправитель пишет о найденном в хронике графства Мёмпельгарт под 1440 г. описании нападения лотарингцев на графство. В связи с этим автор письма отмечает, что это стало у лотарингцев обычаем, имея в виду недавнее — в конце 1587 — начале 1588 г. — опустошение графства Мёмпельгарт войсками враждебно настроенных к лютеранскому Вюртембергу герцогов Гизов, бывших главой французской католической партии.[6]

[6] ADB Bd. 8, S. 45—46, Leipzig, 1878.

Рис. 2. 15/421. 1.09.1588. Письмо Фридриха, графа Вюртембергского и Мёмпельгард.

Unnser Freundtlich dienst unnd was wir Liebs unnd guetz vermögen Allzeit zuvor. Hochgebornner Fürst freundtlicher lieber herr Vetter unnd Gevatter.
Dieser tagen haben wir neben Annderm Jnn unnserer Registratur sovil berichtz gefunden, Wie das Jnn A(nno) 1440 durch den Lottringer fast ein gleichmessiger feindtlicher einfall mit Rauben Verhergen unnd Annderm Jnn unnsere Graffschafft Mümppelgart beschehen, Alss E(uer) L(iebden) uss beigelegter Altten Missiven zuvernehmen. Welches wir E(uer) L(iebden) allein der meynung verstendigen wellen damit sie wüssens haben möge, das diss nicht das erste Mahl, das Lottringen sich dergestalt feindtlich erzeygt unnd man genugsame unnd billiche vrsachen habe, die sach nicht ersitzen zulassen, Sonder dermaln eins sich wider zurachen, Sonsten dörffen sie eines bösen unnd PraJudicwlich(en) habitum Daraus mach(en).

Beneben sendt wir Euch gleich …Unnd endtlichen beri…

Нижняя половина страницы не сохранилась.

Л. 2 об. Верхняя половина страницы:

Unnd wir bleiben E(uer) L(iebden) wie Allwegen zu Angenehmmen beheglichen diensten willig unnd wollgemneigt. Dat(um) Inn unnser Vestung Blaumot den Ersten Septembris A(nno) (15)88.

«E(uer) L(iebden) Getrever Vetter Alzeitt Fridrich Grave zu Württe(m)berg Und Mü(m)ppelgardt etc Manu propria subscripsi».

Немецкий язык. Неоготический канцелярский курсив, очень маленькие, «бисерного» типа строчные буквы с многочисленными тонкими витиеватыми росчерками. Коричневые чернила.
Бумага — первая половина л. 1. 17×21 см. Печать не сохранилась.
Собственноручная подпись отправителя на обороте: «E(uer) L(iebden) Getrever Vetter Alzeitt Fridrich Grave zu Würte(m)berg und Mü(m)ppelgardt etc.».
Подлинник.
Дорсальные надписи: л. 1 об., карандашом почерком XIX в. написано: «Württemberg Friedrich Graf 12136»; л. 2 об.: цифры 131. 60б и 139 69 чернилами почерком XVIII в.
Сведений о публикации нет.
Происхождение: Приобретено Н. П. Лихачевым в начале XX в. в одном из немецких антиквариатов.

III

О. В. ТВОРОГОВ

ПАРАЛИПОМЕН ЗОНАРЫ В ИЗДАНИИ О. М. БОДЯНСКОГО

Созданная около 1118 г. византийская Хроника Иоанна Зонары уже в 1170 г., как предполагает П. О. Потапов, была переведена на болгарский язык.[1] Однако все дошедшие до нас списки полного перевода Хроники — сербские.[2] Для исследователей русской хронографии особенный интерес представляет сокращенная редакция Хроники, названная ее составителем «Паралипомен» и явившаяся источником ряда извлечений, вошедших в Русский хронограф.

Паралипомен известен нам в составе сборника начала XVI в. РГБ, Волоколамское собр., № 655. На этот сборник как источник Русского хронографа указал еще А. А. Шахматов: дело в том, что все компоненты сборника — Паралипомен, Жития Илариона Мегленского, Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича — вошли в Русский хронограф.[3] Исходя из своего взгляда на время и обстоятельства создания Хронографа, А. А. Шахматов датировал Волоколамский сборник XV в. Сейчас уже установлено (первой указала мне на этот факт еще в 70-х гг. прошлого века Л. В. Тиганова), что сборник составлен в конце XV—начале XVI в. и, как установил А. А. Турилов, часть его написана книгописцем Иосифо-Волоколамского монастыря Ферапонтом Обуховым.[4] По Волоколамскому

---

[1] *Потапов П. О.* Судьба Хроники Зонары в славяно-русской литературе // ИОРЯС. 1917. Пг., 1918. Т. 22, кн. 2. С. 185—186.

[2] Известны следующие списки полного перевода Зонары: Венский (Венская библиотека, cod. slav., № 126), Хиландарский № 433 (описание см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 166), список из собрания В. М. Ундольского в РГБ, № 1191, список БАН. 24.4.34 и др. См. их перечень с указанием литературы: *Творогов О. В.* Хроника Иоанна Зонары // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 492—494.

[3] *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении хронографа // Сб. ОРЯС. 1899. Т. 66, № 8. С. 15. См. также: *Розанов С. П.* Заметки по вопросу о русских хронографах // ЖМНП. 1904, январь. Отд. 2. С. 104—106.

[4] *Турилов А. А.* Русский сборник конца XV—начала XVI вв., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв. // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 95—96.

[5] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин // ЧОИДР. Год третий, № 1. М., 1847. С. I—VIII, 1—119.

© О. В. Творогов, 2007

сборнику Паралипомен был опубликован в 1847 г. О. М. Бодянским.[5] Однако в то время наука располагала еще очень ограниченными сведениями о значении этого памятника для русской книжности. О. М. Бодянский, изложив историю создания Паралипомена, каковой она ему тогда представлялась, отметил «особенное достоинство этого Паралипомена для нас русских, то есть: им, наконец, окончательно определяется знаменитое место в Степенной книге и Никоновской летописи „о Русах Евксинопонтских, иже и Кумани“, нападавших под начальством Оскольда и Дира на Царьград».[6] Бодянский напомнил, что еще Шлецер указал на Зонару как источник сведений о походе,[7] но «он ошибся, полагая, будто составители Степенной книги и Никоновской летописи черпали его (т. е. известие о походе. — *О. Т.*) прямо из подлинника греческого, они черпали его, как видите, из Паралипомена Зонарина в славянском переводе».[8] О. М. Бодянский не знал, что Никоновская летопись извлекла сведения, читающиеся в статье «О князе русском Оскольде»[9] из Хронографа 1512 г., куда они попали из Паралипомена.[10] К Никоновской летописи обратился, видимо, и составитель Степенной книги, где рассматриваемый сюжет отразился в следующем пассаже: «...киевстии князи Аскольд и Дир, и сии пленяху Римлянскую страну, с ними же бяху роди, нарицаемии руси, иже и кумани жывяху во Ексинопонте...». Далее рассказывает о чуде: брошенное в огонь Евангелие осталось невредимым. «Сие видѣвше Руси удивишася, чюдящеся силѣ Христовѣ, и вси крестишася».[11]

Значение Паралипомена для русской хронографии стало еще более очевидно после классического труда Андрея Попова, который, в частности, уточняя Бодянского, писал: «Мы имеем не хронограф Зонары, а только краткое извлечение из него „От Зонары вкратце”. Извлечение из Зонары, думаю, сделано не самим Григорием (книжник, которому О. М. Бодянский приписывал составление Паралипомена. — *О. Т.*), а позднейшим переписчиком».[12] Но главное состоит в том, что именно А. Попов перечислил все фрагменты Паралипомена, вошедшие в состав Хронографа 1512 г.,[13] и прямо указал, что «рассказ о Русах Евксинопонтских путем Хронографа вошел в Никоновскую летопись».[14]

[6] Там же. С. IV.

[7] См.: Нестор. Русские летописи на древлеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. СПб., 1816. Т. 2. С. 72—86.

[8] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин. С. IV—V.

[9] См.: Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 9. С. 13. О. М. Бодянский мог опираться на издание: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. Ч. 1.

[10] Подробнее см.: *Творогов О. В.* Сколько раз ходили на Царьград Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54—59.

[11] Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, 1-я половина. Ч. I. С. 35—36.

[12] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 10.

[13] Там же. М., 1866. Вып. 1. С. 114, 115, 122, 141—142, 146, 151—152, 162—163, 169—170. См. также вып. 2 той же книги. С. 9—15. Уточнения к перечню извлечений из Паралипомена, сделанному А. Поповым, см.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 182—183.

[14] *Попов А.* Обзор хронографов... Вып. 1. С. 169—170.

Но вернемся к изданию О. М. Бодянского. В предваряющем публикацию текста предисловии издатель излагает свою версию истории Паралипомена. Опираясь на предваряющие текст вступительные статьи, он посчитал, что его составителем был книжник Григорий, который по поручению сербского деспота Стефана[15] переписал попавший ему в руки список Хроники Зонары, впрочем не весь, а «сделал из него сокращение, извлечение: „От Зонары въкратцѣ, а не яко в книзѣ оной писано по реду”». Иными словами, Бодянский полагал, что именно Григорий обнаружил Паралипомен и стал дотошно сверять его с источниками — сочинениями греческих и византийских авторов, ибо не нашел «греческого подлинника для справок». По мнению Бодянского, свой труд Григорий предпринял в 1208 г.[16]

Этот взгляд О. М. Бодянского был пересмотрен П. О. Потаповым. Он пришел к следующим выводам: известный нам текст Паралипомена — это сокращение полного текста Хроники Зонары, переписанного и отредактированного Григорием, осуществленное неизвестным нам по имени книжником (а вовсе не самим Григорием, как думал Бодянский) около 1383 г., затем этот текст попал в руки еще одного писца, который (после 1408 г.), переписывая его, подумал, что «Зонара вкратце» — подлинная работа Григория, а из статьи о скончании кругов, включенной в состав Паралипомена, «по невнимательности заключил, что Григорий работал в 1408 г.».[17] Неверную интерпретацию текста, допущенную Бодянским, легко извинить: в нынешнем виде Паралипомен сохранил разновременные пласты: фрагменты самой хроники, пояснения, сделанные Григорием, и пояснения, принадлежащие книжнику, осуществившему выборку из Хроники, вышедшей из-под пера Григория. Хотя сам Потапов высказал свою версию с осторожностью, она представляется более убедительной, чем предположение, выдвинутое О. М. Бодянским.

Что же представляет собой само издание текста? Бодянский специально формулирует свои издательские принципы: «Список, по которому издан нами Паралипомен <...> *писан без всякого правописания, что и оставлено нами неприкосновенно* (курсив мой. — *О. Т.*), равно как и такие же ударения. Еще больше: мы не хотели прикоснуться и к самым очевидным промахам писца, чтоб не подвергнуться в издании такого памятника какому-либо упреку».[18] Мы видим здесь четко заявленную позицию, которая в первой половине XIX в. разделялась далеко не всеми. Так, филолог, издатель «Слова о полку Игореве» Н. Ф. Грамматин упрекал публикаторов памятника, которые «с дипломатической точностью напечатали все ошибки (а их весьма довольно), и без всякого правописания». Этот способ, продолжает Грамматин, «избавляет издателей от ма-

[15] По мнению О. Бодянского — Стефана Лазаревича, по мнению П. О. Потапова — Стефана Душана.

[16] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин. С. IV.

[17] *Потапов П.О.* Судьба хроники Зонары... С. 176.

[18] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин. С. VII.

лейшей думы».[19] Буквальное следование оригиналу он решительно осуждает. Как же воплотил свои принципы на практике издатель Паралипомена?

Во-первых, Бодянский следует своей — и, надо признать, весьма неудачной — системе словоделения: он пишет предлоги слитно с существительными и местоимениями (если только в конце предлога не стоит твердый знак): «вто», «вземлю», «ктому», «снимъ», «врѣку» и под. Он пишет слитно с предшествующим словом и частицы: «имамбо», «хтоли», «Кирже» и под.

Во-вторых, похвальное стремление оставить правописание «неприкосновенно» тем не менее привело издателя к совершенно неоправданному приему: он добросовестно воспроизводит в виде запятых и точек знаки рукописи, действительно по форме напоминавшие запятые, но расставленные с явным нарушением синтаксического строя фраз. В результате мы встречаем в издании чтения без каких бы то ни было знаков препинания («тогда рече Кур видиши ли Крикьсе колика съкровища имѣю»,[20] «пришедшим же на рѣку глаголемую Гаггис облѣнишежесе македоняне приити рече Александр» (с. 43), «и посла ему рекъ дарми хощу братися стобою» (с. 44)) или, напротив, со знаками, воспроизводящими мнимую пунктуацию текста: «сего ради имѣху персе житие, въздержателно» (с. 17), «и възвести Кур, скопцемъ, о вещи» (с. 22), «и якоже уби Филиппа, нѣкто глаголемый Павсания» (с. 33), «нѣци же македоняне ношаху воду, во мѣсѣх» (с. 40) и т. п. Эта псевдопунктуация существенно затрудняет порой понимание текста.

Уже указанные недостатки — требующее серьезного пересмотра изложение истории Паралипомена, особенности передачи написаний текста и искусственная пунктуация — говорят о необходимости нового, более совершенного издания этого важного для истории отечественной хронографии памятника, тем более что издание Бодянского почти недоступно.

Выскажу некоторые соображения о характере такого издания. Во-первых, текст должен быть воспроизведен по принципам, принятым сейчас в изданиях древнерусских памятников: это может быть либо дипломатическое издание (с сохранением слов под титлами, выносных букв, но с современной пунктуацией), либо издание с упрощением орфографии (раскрытие титлов, внесение в строку выносных, замена некоторых кириллических букв буквами современного алфавита и т. д.) Во-вторых, издание явно потребует источниковедческого и текстологического комментария. Как указал еще П. О. Потапов, в Паралипомене «одни части представляют дословное воспроизведение, другие — пересказ статей полного перевода».[21] Поэтому в новом издании по возможности должны быть отмечены эти особенности соотношения памятников. В качестве представителя полного перевода Хроники может быть привлечен неизвестный Потапову сербский список из собрания БАН (шифр 24.4.34).[22]

Во-первых, это список первой четверти XVI в., т. е. самый старший из известных нам ныне списков Хроники. Во-вторых, список хорошо сохранился: утрачены лишь предисловие и начало текста (он начинается с рассказа о сотворении Евы), а завершается словами «побѣдоносець царъ Леонъ възвратися въ Констянтин град и многы плѣнникы привѣдѣ. По малѣ же врѣмени сътворисе...» (л. 447 об.) главы о Льве Армянине (этой главой завершается славянский перевод Хроники). В-третьих, в списке нет тех лакун, которые отметил в других списках Хроники П. О. Потапов.[23] Список БАН (назовем его Академическим и обозначим буквой А) текстуально весьма близок к Паралипомену, о чем можно судить хотя бы по такому примеру. Сравним:

Список А	Паралипомен
Учаху же художьством симь от шестаго лѣта даже до 17-таго. Сему учению учахусе отрочета. От седмо-на-десетаго же лѣта устрояху сихь работати вь полатѣ 10 лѣть и пребывать вьсма ту. Посилаху же сихь и кнезы на работи людские, и прихождаху сь усрьдием. И егда же хотеше изити на ловь царь, повелѣваше изыти и поль от сихь и ловити сь царемь, зане научени бѣху» (л. 127 об.—128).	Учааху же се художьством симъ от шестаго лѣта до седмь-на-десетаго же лѣта, устрааху сих работати вь полатѣ десет лѣть и пребывати въсма ту. Посилааху же сих и кнези на работы людьские, и прихожааху съ усрьдиемъ. И егда же хотѣше изыти царь на ловь, повелѣвааше изыти поль от сих и ловити съ царемь, зане научени бѣху (л. 18 об.—19; ср.: Паралипомен Зонарин. С. 15—16).

Сравнение с полным списком Хроники позволяет исправить некоторые явные ошибки Паралипомена, но так как мы не знаем того именно списка Хроники, к которому восходит Паралипомен, в издании целесообразней ограничиться приведением параллельных чтений, а когда необходимо — и с параллелями из греческого оригинала. Особенно существенны явные отличия и тем более добавления Паралипомена: они должны быть отмечены, так как помогут в дальнейшем точнее определить ту группу списков Хроники, к которой он восходит.

В новом издании Паралипомена необходим также краткий историко-литературный комментарий: справки об упоминаемых исторических персонажах и указания на возможные источники Хроники Зонары, так как именно в ней содержится много извлечений из источников, неизвестных или не использованных другими византийскими хронистами — Амартолом, Малалой, Синкеллом, Манассией, чьи труды были извест-

[19] *Грамматин Н.* Слово о полку Игореве. Историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою, и с оной преложенная стихами древнейшего русского размера... М., 1823. С. 4—5. О спорах, возникших по этому же вопросу в первой четверти XIX в., см.: *Козлов В. П.* Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX века. М., 1999. С. 303—352.

[20] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин. С. 26. Далее страницы издания приводятся в тексте.

[21] *Потапов П.О.* Судьба хроники Зонары... С. 162.

[22] См.: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 21—22.

[23] *Потапов П. О.* Судьба хроники Зонары... С. 149—157.

ны славянским книжникам. В этой связи обратим внимание на название памятника — Паралипомен, которое мы вслед за средневековым славянским автором отождествляем не с самой Хроникой Зонары, а именно с известной нам по Волоколамскому сборнику сокращенной переработкой. Но замечу, что в предисловии «от преписавшего книгу сию» прямо говорится: «обрѣте нѣгде и чюдную книгу мудрѣйшаго Зонары, якоже нѣкий новый паралипомень, *прочиим лѣтописателемъ недостаточная их наполняе*»,[24] и в заголовке эта мысль вновь повторяется: «Книга мудрѣйшаго <...> Зонары Паралипомен, *наполняющи недостатокъ царских книг»*.[25] Иными словами, смысл термина тот же, что и в названии исторических библейских книг, — памятник содержит (в соответствии с греческой этимологией слова) «пропущенное», «не упомянутое», т. е. дополнительный сравнительно с другими источниками материал. Следовательно (если мои рассуждения справедливы), определение относится к самой Хронике, а не к сокращенной выборке из нее, которая неправомерно заимствовала у своего источника его заглавие. И действительно, Хроника Зонары содержит много материала, не встречающегося в распространенных у славян хрониках Амартола и Малалы: это и извлечение из Ксенофонта о воспитании персидских юношей и о Кире, и весьма подробный рассказ об Иудее в эпоху диадохов (в нашем Паралипомене этот рассказ, занимающий в Хронике около 80 листов, сокращен до нескольких фраз), и не известные Малале подробности из жизни Ромула и Рема и т. д. Комментарий к будущему изданию должен обратить внимание на эти, принадлежащие только Зонаре, исторические сюжеты.

Подводя итог, скажем слова благодарности О. М. Бодянскому, введшему в научный оборот памятник, который сыграл значительную роль в русской хронографии, памятник, который заслуживает и нового издания, и дальнейшего изучения.

[24] *Бодянский О.* Паралипомен Зонарин. С. 2. Курсив мой.
[25] Там же. С. 12. Курсив мой.

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ. КРАТКАЯ ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПАЛЕЯ

Одним из важнейших текстов ранней русской хронографии является *Краткая Хронографическая Палея* (далее — *КП*) — памятник настолько же интересный, насколько и обойденный исследовательским вниманием. В настоящее время мной ведется работа над критическим изданием этого текста.[1] Некоторым предварительным итогам изучения *КП* и посвящена настоящая статья.

Подобно большинству памятников средневековой историографии, *КП* — произведение компилятивное и представляет характерную для средневековья «историю ножниц и клея». Двумя самыми значительными ее источниками явились *Толковая Палея* и гипотетический *Хронограф по Великому Изложению*.[2] Если из *Толковой Палеи* — сочинения экзегетического — при создании интересующего нас текста были изъяты толкования, то фрагменты *Хронографа по Великому Изложению* — произведения историографического — вошли в него почти без изменений. Благодаря умелой работе создателя Палеи из ряда разножанровых сочинений был создан единый по принципам организации и стилю текст, что для средневековья вовсе не было явлением само собой разумеющимся.

Дело в том, что древнерусские хронографические компиляции ни в коем случае не являлись лишь справочниками по всемирной истории (так же, скажем, как задачи произведений натурфилософского характера простирались гораздо шире, чем просто распространение естественнонаучных знаний). Даже произведения, посвященные «узкой» по средневековым меркам теме, касались в конечном счете проблем богословских. В силу присущего средневековой письменности синкретизма одно

[1] Первый выпуск см.: *Водолазкин Е. Г.* Краткая Хронографическая Палея (Текст). Вып. 1 // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 891—915.
[2] Путем сопоставления ряда позднейших текстов этот хронограф восстанавливается с большой степенью надежности. Об этом см.: *Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907. С. 165; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 54.

© Е. Г. Водолазкин, 2007

и то же произведение порой можно рассматривать как историографическое, богословское и естественнонаучное одновременно (как, например, в случае уже упоминавшейся *Толковой Палеи*). В этих условиях единый стиль произведения заботил компилятора гораздо меньше, чем возможность привести по тому или иному вопросу максимальное количество источников, принадлежавших зачастую к самым разным жанрам. В области исторического повествования это приводило к тому, что даже выдающиеся памятники древнерусской хронографии (такие, как *Летописец Еллинский и Римский* Второй редакции) при всех своих энциклопедических достоинствах не отличались соразмерностью статей. На этом фоне положение *КП* — особое. В ней очевиден принцип более или менее пропорционального изложения материала без обширных богословских экскурсов или вставных повествований.[3]

Заглавие *Краткая Хронографическая Палея* является не самоназванием памятника, а научным обозначением, противопоставляющим его другому хронографу — *Полной Хронографической Палее*. В рукописях рассматриваемый текст озаглавлен как «Слово от Палеи», что отражает его связь с одним из важнейших источников — *Толковой Палеей*.[4] Открывается *КП* описанием сотворения мира и доводит свое повествование до царствования византийского императора Романа Лакапина (X в.). То, что точка в *КП* (как и в ряде других хронографов) поставлена на этом периоде, не случайно: именно здесь завершается изложение *Хроники* Георгия Амартола, составившей костяк большинства русских хронографов. Как объем заимствований, так и границы повествования в средневековье во многом обусловливались степенью доступности источников. За исключением отрывочных сведений о крестовых походах и списка правивших в Византии императоров, X век остался пределом повествования русских хронографов даже в XV в.: византийских сочинений по истории менее отдаленной не переводили, продолжать же хронографы собственной историей по ряду причин возможным не считали.[5]

Яркой особенностью *КП* являются хронологические расчеты. Из всех памятников ранней русской хронографии *КП*, несомненно, обнаруживает самый большой интерес к вопросам времяисчисления. Вместе с тем ее хронологические расчеты совершенно не укладываются в рамки «технической хронологии», сопровождающей исторические исследования. Строго говоря, и само время как таковое виделось древнерусскому книжнику не более чем вынужденной заменой райской вневременности, оно было родом проклятия, трагическим шагом назад в сравнении с первоначальным состоянием мира. Можно предположить, что если бы в

[3] О том, что объем включаемых произведений компиляторов никоим образом не смущал, красноречиво свидетельствует тот факт, что в повествование об Александре Македонском ряд хронографов включает переводной текст *Александрии* Псевдо-Каллисфена.

[4] Следует заметить, что заглавия средневековых текстов зачастую указывают не столько на предмет повествования, сколько на его источники. Само же слово «Палея» восходит к греческому παλαιά — старая.

[5] Об этом см.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования). Мюнхен, 2000. С. 37—58.

средние века существовало понятие прогресса, то мыслилось бы оно ретроспективно: не как движение вперед, а как возвращение назад.

Негативные тенденции в развитии человечества выражались, по мысли древних историографов, и в уменьшении количества лет жизни людей в сравнении с праотцами. При таком взгляде на вещи особое значение приобретает дехронологизация как чудесная возможность избежать смерти и преодолеть проклятие временем. Вслед за книгой Бытия *Палея* сообщает о том, что Енох и Илия берутся на небо живыми: «Въ лѣто 1372. Живе Енохъ, щуръ Сифовъ, всѣхъ лѣтъ 365, и съхраненъ бысть Богомъ на обличение Антихриста индикта 2, солнечнаго 2 вис<окоснаго>, луна 8».[6] К приведенному фрагменту остается лишь добавить, что 365 прожитых Енохом лет соотносятся с количеством полных дней годового цикла и являются, таким образом, замкнувшимся кругом, т. е. символом вечности (вневременности).

Как известно, хронографии присущи свои способы фиксации времени, так называемые *относительные* датировки, указывающие время событий путем привязки их к годам правлений, природным катаклизмам и т. д. Это древнейший способ датировки, взятый в свое время на вооружение византийским императором Юстинианом, предписавшим в своей 47-й новелле датировать события по году царствования императора. Из византийских хроник этот способ датировки попал в русские хронографы. Летописи же, напротив, им не воспользовались, и это понятно: в первые века существования древнерусской письменности на Руси не было единодержавного правления. Летописание прибегло к использованию *абсолютных* датировок, т. е. датировок относительно одного и того же события, в данном случае — сотворения мира.

Судьба древнерусского исторического повествования складывалась так, что на определенном этапе своего развития хронография также начала пользоваться абсолютными датировками. Как было установлено в ходе проведенного ранее исследования, первые абсолютные даты были рассчитаны в архетипе Третьей редакции *Хронографа по Великому Изложению*, и относились они к отрезку истории от Калигулы до Веспасиана.[7] В дальнейшем памятники, восходившие к этому архетипу, продолжили расчеты самостоятельно. Дальше всех других текстов пошла в этих расчетах *КП*. За небольшими исключениями, ею были рассчитаны абсолютные даты важнейших событий всемирной истории. В этих расчетах много ошибок, но именно эти ошибки свидетельствуют о том, что расчеты производились при составлении самого памятника, а не были заимствованы им в готовом виде из его источников, как это нередко случалось в средневековье. Дело в том, что большинство ошибок в расчетах *КП* объясняется особенностями данных тех текстов, которые послужили ее источниками. Можно также предположить, что расчеты эти были сделаны составителем *КП* еще до создания текста памятника, а не по ме-

[6] Цит. по рукописи: РО БАН, № 24.5.8, л. 12.

[7] См.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 138—153.

ре его составления. Об этом говорят несколько сбоев в соотнесении дат с событиями.

КП приводит также хронологические выкладки, в которых указано количество лет между различными событиями священной истории: 2242 года от Адама до потопа, 2771 год от Адама до возведения Вавилонской башни, 1082 года от потопа до Авраама и т. д. Средневековье дорожило единством истории, и подобные выкладки лет были своего рода скрепами, устанавливавшими не только хронологическую, но и мистическую связь событий. За этим стояла также определенная богословская традиция, рассматривавшая священную историю не в качестве чего-то отдельного от «просто истории», а как составную часть последней, выделенную посредством указания свыше и обладающую своим континуитетом.[8] Стоит отметить, что ни хроники, ни хронографы не ограничивали свое повествование описанием лишь сакральных событий. Расставляя акценты и, несомненно, выстраивая иерархию событий, их создатели позволяли себе одновременно и пассажи, которые современным языком можно было бы охарактеризовать как светскую хронику.

Материал для расчета лет между событиями священной истории в основном давало сочинение константинопольского патриарха Никифора Χρονογραφικὸν σύντομον — одна из византийских «малых хроник», предлагавших краткий свод «цифр и фактов» всемирной истории. Этот текст стал доступен *КП* посредством *Толковой Палеи*. Анализ его показал, что он представляет не распространенный на Руси перевод редакции N, а перевод редакции N' (обозначения издавшего памятник К. де Боора).[9] Факт существования на Руси еще одного перевода сочинения Никифора лишний раз подтверждает, что интерес славянских книжников к истории был весьма значительным.

Но указанными расчетами *КП* не ограничилась. Для большинства описываемых событий она рассчитала и так называемые дополнительные элементы времяисчисления — индикты, вруцелета и круги луны. Напомню вкратце, что индикт — это византийский способ фиксации времени, который состоит в указании номера года внутри 15-летнего цикла. Вруцелето же («ручная пасхалия») указывает воскресные дни того или иного года, что, наряду с определением круга луны в 19-летнем цикле, является необходимым элементом пасхальных вычислений. Последнее обстоятельство представляет датировки *КП* в особом свете.

В средневековье пасхалист шел рука об руку с историком, нередко же они соединялись в одном лице. Так, пытаясь в свое время согласовать имеющиеся у него датировки с пасхальным циклом, александрийский монах Анниан отнес время рождения Христа к периоду, когда Ирод уже был мертв. Временем же распятия у него стал 42 год, — несмотря на то что Тиберия, в чье царствование распятие состоялось, уже пять лет как не было в живых. Гармония с пасхалией по сравнению с историческими свидетельствами была в глазах хрониста истиной более высокого порядка. О близости пасхалистики и историографии свидетельствует и то обстоятельство, что именно из пасхальных таблиц Дионисия Малого английский хронист и агиограф Беда Достопочтенный заимствовал систему датировок от Рождества Христова. Возможно, что и погодный принцип русского летописания также восходит к пасхалии.

Как уже отмечалось, интересы создателя *КП* лежали вне области технической (или исторической) хронологии как таковой. *КП* — это взгляд на всемирную историю с точки зрения ее возможного скорого окончания. Ее расчеты — это попытка проанализировать доступные хронологические данные для того, вероятно, чтобы эсхатологическая перспектива обрела более четкие контуры. Собственно говоря, в таком подходе хрониста к материалу не было ничего нового. Напомню, что Юлий Африкан, стоявший у истоков христианской хронистики, писал свою хронику с целью успокоить тех, кто ждал скорого конца света.

Создатель *КП* о близком конце света не упоминает. Вместе с тем за безмолвным комбинированием чужих текстов (в ранний период создание хронографов сводилось исключительно к компиляции) в *КП* отмечаются явления, которых нет в других древнерусских хронографах. Так, помимо датировок в пасхалистической системе, имеющих богословский, а не исторический смысл, в *КП* мы находим три указания на наступившие *тысячелетия* как отдельную позицию. Более того, эти указания сопровождаются все теми же пасхалистическими расчетами. За этими датировками не-событий (или, наоборот, датами, ставшими событиями) можно видеть следы хилиазма, русской хронографии, вообще говоря, не свойственного. Хилиастические воззрения на всемирную историю базировались, как известно, на тексте псалма, гласившего, что пред очами Господа «тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел» (Пс. 89:5). Первоначально с тысячелетиями сопоставлялись шесть дней творения, впоследствии к ним добавился седьмой день (день отдыха). В этой связи опять-таки напрашивается параллель с Африканом, отводившим истории человечества от ее начала до окончания шесть тысяч лет. В Африкановой системе библейский Фалек, чье имя толковалось как «деление», оказывался ровно посередине отведенного человечеству хронологического отрезка. Интересно, что в *КП* сообщение о третьем тысячелетии следует как раз за упоминанием о Фалеке, и в дальнейшем тысячелетия не упоминаются. Не потому ли, что древнерусский книжник обратил внимание на то, что, поскольку сам он признает семитысячелетний возраст мира, Фалек не будет делить этот период пополам? Как бы то ни было, следует полагать, что в лице создателя *КП* хронографическое повествование в определенной степени возвращалось к своей первоначальной задаче.

Таким образом, беспрецедентная для ранней русской хронографии активность *КП* в хронологических подсчетах, а главное — сам характер этих подсчетов позволяют рассматривать создание этого памятника в ряду текстов, отразивших ожидание конца света в XV в. Как известно,

[8] Суть такого подхода к богословскому осмыслению истории удачно формулирует К. Ранер. См.: *Rahner K.* Weltgeschichte und Heilsgeschichte // Schriften zur Theologie. Zürich; Köln, 1962. Bd 5. S. 115.

[9] См.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 133—138.

подобные тексты начали создаваться задолго до 1492 г.[10] Здесь есть повод перейти к проблеме датировки *КП* — одной из самых сложных проблем в области хронографии. В отличие от летописи, где часть хронологических данных являлась современной составителю свода, время хронографа было для его создателя плюсквамперфектом. Хронологические данные хронографов, за редкими исключениями, не дают материала для датировки этих памятников. Потому хронографы датируются, как правило, по косвенным признакам, а потому — весьма приблизительно.

Что касается *КП*, то с уверенностью можно указать лишь верхнюю временную границу ее создания. Это 40-е гг. XV в. — так в результате палеографического исследования датировал самый ее ранний список М. А. Шибаев.[11] Вместе с тем, нет оснований и существенно выводить время создания памятника за нижний предел XV в., отдаляя его тем самым от семитысячного года от сотворения мира, когда ожидался конец света. Косвенным подтверждением этому являются и читающиеся в *КП* арабские обозначения планет. Помимо *КП* такие же арабизмы обнаружены только в статье *Златоуста* на понедельник четвертой недели Великого поста. Статья эта русского происхождения, и появление ее (в ряду других текстов для будних дней) в *Златоусте* относится также к XV в.[12]

С вопросом о времени создания *КП* тесно связан вопрос о месте ее создания. Для его решения обратимся к рукописной традиции памятника, известного на сегодняшний день в шести списках. В результате проведенного текстологического анализа мной были выделены две основные редакции памятника, независимо друг от друга восходящие к архетипу.[13] Редакции не заключают в себе так называемой идеологической правки, и их выделение имеет чисто генеалогический смысл. Древнейшим является список собрания М. П. Погодина Российской национальной библиотеки, № 1434 (40-е гг. XV в.).[14] Этот список содержит самые исправные чтения, и, таким образом, именно он наиболее близок к не дошедшему до нас архетипу *КП*. Существенной чертой списков *КП* является наличие в них новгородизмов, характеризующихся прежде всего неразличением *ѣ* и *и*, а также цоканьем: Александр*ѣ*я, вид*и*въ, въскри*ц*я, вым*ц*яти, зато*цѣ* (вм. заточи), кузн*и*ць, М*ѣ*дия, негн*ѣ*юща, Палест*ѣ*нѣ, Перс*ѣ*ды, р*и*ц*ѣ*, *цѣ*ну (вм. чину) и т. д. И хотя в ряде случаев новгородские черты в списках разных редакций *КП* демонстрируют несовпадающие слова, существует группа новгородизмов, общих для ранних списков обеих редакций (в поздних списках новгородизмы подверглись правке). Это говорит о том, что новгородизмы входили в архетипный текст памятника, и свидетельствует в пользу новгородского — или, по крайней мере, северо-западного — происхождения *КП*.

В пользу Новгорода как места создания памятника свидетельствует и кодикологический анализ его списков. М. А. Шибаевым было установлено, что филигрань и почерк древнейшего списка *КП* (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1434) совпадает с филигранью и почерком части Комиссионного списка Новгородской первой летописи, датирующегося серединой XV в. Ряд фактов позволил исследователю назвать даже конкретное место, где указанный список предположительно мог быть создан: это новгородский Вяжищский монастырь.[15] Если же исходить из того, что текст древнейшего списка *КП* лучше всего отражает архетип памятника, можно высказать осторожное предположение, что и сама *КП* создавалась в Вяжищском монастыре.

Подтверждением выводов о новгородском происхождении *КП* является, несомненно, и историко-культурная ситуация, сложившаяся в Новгороде к XV в. Вряд ли будет преувеличением сказать, что Новгород, и прежде игравший особую роль в развитии древнерусской культуры, в конце XIV—начале XV в. становится важнейшим культурным центром Древней Руси. Расцвет новгородской культуры проявился в самых разных жанрах, но в первую очередь — в историческом повествовании. Говоря о ярко выраженном интересе новгородцев к истории, следует иметь в виду не только летописание (что в медиевистике стало уже общим местом), но и хронографию. Есть основания полагать, что именно в этот период в Новгороде создается *Летописец Еллинский и Римский* Второй редакции, названный Д. С. Лихачевым «самой крупной литературной энциклопедией средневековья».[16] Особо стоит отметить появившиеся в *Летописце* абсолютные даты, отличающие его от более ранних памятников древнерусской хронографии и одновременно сближающие с *КП*. Вспомним также и о том, что в XV в. Новгород становится местом самого бурного обсуждения вопросов, связанных с ожидавшимся концом света.

И последнее. В самое недавнее время был обнаружен черновик *Полной Хронографической Палеи* (далее — *ПП*) — одного из важнейших для древнерусской хронографии (и в не меньшей степени — экзегезы) текстов.[17] Рукопись Барсовского собрания ГИМ, № 619 — а именно она

[10] См., например: *Турилов А. А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов-«семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 33.

[11] Об этом и других списках *Палеи* см.: *Шибаев М. А.* Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 146—163.

[12] См.: *Творогов О. В., Черторицкая Т. В.* Златоуст // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 359.

[13] Подробнее см.: *Водолазкин Е. Г.* Редакции Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 164—180.

[14] Помимо этого, *КП* содержится в следующих рукописях: БАН, № 24.5.8 (70-е гг. XV в.), РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1436 (1590 г.), РГБ, собр. С. О. Долгова, № 1 (кон. XV—нач. XVI в.), РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 551 (сер. XVI в.) и РНБ, F.IV.603 (интересующая нас часть переписана полууставом XVII в.).

[15] *Шибаев М. А.* Кодикологическое описание... С. 146—150.

[16] *Лихачев Д. С.* Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 100.

[17] См.: *Vodolazkin E. G.* Zu einer Rohfassung der Polnaja Chronografičeskaja Paleja und zum Verhältnis zwischen den verschiedenen Paleja-Redaktionen // The Old Testament Pseudepigrapha in Slavonic Tradition / Ed.: Christfried Böttrich, Lorenzo di Tommaso. Tübingen, 2007 (в печати).

в результате исследования идентифицирована мной как черновик *ПП* — позволяет не только выстроить достоверную историю взаимоотношения палейных текстов (речь здесь идет в первую очередь о взаимоотношениях между *ПП* и *Толковой Палеей*). Содержащиеся в барсовской рукописи данные позволяют сделать и выводы, значимые для истории русской хронографии.

Дело в том, что барсовская рукопись несет в себе бесспорно новгородские черты. Если учесть, что изготовлена она была, по всей вероятности, в первой четверти XV в., можно предположить, что создание *КП* и *ПП* разделяет не более (а вполне возможно, что и менее) трех десятилетий. Но этим сходство обоих памятников не ограничивается. Как известно, начальная часть *КП* является сокращением *Толковой Палеи*. Начальная часть *ПП* представляет ту же *Толковую Палею*, но только в несокращенном виде. В свое время В. М. Истриным было установлено, что в основу *ПП* был положен список *Толковой Палеи*, близкий по типу к списку РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 68/1145.[18] Мое исследование *КП* показало, что, сокращая текст *Толковой Палеи*, создатель *КП* имел под руками также список кирилло-белозерского типа. В хронографической части *КП* и *ПП*, где использован текст *Хронографа по Великому Изложению*, мы сталкиваемся с еще большей близостью источников: начиная с царствования Кира тексты *КП* и *ПП* становятся почти идентичными.

Приведенные факты позволяют допустить, что *КП* и *ПП* были созданы одним и тем же кругом новгородских книжников. Вполне вероятно, что первым опытом соединения палейного текста с хронографическим была *ПП*, текст обширный, но в жанровом отношении весьма неоднородный и распадающийся на экзегетическую и историографическую части. Искусственность присоединения одной части к другой могла быть причиной неудовлетворенности результатом этой работы и послужить толчком к созданию нового, жанрово однородного (и в этом смысле предвосхитившего следующий этап развития древнерусской хронографии) произведения — *КП*.

В дополнение к рассматривавшимся текстам следует упомянуть и *Пророчество Соломона*.[19] В свое время мной было высказано предположение, что этот памятник является попыткой продолжить *Толковую Палею*, обрывающую повествование на царствовании Соломона.[20] В отличие от *ПП*, представляющей жанрово иное продолжение *Толковой Палеи*, *Пророчество Соломона* выдержано в строго экзегетическом духе (при этом оно также содержит хронографические фрагменты). Памятник датируется XIII в., хотя не исключается также и более поздняя датировка.[21] В даном случае для нас важно, что произведение это было создано также в Новгороде. Это свидетельствует о долговременном устойчивом интересе новгородских книжников к палейно-хронографическим темам и обращении их к одному и тому же репертуару источников.

Подведу краткие итоги. Предположительно в первой половине XV в. в Новгороде создается *КП*, всемирно-историческая компиляция, основанная по преимуществу на двух источниках — *Толковой Палее* и *Хронографе по Великому Изложению*. Есть основания полагать, что *КП* создавалась тем же кругом книжников, что немногим ранее составил *ПП*. Используя современную терминологию, можно было бы сказать, что *КП* располагалась на границе историографии и богословия, причем граница эта в средневековье была весьма условной. В отличие от предшествующих памятников хронографического жанра, *КП* обнаруживает особый интерес к хронологическим подсчетам. Особенности этих подсчетов позволяют предположить, что создание памятника не в последнюю очередь было связано с ожиданием конца света в 1492 г. Древнейший список *КП* (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1434) относится к 40-м гг. XV в. Текстологический анализ показывает, что именно этот список наилучшим образом отражает первоначальный текст памятника. Древность списка из собр. М. П. Погодина и его текстологические характеристики позволили положить его в основу предпринимаемого мной критического издания *КП*. Хочется надеяться, что научная публикация одного из интереснейших памятников древнерусского исторического повествования даст новый материал для исследования как литературы средневекового Новгорода, так и древнерусской культуры в целом.

---

[18] *Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи. С. 171.

[19] Издание текста памятника см.: *Водолазкин Е. Г., Руди Т. Р.* Из истории древнерусской экзегезы («Пророчество Соломона») // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 252—303.

[20] *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 243—246.

[21] См.: *Водолазкин Е. Г.* Об улыбках и котах (по поводу книги А. Пересветова-Мората A Grin without a Cat) // Русская литература. 2004. № 4. С. 201—202.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПОБЕДА НА ВОЛГЕ*

Образование на восточном рубеже Русской земли мощного Казанского ханства, одного из самых активных осколков Джучиева улуса, существенно осложнило политическое и стратегическое положение Великого княжества Московского. Поражение русских войск под Белевом (1437 г.) и нашествие Улу-Мухаммеда на Москву (1439 г.) — первые симптомы новой грозной опасности. Затем последовала катастрофа под Суздалем 7 июля 1445 г., когда великокняжеское войско было наголову разбито казанскими царевичами, а сам великий князь Василий, храбро сражавшийся в первых рядах, оказался в плену. Тяжелые условия выкупа из плена способствовали захвату Москвы Дмитрием Шемякой и обострению межкняжеской усобицы. Но грозному Казанскому ханству не хватило внутренней прочности. Сыновья Улу-Мухаммеда вступили после смерти отца в борьбу за престол, один из казанских царевичей перешел на службу к великому князю Московскому и стал главой вассального Касимовского царства. Хотя отношения с Казанью оставались напряженными, до открытого разрыва не доходило — в 1461 г. великий князь Василий готовился к походу против хана, но заключил с ним мир. Одной из актуальных задач внешней политики оставалось обеспечение стабильности на восточном стратегическом направлении. Первая попытка решить эту задачу была предпринята в 1467—1469 гг. После трех первых неудачных походов осенью 1469 г. Казань капитулировала перед русскими войсками во главе с князем Юрием Васильевичем. Был заключен мир. Точные условия его не известны, но на несколько лет спокойствие восточной границы сохранялось. Однако оно было весьма непрочным. Зимой 1478 г. хан Ибрагим, получив ложное известие о поражении великого князя под Новгородом, совершил нападение на северные русские уезды, но, узнав о взятии Иваном III Новгорода, поспешно отступил. Последовал карательный поход русских войск на Казань. До боевых действий дело не дошло — мир был продлен. Смерть

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04.01.00.392а.

© Ю. Г. Алексеев, 2007

хана Ибрагима повлекла за собой новые смуты. По выражению Н. М. Карамзина, «Казань сделалась театром несогласия и мятежа».[1] В этих условиях великий князь Иван Васильевич принял решение добиться стабилизации положения путем установления в Казани власти, дружественной Российскому государству.

Кампания 1487 г. особого интереса у дореволюционных историков не вызывает. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев ограничиваются кратким пересказом летописных известий.[2] А. Е. Пресняков сказал о ней несколько слов в подстрочных примечаниях.[3] Значительно больше внимания уделил этому сюжету К. В. Базилевич. Используя Воскресенскую и Устюжскую летописи, Щукинскую разрядную книгу он дал краткий очерк хода событий.[4] Краткий очерк приводит и новейший исследователь В. А. Волков.[5] Е. А. Разин — автор наиболее обстоятельной работы по военной истории, вышедшей в советское время, уделявший много места событиям военной истории России, о кампании 1487 г. не упоминает вовсе.[6] Тем не менее эта кампания заслуживает внимания как в историко-политическом, так и в военно-историческом аспекте.

Основным источником сведений о большом походе на Казань в 1487 г. являются летописи и разрядные записи (РЗ). В качестве источника могут быть использованы также сведения З. Герберштейна и посольские дела.

Московская летопись по Уваровскому списку (ВКЛ) в дефектном виде[7] передает рассказ, который в полном виде содержится в Никоновской летописи под заголовком «О Казанском взятии».[8]

В известии приводятся имена воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского. Содержатся точные даты — 11 апреля (Великий четверг) — отправка войска; «на другой неделе по Велице дни во вторник 24 апреля» — отправка Магмет-Аминя; 18 мая, четверг «на 5 неделе по Велице дни» — приход воевод под Казань; 9 июля — взятие Казани; 20 июля — получение вести об этом в Москве.

Эти известия имеют признаки официального характера, восходящие к документальному первоисточнику, содержавшему точные даты и сведения, расположенные в хронологическом порядке. Таким первоисточником могли быть донесения воевод. Вместе с тем, однако, надо отметить некоторые неточности. Пасха в 1487 г. приходилась на 15 апреля, следовательно, 11 апреля, день отправки войск по Никоновской, был не четверг, а среда, а 18 мая — день подхода к Казани — не четверг, а пят-

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1998. Т. 6. С. 112; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3, т. 5. С. 68.
[2] *Карамзин Н. М.* История... С. 112—113.
[3] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 429.
[4] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 203—205.
[5] *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 23—24.
[6] *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1957. Т. 2.
[7] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 331.
[8] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 218—219.

ница. Известие Никоновской не содержит никаких подробностей ни о составе войск, отправленных под Казань, ни о ходе боевых действий.

Это же известие содержится в Вологодско-Пермской, Спасо-Прилуцкой, Типографской летописях.[9]

Ермолинская приводит краткое известие: «Посылал князь великий к Казани своих воевод, князя Данила Дмитриевича Холмского да князя Семена Ряполовского и многое множество войску с ним, и конников, и судовников, и град взяша, и царя поимали <…> А в Казани посадиша брата его меньшего на царьство, и бысть тишина велми в тех странах от Татар».[10]

Это известие, несмотря на свою краткость, содержит важные сведения, говоря о «конниках» и «судовниках».

По сведениям Софийской 2 и Уваровской: «Того же лети [6995] гибло солнце на Ильин день. И в той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовский, подая весть великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали. Князь же великий рад быв и посла к митрополиту, повеле молебная свершити. Митрополит же повеле звонити во все колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздиша. Царя же приведоша на Москву в четверк, за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилова дворе Александровича Ярославского».[11] Последняя часть рассказа — о торжествах в Москве по случаю победы — могла быть позаимствована из официального источника.

Самостоятельный рассказ о походе 1487 г. приводит Устюжская летопись. Она называет имена воевод — князя Данилы Холмского и князя Семена Ряполовского (т. е. воевод судовой и конной ратей), говорит о совместном приходе их под Казань, а главное — содержит довольно подробное описание боевых действий. Такого описания в других источниках нет — у устюжского летописца могла быть своя информация, может быть, от участников событий. Это наводит на мысль об участии устюжан в походе. Летопись приводит только одну дату — взятие Казани 9 июля. Отсутствие других дат может свидетельствовать о неофициальном характере источника. Концовка рассказа носит вполне официальный характер и могла быть заимствована из какого-то документального источника: «Князь великий воивод своих изъжаловал, а бояр и детей боярских хто чего достоен. А царя Алехама посадил на Вологде за сторожи с материю и со царицею. А княжат и княгинь и татар розъсажал по посельским, а иных привел к роте, что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань».[12]

Итак, в нашем распоряжении четыре основных летописных рассказа о походе 1487 г. Каждый из этих рассказов имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения возможности реконструкции реального хода событий.

[9] ПСРЛ. 1959. Т. 26. С. 278; 1963. Т. 28. С. 153; 1921. Т. 24. С. 205.
[10] ПСРЛ. 1910. Т. 23. С. 162.
[11] ПСРЛ. 1853. Т. 6/2. Стб. 322—323; Т. 28. С. 318.
[12] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 96.

Все четыре рассказа не противоречат, а в значительной мере дополняют друг друга.

Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК-05) о казанских событиях 1484—1487 гг. содержит четыре записи.

1. Под 6992 (1484) г. — об отправке воевод на казанского царя Алехама: «...и воевода тады Казань взяли, а Магмет-Амина царя в Казани на царство посадили, по великокого князя наказу».

2. Под 6993 г.: «Государь князь великий <…> отпустил на Казань Алегама царевича, а с ним послал воевод своих <…> на Магмет-Амина царя. И Алегам царевич, пришед, сел на Казани, а Магмед-Амин царь с Казани збежал».

3. Под 6994 г.: «Великий князь послал в Казань к Махмед-Аминю царю для береженья воевод своих <…> по его Магмед-Аминева присылке, что он хотел братью свою меньшую великому князю выдать. И князи казанские ему братьи выдать не дали, а самого Магмед-Амина хотели убить, и он ушел [к] великого князя воеводам. И казанцы прислали за ним бить челом, и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани».

4. Под 6995 г.: «В лето 6995 году взятье казанское при великом князе Иване Васильевиче всея Руси. Согнал с Казани Магмед-Амина царя брат ево Алехам, а пришол из Нагаи по слову с казанцами. И князь великий <…> послал под Казань Магмед-Аминя царя да воевод своих на царя Алехама казанского…».[13]

Разрядная книга 1475—1598 (далее — РК-98) записи 6992 г. не содержит, а известия 6993 г. излагает так: «Отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедеминя, а с ним послал воевод своих <…> И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин».[14]

Запись 6994 г. в общих чертах совпадает с записью в РК-05.

Таким образом, если, по РК-05, поход 6993 г. был совершен против Магмет-Амина и имел следствием утверждение на царство Алегама, то, по РК-98, дело обстояло как раз наоборот.

Представляется, что в этом случае в РК-05 допущена ошибка.[15] Ясно, что если бы в 1485 г. на казанский стол сел Алегам, то в следующем году не нужно было бы посылать воевод Махмед-Амину царю для «береженья». Но если так, то вызывает подозрение и известие за 6992 (1484) г. Полное совпадение списков воевод в известии за 6992 (1484) г. и 6995 (1487) г. свидетельствует, что составитель РК-05 известие о походе воевод на Казань поместил дважды: под 6992 (1484) г. и 6995 (1487) г.

Разрядные записи приводят имена воевод, но не сообщают никаких реальных сведений о ходе событий.

Своеобразным источником является поздняя «Казанская история», составленная, по мнению исследователей, в конце XVI в. Перечисляя имена воевод как в Никоновской, этот источник пишет: «И встретя их

[13] РК-05. С. 26—27.
[14] РК-98.
[15] Об ошибках РК-05 см.: *Зимин А. А.* Текстология пространной редакции разрядных книг (за 1475—1537 гг.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 149—170.

казанский царь Алехам с татары своими на реке на Свияге. Бывшу же у них бою велику <…> и побише ту многие Казанцев, мало их живых в Казань утече, и град затворити и осадити не успеша и самого царя Алехама живы яша руками, и с ними во град въшедше…».[16]

Эти поздние сведения не соответствуют современным известиям, но отражают предания, жившие в народной памяти.

К числу таких же преданий относится и рассказ З. Герберштейна о захвате Алегама обманом.[17]

Реконструкция реальных событий может быть проделана на базе летописных рассказов и разрядных записей.

Победы на северо-западе (над новгородскими сепаратистами) и на юге (над Ахматом) создали к середине 80-х гг. принципиально новую стратегическую обстановку и дали возможность приступить к активным наступательным действиям на восточном стратегическом направлении.

Борьба между претендентами на ханский престол создавала нестабильную обстановку в Казани и в то же время могла способствовать усилению русского влияния.

Под 6994 (1486) г. Устюжская летопись помешает известие: «Ис Казани прибегл к великому князю <…> царь Махмет-Емин от брата своего от царя Аляхама, да бил челом великому князю, а назвал себе его, великого князя, отцем, а просил у него силы на брата своего на Аляхама, царя казанского, и князь великий силу порекл ему дати».[18]

Этому соответствует и известие Софийской 2 — Уваровской: «Приеха царевич казанского царя сын, а Темиров внук, еще бе мал, к великому князю, князь же великий приат его». Далее под тем же годом: «Прислаша казанцы к великому князю, а ркучи так: „Что есмя отпустили к тебе царевича на том, что почнет наш царевич царя нашего, а меншицын сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам. И нынеча наш царевич, а меншицын сын услышав то, да зазвавши нас к себе на пир, хотел нас перетерети, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город, да окрепивши город, да за нами пошел, в поле”».[19] «Меншицын сын» — это Алегам, сын Фатимы, младшей жены царя Ибрагима. Царевич, отпущенный в Москву, — это Магмет-Амин, сын Нур-Салтан, старшей жены Ибрагима, вышедшей позднее за Менгли-Гирея Крымского. В марте 1487 г. великий князь через своего посла в Крым передает Нур-Салтан о желании «добро смотрети» ее сыну Магмет-Аминю.[20]

В Казани шла династическая борьба, и один из претендентов на казанский стол признал себя вассалом великого князя, дав ему тем самым законный повод для вмешательства в казанские дела. При этом можно было надеяться на дружественную позицию Менгли, что обеспечивало безопасность южного стратегического направления. Однако борьба за

[16] ПСРЛ. 1903. Т. 19. Стб. 21, 226.
[17] *Герберштейн З.* Записки о Московии. М., 1988. С. 170.
[18] ПСРЛ. Т. 37. С. 96.
[19] Там же.
[20] РИО. Т. 41. № 16. С. 59.

укрепление русского влияния в Казани осложнялась обострением отношений с Вяткой.

Устюжская летопись сообщает: «В лето 6994 месяца марта в 18 день вятчане пришли ратью на Устюг, у города не были, зане же весть ушла перед ними. И стояли под Осиновцем городком день и прочь пошли, а 3 волости разграбили, а устюжане в погоню за ними ходили, да не дошли их. Того же лета о Троицыне дне (15 мая. — *Ю. А.*) водою вятчане приходили на судех под Устюг под Осиновцом изгоном и стали обедать. А воевода Костя Юрьев шел с ними в неволю. А в ту пору сын его Торопа Иван, трясца поимала, и он захотел соку соснового. И Костя сам с ним пошел в лес, взем топор. И дошед до лесу, рать покинул и с сыном в город Осиновец утек. И осиновляне на конех отпустили со многими людьми на подводах к Москве. И князь великий их пожаловал. А вятчане хватилися, оже воеводы нет, утекл. И они возмялись, начаше к городу приступати и аючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воивода их на конех и с проводники к великому князю побегл и они на ту ночь и побегоша к Вятке».[21]

Итак, в самый канун похода на Казань возник конфликт с Вяткой и наметился раскол в вятской общине. Это, без сомнения, осложняло общую обстановку на восточном направлении: войска, идущие на Казань, нуждались в стратегическом обеспечении своего левого фланга.

Уваровская летопись, рассказав об отправке воевод на Казань в апреле («о Велице дни») 1487 г., далее пишет: «Тогда же и вятчане отступиша от великого князя. Князь же великий посла на вятчан воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со многою силою. И он шед и умиришася с ними и возвратишася».[22] Устюжское известие находит подтверждение в Софийской 2 и Уваровской: «Тогда же и воевода вятский Костя прибеже к великому князю к Москве».[23]

Разрядная запись за 6995 г., рассказывающая о походе на Казань, далее отмечает: «Того же году послал князь великий к Вятке воевод князя Ивана Володимеровича Лыка да Юрья Ивановича Шестака».[24]

До боевых действий дело, видимо, не дошло. Как мы видели, воевода Кутузов, посланный на Вятку «со многою силою», «шед и умирися с ними и възвратишася».

Тем не менее опасность со стороны Вятки была реальностью и учитывалась в действиях русского верховного главнокомандования.

Фактическое сосредоточение всего военного и политического руководства в руках великого князя дает возможность определить его функции как верховного главнокомандования (ВКГ). Органом управления ВГК можно считать ту часть канцелярии великого князя, которая вела разрядные записи и другую документацию, связанную с военными действиями. Это разрядное ведомство — зародыш будущего Разрядного приказа.

[21] ПСРЛ. Т. 37. С. 49—50, 96.
[22] ПСРЛ. Т. 28. С. 318; Т. 6, вып. 2. Стб. 323.
[23] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 323; Т. 28. С. 318.
[24] РЗ-98. С. 21.

Важнейшим делом ВГК было определение цели похода, формирование войск, предназначенных к походу на Казань, и назначение воевод. Целью похода было установление в Казани дружественной власти.

Официальная летопись называет имена четырех воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского и князя Семена Романовича.[25]

Гораздо более подробные сведения содержат разрядные записи. «Князь великий <…> послал на Казань воевод своих по полкам. В судех. В Большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской да князь Осиф Андреевич Дорогобужской. В Передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской. В правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской, да Иван Борисович, да князь Ондреев воевода князь Василей Никитич Оболенской. В левой руке князь Семен Романович Ярославской да князь Борисов Васильевича воевода князь Василий Иванович Хованской. А в конной рати князь Федор Хрипун да брат его князь Василей Мних Семеновичи Стародубские. А пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским. Да к Казани же послал князь великий конную рать на помочь воеводам: князя Василия Федоровича Шуйского да Дмитрия Ивановича Киндырева. А в судех князя Ивана Васильевича Ромадановского».

В поход идут одновременно конная и судовая рати — это известие Софийской 2 — Уваровской подтверждают разрядные записи. Большой полк идет в составе судовой рати — очевидно, ей придается решающее значение.

Во главе Большого полка наиболее опытный и прославленный воевода, победитель на Шелони. Присутствие князя Данилы Холмского во главе войск свидетельствует о значении похода, которому придается ранг важнейшего государственного мероприятия.

Второй воевода Большого полка — из тверских удельных князей. В 1480 г. он участвовал в отражении нашествия Ахмата. Летом 1485 г. он командировался на службу великому князю Ивану Васильевичу. По мнению А. А. Зимина, он получил в удел-кормление Ярославль. Однако этот факт подтверждается только грамотой Троице-Сергиеву монастырю, выданной князем Дорогобужским в 1490—1495 гг. на беспошлинный проезд по Шексне.[26] Нельзя исключить, что, перейдя на службу в Москву, он продолжал сохранять связь со своим тверским уделом. Став воеводой великого князя всея Руси, он мог вести с собой служилых людей из своего тверского удела. Сравнительно плавный безболезненный переход Тверского великого княжения в состав Русского государства мог способствовать сохранению тверскими князьями своих уделов. В отличие от своего брата Юрия, Иосиф Андреевич в походе 1471 г. не участвовал и в источниках впервые упоминается в 1480 г. Его военная карьера относится к 1490—1500-м гг. Можно думать поэтому, что в

[25] ПСРЛ. Т. 12. С. 218.
[26] АСВР. Т. 1. № 552. С. 429.

1487 г. он был сравнительно молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта. Назначение князя дорогобужского в Большой полк может свидетельствовать о доверии к нему со стороны великого князя: его новые тверские подданные сразу занимают важные посты в войске.

Передовой полк возглавляет представитель старого московского княжеско-боярского рода, служившего великим князьям уже многие десятилетия. В событиях последней трети XV в. принимали участие два Семена Ивановича Ряполовских. Старший из них, Семен Хрипун — внук родоначальника, князя Андрея Федоровича. Младший — этого Семена Хрипуна племянник. Сын Семена Хрипуна Федор Хрипун уже в 1468 г. был воеводой и разбил казанцев у Нижнего Новгорода. В 1487 г. его отцу должно было быть не менее 50—60 лет. Более вероятно, что Передовой полк возглавлял Семен Иванович Младший («Молодой»). Вероятно, тот же Семен Иванович в походе 1477 г. возглавлял суздальцев и юрьевцев в составе Большого полка, т. е. не был самостоятельным воеводой, а подчинялся воеводе Большого полка князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Участие в походе 1477 г. — первый известный нам боевой опыт князя Семена Ивановича. В 70-х гг. он был еще сравнительно молодым человеком, его карьера, трагически оборвавшаяся опалой и казнью, относится к 80—90-м гг.[27]

Первый воевода полка правой руки князь Александр Васильевич Оболенский — младший брат Ивана Стриги, известного воеводы 40—70-х гг. В отличие от своего старшего брата, князь Александр впервые упоминается в источниках в 1475 г., но уже в качестве боярина в составе свиты великого князя в «походе миром» на Новгород. В 1477 г. он с несколькими городовыми полками входил в состав Большого полка. Видимо, он был значительно моложе своего брата: его военная карьера расцвела в 90-х гг., а в 1501 г. он пал в битве с литовцами.[28]

Второй воевода того же полка — выходец из Твери, сравнительно недавно перешедший на великокняжескую службу.

В этом же полку идут служилые люди князя Андрея Большого, во главе с его воеводой — одним из князей Оболенских. На примере князей Оболенских видно, как служба разводит под разные знамена представителей одного и того же княжеского рода: одна из линий князей Оболенских потомственно служит великому князю, другие линии — удельным князьям.

Полк левой руки возглавляет один из ярославских князей, давно уже превратившийся в служилого человека великого князя и имеющий боевой опыт в походах на Казань. Здесь же — и удельно-княжеский воевода, очевидно, со служилыми людьми своего князя.

Во главе конной рати идут братья князья Ряполовские. Конной рати в разряде весны 1487 г. уделяется заметно меньшее внимание. Тут нет деления на полки — видимо, она рассматривалась как сила второсте-

[27] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. / Отв. ред. [и авт. предисл.] В. И. Бучанов. М., 1988. С. 38—41.
[28] Там же. С. 48—50.

пенного значения. Об этом свидетельствует и заранее отданное распоряжение великого князя о переходе конной рати по прибытии под Казань в распоряжение воеводы Передового полка. Таким образом, судя по разрядным записям, ВГК предусматривало некоторое переформирование сил по выходе в район боевых действий.

Судовая рать — пехота. Подчинение ей конной рати свидетельствует о вспомогательной роли конницы в первоначальном плане операции. Ее задачей, вероятно, было обеспечение защиты осаждающей город пехоты от действий подвижных отрядов защитников крепости.

Упорная оборона Казани заставила выслать новые силы «на помочь».

Во главе конной рати пошел князь Василий Федорович Шуйский. В 1471 г. он ходил вместе с псковичами в поход на Новгород, в 1480—1481 гг. он был наместником в Новгороде, а в 1491—1496 гг. — во Пскове, и умер в походе под Выборг.

Второй воевода — из тверских бояр, в мае 1476 г. бивших челом в службу великому князю Ивану Васильевичу. В актовом материале упоминается какой-то Дмитрий Иванович, наместник Кашинский.[29] Издатели акта относят его по косвенным данным к последним годам независимости Твери (1484—1485). Но не исключено, что Дмитрий Иванович — возможно, Киндырев — был наместником уже после включения Твери в состав единого государства. В таком случае он мог вести в поход на Казань кашинское служилое ополчение. Само по себе участие тверских служилых людей в походе на Казань вполне вероятно: система тверского служилого землевладения, по крайней мере вплоть до начала 90-х гг., не подвергалась, по-видимому, существенным изменениям.

Воевода судовой рати князь Иван Васильевич Ромодановский упоминается здесь впервые. Видимо, он был еще молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта.[30] По-видимому, в рати посланной «на помочь», главную роль играла конница — здесь два воеводы, из которых первый — уже опытный воин. Борьба с подвижными отрядами оказалась более сложной, чем предполагалось.

Таким образом, если действия ВГК перед походом заключались в определении цели и задач похода, в формировании войсковых соединений, назначении воевод, то во время самого похода ВГК реагировало на сложившуюся обстановку путем присылки подкреплений за счет формирования новых полков или выдвижения на театр войны сил из стратегического резерва. Руководство войсками на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, снабженных соответствующими инструкциями.

Общий ход кампании отражен в официальной летописи. Войска выступили из Москвы 11 апреля «в четверток великий». «А царя Магмет-Аминя Казанского отпустил княз великий на другой недели по Велице дни во вторник, априля 24. А пришли воеводы великого князя и с

[29] АСВР. Т. 3. № 160. С. 175.
[30] *Зимин А. А.* Формирование... С. 39—40.

силою под город под Казань месяца маия в 18 день, в четверток на пятой недели по Велице дни. И взяша город Казань июля в 9 день и царя Алегама Казанского изымаша с материю и его царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князьми. И приведоша их на Москву. Июля же 20 прииде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипун Ряполовский. И князь великий Иван Васильевичь всея Русии царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил, и иных коромолников».[31]

Рассказ официальной летописи позволяет сделать некоторые выводы. Марш-маневр к Казани занял 37 дней, если считать, что войска выступили именно 11 апреля. Маршрут движения неизвестен, но, исходя из сообщения других летописей об одновременном прибытии к Казани конной и судовой ратей, можно думать, что они двигались вместе. В 1469 г. судовая рать сосредоточилась в Нижнем Новгороде, вполне вероятно, что так было и в 1487 г. Передовой отряд добровольцев подошел к Казани в 1469 г. 21 мая после четырехдневного плавания вниз по Волге. Движение конной рати по берегу должно было быть, естественно, более медленным. В 1552 г. среднесуточный переход составлял около 30 км, дневки делались в среднем каждые 8 дней.[32] Если так, то 400 верст от Нижнего до Казани конная рать могла пройти примерно за 12—15 дней, т. е. должна была выступить из Нижнего примерно 3—5 мая и 400 км от Москвы до Нижнего пройти за 15—18 дней. Выступив из Москвы 11 апреля, конное войско могло подойти к Нижнему около 1 мая и после нескольких дней отдыха двинуться к Казани. При всей приблизительности этих расчетов они свидетельствуют о правдоподобии дат, приведенных в летописи.

Устюжская летопись приводит живой рассказ о боях под Казанью: «И пришед сила великого князя под Казань, конная и судовая вся. И царь Алехам из города из Казани со князьями своими выехал и с силою против воевод великого князя мало побився и в город побеже. А воеводы город Казань обсели и острог около города доспели. Един князь татарский именем Алгазы со царем в город не полез, тот зла много чинил силе великого князя. А после того князя сила великого князя и прогна за Каму в поле. А царь Аляхам седе в городе 3 недели; на всяк день татарове из города вылазя билися с Русью. И прииде на царя и на татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя ко князю Данилу Дмитриевичу Холмскому да ко князю Семену Ивановичу Ряполовскому. И город взяли, и матерь цареву и его царицу, и много князей татарских и их княгинь поимали июля в 9 день, на память Панкратия Тавроменинского».

Список Мацеевича приводит тот же текст с незначительными сокращениями и разночтениями. Единственное серьезное отличие текста по списку Мацеевича — князь Аль-Гази (Ольгаза по этому списку) «силе

[31] ПСРЛ. Т. 12. С. 218—219.
[32] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. С. 359.

великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле», т. е. за Каму были прогнаны русские войска, а не татарский князь. Эта явная ошибка списка Мацеевича свидетельствует о вторичности его текста по сравнению с Архангелогородским.

Таким образом, боевые действия под Казанью начались с боя в открытом поле. Подробности боя неизвестны, но можно думать, что Алегам стремился нанести поражение русским войскам и не допустить штурма или осады своей столицы. Повторился сценарий осеннего похода 1469 г. в изображении той же летописи. Как и тогда, русские войска не стали штурмовать город, а приступили к правильной осаде, соорудив вокруг города острог, т. е. контрвалационную линию.

Когда же все это произошло? По сведениям официальной летописи, войска подошли к Казани 18 мая; по сведениям Устюжской, Алегам сидел в городе три недели до своей капитуляции, которая произошла 9 июля (с этой датой согласны все источники). Следовательно, близкая блокада с помощью острога началась около 18 июня, т. е. борьба в поле продолжалась около месяца. Трудно поверить, что сооружение острога могло занять столько времени.[33] Скорее всего, Устюжская допускает ошибку в расчете числа недель осады. Но общая картина событий представляется довольно убедительной. Перед нами — классический пример осады большого города крупными силами с использованием фортификационных сооружений.

В этих условиях возможны были два исхода событий — капитуляция города вследствие недостатка съестных припасов или воды (как в 1469 г.) или штурм города при благоприятных для осаждающих обстоятельствах (известия о деморализации в городе и т. п.).

В отличие от 1469 г., казанцы часть своих сил не стали вводить в город, а попытались действовать против осаждающих из открытого поля. Судя по сведениям летописца, эти действия приносили русским войскам большой ущерб (т. е. были достаточно эффективны). Может быть, именно поэтому было принято решение об отправке к Казани «на помочь» конной рати князя Василия Федоровича Шуйского в сопровождении судовой рати. Во всяком случае, русским войскам удалось одержать победу над Аль-Гази и заставить его отойти за Каму.

Осажденные в Казани войска Алегама делали ежедневные вылазки. Этот образ действий мог бы быть целесообразным при примерном равенстве сил (осажденные имели бы преимущество инициативы и могли бы легко укрыться в городе, где они легче могли восстановить свои силы, чем осаждающие) в надежде частыми вылазками измотать противника, а также имея в виду взаимодействие с силами Аль-Гази. Однако в конечном счете эта тактика активной обороны себя не оправдала. Аль-Гази был отброшен, русские наращивали силы, а силы гарнизона таяли. Бесперспективность дальнейшей обороны заставила Алегама сдаться на милость победителя.

[33] Известно, что в 1552 г. сооружение циркуливолационной линии заняло 7 дней (Там же. С. 362).

Борьба за Казань продолжалась 50 дней. В отличие от кампании 1469 г., нет сведений об отнятии воды — видимо, на этот раз снабжение города водой не прерывалось.

Кампанию 1487 г. целесообразно сравнить с кампанией 1469 г. — первым опытом борьбы под стенами столицы казанских ханов.

В обоих случаях стратегической целью была сама Казань — исход войны должен был решиться под ее стенами. Однако реальный ход событий в этих кампаниях существенно различается. В кампании 1469 г. взаимодействие конной и судовой ратей удалось достигнуть только на последнем этапе, после двух лет неудачных походов. В 1487 г. это взаимодействие было заложено уже в первоначальный план и осуществлялось с самого начала боевых действий.

В кампаниях 1468—1469 гг. прослеживается стремление действовать на двух операционных направлениях, что себя не оправдало. В кампании 1487 г. все силы были развернуты на одном операционном направлении — был учтен удачный опыт осеннего похода 1469 г. князя Юрия Васильевича. Этот опыт был учтен и в тактике осады города — в постройке острога.

Условия борьбы в 1487 г. были, по-видимому, более сложными, чем осенью 1469 г.: тактика казанцев отличалась активностью, что значительно ухудшало положение осаждающих.

Тем не менее кампания закончилась полным успехом стратегического и политического масштаба. Над Казанским ханством впервые была одержана настоящая бескомпромиссная победа – впервые казанский царь признал свою зависимость от Русского государства.

Основной причиной победы в 1487 г. можно считать фактическое создание единого Российского государства: в распоряжении великого князя впервые были практически все силы Русской земли (за исключением Вятки). Это создавало благоприятные условия для работы ВГК, державшего в своих руках все нити управления войсками и страной.

В действиях ВГК можно отметить:

— постановку широкомасштабной политико-стратегической цели, решение которой создавало новую ситуацию на всем восточном направлении;

— учет опыта предыдущих кампаний, в частности:

— правильный выбор операционного направления,

— создание на нем мощной группировки сил под единым тактическим руководством со стороны опытного воеводы,

— правильное реагирование на сложившуюся обстановку,

— своевременную посылку «на помочь» резервов ВГК.

Памятником деятельности ВГК являются разрядные записи, впервые дающие самостоятельные — независимые от летописи — сведения о полках и воеводах и директивах ВГК.

В целом можно отметить, что руководство русскими силами и на стратегическом, и на тактическом уровнях проявило себя с положительной стороны, результатом чего была достигнутая большая победа.

Со стороны казанцев можно отметить упорную оборону города и умелые действия конницы вне кольца осады. Однако общая ситуация не давала казанцам благоприятных перспектив, и капитуляция была необходимой и в сущности оправданной акцией. Переходя под протекторат России, Казанское ханство сохраняло свою особность, сохраняло свою династию, свой политический строй, свою веру и свой уклад жизни. Для России же победа 1487 г. была крупнейшим успехом после Угры: она укрепляла безопасность восточного и северо-восточного направлений и давала возможность дальнейшего продвижения в сторону Урала и Сибири.

О. А. БЕЛОБРОВА

О ПОЧИТАНИИ МАКСИМА ГРЕКА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

Максим Грек, афонский монах и «настоящий византийский книжник-энциклопедист»,[1] прожил в Московском государстве около 40 лет и оставил обширное наследие переводчика, полемиста, публициста, незаурядного ученого. Его знакомство с русскими монастырями носило вынужденный характер: в Чудовом монастыре он по заказу великого князя Василия III успешно трудился над переводом Толковой Псалтири, а по окончании работ, получив отказ в возвращении на Афон, находился под следствием. По приговору церковных соборов 1525 и 1531 гг. (после обвинений в ереси, в порче богослужебных книг) Максиму Греку довелось быть сосланным в качестве узника, лишенного права причастия, в Иосифо-Волоколамский, а затем в Тверской Отрочь монастыри. Последние годы жизни Максим Грек провел в Троице-Сергиевом монастыре, где он и скончался в декабре 1555 г. В далеко не полном по сохранности документальном архиве Троице-Сергиева монастыря не отражены факты прижизненного пребывания в Сергиевой обители Максима Грека. Зато целый ряд его упоминаний относится к посмертному периоду. Так, в рукописном сборнике XVII в. в перечне захоронений на территории Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ф. 304, № 820) читается следующая запись на л. 28: «У западного угла церкви Сошествия Святаго Духа старецъ Максим Грек, преставися [70]64 [1556]-го году».[2] Надгробие, долгое время находившееся под открытым небом, видимо, сильно обветшало. Об этом позволяет судить сообщение другого рукописного сборника XVII в. (РГБ, ф. 304, № 740, л. 173): «На Максиме Греке камень подписывал Каменского монастыря постриженик чорной диакон Григорей, прозвище Ефиоп; ино сказал достоверно, что на камени надписано Мак-

[1] *Буланин Д. М.* Максим Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 89—98.

[2] Текст списка надгробий приведен в издании: *Горский А. В*. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 2. Приложение 10. С. 111. Дата смерти Максима Грека приводится по-разному: то 1555, то 1556 г.

© О. А. Белоброва, 2007

сим Грек, прозвище слиняло от доски».[3] И. Денисов предложил чтение «слиняло от дождей», хотя в рукописи текст вполне разборчив.[4]

В научной литературе принято считать, что к середине XVII в. у северной стены Духовской (Сошественской) церкви конца XV в. была сооружена часовня над гробом Максима Грека. Основанием датировки часовни послужило известие статьи «Из летописныя книги Троице-Сергиева монастыря о Максиме Греке», сопровождаемое двумя чудесами 1651 г. у его гроба.[5] Здесь сообщается, что после непочтительного поведения богомольца Иякова Софонова и келейника Иоанна, садившихся на могилу Максима Грека (стало быть, достаточно заброшенную), в монастыре были приняты защитные меры: «Повелением архимарита Андреяна[6] соделаша над ним (Максимом Греком. — *О. Б.*) часовню».[7] Заметим, что в неизданной рукописной Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 гг. (Сергиево-Посадский музей, инв. № 289) при упоминании Духовской (Сошественской) церкви еще не названо ни часовни, ни надгробного придела. Все это показывает, что захоронение Максима Грека до середины XVII в. было достаточно заброшенным и ничем не выделялось. Симон Азарьин в составленном им между 1646 и 1654 гг. Житии Дионисия Зобниновского (бывшего архимандритом Троице-Сергиева монастыря с 1610 по 1633 г.),[8] сообщал: «До сего же Дионисия в дому Сергия чюдотворца мало любили Максима Грека книг».[9] Оживление интереса к Максиму Греку в Сергиевой обители в XVII в.

[3] При публикации этой записи (*Арсений,* иером. Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. С. 133) имя «Григорей» пропущено.

[4] *Denissoff Élie*. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. Paris, 1954. T. 31, fasc. 1—4. P. 15.

[5] Эта статья, известная по одному списку XVII в. и по трем спискам XVIII в., опубликована вместе с чудесами в кн.: *Белокуров С. А*. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения. С. 7—10 и 40—41 (второй пагинации). См. также: *Буланин Д. М., Шашков А. Т*. Сказания о Максиме Греке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 396—398.

[6] Адриан Новгородец был архимандритом Троице-Сергиева монастыря в 1640—1656 гг. См.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. Стб. 139.

[7] Известие о постройке часовни, замеченное еще С. А. Белокуровым, содержится лишь в одном из четырех сборников (РНБ, собр. Погодина, № 1141, л. 531). В этом списке сочинений Максима Грека конца XVI в. оно находится на дополнительных листах XVIII в., датировка которых отмечена и Д. М. Буланиным в Приложении к его монографии: *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 230—231. По изданию С. А. Белокурова это известие привлекалось и в кн.: *Трофимов И. В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: Исследования и реставрация. М., 1961. С. 62 и 235.

[8] *Строев П. М*. Списки иерархов и настоятелей… Стб. 139.

[9] Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1817. С. 72. В самом деле, в неизданной Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 гг. (Сергиево-Посадский музей, инв. № 289) отсутствуют сборники слов и сочинений Максима Грека, хотя уже отмечены две Псалтири Толковые «Максимову переводу Грека» (л. 295 и 296). В 1665 г. Симон Азарьин вкладывает в монастырь еще один список Псалтири Толковой, перевод Максима Грека (РГБ, ф. 304, № 62), XVII в.

показывают такие факты: в Описи 1641—1643 гг. упоминается «Пелена, отлас червчат, а на ней шит образ преподобнаго Максима золотом, и около пелены шито серебром на гвоздичном отласе, пелена нашивана золотом» (эта пелена в музей, основанный в 1920 г., не поступала). А во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря под 1676 г. записано, что «боярин же и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово прислал в дом живоначальные Троицы вкладом н а г р о б М а к с и м а Г р е к а (разрядка наша. – *О. Б.*) покров сукна черново, на нем крест круживо серебряное, около покрова галунец серебряной же, подложен кумачем вишневым; да чашу заздравную серебряну, на поддоне чешуйчатую, золочена на оба лица, весом 2 фунта 22 золотника, построена кубком. Покров и чашу привез дьяк Андрей Юдин в 185 [1676]-м году ноября в 13 день» (и эти дары в музей не поступали).[10]

Существование часовни или палатки над гробом Максима Грека отмечалось и в новое время – в монастырских Описях 1759, 1789, 1859, 1874 и 1908 гг.[11] В Описи 1759 г. названа «полатка каменная, а в ней образов и протчего… образ преподобнаго Максима Грека во облаце… таблица в рамах столярных; на белом железе писан летописец Максиму Греку… гробница каменная… на гробнице образ оного преподобного, писан на красках». В Описи 1789 г. в часовне отмечен «иконостас столярной», перечислены его иконы, «гробница кирпичная, на ней образ преподобнаго Максима Грека»; названа различная утварь, в том числе «на гробнице тарелка, на которой кладутся прикладные деньги».

К концу XVIII в. при митрополите Платоне Левшине палатку Максима Грека поновляли. Сохранился чертеж восточного фасада и плана Духовской церкви (с обозначением палатки), включенный в неопубликованный рукописный Альбом рисунков и чертежей зданий Троице-Сергиевой лавры 1745—1789 гг. (Сергиево-Посадский музей, инв. № 5562, л. 18). Чертеж воспроизведен фрагментарно в 1961 г.[12] Примечательно, что почти на всех чертежах этого альбома сохранились наклейки с надписями 1780-х гг.; в частности, наклейка на л. 18 содержит текст, поясняющий детали плана, пронумерованные арабскими цифрами: «1. Олтарь. 2. Церковь. 3. Иконостас. 4. Крыльцо. 5. Палатка, где гроб преподобного Максима Грека, ученаго». Последнее определение погребенного здесь афонского монаха вполне отвечает духу века Просвещения, когда и в церковной среде высоко ценились научные труды.

Часовня над гробом Максима Грека перестраивалась и в дальнейшем. В 1847 г. она была расширена и полностью перестроена.[13] Убранство часовни неоднократно обновлялось, иногда на монастырские средства, а порой за счет богомольцев (например, петербургский купец Егор

[10] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Издание подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 279. № 26.

[11] Эти Описи хранятся в Сергиево-Посадском музее.

[12] *Трофимов И. В*. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. С. 62, рис. 45 (здесь ошибочно обозначено местонахождение чертежа).

[13] *Голубинский Е. Е*. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 222.

Миронов заказал новый серебряный оклад на икону Максима Грека в 1850 г.).[14] В монастырской Описи 1908 г. находим упоминание в убранстве часовни иконы «Богоматерь Ватопедская», видимо нового письма, весьма уместной у гроба бывшего афонита. Нередко менялись таблицы с текстом о Максиме Греке. В XX в. – в 1938—1940 гг. — приделы Духовской церкви, построенные в разное время (палатка Максима Грека, палатка митрополита Филарета, крыльцо), были обследованы археологами и архитекторами в связи с осадкой древнего сооружения конца XV в. Было решено освободить средневековый храм от всех пристроек для укрепления фундамента и полной реставрации Духовской церкви – редкого памятника псковской средневековой архитектуры, возведенного в Подмосковье. Тогда и была разобрана палатка (часовня) над гробом Максима Грека. Описание реставрационных работ освещено в цитированном выше труде И. В. Трофимова. А в 1942 г. были проведены и археологические раскопки на месте разобранной «б. Максимовой палатки». В Научном архиве Сергиево-Посадского музея сохранился отчет Г. А. Красноцветова (под № 70) 1942 г. Из машинописного отчета следует, что к этому времени не существовало гробницы или надгробной плиты Максима Грека, хотя упоминаются надписи на других досках — князя А. И. Ряполовского, 1570 г. и Антония инока – Антипы Дмитровца, середины XVI в. (эта доска была разбита на 8 частей). В отчете упоминались останки мужчины (костяк с утратами), фрагменты одежды типа мантейки, в складку, один зуб, стеклянный пузырек. В 1950-е гг. автору настоящего обзора удалось разыскать среди музейных коллекций только «кирпич-плинфу из изголовья Максима Грека» (под № 283-арх.). Эта атрибуция зафиксирована только в инвентарной книге музея.

Между тем память о Максиме Греке в Троице-Сергиевом монастыре нельзя сводить к одному лишь месту его погребения. Почитание афонского монаха, обогатившего интеллектуальное наследие Московского государства XVI в., проявлялось еще в гимнографии, а также в иконографии, — и это задолго до официальной канонизации Максима Грека, состоявшейся в конце XX в. – в 1988 г.

Сохранился текст Службы Максиму Греку в неполных списках XVIII в. Нами привлекались два списка, учтенных еще С. А. Белокуровым, из уже упоминавшихся сборников – РНБ, F.I.425 и РНБ, собр. Погодина, № 1141. В первом читается Тропарь, глас 8 и Кондак, глас 2. Во втором переписан Тропарь, глас 4 и Кондак, глас 8. И в этих богослужебных текстах прославляется «Максиме преподобне… странен, российским странам был еси преселник, за страдания темниц и заточению от самодержавного десницею Вышнего венчашися…»; «суемудрие обличил еси»; «молим тя, грехов оставление низпослати с верою поющим всесвятое твое успение». Естественно предположить, что эти тексты составлялись в Троице-Сергиевом монастыре, где совершалась служба у

[14] Опись церквей Троице-Сергиевой лавры 1859 г. (также хранится в Сергиево-Посадском музее), л. 341, № 938 и 939.

гроба Максима Грека. В Описи 1859 г. сохранилась надпись на его гробнице, в особом клейме: «Здесь почивает преподобный Максим Грек. Память его совершается 21 генваря. В день памяти его после ранней в Сошественской литургии отправляется соборная Панихида» (л. 341) (то же читается и в Книге надписей 1874 г., л. 17 об.). Службы этим, разумеется, не ограничивались, поскольку они продолжались в течение года.

Что касается области иконографии, нам уже доводилось выступать с обзорами изображений Максима Грека – в 1958, 1970 и 1973 гг.[15] В настоящей статье отметим иконографические типы изображения Максима Грека, характерные именно для Троице-Сергиева монастыря.

Во-первых, это надгробные иконы, предназначавшиеся для установки в часовне (палатке) Максима Грека. В настоящее время мы знаем о них только по упоминанию в Описях, относящихся к новому времени. Достоверных икон этого типа, монастырского происхождения, определить не удается. Показательно, что для экспозиции древнерусских икон достойного художественного уровня, организуемой в Сергиевском музее в 1920-е гг., икона Максима Грека, XVIII в., была доставлена из Москвы, из Управления Кремлевскими соборами. Ее архаизирующий характер (под икону XVI в.) отмечали еще Ю. А. Олсуфьев и А. Н. Свирин.[16]

Заметим попутно, что сложившийся в старообрядческих кругах весьма распространенный иконографический тип Максима Грека — писателя, чаще всего с характерным двуперстием, не связан с типом надгробной иконы. Не связан он, впрочем, и с перовыми рисунками – Максим Грек в профиль – в сборниках его сочинений XVI—XVII вв. (их возникновение достоверно до сих пор никем не установлено).

Во-вторых, в настенных росписях соборов и храмов Троице-Сергиева монастыря Максима Грека изображали в рост, в ряду преподобных. Таково изображение святителя на столбе Успенского собора Троице-Сергиева монастыря в росписи 1684 г.[17] Были его изображения и в не дошедшей до наших дней росписи Духовской церкви, но о ней мы знаем теперь только по письменным источникам.[18]

В-третьих, наконец, Максима Грека изображали среди учеников Сергия Радонежского. Сохранилось несколько таких изображений.

[15] *Белоброва О. А.* 1) К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 301—309; 2) К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 150—161; 3) К иконографии Максима Грека // ВВ. М., 1973. Т. 17. С. 244—248. Статьи 1958 и 1973 гг., значительно дополненные и исправленные, включены в сборник статей О. А. Белобровой «Очерки русской художественной культуры XVI—XX веков» (М., 2005. С. 66—80).

[16] *Олсуфьев Ю. А.* Дополнение II к Описи икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1925. С. 6. Воспроизведение этой иконы см. в нашей статье 1958 г.: К вопросу об иконографии Максима Грека. Рис. 3 к с. 304—305. В музее хранится акт от 5 января 1924 г. за подписями В. Дервиза, А. Н. Свирина и Д. Егорова о привозе иконы из Москвы.

[17] Воспроизведение см. в нашей статье 1958 г.: К вопросу об иконографии Максима Грека. Рис. 2 к с. 304—305 и в сборнике 2005 г., илл. 14.

[18] О восстановленной в 1777 г. стенной росписи Духовской церкви, восходящей к 1655 г., известно по Описи (РГАДА, Архив Троице-Сергиевой лавры, д. 1777 г., № 684). Роспись до наших дней не дошла.

Наиболее совершенным из них представляется аналойная икона-трехрядница, конца XVII в. «Преподобный Сергий Радонежский с учениками», в серебряном окладе, выполненная в иконописной мастерской Троице-Сергиева монастыря (Сергиево-Посадский музей, инв. № 2717, 36,5×32).[19] К XVIII в. относится еще икона «Радонежские чудотворцы» с меньшим количеством персонажей, но также с изображением Максима Грека (там же, инв. № 2848, 34×29,5).[20]

Следует оценить приобщение ученого грека к высокому культу основателя Троицкой обители – Сергия Радонежского. В этом культе ученики Сергия когда-то представлялись символически — в образе птиц (так они обозначены в известном лицевом списке Жития Сергия, XVI в., РГБ, ф. 304/III.21). Состав «учеников Сергия» не отличался постоянством; к XVII в. он сформировался и вошел в Святцы. В Святцах Троице-Сергиева монастыря (РГБ, ф. 173, № 201) среди учеников Сергия находим основателей многих русских монастырей (Саввино-Сторожевского, Андрониевского, Киржачского, Стромынского, Голутвинского, Богоявленского), иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного, Пересвета и Ослябю, Епифания Премудрого, Дионисия Зобниновского и Максима Грека. На троицкой аналойной иконе изображены Сергий и Никон Радонежские и еще 24 святителя, все в три ряда. Все они — в позе предстояния — обращены слева и справа к иконе «Троица» (на верхнем поле). В верхнем и среднем рядах по восемь фигур, в нижнем ряду десять фигур, причем крайним слева изображен архимандрит Дионисий в митре, а крайним справа представлен Максим Грек в камилавке, с широкой бородой. Позднее, в XVIII и XIX вв., иконы «Сергий с учениками», местные (т. е. крупномасштабные), помещали в притворе Троицкого и в паперти Успенского соборов; эти иконы в художественном отношении уступали иконе XVII в. (в музее они не сохранились).

Почитание Максима Грека в Троице-Сергиевой лавре в новое время, в частности в XIX и в начале XX в., нашло новое выражение, когда в монастырской типографии был отпечатан ряд изданий, в том числе Сочинения Максима Грека (1910).[21] В Санкт-Петербурге в 1886 г. было издано «Житие преподобного Максима Грека, составленное иеромонахом Свято-Троице-Сергиевой лавры Харлампием». А во всероссийском масштабе следует оценить включение Максима Грека в «Афонский патерик».[22]

---

[19] *Олсуфьев Ю. А*. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев, 1920. С. 189; *Николаева Т. В*. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 37 и 175. Воспроизведение иконы см. в кн.: Преподобный Сергий Радонежский в произведениях русского искусства XV—XIX веков: Каталог. М., 1992. Илл. 18, кат. № 14 (С. 97).

[20] Воспроизведение иконы см в кн.: Преподобный Сергий Радонежский в произведениях русского искусства... Илл. 19, кат. № 23 (С. 98).

[21] Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1. Нравоучительные сочинения. Троице-Сергиева лавра, 1910. 287 с.; Ч. 2. Догматико-полемические его сочинения. Троице-Сергиева лавра, 1910. 332 с.; Ч. 3. Разные сочинения. Троице-Сергиева лавра, 1911. 191 с.

[22] Нами привлекалось издание: Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 7-е изд. М., 1897. Ч. 1. С. 169—200.

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ И ПРИТЧИ ВАРЛААМА*

Римские Деяния (Gesta Romanorum), переведенные на Руси в последней трети XVII в. с не дошедшего до нас польского издания, включают 38 повестей (прикладов), по своей структуре и направленности близких древнерусской притче.[1] Вероятно, родство жанров, как и близость целого ряда сюжетов, способствовало популярности этого сборника среди русских читателей.

Некоторые произведения в итоге стали распространяться как в традиционной древнерусской версии, так и в редакции Римских Деяний (далее — РД). Это, в первую очередь, известные с домонгольских времен Жития Алексея человека Божия и Евстафия Плакиды, а также отмеченные еще А. Н. Пыпиным приклады, сходные с давно известными на Руси сюжетами: «Приклад о неблагодарности человеческой» («Благодарные звери»), «Приклад, яко не подобает женам в тайных делах верити» («Папирий»), «Приклад о хитрости диаволстей и яко судьбы Божия неиспытанны и скрыты суть» (Повесть о пустыннике и ангеле).[2] К ним следует добавить «Приклад о папе Григории», повесть о котором существовала на Руси уже в первой половине XVII столетия, и «Приклад о цесаре Иовениане», сближающийся с русскими повестями о гордом царе.

Существует и еще ряд рассказов, входящих в РД, близость которых традиционному репертуару древнерусской книжности менее очевидна. Речь в первую очередь должна идти об известнейших притчах Варлаама из Повести о Варлааме и Иоасафе.

Впервые о сходстве этих сюжетов с Gesta Romanorum писал А. И. Кирпичников. Выражая сомнение в происхождении Повести от индийского сказания о Будде, ученый стремился показать, что целый

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 03-04-00401а).

[1] См.: *Ромодановская Е. К.* Притча и приклад: взаимовлияние и эволюция жанров // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. 1. С. 25—31.

[2] См.: *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 195—197.

© Е. Г. Ромодановская, 2007

ðÿä åå ëåìåíòîâ îïðåäåëÿåòñÿ, ñ îäíîé ñòîðîíû, «îáùèìè ìåñòàìè» æèòèéíîãî æàíðà, áåç êîòîðûõ íå îáõîäèòñÿ íè îäåí ðàññêàç î ïîäâèæíèêàõ, ñ äðóãîé — ðàñïðîñòðàíåìì êàê íà Âîñòîêå, òàê è íà äïàäå îïðåäåëåíîãî òèïà íðàâîó÷èòåëüíûõ ñêàçàíèé.[3]

Концепция Кирпичникова сразу по появлении была раскритикована А. Н. Веселовским,[4] придерживавшимся мнения о восточной прародине большинства мировых сюжетов; авторитет великого ученого повлиял, как пишет И. Н. Лебедева, на то, что многие интересные соображения харьковского профессора вызвали незаслуженно пренебрежительное отношение к ним и выпали из истории изучения «Варлаама и Иоасафа».[5]

Между тем для понимания судеб переводных памятников на Руси, истории их освоения и «внедрения» в собственно русскую литературу очень важно увидеть их перекличку с местной традицией – на уровне идей, сюжета, жанра, стилистики.

К XVII в. Повесть о Варлааме и Иоасафе давно уже перестала восприниматься как факт переводной литературы. Многочисленность ее списков, особенно притч, вошедших в прологи еще в XII в., созданные тогда же русские обработки притч из Повести[6] несомненно свидетельствуют об очень раннем усвоении и затем восприятии этого произведения как «своего», русского, исконного для национальной литературы. Поэтому перекличка сюжетов РД с притчами Варлаама вполне может расцениваться как перекличка между традиционными и вновь принесенными на Русь сочинениями.

Из 38 прикладов, входящих в текст русских РД, близость к притчам Варлаама обнаруживают три:[7] «Приклад о пожитку, о патроности во всех вещех» (о золотом яблоке), «Приклад о страшнем последнем суде всем грешным» и «Приклад, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго» (о скупом кузнеце).[8] При этом ни один из них не совпадает буквально с текстами Повести, но родство их представляется несомненным.

Наиболее близки по сюжету Приклад о золотом яблоке и пятая притча Варлаама, в прологе под 22 ноября названная «Поучение о животе и о смерти».[9] В центре повествования в обоих текстах царь некоего града, избираемый на год; этот год он живет в славе и богатстве, но затем его изгоняют с престола, лишают всего имения и отправляют на пустынный

[3] *Кирпичников А. И.* Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876. С. 218—260.

[4] *Веселовский А. Н.* Византийские повести и Варлаам и Иоасаф // ЖМНП. 1877. № 7. С. 122—154.

[5] Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 15.

[6] Там же. С. 72—85.

[7] А. И. Кирпичников, опиравшийся не на русский перевод, а на издание латинского текста Gesta Romanorum (*Oesterley H.* Gesta Romanorum. Berlin, 1872), нашел больше параллелей между притчами Варлаама и Gesta, но их проверка — тема другой работы.

[8] См. издание: Римские Деяния (Gesta Romanorum). СПб., 1878. Вып. 1—2. С. 211—216, 220—225, 297—300.

[9] Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 163—164.

остров, где он умирает в муках от голода и стужи. Однако очередной избранник, по Повести — «разума много и промышлениа имы в себе», а по Прикладу — просвещенный заезжим королевичем, узнав законы города, заранее отправляет в место будущего заточения многие сокровища и живет там безбедно.

Между двумя памятниками совпадает только эта общая схема, хотя именно она определяет главный смысл рассказа и дальнейшее толкование. Детали значительно расходятся. Прежде всего, сюжет о царе на год в РД поставлен в особую рамку — повествование о золотом яблоке, которое мудрый король завещал своему сыну с распоряжением отдать его самому «шаленому» (от польского szalony — «безумный»). Обойдя многие страны и государства, королевич приходит в город, где встречает «короля на год» и дарит ему яблоко. В Повести же рассказ вводится, как и прочие притчи Варлаама, в качестве нравоучительного примера в беседах с Иоасафом.

Не совпадают и более мелкие эпизоды. Если в Повести прямо говорится, что горожане избирают королем «чюжа некоего мужа», то в Прикладе чужеродное происхождение короля может лишь подразумеваться, поскольку он не знает местных обычаев. Если в Повести подробно описывается положение сосланного на остров (нагота, отсутствие пищи, злая стража), то Приклад ограничивается кратким сообщением: «...отнимают у него честь и богатство и изгоняют его из земли, и тамо злою смертию умрет». Сходным образом в Повести подробно описывается, какие именно богатства царь отправил на остров; в Прикладе царь просто говорит: «„…пошлю великия сокровища прежде мене в заточение. Как буду изгнан, тогда имам готово же то живление, дондеже буду жив”. И сотворил тако».

Расходятся и символические толкования текста. Повесть сосредоточивает внимание на городе («град убо разумей суетнаго сего мира») и горожанах — бесах, искушающих людей богатством; в Прикладе в центре поучения «король, который един токъмо год королюет» и «может речен быти всяк человек», за грехи посылаемый «на выгнание, сиречь до ада». Итоговое поучение, впрочем, сходно: необходимо совершать добрые дела, чтобы обеспечить себе в будущем жизнь вечную.

А. И. Кирпичников отмечает, что «в Gesta <…> эта притча изложена близко к подлиннику с некоторыми сокращениями <…> и слабыми изменениями».[10] По-видимому, под словами «близко к подлиннику» исследователь понимает зависимость рассказа Gesta от Повести о Варлааме и Иоасафе.

Если Приклад о золотом яблоке сближается лишь с одной притчей Варлаама, то «Приклад о страшнем последнем суде всем грешным» объединяет мотивы двух — о трубе смерти[11] и о инороге.[12]

[10] *Кирпичников А. И.* Греческие романы… С. 244.

[11] Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 131—132. В Прологе под 28 ноября («Слово о притчах святаго Варлаама о богатых и убогых»).

[12] Повесть о Варлааме и Иоасафе. С. 160—161. В Прологе под 19 ноября («Притча святаго Варлаама о временьнемь семь веце»).

Начало Приклада несомненно ориентировано на притчу о трубе смерти. В обоих случаях действуют два лица – царь и его брат, который по желанию вельмож и князей (притча) или панов и рыцарей (приклад) просит у государя дать объяснение его поступкам: в притче царь поклонился встреченным на дороге нищим, в прикладе он остается грустным во время всеобщего пира. В обоих случаях царь обещает дать ответ утром и, в соответствии с установленным им обычаем, посылает к дому брата трубачей, которые возвещают смертный приговор обвиненному.

Брат в траурных одеждах является к царю, и с этого момента рассказы расходятся. В притче повествование продолжено сюжетом о четырех ковчегах, который в другом виде тоже нашел отражение в РД (в Прикладе о скупом кузнеце); таким образом завершается начало притчи (встреча царя с нищими). В Прикладе о последнем суде эпизод с нищими отсутствует, сюжет о трубе смерти соединяется с сюжетом, напоминающим притчу о инороге: брата сажают над глубокой ямой «на утлом велми столце», который разрушится при малейшем движении, над ним привязан острый меч на тонкой нити, вокруг стоят четыре воина с мечами, готовые пронзить его в любой момент. После этого брат понимает, почему царь грустен, поскольку следует толкование, по смыслу сходное с Повестью, хотя символический смысл вкладывается совсем в другие предметы: в обоих случаях упоминаются «четыре составы», из которых состоит человек (в Повести — змеиные головы, в прикладе — столец с «четырми ногами велми тонкими»), смерть, вечно преследующая людей (инорог — и меч на тонкой нити), ров как мир, полный опасностей, и яма как «дол адьский».

Сюжет «Приклада о страшнем последнем суде всем грешным», но без эпизода с трубачами, возвещающими о смертном приговоре, встречается еще в одном переводном сборнике того же времени: в «Великом Зерцале» (далее — ВЗ) по второму переводу читается глава «Како подобает боятися суда Божия милосердый некий царь научи».[13] Отличие по сравнению с РД состоит лишь в том, что ров не просто выкопан, но насыпан «углия горящаго до половины», и нет мотива первоначального пира — царь просто «никогда же в животе своем весел бысть, ниже когда осклабися». В остальном, при полном различии текстов, рассказы РД и ВЗ чрезвычайно близки. Это отмечал еще П. В. Владимиров в исследовании о ВЗ.[14] Наличие этого сюжета в двух западноевропейских сборниках, переведенных на Руси независимо один от другого, несомненно свидетельствует о распространении сюжета в европейских средневековых литературах.

С притчей Варлаама этот сюжет объединяет общее представление о человеке над бездной, которая толкуется как источник бед и мучений. Образ смерти переносится с инорога на меч, что, возможно, более характерно для европейского средневековья, и в целом сюжет Приклада более «очеловечен» — там действуют не столько животные, как в притче (инорог, мыши, дракон, змеиные головы), сколько люди (четыре воина с мечами), а животные вообще не упоминаются.

Притча о инороге известна в мировой литературе во многих вариантах. По-видимому, и в Gesta она представлена разными версиями, поскольку А. И. Кирпичников упоминает главу, автор которой ссылается на Варлаама и которая продолжена рассказом о друге, предложившем человеку лестницу для спасения (по толкованию, это Христос).[15] В русских РД подобного повествования нет.

Наконец, «Приклад, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго» (о скупом кузнеце) сближается с Повестью о Варлааме и Иоасафе лишь одним эпизодом — определением воли Божьей с помощью трех «креплей» (сосудов), один из которых наполнен землей, другой костями, а третий деньгами. Сходным образом в Притче о трубе смерти царь предлагает вельможам выбрать один из четырех ковчегов: в двух, обложенных златом, лежали «косте мерьтваго смердяща», другие же два, измазанные «смолою и пеклом», были наполнены «камык честных и бисер многоценных».

Мотив этот чрезвычайно распространен в мировой литературе и фольклоре. А. И. Кирпичников приводит большое количество примеров из разных средневековых литератур,[16] именно на этом мотиве доказывая отсутствие связи между Повестью о Варлааме и Иоасафе и индийскими сказаниями (в других случаях, как уже говорилось, исследователь находил прямые заимствования из Повести в главах Gesta Romanorum).

Сопоставление русских текстов РД и Повести о Варлааме и Иоасафе вряд ли ответит на вопрос о генезисе этих памятников. Однако отмеченные расхождения как в сюжетном, так и в символическом (толкования) плане позволяют предположить, что это произведения на один сюжет, имеющие разное происхождение.

---

[13] *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 218—219.

[14] *Владимиров П. В.* Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. С. 27—28.

[15] *Кирпичников А. И.* Греческие романы… С. 233.

[16] Там же. С. 226—232.

IV

О. В. ИОДКО

МАРИ-ФЕЛИСИТЕ БРОССЕ. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ (1847—1848)

Летом 1837 г. в Петербург, по приглашению Императорской Академии наук, на открывшуюся вакансию адъюнкта прибыл известный в Европе востоковед Мари-Фелисите Броссе.

Он родился 5 февраля 1802 г. в Париже, учился в нескольких духовных семинариях и в Парижском университете, опубликовал несколько статей по синологии, но потом изменил специализацию, по самоучителям овладел грузинским языком, несколько лет безуспешно добивался разрешения на путешествие по Грузии и одновременно искал корреспондентов среди грузин. Ему рекомендовали образованнейшего человека в Петербурге, царевича Теймураза Багратиони, сына последнего грузинского царя, Георгия XII. Завязалась переписка, перешедшая в дружбу.

И вот 35-летний ученый с женой, двумя дочерьми и сыном приезжает в Петербург. 7 августа его прописали в «Академическом доме по 7-й линии»[1] Васильевского острова (ныне наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1). Сразу же он погружается в круговорот научной жизни: участвует в заседаниях Академии, разыскивает и приобретает грузинские и армянские рукописи и книги, переписывается с грузинскими коллегами, поддерживает их материально и морально в стремлении познать свой край, просит копировать старинные надписи на храмах, переводит грузинские источники на французский язык и публикует их. В 1839—1841 гг. он преподает грузинский язык сначала в Академии, а потом в Университете (где официальный курс был введен только в 1844 г.) и готовится к выполнению основной задачи — путешествию по Грузии и Армении: «Моей целью, моей единственной целью, было разыскать древности, собрать их повсюду, где я их найду и во всех формах, в которых они обнаружат себя как доказательства летописей Грузии и смогут послужить

[1] ПФА РАН, ф. 4, оп. 21, д. 5, л. 36.

© О. В. Иодко, 2007

для проверки или иллюстрации утверждений историков, которых кичливая Европа едва знает и считает легендарными. Наличие и число этих памятников зафиксировано в „Географии" Вахушти и на самых современных картах, я же собирался только посетить их, снять планы для художников, скопировать надписи для ученых, чтобы, понимая суть, иметь после этого возможность приступить к публикации „Истории Грузии"».[2]

Уже 29 декабря 1837 г. в повестке дня торжественного заседания АН значилось его большое сообщение об истории и литературе Грузии, которое из-за недостатка времени он не смог прочитать, но на будущий год опубликовал. Обосновывая необходимость экспедиции, он пишет: «Грузинские летописи содержат в себе мало подробностей о внутреннем состоянии народа до вторжения македонян: только войны с хазарами и персами наполняют все это время, — промежуток нескольких столетий. Однако можно почерпнуть некоторые сведения о нем из греческих и латинских авторов, которые описывают полубаснословный поход аргонавтов, и из историков, повествующих о войнах Рима с Митридатом <...> но в продолжение нескольких столетий история так бедна событиями, столько недоразумений в государственных летописях, что кажется столь же трудным допустить их в том виде, в каком они существуют, не подвергая их критике, сколько и отвергать их безусловно. Нет никакого сомнения, что Грузия имела уже тогда хорошее общественное устройство и что при посредстве эриставов и моуравов царская власть уважалась всеми подданными. Эти каменные здания, это цветущее земледелие, это разделение народонаселения на классы, которые сохранились до наших времен; введение в употребление письмен за два столетия до Рождества Христова, наконец, такой же феодализм, какой был позже во всей Европе, — все это свидетельствует о достаточных уже успехах образованности, которая требовала только благоприятных обстоятельств, чтобы более развиться».[3] Далее он перечисляет основные источники грузинской истории — гуджары или хартии, летописи, исторические сочинения, жизнеописания грузинских святых и мучеников, а также источники соседней Армении; отдает должное собирательской деятельности ученых Англии, Франции, Германии и русских археографов и, наконец, восклицает: «Без всякого сомнения, и в Грузии находятся собрания этого рода. Монастыри, избегнувшие руки опустошителей, хранят их в стенах своих... История не выдумывается, ее нельзя написать без хартий и без первоначальных доказательств... Но если бы даже этих источников было для нас недостаточно — история Грузии написана еще на камнях своих памятников».[4]

В 1838 г. он отправляется в прибежище нескольких волн грузинской эмиграции, в Москву, для изучения рукописей и памятников материальной культуры. 17 июля он пишет академику Х. Д. Френу: «Уже неделя, как я в Москве, и до сего времени нет недостатка в работе. Я последовательно обошел большую часть памятников, где можно было найти какое-нибудь упоминание о грузинской нации: греческий монастырь, Донской, кладбища армянское и Всесвятское, часовню Иверской Богоматери, Пятницкую церковь, и всюду множество грузинских надписей, которые принадлежат грузинским князьям. Но написаны по-русски».[5] Изучил он и грузинские надписи на петербургских кладбищах Александро-Невской лавры и Смоленском.

Собранный материал ученый использовал для написания опубликованной в 1840 г. в «Записках Императорской Академии наук» статьи «Грузинские надгробные надписи Москвы и Санкт-Перербурга, переведенные господином Броссе», в которой отразил 138 эпитафий: 88 в Москве за 1730—1835 гг. и 50 за 1807—1838 гг. в Петербурге. Подчеркивая значение эпитафий как исторического источника, Броссе приводит надпись, обнаруженную в церкви Св. Николая в Москве на могиле Кетеван, жены царя Грузии Кай-Хосро: «Я, грешница Кетеван, супруга царя Грузии и верховного главнокомандующего всей Персии, Кай-Хосро, и мать княжны Бегум, приехала в Россию, в стольный град Москву, в 1722 г.; я приняла крещение и истинную веру Христа, но так как мы обречены вовсе не жить в этом мире, я должна была заплатить свою дань, и я умерла здесь; я была погребена в этом городе, в церкви монастыря святого Николая. Вы, посетившие меня, помолитесь за меня. 3 мая 1730» — и замечает: «До сих пор не знали имен его (Кай-Хосро. — *О. И.*) жены и дочери и того обстоятельства, что его жена мусульманкой приехала в Москву, где совершила отречение».[6]

В 1846 г. к числу необходимых для исследования памятников Броссе присоединяет еще и российские источники: «Само собою очевидно, что древняя история Грузии, когда держава была единственно азиатская, может проясняться только летописями азиатских народов <...> Но за три века до нашей эпохи вышепоименованные источники вдруг увеличиваются множеством исторических памятников России, в продолжение 300 лет постоянной союзницы Грузии».[7]

Разрешение на путешествие по Грузии и Армении пришло только в 1847 г., когда ученому было уже 45 лет. В 1849 г. он с грустью напишет: «Если бы мое желание осуществилось в 1830 г., когда я был на 20 лет моложе, свободен от всяких уз и семейных обязанностей, я бы меньше скупился, не на деньги, а на те дни, которые [теперь] я должен считать; и я с удовольствием посвятил бы 4 следующих года своему основному намерению исследования богатых древностей Грузии. Пусть другие будут удачливее».[8]

---

[2] Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 par M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. I-re livraison. SPb., 1849. P. VIII—IX.

[3] *Броссе М.-Ф.* Взгляд на историю и литературу Грузии. СПб., 1838. С. 5—6.

[4] Там же. С. 10, 11, 15.

[5] ПФА РАН, ф. 778, оп. 2, д. 44, л. 14.

[6] Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg. VI série. Sciences politiques, histoire et philologie. 1840. T. 4. P. 464.

[7] *Броссе М.-Ф.* Критический обзор грузинских летописей новейших времен по русским документам. СПб., 1846. С. 2—3.

[8] Rapports sur un voyage... P. VII.

Экспедиция началась 13 августа 1847 г. и длилась 11 месяцев. Только до Тифлиса добирались на тарантасе 18 дней (путь лежал через Москву, Тулу, Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь, Георгиевск, Владикавказ). Броссе оказался не только заинтересованным исследователем, но и организатором своего путешествия. 5 октября 1847 г. он поместил в «Кавказском календаре» статью «О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии», которая начиналась словами: «Летописи и памятники старины имеют то же значение для отдельных народов, как документы на дворянство для частных людей <...> Чтобы составить себе ясное понятие о стране, называемой армянами Вир, т. е. верхняя, греками — Иверия, римлянами — Иберия, персиянами — Гурджистан, арабами — Джорджан, турками — Гурдж и, наконец, русскими — Грузия, мы должны обратиться к изучению туземных летописей <...> Кроме икон, находящихся везде и покрытых более или менее древними надписями, Грузия богата многоразличными памятниками старины, заслуживающими изучения со стороны археологической и художественной. Они рассеяны повсюду, на неприступных скалах, в дремучих лесах и в глубоких оврагах; самая многочисленность их, соединенная с затруднением, представляемым местностью для осмотра их, делает невозможным для одного человека обозрение всех сих памятников. Но что недоступно силам одного, делается легким для общества. Без сомнения, здесь найдется немало людей, дорожащих документами славы своей отчизны или той страны, к которой судьба привязала их службою».[9] Воззвав к лучшим чувствам читателей, Броссе разъясняет всем категориям граждан, где и какие памятники можно найти, как копировать надписи и куда отсылать полученные сведения.

За сравнительно короткий срок Броссе успел обследовать довольно большую территорию Грузии и Армении: от Телави на востоке до Бичвинты (Пицунды) на западе и от Кутаиси на севере до Эчмиадзина на юге. Попасть в Грузию и Армению можно было только через Северный Кавказ, а там с 1817 г. шла война. Уже был убит А. А. Бестужев-Марлинский, уже прославился в битве при р. Валерик М. Ю. Лермонтов. На посту главнокомандующих менялись генералы: А. П. Ермолов (1816—1827), И. Ф. Паскевич (1827—1831), Г. В. Розен (1831—1838), Е. А. Головин (1838—1842), А. И. Нейгардт (1842—1844) и, наконец, в период путешествия Броссе — М. С. Воронцов (1844—1854), храбрый воин, образованный, дипломатичный, сострадательный к солдату и уважительный к местному населению человек. Возможно, поэтому ученая экспедиция проходила мирными тропами (правда, под прикрытием). Броссе писал: «Простой путешественник, совершенно безоружный, с таким же мирным попутчиком, как я, и едва вооруженным есаулом или полицейским чиновником, я пересек Грузию во всех направлениях без неприятных встреч. Я избежал их и в пограничных округах, но там меня лучше конвоировали благодаря разрешениям, которые берут реже и реже; однако дерзких обманщиков всего законного западное воображение, обращенное к Гомеру через призму прекрасного, любит превращать в героев, в жертвы. У сванов защитой мне служило черное платье кроткого священника».[10]

Свои наблюдения он излагал в донесениях президенту Академии наук, графу С. С. Уварову, наместнику кавказскому, графу М. С. Воронцову, в Библиотеку Академии наук и музеи. В 1849—1851 гг. они были изданы по-французски под пространным заглавием: «Донесения об археологическом путешествии в Грузию и Армению, предпринятом в 1847—1848 гг. господином Броссе, членом Императорской Академии наук». В 12 рапортах на 781 странице ученый поместил большое количество обнаруженных им надписей на грузинском, армянском, еврейском и персидском языках с переводом их на французский.

Достоинством рапортов были и непосредственные впечатления путешественника-европейца в экзотической стране. Броссе описывал, как 7 сентября 1847 г. он предпринял «тренировочную» поездку верхом в окрестности Тбилиси; и как в Мцхете ясная погода сменилась бурей, унесшей его шляпу на две версты; и как 14 октября ему на длинную дистанцию продали умирающую лошадь, которая смогла пройти только полпути, и Броссе пришлось доказывать, что он невиновен в ее гибели; и как часто он страдал от холода, например, 31 декабря того же 1847 г.: «Пора холодов и понижение температуры до 18 градусов по Реомюру поразила меня 31 декабря. Я был в отчаянии; я работал в шубе, в шапке на меху, в перчатках, в шерстяных туфлях фабричной работы, на хорошем войлоке, одним словом, в смешном наряде, необходимом для передвижения по улицам. Вот каков по временам климат Тифлиса, который находится на той же широте, как Рим, Константинополь, Барселона и Опорто! Предоставляю другим, более ученым, толковать этот феномен».[11]

По окончании путешествия, в октябре 1849 г., он выступает в трех номерах газеты «Кавказ» с кратким отчетом о своей экспедиции, сообщая о содержании посланных рапортов:

«1. Небольшие поездки в окрестностях Тифлиса: на Белый Ключ, в Каджоры, Мцхет, Шиомгвиме и полное обозрение Телавского уезда.

2. Вторая поездка в Мцхет, Шиомгвиме по южной стороне Куры, между Дзегвой, Лаврой и Сасхорами; полное обозрение Ахалцыхского уезда: на юг и север, исключая озерной стороны.

3. Изучение библиотеки и древностей Эчмиадзина и Ани.

4. Изучение грузинских грамот.

5. Священные памятники Тифлиса, грузинские и армянские церкви и мечети.

6. Поездка в Горийский уезд и в горы от Атени до Крцхилвана, Ларгвиса и Цилкана.

7. Путешествие в Мингрелию (собственно называемую Одиш).

---

[9] *Броссе М.-Ф.* О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии // Кавказский календарь на 1848 г. Тифлис, 1847. С. 129, 132, 139, 140.

[10] Rapports sur un voyage... P. VIII.

[11] Ibid. P. 2.

8. Путешествие в Самурзахан и Абхазию до Бидшвинты.

9 и 10. Древности Лечгума и Мингрельской Сванетии.

11. Кутаис и его окрестности; Гелаты и Мацамета.

12. Рачинский уезд и обратный путь через участки Сачхерский и Сверский.

Я не был ни в Сигнахском и Александропольском уездах, ни на границах участков Ахалкалакского, ни Тифлисского и Борчалинского, ни в частях Тифлисской губернии по правой стороне Арагвы, вдоль по Военно-Грузинской дороге, ни в той части Кутаисской губернии, что лежит справа от Квирилы и за Рионом, ни, наконец, в Гурии».[12] В преамбуле он написал: «Я путешествовал с целью чисто археологическою и филологическою: мне было поручено отыскать в разных местах Грузии всякие древние памятники, могущие служить пояснениями и доказательствами в истории грузинского народа, которую я намерен напечатать в подлиннике и с переводом».[13]

Надо сказать, что Броссе в России никогда не встречал препятствий для задуманных публикаций. Его «История Грузии» вышла в Петербурге по-французски в двух частях (вторая часть в двух выпусках)[14] и по-грузински (второй выпуск публиковал профессор Петербургского университета Д. И. Чубинашвили).[15]

В 1923 г. выходит в свет подготовленное академиком Н. Я. Марром частичное переиздание первой части «Истории Грузии», опубликованной в свое время Броссе по-грузински. Как сказано в предисловии, к 1896 г. тираж этой части труда был полностью раскуплен, и Академия поручила Марру подготовить «допечатку комплекта». О начале работы Марр, тогда еще молодой ученый, писал: «Это была заря моей научной деятельности и, естественно, мое задание не превышало границ полезного, но скромного предприятия – воспроизвести текст ученого издателя как есть, ничего не меняя».[16] Однако, приступая к работе, Марр понял, что при подготовке нового издания ему не избежать проверки французского перевода, комментирования и сличения текста с вновь обнаруженными источниками. Он пишет: «Итак, подготовительный просмотр труда покойного академика укрепил меня в первоначальном мнении, что новое, самое простое, издание не могло обойтись без вмешательства в грузинский текст и без исправления самых ущербных прочтений... Господин Броссе заботился только об истории. От него ускользала важность тех вариантов прочтения, которые не влияют на перевод. Рассматривая текст пристально, только как проводник исторических сведений, он не уделял достаточного внимания фактам, которые выходили за пределы его концепции истории Грузии. Кроме того, он проявил себя безразличным к лингвистическим частностям».[17]

Справедливости ради надо отметить непоследовательность Марра в оценке научных заслуг Броссе. В 1902 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения ученого, Марр прочитал в восточном отделе Русского археологического общества пространный доклад, в котором сказал много теплых слов: «Научная добросовестность Броссе безукоризненна <...> Он не высказывал ни одного взгляда, не делал ни одного утверждения без возможной в его время научной проверки, он не печатал ни одной строки, которая сознательно вытекала бы из какого-либо источника, кроме источника чистых научных интересов».[18] Через некоторое время появилась юбилейная статья Марра, в которой акценты были расставлены иначе: «Подготовка Броссе как сына своего века не была столь глубока, чтобы он имел право на установление самостоятельной теории в области, куда он из европейцев вступал первый в специальном звании ученого исследователя... критика его касалась лишь деталей и частностей: он проверял и подчищал подробности, чтобы сделать более устойчивым целое».[19] Текст панегирической части доклада Марра (с лакунами) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, а недостающие листы — в фонде Русского археологического общества, в Архиве Института истории материальной культуры РАН. Они-то и легли в основу статьи Марра, на десятилетия снизившей уровень восприятия яркой личности Броссе.

Тем не менее, какую бы оценку ни получил труд Броссе, заслуга его состоит в том, что он перевел средневековую историю Грузии с экзотического языка и предоставил международной науке. Благодарные грузины написали о нем несколько книг, назвали его именем улицу в Тбилиси и там же установили его бюст, в год 180-летия со дня рождения установили в Шательро, на могилах Броссе, его жены и дочери, металлические украшения с мотивами лозы и голубки и надписью: «Мари-Фелисите Броссе, выдающемуся ориенталисту, благодарный грузинский народ. Тбилиси. 1982».

---

[12] *Броссе М.-Ф.* Результаты путешествия г[осподина] академика Броссе по Грузии (Извлечено из письма к г[осподину] директору Канцелярии наместника Кавказского, д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Сафонову // Кавказ. 1849. 1 окт. № 40. С. 159.

[13] Там же.

[14] Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, traduite du géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. SPb., 1849; II-e partie. Histoire moderne. 1-re livraison. SPb., 1856; II-e partie. Histoire moderne. II-e livraison. SPb., 1857; Derniere livraison. Introduction et Table des matières. SPb., 1858.

[15] Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, publiée en géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. SPb., 1849; II-e partie, publiée en géorgien par M[onsieur] Tchoubinof. Histoire moderne, depuis 1469 jusqu'en 1800 de J.-C. SPb., 1854.

[16] Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, publiée en géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. I-re livraison (en partie). Réédition faite par Nicolas Marr, membre de l'Académie des sciences de Russie. Pb., 1923. Текст «Avant-propos» не имеет нумерации страниц.

[17] Ibid.

[18] ПФА РАН, ф. 800, оп. 1, д. 2127, л. 31.

[19] *Марр Н. Я.* К 100-летию дня рождения М. И. Броссе // Зап. восточного отдела Имп. Русского археологического общества. СПб., 1902. Т. 14, вып. 4. С. 75.

В. В. ГУРУЛЕВА

«В ПАЛЕСТИНЕ СКОРО БУДЕТ РУССКИЙ МУЗЕЙ»
(Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме)

18 марта 1894 г. генеральный консул Российской империи в Иерусалиме С. В. Арсеньев был приглашен в Русскую духовную миссию для составления завещания тяжело больного начальника Миссии архимандрита Антонина. Согласно с последней волей Антонина, Святейшему Синоду передавались все приобретенные им в Палестине земельные владения и печатные книги библиотеки, а Духовной миссии с тем, чтобы постоянно находиться в оной, собранный им музей древностей, за исключением бюста Ирода Великого, который должен был быть передан в Эрмитаж.[1]

Музей, а вернее — собрание древностей, сложился у архимандрита Антонина за много лет целенаправленной собирательской деятельности и случайных находок в ходе раскопок во время строительства храмов, школ, паломнических приютов и других зданий на землях, приобретенных им в Святой Земле. Собственно коллекционерский интерес архимандрит Антонин проявлял к древним рукописям и монетам, приобретая их в Афинах, Константинополе, Иерусалиме и во время путешествий по Святым местам. Но и этим памятниками, наряду с прочими древностями, которыми изобиловали земли Греции и Оттоманской Порты, Антонин многие годы щедро делился с различными музеями России, в том числе формируя и пополняя коллекции церковно-археологических музеев всех четырех Духовных академий, особенной Киевской. Поэтому можно сказать, что при жизни архимандрита Антонина хранящиеся в миссии памятники не были музейным собранием, а представляли собой склад древностей, служивших источником для пополнения коллекций российских музеев. Видимо, завещая свое собрание миссии и называя его музеем, архимандрит Антонин постарался таким образом обеспечить его целостность и сохранность.

[1] *Дмитриевский А. А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). СПб., 1904. С. 52 (отд. отт. Из Сообщений Императорского Православного Палестинского общества. Т. 15, вып. 2).

© В. В. Гурулева, 2007

На момент публикации статей о нумизматической деятельности Антонина я ничего не могла сказать о составе коллекций и о бытности музея после смерти архимандрита, оставив изучение этого вопроса на будущее.[2] Как теперь удалось выяснить, судьба этого музея была непростой. Обнаруженные в архивах документы сами по себе, не нуждаясь в особых комментариях, являются красноречивыми и грустными свидетелями существования единственного в Иерусалиме российского музея.[3] Сменивший Антонина на посту начальника миссии архимандрит Рафаил, видимо, не был готов принять подобное наследство. Во время его руководства миссией (1894—1899) музей был закрыт и опечатан печатью иерусалимского консула С. В. Арсеньева, а затем и печатью нового начальника миссии.[4]

Не только новое руководство миссией, но и более просвещенный глава Святейшего Синода первоначально оставил без внимания тот пункт завещания, который касался музея, переданного в подчиненную ему миссию, беспокоясь только об оформлении земель, приобретенных архимандритом Антонином за годы его службы в Иерусалиме.[5]

Однако по мере необходимости в помещения, которые занимают музеи, несколько раз заходили, чтобы внести или вынести вещи, составляя специальные протоколы каждого посещения, правда, без указания фамилий тех лиц, которые там побывали. Так, 10 июня 1894 г. из кабинета архимандрита Антонина в Музей были перенесены найденные в шкафу монеты (что это были за монеты и сколько — не указано),[6] над которыми, по-видимому, Антонин работал, пока у него были силы. Обычно по вечерам он сам чистил окислившиеся монеты и распределял их по эпохам и правителям, называя такие занятия «заседаниями нумизматическими». Есть в протоколе под № 11 от 26 июня 1898 г. запись, сообщающая, что «в музей внесены были перевезенные из Яффского дома древ-

[2] *Гурулева В. В.* 1) Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В. М. Потина. СПб., 1998. С. 235—243; 2) Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (Вторая половина XIX—начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. С. 168—169.

[3] Упоминание о музее в этот период имеется в работе: *Никодим (Ротов)*, архимандрит. История Русской духовной миссии в Иерусалиме // Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 52.

[4] АВПРИ, ф. 337/2, Русское имп. Православное палестинское общество (далее — РИППО), оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234.

[5] В выписке из определения Святейшего Синода от 7 февраля/22 марта 1986 г. за № 788 о завещании о. архимандрита Антонина ни словом не упоминается музей. Поскольку многие участки земли не имели документов, подтверждающих законность их приобретения, на генерального консула в Иерусалиме А. Г. Яковлева была возложена задача оформить все эти приобретения должным образом. АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 9—12. Многие документы АВПРИ опубликованы в фундаментальном труде, подготовленном Н. Н. Лисовым, «Россия в Святой земле. Документы и материалы» (Т. 1—2. М., 2000).

[6] АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234.

ности: надгробные камни, глиняные и стеклянные лампочки, большая плита с финикийской надписью и пр.». Остается неясным, однако, являлись ли эти памятники частью собрания архимандрита Антонина. Возможно, эти вещи имеют иное происхождение, и их присоединили к музею для удобства хранения. Но не исключено, что это были памятники, найденные во время раскопок архимандрита Антонина, которые проводились и в Яффе.[7]

В октябре—ноябре 1896 г., во время поездки по Палестине, музей осмотрел Ф. И. Успенский. Об этом свидетельствуют его письма, вызванные беспокойством за судьбу памятников древности (в протоколе о посещении опечатанного помещения к этому времени относятся две записи: от 6 и 7 ноября[8]). Ф. И. Успенский отправил три письма разным лицам с интервалом в несколько дней. Первое и наиболее подробно освещающее положение дел в музее письмо было адресовано русскому послу в Константинополе А. И. Нелидову. Ф. И. Успенский пишет:

«После настоятеля Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина осталась библиотека и коллекция древних памятников, имеющая поступить, согласно завещанию о. Антонина, в Русскую Духовную Миссию.

Ознакомившись с тем и другим собранием, я вынес убеждение, что как между книгами, так в особенности между археологическими предметами есть очень ценные и редкие вещи. К сожалению, обе коллекции находятся в настоящее время в крайнем беспорядке; книги лежат кучами на полу, рукописи попадаются и на стульях, и в шкапах среди печатных книг, и на полу; собственноручные заметки о. Антонина, планы, эстампажи и проч. валяются где попало. Не в лучшем состоянии и археологическая коллекция. В ней есть большое собрание монет (свыше 5000), между которыми прекрасная коллекция византийских золотых монет (свыше 70); в ней дальше находится свыше 2000 фрагментов и мелких предметов египетского, греческого и христианского искусства; кроме того, есть камни с надписями, скульптурные обломки, кресты, вазы, статуэтки. Некоторые предметы, как весьма редкие и хорошо сохранившиеся, могли бы занимать видное место в любом музее.

Как сделана будет передача этого наследства Русской Духовной Миссии? Этот вопрос заслуживает серьезного внимания ввиду того, что ныне в Миссии нет такого лица, которое бы обладало хотя некоторой долей опытности в библиотечном и музейном деле. Если коллекции будут переданы без описи и классификации по отделам, то этим они обречены будут на неизбежную гибель, ибо за неописанную коллекцию никто не может быть ответственен. Если же сдать и принять наследство по описи, то на кого возложить такую трудную и сложную задачу, требующую и времени, и специальных знаний? Но как бы то ни было затруднительно по местным условиям описать коллекцию о. Антонина, этим не изменяется сущность вопроса, ибо сдать коллекции без описи – значило бы допустить большую ошибку и совершенно пренебречь интересы археологии.

Зная Ваше просвещенное внимание к интересам русской науки, имею честь покорнейше просить Вас не отказать в принятии зависящих мер, чтобы коллекции о. Антонина не передаваемы были бы в Русскую Духовную Миссию без надлежащей описи. Что же касается самой описи и потребных на исполнение ее средств, то я находил бы целесообразным представить этот вопрос на усмотрение Святейшего Синода».[9]

---

[7] *Киприан (Керн),* архимандрит. Антонин Карустин архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894) // Материалы по истории церкви. М., 1997. Кн. 21. С. 186.

[8] АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234 об.

[9] Копия с отношения г. директора РАИК г. императорскому послу от 22 ноября 1896 г. № 294 // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 19—20 об.

А. И. Нелидов, разделяя обеспокоенность Ф. И. Успенского положением дел с музеем архимандрита Антонина, написал вскоре лично обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву:

«Милостивый Государь Константин Петрович.

Директор Русского Археологического Института во время посещения им минувшей осенью Иерусалима имел случай ознакомиться с положением, в котором находятся в настоящее время коллекции, оставшиеся после покойного настоятеля нашей Духовной Миссии, архимандрита Антонина.

Действительный Статский Советник Успенский представил мне по этому поводу соображения свои в прилагаемом при сем в копии письме. Опасения, подобные высказываемым г. Успенским, выражает и Генеральный консул наш в Иерусалиме. Считаю поэтому долгом своим довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о желательности, указываемой компетентными лицами, принятия мер к сохранению этих драгоценных собраний.

Составление необходимых при этом описей могло бы, по моему мнению, быть возложено на Константинопольский Археологический институт в случае предоставления ему необходимых средств, он мог командировать в Иерусалим для этого одно или два обладающих требуемою научною подготовкою лица».[10]

Второе письмо Ф. И. Успенского было адресовано Василию Николаевичу Хитрово, помощнику председателя РИППО; в нем он главным образом пишет о необходимости проведения археологических раскопок в Палестине и только в конце письма замечает: «В Палестине скоро будет русский музей, так как завещание о. Антонина утверждено. Что станется с этим прекрасным собранием при настоящем положении дела?».[11]

Последнее из упоминаемых писем было адресовано августейшему председателю Православного общества великому князю Сергею Александровичу, где Ф. И. Успенский, высказывая ту же озабоченность, добавляет, что музей «будет представлять большое затруднение для Духовной миссии, в которой не имеется лица, способного быть хранителем ценных собраний о. Антонина. Необходимо при том принять во внимание, что коллекции не приведены в порядок и не описаны и что, если они в таком неупорядоченном виде перейдут в миссию, то их может постигнуть обыкновенная судьба неописанных и плохо оберегаемых научных собраний». Далее Ф. И. Успенский высказывает готовность взять на РАИК заботу о музее и археологических раскопках в Палестине, если Общество будет ежегодно субсидировать эти работы.[12] Сергей Александрович направил это письмо в Совет Палестинского общества с резолюцией: «Мысль очень МНЕ симпатичная – желал бы, чтобы в Совете она была разработана и доложена МНЕ».[13]

28 апреля 1897 г. во исполнение воли Сергея Александровича состоялось заседание совета РИППО, где решались два вопроса, поднятых Ф. И. Успенским: о необходимости проведения археологических раскопок в Святой Земле и о музее архимандрита Антонина. По первому во-

---

[10] АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 21—21 об.

[11] Ф. И. Успенский — В. Н. Хитрово. Константинополь. 25 ноября 1896 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, 1844—1928, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), л. 8 об.

[12] Ф. И. Успенский — вел. кн. Сергею Александровичу. Константинополь. 4 декабря 1896 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 10—15.

[13] Там же, л. 10.

просу было принято решение о выделении РАИК единовременной субсидии в сумме 5000 р. для научных исследований в Палестине или Сирии. Что же касается музея архимандрита Антонина, то Совет РИППО вынес такую резолюцию:

«Неизвестность того, что составляет собственно музей и библиотеку покойного архимандрита Антонина, мешает возможности, в данную минуту, с точностью определить, возможно ли будет вообще научное их описание. Есть, наоборот, указания, которые заставляют предполагать, что такое описание относительно музея едва ли будет возможно, а относительно библиотеки едва ли необходимо. Вещи, входящие в состав музея, за малыми исключениями, приобретались о. архимандритом Антонином в течение 40-летнего его пребывания на востоке, в разных странах, и складывались в музей без точного обозначения, где, когда и при каких обстоятельствах та или другая вещь приобретена, а без такого обозначения самая вещь значительно теряет свое научное значение. То же можно сказать и о библиотеке, где каталог рукописей составлен был еще самим архимандритом Антонином при продаже их Императорской Публичной библиотеке, а остающиеся затем печатные книги едва ли потребуют научного описания. Но если научное описание музея и библиотеки является преждевременным, то, по мнению Совета, сдаточная опись как того, так и другого становится безусловно необходимою. Со дня кончины архимандрита Антонина протекло ныне более 4 лет, как вещи, так и книги были сложены в двух помещениях, тогда же запечатанных и в которые до настоящего времени доступ вследствие того был возбранен. Такое отсутствие непосредственного надзора могло только вредно отразиться на их состоянии. Мало того, ввиду их опечатания распоряжения покойного о. архимандрита относительно некоторых вещей и рукописей доселе не могли быть исполнены. Ввиду вышеизложенного Совет Императорского Православного Палестинского Общества полагал бы существенно необходимым командировать немедленно лицо для составления сдаточной описи музея и библиотеки. Таковая опись не потребует ни особенных научных сил, ни продолжительного времени и, по своем составлении, доставит возможность точно затем определить, необходимо ли будет и в какой мере научное описание музея и библиотеки. Так как исполнение духовного завещания о. архимандрита Антонина есть исключительно дело Синода, то Императорское Православное Палестинское Общество вошло с ним в ближайшее по сему вопросу сношение».[14]

Положение этой резолюции, касающееся оценки музейного собрания, во многом утратившего, по мнению членов РИППО, свое научное значение из-за депаспортизации экспонатов, сыграло роковую для музея роль. Такое мнение основывалось на общей практике того времени, когда памятники материальной культуры изучались в их археологическом контексте, а вещи сами по себе мало что говорили исследователю. До сих пор для археологов неинтересны, например, монеты, если они не имеют привязки к тому или иному культурному слою. Другое дело – музейная работа, где исследователи хранят и занимаются памятниками как таковыми, применяя иные методики для их атрибуции и изучения. Резолюция Совета РИППО, предполагавшая более легкий и дешевый путь для составления описи музея, стала для Синода самой приемлемой.

Однако время шло, но дело с передачей музея миссии не продвигалось. В письме Ф. И. Успенского секретарю РИППО Н. Н. Селифонтову от 27 мая 1898 г., где директор РАИК благодарит Совет Палестинского общества за деньги, выделенные на раскопки в Палестине и Сирии, вновь звучит готовность помочь в составлении сдаточной описи музея и библиотеки архимандрита Антонина.[15] Но, как явствует из отчета Ф. И. Успенского 1900 г. об употреблении сумм, отпущенных РАИК Палестинским обществом, к помощи сотрудников Института не прибегли,[16] хотя музей так и стоял опечатанный.

[14] Там же, л. 16—18.

[15] Там же, л. 124—125.

Новый начальник Русской духовной миссии архимандрит Александр (1899—1903) проявлял искреннюю заинтересованность в завершении передачи музея миссии. Его письмо в Хозяйственное управление Синода от 17 ноября 1899 г. побудило петербургское начальство вспомнить о существовании музея. Письмо интересно не только своим содержанием, но и карандашными приписками, сделанными чиновниками Синода на его полях. Архимандрит Александр писал:

«Отношением от 10 ноября с. г. за № 1471 ИППО заявило мне, что оно предполагает летом будущего года командировать „опытного ученого" в нашу РДМ в Иерусалиме для составления подробной описи библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина, остающихся в нашем здании доселе не принятыми Миссиею и запечатанными печатью нашего русского консула.

Подробная опись библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина действительно необходима, в особенности при принятии их Миссиею от Консульства. Посему почтительно прошу Управление, благоволите разрешить ИППО означенную подробную опись составить, а мне, начальнику Миссии, по оной описи принять и библиотеку, и музей древностей архимандрита Антонина».

Наверху, в левом углу, приписано карандашом: «Пр[иказано] перегов[орить]. Кому завещана библиотека и музей?». Внизу, в правом углу, две такие приписки: «приказано пока повременить, до нового распоряжения. 3 дек. 1899» и «приказано повременить. 19 янв. 1900».[17]

И все-таки дело сдвинулось с мертвой точки. Ряд писем в Хозяйственное управление Синода свидетельствует о том, что начались поиски людей, которые согласились бы составить описи библиотеки и музея архимандрита Антонина. Первым, к кому обратились, был профессор Киевской Духовной академии Алексей Акимович Олесницкий (1842—1907), являвшийся изестным специалистом в области библейской археологии. Вынужденный отказаться от этой миссии из-за болезни жены, А. А. Олесницкий тем не менее счел своим долгом высказать свои соображения по поводу библиотеки и музея:

«Что касается оставшегося на месте наследия отца Антонина, то

1. Никаких рукописей, принадлежавших ему, уже нет. Профессор Дмитриевский, бывший в Иерусалиме в летние месяцы прошлого года, свидетельствует, что все рукописи тогда еще были выделены из опечатанного имущества от. Антонина и отосланы в Академию наук, которая их купила.

2. Библиотека печатных книг осталась на месте, но она в целом виде завещана той же Иерусалимской миссии, следовательно, должна остаться там, где она теперь находится, и никакому разбору не подлежит.

3. Остается на месте довольно большая коллекция находок, у палестинских драгоманов называемых „антиками". Это древние монеты, геммы, остатки разной древней посуды, статуэтки, надгробные плитки и проч. Эта коллекция требовала бы пересмотра, ввиду того, что в нее случайно вкралось и довольно много поддельных древностей, фабрикуемых в Иерусалиме. Отец Антонин нередко приобретал и эти древности, так как и они бывали предметом обсуждений в археологических обществах и их изданиях. Но, с другой стороны, так как завещание должно быть выполнено в буквальной точности, то, может быть, это уже забота наследников-получателей разобраться в наследии древностей и отделить истинное от ложного».

[16] Там же, л. 44—84.

[17] АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 103.

На полях письма имеются приписки синим карандашом, исправляющие ошибочную информацию о завещании, изложенную А. А. Олесницким: «1) Рукописи по завещанию назначено продать Публ[ичной] биб[лиотеке] за 5000. 2) Библиотека печатная назначена Св. Синоду. Музей = Русской Миссии в Иерусалиме».[18]

Помимо того, что это письмо проливает свет на состав музея, оно интересно и тем, что объясняет причины появления в нем антикварных подделок. Архимандрит Антонин был одним из первых русских собирателей и исследователей, кто осознал важность коллекционирования поддельных памятников. Позже вопрос о поддельных памятниках, о необходимости их фиксировать и собирать, а также об их распознавании в коллекциях древностей волновал выдающегося русского ученого Н. П. Лихачева.[19]

Весной 1900 г. поручение Синода составить описи библиотеки и музея архимандрита Антонина согласился принять на себя профессор Московской Духовной академии (МДА) Василий Никанорович Мышцын (1866—1907?), который летом на каникулярное время командировался в Палестину.[20]

О том, как он выполнил возложенное на него поручение, свидетельствует письмо начальника Русской духовной миссии (РДМ) архимандрита Александра в Хозяйственное управление Синода от 10 сентября 1902 г.:

«23 июня 1900 г. проф. Мышцын прибыл в Иерусалим и для исполнения порученного ему дела принял от русского консула 30 июня библиотеку, а 11 июля — музей.

20 июля 1900 г. он окончил составление описей и сдал мне библиотеку и музей, в чем я и расписался на составленных им описях, прошнурованных за печатью Миссии.

Сдавши библиотеку и музей, проф. Мышцын того же месяца и числа дал мне свою расписку в том, что он оставил у себя составленные им две описи для списывания с них копий для Миссии, причем вменил себе в непременную обязанность: как самые описи, так и копии с них без замедления переслать в Миссию для окончания дела, согласно распоряжению Хозяйственного управления от 26 апреля 1900 г. за № 10546. Впредь же, до получения Миссиею названных описей и копий с них, двери библиотеки и музея были закрыты и наложены на них печати Духовной Миссии и самого проф. Мышцына».[21]

Как явствует далее из этого письма, еще 2 года музей простоял опечатанным. Время от времени представители Консульства открывали его, чтобы взять рукописи для Публичной библиотеки; телескопы для

[18] Там же, л. 108—109.

[19] *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачев и подделки // ВИД. Л., 1989. Т. 26. С. 289—290; *Гурулева В. В.* Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачева // ВИД. Л., 1998. Т. 21. С. 32—33.

[20] Письма: директора Хозяйственного управления при Святейшем Синоде — профессору МДА В. Н. Мышцыну от 21 апреля 1900 г.; Хитрово — Победоносцеву от 4 апреля 1900 г.; Победоносцев — послу в Константинополе И. А. Зиновьеву от 21 апреля 1900 г.; Победоносцев – Мышцыну от 21 апреля 1900 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 122—122 об., 123, 127, 128—129.

[21] Начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Александр — в Хозяйственное управление Синода от 10 сентября 1902 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 228—229.

отправки большого — в Киевскую Духовную академию и малого — в РИППО, последний, вероятно, для пересылки брату архимандрита Антонина, во исполнение завещания.

Наконец 31 августа 1902 г. императорское посольство в Константинополе разрешило передать музей и библиотеку архимандрита Антонина начальнику РДМ без описи. Архимандрит Александр обрисовал в цитированном выше письме состояние музея и библиотеки, а также свои усилия по приведению их в относительный порядок. Кроме того, он вынужден был, отчаявшись получить ответ от Мышцына на свои многочисленные просьбы, апеллировать к руководству Синода с просьбой о содействии в получении столь нужных для работы с музейным собранием описей коллекций:

«Пользуясь в настоящее время свободным доступом в библиотеку и в музей, я прежде всего вынужден был дезинфицировать все помещение библиотеки ввиду множества моли, повредившей большую часть книг, а после дезинфекции — приступил к уничтожению пыли, оказавшейся в таком изобилии, что приходится употребить очень много времени для освобождения от ней не только самого помещения библиотеки, но и каждой книги в отдельности.

По приведении в опрятный вид библиотеки займусь тем же и в помещении музея.

Затем следовало бы привести в порядок библиотеку и музей по описям, составленным Василием Никаноровичем Мышцыным. Но, к сожалению, до сих пор он еще не успел выслать мне ни копий с описей, ни самих описей.

Каждый год я обращался к нему с усиленною просьбою не задерживать эти описи и копии с них, ввиду необходимости скорее окончить порученное ему дело и представить его в Хозяйственное управление. Но после продолжительных усиленных моих просьб к проф. Мышцыну о скорейшей высылке в Миссию названных описей я невольно вынужден больше не ожидать от него ответа на все свои просьбы, о чем и считаю долгом сообщить Хозяйственному управлению.

Быть может, г. проф. Мышцын, не сообщая мне, уже давно представил упомянутые описи в Хозяйственное управление для хранения их при делах Центрального Синодального управления. Если это верно, в таком случае прошу благоволить прислать мне удостоверенные с них копии, необходимые для обстоятельного знакомства с библиотекою и музеем, а равно — для лучшего приведения их в порядок.

В крайнем случае осмеливаюсь просить Хозяйственное управление благоволить напомнить проф. Василию Никаноровичу Мышцыну ускорить представление в Хозяйственное управление составленных им описей библиотеки и музея, а вверенной мне Духовной миссии выслать копии с этих описей.

При сем имею честь препроводить на благоусмотрение Хозяйственному управлению: а) расписку проф. Мышцына, данную им 20 июля 1900 г. и б) копию с протокола от 31 августа сего года за № 291, удостоверенную подписью и печатью Российского императорского Генерального Консульства».[22]

Просьба была услышана. Из Хозяйственного управления Синода 31 октября 1902 г. было отправлено письмо В. Н. Мышцыну с изложением приказа К. П. Победоносцева ускорить доставление составленных им описей музея и библиотеки о. Антонина в Синод, а их копий — в РДМ.[23] Кроме того, 1 ноября 1902 г. обер-прокурор Синода лично написал ректору МДА официальное письмо с просьбой поторопить профессора Мышцына с завершением порученного ему дела.[24]

[22] Там же, л. 230—231 об.

[23] Там же, л. 237.

[24] Там же, л. 239.

Вскоре последовал ответ ректора МДА епископа Арсения, в котором излагалось обещание представить описи в Синод не позднее 15 декабря 1902 г., а «замедление» в отсылке описей, «по словам проф. Мышцына, было вызвано желанием его ознакомиться с восточными древностями в европейских музеях, в которых он имел случай быть минувшим летом». Эта фраза была помечена на полях вертикальной чертой и восклицательным знаком, выражавшим эмоции читавшего письмо лица.[25]

Обещание было исполнено: из донесения В. Н. Мышцына обер-прокурору Синода от 17 декабря 1902 г. следовало, что описи библиотеки и музея, написанные в трех экземплярах, были в тот день отосланы казенным пакетом в Хозяйственное управление. В донесении разъяснялось, что первый экземпляр описей — подлинник, прошнурованный, опечатанный печатью архимандрита Александра и им же подписанный — имеет много исправлений и дополнений, поэтому были сделаны две копии, одна из которых предназначалась для Синода, а другая — для РДМ. Свой поспешный отъезд из Иерусалима, повлекший за собой обязательство написать копии описей в России, В. Н. Мышцын объяснял сильным нервным расстройством.[26]

22 февраля 1903 г. архимандрит Александр уведомил Хозяйственное управление Синода о получении шести тетрадей описей библиотеки музея, из которых две подлинные описи и по одному экземпляру копий с них были отосланы им в Синод, а второй экземпляр копий оставлен при миссии.[27]

Ныне в архиве Синода РГИА хранятся только две тетради с описями книг, находившихся в библиотеке архимандрита Антонина.[28] Одна из них является подлинником, она опечатана красной сургучной печатью РДМ в Иерусалиме и подписана архимандритом Александром, вторая – переписанная набело с первой тетради опись библиотеки. В конце первой тетради на трех листах имеются карандашные пометки и зарисовки, относящиеся к экспонатам музея, но выполненные явно в большой спешке и без системы. В пометках суммарно перечислены памятники, находящиеся на столах и в различных шкафах в помещении музея: плиты и камни с надписями, светильники, кипрские кувшины, слепок с так называемой головы Ирода (подлинный памятник уже поступил к этому времени в Эрмитаж), саркофаги, мозаики, мраморные плиты с надписями и с христианской символикой. Никаких упоминаний о монетах в пометках не имеется.[29] Во второй тетради, тоже в конце, от руки карандашом помечено: «В казначействе получено 11 марта 1903 г. описи библиотеки и музеи, оставшиеся после б. начальника Иерусалимской миссии, архимандрита Антонина (четыре тетради)», но слово «четыре» перечеркнуто крест-накрест.[30] До сих пор мне не удалось найти в архиве описи музея архимандрита Антонина.

Возвращаясь к истории музея, остается сказать, что, получив наконец описи и очистив книги и вещи от пыли, начальник миссии архимандрит Александр, по-видимому, счел свои обязательства выполненными. Для музея не было отведено достойных помещений, а экспонаты не были разобраны и систематизированы специалистами.

Таковым оставалось положение дел в музее и при следующем начальнике Русской Духовной миссии — архимандрите Леониде (Сенцове; 1903—1918), ставшим во всех отношениях самым достойным преемником архимандрита Антонина в Святой Земле.[31] Архимандрит Леонид был единственным главой миссии после о. Антонина, при котором музей пополнялся новыми памятниками. Но, по-видимому, и у него не было средств и возможностей провести их научную систематизацию и разместить в более приспособленном для хранения и экспонирования помещении.

В отчете по ревизии состояния миссии, проведенной накануне первой мировой войны помощником управляющего контролем при Святейшем Синоде М. В. Дьяконовым, содержатся краткие сведения о музее, свидетельствующие о том, что необходимость приведения его коллекций в порядок осознавалась и чиновниками Синода:

> «Миссия имеет музей древних вещей, частью оставшихся еще от покойного архимандрита Антонина, а частью поступивших при архимандрите Леониде. Большинство этих вещей найдено при раскопках в Иерусалиме и других местах Палестины во время производства построек, а часть пожертвована разными лицами. Музей помещается в двух комнатах и размещен плохо. Кроме него есть еще маленькие собрание палестинских древностей в Елеонской общине, в Иерехонском, Хевронском и Тивердиарском приютах. Все эти древности требуют разборки, описания и надлежащего размещения в одном нарочитом музее».[32]

Впечатление, которое составил о музее известный русский ученый М. И. Ростовцев во время посещения им Иерусалима в 1912 г., также побуждало задуматься о необходимости принятии мер по упорядочению экспонатов:

> «Делом рук покойного арх. Антонина было и собрание небольшого музейчика в здании Миссии. Мне пришлось посетить недавно этот музей. В нем я нашел немало вещей первостепенного достоинства и прежде всего богатейшую коллекцию палестинской керамики, которая в последнее время все более и более интересует современное научное исследование. В состав музея входит и превосходный эллинистический саркофаг...
>
> Этому богатству музея вещами отнюдь не соответствуют, однако, его внешность и царящие в нем порядки. Жалкая, ничтожная, плохо освещенная комнатушка в обширнейшем здании Миссии, несколько жидких полок и шкапов, далеко не вмещающих всех вещей, груды вещей на полу и на столе. Ко всему этому отсутствие какой бы то ни было классификации в расстановке вещей, огромное количество подделок, ничем не выделенных, отсутствие какого бы то ни было толкового инвентаря.
>
> Так ли это было и при арх. Антонине, я не знаю, но теперь это так. Не мудрено, что о таком собрании ничего не знают ни заезжие ученые, ни даже местные работники. Такой сарай с ценными вещами стыдно показать! А между тем нашлась бы, конечно, в помещениях Миссии квартира для музея; да и выстроить для него особое здание при массе возводимых теперь Мис-

[25] Там же, л. 240.
[26] Там же, л. 241.
[27] Там же, л. 255.
[28] РГИА, ф. 834, оп. 4 (Рукописи Синода), д. 1240.
[29] Там же, л. 160—162 об.
[30] Там же, л. 169.
[31] Россия в Святой Земле... Т. II. С. 10, 609—612.
[32] Там же. С. 162.

сией построек вряд ли представляло бы непреодолимые затруднения. Наконец, недаром у нас имеется целый Археологический институт в Константинополе: нашлись бы у него силы, которые могли бы классифицировать собрание и сделать ему научный инвентарь».[33]

Но эти справедливые, хотя и горькие, замечания остались без внимания.

Годы Первой мировой войны принесли миссии и музею много трудностей. В декабре 1914 г. по распоряжению турецкого правительства была осуществлена эвакуация сотрудников миссии. Осталось лишь несколько монахинь, которые пережили тяжелые времена в опустевших обителях. Здание миссии, храм Вознесения на Елеоне и другие помещения были опечатаны властями. После окончания войны мандат на владение Палестиной получила Великобритания, остававшаяся хозяйкой страны до 1948 г. Здание миссии было занято сначала американским отделением Красного Креста, затем Верховным мандатным судом Палестины (до 1948 г.). Экспонаты музея архимандрита Антонина и имущество Русской духовной миссии были перевезены в Спасо-Вознесенский женский монастырь на Елеоне, который с 1924 г. и по сей день находится в ведении Зарубежной русской церкви.[34] Музей разместился в так называемом Архимандричьем доме, построенном на том месте горы, где во время раскопок, проведенных под руководством архимандрита Антонина, были обнаружены мозаичные полы византийского стиля VI в.[35]

По свидетельству одного из лучших биографов Антонина архимандрита Киприана (Керна), музей, «после войны перевезенный на Елеон, за неимением помещения в Миссии, занятой английскими судебными установлениями, находился все эти годы в жалком состоянии. Кое-как запакованные вещи, попорченные при переноске, заброшенные и забытые, были только в 1929 г. разобраны, приведены в порядок и снова стали доступны осмотру и изучению. Всю работу по устройству музея и спасению многих вещей произвели египтолог профессор Г. И. и Елизавета Сергеевна Лукьяновы».[36]

После второй мировой войны и образования государства Израиль, в состав которого вошел город Иерусалим, на русское наследство в Святой земле стало претендовать Советское правительство и представители

[33] *Ростовцев М.* Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб., 1912. Т. 1, вып. 3.

[34] *Никодим (Ротов)*, архимандрит. История Русской духовной миссии в Иерусалиме. С. 68—70; Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеоне. К столетию со дня освящения Спасо-Вознесенского храма. 1886—1986. Иерусалим: издание Русской духовной миссии, 1986. С. 46, 53—54; *Баталден С.* Судьба русского землевладения в Иеусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. СПб., 1993. Вып. 32 (95). С. 5—7.

[35] Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь… С. 23, 28; *Воробьева И. А.* Русские миссии в Святой земле в 1847—1917 годах. М., 2001. С. 83. Здесь автор монографии ошибочно пишет, что «на Елеоне был построен двухэтажный дом, в котором Антонин открыл археологический музей, где были представлены предметы, найденные при раскопках».

[36] *Киприан (Керн)*, архимандрит. Антонин Капустин... С. 199, примечание.

Московской патриархии. Последние открыли в Иерусалиме еще одну Русскую духовную миссию. Но Спасо-Вознесенский монастырь с музеем архимандрита Антонина остался в ведении Зарубежной русской церкви. В юбилейном издании, посвященном 100-летию со дня освящения Спасо-Вознесенского храма, приводятся две фотографии, имеющие отношение к музею (о самом музее там не рассказывается): «Архимандричий дом» с музеем и «Экспонаты в музее». На последней представлен стеллаж, на пяти полках которого стоят керамические изделия, а этикетка на английском и русском языках гласит «Вазы и посуда. 500—100 гг. до Р. Х.».[37]

В настоящее время свободного доступа посетителям в музей архимандрита Антонина нет. Для его осмотра необходимо получить благословение архиепископа Марка, главы Берлинской епархии Русской православной церкви за рубежом, ведающего также делами Русской духовной миссии. По сути, музей архимандрита Антонина так и не стал подлинным музейным собранием, доступным для работы специалистам и осмотра любителям старины, оставаясь во все годы своего существования лишь хранилищем древностей.

Из переписки по электронной почте с настоятельницей Спасо-Вознесенского монастыря на Елеоне игуменьей Моисеей, которая по моей просьбе посетила музей, удалось узнать, что нумизматическая коллекция архимандрита Антонина, к сожалению, не сохранилась.[38] И пока остается только гадать: какие еще утраты постигли музей в годы бедствий?

[37] Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь… С. 28.

[38] Приношу свою искреннюю благодарность матушке Моисее, которая при осмотре музея выяснила, что там остались только три монеты (письма из Иерусалима от 04.04 2005 г. и от 24.10 2005 г.).

Peter SCHREINER

VOM BRIEF ZUR FREUNDSCHAFT DER BRIEFWECHSEL VON VIKTOR KARLOVIĚ JERNSTEDT MIT KARL KRUMBACHER (1893—1902)

Mit einem erstaunlichen Gleichklang setzte die moderne byzantinische Forschung im letzten Jahrzehnt des 19. Jhd. in Deutschland, Frankreich und Rußland ein und schuf in bahnbrechenden Werken die Grundlage für das Byzanzbild des 20. Jhd. Dabei ist gerade die Rolle der russischen Byzantinistik dank der Initiative von Igor Pavlovič Medvedev und die von ihm angeregten oder selbst durchgeführten Editionen aus dem Bestand des Archivs der russischen Akademie der Wissenschaften besonders deutlich gemacht worden.[1] Neben veröffentlichtem und unveröffentlichtem wissenschaftlichen Material ist vielfach auch der Briefwechsel russischer Gelehrter mit ihren Kollegen in anderen Ländern Europas erhalten geblieben und zugänglich gemacht worden.

Am Ende der langen Studie von I. V. Kuklina über Viktor K. Jernstedt (14. Dezember 1854-21. August 1902) publiziert T. N. Tazenko erstmals 18 Briefe von Karl Krumbacher aus den letzten 9 Lebensjahren des Gelehrten.[2] Sie enthalten in erster Linie Antworten auf Anfragen Jernstedts, die mit seinen Forschungen zu byzantinischen Sprichwörtern, sowie der Äsop-und Syntipas-Ausgabe in Verbindung stehen.[3] Die Briefe zeigen, worauf die Biographin auch an anderer Stelle hinweist, den tadellosen Gebrauch der deutschen Sprache, während er seine zahlreichen philologischen Arbeiten in Russisch abfaßte. Trotz verschiedener Hinweise[4] ist es immer noch nicht genügend bekannt, daß der Briefwechsel Karl Krumbachers mit 1255 Persönlichkeiten des wissenschaftlichen Lebens in ganz Europa in alphabetischer Ordnung in der Autographensammlung der Bayerischen Staatsbibliothek in München aufbewahrt wird.[5] Unter dem zahlreichen epistolographischen Material befinden sich auch 16 Briefe von Viktor Jernstedt. Sie gehen den von Tazenko veröffentlichten Briefen jeweils voraus, und bilden das nicht häufige Phänomen eines vollständig erhaltenen Gegenbriefwechsels, wie wir ihn uns für die byzantinische Epoche immer wünschen, aber nie mit dieser chronologischen Sicherheit besitzen. Im

© P. Schreiner, 2007

folgenden werden die 16 Briefe voll ediert, und, wo nötig mit kleineren Anmerkungen versehen.

1. Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга, под редакцией члена корреспондента Российской Академии наук И. П. Медведева. Санкт-Петербург 1999; Архив русских византистов в Санкт-Петербурге. Sankt-Peterburg 1995.

2. I.V. Kuklina. В.К. Ернштедт, Обзор научного наследия, in: Рукописное наследие (wie Anm. 1), 68—130, die Briefe p. 122—130.

3. Die Thematik des wissenschaftlichen Werkes ist von Kuklina minutiös und detailliert behandelt worden, während sie auf die Briefe selbst kaum eingeht. So bleiben leider auch die biographischen Einzelheiten Jernstedts sehr knapp und erfahren durch die hier veröffentlichten neuen Quellen eine gewisse Belebung.

4. F. Tinnefeld, Die Sammlung «Krumbacheriana» in der Bayerischen Staatsbibliothek zu München, in: XXe Congrès International des Etudes Byzantines. Pré-actes 1. Séances plénières. Paris 2001, 383—398.

5. Bayerische Staatsbibliothek, Handschriftenabteilung, Autographensammlung Krumbacheriana I. Ich danke an dieser Stelle der Leiterin der Autographensammlung, Frau Dr. von Moisy für ihr Entgegenkommen bei der Beschaffung des Materials.

1

St. Petersburg d. 27. März/ 8. April 1893

Hochgeehrter Herr Professor,

Der Unterzeichnete, obgleich Ihnen wohl so gut wie unbekannt, erlaubt sich im Vertrauen auf internationale Collegialität folgende Bitte an Sie zu richten. Würden Sie nicht irgend Jemand von Ihren Zuhörern, der eine griechische Handschrift entziffern kann, beauftragen können ein paar Seiten einer Münchener Handschrift zu copieren? Es versteht sich von selbst, daß ich zu jeder Vergütigung für den Zeitverlust bereit bin, resp. zu jeder entsprechenden Gegenleistung. Es handelt sich um den Münchener Codex D XXV nach dem Hardtschen Cataloge (tom. V p. 299 sqq.). Er beginnt mit einer Vita Aesopi, darauf folgt fol. 21 sqq. Eine Sammlung Aesopischer Fabeln, und am Schluße dieser, also wohl fol. 28; „sequitur titulus: Αἰσώπου κομικαί[1] κωμωδίαι κατὰ ἀλφάβητον. ’Αρχὴ ἀηδίας. χαῖρε φαλακρέ. Des. ὦ καιρέ δια τί οὐκ αλεῖς[2] ωμὸν, ἀλλ’ ἐμόν. ὦ εἷς πυρετὸς καὶ τὰ πάντα κάτω.

In ora infima notatur: λειπεσθαι[3] τῶν ἑπομένων στοιχείων ῖβ απὸ τοῦ ῆ τῆς σ.“ Weiter folgt, fol. 29, Syntipas u. A. Mir kommt es augenblicklich einzig und allein auf die kleine Sprichwörtersammlung an, welche sich an die Aesopischen Fabeln anschließt und über die ich eben ausgeschrieben habe, was im Hartdschen Cataloge steht. Von dieser Sprichwörtersammlung möchte ich sobald wie möglich eine buchstäblich genaue Abschrift besitzen. Den Copirenden würde ich auch um Aufschluß darüber ersuchen, ob sich das Fehlen der Buchstaben H-Σ aus dieser Handschrift erklaren läßt. Ich sage :

Anfang von Brief 1. Abdruck mit freundl.
Genehmigung der Bayerischen Staatsbibliothek, München

aus dieser Handschrift, denn dieselbe Sammlung steht in einem Moskauer Codex, aus welchem sie, nach einer kläglichen Copie von Clofsius, im Rhein. Museum Bd. V (1837) publicirt ist.1 Ich habe mit der Moskauer Hds. aus anderen Gründen zu schaffen gehabt und beiläufig die Sprichwörter abgeschrieben, welche ich jetzt gerade für unser «Journal des Ministeriums für Volksaufklärung» behandle. Ein Theil meines Artikels ist schon gedruckt und deshalb habe ich mit meiner Copie eben Eile. Bekannte besitze ich in München nicht; es blieb mir also nichts übrig, als mich an denjenigen der Herrn Professoren zu wenden, welchem die Sache so zu sagen am nächsten liegt. Sollte meine Bitte auf diesem Wege nicht gut erfüllbar sein, nun, so will ich wenigstens das Meinige gethan haben.

Mit vorzüglicher Hochachtung

V. Jernstedt
Professor an der Universität St. Petersburg.

Meine Adresse lautet: St. Petersburg, Wassili Ostrow, 3 Linie, Haus 58, Qu. 11.

1) κοσμικαί? 2) αὐλεῖς? 3) sic?

Kommentar: Krumbacher hat bereits am 14. April geantwortet (Brief 1, bei Kuklina, Приложение p. 123). 1 Auf den Seiten 331—332 ohne Autorenangabe.

2

St. Petersburg d. 5/17 April 1893

Herzlichen Dank,

verehrter Herr College, für Ihre große Freundlichkeit, die ich gebührend zu würdigen weiß. Eine so prompte und vollständige Erfüllung meiner Wünsche habe ich kaum zu wünschen, geschweige denn zu hoffen gewagt. Ihre «Sammlung byzantinischer Sprichwörter», in den Sitzungsber. Ihrer Akademie von 1887, ist mir natürlich wohl bekannt.[1] Sobald das Maiheft 3. unseres Journals mit dem Schluß meiner (übrigens gar nicht großen) Arbeit erscheint und die Einzelabdrücke des Ganzen in meinen Händen sein werden, sollen Sie der Erste sein, an den ich ein Exemplar expedire. Im Aprilheft sind die ersten 10 Seiten schon erschienen, brechen aber mitten in einem Worte ab, wie das in der Abteilung für class. Philologie zuweilen geschieht, welche außerdem quartalweise einzeln ausgegeben wird (jedes Heft 8—10 Bogen stark).[2] Mein Artikel ist diesmal doch etwas länger geworden, als die Größe der Sprichwörtersammlung zu erfordern scheint, weil ich mich aus äußeren Gründen (ich bin quasi-Redacteur der Abtheilung) schließlich mit der Abfassung etwas beeilen mußte; mit anderen Worten, ich hatte, wie Lessing einmal gesagt hat, nicht die Zeit kurz zu sein. — Ihre Auffassung von κλασθείς im 5. Spruche[3] will ich, mit Ihrer gutigen Erlaubniß, mittheilen, obgleich ich allerdings im schon gedruckten eine andere Meinung vertrete.

Mit aufrichtiger Hochachtung

V. Jernstedt

Kommentar: Antwort und Dank auf Krumbachers ersten Brief, der bereits nach drei Tagen den Empfänger erreicht hatte.

[1] K. Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter. München 1893 (= Sitzungsberichte der philos.-philol. u. d. historischen Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften, 1893, Bd. II, H.1).

[2] Забытыя греческія пословицы, in: Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія 1893, Отдел. класс. филол. Апрель-Май. Wiederabgedruckt in Victoris Jernstedt opuscula — Сборникъ статей по классической филологіи Виктора Карловича-Ернштедта (Petersburg 1907, 179—206). Im Institut für Byzantinistik der Universität München findet sich noch der originale Sonderdruck mit der Widmung: Herrn Prof. Dr. K. Krumbacher hochachtungsvoll vom dankbaren Vf. St. Petersburg d. 19/31. Mai 1893 V. Jernstedt.

[3] Bezug unklar, da das 5. Sprichwort in Krumbachers Sammlung dazu nichts bringt.

3

Hochgeehrter Herr College,

Sie erwähnen p. 472 Ihrer Byzantinischen Literaturgeschichte eine «Strassburger Handschrift», in welcher die Moskau-Münchener Redaktion des griechischen Syntipas stehen soll.[1] Ich bin gerade im Begriff das unedirte Moskauer Stück zu publiciren und erlaube mir daher die Frage, ob die

Strassburger Hds. noch existirt und ob, falls dies der Fall ist, ich nicht Jemand ins Gehege kommen würde, indem ich es versuche Ihrem Hinweis nachzugehen. Am liebsten würde ich natürlich, was ja auch am zweckmäßigsten wäre, alles, was von der Redaktion übrig ist, zugleich herausgeben.

Mit ausgezeichneter Hochachtung

Ihr ergebenster
V. Jernstedt

St.Petersburg
(Waß. Ostr., 3 Linie, H.68, Qu.11) 16/28 Jan. 95.

Kommentar:

[1] Krumbacher bezeichnet in der 1. Auflage die Handschrift nicht nдher, und nennt in der 2. Auflage expizit die griech. Hs. Nr. 5. Dort (vgl. C. Welz, Katalog der Kaiserlichen Universitäts-und Landesbibliothek in Straßburg. 5. Descriptio codicum graecorum.Straßburg 1913) ist kein solcher Text genannt, und Krumbacher ist wohl einem Irrtum erlegen. Jernstedt geht in der Ausgabe selbst (s. u. zu Brief 9, Anm.2) nicht mehr darauf ein.

4

Hochverehrter Herr Kollege,

Soeben erhalte ich Ihren Brief vom 2. Febr. und beeile mich Ihnen für Ihre freundlichen Mittheilungen meinen besten Dank auszusprechen. Ich werde mich allerdings bemühen die Strassburger Hds. hierhergeschickt zu bekommen. Ihre Notiz über cod. Marc. 605 werde ich mit Ihrer gütigen Erlaubnis mittheilen; sie sonst zu verwerthen wird mir wohl nicht beschieden sein.[1]

Zu Ihrer so wohlverdienten Ernennung zum Correspondenten unserer Academie gratulire ich herzlich.[2] Die Wahl war, wie es sich von selbst versteht, eine einstimmige. Daß Sie die Nachricht bis jetzt nur durch die Zeitungen erfahren haben, nimmt mich Wunder: unser непременный секретарь Dubrowin ist sonst accurat.[3] Am 1/13 Februar ist wieder Sitzung und da will ich fragen, wie die Sache zusammenhängt. Der alte Destunis,[4] mit dem Sie ja auch in brieflichem Verkehr gestanden haben und der auch eben Correspondent der Academie geworden ist, liegt leider im Sterben. Er ist zwar schon fast 77 Jahre alt, aber bei seiner ausnehmend vorsichtigen Lebensweise hätte er ganz gut noch einige Jahre leben können, trotzdem er von jeher kränklich und schwächlich war. Uebrigens ist er noch nicht todt und kommt am Ende doch noch wieder auf, obgleich ihm damit wohl schwerlich gedient wäre. Zum Arbeiten würde er nicht mehr die Kraft haben. Nochmals herzlichen Dank, verehrtester Herr College.

Mit ausgezeichneter Hochachtung Ihr ergebenster

V. Jernstedt.

St. Petersburg d. 25 Januar/6 Febr. 95.

Kommentar: Der Brief Krumbachers vom 2. Februar (Antwort auf Brief 3 Jernstedts) ist offensichtlich nicht erhalten.

[1] Es geht wohl um das im Marc. Gr. 605 enthaltene Syntipas-Fragment, das Jernstedt auch in der Ausgabe (siehe dazu Brief 9, Anm. 2) vermerkt.

[2] Krumbacher war am 3. Dezember 1894 zum Korr. Mitglied der russischen Akademie der Wissenschaften gewдhlt worden. Eine offizielle Mitteilung der Akademie ist im Briefwechsel Karl Krumbachers nicht vorhanden.

[3] Nikolaj Fedorovič D. war «beständiger Sekretär» (sécrétaire perpétuel nach dem Vorbild der Franzцsischen Akademie).

[4] Zu Gavriil Spiridonovič Destunis (1818—1895), den Byzantinisten v. a. durch die Erstausgabe des Amurisliedes (Petersburg 1877) bekannt, s. Рукописное наследие (wie Anm.1) 568—569.

Im Münchner Nachlaß sind drei Briefe Krumbachers an ihn erhalten. Krumbacher erwähnt ihn auch im Vorwort zur ersten Ausgabe der Geschichte der byzantinischen Litteratur, München 1891, als einen jener Gelehrten, die ihm wichtige bibliographische Informationen zukommen ließen, doch finden sich im Münchner Institut nur fünf Sonderdrucke von Destunis.

5

Hochverehrter Herr Kollege,

I ch will mit Vergnügen in diesem und ähnlichen Fällen machen, was sich machen läßt. Unsere Osterfeiertage sind zu Ende. Morgen haben wir aber Sonntag und erst Montag läßt sich etwas machen. Ein Hinderniß für das Photographiren könnte sein (wird aber hoffentlich nicht sein), daß der Director der Bibliothek krank ist oder wenigstens noch vor kurzem war. Der alte G. Destunis ist, wie Sie vielleicht noch nicht wißen, am 19/31 März gestorben. Einen Nekrolog finden Sie in dem Aprilheft des Журналъ Министерства Народного Просвъщенія. Ein anderer Nekrolog, mit vollständigem Verzeichniß seiner Schriften, wird, denk` ich, im Виз. Временникъ erscheinen.[1]

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr ganz ergebener
V. Jernstedt

St.Petersburg d. 8/20 April 1895

Kommentar: Antwort auf Brief 3 Krumbachers, in welchem er einen Petersburger Text für den damals noch wenig bekannten Ludwig Traube aus der Petersburger Sammlung erbittet. Einzelheiten nennt Krumbacher in diesem Brief nicht, da er das uns unbekannte und wohl nicht erhaltene Schreiben Ludwig Traubes beilegt. Ludwig Traube (1861—1907) war der Begründer der lateinischen Philologie des Mittelalters und erhielt 1902 den ersten Lehrstuhl 5 seines Faches an der Universität München. Traube hat zu dieser Zeit an den Poetae aevi Carolini gearbeitet, deren 3. Band 1896 erschien. Dort sind allerdings, soweit ich sehe, keine Handschriften aus Petersburg herangezogen. Auch weitere Recherchen in Repertorien haben keine Resultate zur Identifizierung der Handschriften erbracht.

[1] Der Nachruf (anonym) erschien in VV 2 (1895) 316—326.

6

Verehrter Herr College, Besten Dank für den «Michael Glykas». Beiliegen die 2ten Exemplare der Photographien für Dr. Traube.

Hochachtungsvoll

Ihr ergebenster V. Jernstedt.

St. Pbg. d. 30 April/12 Mai 95.

Kommentar: Aus den Briefen Krumbachers geht über eine Zusendung des «Michael Glykas» nichts hervor: K. Krumbacher, Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner literarischen Tätigkeit nebst einem unedierten Gedichte und Briefe desselben. München 1894 (= Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften, 1894, H.3.)

7

(Postkarte)

Verehrter Herr College, Herzlichen Dank für die Mittheilung. Vom Syntipas im Cod. Vaticanus wußte ich nichts. Herrn Tschiedel kenne ich leider nicht. Ich habe mich an Dr. Hülsen gewandt,[1] den ich von früher kenne und der mir vielleicht Jemand verschafft, welcher den codex einsehen könnte. Nochmals besten Dank.

Mit ausgezeichneter Hochachtung

Ihr ergebener
V. Jernstedt

P.S. Vergessen Sie bitte nicht das nächste Mal wieder Ihre neue Adresse beizufügen, welche ich verlegt habe.[2]

Kommentar: Das auf Postkarte übermittelte Schreiben ist undatiert, doch läßt sich die Abfassung durch die gut lesbaren Poststempel leicht ermitteln. Der Petersburger Stempel datiert vom 5. Sept. 95 (alten Stils, = 17. Sept. neuen Stils), der Münchner vom 20. September. Trotzdem ergibt sich ein kleines Problem. Krumbachers Mitteilung über den Vatikanischen Syntipas-Kodex (Vat. Gr. 335) findet sich in Brief Nr. 2 des Archivs der Petersburger Akademie und trägt das Datum des 27. II. 95. Krumbacher erfuhr aus dem 3. Brief Jernstedts (oben S. 393) vom 28. Januar (1895), daß dieser sich mit Syntipas beschäftigt, so daß einer Antwort am 27. Februar nichts entgegensteht. Die vorliegende Postkarte Jernstedts klingt aber nach einer spontanen Mitteilung – ein halbes Jahr später?

[1] Christian Hülsen (1858—1935) war von 1887—1909 zweiter Sekretär des deutschen Archäologischen Instituts in Rom. Jernstedt wurde 1891 korrespondierendes Mitglied des deutschen Archäologischen Instituts und erhielt für das Jahr 1892 ein Italienstipendium. (Kuklina, wie Anm. 2, S. 69). Damals hatte er wohl Hülsen kennengelernt, der seit 1881 als Stipendiat in Rom weilte.

[2] Die vorliegende Postkarte ist daher an die Münchner Universitätsadresse Krumbachers gesandt. Zu den Adressen Krumbachers siehe Tinnefeld (wie Anm. 4) 398.

8

Aßern bei Riga, Haus Besbardis.
d. 31 Juli/12 Aug. 1896.

Hochgeehrter Herr College,

Aus Ihren beiden Postkarten[1] (welche erst gestern an mich gelangt sind, da die einlaufenden Briefe mir nicht regelmäßig nachgeschickt werden) ersehe ich, daß ein Mißverständniß stattgefunden hat, wo ich am wenigsten eines erwartet habe. Ich verließ Petersburg am 21ten April (alten Stils), um nach Odeßa zu reisen, wohin ich als Präses der diesjährigen historischphilologischen Prüfungscommißion an der «neurussischen» Universität «abcommandiert» war. Damals sollte der Κεκαυμένος erscheinen, war aber noch nicht erschienen. Wahrend meines 2tägigen Aufenthaltes in Petersburg am

3—5 Juni habe ich Wassiliewsky nicht gesehen. So ist es gekommen, daß keiner von uns beiden wußte, an welche Gelehrte der andere Exemplare des Buches schicken werde. Da nun W. viel früher als ich in der Lage war Exemplare zu versenden, so nahm ich an, daß Sie längst das Buch empfangen hatten, bevor ich an das Versenden schreiten konnte, und mochte nicht Ihnen nachträglich mit einem 2ten Exemplare lästig fallen, da Sie ja so zu sagen (ich gebrauche einen Lieblingsausdruck des verewigten Nauck)[2] in Druckpapier ersticken müßten. Um spasshafte Mißverständniße zu vermeiden, schickte ich das Buch zunächst nur an solche Gelehrte, von denen ich mit ziemlicher Sicherheit annehmen durfte, daß W. sie nicht bedacht haben würde. Es ist nicht unwahrscheinlich, daß W. seinerseits zunächst dieselbe Rücksicht beobachtet hat, schließlich aber Ihnen doch ein Recensionsexemplar zugehen ließ. So haben Sie denn, verehrter Herr College, das Buch nicht sogleich bekommen, weil jeder der beiden Herausgeber vorraussetzen durfte, daß der andere sogleich an Sie denken werde. Was meinen Syntipas betrifft, so hat der Druck, kaum begonnen, durch meine Abreise nach Odeßa und sodann in die Sommerfrische an den Rigaer Strand, unterbrochen werden müßen. Ich hoffe noch in diesem Jahre damit fertig zu werden. Den Vaticanus 335, welcher die München-Moskauer Redaction vollständig enthält, hat mir im vorigen Winter Dr.Graeven verglichen, resp. abgeschrieben.[3] Schließlich noch eine Bitte oder Frage, hochgeehrter Herr College. Ich habe vor einigen Jahren 2 Viten Constantins (des Kaisers) aus Italien mitgebracht.[4] Nach dem Coxeschen Catalog zu urtheilen, steht die eine davon auch in Hdss. der Bodleiana.[5] Kennen Sie nicht zufällig Jemand in Oxford, der mir die englischen Codices vergleichen könnte? Ich habe mich schon an Freund Neubauer[6] gewandt, aber er kennt im Augenblick Niemand und bittet jedenfalls bis zum 20 October (Schluß der Ferien) zu warten. Nun könnte ja ein jüngerer Gelehrter von Ihren gewiß zahlreichen Bekannten dasein oder hingehen und nicht abgeneigt sein die Sache für das übliche Honorar zu besorgen.[7] Ist das der Fall, so würden Sie mir einen großen Gefallen erweisen, wenn Sie die Vermittlerrolle übernehmen wollten. Sie wissen,daß ich zu Gegendiensten, so weit es von mir abhängt, stets bereit bin. In ergebenster Hochachtung Ihr V. Jernstedt

In Aßern bleibe ich bis Ende August alten Stils.

Kommentar:

[1] Bezieht sich auf die Postkarten Nr. 5 (vom 6. Juli), auf welcher Krumbacher auch die im Brief 7 erbetene neue Adresse (Ottostr. 5/III) wiederum mitteilte und Nr. 6 (undatiert, aber sicher nicht «[?] VI 1896» wie Kuklina (Anm. 2) S. 125 Anm. 3 vermutet, sondern ebenfalls im Juli, da in diesen Monat schon die erste Postkarte datiert ist.

[2] August Nauck, klassischer Philologe (1822—1892) war seit 1859 an der Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg tätig und wurde 1861 ordentliches Mitglied.

[3] Hans Graeven (1866—1909), seit 1903 Direktor des Rheinischen Landesmuseums in Trier, arbeitete nach 1891 am deutschen Archäologischen Institut in Rom. Er stand mit Krumbacher in brieflicher Verbindung (18 Briefe).

[4] Unter den zahlreichen Handschriften der Vita Constantini läßt sich mit diesen allgemeinen Angaben die Provenienz nicht ermitteln (vgl. F. Halkin, Bibliotheca Hagiographica Graeca. Bd. 1. Brüssel 1957, 121—125). Jernstedt scheint an der Thematik nicht weiter gearbeitet zu haben.

[5] Cod. Oxon. Bodl. Canonicus 19 (vgl. Halkin, Bibliotheca, wie vorausg. Anm., Nr. 366g).

[6] Nicht zu ermitteln; dem Kontext nach ein Petersburger Freund oder Kollege Jernstedts.

[7] Krumbacher teilt in Brief 8 mit, daß er niemand in England kenne, der diese Aufgabe durchführen könne.

9

Besten Dank, hochgeehrter Herr College, für das schöne Weihnachtsgeschenk,[1] — denn wir haben ja gerade Weihnachten. Ich muß leider berichten, daß ich seit Juni Monat gekränkelt habe, weßhalb auch der Syntipas stecken geblieben ist. Hoffentlich kommt er aber doch bald zum Abschluß.[2] Nochmals herzlichen Dank und die besten Wünsche zum neuen Jahr von Ihrem treu ergebenen

V. Jernstedt

St. Petersburg
d. 24 Dec. 1898/5 Jan. 1899

Kommentar:

[1] Es gibt offensichtlich keinen Begleitbrief Krumbachers, wie die Korrespondenz überhaupt in den Jahren 1897 und 1898 unterbrochen war.

[2] Dieser Wunsch hat sich nicht erfüllt. Die Syntipas-Ausgabe erschien mit Unterstützung Nikitins (s. Brief 11, Kommentar) erst postum 1912: Mich. Andreopuli Liber syntipae, ed. Victor Jernstedt. St. Petersburg 1912 = Записки Инст. Наук истор.-филол. отд. XI, 1.

10

St. Petersburg
d. 30 Nov./12 Dec. 1900.

Verehrter Herr College, Herzlichen Dank für die zwei Geschenke[1], welche ich in diesen Tagen von Ihnen erhalten habe. Ich habe Regel[2] versprochen, die neuere Schrift über die Moskauer Sammlung in dem Византійскій Временникъ anzuzeigen und werde das um so lieber thun, als ich unerwarteterweise in die Lage gekommen bin eine kleine Ergänzung zu der Moskauer Sammlung publiziren zu können. Das nächste Heft des Временникъ erscheint sehr bald, es ist schon fast abgeschlossen, so daß meine Besprechung Ihrer Schrift erst im übernächsten Heft erscheinen kann, welches, wie Regel meint, im Februar des kommenden Jahres ausgegeben wird.[3] Sie wißen gewiß schon, daß es Regel in der Academie leider schlecht ergangen ist. In der Claße war er fast einstimmig durchgegangen, im Plenum dagegen fiel er durch. Man meint, daß Kondakoff[4] gegen ihn agitirt hat; unwahrscheinlich ist mir das nicht, aber behaupten möchte ich das ebensowenig. Vielleicht läßt sich das Unrecht mit der Zeit reparieren, aber zunächst ist nichts dabei zu thun. Ihr Bayerland hat mir in diesem Sommer die abhanden gekommene Gesundheit[5] wiedergebracht, was ich ihm nicht vergeßen werde, sowenig wie den freundlichen Empfang in München[6]. Den Rückweg haben wir über Prag, Dresden und Leipzig genommen. Leider haben wir hier in diesem Semester ganz besonders wenig Sonne gehabt, und jetzt graßirt hier die Influenza in wahrhaft grauenerregender Weise. Von meiner Familie liegt augenblicklich mein kleiner Stammhalter[7] darnieder,

aber es geht ihm doch schon beßer. Ich empfinde es als eine arge Unterlaßungssünde, daß ich bei meinem Aufenthalte in München nicht Prof. Christ[8] habe einen Besuch machen können, aber wir mußten eben eilen, aus der großen Stadt wegzukommen, da meine Gesundheit noch zuviel zu wünschen übrig ließ. Meine Frau hat sich in den lieben alten Herrn ganz verliebt, bei ihr hat er einen ganz besonderen Stein im Brett. Wollen Sie so freundlich sein, lieber Herr College, Herrn Prof. Christ von meiner Frau und mir einen recht herzlichen Gruß zu bestellen?

Вамъ, разумеется, первой и последній поклонъ и отъ жены моей, и отъ душевно преданного Вамъ В. Ернштедта.

Kommentar:

[1] Eines der beiden Geschenke war die in Brief 13 erwähnte Moskauer Sprichwörtersammlung (K. Krumbacher, Die Moskauer Sammlung Mittelgriechischer Sprichwörter. München 1900 (= Sitzungsberichte der philos.-philol. und historischen Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Heft III).

[2] Zu Vasil E. Regel (1857—1932) siehe I. P. Medvedev, Регель как основатель и редактор «Византийского Временника», in: Архивы (wie Anm. 1), 157—180; im Nachlaß Krumbacher sind 16 Briefe Regels erhalten.

[3] Die Anzeige (nicht Besprechung) erschien in VV 8 (1901) 244. Die angekündigte «Ergänzung» bezieht sich auf das Dresdner Fragment, s. u. Brief 13, Anm. 4.

[4] Zu Nikodim P. Kondakov (1844—1925) siehe I. V. Tunkuna, И.П. Кондаков, обзор личного фонда, in: Архив (wie Anm. 1), 93—119. Im Brief 14 von Regel an Krumbacher (s. o. Anm. 2) teilt Regel selbst Krumbacher mit, daß er in der Akademie gescheitert ist und vermutet dahinter ein Komplott von Uspenskij und Kondakov, die sich der Redaktion der Vizantijskij Vremennik bemächtigen wollten.

[5] Aus Brief 13 ist zu folgern, daß sich Jernstedt in Berchtesgaden (an der österr. Grenze unweit Salzburg) aufgehalten hat.

[6] Darauf könnte sich die im Archiv der Petersburger Akademie unter Nr. 18 aufbewahrte Visitenkarte Krumbachers beziehen, mit der er die Familie Jernstedt ins Restaurant des Künstlerhauses einlädt.

[7] Pjotr Viktoroviè, geb. 1890, später wissenschaftlicher Mitarbeiter an der Russischen Akademie der Wissenschaften für Vergleichende Sprachwissenschaft (Kuklina, wie Anm. 2, S. 122).

[8] Wilhelm von Christ (1831—1906) war seit 1863 Professor für klass. Philologie in München und hat Krumbacher auf seinem Weg zur Byzantinistik entscheidend unterstützt.

11

St. Petersburg d. 4/17 Febr. 1901

Lieber und hochgeehrter Herr College,

Es freut mich sehr, daß Sie bereit sind sich an der Festschrift zu Ehren Nikitins zu beteiligen.[1]

Was die Sprache betrifft, so liegt die Sache so: wenn die Festschrift nicht zuerst im Журналъ erschiene, so hätte es gar keine Schwierigkeit deutsche Beiträge aufzunehmen; im Journal dagegen ist es bisher nicht Usus gewesen in anderer Sprache als russisch zu drucken, abgesehen natürlich vom Griechischen und Lateinischen. Und ich glaube nicht, daß es mir gelingen würde den Usus zu brechen. Nun würde es ja für Sie gewiß keine Hexerei sein die Arbeit griechisch, lateinisch oder rußisch abzufaßen; da es aber immerhin denkbar ist, daß, falls Sie sich für das Russische entscheiden, die Abfaßung

derselben mehr Zeit in Anspruch nehmen würde, als Sie dem widmen können, so schlage ich folgenden Ausweg vor: Sie schicken die Arbeit deutsch geschrieben her, ich übersetze sie und schicke Ihnen dann die Uebersetzung in Fahnensatz für etwaige Aenderungen. Was den 1/2. Bogen betrifft, so war das cum grano salis zu verstehen. Machen Sie Ihren Artikel so lang oder so kurz, als es Ihnen beliebt; Sie sind natürlich in keiner Weise gebunden. Separatabdrücke stehen in beliebiger Anzahl zur Verfügung, da Sie auf das Honorar verzichten.

Mit herzlichen Grüßen, auch von meiner Frau.

Ihr treu ergebener
V. Jernstedt.

Kommentar:

[1] Zusage Krumbachers in dessen Brief 8. Die dort erwähnte «freundliche Einladung zur Beteiligung an der Festschrift» ist in Krumbachers Briefwechsel nicht erhalten. Krumbacher teilt in diesem Brief mit, daß er einen «dialogischen Threnos auf den Fall Konstantinopels zum ersten Male publizieren möchte». Wie aus Krumbachers Brief 11 vom 1.05. 1901 hervorgeht, hat er diesen Text dann doch unter dem Titel «Ein dialogischer Threnos auf den Fall von Konstantinopel» in den Sitzungsberichten der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften, philos.-philol. und hist. Cl. München 1901, 329—362 veröffentlicht. Zu Pjotr V. Nikitin (1849—1916), der mit 4 Briefen in der Korrespondenz Krumbachers vertreten 9 ist, siehe O. V. Jodko, П.В. Никитин и его вклад в византинистику, in: Наследие (wie Anm. 1), 131—171.

12

St. Petersburg d. 22 März/4 April 1901.

Hochgeehrter Herr College,

Ich habe Ihnen nicht sogleich geantwortet,[1] weil ich bei Empfang Ihrer letzten Karte wieder einmal zur Veränderung [sic] bettlägerig war. Das bin ich zwar auch jetzt noch, ich glaube aber die Antwort nicht mehr verschieben zu sollen. Die Uebersetzung Ihres Aufsatzes würde ich nicht gern jemand anders übertragen; ob ich aber selbst jetzt in der Lage sein werde die Arbeit zu besorgen, ist doch etwas zweifelhaft. Ende April a. St. [alten Sils] gehe ich wohl wieder nach Karlsbad. Was die Facsimiles betrifft, so sagen Sie nichts davon, wie hoch die Kosten sich stellen würden. Das wäre natürlich nicht unwichtig. Daß die Balaschoffsche Typographie[2] «auf Lichtdruck gut eingeschult» ist, möchte ich auch bezweifeln. Kurz, Sie werden, alles in allem genommen, gut thun, uns statt des in Aussicht gestellten größern Aufsatzes einen kleinern zu schicken. Die Hauptsache ist ja, daß Sie überhaupt dabei sind.

Am selben Tage, wo Sie mir die Karte schickten, fertigte ich die letzte Correctur eines Aufsatzes, welcher dieser Tage im Виз. Врем. erscheint, an Sie ab. Anfangs sollte es eine Besprechung Ihrer Moskauer Sprichwörter werden, aber ich liebe so wenig Rezensionen zu schreiben, daß daraus wohl

auch diesmal nichts geworden wäre. Daher sattelte ich schließlich um und machte aus der Besprechung einen selbstständigen Artikel. Ehe ich die 2te Hälfte ummachen [sic] konnte, wurde ich krank. Daher steht am Schluße das «Окончаніе следуетъ». Ich habe mich beeilt Ihnen die Correctur zu schicken, weil Sie der im Uebrigen anspruchslosen Arbeit gewiß mehr Intereße entgegenbringen, als irgend ein anderer.

Ihr herzlich ergebener

V. Jernstedt

Kommentar:

[1] Schreiben Krumbachers Nr. 9 vom 27. 3. 1901. Jernstedt hat die Karte wohl am 30. oder 31. März erhalten und «erst» am 4. April geantwortet.

[2] Die Balaschoffsche Typographie hat das Журналъ verlegt.

13

Sestrorezk bei Petersburg d.
25 April/8 Mai 1901.

Hochgeehrter Herr College,

Auf Ihren vorletzten Brief[1] habe ich nicht sogleich geantwortet 1) weil Sie ja damals im Begriff waren nach Paris zu gehen, und 2) weil es bei mir damals mit dem Briefschreiben überhaupt precär stand. Jetzt habe ich hier in unserem jüngsten Luft- und Waßerkurort 1/2. Wochen zugebracht, wohin man mir Ihren letzten Brief geschickt hat[2], und kann versuchen Ihnen Rede und Antwort zu stehen. Für die Photographie des Moskauer Blattes bitte ich meinen besten Dank entgegenzunehmen. Habe ich sie zurückzuschicken oder darf ich sie zunächst behalten?[3] Leider kann ich Ihren Wunsch in Bezug auf die Vorderseite des Dresdener Blattes nicht erfüllen. Ich habe nur die Rückseite photographieren laßen, da dies für meinen Zweck ja vollkommen ausreichte. Gesehen und copirt habe ich den in Dresden befindlichen Theil der Αισώπου λόγοι am 18/31 August vorigen Jahres, auf der Rückreise von Berchtesgaden. Schon damals stieg in mir der Gedanke auf, ob das nicht am Ende der Anfang Ihrer Sammlung sei, von der Sie in München gesprochen hatten; aber der Gedanke hatte damals nicht viel für sich. Erst als ich Ihre Publication erhielt, lehrten mich Ihre Facsimiles, daß hier wirklich ein Curiosum vorgefallen war: Sie hatten das Hauptstück in Rußland gefunden, und mir war es vorbehalten geblieben den fehlenden Anfang in Deutschland zu finden.[4] Um die 10 Sache auch für Andere evident zu machen, wandte ich mich nach Dresden mit der Bitte um eine Photographie, aber das Ganze photographieren zu laßen hatte ich keine Veranlaßung, da ich nicht an Seminarübungen dachte.

Das betreffende Heft des Виз. Врем. sollte im Februar erscheinen, dann hieß es: zu Ostern, aber auch zu Ostern ist es nicht erschienen. Sonder-Abdrücke sollten für mich früher fertig gestellt werden, aber auch das ist nicht geschehen. Ich habe Regel am 14/27 März zuletzt gesehen und auf 2

Postkarten keine Antwort erhalten. Was geschehen ist, weiß ich nicht. In der nächsten Woche bin ich wieder in Petersburg, und da wird sich Alles - zwar nicht in Wohlgefallen auflösen, aber wenigstens aufklären.[5] Auf den versprochenen Beitrag zum Сборникъ въ честь П.В. Никитина rechne ich sehr. Mag er auch klein sein, aber Ihren Namen möchten wir nicht missen.

Mit herzlichen Grüßen

Ihr ergebenster
V. Jernstedt

Kommentar:

[1] Brief Nr. 9 vom 27. 3. 1901. Die Reise Krumbachers nach Paris ist allerdings erst in Brief 10 erwähnt.

[2] Brief Nr. 10 vom 4. April 1901. Wohl auch Antwort auf Krumbachers Brief 11 vom 1. 5. 1901.

[3] Erst in Brief 12 vom 22. Mai gibt Krumbacher die Antwort.

[4] K. Krumbacher, Die Moskauer Sammlung Mittelgriechischer Sprichwörter. München 1900,= Sitzungsberichte der philos.-philol. und historischen Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften, 1900, Heft III.

[5] Der Beitrag Реченія Эзопа въ Мосивѣ? и въ Ореcденѣ erschien im VV 8 (1901) 115—130. Die angekündigte Fortsetzung erschien erst postum 1916 (vgl. Kuklina S. 70, Anm. 7. Das originale Widmungsexemplar ist im Münchner Institut noch erhalten.

14

St. Petersburg d. 16/29 Mai 1901.

Hochgeehrter Herr College,

Schönen Dank für den Beitrag zur Sammelschrift zu Ehren Nikitins.[1] Ich habe ihn schon z. Th. «russificirt». Daß Sie eine Correctur bekommen (es braucht doch nicht Fahnensatz zu sein?), dafür wird Freund Жебелевъ[2] sorgen, der in meiner Abwesenheit hier das besorgen wird, was sich nicht gut aus der Ferne thun läßt. Aus der Ferne, – denn übermorgen reise ich, diesmal nach dem Schwarzwalde, wenigstens für den Anfang. Ich will diesmal über Heidelberg gehen, wo ich noch nicht gewesen bin. Nach München komme ich diesmal wohl nicht: wiederum reise ich «mit dem ganzen Nest»[3], was ja wunderschön ist, aber die freie Bewegung bedeutend hemmt. Haben Sie nach wie vor die Absicht auf das Honorar (zu dem in unserem «Circular» angegebenen Zwecke) zu verzichten, so bitte ich das beiliegende Schriftstück zu unterschreiben. Der in der 6ten Zeile freigelaßene Raum wird von Жебелевъ ausgefullt werden, sobald feststeht, in welchen Monat (d. h. Juli od. August) Ihr Artikel kommt. Жебелевъ's Adresse ist: С.Петербург, Ямская улица д. 21, Кв. 8. Sobald ich in Deutschland mich irgendwo auf eine Zeitlang niedergelaßen haben werde, werde ich mir erlauben wieder mit Ihnen in Verbindung zu treten.

Mit den besten Grüßen
Ihr ergebenster V. Jernstedt
Wieviel Sonder-Abdrücke?[4]

Kommentar:

[1] Antwort auf Brief 12 Krumbachers vom 22. Mai 1901, der nun auch den (neuen) Festschriftbeitrag enthielt: K. Krumbacher, Письмо въ стихахъ съ акростихомъ, in: Commentationes Nikitianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу трицатилѣтия служенія его русскому просвѣщенію, 1871—1901. St. Petersburg 1901, 212—217.

[2] S. A. Žebelev, der 1907 auch die gesammelten Schriften Jernstedts herausgab (vgl. oben Brief 2, Anm. 2).

[3] Nach den Forschungen von Kuklina, p.122, waren es 1901 drei Kinder (Pjotr, Vera, Anna) im Alter von 11, 10 und 8 Jahren.

[4] Im Brief 8 hatte Krumbacher um 100 Sonderdrucke gebeten. Die Zahl wird in Brief 13 wiederholt.

15

Ruhstein bei Freudenstadt, Württemberg.
16 Juni 1901

Verehrter Herr College,

Erst jetzt komme ich dazu über folgende 2 Punkte Ihres Beitrages zu unserer Sammelschrift bei Ihnen anzufragen:[1] Im Texte des Briefes steht v. 4: Ἂς ἐκ θεοῖσι ἔιληφας. Das wird ein lapsus calami sein fur ἐκ θεοῖο, nicht wahr? V. 15 haben Sie geschrieben: Πρὸς τὸ διδάσκειν σύνεστιν καὶ γνῶσιν καὶ παιδείαν. Muß es nicht heißen σύνεσιν? Cf vv. 7 u. 8.

Ich glaube nicht, daß ich lange hierbleiben werde: es ist mir hier, bei dem inzwischen eingetretenen schlechten Wetter, zu kühl, aber ob ich nach Freudenstadt gehe oder nach Herrenalb, weiß ich noch nicht. Am Ende komme ich gar wieder nach Bayern[2], das mir eigentlich doch beßer gefällt, als die Schwarzwaldländer, so weit ich sie kenne.

Mit herzlichem Gruße

Ihr ergebenster
V. Jernstedt

Kommentar:

[1] Die Antwort, welche die Vermutung Jernstedts bestдtigt, gibt Krumbacher in Brief 13.

[2] Freudenstadt und Herrenalb sind bis heute bekannte Luftkurorte im Schwarzwald. Wie aus Brief 16 hervorgeht, ist er zuletzt doch wieder nach Berchtesgaden gefahren.

16

St. Petersburg d. 9/22 Jan. 1902.
W. O., Nicolaiquai 1

Verehrter Herr College,

Die Redaction des Журналъ Министерства Народного Просвъщенія hat mich beauftragt Ihnen einen Tausch der «Byzantinischen Zeitschrift» gegen das «Journal» vorzuschlagen.[1] Wenn Ihnen also die Sache convenirt

Дом П. В. Ернштедта на Васильевском острове в Санкт-Петербурге

und auch sonst ausführbar ist, so benachrichtigen Sie mich, bitte, davon umgehend.

Wie geht es Ihnen und wie sind Sie mit der Karlsbader Kur zufrieden? Ich meinerseits habe in diesem Sommer bei Ihnen draußen nicht so günstige Resultate erzielt, wie im vorigen Jahre. Der Aufenthalt speciell im Schwarzwalde hat mir wenig Nutzen gebracht und in meinem lieben Berchtesgaden habe ich nicht lange genug bleiben können. Trotzdem fühle ich mich jetzt passabel, da, wie es scheint, mein Arzt endlich auf den richtigen Weg gerathen ist. Auch ist es nicht ohne Nutzen gewesen, daß ich Prof. Erb in Heidelberg consultirt habe.[2] Mit den besten Grüßen, auch an Geheimrath v. Christ,

Ihr ergebenster
V. Jernstedt.

Kommentar:

[1] Letzter erhaltener Brief Jernstedts, der am 21. August 1902 starb. Brief 17 Krumbachers vom 26. März erwähnt noch ein weiteres Schreiben Jernstedts über eine größere Büchersendung für das Münchner Seminar und die damit verbundenen bürokratischen Schwierigkeiten, doch ist dieses im Nachlaß nicht erhalten. In Brief 14 vom 28. Januar 1902 antwortet Krumbacher positiv auf die Anfrage, und bittet das Журналъ an seine Adresse schicken zu lassen. In Brief 15 vom 9. März 1902 bestätigt er den Empfang von 3 Jahrgängen des Журналъ. In Brief 16 vom 21. Marz bedankt sich Krumbacher für die Übernahme der Speditionskosten. Das Münchner Institut besitzt das Журналъ vollstandig zwischen 1891 bis zum Tod Krumbachers 1909. Jernstedt hat Krumbacher also wohl alle 1901 noch erreichbaren Bände der Zeitschrift zukommen lassen. In der Korrespondenz des Teubnerverlages mit Krumbacher, die ebenfalls in der Bayerischen Staatsbibliothek aufbewahrt wird, findet sich keine Dokumentaion über den Austausch.

[2] Wilhelm Heinrich Erb (1840—1921), seit 1883 bis zur Emeritierung 1907 Professor in Heidelberg und einer der bedeutendsten Neurologen, dessen Forschungen (besonders auf dem Gebiete neuromuskulärer Erkrankungen) bis heute Gültigkeit haben (vgl. W. U. Eckart-Chr. Gradmann, Ärztlexikon. Von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München 1999, 123, auf das mich freundlicherweise Herr Kollege Bergdolt, Köln, aufmerksam machte). Es ist m. W. nicht bekannt, an welcher Erkrankung Jernstedt starb. Die in seinen Briefen erwähnten Kurorte lassen auf ein Lungen-oder Bronchialleiden schließen, so daß die Konsultation eines Neurologen überrascht.

С. А. ИВАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ СТАМБУЛЬСКИЙ ПРОЕКТ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

3 июня 1912 г. мощный пожар уничтожил квартал старых турецких домов, лепившихся на развалинах Большого дворца византийских императоров в Стамбуле. Ровно через два месяца, 3 августа, ученый секретарь РАИК Борис Панченко подал своему директору, академику Федору Успенскому, докладную записку. Сохранился ее машинописный вариант, однако в нем начало текста утрачено. Видимо, записка так и не была подана либо не возымела действия: во всяком случае, в апреле следующего, 1913 г. Панченко набросал черновик новой записки, которая, видимо, почти не отличалась от предыдущей. Ниже мы публикуем комбинированный текст записки (с мельчайшими исправлениями орфографии подлинника): начало по черновику, а основную часть по машинописи.

Докладная записка Панченко о воспроизведении в чертежах и фотографических снимках сохранившейся части византийских построек на территории Большого византийского дворца.

ПФА РАН, ф. 127, оп. 1, д. 11: «Последний пожар в Стамбуле уничтожил почти полностью турецкие кварталы Енимахалля, Исак-Паша и Каба-Сакел, расположенные к востоку от Министерства юстиции и мечети Ахмедие, достигнув моря у Чатлады Капу и железнодорожной линии на значительном протяжении. Выгоревшая площадь прежде была сплошь застроена зажиточными турецкими домами и недоступна для исследования. После пожара остались, за самыми незначительными исключениями, лишь обгоревшие каменные стены, в большинстве разрушенные почти до основания. Ни одного дома до сих пор не отстраивается вновь, но предположено впредь разрешать в погоревшем районе исключительно каменные и солидные постройки. Таким образом, нам представляется единственный, никогда не бывший и вряд ли когда-либо будущий случай для археологического обследования означенного района.

Между тем по всем археологическим и историческим данным и согласно установившемуся в науке взгляду, погоревшие кварталы обни//мают большую часть территории Большого византийского дворца, отдельные постройки которого восходят ко времени Константина Великого.

Существующие планы и обозрения частей Большого дворца основаны на литературных данных, указывающих смежность и порядок зданий, но не величину застроенных и незастроенных пространств и не углы пересечения осей смежных построек, возведенных

© С. А. Иванов, 2007

в течение пяти и более столетий. Археологические точки опоры, которыми до сих пор располагали исследователи, состят из ныне сохранившихся крупнейших построек византийского времени, каковы Св. София, Ипподром и его субструкции, храм Анастасии, площадь Кадам-Лимен, храм Сергия и Вакха и морские стены с остатками дворцов Гормизды и Вуколеонта — то есть исключительно по краям площади Большого дворца, но не внутри ее. Для построек Большого дворца, числом более пятидесяти, приходилось довольствоваться литературными, крайне неточными данными.

Ныне представляется случай восполнить этот пробел. Действительно, даже поверхностный // обзор выгоревшей территории без всяких раскопок позволяет сделать следую- *л. 27*
щие наблюдения.

Лишь со стороны турецкого Сераля пределы Большого дворца не ясны. Со всех других сторон покатая площадь дворца ограничена террасами, во многих местах сохранившимися и обличающими бесспорно византийское, не турецкое происхождение. Обнажился рельеф верхних частей территории Большого дворца — драгоценнейший указатель его положения, оставленный природою и строителями, располагавшими громадными средствами.

Террасы дворца ориентированы приблизительно параллельно восточному краю площади Августея, которую окаймляли, как известно, постройки Константина, Завксипп, Сенат и древняя базилика Св. Софии. Планировка этого верхнего района, вместе с Ипподромом…»

ПФА РАН, ф.127, оп. 1, д. 131

«*будучи независима от положения Ипподрома, восходит ко времени не только Кон-* *с. 1а*
стантина В(еликого), но даже Септимия Севера. Сопоставляя единство ориентировки с несомненными остатками римских стен, обнажившимися внутри построек, возведенных на верхней террасе, получаем впредь до детального исследования априорный вывод, что время террас относится к началу постройки Большого дворца, как то и естественно.

Верхняя терраса обнажилась на большом протяжении, начиная от мысленного продолжения линии северного фасада Св. Софии и продолжаясь на юго-запад перпендикулярно к оси Св. Софии и Августея; она теряется в субструкциях большого турецкого училища, доходящих в свою очередь до улицы, спускающейся от южных ворот Ахмедие. Верхняя терраса разбивается на две части улицей, которая спускается к мечети Каба-Сакал и открывается в сторону Ахмедие турецкими воротами. Эта улица пролегает по естественному спуску от Августея и Ипподрома к морю, к гавани Кадрига. По крайней мере с восточной стороны терраса заканчивается перпендикулярной стеною, основания которой еще не исследованы, но имеют видимость византийских. Это должно отметить потому, что в случае подтверждения мысли о византийском происхождении перерыва террас и древности самой улицы мы получили бы наконец место для загадочных Карейских ворот, весьма древнего прохода с Ипподрома через территорию дворца, но не относящегося к системе дворцовых зданий.

К юго-западу от этой улицы терраса образует высокую гладкую стену без признаков пристроенных к ней позднейших зданий. Стена имеет внизу ряд арок, заложенных еще в византийское время и даже признаки заложенных больших ворот; но это последнее еще не установлено, и даже возможно, что арки внизу весьма высокой стены имеют лишь конструктивное назначение, для большей прочности стены. Последняя носит характер византийской и, по-видимому, выстроена за один раз.

Наоборот, на северо-восток от улицы, ниже мечети Каба-Сакал, начинается терраса, древнейшие части которой относятся к IV веку или даже ранее. Насколько можно проследить, вся терраса имела снизу двойной непрерывный коридор на столбах; четырехугольные промежутки между пилонами перекрыты кирпичным круглым сводом на парусах; в некоторых, по крайней мере, случаях в замке круглого свода открываются на верхних этажах цилиндрические отдушины, или верхние окна.

Терраса позднее была укреплена снаружи византийскими башнями. Одна из них сохранилась даже почти в целости, а от трех или двух других наблюдаются нижние части стен.

Дом Али-эффенди представляет из себя драгоценный остаток старины. На площади террасы стоят до сих пор три камеры, перекрытых полуцилиндрическим кирпичным

сводом. Одна зала параллельна линии террасы, две других, пошире и поуже, поставлены под прямым углом к первой и открывались на Мраморное море. В доме Али-эффенди через три эти залы проходил вымощенный камнем переулок. Эти залы, выстроенные на террасе, не только не турецкие, но по составу стен и форме сводов могут относиться к древнейшему периоду византийского строительства и бесспорно древнее византийской башни, пристроенной к террасе со стороны моря. В башне сохранились три или даже четыре этажа, из коих нижний засыпан. Витой подъем, по-видимому, без лестницы, для
с. 2 возможности подниматься верхом, пере//крыт весьма плоским кирпичным сводом. Кроме окон с полукруглыми арками, большая дверь вела из башни в здание, позднее пристроенное со стороны моря, и часть стен последнего здания также сохранилась. Оно, по-видимому, охватывало башню с южной стороны, причем его стеной были закрыты выходившие на юг окна башни. Внутри последней, в проломе ее стены, показалась другая стена, римской постройки из громадных кирпичей. Таким образом, дом Али-эффенди представляет из себя остаток комплекса зданий трех или даже четырех эпох, имеющих связь с террасой: здание на краю террасы, состоящее из трех или более зал, и бесспорно не церковное, притом постройки весьма древней; византийскую башню, защищавшую террасу и входившую в состав оборонительной линии из целого ряда башен, и, наконец, одно или два здания, пристроенные к башне позднее, с двух сторон. К северу от башни пристроено здание, ориентированное в сторону моря, которое имело с башней сообщение не только, по всей вероятности, внизу под террасой, но и на уровне второго этажа; с верхними же камерами на террасе через дверь сообщалась четвертая комната, обращенная к морю; уровень ее пола ныне несколько ниже современного уровня террасы, т. е. мощеного прохода. Стены над этой камерой древнее башни и могут быть современны верхним камерам; но северная ее стена носит наиболее следов турецких переделок, между прочим, в профиле арки, открывающейся на северо-восток; с этой стороны могло быть пристроено деревянное турецкое здание на месте разрушенной части византийской постройки.

Дом Али-эффенди далеко не единственная часть построек дворцового квартала, которая неожиданно ныне обнажена пожаром. К северо-вотоку от нее на небольшом расстоянии уцелела нижняя часть другой башни, пристроенной к верхней террасе в одну линию с первой башней. Здесь же открывается доступ внутрь нижних коридоров террасы. Коридоры, или крытые портики, ныне перегорожены стенками, сложенными насухо, или просто завалены мусором. Если устранить это препятствие, что возможно без больших затрат, то могло бы, думается, быть обнаружено продолжение коридоров, внутри которых возможны совершенно неожиданные находки. Уровень пола коридоров еще не выяснен, и он даст уровень нижней террасы. До какой степени сохранилось здание перед террасой, состоящее помимо башни из нескольких камер по нижнему этажу, видно из того, что жители турецкого дома поднимались в верхний этаж по внутренней лестнице византийской постройки.

Нижняя терраса состояла, может быть, из двух уступов. Со стороны упомянутой улицы она кончалась поперечной стеной и была значительно короче верхней террасы, так что можно различить ломаную линию стен, ограничивающих дворец и со стороны улицы. Устройство нижней террасы выяснить будет труднее, так как под нею начинаются уцелевшие от пожара сады и внутренние дворы турецких домов. Промежуток между верхней и второй террасами изобилует подземными камерами с византийскими арками, приспособленными ныне в качестве погребов.

Кроме того, представляется возможность исследовать постройки, примыкавшие к дворцу Гормизды или так наз. дома Юстиниана, которым заканчивался дворцовый квартал со стороны моря. Этот дворец перерезан железной дорогой в 1871 г., но на
с. 3 уровне верхних этажей. Через пролом в византийских сте//нах, выступающих из откоса, можно спуститься по каменной лестнице значительно вниз; открывается доселе неизвестное, вполне сохранившееся византийское здание; безо всякой расчистки можно наблюдать большую комнату на сводах; лестница подпирается мраморной колонной прекрасной работы, имеющей крест на импостной капители с ионическими волютами и плоским аканфом. В углу камеры находится глубокий колодец, может быть, пролом в нижний этаж, где накопилась вода из водопроводов. Два насухо заложенных входа ведут в соседние камеры, которые легко открыть. И здесь без больших затрат возможно обнаружить дворцовые постройки. может быть, внутренние служебные помещения дворца Гормизда, выходившего парадными покоями на Мраморное море. В этом пункте раскопки могли бы вестись, даже не выходя на поверхность земли, и было бы возможно расчистить сохранившуюся часть дворца ранее VI в., имя которого известно.

Что же касается верхней террасы, то обнаруженный впервые ряд византийских башен должен быть связан с историческими известиями об укреплении Никифором Фокою верхнего дворца, ставшего сильною крепостью. Таким образом, определяется впервые положение верхнего дворца.

Прочую часть дворцового квартала или нижний дворец естественно предполагать ниже башен, на второй террасе и на всем пространстве вплоть до приморских дворцов Гормизда и Вуколеонта; впрочем, последний был расположен по другой стороне гавани у Чатлады-капу и был отделен от Большого дворца ныне сохранившимися высокими террасами.

Последние планы Большого дворца, напр., Тьера при книге Эберсольта, помещают Большой дворец внутри четыреугольника, ограниченного линией железной дороги, упомянутыми террасами у Чатлады-капу, субструкциями Ипподрома и с севера линией от площади Августея. При этом на северном и южном краях означенного четыреугольника помещены сады и лишь несколько отдельно стоящих зданий. Вся же масса построек дворца времен Порфирогеннита размещена тесно, причем средняя ось главного комплекса зданий приходится против середины Ипподрома, т. е. на месте мечети Ахмедие. Постройки Большого дворца проектированы сообразно Ипподрому и образуют косой угол по отношению к краю площади Августея.

Новые данные, наоборот, указывают, что древнейшие верхние террасы дворца, совпадающие с верхним дворцом Никифора Фоки, т. е. X в., тянулись параллельно Августею, а не Ипподрому. Верхняя терраса простиралась к северо-востоку не только до линии от Августея к югу, но гораздо далее, вплоть до продолжения линии западного фасада Св. Софии приблизительно. На месте террасы с башнями видим на плане Эберсольта сад, а также дворец Магнавру, парадные палаты Константина Великого. Поместить Магнавру в этих местах необходимо, так как от этих палат подымались переходы прямо в Св. Софию. Но разве можно допустить, чтобы Магнавра стояла одиноко даже во времена ее строителя?

Предварительный осмотр ныне обнаруженных частей дворца показывает, что существующие планы придется переделать, причем отнести главные комплексы зданий к северо-востоку. Но еще желательнее было бы подтвердить археологическими данными ту связь памятников, которая вытекает из литературных данных.

Никто не посвятил этому последнему вопросу о расположе//нии дворцовых построек столько упорного критического труда, как покойный Д. Ф. Беляев. РАИу надлежит *с. 4*
проверить выводы Беляева на основании археологического материала, судьбою данного нам в руки.

На основании вышеизложенного имею честь просить Ваше Превосходительство войти с ходатайством о разрешении Институту воспроизвести в чертежах и фотографических снимках сохранившиеся части византийских построек, обнаруженных на территории Большого византийского дворца, именно в районе от Министерства юстиции и мечети султана Ахмеда до железнодорожной линии, причем для точнейшего воспроизведения древностей необходимо разбирать стены, сложенные насухо, и очищать мусор.

Ученый секретарь Панченко

3 августа 1912 г.».

Разумеется, Панченко не был единственным европейским ученым, кто накануне Первой мировой войны осматривал развалины дворца, обнажившиеся в результате пожара. Одновременно с ним там побывали Теодор Вейганд из Германского археологического института,[1] англича-

[1] Istanbul Arkeoloji Muzeleri Yilligi. 1914. S. 101—106.

нин Р. Бьюри, француз Ж. Эберсольт и швейцарский археолог-любитель Эрнест Мамбури. Тем не менее систематические раскопки и исследования в этом месте начались лишь после окончания мировой войны.[2] Разумеется, русские ученые уже не могли участвовать в этих работах. Тот комплекс, который Панченко назвал «домом Али-эффенди», получил в классификации Вейганда—Мамбури наименование «palast-Gruppe B».

Единственным сохранившимся следом деятельности Б. Панченко (и результатом его докладной записки) стали фотографии. Из них, кстати говоря, следует, что русские ученые в 1914 г. все-таки начали раскопки, которые прервала война.[3] В фонде РАИК, хранящемся в ПФА РАН (ф. 127), имеется папка с фотографиями, сделанными в 1913—1914 гг. Всего в ней 55 фотографий, из них 45 (25 большого формата и 20 малого) сделаны на развалинах Большого дворца. Из этих 45 34 относятся к 1913 г. и лишь фиксируют развалины, а 11 помечены 1914 г. и документируют раскопки. К сожалению, все снимки 1914 г. — малого формата и очень плохого качества. Возможно, фотографии Панченко, сделанные по горячим следам, обладают некоторой научной ценностью для современного исследования Большого дворца.[4]

В приложении к настоящей статье воспроизводятся следующие фотографии Б. Панченко: № 36 (с пометой: «Внутренний вид IV камеры с западной стороны из 1 камеры»), № 42 («Общий вид»), № 43 («Общий вид на дом Али-эффенди с севера. Восточная половина»), № 46 («С юго-востока») и № 56 («Вторая башня, пролом в арке с юго-востока»).

Если развалины дворца были доступны исследователям в течение длительного времени, то остатки Халкопратийской базилики открылись в 1912 на короткий промежуток времени, в ходе сооружения кинотеатра, и потом снова были засыпаны. В этот момент европейскими исследователями были собраны некоторые образцы, но систематические раскопки начали проводиться лишь в 1963—1965 гг.[5] Б. Панченко в том же самом 1912 г. сделал 10 фотографий земляных работ (5 малых и 5 больших), которые хранятся вместе со снимками дворца в деле № 162. В данном случае эти фотографии могут иметь не только архивное, но и научное значение.

Нами воспроизводятся две фотографии: № 38 (вид с колонной) и № 44 (вид с апсидой).

---

[2] Museon. 1915. Vol. 3, ser. I. P. 106—115; Comptes rendus de l'Academie des inscriptions. 1913. P. 31—39.

[3] См.: *Басаргина Е. Ю.* Архивные фонды Русского археологического института в Константинополе (РАИК) // ВВ. (80). 1994. Т. 55 (80). С. 35.

[4] В последнее время вопрос о топографии Большого дворца вновь обрел актуальность в науке, см. ежегодные отчеты: Eugenia Bolognesi Recchi Franceschini, «The Great Palace Survey» в ежегоднике: Arastirma Sonuclari Toplantisi. Ankara, 1994—2003; *Bolognesi E.* Il Gran Palazzo // Bizantinistica. 2000. 2. P. 217—242.

[5] *Kleiss W.* Neue befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // Istambuler Mitteilungen. 1965. Bd 15. S. 149—167; *Mueller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tuebingen, 1977. S. 77.

Большой Дворец

№ 36. «Внутренний вид IV камеры с западной стороны из 1 камеры»

№ 42. «Общий вид»

№ 43. «Общий вид на дом Али-эффенди с севера. Восточная половина»

№ 46. «С юго-востока»

№ 56. «Вторая башня, пролом в арке с юго-востока»

№ 38. Вид с колонной

№ 44. Вид с апсидой

Л. А. ГЕРД

ЕЩЕ ОДИН ПРОЕКТ «РУССКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ». ЗАПИСКА Ф. И. УСПЕНСКОГО 1915 г.

Μόρε τούρκο, τουρκαλάδες
Να προσέχετε καλά,
Γιατί ο Ρούσος κατεβαίνει
Με τά άρματα πολλά.
Ως και τα μικρά Ρουσόπλα
Εφορούσανε σπατιά
Για να πάρουνε την Πόλη
Και την Άγια Σοφιά.[1]

Образ Константинополя, Второго Рима, столицы христианской ойкумены, с давних пор занимал важное место в сознании образованного русского человека. Падение столицы Греческого царства, от которого Русь получила христианскую веру, а вместе с ней религиозное и политическое мировоззрение, послужило толчком к разработке идеи наследия Византии на русской почве. Московское государство, единственная свободная православная монархия, начинает осмысляться как естественная преемница Византийской империи. До середины XVII в. эти идеи не имеют реального политического значения; они рассматриваются преимущественно в эсхатологическом контексте. Со времен же Алексея Михайловича, когда Россия настолько окрепла, чтобы проводить самостоятельную активную линию в отношении Османской империи, освобождение восточных христиан и их древней столицы от турецкого ига становится одной из целей русской политики.[2]

[1] Записано автором в июле 2004 г. со слов Олимпии Далакмановой, жительницы г. Созопол (Болгария), уроженки одного из предместий Константинополя.

[2] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; *Алексеев Ю. Г.* Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник СПбГУ. 1994. Вып. 1. № 2. С. 12—25; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998; *Успенский Ф. И.* 1) Сношения Рима с Москвой (разбор трудов по русской истории о. Павла Пирлинга) // ЖМНП. 1884. Август. С. 368—412; 2) Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Декабрь. С. 680—693; 3) Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887. Ф. И. Успенский был первым, кто показал западное происхождение идеи «константинопольской вотчины».

© Л. А. Герд, 2007

Первостепенной задачей России рубежа XVII—XVIII вв. было обеспечение выхода к Черному морю. Ключом же черноморской торговли были проливы Босфор и Дарданеллы и стоящий в устье Босфора Константинополь. Период от Петра I до Екатерины II явился временем завоевания южнорусского Черноморского побережья. Одновременно активизируются контакты с восточными христианами — греками и славянами: ведь именно они должны были послужить опорой России в будущих действиях на Балканах. Ярким выражением политических устремлений конца XVIII в. явился Греческий проект Екатерины, согласно которому на освобожденный константинопольский престол должен был взойти ее внук Константин.[3]

С царствования Павла I в русском обществе формируется представление об упадке и близкой гибели Турецкой империи: «безнадежным больным» назвал ее автор проекта раздела Турции граф Ростопчин.[4] Победоносные войны первой трети XIX в. и последовавшее вскоре за этим подписание Ункяр-Искелесийского договора о проливах (1833) явились высшей ступенью влияния России на дела Балкан и Восточного Средиземноморья.[5] Однако уже через несколько лет, с заключением Лондонских конвенций 1840—1841 гг., русское влияние заменяется английским. Проведение в Османской империи реформ (Танзимат) и поражение в Крымской войне обусловили ту неблагоприятную для России политическую ситуацию, которая имела место с 1850-х гг. до Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Отмена условий Парижского трактата, запрещавшего строительство черноморского флота, и победоносная Русско-турецкая война 1870-х гг., казалось, должны были вернуть России прежнее влияние на православном Востоке. Тем не менее Берлинский трактат 1878 г. показал, что, несмотря на огромные жертвы войны, Россия не может проводить самостоятельную политику на Балканах. Период 1878—1912 гг. был временем подготовки великих держав к окончательному решению восточного вопроса — разделу османского наследства на сферы влияния между Россией, Англией, Францией, Австро-Венгрией, Германией и Италией.[6]

[3] *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1—2; *Маркова О. П.* О развитии так называемого «греческого проекта» (80-е годы XVIII в.) // Вопросы методологии и изучения источников по истории внешней политики России. М., 1989. С. 5—46; *Стегний П. В.* Еще раз о греческом проекте Екатерины II: Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 100—118.

[4] Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 104.

[5] *Муравьев Н. Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.

[6] Единодушия в вопросе русской политики в восточном Средиземноморье, впрочем, не было как при Александре III, так и при Николае II. В первые годы после Русско-турецкой войны сторонники реванша сдерживались политическим реализмом императора, который видел единственную возможность для укрепления России в мире с великими державами. После смерти Александра снова звучат голоса в пользу скорейших действий по овладению Бсофором. Однако и на этот раз взяла верх более умеренная точка зрения:

Конец XIX столетия во многом обусловил те течения и события, которые имели место в 1900—1910-е гг. В России это время возрождения византийских идеалов государственной власти, развитие идеи translatio imperii на новом уровне. Несмотря на неудачи минувших десятилетий, в русском обществе разрабатываются грандиозные имперские проекты: Россия, единственная православная монархия, мыслилась как центр всего православного мира. Таким образом должна была осуществиться идея восстановления византийской ойкумены, сообщества православных государств во главе с русским императором. Завоевание Константинополя представлялось делом ближайшего будущего. С разных точек зрения эти проекты разрабатывались профессиональными политиками и дипломатами, представителями Военного ведомства, философами и публицистами, а также учеными-историками.[7]

Первое место здесь, несомненно, принадлежало византинистам. Кому, как не исследователям политической и церковной истории Византии, было давать научное обоснование имперских амбиций России эпохи ее наивысшего могущества? Целый ряд ученых, в первую очередь историков Церкви, обсуждает в печати политические события на Балканах и Ближнем Востоке. Профессор Петербургской духовной академии И. Е. Троицкий на протяжении 20 лет был первым советником К. П. Победоносцева по восточному вопросу в церковной политике.[8] Самый расцвет русской школы византинистики конца XIX—начала XX в. имел ме-

более того, участник совещания в ноябре 1896 г. С. Ю. Витте считал, что вопрос о проливах уже утратил свое значение, а главное внимание России должно быть сосредоточено на Дальнем Востоке. См.: *Хвостов В.* 1) Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4—5 (47—48). С. 64—67; 2) Проблема захвата Босфора // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 100—129; История дипломатии. Т. 2. С. 342—343; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX в. М., 1978. С. 270—271; *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 15—20. Свою позицию по этому вопросу Витте высказывал и позднее. В январе 1900 г. он подчеркивал, что применение военной силы на Босфоре приведет к ослаблению российских позиций в других местах (Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 3—29). Русско-японская война и революция 1905 г. отодвинули босфорскую проблему на задний план. Балканские войны 1912—1913 гг. снова привлекли внимание к проблеме проливов, а начало Первой мировой войны послужило сигналом к решительным дипломатическим действиям в этом направлении.

[7] По сути дела, эти проекты представляли собой продолжение планов раздела Османской империи предыдущих десятилетий. Некоторые из них носили совершенно абстрактный характер, другие, напротив, казались близкими к осуществлению. В качестве переходной ступени в первые десятилетия после 1878 г. выдвигался проект Балканской конфедерации (записка Д. А. Милютина от 5 октября 1880 г. «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Османской империи». *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России... С. 15—20). Дальнейшие события на Балканах, впрочем, показали несбыточность подобных проектов. Наряду со сторонниками военного разрешения восточного вопроса в конце XIX в. были и специалисты, считавшие возможным мирное разграничение на основе норм международного права (*Жигарев С.* Русская политика... Т. 2. С. 467).

[8] Основная часть его записок по политическим вопросам составлялась для внутреннего пользования. Выражением взглядов Троицкого могут в известной мере служить его статьи в «Православном вестнике» — официальном органе Св. Синода. Он считал, что

сто не без влияния потребностей времени.[9] Благодаря многочисленным работам историков России и Византии, а также основанным на них газетным и журнальным публицистическим статьям, к началу Первой мировой войны у значительной части русской читающей публики не вызывало сомнения, что историческое призвание России состоит в окончательном освобождении восточных христиан и овладении Константинополем и проливами.

Не мог оставаться в стороне от проблем времени и основатель Русского археологического института в Константинополе, один из «столпов» русской византинистики Федор Иванович Успенский. Правда, он понимал, что в целях обеспечения безопасной и успешной научной работы, связанной с археологическими экспедициями в разных частях Турции, институт не должен компрометировать себя участием в политике.[10] Хотя РАИК успешно сотрудничал с иностранными коллегами, в том числе с монахами католических орденов, Успенский решительно отвергал все попытки использовать его аудиторию в церковно-политических целях.[11]

С началом Первой мировой войны в 1914 г. из Константинополя были поспешно эвакуированы как русское посольство, так и Археологический институт. Великая война, казалось, должна была реализовать надежды русских политиков последних двух столетий. С самого начала войны русская дипломатия вела активные переговоры со своими английскими и французскими коллегами о будущем разделе Турции. Целью России было закрепить за собой Константинополь и прилегающие к нему области по берегам Босфора. Тем самым была бы достигнута давняя цель русской политики — обеспечение безопасности южных границ России и свобода левантийской торговли. На это были направлены переговоры 1914—начала 1915 г. министра иностранных дел С. Д. Сазонова с министрами Великобритании и Франции. В ходе переговоров со-

Россия как единственная православная великая держава в мире должна по праву занять первенствующее положение среди восточнохристианских народов, а ее император стать их главой. Претензии греков на восстановление Византийской империи были, по мнению Троицкого, беспочвенными. Свои взгляды ученый основывал на глубоком знании византийской истории; информацию о современном ему положении вещей он черпал из греческих газет и писем неофициальных корреспондентов. См.: Россия и православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому / Изд. подгот. Л. А. Герд. СПб., 2003.

[9] Изучение петербургской школы русского византиноведения явилось предметом многолетних разысканий специалистов в рамках программы «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге», опубликованных в трех объемистых томах под редакцией чл.-корр. РАН И. П. Медведева: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999; Мир русской византинистики. СПб., 2004.

[10] О деятельности РАИК см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999; *Παπουλίδης Κ. Κ.* Το Ρώσικο αρχαιολογικό ινστιτούτο Κωνσταντινουπόλεως (1894—1914). Θεσσαλονίκη, 1984. Β' εκδ. 1987.

[11] Так, в 1896 г. было отказано иезуиту С. Тондини, прибывшему в Константинополь для обсуждения реформы календаря. Письмо Г. П. Беглери к И. Е. Троицкому от 11/14 февраля 1896 г. (Россия и православный Восток... С. 354—356).

стоялось заседание Государственной думы 27 января / 9 февраля 1915 г., на котором Сазонов открыто говорил о славе русского оружия и близости минуты разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России в свободное море. В ответ на это выступление член Думы Н. П. Милюков сказал: «Мы с удовлетворением выслушали сообщение руководителя нашей внешней политики и узнали из него, что осуществление наших национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что выполнение главнейших из этих задач — приобретение проливов и Константинополя — будет совершенно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами».[12] Кульминацией этих переговоров явилась подача Сазоновым ноты 4 марта 1915 г. английскому и французскому послам с требованием удовлетворения российских условий в случае успешного окончания войны. Союзные державы дали свое согласие — Франция 8 марта, Англия 12 марта. В 1916 г. к соглашению присоединилась Италия.[13]

В этой ситуации начали разрабатываться различные планы «русского Константинополя», среди которых должное место занимали проекты будущего церковного устройства города. Каково будет положение Русской церкви по отношению к Константинопольской после обрусения турецкой столицы? Кто будет ставить теперь Вселенского патриарха? Предметом особенного внимания был вопрос о восстановлении русского патриаршества; где же будет находиться патриарший престол? Наконец, наиболее смелые преположения склонялись к тому, что для полноты восстановления византийской картины мира следовало бы и русский царский престол перенести в Константинополь. Авторами этих проектов были церковные иерархи, ученые-византинисты. В архивах сохранилось несколько подобных проектов, некоторые из которых уже опубликованы. Один из них принадлежит перу И. И. Соколова, выдающегося историка Восточной церкви, профессора Петербургской духовной академии. Секретный доклад «Константинополь, Палестина и Русская церковь» был подготовлен в апреле 1915 г. по поручению Св. Синода и напечатан типографским способом в количестве 100 экземпляров для внутреннего пользования.[14] Исходя из уверенности в том, что Константинополь «по окончании европейской войны будет принадлежать России», Соколов на основании изложенной им истории Константинопольского патриархата делает вывод, что «перемена в политическом положении Константинополя <…> нисколько не должна изменить тот основной канонический status в устройстве и назначении Вселенского патриаршего престола, который закреплен в самосознании всего православного мира и упрочен в историческом своем осуществлении всем существенным содержанием действующего в Греко-Восточной Церкви канонического кодекса».[15] По сути, Соколов продолжает линию, которую на протяжении второй половины XIX в. проводили русские грекофилы (обер-прокурор Св. Синода А. П. Толстой, архим. Петр Троицкий, Т. И. Филиппов, Н. Н. Дурново): Константинопольский патриарх до сих пор является первым по чести в православном мире, и теперь наконец необходимо «восстановить справедливость и понять, что недостатки и злоупотребления греческого духовенства преувеличены врагами православия в высшей степени».[16] «Константинопольский патриарх, — продолжает автор, — в предстоящем своем положении в пределах православного Русского царства должен иметь именно права и обязанности, какие по силе церковных правил принадлежали ему в византийскую эпоху».[17] В турецкое время положение Вселенского патриарха было униженным и не соответствовало его высокому званию; «третье завоевание» Константинополя вернет патриаршему престолу его истинное назначение — быть центром вселенной, т. е. всего православного мира. Поскольку гражданская власть патриарха, полученная им от турецких султанов, в новых условиях будет упразднена, то Константинополь «может со всецелым оправданием служить если не постоянной, то временной резиденцией монарха великой Российской державы, фактически воспринимая от сияния царственной короны полноправное значение „Царицы всех городов"».[18] Наконец, в будущем порядке Соколов видит основание для восстановления пентархии патриархатов: русский Петроградский патриарх будет занимать подобающее ему место второго после Константинопольского.

Если Соколов говорит о восстановлении Византии под властью русского царя, т. е., собственно, о воплощении идеи Третьего Рима, то известный русский иерарх митрополит Антоний Храповицкий в том же 1915 г. проповедует осуществление греческой великой идеи — восстановление Византийской империи под властью греков. «В интересах правды, в интересах религии и науки, наконец, в интересах чисто русских национальных Констанинополь должен быть сделан столицей Ви-

[12] Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. С. 240.

[13] Там же. С. 221—304; Проливы (сборник) / Предисл. Ф. Ротштейна; Доп. статья Е. А. Адамова. М., 1924. С. 88—93; Раздел азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 88—91, 113—127. Предварительное соглашение было крайне непопулярно во Франции, о чем свидетельствует предостерегающая телеграмма посла Извольского от 16/29 декабря 1915 г.: соглашение о проливах и Константинополе прямо ставилось под угрозу в случае возбуждения сомнений «в нашей готовности предоставить Франции выговоренные ею компенсации» (Раздел азиатской Турции... С. 91). Не пользовалось оно популярностью и в Англии, что подтверждается докладом Э. Грэя в парламенте накануне подписания соглашения. 21 февраля 1917 г. министр иностранных дел Н. Н. Покровский резко подчеркнул, что соглашение о проливах не более, чем «вексель», подписанный Англией, Францией и Италией, который останется простым клочком бумаги, если Россия к началу мирных переговоров фактически не завладеет проливами. Октябрьская революция выбросила этот «ненужный клочок бумаги в сорную корзину истории» (Проливы. С. 94). После перемирия 30 октября 1918 г. Англия заняла господствующие позиции в Константинополе и проливах.

[14] *Лисовой Н. Н.* Русская Церковь и патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 156—196.

[15] Там же. С. 182.

[16] Там же. С. 170.

[17] Там же.

[18] Там же.

зантийской империи, и все греческие провинции Балканского и Малоазийского полуостровов должны быть в нее включены». Очищение русскими войсками Константинополя от турок следует, по мнению митр. Антония, рассматривать только как первый этап полного освобождения христианского мира от мусульман. Россия должна восстановить «Византийскую империю, объединив теперешнюю свободную Грецию с Цареградом под властью Вселенского греческого патриарха, и тем отблагодарит эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диаволу и ввел в свободу чад Божиих, соделав нас христианами».[19] Россия тем самым получит себе надежного и преданного союзника в исполнении конечной цели — объединении Востока от Кавказа до Палестины под эгидой России.

Не менее фантастическими, хотя и более патриотическими представляются два проекта будущего устройства Вселенской церкви в составе Российской империи, хранящиеся в копиях в архиве А. А. Дмитриевского. «Водворение русской власти в Константинополе, — писал автор записки того же времени, — к чему направлены теперь мысли русских людей, потребует от нее определить ее отношение к Константинопольской церкви». Константинопольская церковь чрезвычайно сократится по отношению своей территории, и она поступит во власть единоверного с ней государства; этим будет определяться, по мнению автора, и внутренний строй ее учреждений. Чтобы избежать создания ситуации замкнутости греческого духовенства и предупредить его сплоченность против русских, необходимо одному из викариев патриарха быть русским: лучше всего, чтобы им стал Дерконский митрополит, который бы вместе с тем удовлетворял потребностям будущих многочисленных русских жителей Константинополя. При восстановлении святынь Св. Софию следует сделать греческим храмом, а Влахернскую церковь — бесспорно русским.[20]

«Россия выступила в этой вынужденной войне на защиту угнетенных народностей во имя права и справедливости», — говорилось еще в одной записке времени Первой мировой войны. Поэтому и греки не будут забыты. Вселенская патриархия может рассчитывать на сохранение своих прав и преимуществ с некоторым ограничением объема патриаршей власти. В области школьного дела не будет возбраняться преподавание родного греческого языка, хотя в остальных предметах, не исключая истории и географии, будут сохранены русские программы. Необходимость поставления русского архиерея в Константинополе представлялась бесспорной и автору этого проекта; он, впрочем, высказывал сомнение в целесообразности введения его в состав патриаршего Синода, где тот был бы один против всех. Отношения русского архиерея к греческому высшему духовенству могут быть только братские.[21]

[19] Там же. С. 203, 201.

[20] «Константинопольская церковь и русская власть». Машинопись с пометами А. А. Дмитриевского: ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 41, л. 20—47.

[21] «Вселенский патриарх и русская гражданская власть в Константинополе». Б/д, Б/п.: Там же, л. 48—50.

Одна из таких записок, датированная 23 марта 1915 г., принадлежит Ф. И. Успенскому. Будучи реалистом, он не обольщался мечтами о создании идеальной картины русского Царьграда. Напротив, в весьма сдержанных выражениях ученый предостерегает против романтических иллюзий в церковной политике. Успенский далек от мысли о возможности установления прочного русского владычества в Константинополе: занятие города русскими войсками будет, скорее всего, временным, и поэтому нечего и думать о русификации города и его окрестностей; единственный способ сохранения спокойствия греков — не нарушать установленного канонического порядка церковной жизни. В отношении к грекам Успенский близок к точке зрения, которой придерживался в 1880—1890-е гг. И. Е. Троицкий: доверять им не следует и ждать братской любви от них также нечего.

Совсем в другом тоне написана вторая часть записки, посвященная Св. Софии. Этот памятник, столь важный с научной точки зрения, должен стать символом русского Константинополя. Первую литургию здесь должен отслужить не Константинопольский патриарх, а русское духовенство. Этот знаменательный акт, по мнению Ф. И. Успенского, видимо, и должен был закрепить в сознании всех восточных христиан вселенский, наднациональный характер Св. Софии, а также утверждение власти русских как хранителей православия. В этом отношении позиция ученого сходна со взглядами современных ему историософов. Так, Е. Н. Трубецкой писал: «Храм Святой Софии выражает для нас тот смысл народной жизни, без коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существование нашего народа не может иметь ни малейшей цены — то, ради чего стоит жить России, то, что составляет единственно возможное оправдание ее существования, и то, во имя чего она ведет теперь борьбу не на жизнь, а на смерть против соединенных сил германо-австрийского Запада и турецкого Востока. Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войной, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч».[22]

Приложение

Ниже публикуется черновой автограф записки академика Ф. И. Успенского с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

Ф. И. Успенский. Докладная записка о патриархате и Св. Софии. 1915 г.

Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготовляющаяся великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имею- *л. 3*

[22] *Трубецкой Е. Н.* Национальный вопрос, Константинополь и Святая София // *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 356.

àíòèéñê é èïïåðèè, è âñå ðå åñêèå ïð âèíöèè Áà êàíñê è à à èéñê ï - ó ñòð â â ä íû ûòü â íåå âê åíû». Î èùåíèå ðóññêèè â éñêàìè íñòàí - òèí ï ÿ ò òóð ê ñ åäóåò, ï ìíåíè ìèòð. Àíò íèÿ, ðàññìàòðèâàòü ò üê êàê ïåðâûé òàï ï í ñâ äåíèÿ ððèñòèàíñê ìèðà ò ìóñó üìàí. Ð ññèÿ ä - íà â ññòàí âèòü « è àíòèéñêó èïïåðè , åäèíêâ òåïåðå í ñâ äíó ðå - öè ñ Öàðå ðàä ì ï ä â àñòü ñå åñê ðå åñê ïàòðèàðòà, è òåì ò à - äàðèò èíñêéé íàð ä à ò , ò í íåê äà ñâ äè íàñ ò ðà ñòâà äèàâ ó è âåå â ñâ äó ää Á èèõ, ñ äå àâ íàñ õðèñòèàíàìè».[19] Россия тем самым получит себе надежного и преданного союзника в исполнении конечной цели — объединении Востока от Кавказа до Палестины под эгидой России.

Не менее фантастическими, хотя и более патриотическими представляются два проекта будущего устройства Вселенской церкви в составе Российской империи, хранящиеся в копиях в архиве А. А. Дмитриевского. «Водворение русской власти в Константинополе, — писал автор записки того же времени, — к чему направлены теперь мысли русских людей, потребует от нее определить ее отношение к Константинопольской церкви». Константинопольская церковь чрезвычайно сократится по отношению своей территории, и она поступит во власть единоверного с ней государства; этим будет определяться, по мнению автора, и внутренний строй ее учреждений. Чтобы избежать создания ситуации замкнутости греческого духовенства и предупредить его сплоченность против русских, необходимо одному из викариев патриарха быть русским: лучше всего, чтобы им стал Дерконский митрополит, который бы вместе с тем удовлетворял потребностям будущих многочисленных русских жителей Константинополя. При восстановлении святынь Св. Софию следует сделать греческим храмом, а Влахернскую церковь — бесспорно русским.[20]

«Россия выступила в этой вынужденной войне на защиту угнетенных народностей во имя права и справедливости», — говорилось еще в одной записке времени Первой мировой войны. Поэтому и греки не будут забыты. Вселенская патриархия может рассчитывать на сохранение своих прав и преимуществ с некоторым ограничением объема патриаршей власти. В области школьного дела не будет возбраняться преподавание родного греческого языка, хотя в остальных предметах, не исключая истории и географии, будут сохранены русские программы. Необходимость поставления русского архиерея в Константинополе представлялась бесспорной и автору этого проекта; он, впрочем, высказывал сомнение в целесообразности введения его в состав патриаршего Синода, где тот был бы один против всех. Отношения русского архиерея к греческому высшему духовенству могут быть только братские.[21]

[19] Там же. С. 203, 201.

[20] «Константинопольская церковь и русская власть». Машинопись с пометами А. А. Дмитриевского: ОР РНБ, ф. 253, оп. 1, д. 41, л. 20—47.

[21] «Вселенский патриарх и русская гражданская власть в Константинополе». Б/д, Б/п.: Там же, л. 48—50.

Одна из таких записок, датированная 23 марта 1915 г., принадлежит Ф. И. Успенскому. Будучи реалистом, он не обольщался мечтами о создании идеальной картины русского Царьграда. Напротив, в весьма сдержанных выражениях ученый предостерегает против романтических иллюзий в церковной политике. Успенский далек от мысли о возможности установления прочного русского владычества в Константинополе: занятие города русскими войсками будет, скорее всего, временным, и поэтому нечего и думать о русификации города и его окрестностей; единственный способ сохранения спокойствия греков — не нарушать установленного канонического порядка церковной жизни. В отношении к грекам Успенский близок к точке зрения, которой придерживался в 1880—1890-е гг. И. Е. Троицкий: доверять им не следует и ждать братской любви от них также нечего.

Совсем в другом тоне написана вторая часть записки, посвященная Св. Софии. Этот памятник, столь важный с научной точки зрения, должен стать символом русского Константинополя. Первую литургию здесь должен отслужить не Константинопольский патриарх, а русское духовенство. Этот знаменательный акт, по мнению Ф. И. Успенского, видимо, и должен был закрепить в сознании всех восточных христиан вселенский, наднациональный характер Св. Софии, а также утверждение власти русских как хранителей православия. В этом отношении позиция ученого сходна со взглядами современных ему историософов. Так, Е. Н. Трубецкой писал: «Храм Святой Софии выражает для нас тот смысл народной жизни, без коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существование нашего народа не может иметь ни малейшей цены — то, ради чего стоит жить России, то, что составляет единственно возможное оправдание ее существования, и то, во имя чего она ведет теперь борьбу не на жизнь, а на смерть против соединенных сил германо-австрийского Запада и турецкого Востока. Все вопросы русской жизни, поднятые настоящей войной, так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч».[22]

Приложение

Ниже публикуется черновой автограф записки академика Ф. И. Успенского с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

Ф. И. Успенский. Докладная записка о патриархате и Св. Софии. 1915 г.

Ход событий на Ближнем Востоке приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготовляющаяся великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы, имею- *л. 3*

[22] *Трубецкой Е. Н.* Национальный вопрос, Константинополь и Святая София // *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 356.

щие для себя основу в религиозных принципах, и вместе с тем ставит перед ней высокой важности обязательства, вполне соответствующие значению ожидаемых выгод. И тем прискорбней то обстоятельство, что до сих пор не выяснилось наше отношение к имеющим совершиться событиям.

Между тем время не ждет. Дабы не уподобиться тем евангельским девам, которые оказались без масла в светильниках, когда пробил час встречи жениха, необходимо без промедления поставить на очередь и обсудить хотя бы некоторые вопросы, с которыми мы прежде всего встретимся при завладении Царьградом. Имея в виду крайнюю неопре-
л. 3об. деленность // господствующих на этот счет воззрений даже во влиятельных сферах и общеизвестную несогласованность в действиях разных ведомств, можно опасаться, что те органы, которым выпадет жребий первым вводить в Цареграде новое управление, за неимением общей директивы, невольно попадут в ложное положение. Раз допущенная неправильность или ошибка нам обойдется весьма дорого, ибо населяющие Цареград народности, веря в провиденциальное назначение наше владеть их городом, не простят нам тех ошибок, какие легко извинить франкам, т. е. всем другим иностранцам.

Политическую оценку нашего вступления в Цареград нужно соразмерять с теми обязательствами, которые вытекают из принадлежности
л. 4 России к православному обряду, иначе // говоря, политическая важность черпает силу в церковном начале. Два обстоятельства подлежат в этом отношении предварительному зрелому обсуждению: 1) отношение к архиепископу Константинополя, носящему вместе с тем титул вселенского патриарха; 2) взгляд на первостепенный православный памятник в Цареграде, несравненную по изяществу и доселе не превзойденную по архитектурному искусству, Св. Софию.

1) Нельзя без глубокой скорби подумать о том, что по вопросу об отношениях к патриарху высказываются самые противоречивые мнения даже в тех кругах, которые находятся в соприкосновении с каноническими правилами и с церковной историей. Есть теория «Церковной области» в пользу патриарха, или соединения Константинополя с Афоном, или даже с Грецией, мнения даже в тех кругах, которые находятся в соприкосновении с каноническими правилами и с церковной историей, мнения [полные?] отрицания значения патриархата, «они сами по себе, мы сами по себе», или на […] высказанное мнение о слиянии патриархата со Св. российским Синодом, причем патриарху предоставляется пребывание частью в Цареграде, частью в Москве. //

л. 4 об. Все подобные теории в их применении могут угрожать большими осложнениями и, кроме того, носить признаки недостаточного внимания к делу. Реальный взгляд на вопрос нужно заимствовать в том непререкаемом политическом положении патриархата, в котором он оказался вследствие соглашения с завоевателем Константинополя в 1453 г. Не на канонических, конечно, основаниях утверждаются те прономии (привилегии) патриархата под властью османских турок, которыми так тесно соединены судьбы вселенского патриархата с Турецкой империей. Ни-

как нельзя забывать, что в Константинополе, по переходе его в нашу власть, мы встретим не расположенного к России православного пастыря, а оттоманского чиновника, […] эллинского народа (εθνάρχης), который тем более будет держаться за старый турецкий режим, что под властью султана в М. Азии останутся многочисленные церковные епархии, зависимые от патриархата. // И кто решится утверждать, что патриарх, л. 5
[…] вившись влияниям, не признает более выгодным для себя и для интересов эллинизма разделить участь султанского правительства. Ввиду этого положения, основывающегося на государственном праве Турции, нам нужно очень тщательно соразмерить наши первые шаги в Цареграде по отношению к патриарху с намеченным весьма деликатным состоянием вопроса.

2) Указанная точка зрения на патриархат упрощает взгляд на наши права относительно храма Св. Софии. У нас преобладает мнение, что первую литургию в Св. Софии должен служить патриарх. Отнюдь нет. Мы освобождаем обращенную в мечеть Св. Софию от мусульманского культа, к патриархии эта мечеть не имеет никакого отношения. Даже на-
против, как // турецкий чин, патриарх не может без согласия султана по- л. 5 об.
зволить себе располагать мечетью Айи Софии как христианским храмом. Нужно поэтому иметь нам смелость объявить эту мечеть христианским храмом и признать ее «великим царским собором Св. Софии в Цареграде», как она всегда именовалась «Великая церковь».

Что касается дальнейших мероприятий по установлению наших отношений к вселенской патриархии, следует придерживаться строго канонических правил и церковной практики при царях византийских. Дабы обставить необходимым авторитетом проект таковых отношений, который должен служить директивой для разнообразных органов русской власти, было бы весьма целесообразно назначение комиссии из сведущих лиц под председательством одного из членов Св. Синода и поручить ей выработать требуемые на сей конец положения.

ПФА РАН, ф. 127, оп. 1, д. 132, л. 3—5

Е. Ю. БАСАРГИНА

К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ПАЛЕСТИНСКОГО КОМИТЕТА

Вступление Турции в Первую мировую войну 16 октября 1914 г. и последующие события осени 1914 г., прервавшие культурную и просветительную деятельность России в Палестине, обратили внимание русского общества на необходимость обеспечить научные интересы России в Палестине и прилегающих к ней областях.[1] Неизбежность пересмотра после завершения войны мирных договоров, заключенных Россией с различными государствами, и в частности с Турцией, который должен был коснуться и Палестины, побудила политиков обратиться за помощью специалистов по палестиноведению, чтобы подготовить предложения, которые могли лечь в основу наших будущих требований по вопросам упорядочения правовых условий, необходимых для деятельности русских учреждений в Палестине и Сирии, и обеспечения прав русской науки на территории Палестины, Сирии, Финикии и Синая.

Обстоятельства военного времени подали ученым надежду открыть в Иерусалиме Русский археологический институт и таким образом осуществить давнишнюю мечту Императорского Православного Палестинского общества (далее — Палестинское общество), которую оно лелеяло с тех пор, как в 1901 г. П. К. Коковцов представил в общество записку о научных задачах русского палестиноведения и необходимости открыть в Иерусалиме археологический центр. Этот проект не был осуществлен прежде всего потому, что в жизни Палестинского общества научные исследования всегда занимали скромное место и ограничились

[1] Предысторию вопроса см.: *Stavrou G.* Russian Interest in Palestine 1882—1914. Thessalonike, 1963. P. 87—114. В общих чертах история проекта изложена в кн.: *Ершов С., Пятницкий Ю., Юзбашян К.* Русский археологический институт в Константинополе (К 90-летию со дня основания) // ПС. Л., 1987. Т. 29. С. 8—9; *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 135—138; *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX—начале XX в. М., 2006. С. 209—214.

© Е. Ю. Басаргина, 2007

раскопками в Иерусалиме в 1883 г. и небольшими изысканиями и экскурсиями в последующие годы.

В начале ноября 1914 г. по инициативе члена Государственной думы Е. П. Ковалевского несколько членов ИАН и профессоров Петроградского университета образовали частное совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине. Первое собрание, в котором приняли участие В. В. Бартольд, В. Н. Бенешевич, А. А. Дмитриевский, Е. П. Ковалевский, Н. П. Кондаков, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, Я. И. Смирнов, Б. А. Тураев, Ф. И. Успенский, было посвящено предварительному обмену мнений, из которого выяснилась желательность разграничения обсуждения правовых условий деятельности русского научного учреждения в Палестине и формы этого учреждения. Для обсуждения этих главных вопросов совещание образовало две комиссии.

Комиссия, в состав которой вошли Успенский, Дмитриевский, Ковалевский, Крачковский и Смирнов, занималась выяснением тех юридических условий, которые могли содействовать успеху научного исследования Палестины: обеспечение права собственности, права раскопок, охраны древностей и облегчение исследования церковных памятников. Комиссия исходила в своей работе из того принципиального положения, что совещание ставит перед собой чисто научные цели и совершенно не будет касаться вопросов общегосударственной и церковной политики.[2]

В законодательстве довоенной Турции по вопросам владения недвижимостью царил полный хаос: особенно запутывало положение отсутствие в турецком праве понятия юридического лица, что заставляло учреждения прибегать к системе обмана и подставным лицам; а весь «предшествующий опыт Православного Палестинского общества с полной определенностью и яркостью говорил, что единственной хорошей стороной в прежнем порядке была возможность подкупа».[3] Не предрешая исхода войны и будущего Турецкой империи, комиссия признала принципиально важным выработать «точные законодательные нормы касательно способов и прав приобретения и владения недвижимою собственностью в Палестине и Сирии с признанием прав собственности юридических лиц; закрепление за действительными собственниками принадлежащих русским учреждениям и лицам земельных участков в Палестине и Сирии».[4]

В работе второй комиссии приняли участие Кондаков, Марр, Смирнов и Ростовцев. Эта комиссия выработала проект создания русского научного учреждения по палестиноведению, состоящего из двух частей: Института в Иерусалиме для историко-археологического изучения Палестины и прилежащих стран и Комитета по палестиноведению в Петрограде для обсуждения общих вопросов, издания печатных трудов

[2] ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 2—6. Протокол заседания 13 ноября 1914 г.
[3] Там же, л. 2.
[4] Там же, л. 15. Приложение к протоколу от 21 ноября 1914 г.
[5] Совещание по Палестине. 26 ноября 1914 г. С. 1 (опубл. на правах рукописи).

и «создания соответствующей ученой среды, из которой могли бы вербоваться работники для изучения Палестины».[5] Усилению нашей научной деятельности на территории Палестины, Сирии, Финикии и Синая должен был служить и туземно-международный комитет по охране древностей, необходимость создания которого вытекала из международного научного значения Палестины. Помимо местных членов, в нем были широко представлены русские научные и духовные учреждения.

Обсуждение результатов работы обеих комиссий прошло 15 декабря 1914 г. в присутствии двух новых членов — Коковцова, автора идеи создания археологического института в Палестине, и И. И. Соколова, знатока церковной жизни Востока. Во время обсуждения проекта Дмитриевский, секретарь Палестинского общества, заявил, что общество считает эту организацию неприемлемой, так как намеченные ею задачи уже осуществляет научный отдел общества, и в случае внесения этого законопроекта оно будет протестовать. Хотя Дмитриевский вскоре признал, что его заявление носит частный характер и вовсе не является мнением всего общества, оно поставило под сомнение возможность сотрудничества будущего учреждения с Палестинским обществом. Ростовцев даже признал, что в высказывании Дмитриевского приходится видеть своего рода veto на дела совещания со стороны членов общества. После этого было решено всех членов совещания считать частными лицами, а не представителями тех учреждений, с которыми они связаны.

Предварительные результаты работы совещания были оформлены в виде записки «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях», которая была опубликована в конце 1914 г. и состоит из объяснительной записки и четырех разделов: «О правовых условиях деятельности русских учреждений в Палестине и Сирии»; «Обеспечение права раскопок и исследования памятников древности»; «Туземно-международный комитет по охране древностей» и «Организация русского научного учреждения по палестиноведению».[6]

Дальнейшее детальное обсуждение положений проекта проходило в 1915 г. в более широком кругу специалистов. В начале 1915 г. состав совещания пополнился новыми членами: в него вошли Н. Н. Глубоковский, М. А. Дьяконов, В. В. Латышев, П. В. Никитин, Н. В. Покровский, Б. В. Фармаковский. На заседании 3 января 1915 г. в центре обсуждения стоял вопрос о том, к какому учреждению сможет присоединиться будущий Комитет по палестиноведению. Рассматривались возможности его учреждения при Академии наук и Палестинском обществе. Мнения участников совещания по этому вопросу разделились.

Латышев, председательствующий в отделении ученых изданий и исследований Палестинского общества, склонял участников совещания к этой организации, ведь она много лет работала в Палестине и имела большой опыт в области ее изучения. Бенешевич также предложил сначала обратиться в общество, хотя и не особенно рассчитывал на успех

[6] Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 339—349. ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 19 об.

«ввиду ярко выраженного конфессионального характера общества и некоторого охлаждения общества к археологической деятельности»; в случае же отрицательного ответа общества совещание могло передать свой проект в Академию наук. По мнению Никитина, исключительно научные цели будущих комитета и института указывали им место скорее в Академии наук, чем в Палестинском обществе, которое имело в виду главным образом практические, а не научные цели. Никитин при этом сослался на богатый опыт работы при Академии наук самостоятельных комитетов и комиссий по различным научным предприятиям, в том числе международным. Большинством голосов (11 против 4) все-таки было решено сначала обратиться в Палестинское общество.[7]

Ответ Палестинского общества был получен через три месяца и разочаровал членов совещания. Проект, предложенный обществом, в главных пунктах противоречил положениям, принятым Совещанием. По этому проекту Комитет палестиноведения учреждался в составе ученого отделения Палестинского общества и находился в ведении председательствующего в этом отделении. Каждый член Палестинского общества по собственному заявлению мог быть членом комитета с правом решающего голоса, в то время как член комитета не допускался к участию в совете общества. Таким образом комитет терял свою автономность и целиком находился в административном подчинении совету Палестинского общества.[8]

Членам совещания не оставалось ничего другого, как обратиться к содействию Академии наук. Сделано это было именно в то время, когда Академия наук навлекла на себя гнев общественного мнения из-за отказа исключить из своих списков «подданных враждебных России государств». Несмотря на то что момент был выбран не самый благоприятный, 2 мая 1915 г. Академия наук на Общем собрании признала желательным свое участие в организации русского учреждения для научного исследования Палестины.[9]

Специально созданная академическая комиссия в составе В. И. Вернадского и Н. И. Андрусова (от I Отделения), Н. П. Кондакова (от II Отделения), Ф. И. Успенского, П. К. Коковцова, Н. Я. Марра (от III Отделения) обсудила вопрос, в каком виде могло выразиться участие Академии наук в изучении Палестины, и пришла к заключению, что «необходимо соблюсти единство в организационном участии Академии, не дробя его между комитетом в Петрограде и зависимым от него институтом в Палестине».[10] Поэтому комиссия признала желательным создать при Академии наук Палестинский комитет, главной задачей которого было бы учреждение научного историко-археологического ин-

[7] ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 19 об.—20.

[8] Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 361—366.

[9] Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1915]. Заседание 2 мая 1915 г. С. 73. § 81 и Приложение 1: Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. Докладчик Е. П. Ковалевский. С. 80—91.

[10] ПФА РАН, ф. 2, оп. 1—1915, д. 34, л. 59: Протокол заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины от 7 мая 1915 г.

ститута в Палестине. По настоянию членов Физико-математического отделения в программе этого института были представлены и естественно-исторические дисциплины. 18 мая 1915 г. комиссия собралась вновь и подготовила доклад для Общего собрания с проектом Палестинского комитета при ИАН. Однако вследствие военных событий обсуждение проекта было отложено. Общее собрание вернулось к рассмотрению этого проекта только 4 марта 1917 г.

Накануне собрания, 6 февраля, прошло совместное заседание академической комиссии и частного совещания. Однако некоторые бывшие участники частного совещания уже не верили в возможность осуществить этот проект. Латышев, например, в ответ на приглашение непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга написал, что учреждение Комитета палестиноведения представляется ему несвоевременным, «во-первых, потому, что в настоящее время вряд ли можно рассчитывать получить на такое учреждение средства из Государственного казначейства ввиду крайней обремененности его насущными расходами, во-вторых, потому, что будущее политическое положение Палестины еще неизвестно, и — last not least — потому, что в России уже 35 лет существует общество, имеющее специальной целью всестороннее изучение Палестины».[11]

На заседании 6 февраля Ольденбург сделал доклад о работе академической комиссии по вопросу об исследовании Палестины и представил «Проект положения о Палестинском комитете при Императорской Академии наук», согласно которому «при Академии наук учреждается „Палестинский комитет" для изучения Палестины и сопредельных с ней стран».[12] Отступление от первоначального проекта, предполагавшего сосуществование двух параллельных учреждений, комитета в Петрограде и института в Палестине, Ольденбург объяснял тем, что задачей комитета является «обсуждение вопроса во всей его полноте и подготовка создания института, для чего в данный момент вряд ли имеются достаточные научные силы».[13]

По проекту Палестинский комитет ставил перед собой следующие задачи: «1) оживление в России интереса к палестиноведению; 2) поддержку русских ученых в их научных занятиях в области изучения Палестины и сопредельных с нею стран; 3) создание историко-археологического института в Палестине; 4) изыскание средств для организации и расширения русских научных предприятий в Палестине и связанных с ними работ вне ее».[14] Проект был поддержан членами частного совещания и утвержден Общим собранием РАН 4 марта 1917 г.[15] Дальнейшие политические события перечеркнули все планы.

Вновь академическая комиссия собралась в октябре 1918 г. для того, чтобы обсудить судьбу самого Палестинского общества, главные деятели которого подверглись аресту, но по распоряжению комиссара по просвещению А. В. Луначарского были к этому времени освобождены. Комиссия признала желательным как можно скорее добиться утверждения нового устава общества. Академия наук поддержала проект нового устава общества с той оговоркой, что общество изменит название «Русское Палестинское общество» на «Российское Палестинское общество», и представила проект на утверждение правительства.

В марте 1919 г. Палестинское общество, не дожидаясь утверждения своего устава, предложило Академии наук принять общество в свое ведение и отредактировать заголовок устава так: «Устав состоящего при РАН Российского Палестинского общества». Академия наук отклонила это изменение устава. Между тем в ночь на 13 июня в доме Палестинского общества по адресу Мытнинская ул., д. 10 был произведен обыск и изъят ящик с документами общества. Совет общества во главе с и. о. председателя общества академиком Латышевым искал защиты в Академии наук, потому что считал общество состоящим в ведении РАН вплоть до утверждения нового устава общества. Покровительство Академии наук, однако, не облегчило участи Палестинского общества. 30 июня 1921 г. его помещение было опечатано, правитель дел общества В. Д. Юшманов был арестован вместе с женой и сыном. В ноябре того же года дом на Мытнинской ул. был передан центральному жилищному отделу, и имущество общества было перевезено в академическое помещение на Тучковой наб., д. 2. В 1923 г. Палестинское общество было упразднено, чтобы уже через два года, в 1925 г., возобновить свою деятельность на новых основаниях.

Проект Русского археологического института в Иерусалиме был окончательно похоронен, о нем не вспомнили даже, когда Академия наук обсуждала в 1920 г. проект положения о русских научных институтах за границей, также, впрочем, оставшийся неосуществленным.[16] Обсуждение планов изучения Палестины в Академии наук и в Палестинском обществе, хотя и не дало положительных результатов, выявило общие научные интересы и наметило пути возможного сотрудничества.

---

[11] Там же, л. 74—74 об. Письмо В. В. Латышева С. Ф. Ольденбургу от 6.02.1917.

[12] Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1917]. Заседание 4 марта 1917 г. С. 70. § 82 и Приложение 1: Протокол совместного заседания комиссии, избранной Императорской Академией наук по вопросу об исследовании Палестины, и членов частного совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине 6 февраля 1917 г. С. 75.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 75—76.

[15] Там же. С. 70. § 82. Коковцов настаивал на том, чтобы главной задачей Палестинского комитета было учреждение Русского археологического института в Иерусалиме для изучения Палестины и сопредельных с ней стран, а все прочие задачи комитет выполнял бы только до момента учреждения этого института: Там же. Заседание 15 апреля 1917 г. С. 120. § 140 и Приложение 3: Особое мнение академика П. К. Коковцова, приложенное к протоколу заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины, состоявшегося 7 мая 1915 г.; Особое мнение академика П. К. Коковцова, приложенное к протоколу заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины, состоявшегося 18 мая 1915 г. С. 129; Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 366—367.

[16] Протоколы заседаний Общего собрания РАН. [Пг., 1920]. Заседание 4 сентября 1920 г. § 107 и Приложение 3: Положение о русских научных институтах за границей; Объяснительная записка к проекту Положения о русских научных институтах за границей. С. 70—78.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА, В. А. ЯКУБСКИЙ

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЕЗДКИ 1927—1928 гг.

(Из материалов к научной биографии академика Ф. И. Успенского)

В январе 1927 г. в Академию наук СССР поступило письмо из Белграда, датированное 31 декабря 1926 г. Академика Ф. И. Успенского приглашали принять участие в работе белградского Второго международного конгресса по византиноведению, каковой должен был явиться первым такого рода съездом «на славянской почве». «Организационный комитет, — говорилось в письме, — горячо желая, чтобы славянское византиноведение заняло на этом съезде принадлежащее ему место в истории этой специальности и в междуславянских братских отношениях, особенно полагает, чтобы и самая блестящая звезда из живых славянских византинистов, академик Ф. И. Успенский, принял личное участие в заседаниях сказанного съезда. Подчеркивая важность такой научной манифестации, Комитет имеет честь обратиться к Русской государственной академии с просьбой дать глубокоуважаемому Нестору славянского византиноведения, Федору Ивановичу, который уже приглашен лично, возможность приезда на наш конгресс».[1]

Подписавшие письмо президент Комитета И. А. Радонич и его коллеги изъяснялись несколько высокопарно (и никак не могли разобраться с тем, как теперь следовало именовать бывшую Императорскую Академию наук). Но в отношении Ф. И. Успенского, названного в письме Нестором, они по существу нисколько не преувеличивали. О заслугах ученого и их признании в научном мире говорило уж одно то, что, наряду с членством в нашей Академии наук (с 1900 г.), он был, по подсчетам В. Н. Бенешевича, членом 6 зарубежных академий — Французской, Чешской, двух Сербских — в Белграде и в Загребе, Болгарской, Баварской, и еще около 40 ученых учреждений, русских и иностранных, избрали его почетным членом.[2] В Париже в 1928 г. печатается сборник, посвященный 80-летию Ф. И. Успенского, с участием исследователей из разных стран. Он выйдет в двух томах, но уже после смерти ученого.[3]

Федор Иванович в Белград не поехал. «Несмотря на искреннее желание, мне не удалось принять участие во II Международном конгрессе византинистов, — констатировал он в письме главному секретарю Белградского конгресса профессору Д. Анастасиевичу. — Письмо организационного комитета в Академию наук от 31 декабря 1926 г., равно как и Ваша телеграмма от имени Конгресса, глубоко меня тронули и вызвали во мне самые горячие чувства благодарности к комитету и Конгрессу, — продолжает Федор Иванович, переходя далее к другим делам. — Не имею данных, что моя посылка в Конгресс „Истории Византийской империи" т. II (часть 1) и посвященной Конгрессу книги „Вазелонские акты" получены в Белграде. Я бы желал, чтобы эти труды были приняты как дань личной признательности и выражения искренних благожеланий дальнейших успехов движения в области византиноведения».[4]

Какие обстоятельства помешали Ф. И. Успенскому осуществить свое намерение? В письме Анастасиевичу об этом ни слова, что само по себе симптоматично. Вполне могли дать себя знать здоровье и возраст сверх всякой меры загруженного работой ученого, которому в феврале 1927 г. исполнилось 82 года. Незадолго до того, в конце 1926 г., академик подал в Правление Ленинградского государственного университета заявление «об оставлении университета вследствие преклонных лет и неудовлетворительного состояния здоровья».[5] Впрочем, нетрудно предположить, что за этой дипломатичной формулой стояли совсем иные, политические причины расставания с университетом, где в те годы всемерно насаждались новые порядки. Надо сказать, что, по словам современников, ученый «до конца своих дней изумлял всех своей работоспособностью».[6] Он неустанно трудился и был полон творческих планов. Подтверждением тому служат его новые публикации, обширная переписка, многочисленные научные доклады, в мае 1928 г. были закончены «Очерки по истории Трапезунта» (около 15 п. л.).[7] Стоит добавить, что и в последние годы жизни он, судя по академическим протоколам, практически не пропускал заседаний Академии, в этом смысле разительно отличаясь от многих своих собратьев.

С другой стороны, помешать поездке в Белград могли административные препоны. Как известно, политические веяния в стенах АН, как и во всей стране, в ту пору давали достаточно поводов и для надежд, и для страхов, что так рельефно запечатлела частная переписка нашей академической элиты, положенная в основу монографии М. А. Робинсона.[8]

---

[1] ПФА РАН, ф. 116, оп. 1, д.164, л. 36.

[2] Там же, д. 170, л.133; д.164, л. 1—30.

[3] L`art byzantin chez les slaves. Recueil dedie a la memoir de Fh. Uspenskij. Paris: Geuthner, 1930—1932. Т. 1—2.

[4] ПФА РАН, ф.116, оп.1, д.164, л. 39.

[5] Там же, л. 33.

[6] Там же, д. 170, л. 86.

[7] Там же, л.132.

[8] См.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917—начало 1930-х годов). М., 2004.

© Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский, 2007

Советские ученые еще сравнительно свободно печатались в иностранных научных изданиях. На заседаниях Академии речь зачастую шла о заграничных командировках ее сотрудников, заслушивались научные отчеты о пребывании за рубежом. Правда, в академических протоколах этого времени уже появляются тревожные симптомы. В Президиум Академии наук все чаще поступали запросы руководителей академических учреждений по поводу задержек с выездом их сотрудников за рубеж.[9] Должно быть, об этом знали и на Западе, и то, что приглашения Федору Ивановичу Успенскому были посланы дважды — ему лично и на имя Академии, возможно, свидетельствовало не только о глубочайшем уважении к нему со стороны международного научного сообщества, но и о сомнении устроителей Конгресса, разрешат ли советские власти поездку академика в Белград.

Документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН заставляют думать, что в данном случае в самом деле не обошлось без политики. Обращают на себя внимание некоторые странности в ходе рассмотрения вопроса о поездке Ф. И. Успенского на Конгресс. Начать с того, что, обсудив этот вопрос, заседание Президиума АН 14 января 1927 г. постановило: «Просить заключение Ф. И. Успенского о возможности его поездки в Белград».[10] Решение по меньшей мере настораживает. Ему, насколько знаем, нет аналогов в протоколах заседаний Академии наук, на которых подобные вопросы обсуждались многократно. Удивляет и то, что в протоколах последующих заседаний искомое «заключение» не фигурирует, хотя было правилом докладывать академикам о выполнении ранее данных ими поручений. По-видимому, вообще вопрос о поездке Ф. И. Успенского в Белград на заседаниях Академии наук больше не поднимался.

Ф. И. Успенский, которому не довелось побывать на Конгрессе, внимательнейшим образом следил за его работой. Ниже воспроизводится содержащийся в протоколах Отделения исторических наук и филологии АН текст зачитанного 11 мая 1927 г. Федором Ивановичем доклада по этому предмету:

«О результатах состоявшегося в апреле 1927 г. II Международного Конгресса византинистов уже начинают появляться сообщения его участников. Самым важным и достойным особого внимания с точки зрения интересов византиноведения в СССР должно быть признано то, что среди членов Конгресса возникла мысль о необходимости создания общего центра, объединяющего работы славянских ученых в области византиноведения. При обсуждении этой мысли на Конгрессе всеми высказывалось, что естественным центром работы славянских ученых по византиноведению должен бы быть издаваемый АН „Византийский временник", но что в настоящее время почтовые и личные сношения славян с СССР слишком затруднены, и потому необходимо искать место для научного объединения помимо „Византийского временника"; по-видимому, объединяющим центром временно будет служить действующий в Праге Seminarium Kondakovianum. Полное отсутствие византинистов из СССР на Конгрессе произвело сильное впечатление на весь Конгресс и вызвало глубокое и искреннее сожаление со стороны всех членов его.

Считаю своим долгом довести до сведения АН полученные мною известия. Конечно, нас должен радовать уже сам по себе всякий шаг вперед, по пути организации научной работы, объединение же славянских византинистов доставляет особое удовлетворение как потому, что необходимость такого объединения назрела давно и осуществление его составляло одну из очередных последних лет деятельности Русского археологического института в Константинополе, так и потому, что в центре работы станет молодая научная организация молодых русских ученых, работающая с беззаветным энтузиазмом, привлекающая к сотрудничеству и русских ученых из СССР и иностранцев и сумевшая обеспечить себе достаточные средства для издания своих трудов.

Но следует принять во внимание и то, что заслуженный и желанный успех русских ученых сил за границей вместе с тем заключает в себе для византиноведения СССР опасность утраты ими того почетного положения, которое добыто трудами русских ученых в течение почти двухвековой работы их в АН и под влиянием АН. Опасность станет совершившимся фактом, если мы ограничимся лишь наблюдением того явления, что византинисты из СССР находят себе радушный прием в заграничных периодических изданиях, иногда на $^{2}/_{3}$ заполняя их, и если не будем действовать так, как того настоятельно требует реальная обстановка. На самом деле очень красноречивы следующие факты:

1) музеи, библиотеки, архивы и памятники быта и литературы в разных частях СССР представляют неисчерпаемую, часто единственную в мире сокровищницу материалов для исследовательской работы;

2) для научной обработки этих материалов сохранился еще значительный кадр работников старшего поколения и выдвинулось немалое количество молодых, с честью пробующих свои силы в различных областях византиноведения, особенно же в истории искусства и археологии;

3) длинный ряд научных учреждений культивирует византиноведение в особых секциях;

4) только очень небольшая часть работ по Византии печатается в СССР, большая же за границей; самая же большая и притом важнейшая часть их лежит без движения.

При таких условиях византиноведение в СССР имело бы полную возможность как оправдать то почетное положение объединяющего центра работы славянских ученых, которое признавалось за ними и на Конгрессе, так и сохранить без перерыва свое традиционное место в общенаучной работе.

Но, оказывается, на пути естественного развития и роста русского византиноведения стоит прежде всего такое препятствие, как затрудненность личных отношений славянских ученых с учеными кругами Ленинграда и других городов СССР. Она ярче всего обнаружилась в невозможности для русских ученых участвовать на Конгрессе: хотя Конгресс был совершенно чужд всякой политике, однако даже присланная непосредственно в АН просьба о командировании меня на Конгресс осталась без внимания и удовлетворения.

С другой стороны, крайне неблагоприятно и то, что „Византийский временник" в объеме десяти листов заведомо не может удовлетворять не только самым скромным потребностям развивающегося византиноведения в СССР, но даже и нуждам той только группы ученых, которая работает в Русско-Византийской Комиссии.

Наконец, следует указать еще и на то, что даже РВК продолжает оставаться в том же неопределенном и тягостном положении, которое не дает ей возможности развернуть работу в надлежащем объеме и со всей желательной энергией.

Ограничиваясь указанием на эти три неблагоприятные обстоятельства, ходатайствую перед ОИФ о том,

1) чтобы в надлежащих инстанциях был возбужден вопрос об облегчении личных связей между учеными СССР и заграничными по научным вопросам;

2) чтобы „Византийскому временнику" предоставлена была возможность удовлетворять в надлежащей мере широким потребностям византиноведения в СССР;

3) чтобы уделено было внимание вопросу о положении РВК и связанного с нею проекта Русско-Византийского Кабинета и оказано было содействие благоустройству обоих учреждений.

Положено: 1) войти в Комиссию по содействию работам АН с запиской о желательности обеспечения сношений между учеными СССР и заграничными; 2) увеличить в предстоящем году число листов, отпускаемое „Византийскому временнику"; 3) просить Правление обсудить вопрос о предоставлении помещения для Русско-Византийской Комиссии».[11]

[9] См., например: ПФА РАН, ф. 116, оп. 2, д. 31, л. 227; д. 34, л. 29.

[10] Там же, оп. 1, д. 279, л. 17.

[11] Там же, оп. 1-а, д. 176, л. 245—248.

Между строк доклада явственно прочитывается глубокая обида ученого, который отнюдь не по собственной воле воздержался от участия в Конгрессе. Однако свое внимание он подчеркнуто заострил на другом — на тех уроках, какие следовало бы АН, ее руководству и вышестоящим инстанциям вынести из связанного с белградским Конгрессом печального опыта. «Полное отсутствие византинистов из СССР на Конгрессе» лишний раз напомнило о реальной опасности растерять все достижения нашего византиноведения, оторвав его от мирового сообщества. Не случайно с такой настойчивостью им ставился вопрос о «Византийском временнике», выпуск каждого из послереволюционных томов которого требовал от Успенского и его единомышленников неимоверных усилий (как известно, с выходом увидевшего свет в 1928 г. 25-го тома ВВ издание оборвется и будет возобновлено лишь в послевоенные годы).

Федор Иванович остановился в докладе и на больной для него теме — положении Русско-Византийской Комиссии, председателем каковой он был избран в 1923 г. На протяжении всех этих лет он, как явствует из протоколов АН, постоянно хлопотал о помещении для РВК, о выделении на нее средств, защищал интересы ее сотрудников.

В майском докладе не был обойден вниманием и Русский археологический институт в Константинополе. Мысль о возрождении этого любимого его детища никогда не покидала академика. Судя по академическим протоколам, он постоянно возвращался к ней. Новые надежды в него вдохнула появившаяся в середине марта 1927 г. во французской газете «Le Temps» заметка, где сообщалось о предполагаемом весной того же года возобновлении деятельности Константинопольского института. На апрельском заседании Отделения Федор Иванович зачитал эту заметку (оказавшуюся, как покажет время, обычной газетной уткой). Аудитория отреагировала на информацию стандартной, ни к чему не обязывающей формулой: «Принять к сведению».[12]

Год спустя, в мае 1928 г., ту же тему поднял известный востоковед академик В. В. Бартольд. На Общем собрании АН 5 мая 1928 г. он «доложил свои соображения по поводу организации научного института в Константинополе». Взяв слово в прениях по докладу, Ф. И. Успенский довел до сведения собравшихся, в каком трудном положении находится он как бывший директор Русского археологического института в Константинополе: у него даже нет возможности выяснить судьбу оставшегося в Турции институтского имущества, равно как и оставленного там своего личного архива и библиотеки. В решение Общего собрания был включен следующий пункт: «Просить Непременного секретаря выяснить в ОНУ возможность командировки Ф. И. Успенского в Турцию в сопровождении его жены Н. Э. Успенской».[13]

Странным образом и на этот раз, подобно случаю с приглашением на Конгресс, в протоколах последующих заседаний о движении этого вопроса нет никаких сведений. Но все же делу был дан ход. Непременный секретарь АН С. Ф. Ольденбург запросил мнение Е. П. Воронова, который возглавлял упомянутый выше ОНУ (Отдел научных учреждений при Совнаркоме СССР), о возможности поездки Ф. И. Успенского в Турцию. «Такое предварительное согласование, — писал Ольденбург, — представляется в настоящее время тем более желательным, что вопрос, о котором идет речь, выходит за пределы чисто научных интересов, затрагиваются наши международные отношения». Надобность осуществления такой командировки «в ближайшее время» мотивировалась тем, что «академик Ф. И. Успенский — один из заслуженнейших и старейших наших ученых, и поэтому какие-либо прения при разрешении его командировки были бы особенно нежелательны».[14]

На высокопоставленного партийного функционера эти доводы не произвели впечатления. «По имеющимся у нас сведениям, — гласил ответ Воронова на обращение непременного секретаря, — вопрос о возвращении СССР имущества бывшего Русского археологического института в Константинополе урегулирован и в непродолжительном времени предполагается оформление его передачи. В связи с этим, я думаю, что поездка академика Ф. И. Успенского в Константинополь теряет свой первоначальный смысл».[15]

Вопреки начальственному оптимизму, история с Константинопольским институтом, некогда созданным трудами Ф. И. Успенского и на протяжении двух десятилетий им возглавляемым, тогда, в 1928 г., не кончится. Правда, планами восстановления дореволюционной научной базы в Константинополе доведется заниматься не столько ученым, сколько вскоре учрежденной в рамках Академии Секретной части Управления делами АН СССР. Этой, по своему духу родственной так называемым органам, инстанции в ноябре 1929 г. будут переданы материалы Комиссии по вопросу о Константинопольском археологическом институте.[16]

Да и не был ли оптимизм Е. П. Воронова показным, лишь прикрывавшим нежелание властей выпускать академика за рубеж? Во всяком случае, именно так воспринимал происходящее сам Федор Иванович. Получив запрос непременного секретаря, предлагавший «сообщить в трехдневный срок сведения о заграничных международных конгрессах и собраниях по византиноведению на 1928/29 гг.», он ответил со свойственной ему прямотой:

«С тех пор, как в 1927 г. Правительство не нашло возможным дать мне позволение присутствовать на II Международном конгрессе византинистов в Белграде, участие в котором считалось для меня в высшей степени важным и по многим основаниям обязательным, что было указано и организационным комитетом Конгресса и самим Конгрессом, а равно ввиду несогласия Правительства разрешить мне поездку в Константинополь по делам бывшего Археологического института и Росс. Палестинского общества, принято в ученых европейских кругах

[12] Там же, л. 237.
[13] Там же, д. 177, л. 91 об.

[14] ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 104, л. 150 об.
[15] Там же, л. 151.
[16] См.: *Перчёнок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 225.

думать, что я нахожусь в подозрении у Правительства. Посему в последнее время я лишен сведений по предмету, о котором запрашивает меня непременный секретарь».[17]

Написанное 7 августа 1928 г., за месяц до кончины ученого, письмо проникнуто понятной горечью. Оно наглядно свидетельствует, насколько непросто складывались отношения Ф. И. Успенского с новой властью, при которой академик, как явствует из приведенных выше документов, действительно стал «невыездным». В то же время письмо еще раз подтверждает, что его автор — человек благородный и сильный, ни при каких условиях не остававшийся равнодушным к произволу и превыше всего ставивший интересы науки.

[17] ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, д. 104, л. 221.

П. Г. РОГОЗНЫЙ

«ПРЕД НАШИМИ ВЗОРАМИ СОВЕРШИЛСЯ СУД НАД ИСТОРИЕЙ»

(Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.)

5 марта 1917 г. новому обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову пришло анонимное письмо. Автор послания, именовавший себя «рядовым санитаром» Красного Креста, просил «обратить внимание на новую надвигающуюся опасность» — проповеди, звучащие с амвона церкви.[1]

По словам санитара, его жена с годовалым ребенком «сегодня» была в церкви Скорой Послушницы. Там пред причастием «миссионер, не знаю кто, говорил чрезвычайно обширную „черную” проповедь, на тему низложения правительства. Смысл был тот, что люди сейчас до того забылись, что, говоря словами Спасителя, „не знают что творят”». По словам анонима, проповедник перечислял заслуги павшей династии, говорил так страстно, «что в его голосе слышались слезы». В заключение своего письма санитар просил обер-прокурора не дать погибнуть «свободе нашей из-за прислужников старой власти <…> которые оскверняют свободу, и откуда с амвона Святого Храма?».

На следующий день обер-прокурор Синода направил «срочное» письмо временно управляющему Петроградской епархией епископу Вениамину (Казанскому). В нем В. Н. Львов сообщал о проповеди, в которой «восхваляются заслуги и деяния прежнего правительства», и просил расследовать обстоятельства, изложенные в письме рядового санитара.

Данная задача епископом была возложена на протоиерея Николая Удальцова, настоятеля Христорождественской церкви на Песках. Некоторое время спустя протоиерей рапортовал, что он со всей «скоростью, которая возможна <…> приходскому священнику», допросил настоятеля храма Скорой Послушницы и свидетелей, присутствовавших при произнесении данной проповеди. При этом выяснилось, что проповедь

[1] РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 304.

© П. Г. Рогозный, 2007

произносил не священник, а профессор Киевской Духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский,[2] являвшийся старостой храма и ученым секретарем Палестинского общества, в ведении которого и находился этот храм.[3] По словам протоиерея, его проповедь была произнесена в форме «живой импровизации».

В рапорте Удальцова содержалось и изложение причин, по которым данная проповедь «вызвала большое волнение. Так, профессор ничего не сказал в пользу свершившегося народной волей государственного переворота, изобразив, совершенно не соображаясь с требованиями момента, светлые стороны династии <…> Касаясь же народной расправы с городовыми <…> проповедник весьма некстати извинил их службой по долгу присяги <…> Говоря же о новой власти <…> сказал что власть должна быть от Бога, но при этом недостаточно ясно указал авторитет власти, уже признанной народом <…> и совершенно неуместно с церковной кафедры высказал некоторые сомнения в достижении Временным правительством порядка, при допущении (будто бы) им двоевластия в виде Совета рабочих и солдатских депутатов». После службы, сообщал Удальцов, около церкви собралась большая толпа, требовавшая ареста проповедника, и с этой целью послан в храм милиционер. «Однако более уравновешенным лицам удалось успокоить толпу, попросив их разойтись, так что к 2 часам дня волнение улеглось».[4]

Попытался протоиерей снять показания и с самого Дмитриевского, однако «неоднократные и настойчивые предложения учинить… запись деланных показаний он решительно отклонил», представив письменное объяснение. В своей записке Дмитриевский сообщал, что он принимает самое живое участие в жизни состоящего в ведении Палестинского общества Николо-Александровского храма, где состоит старостой и произносит проповеди уже в течение 5 лет. Объясняя причины произнесения им проповеди 5 марта, профессор писал, что он «был захвачен неожиданно нахлынувшей волной народного движения и потрясен до глубины души ужасными картинами слепого народного гнева…». По словам Дмитриевского, нашлись и «не вполне довольные моим словом…причем протестанты были все в солдатских серых шинелях», постоянные же его «слушатели высказывали лишь одно сочувствие». Непосредственно после произнесения проповедь была записана самим автором, и машинописный, заверенный подписью экземпляр был предоставлен протоиерею Удальцову.[5] (Дмитриевский при этом сказал, что

[2] А. А. Дмитриевский (1856—1929) являлся крупным ученым, историком-византинистом, членом-корреспондентом Петербургской АН с 1903 г. См.: *Михаил Арранц,* о. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 120—133.

[3] РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 308. Николо-Александровский храм располагался на углу Калашниковского проспекта и 2-й Рождественской улицы. В народе именовался церковью «Скорой Послушницы», по наиболее чтимой иконе. В 1932 г. храм взорван.

[4] РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 309.

[5] Там же, л. 311.

обладает отличной памятью, и проповедь была им записана фактически дословно.)

Однако протоиерей не ограничился объяснениями профессора, решив снять показания и с настоятеля храма и прихожан, находившихся в то время в церкви. Настоятель иеромонах Неофит, судя по его ответам, вполне сочувствовал мыслям, высказанным в проповеди Дмитриевского. По его словам, после окончания службы он был вызван в храм для объяснения по поводу проповеди. Объяснять ему пришлось перед представителями «общественности»: милиционером-студентом, неким вольноопределяющимся и солдатом Павловского полка. «Получив от меня должные разъяснения, три уполномоченных лица явились успокаивать возбужденных солдат, уже потребовавших автомобиль для ареста проповедника»,[6] — в заключение сообщал Неофит.

Другие свидетели рассказали и некоторые подробности произнесения самой проповеди. Так, например, присутствовавшая в то время в храме Серафима Варламова, 19 лет, рассказывала, что слушала проповедь с начала и до конца, произносивший ее был одет в стихарь, «говорил довольно возбужденно, но не по тетрадке, а импровизированно». По ее словам, проповедник призвал подчиняться правительству, но говорил, что сомневается в достижении порядка при действии крайних революционеров и «что в такое военное время слишком большие свободы солдатам по отношению к начальству». Запомнился ей и эпизод, когда проповедник говорил о надругательстве «над изображением Георгия Победоносца и над крестом, находящимся на государственном гербе и на коронах». Этот эпизод вспомнили еще несколько слушателей.

Так, солдат лейб-гвардии Павловского полка показал, что, «касаясь попрания народом Государственного герба, проповедник говорил о попрании Георгия Победоносца, а не упомянул о другом значении Государственного герба, как эмблемы бывшей царской династии». Впрочем, не все из допрошенных внятно помнили содержание проповеди. Кто-то отговорился тем, что слушал ее «не вполне внимательно», кто-то вспомнил, что на улице после выхода из храма собралась большая толпа. Однако протоиерей Удальцов проявил завидную дотошность следователя, сличив представленный Дмитриевским экземпляр проповеди с данными ему устными показаниями, и обнаружил, что в текст «не внесены многие подробности, важные для характеристики созданного проповедью настроения».[7]

Пришлось Удальцову второй раз посетить «заслуженного профессора». Действительно, показал Дмитриевский, «при перепечатке на машинке оказались опущены слова», которые касались расправы над полицейскими чинами, исполнявшими «слово присяги». На этот раз профессор более подробно осветил обстановку, сложившуюся в храме после произнесения проповеди. По его словам, сразу после произнесения слова, «когда я подошел к свечному ящику, передо мною вырос во-

[6] РГИА, ф. 796, оп. 86, от. 1, ст. 2, д. 48, л. 309.

[7] Там же, л. 310.

енный, задав мне вопрос: Вы ли произносили проповедь? Я ответил, я произнес. Вы знаете, какому правительству вы служите? Отлично знаю и против нового правительства не возражаю. На это военный мне заметил: пожалуйста, больше такие проповеди не произносите». После этого военный удалился из храма. «Остальное время, — сообщал Дмитриевский, — я посвятил исполнению своих обязанностей церковного старосты и оставался в храме». Далее один из служителей предупредил профессора: «Вас собираются арестовать, скройтесь. Я ответил, скрываться я не желаю и не могу, ибо всегда меня могут отыскать. За собой никакой вины не признаю, так как говорил то, что считаю необходимым для данного времени». Потом «появились в церкви какие-то военные люди, говорили с моими прихожанами, входили в алтарь, а около двух часов удалились из храма».[8] По словам профессора, «успокоению умов содействовали» и «объяснения» настоятеля храма иеромонаха Неофита. На данном показании расследование факта произнесения «контрреволюционной» проповеди завершилось.

Только 29 мая уже избранный петроградским архиереем архиепископ Вениамин направил отчет о расследовании данного случая обер-прокурору Синода. «Епархиальное начальство, — сообщал преосвященный, — рассмотрело обстоятельства данного дела и признало желательным проповеди с церковной кафедры <…> лицам светского звания, получившим высшее богословское образование. Постановило в предупреждении на будущие время жалоб, подобных настоящей, просить профессора Алексея Дмитриевского, чтобы он в своих проповедях с церковной кафедры не касался вопросов политических».[9]

В ответном послании обер-прокурор спешил предупредить столичного архиерея, что при повторении такого рода проповедей «вся ответственность за таковые пред гражданской властью всецело должна быть принята епархиальным же начальством».[10]

Следует отменить, что произнесение Дмитриевским 5 марта проповеди такой направленности является фактом почти исключительным. Настроения в среде высшего и особенно низшего духовенства были довольно радикальны и даже революционны, и с амвонов храмов и со страниц церковных изданий звучали совсем другие «песни» — о «проклятом самодержавии» и о «взошедшей заре свободы».[11] (Конечно, впоследствии многие, буквально благословлявшие революцию, уже через несколько месяцев будут слать ей проклятия.)

Показательна также резко отрицательная реакция Дмитриевского по поводу уничтожения и осквернения символов старой государственности. Данный процесс принял сразу после революции характер массового действа, что позволило современному исследователю говорить даже

[8] Там же, л. 324.

[9] Там же, л. 307—307 об.

[10] Там же, л. 303.

[11] О настроениях высшего и низшего духовенства после Февраля см.: *Рогозный П. Г.* «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 275—322.

о своеобразной «символической революции».[12] Обращает на себя внимание также довольно реалистичный анализ проповедником политической обстановки после свершившегося переворота. Революция воспринималась большинством населения как Пасха Христова и начало «светлого будущего». Причем это были отнюдь не обывательские настроения. Дмитриевский же, будучи человеком консервативных взглядов, не лишенным к тому же личных связей с членами царствовавшей фамилии,[13] явно не испытывал подобной эйфории, провидческой оказалось и его мысль об опасности установившегося двоевластия.

Только счастливым стечением обстоятельств можно объяснить то, что профессор не был арестован сразу по произнесении проповеди. Правда, избежав ареста, впоследствии ученый-историк мало чем рисковал, времена были еще не те. (Алексею Александровичу еще предстояло пережить и аресты и тюрьмы уже в Советской России.)[14]

Можно отметить, что епархиальное начальство явно затягивало следствие по данному случаю, несмотря на рвение следователя-протоиерея. В результате фактически оправдательный вердикт был вынесен в конце мая, уже в иной общественно-политической атмосфере.

[12] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции. СПб., 2001. С. 80.

[13] См, например: *Лобовикова К. И.* А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византинистики / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 241—255.

[14] Интересно отметить, что в 1922 г. А. А. Дмитриевский был арестован по делу об изъятии церковных ценностей. Ученого обвиняли не только в контрреволюционной агитации, но и в противодействии изъятию путем «дачи заключений об археологической ценности церковных вещей». См.: *Перчёнок Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы… Список репрессированных членов Академии наук // IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 160.

Приложение

«Слово в неделю крестопоклонную»[1]
<Проповедь профессора А. А. Дмитриевского>
Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят

Мы, возлюбленные братия и сестры, пережили ужасную, можно сказать, кошмарную неделю, и нам следует возблагодарить Бога, что, по особой Его милости к нам, грешным, эта безотрадная тяжелая неделя явилась предтечей настоящей великой крестопоклонной недели, когда каждому истинному сыну Православной церкви, с смущенной душой и сокрушенным сердцем, представляется счастливая возможность под сенью благословенного древа Животворного Креста Господня обрести себе желанное успокоение и отраду.

[1] «Крестопоклонная неделя» — третье воскресение Великого поста.

Пред нашими взорами совершился суд над историей и историческими эмблемами возлюбленного нашего отечества, подобный тому, который некогда претерпел Иисус Христос со стороны Своего же народа, взывавшего к Пилату «мы закон имам и и по закону должен есть умерети». Несмотря на великие чудеса и знамения, соделанные Им для Его слепцов, прокаженных и мертвецов, на с лишком трехлетние беспрерывные труды благовествования о наступлении Царства Божия, сопровождаемые чудесным насыщением алчущих, укрощением бури и т. п., Ему пришлось со стороны этого народа претерпеть заушения, оплевывания, биение по ланитам с издевательством. «Прорцы, кто есть ударей Тя», терновый венец, ложную багряницу и, наконец, позорную мучительную смерть на кресте, с которого по бесконечной Своей благости и безграничной любви к роду человеческому, среди ужасных страданий Он, однако, произнес к Отцу Небесному молитву всепрощения «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Невыносимо тяжелое зрелище представлял на наших глазах этот суд, когда наша родная история предавалась оплевыванию и поруганию, когда топтались в грязь эмблемы и символы нашей народной гордости, наших наследственных исторических прав, полученных нами, как единственная могущественная православная держава, хранительница и заступница святой веры православной, усвоившая нашему возлюбленному отечеству почетное имя «Святой Православной Руси».

В эти скорбные дни как бы исчезли воспоминания о лучших страницах нашей истории. Забыто, что Михаил Федорович получил державную власть из рук народа русского, наших предков, и воспринял ее при обстоятельствах крайне тяжелых для нашего отечества, потребовалась полнота власти для водворения порядка, расшатанного предыдущей тяжелой разрухой. И благодарение Богу, желание избранников народа — земского собора осуществилось: желаемый мир воцарился и открылись возможности нашего отечества выйти на путь первоклассной европейской державы.

Преданы забвению неустанные труды, принятые на себя ради блага и счастья нашей родины патриархом Филаретом, запечатленные долголетним пленом в коварной Польше, посягнувшей на чистоту нашей веры православной и целостность нашего государства.

Забытыми оказались имена: Петра Великого, создавшего в нашем отечестве флот, войско, водворившего науку и введшего Россию в семью европейских государств; Александра I, отразившего нашествие грозного врага на наше отечество в лице Наполеона и с ним дванадесяти язык, прошедшего с русским победоносным воинством до Парижа, водворившего всюду мир и почтенного в истории титулом «Благословенного»; Александра II, освободившего свой народ от цепей крепостного рабства, даровавшего ему гласный суд и уже готовившегося призвать даровитый русский народ к иным формам политической жизни,[2] и Николая II, осуществившего задушевную мысль своего деда и разделившего свою державную власть со своим народом в лице его лучших представителей в Государственной думе и освободившего свой народ от тяжкого недуга, разъедавшего благосостояние народное и губившего лучшие духовные силы этого народа, от порока, именуемого «зеленым змеем».[3] Все эти имена нашей истории на пространстве целых трехсот лет должны были бы сдержать жестокий гнев и предохранить от этого беспощадного издевательства, невольным свидетелем коих мы явились в эти скорбные дни.

[2] А. А. Дмитриевский имел в виду не осуществленный по причине гибели Александра II конституционный проект М. Т. Лорис-Меликова.

Справедливость подсказывает иметь в виду, что настоящие «деспоты» не говорят таким языком, каким говорит отрекающийся властелин огромного праведного достояния, унаследованного им по закону от целого ряда своих тружеников предков.

«Судьбы России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества, — писал Николай II в самую трудную минуту своей жизни, возвращая скипетр и корону народу, — подсказывает мне долг совести облегчить народу моему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы».[4] Здесь в каждом слове звучит горячая любовь и искреннее желание жертвовать всем дорогим и священным для отечества. Что же после всего можно сказать этому народу, кроме слов великого Крестоносца: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Ненависть народная дошла до попрания таких символов и эмблем нашего отечества, которые составляют гордость и славу народа и свидетельствуют о его державных исторических правах на знаменитую столицу Императора Константина Великого — Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы. Двуглавый орел в нашем государственном гербе принят к нам по наследию при царе Иване III, после его брака с Софией Палеолог, а помещенное на его туловище изображение Георгия Победоносца представляет герб древней России. Таким образом оскорбление, наносимое нашему государственному гербу, есть не только попрание и кощунство над чтимой русской святыней, но скажу даже более — является жестоким незаслуженным оскорблением нашей матери Святой Руси, всего ее славного тысячелетнего прошлого существования и народного драгоценного наследия.

В своем невежестве и злобной слепоте многие, впавшие в заблуждение, думали, что герб государственный есть герб династии, и в своем негодовании спешили стереть с лица земли все, что напоминает им прошлое. Увы, это прямое заблуждение. Герб Романовых иного вида и иных цветов. Но скажите по совести, ужели даже и этот последний герб заслуживает беспощадного самосуда и надругательства над ним, какому подвергся герб государственный? Здесь, пред лицом алтаря Господня, мы назовем лишь несколько имен и уверены, что никто из вас, воз-

[3] Имеется в виду так называемый сухой закон, введенный с начала Первой мировой войны.

[4] Цитата из манифеста об отречении Николая II не точна, возможно, А. А. Дмитриевской воспроизводил ее по памяти.

любленные братия и сестры о Господе, не откажет им в горячей любви и преданности нашему возлюбленному отечеству и что эти имена дороги каждому из нас. Великий князь Николай Николаевич, доблестно отстаивавший на Восточном фронте своей грудью более года честь Родины против натиска коварного врага — немцев и теперь со своими чудо-богатырями, совершающими изумительные подвиги храбрости, мужества и отваги на высотах Кавказа и Малой Азии; князь Олег Константинович, своей кровью и жизнью на поле брани в настоящей жестокой войне запечатлевший свою безграничную любовь к Родине, и великий князь Константин Константинович — краса и гордость нашей родной литературы — все они прикрывались одним и тем же гербом бояр Романовых. И здесь перед подобным огульным оплевыванием мы и можем только повторить слова Крестоносного Страдальца: «Отпусти им, Отче, не ведят бо, что творят».

В переживаемых нами тяжелых днях нельзя пройти молчанием потрясающих картин в судьбе тех, кого считали защитниками отжившего ненавистного, как ныне говорят, режима. Мы далеки от мысли оправдывать тех, кои пытались с оружием в руках рассеять взволнованную толпу.[5] Однако припомните, братия и сестры, каково было отношение к мытарям у еврейского народа, и, однако же, Иисус Христос нашел среди них иерихонского Закхея, пришел в его дом и побудил в назидание нам восторженно исповедовать свою духовное настроение нам так: «Господи, се пол имения моего дам нищим, аще кого обидех, воздам четверицею». В притче о мытаре и фарисее Господу угодно было указать нам пример сокрушенной смиренной молитвы мытаря в воздыхании. «Боже, милостив буди мне, грешному» — и сказал нам, что сей последний вышел из храма более оправданный, чем гордый, лицемерный фарисей. Взволнованная народная толпа пережитых кошмарных дней врывалась в жилища некоторых мытарей нашего времени, подвергая оскорблению их ни в чем неповинных жен и детей, разрушая и ломая их имущественное достояние и предавая его нередко огню, из которого, к стыду своему, многие предметы обстановки иногда и расхищала… И снова что можно сказать по поводу этих тяжелых картин расправы, кроме слов великого Крестоносца и Страдальца за нас грешных: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Свершилось. Мы по воле Провидения получили новую власть и веруем и исповедуем, как сыны Православной церкви, что «несть власти, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть». «Мною по слову Божью цари царствуют и сильные пишут правду».

Наша новая власть обещает нам блага мира, братство, равенство и золотую свободу, и мы должны верить ей и надеяться, что это и будет так. Но нас, сынов Православной церкви, смущает то обстоятельство, что эта новая власть допускает еще и неизвестную многомиллионному русскому народу власть «Совета рабочих и солдатских депутатов». Можно ли назвать ту семью благоустроенной, в которой ребенок, едва способный протянуть ложку к питательному сосуду, не признавал бы авторитета и власти своего отца, после того, как он покинет стол? Может ли быть признана нормальной школа, в которой ученик, ударяя своего учителя по плечу, говорил бы ему: «Товарищ, я урока учить не хочу, потому что, по-моему, он для меня бесполезен»? Итак, образовалось для данного времени как бы двоевластие. Не нужно забывать, что враг коварный стоит у ворот, и, чтобы победить его нам и вывести нашу многострадальную Родину на путь благоденствия и мирного жития, нам особенно ныне необходима единая и твердая власть.

Будем же, дорогие братья и сестры, молить нашего Спасителя, да укрепит и пошлет Он мудрость и силу нашему новому, Богом поставленному Правительству вывести нашу дорогую Родину на путь возвещенных нам благ, и прежде всего на путь победы над лютым врагом, а о честолюбцах, стремящихся к народовластию, мы будем молиться словами Крестоносца: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Возлюбленные братия и сестры, тяжела наша скорбь, велики и безмерны наши согрешения и словом и делом, но велико и наше счастье — видеть пред собою спасительный и Животворящий Крест Господень. В наступившую святую седмицу потщимся возможно чаще притекать под сень Его, чтобы в горячей молитве Божественному Страдальцу и с искренним покаянием в соделанных нами грехах обрести отраду и утишить «бурю сумнительных помышлений», памятуя всегда Его утешительный ободряющий призыв: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». На нашу пламенную молитву и на наше искреннее покаяние мы несомненно услышим с Креста слова Божественного Страдальца: «Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят».

Аминь.

Слово сие в неделю крестопоклонную 5 марта 1917 г. произнесено в храме Николо-Александровском, принадлежащем Палестинскому обществу, заслуженным профессором Алексеем Дмитриевским.

А. Дмитриевский

РГИА, ф. 797, оп. 86, от. 1, ст. 1, д. 48, л. 313—319.
Подлинник. Машинопись с рукописной правкой и автографом А. А. Дмитриевского.

[5] После данного предложения, при перепечатке проповеди на машинке, по словам А. А. Дмитриевского, оказалась выпущена фраза: «Извиняя их лишь слепым повиновением той власти, которой они по долгу присяги служили».

С. О. ВЯЛОВА

РУКОПИСИ ИЗ СИНАЙСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ЕКАТЕРИНЫ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ*

Библиотека монастыря Св. Екатерины на Синае — одна из древнейших монастырских библиотек. Она всегда была известна своими рукописными богатствами, собиравшимися на протяжении всего времени существования этого монастыря. Как отметил акад. Я. Н. Щапов, «удаленность монастыря от традиционных путей купцов и воинов, трудно преодолимая в средние века пустыня и крепость стен сохранили в нем многие христианские древности, погибшие в других культурных центрах».[1] Рукописи попадали сюда разными путями, но главным образом они вывозились из Константинополя и с Крита в XVI в. Славянские памятники начали появляться в монастыре намного раньше — еще с XII—XIII вв., «причем среди них в это время заметную роль играют тексты глаголические».[2] Однако по сравнению с большим количеством греческих и сирийских рукописей число славянских памятников невелико. Это богослужебные книги, четьи сборники, среди которых одним из интереснейших является Апостол-апракос с Месяцесловом XII в. Как таковая библиотека монастыря Св. Екатерины была организована только в 1734 г. архиепископом Синайским Никифором в книгохранилище около придела Иоанна Предтечи. Он «разложил в ней все рукописи по азбучному порядку, а лучшие из них отобрал и перенес в свою

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Средневековые глаголические тексты в истории хорватской письменности), проект № 05-04-04182а.

[1] *Щапов Я. Н.* Три дня в Синайском монастыре святой Екатерины // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 284. По сведениям, приводимым Н. Н. Розовым, монастырь не раз подвергался разграблению «многочисленными завоевателями»: «Нападали на монастырь и местные жители-кочевники. Монастырская братия откупалась в таких случаях деньгами, хлебными запасами, драгоценными сосудами и тканями, сохраняя тем самым существование монастыря и вместе с ним библиотеку, насчитывающую в настоящее время около 3,5 тыс. рукописей на 11 языках» (*Розов Н. Н.* Южнославянские рукописи Синайского монастыря // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. Л., 1961. № 2. С. 129).

[2] *Сперанский М. Н.* Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине // ИОРЯС. СПб., 1927. Т. 32. С. 52.

© С. О. Вялова, 2007

келью».[3] В настоящее время в библиотеке хранится около 4500 рукописей на разных языках, приблизительно 15 000 изданий.[4]

На Синае работали многие европейские ученые, которые и вывозили оттуда интересующие их манускрипты. В настоящее время многие рукописи этого хранилища и их фрагменты разбросаны по библиотекам городов разных стран: Лейпцига, Венеции, Лондона, Оксфорда, Вены и др.[5] Находятся они и в Санкт-Петербурге. В. Н. Бенешевич считал, что вообще «вплоть до второй половины XIX века история библиотеки Синайского монастыря есть, по преимуществу, история ее расхищения».[6]

Российская национальная библиотека обязана многим исследователям появлением в ее фондах материалов, происходящих из Синайского монастыря. Среди них рукописи славянские (в том числе и глаголические), сирийские, арабские, но главным образом греческие. Одни привезены архимандритом Порфирием (Успенским) (1845 и 1850) и архимандритом Антонином (Капустиным) (1870), другие — Константином Тишендорфом, профессором Лейпцигского университета, бывшим на Синае трижды: в 1844 г., в 1858 г., а в 1859 г. «на иждивении русского правительства» — и передавшего затем свою коллекцию греческих рукописей России. Среди русских ученых, приезжавших в Синайский монастырь в XIX—начале XX в. и от которых рукописи попали в петербургскую Императорскую Публичную библиотеку, были Н. П. Кондаков (1881), А. А. Дмитриевский (1888), В. Н. Бенешевич (1907, 1908 и 1911) и ряд других лиц.[7] Синайские рукописи были также приобретены и у А. И. Пападопуло-Керамевса, у В. Ягича.

Среди них А. А. Дмитриевский выделяет епископа Порфирия Успенского, архимандрита Антонина, академиков Н. П. Кондакова и Н. Я. Марра, профессора А. А. Цагарелли, В. Н. Бенешевича и других, которые «заслуживали бы со стороны Синайского монастыря <…> глубокой благодарности, так как именно им прежде всего обязан Синай действительным „сбережением исторического культурного наследия”

[3] Мнение о Синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет неполный, и весь Новый Завет с посланием святого апостола Варнавы и книгою Ермы архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1862. С. 23.

[4] *Беляков В. В.* Сокровища Синая. М., 2004. С. 117.

[5] «Достаточно бегло просмотреть ныне существующие уже описания рукописей всех лучших библиотек Европы и даже за океаном, чтобы убедиться, как и насколько „ревниво оберегали историческое культурное достояние” монастыри Афона и Синая. Большинство лучших рукописей этих библиотек, как показывают надписи и заметки на выходных листах рукописей, происхождения или афонского или синайского» (Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. Черновой автограф. [1924 г.] // ОР РНБ, ф. 253, А. А. Дмитриевский, № 188, л. 15).

[6] *Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей монастыря Святой Екатерины на Синае. СПб., 1911. Т. 1. С. 1.

[7] Наиболее полный список «Лиц, побывавших на Синае», трудов о Синайском монастыре и его библиотеке, в который вошли и все выявленные поездки русских паломников, деятелей культуры, ученых и проч. (до 1925 г.), приведен В. Н. Бенешевичем в работе «Памятники Синая археологические и палеографические» (Л., 1925. Вып. 1. С. VI—LX).

в обители чрез составление каталогов и обнародование их почтенных трудов».[8]

Архимандрит Порфирий и архимандрит Антонин первыми разобрали основную массу греческих и славянских рукописей монастыря. До того времени монахи относились к учету книг и рукописей без должного внимания. А. А. Дмитриевский, побывавший в монастыре много лет спустя — в 1888 г., еще так описывает подвальную комнату, «на полу которой в беспорядочной куче валялись обрывки, отдельные листы и цельные тетради из рукописей на различных языках VI, VII и позднейших веков. В бытность свою на Синае в 1888 году именно в этой куче я разыскал драгоценный Синайский Канонарь IX в., изданный на русском языке в семидесятых годах архимандритом Антонином и мною на греческом языке в „Описании литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока", Киев 1895, т. 1, стр. 172—221».[9]

Лишь «во второй половине XIX в. возникает мысль о том, что библиотека Синайского монастыря заслуживает внимания не только в качестве источника обогащения рукописями европейских книгохранилищ и должна быть охраняема от дальнейшего расхищения. Часть практического осуществления прямых выводов из этой мысли принадлежит главным образом русским ученым; впрочем, и высказана она ранее всего тем же русским ученым» — архимандритом Порфирием.[10] Архимандрит Порфирий и начал их подробное описание, а продолжил уже архимандрит Антонин, который более всех сделал для приведения в порядок этого рукописного богатства. Однако к его отъезду из монастыря пронумерованные им греческие рукописи вновь были перемешаны, но «мембраны большею частию уложены уже под крепкие затворы в сундуки, а прочия рукописи опять обречены стоять в библиотеке».[11] Уезжая, архимандрит Антонин с печалью отмечал, что неразобранной и неописанной оставалась еще масса погибающих фрагментов: «В синодике панагии книг конечно уже не было, но пол весь еще покрыт был обрывками листов, целыми листами, тетрадями и даже целыми книгами (б. ч. бомбицинными), до того съеденными сыростью, червем и мышами, а частию и огнем, что мы не решились вносить их в каталог. Думаю, что, рассортировавши все эти книжные отрепки, можно бы по ним составить каталог бывших когда-то книг, число коих оказалось бы верно не менее 100».[12] Экземпляр каталога греческих манускриптов архимандрит Антонин оставил в монастырской библиотеке. Однако В. Н. Бенешевичу уже в самом начале XX в. там его обнаружить не удалось. Второй экземпляр каталога хранился в Палестинском обществе, но только в конце XX в. он был выявлен членом-корреспондентом РАН И. П. Медведевым в фонде В. Н. Бенешевича в Архиве Академии наук. В настоящее время он готовится к опубликованию.

[8] Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в., л. 16 об.

[9] Там же, л. 15 об.

[10] *Бенешевич В. Н.* Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синаеджуванийского подворья (в Каире), описанные архим. Порфирием (Успенским) // *Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей монастыря... Т. 1 С. XV—XVI.

[11] *Антонин (Капустин)*, архим. Из записок синайского богомольца. Киев, 1872. С. 32 (3-й пагинации).

[12] Там же.

Первое общее описание греческих и 40 обнаруженных им славянских рукописей составил архимандрит Порфирий.[13] Описание это краткое и неполное, так как «краткость времени и слабость здоровья, к сожалению, не позволили» ему подробно рассмотреть Синайское книгохранилище.[14] Описал 38 славянских рукописей монастыря и опубликовал их Каталог уже архимандрит Антонин (Капустин) в своей работе «Из записок синайского богомольца».[15] Славянские рукописи библиотеки Синайского монастыря и известны, и описываются до сих пор под номерами этого Каталога. Архим. Антонин сообщал, что они, «вообще говоря, сохранились хорошо, несмотря на явное пренебрежение к ним, как иноязычным, местных властей. Они даже и хранятся не в панагии, а в библиотеке. Только глаголицы удостоивались чести лежать в сундуках».[16]

За свой поистине титанический труд ученые получали от синайских старцев фрагменты манускриптов, многие из которых были свалены в корзины и предназначались для выброса. Именно в таких корзинах и были обнаружены листы знаменитого греческого Синайского кодекса — Codex Sinaiticus IV в.,[17] Синайский Канонарь IX в. и др.[18] «Как изумительно небрежно и крайне неряшливо хранилось на Синае такое „драгоценное сокровище", как пресловутый „Codex Sinaiticus Petropolitanus", <…> достаточно взять в руки новое превосходное издание его в (факсимиле), сделанное в Оксфорде в 1922 году Helen and Kirsopp Lake. Чувство глубокого возмущения и ужаса объемлет всякого при виде тех ужасных следов вандализма, какие представляют начальные листы Синайской Библии, воспроизведенные с фотографической точностью в названном издании: от некоторых листов имеются лишь жалкие обрывки, некоторые имеют только боковые края, некоторые содержат один столбец вместо четырех, а некоторые даже полстолбца… и т. д.».[19] Помимо полученных в дар, некоторые памятники были у братии куплены. Нельзя не признать, что ряд рукописей был взят и без их ведома.

[13] Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1856. С. 209—242.

[14] Там же. С. 208.

[15] *Антонин (Капустин),* архим. Из записок синайского богомольца. С. 25—31 (3-й пагинации).

[16] Там же. С. 31 (3-й пагинации).

[17] Основная часть Синайского кодекса «лежала долгое время в келье у тогдашнего скевофилакса на полочке над дверью, и на нее ставились гостями его пустые чашки из-под кофе!» (*Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей… С. XVI, сн. 1).

[18] Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в., л. 15 об.

[19] Там же, л. 15 об.—16.

Хранились рукописи в монастыре в нескольких местах. Наиболее ценные — в ризнице и в библиотеке — зале, «над дверьми которого читалась, — вспоминает Н. П. Кондаков, — надпись: — лечебница души. <…> Эта мнимая лечебница есть знаменитая библиотека рукописей, тот богатейший склад древних пергаменных кодексов, к которому уже с XVI в. устремляются один за другим исследователи, палеографы и библиоманы Европы. Венецианская библиотека *Марциана* обогатилась из этого склада, а наша Публичная библиотека украсилась из него дивным *Синайским кодексом* Евангелий, который <…> драгоценность, можно сказать, величайшая».[20]

Codex Sinaiticus — эта единственная в своем роде греческая рукопись IV в. — находилась в Императорской Публичной библиотеке более полувека. Из монастыря она была привезена К. Тишендорфом, который сообщал из Каира в марте 1859 г.: «Рукопись эта — есть драгоценнейшее литературно-научное сокровище, сохраненное Провидением для Христианского мира и долженствующее, по полноте заключающегося в нем Нового Завета, занять первое место среди всех имеющихся памятников Священного Писания».[21]

Сначала Тишендорф получил ее в Синайском монастыре во временное пользование для издания, которое он и осуществил осенью 1862 г. Заручившись согласием синайских старцев, Тишендорф передал кодекс императору Александру II, и он хранился в Санкт-Петербургском государственном архиве. Затем в декабре 1868 г. кодекс был передан на хранение в Императорскую Публичную библиотеку.[22]

Краткое описание памятника сделал для отчета о новых поступлениях в Публичную библиотеку А. Ф. Бычков: «Синайская Библия, как одна из древнейших до нас дошедших рукописных Библий, является драгоценным памятником для исследователей и ученых издателей библейского текста, тем более еще, что она есть *единственная*, которая заключает в себе полный текст Нового Завета и чрезвычайно редко встречающиеся послание Варнавы и отрывки „Пастыря", написанного Гермасом, который считается учеником св. апостола Павла».[23]

В ту пору даже наиболее ценные памятники в «Депо манускриптов» — так тогда назывался Отдел рукописей Публичной библиотеки — не заключались в сейфы, а лежали на специальных почетных местах: «Синайская рукопись помещена в Библиотеке на особо устроенном аналое, в той же зале, где находится, на таком же аналое, древнейший памятник славянской письменности, Остромирово Евангелие», — написано в отчете А. Ф. Бычкова.[24] Сейчас на одном из этих «аналоев» находится факсимильное издание Остромирова Евангелия (подлинник хранится в сейфе), а другой — пустует.

[20] *Кондаков Н. П.* Путешествие на Синай в 1881 г. Одесса, 1882. С. 40.

[21] ОР РНБ, ф. 380, М. А. Корфа, № 46, л. 2.

[22] Дело о передаче в Императорскую Публичную библиотеку рукописи Синайской библии: Отдел архивных документов РНБ, ф.1, оп. 1, 1868, № 26, л. 1—4. Во что обошелся кодекс России, см. Приложение.

[23] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 225.

[24] Там же. С. 229.

В декабре 1933 г. за 100 000 фунтов стерлингов драгоценную греческую Библию IV в. у советского правительства приобрел Британский музей, и с 1934 г. она хранится там под шифром Add. 43725.[25] Как воспоминание в РНБ осталось «роскошное издание» этого кодекса, «сделанное Тишендорфом на иждивении нашего правительства, в Лейпциге, которое заключается в 4-х томах и напечатано шрифтом, подходящим к почерку подлинника. В издании этом Библия названа Петербургскою».[26] «Codex bibliorum Sinaiticus Petropolitanus, спасенный из мрака под покровительством Его Императорского Величества императора Александра II, доставленный в Европу и изданный к вящему благу и славе христианского учения трудами К[онстантина] Т[ишендорфа]».[27]

Помимо воспоминания в Отделе рукописей хранятся несколько фрагментов этого памятника, три из которых, составляющие два листа из Книг Бытия и Чисел, попали сюда с собранием архимандрита Порфирия.[28] Их он обнаружил в Каире в библиотеке, принадлежащей Синайскому монастырю, среди «Синае-Джуванийских рукописей, кои Тишендорф не удостоил вниманием своим <…> на переплетных досках одной книжицы внутри усмотрел два обрезка той самой Библии, которая передана Тишендорфу для печатания. Они приклеены были к ней сургучем для обложки ея. Это сделал переплетчик, но когда, неизвестно. Я осторожно отклеил их и взял себе для присоединения к самой рукописи. Эти обрезки очень малы <...> На обоих обрезках заметны исправления текста. Почерк их совершенно сходен с почерком всей Синайской Библии. Эта нечаянная находка дала мне повод подумать еще раз о судьбе сей Библии. Явно было, что она издавна находилась в большом пренебрежении и даже была подмочена и запачкана, что доказывают большие пятна и черноты на хранящихся у меня отрывочках ея. Явно было, что Синаиты не берегли ее, может быть и потому, что не имели доверия к тексту ея. Думаю, что растрепавшиеся листки ея употреблены были на переплеты прочих рукописей ранее 1734 года, в который Синайский архиепископ Никифор устроил библиотеку внутри обители своей», — сообщает архим. Порфирий.[29] Присоединены ко всему корпусу кодекса они не были и остались в собрании Порфирия, с которым и поступили в библиотеку. Один лист кодекса (Книги Бытия) попал в библиотеку с материалами К. Тишендорфа.[30] И, кроме того, в 1950 г. лист (фрагмент «Пас-

[25] The codex sinaiticus and the codex Alexandrinus. London, 1950. P. 11—12, а также о кодексе см.: New Documents on Constantine Tischendorf and the Codex Sinaiticus I. Byzantinum and Slavs. Harvard; Napoli, 1991. P. 187—227 и др.

[26] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1868 г. С. 228—229.

[27] Надо отметить, что в издании В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (СПб., 1884—1887) на л. 120 приведены пять (№ 1—5) изображений инициалов из книг пророков Захарии, Исайи и Авдея Синайского кодекса.

[28] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 259.

[29] Мнение о Синайской рукописи... С. 26—28.

[30] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 2.

тыря» Гермы) был обнаружен в Отделе рукописей хранящимся вместе с листком так называемого Мирославова Евангелия XII в. (F.п.1.83) из собрания архим. Порфирия.[31] В. Н. Бенешевичем описан еще один лист Синайского кодекса, содержащий отрывок текста Книги Юдифи.[32] Это был «„дар лица, пожелавшего остаться неизвестным" (из доклада М. В. Помяловского в Обществе Любителей Древней Письменности)».[33]

Исследователь греческих рукописей Е. Э. Гранстрем подчеркивает, что «собрание греческих рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде составляет приблизительно половину всех греческих рукописей, находящихся в Советском Союзе»,[34] и из них значительное количество происходит с Синая.

Более всего от ученых (главным образом архим. Порфирия, А. А. Дмитриевского, Н. П. Кондакова, К. Тишендорфа и др.) в библиотеку из Синайского монастыря попало фрагментов греческих кодексов — от одного до нескольких листов, — и даже сборники от VII до XVIII в. Наиболее древними после фрагментов Синайского кодекса IV в. являются отрывки двух папирусных кодексов V в. (17 л. фрагментов Первого послания ап. Павла к коринфянам), четыре фрагмента которых хранятся и на Синае.[35] Среди сборников особое место занимает выделенная архимандритом Порфирием как «неведомое миру сокровище: это большая рукопись греческая, принадлежавшая какому-то Исааку Месопотаму. Она написана на хлопчатиковой бумаге…».[36] Архим. Порфирий рукопись (150 л.) эту привез: «Драгоценнейшая рукопись Исаака Месопотама, о которой упоминалось в первом путешествии моем, взята мною для напечатания».[37] Основное ее содержание — собрание писем иерарха греческой церкви Иоанна Апокавка.[38] Фрагменты содержат отрывки библейских текстов (Ветхого и Нового Заветов: Псалтири, Деяний апостолов и др.), триоди постной, стихирарей на крюках, ирмология на крюках, миней, патериков, часословов, октоихов, а также фрагменты Иерусалимского типикона, творений Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Филофея патриарха Константинопольского. Кроме того, два листа текста VIII в. из «Андромахи» Эврипида. Здесь и сборник полемических сочинений против латинян в тисненом

[31] Там же, Греч. 843.

[32] ОР РНБ, ОЛДП, О.156; *Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей… С. 639—642.

[33] *Лопарев Х.* Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. СПб., 1899. Ч. 3. № CLVI. С. 174

[34] *Гранстрем Е. Э.* Греческие рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды ГПБ. Л., 1957. Т. 2. С. 211.

[35] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 258.

[36] Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. … С. 211.

[37] Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 г. архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1850. С. 240.

[38] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 250. Сборник подробно описан: *Васильевский В. Г.* Описание Порфирьевского сборника византийских документов (Греч. CCL) // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885. Приложение IV. С. 1—30.

кожаном переплете.[39] На ряде фрагментов есть пометы архим. Порфирия с указанием, из какой синайской рукописи был данный лист изъят. Среди датированных рукописей его собрания таких фрагментов 27.[40] Среди греческих памятников есть ряд и так называемых музыкальных рукописей.[41] Это то, что касается рукописей греческих.[42]

Из наиболее известных славянских рукописей в РНБ из Синайского монастыря надо назвать Псалтирь с гадательными приписками, так называемую «Бычковскую псалтирь» XI в., попавшую сюда с собранием А. Ф. Бычкова (9 л., основная же часть кодекса — 135 л. — находится в Синайском монастыре).[43] Евангелие тетр — так называемое «Добромирово евангелие» XII и XIV вв., 196 л. — один из старейших памятников болгарского языка, купленное у И. В. Ягича в 1899 г. (часть его — 23 л. — хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае, № 42 и 2 л. в Национальной библиотеке Франции в Париже — Slav., № 65).[44] Под двумя шифрами хранятся один лист Часослова XIII в. из собрания архим. Порфирия[45] и 230 л., приобретенных у И. В. Ягича.[46] Приобретенный у И. В. Ягича же отрывок Канонника XIV в. содержит Каноны воскрес-

[39] См.: ОР РНБ, ф. 906. Собрание греческих рукописей. Опись (здесь о синайском происхождении рукописи указано в № 2, 12, 15, 52, 144, 158, 260, 262, 267–269, 272, 274, 278, 281, 283, 286, 288, 289, 291, 297, 308, 313, 320, 330, 335, 343, 350, 356, 357, 360, 362, 363, 366, 367, 371, 381, 390, 391, 396, 405, 413, 414, 424, 426, 449, 450, 451, 492, 497, 500, 585, 843); Указатель рукописей и рукописных отрывков Синайского происхождения, находящихся в разных библиотеках // *Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей... С. 605—642. Здесь В. Н. Бенешевич приводит 75 рукописей РНБ, происходящих из Синайской библиотеки. В другой, более поздней работе он перечисляет уже 82 такие рукописи, см.: ОР РНБ, ф. 906, Греч. 893. *Бенешевич В. Н.* Предисловие к каталогу греческих рукописей Гос. Публичной библиотеки. Машинопись. 1934—1937 гг. С. 10—13 (2-й пагинации). См. также: *Benechevitch V.* Les mss grece du Mont Sinaï. Athenes, 1937. Chap. III.

[40] См.: *Ернштедт В. К.* Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885. Приложение II. С. 1—21.

[41] *Герцман Е. В.* Греческие музыкальные рукописи Петербурга. СПб., 1996. Т. 1. С. 48 (№ 2), 51 (№ 4), 53 (№ 5), 57 (№ 7), 60 (№ 10), 66 (№ 14), 117–119 (№ 23), 157 (№ 31), 159 (№ 60), 161 (№ 33), 164—165 (№ 35) и др.

[42] Здесь можно вспомнить пожелание, высказанное В. Н. Бенешевичем: «Преосвященный Порфирий (Успенский) для составления сборника своей „Славяно-греческой палеографии" вырезал из рукописей много листов, имея в виду впоследствии издать альбом снимков из них. Было бы весьма желательно осуществить со временем эту мысль еп. Порфирия во всей широте, тем более, что, благодаря воспроизведениям, оказалось бы возможным гораздо точнее, чем это отчасти сделано уже теперь А. И. Пападопуло-Керамевсом <…> и мною <…> пополнить пробелы в рукописях и установить происхождение отдельных рукописей в разных библиотеках Востока и, главное, Запада» (*Бенешевич В. Н.* Памятники Синая археологические и палеографические. СПб., 1912. Вып. 2. Предисловие (без указания страниц)).

[43] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.73; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 28.

[44] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.55; Сводный каталог… № 71.

[45] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.38. См.: Сводный каталог… № 321.

[46] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.57. См.: Сводный каталог… № 322. Этому часослову посвящена работа: *Слива Е. Э.* Славянские часословы XIII–XIV вв. монастыря святой Екатерины на Синае // Вторые Димитриевские чтения: Материалы научной конференции 9—10 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 3–13.

ные Пресвятой Троице (восемь глав), Акафист Пресвятой Богородице, стихиры и др. Частями сборника XII и XIII вв., содержащего требник, Пандекты Никона Черногорца, отрывки житий, бесед, слов и апокрифы среднеболгарского извода с русизмами, являются находящиеся в РНБ 119 л. (под тремя шифрами) так называемого «Синайского палимпсеста», о котором будет сказано в связи с греческими палимпсестами. Часть палимпсеста представляют собой листы, где по смытому греческому — на одних (Греч. 70) и кириллическому — на других (ОСРК, Q.п.I.63) написан текст среднеболгарский и на отдельных листах древнерусский. На части листов рукописи кириллический текст нанесен на смытый глаголический (ОСРК, Q.п.I.64).[47]

В каталог славянских рукописей Синайского монастыря архим. Антонина включены под № 37 и 38 описания двух глаголических рукописей XI в.: Псалтири и Евхология (у Антонина ошибочно обе рукописи определены как Псалтири).[48] В Россию попали 4 л. глаголического Евхология, описанного архим. Антонином в его каталоге под № 37. Лист, привезенный в 1853 г. спутником архим. Порфирия Н. П. Крыловым, поступил в Библиотеку РАН с собранием И. И. Срезневского. Он содержит молитву на вход в храм и начало молитвы «целующие крест».[49] Два листа этого кодекса были привезены уже самим Порфирием и в составе его собрания попали в Публичную библиотеку в 1883 г. Они содержат молитву «при совершении даров», заключительную молитву и часть молитвы на предложение хлеба.[50] В свою очередь Н. П. Кондаков привез из монастыря в 1881 г. и в 1885 г. передал в дар библиотеке один лист «Синайского Евхология», содержащий отрывок чина братотворения (л. 10 синайской части).[51]

Долгое время эти фрагменты вызывали столкновения мнений исследователей: одни их считали частями двух разных рукописей — «Синайского служебника» и «Синайского Евхология»,[52] другие же — частями одной рукописи — «Синайского Евхология».

Последнее фундаментальное исследование глаголических рукописей Синайского монастыря было начато вскоре после обнаружения в монастырском тайнике как ряда новых славянских рукописных книг, так и многих недостающих листов кодексов уже известных, в том числе глаголических. Исследователь этих вновь обретенных памятников профессор Фессалоникского университета, президент университетского Центра византийских исследований, генеральный секретарь греческой ассоциации по славистике Иоаннис Тарнанидис сообщает, что потаенным местом, где в безопасности сохранялось это драгоценное наследие, являлся склеп церкви Св. Георгия во внутренней части монастырской стены, открытый в 1975 г. при проведении там ремонтных работ.[53]

Профессор И. Тарнанидис работал в библиотеке Синайского монастыря в 1981—1984 гг., и результатом его исследований явился фундаментальный труд «Славянские рукописи, открытые в 1975 году в монастыре Св. Екатерины на горе Синай».[54] На основании исследований И. Тарнанидиса окончательно установлено, что все четыре глаголических фрагмента петербургских хранилищ (РНБ и БАН) являются листами одной рукописи — «Синайского Евхология». И. Тарнанидисом выявлены и описаны еще 28 л. этого памятника. Теперь из 298 л., из которых, по подсчетам исследователей, должна состоять рукопись, известны 137: 133 л. в библиотеке монастыря св. Екатерины (105 л. описаны архимандритом Антонином под № 37 и 28 л. вновь обретенных описаны И. Тарнанидисом) и 4 л. в Петербурге.

Помимо греческих и славянских памятников синайского происхождения, в РНБ есть грузинские, сирийские, арабские и коптские рукописи, также происходящие из монастыря св. Екатерины. Так, среди грузинских памятников хранятся 2 л. из Псалтири VIII—IX вв., написанной на папирусе.[55] Эту рукопись архимандрит Порфирий обнаружил в свой второй приезд в монастырь среди «старинных рукописных книг», которые лежали «на потолке придела Св. Козьмы и Домиана».[56] «Эту замечательную рукопись, найденную на потолке одного придела церковного, я передал ризничему о. Виталию для хранения в особом месте, взяв себе два листка».[57] В собрании Порфирия находилась и грузинская рукопись «Житие св. Иоанна Златоуста» «писанное в 968 г. по Р. Х. (то есть грузинскаго хроникона 188 году) в монастыре св. мученика Харитона, на Синае, Иоанном Сапарели, по желанию иеро-

[47] Сводный каталог… № 166, 304 и 305. Два листа сборника находятся в Библиотеке РАН (Сводный каталог… № 306) — отождествлены В. М. Загребиным (81 л. памятника хранится на Синае, Sin. Slav. MS № 34).

[48] *Антонин (Капустин)*, архим. Из записок синайского богомольца. С. 31 (3-й пагинации).

[49] Сводный каталог... № 34.

[50] ОР РНБ, Глаг. 2; Сводный каталог… № 35.

[51] ОР РНБ, Глаг. 3; Сводный каталог… № 36.

[52] В «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв.» эти фрагменты именно так и описаны.

[53] Здесь можно вспомнить, что архим. Антонин упоминает о найденных также замурованных в монастырском тайнике, но «арабско-сирских» рукописях: «Замуровка книг произошла в незапамятные времена, и, как говорят, о тайной книжнице долгое время никто ничего не знал и даже не подозревал. Когда и по какому случаю книги были выняты из стены и поставлены (читай: положены) в соседнюю комнату, где и теперь находятся, я не мог получить положительных сведений, — пишет он. — А нет ли и еще где-нибудь в монастыре подобной же, никому неизвестной книжной скважни?.. Мне все почему-то смутно верится, что потомству нашему предстоит радость напасть в более или менее отдаленных временах не на одну такую заветную диру» (*Антонин (Капустин)*, архим. Из записок синайского богомольца. С. 33 (3-я пагинация)). И он не ошибся. Через 100 лет был размурован очередной тайник, на этот раз со славянскими рукописями.

[54] *Tarnanidis C. Ioannis.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975. at st. Catharine's monastery on mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

[55] ОР РНБ, ф. 911, Груз. Н, с. 10. Описание: *Vasilyeva O.* Georgian Psalter // In the Beginning: Bibles before the year 1000. Washington, 2006. P. 275—276.

[56] На этом потолке оказались «Глаголическая псалтирь, писанная на пергамине мелким почерком, в осьмую долю листа, без начала и конца, и псалтирь Грузинская, писанная на папирусе, в четвертую долю листа, также не целая, но весьма древняя» (Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 г. ... С. 163).

[57] Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб., 1896. Т. 4. С. 57—58.

монаха того же монастыря Михаила Панаскертели»[58] (257 л.). Однако в 1923 г. по постановлению правительства СССР она была, с рядом других грузинских рукописей, передана в Грузию.[59] Палимпсест, где грузинский текст X в. написан по смытому греческому тексту, хранится среди греческих памятников.[60] Отрывок из Евангелия VII—VIII вв. коптского унциального письма был привезен с Синая Н. П. Кондаковым.[61]

В собрании сирийских манускриптов находятся фрагменты, привезенные с Синая в 1859 г. Тишендорфом. Так называемая «Новая серия» сирийских рукописей РНБ состоит из 29 рукописей, из них 12 привезены «Тишендорфом из двух его поездок на Восток, большая часть его приобретений была им сделана на Синайском полуострове».[62] Сборник агиологических сочинений и легенд VI в. (№ 4) с записью-автографом о значении рукописи исследователя Райта (W. Wright). Можно предположить, что это: 43 л. с текстами Евангелий от Матфея, Марка и Луки IX—X вв., написанных почерком ранненесторианского типа (№ 5), пергаменный лист с 20-й главой Деяний апостолов, написанной эстрангелой (VI—VII вв.) (№ 6), бумажный лист, содержащий отрывок из литургической книги, написанный скорописью мелкитского типа (№ 7), фрагмент листа, содержащего 24-й и 25-й псалмы, написанные несторианским почерком (№ 9), два пергаменных листа, содержащих фрагменты жития Петра Мытаря и Анастасии, написанных почерком мелкитского типа (№ 14), бумажный лист из сочинения Моисея Бар Кефы, написанного скорописью монофизитского типа (№ 15), 129 л. пергамена — палимпсест, содержащий библейские фрагменты (верхний слой — на грузинском языке, нижний — сирийско-палестинский и сирийский текст, написанный эстрангелой) (№ 16), 57 л. пергамена — палимпсест (верхний слой — лекционарий, написанный мелкитским почерком, нижний — с текстом I и II Книг Царств, написанным эстрангелой VI в.) (№ 17).[63] Один лист пергамена (2 части) с текстом псалмов 123 и 124,[64] написанным архаичным сиро-палестинским почерком, Н. В. Пигулевская уже без сомнения называет привезенным Тишендорфом с Синая в 1859 г.[65]

Среди сирийских памятников также хранится бумажная рукопись (№ 22) мелкитского почерка XIV—XV вв. — Требник (339 л.) из собрания архимандрита Порфирия. На его первом листе по-арабски есть типичная вкладная запись: «Сия благословенная книга завещана церкви Синайского монастыря, и кто вынесет ее оттуда или вырвет из нее лист, тому врагом будет Богоматерь и судьба его будет одинакова с судьбою Иуды Искариотского».[66]

На одном из двух листов арабской рукописи христиано-богословского сочинения XII в. (Воззвание к Богу), написанной магрибинским почерком, помета архимандрита Порфирия: «Sinai».[67] Судя по ней, листы принадлежали рукописи Синайской библиотеки (описаны в рабочем каталоге арабских рукописей, подготовленном В. В. Лебедевым). В том же собрании арабских рукописей находится минея служебная на сентябрь—ноябрь (332 л.), написанная на бумаге почерком мелким насхом в 1611 г. в Синайском монастыре монахом Абдаллах Хури ибн Исой (собрание Антонина)[68] (описана в рабочем каталоге В. В. Лебедева). Среди греческих рукописей интерес представляет фрагмент, о котором необходимо сказать в связи с арабскими памятниками. Это 3 л. Евангелия от Матфея VIII в. с параллельными греческим и арабским текстами с пометой на одном из них архимандрита Порфирия — «Sinaï».[69]

В этом крупнейшем монастырском центре, каким всегда являлся монастырь Св. Екатерины на Синае, была не только знаменитая иконописная мастерская, не только мастерская письма (каллиграфического и златописного), но и мастерская по выделке пергамена. Здесь также переписывалось по смытому тексту большое число рукописей (как греческих, так и арабских, грузинских и славянских). Таким образом возникли славянские и грузинские рукописи X—XIII вв., написанные на смытых греческих текстах V—VII вв.[70]

В Отдел рукописей «первые палимпсесты поступили <…> в середине XIX в. в составе собрания К. Тишендорфа, приобретшего их на Синае».[71] Теперь здесь хранится наибольшее число из всех находящихся в хранилищах России палимпсестов, и большее их число происходит из Синая. Прежде всего, это привезенные из монастыря Св. Екатерины палимпсесты греческих рукописей собраний архимандрита Порфирия, К. Тишендорфа,[72] А. И. Пападопуло-Керамевса. Среди них наиболее

---

[58] «Грузинские рукописи, переданные ГрузССР в 1923 г. ОР РНБ»: ОР РНБ, ф. 911, Груз. Н, с. 36, л. 8.

[59] См.: Там же.

[60] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 19.

[61] ОР РНБ, ОЛДП, О.150 (1924). Н. П. Кондаковым с Синая были привезены и фрагменты греческих рукописей (ОЛДП, О.149 (1923), О.151 (1926), О.152 (1925), О.153 (1927)). См.: *Лопарев Х.* Описание рукописей... С. 171—173.

[62] *Пигулевская Н. В.* Каталог сирийских рукописей Ленинграда // Палестинский сборник. М.; Л., 1960. Вып. 6 (69). С. 3.

[63] Там же. С. 26—27, 55, 195, 143, 133, 14 и 92—94.

[64] На смытом сирийском тексте несколько строк текста греческого: ОР РНБ, ф. 906, Греч. 119.

[65] См: *Пигулевская: Н. В.* Каталог сирийских рукописей Ленинграда. С. 21.

[66] ОР РНБ, ф. 927, Сир. Н, с. 22. См.: *Пигулевская Н. В.* Каталог сирийских рукописей Ленинграда. С. 176—180.

[67] ОР РНБ, ф. 907, Ар. Н, с. 294; Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. С. 168—169, № 2.

[68] ОР РНБ, ф. 907, Ар. Н, с. 250; Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1899 г. С. 69—70, № 28.

[69] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 281.

[70] *Гранстрем Е. Э.* Палимпсесты Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // ВВ. М., 1960. Т. 17. С. 80.

[71] Там же. С. 78.

[72] «Плодом поездки проф. Тишендорфа на Синай в 1859 году были для России новый транспорт рукописей цельных и в отрывках (из них 12 палимпсесты) на разных языках и якобы открытие им на Синае „драгоценного учено-литературного сокровища" — синайской Библии 5 в., хорошо известной с 1845 года нашему путешественнику арх. Порфирию и даже кратко им научно описанному в его книге „Первое путешествие в Синайский

известен так называемый Синайский палимпсест XIII в. — сборник (119 л., Тишендорф, 1859 г.) с позднейшим (по смытому греческому X—XI вв. и славянскому XI—XII вв.) текстом бесед и апокрифов славянского, болгарского и русского изводов.[73] Надо назвать и 7,5 л., на которых был первоначально «написан коптский текст, уничтоженный в XIII в., монахом Синайской горы, для переписи греческого Евангелия, расположенного по дням» (Тишендорф, 1858 г.),[74] отрывки Евангелия от Матфея, Посланий апостолов (Первое к коринфянам, к Тимофею), Деяний апостолов, Беседы богословской, неустановленного богослужебного текста — фрагменты кодексов V в., а также Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки VI в. Рукописи, где смытый греческий текст в X в. покрыт грузинским и другими текстами. Выделим еще палимпсест (8 л.), привезенный с Синая К. Тишендорфом, где по смытому глаголическому тексту написан текст кириллический (болгарский?).[75]

К. Тишендорф пополнил также количество славянских памятников Публичной библиотеки, происходящих из Синайского монастыря, привезя оттуда несколько палимпсестов. Среди них наиболее известен так называемый «Синайский палимпсест» XII—XIII вв. — сборник (119 л., Тишендорф, 1859 г.), содержащий требник, Пандекты Никона Черногорца, отрывки житий, бесед и слов и апокрифы, славянский текст которого написан по смытому греческому X—XI вв. и славянскому XI—XII вв.[76] Он является частью сборника, основная часть которого (81 л.) хранится на Синае в монастыре Св. Екатерины (Sin. Slav. MS № 34). Кроме того, фрагментами этого же сборника являются: отрывок «Сборника житий, бесед, слов, апокрифов» (6 л.), где нижний и верхний тексты кириллические,[77] и другой отрывок (8 л.) «Сборника житий, бесед, слов, апокрифов», где глаголический текст XII в. записан кириллическим XIII—XIV вв., являющийся продолжением предыдущего сборника.[78] С Синайским сборником Sin. Slav. MS № 34 рукописи РНБ, Q.п.I.63, Q.п.I.64 и Греч. № 70 отождествлены В. М. Загребиным.[79]

Интерес представляют также и фотокопии, которые принадлежали В. Н. Бенешевичу и от него попали в библиотеку. Среди них особенно

монастырь в 1845 г.”. СПб., 1856, стр. 225—238» (Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в., л. 3).

[73] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 70. Подробно о нем: *Гранстрем Е. Э.* Палимпсесты в греческих рукописях Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Actes du XIIe Congres International des Etudes Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. C. 548—549 (VI).

[74] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1858 г. СПб., 1859. С. 24.

[75] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I, № 64.

[76] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 70. Подробно о нем: *Гранстрем Е. Э.* Палимпсесты в греческих рукописях... С. 548—549 (VI). (Сводный каталог… № 166. С. 185—187).

[77] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.63 (Сводный каталог... № 304. С. 276).

[78] ОР РНБ, ОСРК, Q.п.I.64 (Сводный каталог... № 305. С. 276—277).

[79] *Загребин В. М.* О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая // Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования. Обзоры. Публикации): Сб. науч. трудов. Л., 1979. С. 61—80. Здесь же даны и подробные описания этих фрагментов.

важна фотокопия (347 л.) Тактикона Никона Черногорца, хранящейся на Синае рукописи XIII—XIV вв.[80]

В собрании архимандрита Порфирия хранится такой своеобразный материал, как сделанные им прориси (или кальки). В кратком составленном им самим каталоге архимандрит Порфирий так охарактеризовал этот материал: «Образчики разновекового книжного письма, греческого, славянского, грузинского и частию сиро-арабского, на папирусе, пергамине, бомбицине и бумаге, с показанием на них названий рукописей и годов появления их». Фрагменты эти взяты им из «монастырей Савинского, Синайского и Афонорусского, и письма Сирского из монастыря Святогробского, наклеенные на листах».[81]

В этом собрании есть и кальки с ряда греческих рукописей XI в. Синайской библиотеки. Среди них 7 л. «Златописного синайского Евангелия» и ряд прорисей «в цвете» из этой же рукописи: изображения Спасителя, Божьей Матери, четырех евангелистов и преп. Петра Галатийского. Кроме того, 9 л. прорисей из Псалтири, «писанной монахиней Кассиею», 11 прорисей из известной Синайской рукописи Козьмы Индикоплова (астрономические чертежи и рисунки, а также географические карты); из синайского сборника 1242 г. (глобус) и слов св. Иоанна Златоуста XIV в.[82]

Подобный материал есть и у Н. П. Кондакова в единице хранения «Палеографические снимки Синайских рукописей Н. П. Кондакова».[83] В нее вошли листы с изображениями инициалов из греческих, славянских (в том числе глаголических) рукописей, а также прориси на кальке фрагментов текстов и отдельных рисунков, главным образом греческих и славянских и рукописей Синайского маонастыря.

Все перечисленные рукописи входят в состав следующих фондов ОР РНБ: ф. 906, Собрание греческих рукописей; ф. 536, Общество любителей древней письменности (ОЛДП); ф. 550, Общее собрание рукописной книги (ОСРК); ф. 907, Арабские рукописи. Новая серия; ф. 927, Сирийские рукописи. Новая серия; ф. 911, Грузинские рукописи. Новая серия. Глаголические фрагменты «Синайского Евхология» находятся в составе так называемого Собрания глаголических рукописей, ф. 185 (Глаг. 2 и Глаг. 3).

РНБ владеет также 45 микрофильмами. В 1950 г. экспедиция библиотеки Конгресса США под руководством К. Кларка на Синай сделала в библиотеке монастыря Св. Екатерины микрофильмы со многих рукописей, и микрофильмы южнославянских рукописей по обмену в 1959 г. были получены Публичной библиотекой. Это копии с Евангелий, апо-

[80] ОР РНБ, ф. 906, Греч. 879.

[81] Управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем в Москве епископ Порфирий. Каталог рукописей, греческих, славянских, грузинских, арабских, сирских и коптских, и палеографических картонов с вложенными в них образчиками разноязычных рукописей, на которых означены годы появления их // ОР РНБ, ф. 120, Бычковых, № 180, л. 7—7 об.

[82] См.: *Бычков А. Ф.* Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшего преосвященному епископу Порфирию, а ныне хранящемуся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1885. С. 153—156.

ñò â, ïîñà òèðåé, àñ ñ â â, ñ ó å íèê â, òðå íèê â, êò èõ â, ìèíåé, óñòàâ â, ïàòðèñòè åñêèõ è ñ ó å íûõ ñ ðíèê â, èðì èåâ è äðó èõ ðóê ïèñåé X—XVII ââ. ò ì íàñòûðÿ.[84] Среди них главным образом микрофильмы рукописей болгарских и сербских, однако есть, помимо одной латинской, трех греческих и перечисленных ранее глаголических, русские — синодик и паремейник.

Необходимо добавить сведения и о двух уникальных альбомах, хранящихся в книжном фонде РНБ. Это единственный (?) сохранившийся так называемый Синайский альбом Н. П. Кондакова — «Vues et antiquités du Sinaï par M. le Professeur Kondakoff et photographe J. X. Raoult. [Odessa, 1881]», состоящий из 102 наклеенных на паспарту фотографий видов Синайского монастыря и многих листов из уникальных греческих и славянских рукописных памятников его библиотеки (шифр: РНБ, 15.31.I.86).[85] Этим альбомом Н. П. Кондаков впервые ознакомил ученый мир с синайскими древностями. Кроме того, поскольку библиотека Синайского монастыря Св. Екатерины недоступна для большинства исследователей, фотографии рукописей являются чрезвычайно важным материалом для изучения греческой и славянской палеографии и филологии. Важно, что на листах альбома помещены фотографии нескольких синайских глаголических рукописей и отдельные глаголические инициалы. Второй хранящийся в фондах библиотеки великолепный альбом, на который необходимо указать, — это «Восток христианский. Египет и Синай. Виды, очерки, планы и надписи к путешествиям А. Порфирия. СПб., 1857». Альбом состоит из цветных и тоновых литографий, выполненных в литографии А. Прохорова, половина которых посвящена Синаю (шифр: РНБ, 18.14.2.19). Оба эти альбома заслуживают, чтобы быть переизданными.

Автор не претендует на полноту приведенных сведений, поскольку далеко не все рукописи имеют какие-либо пометы, говорящие об их прежней принадлежности Синайскому монастырю Св. Екатерины, и в целом ряде случаев невозможно установить происхождение того или иного памятника и выявить все полученные с Синая манускрипты.[86]

В связи с новым интересом к истории греческого Синайского кодекса IV в. приводим отдельные выдержки из рукописи члена-корреспондента Академии наук А. А. Дмитриевского,[87] касающиеся вопроса компенсации, полученной за этот кодекс от России. Статья была вызвана

[83] ОР РНБ, ОЛДП, F.414.

[84] По этим микрофильмам Н. Н. Розовым сделан обзор южнославянских рукописей библиотеки монастыря св. Екатерины. См.: *Розов Н. Н.* Южнославянские рукописи Синайского монастыря. С.129—138.

[85] *Вялова С. О.* 1) Синайский альбом Н. П. Кондакова // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 207—225; 2) Синайский альбом Н. П. Кондакова как источник изучения памятников письменности и архитектуры (Из истории изучения Синайского альбома) // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 241—254.

[86] Во всяком случае, можно предположить, что рукописей синайского происхождения в РНБ не менее 100.

[87] Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856—1919), член-корреспондент Академии наук с 1903 г. по Отделению русского языка и словесности, археолог, литургист.

ответом Наркомпроса от 10 сентября 1924 г. за № 19431 на послание Представителя Вселенского Патриарха и архиепископа Синайского архимандрита Василия народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому «с возбуждением ходатайства о возвращении» обители Св. Екатерины «знаменитого Синайского кодекса Библии».

Приложение

«Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в.». Черновой автограф. [1924 г.].[1]

Обратимся теперь к вопросу о материальной «компенсации», полученной за кодекс Синайским монастырем от России, и, не дожидаясь данных из монастыря от архиепископа, постараемся хотя бы только приблизительно учесть ее. Можно заранее сказать, что этот вопрос в точной цифровой формулировке в настоящее время неразрешим. В своем отношении Наркомпрос говорит, что // Синайскому монастырю за кодекс было выдано 7000 р. и обещана ежегодная дотация в 745 р. 81 к. (я не буду брать в расчет 2 тысячи Фаворскому монастырю, так как эти деньги пошли иерусалимскому патриарху Кириллу за хиротонию синайского архиепископа Каллистрата и прямо в Синайский монастырь не попали), и принял во внимание значительные «доходы, которые собирались Синайским монастырем до октябрьской революции с пожалованных монастырю русских имений».

л. 8 об.

л. 9

Представитель Синайского монастыря, приходя «в величайшее изумление» и считая все перечисленное «недостаточною компенсациею за сокровище» и предвкушая, в случае удачи своего ходатайства, возможность получить за кодекс с англичан «неизмеримо большую сумму», тщетно пытается оспорить доводы Наркомпроса. О русских имениях синаитов в Бессарабии и Грузии он рассуждает так: «Имения эти были разновременно принесены в дар Синайскому монастырю не русскими царями, а молдавскими и грузинскими господарями, князьями и частными благочестивыми людьми и, по присоединении к России Бессарабии и Грузии, Высочайшими повелениями 1819 и 1839 годов были

[1] ОР РНБ, ф. 253, А. А. Дмитриевского, № 188, л. 8 об.—14 об. Микрофильмы двух машинописных копий данной рукописи находятся в Отделе архивных документов библиотеки. Одна копия приложена к письму Публичной библиотеки (черновое письмо без подписи) заведующему Главнаукой Управления научных учреждений, находящемуся среди переписки библиотеки с Российской Академией наук и Главнаукой 1924 г. по поводу ходатайства представителя Вселенского Патриарха и архиепископа Синайского архимандрита Василия Димопулова о возвращении обители Синайского греческого Кодекса IV в. (материалы, с которых сделаны микрофильмы, были переданы в РГАЛИ, поэтому двойные шифры на микрофильмах: РГАЛИ, ф. 97, оп. 1, № 218 / ОАД, ф. 2, оп. 8, № 26. С. 41а—41ж). Другая машинописная копия – среди материалов «Переписки с Главнаукой по вопросу возвращения Синайскому монастырю Синайского кодекса (Codex Sinaiticus), хранившемуся в РНБ» 1925 г. Она приложена к письму директора Публичной библиотеки акад. Н. Я. Марра заведующему Главнаукой Управления научных учреждений (шифр: РГАЛИ, ф. 97, оп.1, № 291 / ОАД, ф. 2, оп. 9, № 80. С. 3—12). Копии эти отличаются от рукописи «Мнения»: в них опущены некоторые слова и даже фразы, в некоторых случаях имеются расхождения даже в датах.

л. 9 об. не только оставлены неприкосновенными, // но даже ограждены на будущее время (sic!) от всякого с чьей-либо стороны присвоения оных». Аргумент в устах представителя Синайского монастыря равняется расписке русского правительства за кодекс и направляется, несомненно, в сторону декрета 18 января 1918 года. Но «изумление» представителя Синайского монастыря должно исчезнуть, если он вспомнит историю недалекого прошлого времени, как поступил князь Куза с имениями монастырей иерусалимских, афонских и других, очутившихся на территории той части Бессарабии, которая отошла к Румынии. Только великодушию и щедрости русских государей Синайский и некоторые Афонские монастыри обязаны теми «высочайшими повелениями», по которым сохранены были за ними храмы и богатые угодья на землях Бессарабии, отошедших к России. Мы утверждаем, что если бы с 1819 и 1839 годов русское правительство вплоть до 18 января 1918 года собирало бы в Государственную казну все доходы с имений греческих и грузинских в Бессарабии и на Кавказе, а не отдавало бы их // монастырям и
л. 10 их монахам <...>, то за указанное время на эти доходы успело бы сделать много добра для русского народа и русской науки и смогло бы приобрести не одно «сокровище» вроде Синайского кодекса, особенно в добрые старые годы XIX века...

Но мы знаем у Синайской обители угодия, земли и монастыри и внутри благословенной России. В прошлом столетии в Нежине Черниговской губернии принадлежал Синайскому монастырю ценный участок земли, завещанный местным их обывателем греком и проданный потом его доверенным, настоятелем киевского Екатерининского мона-
л. 10 об. стыря. В матери русских городов в Киеве грек Стамати около 1738 // подарил Синайскому монастырю участок земли на бойком месте на Подоле, и на нем арх. Евгений выстроил церковь в имя св. Екатерины и дома с доходными лавками, получив на это царскую милостыню, исходатайствованную киевским митрополитом Рафаилом. В 1744 г. церковь эта и имение сие утверждены императрицею Елисаветою Петровною за Синайскою обителью, а в 1748 церковь была переименована в монастырь, возведенный в 1786 г. во второй класс по получению казенного содержания от русского правительства. В 1787 году к Синайскому Екатерининскому монастырю был приписан на Подоле же Петро-Павловский монастырь. Земельная площадь, занимаемая этим монастырем, после пожара в 1811 году, была продана за 5610 р. (Первое путешествие в Синайский монастырь епископа Порфирия, стр. 153, 155). Нельзя забывать и о Синайском подворье в Тифлисе.

Но и на этом едва ли можно остановиться в подсчете всей компенсации за Синайский кодекс Синайскому монастырю. В счет ее, по мнению посла Н. П. Игнатьева, пошли снятие «секвестра» с денег, направляе-
л. 11 мых // в Синайский монастырь из России (сколько их было, мне неизвестно), дали билеты по 300 000 р., которые лежали в русском банке (один из них уже растрачен был арх. Кириллом) и российские ордена для... синаитов.

При установлении вопроса о компенсации за кодекс, по моему мнению, не бесполезно необходимо напомнить синаитам и о их представителе, что «в былое время русское правительство, претендовавшее на первенствующую роль в православном мире и всячески домогаясь недостававшего ему в глазах православных народов Востока авторитета, старалось при всяком удобном случае чрез своих официальных светских и духовных представителей всеми способами» не только не пыталось «унизить, очернить и опозорить греческое духовенство», как пишет представитель архиепископа, но всеми мерами вместе со всем русским народом шло на помощь и содействовало его материальному и духовному благополучию. Вероятно, поэтому-то от «опозоренного» греческого духовенства, как говорится, не было у нас на Руси в XVI, XVII и даже XVIII столетиях отбоя.

В частности, мы кратко укажем, как и когда помогали русское правительство и русский народ синаитам в былое время и как часто // синай- л. 11 об.
ские отцы являлись гостями в эту «не имевшую авторитета в глазах народов Востока» Россию с просьбами о милостыне и за заборами ее.

В XVI столетии царь Иван Васильевич Грозный посылал значительную милостыню на Синай после смерти убитого им сына Иоанна.

Царь Феодор Иванович послал милостыню синайскому архимандриту Мелетию.

Царь Михаил Феодорович в 1630 г. дал грамоту архимандриту Исайе, разрешавшую синаитам в четвертый год приезжать в Россию за сбором милостыни.

Царь Алексей Михайлович дал такую же грамоту архимандриту Меркурию с правом сбора в России в шестой год.

В 1666 г. вместе с патриархами Макарием Антиохийским и Пименом Александрийским прибыл в Москву и архиепископ Синайский Анания для участия на соборе и был одарен царем богатыми подарками.

В 1686 г. цари Петр и Иоанн Алексеевичи и царевна София архимандриту Иоанникию дали грамоту на права сбора в России «в другой год», 400 голландских червонцев и сребряную кованую раку // для мощей св. л. 12
Екатерины.

В 1682 году были за милостынею архиепископ Анания (вторично), архимандрит Софроний и монах Афиноген.

В 1734 году императрица Анна Ивановна прислала тысячу рублей архиепископу Кириллу на починку и постройки Киевского Синайского подворья, пострадавших от пожара.

В 1767 г., по повелению императрицы Екатерины II, из Синода выдана была книга архимандриту Афанасию для записи пожертвований, собираемых для монастыря по всей России.

Можно с положительностью утверждать, что эти визиты синайских отцов в Москву и путешествие их по России за сбором милостыни среди русского населения чрез каждые шесть, четыре и даже два года не были бесплодными для обители. Вот эти-то обильные трудовые гроши русского благочестивого народа и богатые доходы с монастырских имений и монастырей в Бессарабии, с подворий в Тифлисе и Киеве на простран-

стве только с XVI по XVIII век и могут, по нашему мнению, вполне компенсировать самые притязательные аппетиты синаитов. //

л. 12 об. Скевофилакия монастыря — ризница, по принятому обычаю, недоступна никому, даже игумену-архиепископу, за исключением скевофилакса, которому «поручена сокровищница монастыря и который один знает число и стоимость их» (Первое путешествие, стр. 207). Несомненно, она таит в своих потаенных стенах много ценных предметов, вывезенных из России, могущих дать также любопытные данные при решении вопроса о компенсации. Из наших русских путешественников никто не видел ее сокровищ, хотя были и выдающиеся любители и знатоки памятников старины и искусства (напр., академики Н. П. Кондаков и Н. Я. Марр, еп. Порфирий и др.). На долю пишущего эти строки выпало счастье быть на Синае в первый день Пасхи и присутствовать за торжественным вечерним богослужением этого дня. Скевофилакия монастыря, ввиду, может быть, присутствия русского паломника, на богослужение это для облачения архиепископа вынесла дорогой золотой парчи с
л. 13 византийскими // орлами в кружках, рассыпанных по всему полю от ворота до подола и затканных золотом, саккос (это далматика с плеч царя Алексея Михайловича), не менее ценный омофор, шитый шелками с изображениями святых с удивительным мастерством московскими мастерицами, дивная кованная сребро-золоченая митра с надписью: «Μιχαήλ πιατός βασιλεύς Μοσκοβαίας ζρν (= 7150) = 1642», убранная крупной величины алмазами, рубинами, яхонтами, изумрудами и финисами и осыпанная крупными жемчугами, и патерица — жезл архиерейский, сребро-кованный, вызолоченный, весьма тяжеловесный, по-видимому, тоже московской работы XVII ст. На престоле в этот день находились (были) серебряные и золотые драгоценные Евангелия, кресты и ковчеги, но суровый старец скевофилакс не позволил мне, мирянину, осмотреть их близко и списать имеющиеся на них надписи.

Из сокровищ монастыря русского происхождения, доступных обозрению паломников, можно считать лишь находящуюся на престоле се-
л. 13 об. ребряную дароносицу, // присланную в 1753 году из Киева игуменом тамошнего Синайского Екатерининского монастыря и пустую совершенно, стоящую в главном алтаре массивную сребро-вызолоченную раку. Архиепископ Синайской горы Иоанникий чрез архимандрита Кирилла в 1689 году царей Петра и Иоанна Алексеевичей, величая в своей просительной грамоте «яко новии и блаженнии вместо царя Иустиниана ктиторы» (Второе путешествие на Синай, стр. 283), просил дать в монастырь эту раку якобы для мощей св. Екатерины. Рака эта, представляющая замечательный образец литейного русского искусства XVII столетия, сребряная кованая в средний рост человека, глубокая, с такою же крышкою, на которой вычеканено изображение великомученицы Екатерины в полный рост, с пятью надписями славянскою сребро-золоченою замысловатою вязью на 5 круглых больших щитах (см. описание у Порфирия. Второе путешествие. Стр. 252, 255). Хотя в челобитье к царям монахи Синая и уверяли их, что «святое тело (великомученицы) не имать серебряные раки», но в действительности на Синае

л. 14 цельного // тела св. Екатерины никогда не было, а имелась только глава (череп) и прекрасно сохранившаяся кисть руки с пальцами, на один из коих надет бриллиантовый перстень. Хранятся эти частицы в особых небольших сребро-вызолоченных ковчегах. Сребро-вызолоченная рака за ненужностью, как я сказал, остается пустою. Какой бы это был дорогой памятник литейного искусства XVII ст. в нашем Эрмитаже рядом с ракою Александра Невского!

Ужели и всего указанного недостаточно братии Синайской обители в уплату за кодекс Библии V в.? Пусть же теперь на эти факты ответят нам архиепископ Синайский и его московский представитель: за все указанное время что дала Синайская обитель в благодарность русскому народу за его бесчисленные жертвы? Кодекс Синайский оплачен Россией, можно сказать, пудами золота и серебра.[2]*

---

[2] В. В. Беляков, неоднократно работавший на Синае, сообщает о том, что 18 сентября 1869 г. акт дарения греческого Синайского кодекса был подписан архиепископом Синайским Каллистратом (*Беляков В. В.* Сокровища Синая. С. 120). В статье, посвященной обзору материалов о приобретении этого кодекса в архивах Петербурга и Москвы (РГИА, АВПРИ, ГАРФ). Дарственную грамоту на Синайский кодекс, подписанную архиепископом и членами Собора отцов Синайского монастыря 13 и 18 ноября 1869 г. опубликовала А. В. Захарова в работе: История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Т. I. М.; СПб., 2007. С. 252—258.

Л. Б. ВОЛЬФЦУН

«МНЕНИЕ» ПРОФЕССОРА А. А. ДМИТРИЕВСКОГО ПО ВОПРОСУ О СИНАЙСКОМ КОДЕКСЕ БИБЛИИ V в.

История пребывания в России знаменитой Синайской Библии полна многих интригующих и драматических моментов. Часть из них более или менее известна, а другая часть осталась вне поля исследований. Изучение архивных материалов, не введенных в научный оборот, позволяет увидеть не только новые аспекты ее «российской биографии», но также уточнить и дополнить уже имеющиеся сведения.

С конца 1860-х гг. Синайский кодекс Библии хранился в Рукописном отделении ИПБ в Петербурге и считался одним из самых драгоценных ее сокровищ. «Синайский светоч», как назвал ее М. Л. Лозинский, привлекал в Петербург исследователей со всего мира и был предметом не только гордости, но и притязаний.

Летом 1924 г. представитель Вселенского Патриарха в Москве архимандрит Василий Димопуло возбудил перед правительством Советской России ходатайство о возвращении Синайскому монастырю прославленного кодекса Библии. По этому поводу возникла обширная переписка между Наркомпросом, Академией наук, Публичной библиотекой и Центрахивом с целью предоставления архивных документов, необходимых «для окончательного завершения приготовленного к отправлению в Главнауку ответа на домогательства представителя Вселенского Патриарха касательно Синайского кодекса».[1] Кроме того, к окончательному ответу было приложено «Мнение» известного знатока православного Востока чл.-корр. А. А. Дмитриевского.[2]

«Мнение» Дмитриевского, написанное очень эмоционально, излагает не только историю вопроса приобретения Синайской Библии, но дает представление о некоторых аспектах взаимоотношений России и Восточной церкви. Текст «Мнения» публикуется нами полностью по варианту, хранящемуся в ОАД РНБ,[3] с максимально возможным сохранением орфографии и стиля автора; его собственные примечания, включенные в текст, помещены нами внизу страницы под знаком* (наши примечания помечены цифрами). В квадратных скобках в примечаниях указаны уточненные библиографические данные.

[1] ЦГАЛИ СПб., ф. 97, оп. 2, д. 1, л. 2.

[2] Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856—1929) — профессор Киевской духовной академии, член-корреспондент РАН. Археолог и литургист.

© Л. Б. Вольфцун, 2007

* * *

Ответ Наркомпроса от 10 сентября 1924 г. за № 19431 вызывает чувство полного удовлетворения и своею категоричностью, и своим соответствием с действительным положением настоящего вопроса о Синайском кодексе V в. В этом ответе можно сделать небольшую поправку лишь относительно характеристики современных синайских бедуинов (защитников монастыря), ныне утративших свои буйные и хищнические наклонности. Последнее их восстание против обители было во время нашей русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Бедуины целую неделю держали в осаде монастырь, спасенный от грозившей ему беды лишь находчивостью эконома-монаха Галактиона. Возможно значительно пополнить ответ Наркомпроса и новыми фактами и доказательствами относительно компенсации Синайскому монастырю за рукопись со стороны России; что же касается «дополнительных замечаний» на упомянутый ответ Наркомпроса представителя Вселенского Патриарха и архиепископа Синайской горы, то в них, кроме возмутительных выпадов против русских ученых вообще и, в частности, против архимандрита Порфирия Успенского[4] и здравствующего В. Н. Бенешевича, много потрудившихся на пользу Синайской обители, можно видеть лишь полное незнакомство его с историей монастыря, а также и с вопросом, за который он взялся ратовать. Его обращение в монастырь за сведениями относительно расписки, выданной некогда монастырю профессором Лейпцигского университета Константином Тишендорфом[5] по письму нашего посла при Оттоманской Порте князя Лобанова[6] в 1859 г. для окончательного решения затронутого вопроса, никакого значения не может иметь. Вопрос о Синайском кодексе тянулся долго, проходил различные весьма сложные фазисы и решен был нашим бывшим послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым в 1868 г. Ввиду этого мне кажется не лишним в настоящее время сделать надлежащую справку о том, при

[3] ОАД РНБ, ф. 97, оп. 1, д. 291; *Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. 1. С. 172—221.

[4] Порфирий Успенский (1804—1885) — епископ Чигиринский, глава Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1847—1853 гг. Богатейшее собрание рукописей Порфирия Успенского хранится в РНБ.

[5] Тишендорф Константин (1815—1874) — немецкий ученый-библеист, профессор богословия.

[6] Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896) — дипломат, историк и генеалог. Был послом в Турции в 1859—1863 гг.

каких обстоятельствах была выдана профессором Тишендорфом расписка Синайскому монастырю относительно занимающего нас Синайского кодекса, и сопоставить ее с тем донесением посла Игнатьева в Министерстве иностранных дел, какое он получил от синайского архиепископа Каллистрата в 1868 г.

Вкравшись в доверие доброго министра народного просвещения А. С. Норова,[7] известного паломника по святым местам, и найдя в нем мощную поддержку в Петербурге, ловкий лейпцигский профессор сначала устроил при его помощи в России свои греческие рукописи, якобы «приобретенные им от греческих монастырей» на Востоке, а затем получил от нашего правительства командировку на Восток в 1858 г. для приобретения им рукописей для России с выдачею ему на путевые расходы 3000 р. и 5000 р. на покупку рукописей. Об этом путешествии Тишендорфа обер-прокурор Синода [А. П. Толстой] запрашивал в свое время мнение нашего известного ученого путешественника архимандрита Порфирия, который А. П. Толстому дал совершенно отрицательный ответ, рекомендуя сделать это с большим успехом и дешевле через русских ученых.* Мнение это, однако, силы не имело, и Тишендорф уехал.

Плодом поездки профессора Тишендорфа на Синай в 1859 г. были для России новый транспорт рукописей цельных и в отрывках (из них 12 палимпсестов) на разных языках и якобы открытие им на Синае «драгоценного учено-литературного сокровища» Синайской Библии V в., хорошо известной с 1845 г. нашему путешественнику архимандриту Порфирию и даже кратко им научно описанной в его книге: «Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г.».**

Но немецкому профессору мало было «открыть» учено-литературное сокровище, необходимо было поскорее его обнародовать, чтобы кто-нибудь другой не предвосхитил эту честь, а вместе с тем и заставить весь ученый мир Европы говорить об этом замечательном открытии истинного сокровища.

С этой целью он подбил только что избранного в ту пору в настоятели Синайского монастыря архимандрита Кирилла — человека весьма честолюбивого и крайне сомнительной нравственной репутации, но располагающего богатыми средствами, приобретенными им во время бесконтрольного управления бессарабскими имениями Синайского монастыря, — поднести Синайскую Библию Александру II через особую монастырскую депутацию с обещанием ему приличного за то вознаграждения от царских щедрот. Так как архимандрит Кирилл встречал сильные возражения и препятствия к посвящению своему в сан архиепископа и утверждению настоятелем монастыря со стороны своего предшественника и патриарха Иерусалимского Кирилла II, канонической юрисдикции которого подчинен архиепископ Синайской горы, то Кирилл охотно ухватился за эту идею профессора Тишендорфа, но по своей хитрости пообещал ему сделать это по посвящении самолично с братией монастыря, если через русского посла в Константинополе Тишендорф уладит все возникшие затруднения и добьется от Вселенского Патриарха его хиротонии. Дело с посвящением архимандрита Кирилла, однако, тянулось, поэтому профессор Тишендорф стал убеждать архимандрита Кирилла выдать ему на руки рукопись и возложить на него от имени Синайской обители поднести ее царю, заявив ему, однако, что формальное поднесение через особую депутацию состоится в скором времени. Кирилл в свою очередь, горя нетерпением поскорее окончить свое дело в Константинополе, согласился выдать Тишендорфу кодекс на руки, но под условием, если о том последует просьба от русского посла в Константинополе. Князь Лобанов через Тишендорфа, нарочно съездившего вторично в Египет, по его убеждению отправил синайской братии письмо на французском языке с указанием, что в случае если депутация синайская почему-нибудь не состоится, то кодекс будет возвращен по принадлежности. Вот тот аргумент, который ожидает представитель Синайского монастыря и на котором он строит свои якобы незыблемые права на кодекс. А между тем жизнь шла вперед своим чередом, и на сцену выступили в этом вопросе новые факторы, поставившие его в совершенно иную плоскость.

Архиепископ Кирилл, при поддержке русского посла князя Лобанова, действительно добился антиканонической хиротонии его у константинопольского патриарха. По своем посвящении он явился в русское посольство с благодарностью за содействие, но на этом визите уже ни словом не обмолвился насчет посылки предполагаемой депутации в Петербург для поднесения кодекса государю. Не решился и князь Лобанов, как писал потом откровенно в Министерство иностранных дел, по своей доброте и из чувства деликатности на том первом визите повести речь об этом щекотливом вопросе. После этого началась игра в молчанку. Молчали Кирилл и братия Синайского монастыря, молчала и наша дипломатия.

В Синайском монастыре скоро, однако, начались новые беспорядки и замешательства; думать о кодексе уже не было времени. Как и следовало ожидать, этот недостойный игумен архиепископ Синайской горы Кирилл, о хиротонии которого так усиленно хлопотал в недавнее время монастырь, своим властолюбивым, деспотическим и крайне расточительным на свои прихоти монастырских средств образом действий возбудил против себя братию монастыря и был ею низложен.* На его место братиею избран был архимандрит Кирилл (Рокидис), в хиротонии переименованный в Каллистрата. В монастыре снова возник… вопрос о по-

[7] Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — российский государственный деятель, писатель.

* Материалы для биографии Порфирия Успенского. СПб., 1910. С. 681—684.

** Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1856. С. 225—238.

* См. об этом подробно статью профессора Воронова в Трудах Киевской духовной академии. 1872. [Т.] 2. [С.] 273—315; [Т.] 3. [С.] 591—668 и мою брошюру «граф Игнатьев и его церковно-политическая деятельность на Востоке: С. 21—22. [Имеется в виду: *Воронов А. Д.* Синайское дело; *Дмитриевский А. А.* Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909. 79 с.]

священии архимандрита Каллистрата в архиепископы и об утверждении его в звании игумена-архиепископа канонически в Иерусалиме, чего, естественно, достигнуть без русской дипломатии ввиду бывших недоразумений с Кириллом было для Синайского монастыря невозможно. Монастырь вошел с ходатайством по этому делу к нашему послу Н. П. Игнатьеву, который снова связал с этим делом и вопрос о Синайском кодексе Библии.

Пока на Синае шли изложенные события, профессор Тишендорф, получив в Каире драгоценную рукопись, направился с нею в Петербург. Здесь он через своих высоких влиятельных покровителей легко добился аудиенции у Александра II, поднес ему кодекс с обещанием в недалеком будущем о приезде с Синая особой депутации для поднесения ему рукописи, исходатайствовал себе право издать драгоценную рукопись в Лейпциге и превосходно выполнил задуманное научное издание в 1859 г., привлекшее к себе внимание ученых не только Европы, но и за океаном. Громкая эта научно-литературная слава Синайского кодекса дошла и до слуха братии Синайской обители и возбудила среди них оживленные толки. Теперь братия начала уже набавлять цену за кодекс. Если, рассуждали они, отдавать рукопись в Россию, то уже не за пароход и не за 15 тысяч, как говорилось при передаче рукописи в руки Тишендорфа, а гораздо дороже, причем фиксировать цифру даже не решались из опасения, конечно, продешевить.

Александр II, продержав рукопись у себя 2 года и не дождавшись депутации, передал ее канцлеру Горчакову для хранения в Государственном архиве.

Чувствуя всю крайнюю неловкость и щекотливость данного положения, и канцлер Горчаков, и Тишендорф принялись усиленно хлопотать, чтобы как-нибудь ликвидировать этот злополучный вопрос о кодексе. Услуги последнего были отклонены, а дело все передали нашему послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву.

Серьезные беспорядки в монастыре из-за Кирилла и избрание ему нового преемника настолько приняли критический оборот, что потребовали вмешательства посла Игнатьева, даже задержания тех денег, которые шли в монастырь из нашего Государственного казначейства! На очереди стоял вопрос о хиротонии новоизбранного игумена архиепископа Каллистрата в Иерусалиме. Посредником в это время между синайской братией и иерусалимским патриархом Кириллом II посол Игнатьев избрал человека выдающихся дипломатических способностей, начальника нашей духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина,[8] который быстро и сравнительно легко уладил все затруднения по этому делу. На каких теперь условиях посол Игнатьев утишил братию Синайской обители и как он разрешил в это время вопрос с монастырем относительно Синайского кодекса, — ответ на это может дать только донесение посла Игнатьева в Министерство иностранных дел.

[8] Антонин Капустин (1817—1894) — архимандрит, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме с 1865 г. до конца жизни. Археолог, писатель.

Рукопись синайская после, в 1868 г., была передана в нашу Публичную библиотеку, где она доселе сохраняется с подобающим ее научной ценности вниманием и тщательностью. Судя, однако, по дополнительным возражениям представителя синайского архиепископа на отношение Наркомпроса, можно думать, что и посол Н. П. Игнатьев, как и князь Лобанов, в последний момент не выдержал своего верного принципа «к стене припирать» до конца и, успокоив волнения братии и уладив дело Каллистрата с хиротонией, снял «секвестр» с монастырских денег, лежавших в русском Генеральном консульстве в Каире, выдал ассигнованные деньги на рукопись и раздал ордена раньше, чем в его руки попал «окончательный документ»,* а злополучную расписку Тишендорфа с ручательством князя Лобанова оставил на руках «упорных» и коварных синаитов. Можно быть уверенным, что и после улаживания этого вопроса в настоящее время, если только расписка будет лежать в синайской скевофилакии, синаиты не постесняются оперировать ею и через 300—500 лет против нашего правительства.

На основании вышеизложенной в кратком виде по документальным данным истории этого вопроса мы позволяем себе пригласить представителя синайского архиепископа и даже самого архиепископа Порфирия,[9] питомца Киевской духовной академии, учесть удельный вес тех «моральных соображений», какими архиепископы Синайской горы и Кирилл, и Каллистрат со своею братией руководились в своих намерениях и обещаниях по отношению к русскому правительству, когда шла речь о Синайском кодексе Библии V в.

Обратимся теперь к вопросу о материальной «компенсации», полученной за кодекс Синайским монастырем от России, и, не дожидаясь данных из монастыря от архиепископа, постараемся хотя бы только приблизительно учесть ее. Можно заранее сказать, что этот вопрос в точной цифровой формулировке в настоящее время неразрешим. В своем отношении Наркомпрос говорит, что Синайскому монастырю за кодекс было выдано 7000 р. и обещана ежегодная дотация в 745 р. 81 к. (я не буду брать в расчет 2000 р. Фаворскому монастырю, так как эти деньги пошли иерусалимскому патриарху Кириллу на хиротонию синайского архиепископа Каллистрата и прямо в Синайский монастырь не попали); принимаются во внимание и значительные доходы, которые собирались Синайским монастырем до октябрьской революции с пожалованных монастырю русских имений. Представитель Синайского монастыря, приходя в «величайшее изумление» и считая все перечисленное «недостаточной компенсацией за сокровище» и предвкушая в случае удачи своего ходатайства возможность получить за кодекс с англичан неизмеримо большую сумму, тщетно пытается оспорить доводы Наркомпроса. О русских имениях синаитов в Бессарабии и Грузии рассуждает так: «Имения эти были разновременно принесены в дар Синайскому монастырю не русскими царями, а молдавскими и грузински-

[9] Порфирий II (1859—1926) был архиепископом Синайским с 1904 г. и до смерти.

* См. мою брошюру «Граф Н. П. Игнатьев». С. 28.

ми господарями, князьями и частными благочестивыми людьми и, по присоединении к России Бессарабии и Грузии, высочайшими повелениями 1819 и 1839 гг., были не только оставлены неприкосновенными, но даже ограждены на будущее время (sic!) от всякого с чьей-либо стороны присвоения оных». Аргумент в устах представителя Синайского монастыря равняется расписке русского правительства за кодекс и направляется несомненно в сторону декрета 18 января 1918 г.[10] Но «изумление» представителя Синайского монастыря должно исчезнуть, если он вспомнит историю недалекого прошлого времени, как поступил князь Куза[11] с имениями монастырей иерусалимских, афонских и других, очутившихся на территории той части Бессарабии, которая отошла к Румынии. Только щедрости русского правительства Синайский и некоторые афонские монастыри обязаны теми «высочайшими повелениями», по которым сохранены были за ними храмы и богатые угодья на землях Бессарабии, отошедших к России. Мы утверждаем, что если бы с 1819 и 1839 гг. русское правительство вплоть до 18 января 1918 г. собирало в государственную казну все доходы с имений греческих и грузинских в Бессарабии и на Кавказе, а не отдавало бы их монастырям и монахам, тратившим их на интриги, подкупы и даже свою привольную жизнь, нанося вред и оскорбление России и русским людям везде, где только было возможно, то [оно] за указанное время на эти расходы успело бы сделать много добра для русского народа и русской науки и смогло бы приобрести не одно «сокровище» вроде Синайского кодекса, особенно в добрые старые годы XIX в. Но мы знаем у Синайской обители угодья, земли и монастыри внутри России. В прошлом столетии в Нежине Черниговской губернии принадлежал Синайскому монастырю ценный участок земли, проданный потом его доверенным настоятелем Киевского Екатерининского монастыря. В матери русских городов Киеве в XVIII в. Синайским монастырем был приобретен участок земли на бойком месте на Подоле, и на нем архиепископ Евгений выстроил церковь Екатерины и дома с доходными лавками, получив на это царскую милостыню, исходатайствованную киевским митрополитом Рафаилом. В 1744 г. церковь эта и имения ее утверждены Елизаветой Петровной за Синайской обителью, а в 1748 г. церковь была переименована в монастырь, возведенный в 1786 г. во второй класс по получению казенного содержания от русского правительства. В 1787 г. к Синайскому Екатерининскому монастырю был приписан на Подоле же Петропавловский монастырь; земельная площадь, занимаемая этим монастырем после пожара 1811 г., была продана за 5810 р.* Нельзя забывать и о Синайском подворье в Тифлисе.

---

[10] Вероятно, речь идет о декрете о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20.01.1918 г.

[11] Александр Иоанн I Куза (1820—1873), объединивший в единое государство Румынию, княжества Молдавию и Валахию, проводил жесткую политику в отношении церковных владений и, в частности, конфисковал имения восточных патриархов.

* Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского... С. 153, 155.

Но и на этом едва ли можно остановиться в подсчетах всех компенсаций за Синайский кодекс Синайскому монастырю. В счет этой компенсации, по мнению Н. П. Игнатьева, после снятия «секвестра» с денег, направленных в Синайский монастырь из России (сколько их было — мне неизвестно), — два билета по 20 000 р., которые лежали в русском банке (один из них уже растрачен был архиепископом Кириллом), и российские ордена для честолюбивых синаитов.

При установлении вопросов о компенсации за кодекс, по моему мнению, необходимо напомнить синаитам, что в былое время русское правительство, претендовавшее на первенствующую роль в православном мире и всячески домогаясь недостававшего ему в глазах православных народов Востока авторитета, при всяком удобном случае через своих официальных светских и духовных представителей всеми способами не только не пыталось унизить, очернить и опозорить греческое духовенство, как пишет представитель архиепископа, но всеми мерами шло на помощь его материальному и духовному благополучию. Вероятно, поэтому-то от «опозоренного» греческого духовенства, как говорится, не было у нас на Руси отбоя в XVI, XVII и XVIII даже столетиях. В частности, мы кратко укажем, как и когда помогали русское правительство и русский народ синаитам в былое время и как часто синайские отцы являлись гостями в эту «не имевшую авторитета в глазах народов Востока» Россию с просьбами о милостыне и за сборами ее.

В XVI столетии царь Иван Васильевич Грозный посылал значительные милостыни на Синай после смерти убитого им сына Иоанна, царь Феодор Иванович послал милостыни синайскому архимандриту Мелетию.

Царь Михаил Феодорович в 1620 г. дал грамоту архимандриту Исайе, разрешавшую синаитам в четвертый год приезжать в Россию за сбором милостыни.

Царь Алексей Михайлович дал такую же грамоту архимандриту Меркурию с правом сбора в России в шестой год.

В 1665 г. вместе с патриархом Макарием Антиохийским и Пименом Александрийским прибыл в Москву и архиепископ Синайский Анания для участия в соборе и был одарен царем богатыми подарками.

В 1686 г. цари Петр и Иоанн Алексеевичи и царевна София Алексеевна архимандриту Иоанникию дали грамоту на право сбора в России «в другой год», 400 голландских червонцев и серебряную кованную раку для мощей св. Екатерины.

В 1683 г. были за милостыней архиепископ Анания (вторично), архимандрит Софроний и монах Афанасий.

В 1734 г. императрица Анна Ивановна прислала тысячу рублей архиепископу Кириллу на починку и постройку Киевского Синайского подворья, пострадавшего от пожара. В 1767 г. по повелению Екатерины II из Синода выдана была книга архимандриту Афанасию для записи пожертвований, собираемых для монастыря по всей России.

Можно с положительностью утверждать, что эти визиты синайских отцов в Москву и путешествие их по России за сбором милостыни среди

русского населения через каждые шесть, четыре и даже два года не были бесплодными для обители. Вот эти-то обильные трудовые гроши русского народа и богатые доходы с монастырских имений и монастырей в Бессарабии, с подворий в Тифлисе и Киеве на пространстве только с XVI по XVIII в. и могут, по нашему мнению, вполне компенсировать самые притязательные аппетиты синаитов.

Скевофилакия монастыря — ризница, по принятому обычаю, недоступна никому, даже игумену-архиепископу, за исключением скевофилакса, которому «поручена сокровищница монастыря и который один знает число и стоимость их».* Несомненно, она таит в своих потаенных стенах много ценных предметов, вывезенных из России, могущих дать также любопытные данные при решении вопроса о компенсации. Из наших русских путешественников никто** не видел ее сокровищ, хотя были и выдающиеся любители и знатоки памятников старины и искусства (например, академики Н. П. Кондаков и Н. Я. Марр, епископ Порфирий и другие). На долю писавшего эти строки выпало быть на Синае в первый день Пасхи и присутствовать на торжественном вечернем богослужении этого дня. Скевофилакия монастыря на богослужение это для облачения архиепископа вынесла дорогой золотой парчи с византийскими орлами в кружочках, рассыпанных по всему полю от ворота до подола и затканных золотом, саккос (это далматика с плеч царя Алексея Михайловича), не менее ценный омофор, шитый шелками с удивительным мастерством московскими мастерицами, дивную кованную серебро-золоченую митру с надписью (*нрзб.*), убранную крупной величины алмазами, рубинами, яхонтами, изумрудами и финисами и осыпанную крупным жемчугом, и патерицу — жезл архиерейский сереброкованный, вызолоченный, весьма тяжеловесный, по-видимому, тоже московской работы XVII столетия.

Из сокровищ монастыря русского происхождения, доступных обозрению паломников, можно считать лишь находящуюся на престоле серебряную дароносицу, присланную в 1753 г. из Киева игуменом тамошнего Синайского Екатерининского монастыря, и пустую совершенно, стоящую в гладком алтаре, массивную серебро-вызолоченную раку. Архиепископ Синайской горы Иоанникий через архимандрита Кирилла в 1689 г. царей Петра и Иоанна Алексеевичей, величая в своей просительной грамоте «яко нови и блаженнии вместо царя Иустиниана ктитори»,*** просил дать в монастырь эту раку, якобы для мощей св. Екатерины. Рака эта представляет [собой] замечательный образец литейного русского искусства XVII столетия, серебряная кованая в средний рост человека, с такой же глубокой крышкою, на которой вычеканено изображение великомученицы Екатерины в полный рост, с пятью надписями славянской серебро-золоченой замысловатой вязью на 5 круглых больших щитах.* Хотя в челобитьях к царям монахи Синая и уверяли их, что «святое тело [великомученицы] не имать серебряные раки», но в действительности на Синае цельного тела св. Екатерины никогда не было, а имелась только глава [череп] и кисть руки с пальцами, на один из коих надет бриллиантовый перстень. Хранятся эти частицы в особых небольших серебро-золоченых ковчегах. Серебро-золоченая рака, за ненужностью, как я сказал, остается пустою. Какой бы это был дорогой памятник литейного искусства XVII столетия в нашем Эрмитаже рядом с ракой Александра Невского.

Ужели и всего указанного недостаточно братии Синайской обители в уплату за кодекс Библии V в.? Пусть же теперь на эти факты ответят нам архиепископ Синайский и его московский представитель: за все указанное время что дала Синайская обитель в благодарность русскому народу за его бесчисленные жертвы? Кодекс синайский оплачен Россией, можно сказать, пудами золота и серебра.

Как бы предвидя поставленный нами вопрос, представитель Синайской обители отвечает за монастырь так: «Клир старейших восточных церквей доныне ревниво оберегает драгоценное историческое наследие от всех посягательств, хотя бы таковые исходили и от единоверной России, бывшей всегдашней защитницей и покровительницей православия на Востоке. В этих целях отдельные представители русского правительства, писатели и ученые не останавливались перед клеветническими измышлениями, искажениями действительности и, в лучшем случае, перед простыми сгущениями красок в своих донесениях и описаниях, чтобы только дискредитировать и умалять тех, которые прошли через целый ряд веков рабства и сумели соблюсти в непорочной целости…».

Правда, восточный клир соблюл доныне православную веру, хотя это и стоило России неисчислимых жизней ее лучших сынов; правильно и то, что греческое духовенство «ревниво оберегало драгоценное историческое наследие» от русских единоверных скромных ученых-тружеников, но перед иноверными учеными и путешественниками — французами, немцами и особенно англичанами и американцами, щедро раскрывавшими свои туго набитые золотом кошельки, — охотно и свободно открывали даже заветные двери своих скевофилакий, а о библиотеках и говорить нечего. Достаточно было бы просмотреть ныне существующие уже описания рукописей всех лучших библиотек Европы и даже за океаном, чтобы убедиться, как и насколько «ревниво оберегали» историческое культурное достояние монастыри Афона и Синая. Большинство лучших рукописей этих библиотек, как показывают надписи и заметки на выходных листах рукописей, — происхождения или афонского, или синайского. Не по воздуху же перелетели с Синая эти рукописи в Европу и Америку, и не хищением же можно объяснить их появление там, а если бы и так, то, следовательно, нынешние владельцы этого драгоценного культурного достояния «не ревниво» и «не с ревностью» его

* Первое путешествие... С. 207.

** Счастливое исключение в настоящее время было сделано для В. Н. Бенешевича, который в присутствии всего собора, старцев, бегло осмотрел ризницу, но подробности его осмотра мне неизвестны.

*** Второе путешествие [архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году. СПб., 1856]. С. 283.

* См. описание у Порфирия. Второе путешествие. С. 252—255.

оберегают. А как в действительности хранили и берегли синаиты, например, «драгоценное историческое наследие» до конца XIX в., красноречивым показателем может служить существовавшая на Синае подвальная комната, на полу которой в беспорядочной куче валялись обрывки, отдельные листы и цельные тетради из рукописей на различных языках VI, VII и позднейших веков. В бытность свою на Синае в 1888 г. именно в этой куче я разыскал драгоценный синайский канонарь IX в., изданный на русском языке в семидесятых годах архимандритом Антонином[12] и мною на греческом языке в «Описании литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока».* Чтобы убедиться синаитам и их защитнику, как изумительно небрежно и крайне неряшливо хранилось на Синае такое драгоценное сокровище, как пресловутый Codex Synaiticus Petropolitanus, о котором мы ведем речь в настоящее время, достаточно взять в руки новое превосходное издание его (факсимиле), сделанное в Оксфорде в 1922 г. Helen and Kirsopp Lake.[13]

Чувство глубокого возмущения и ужаса объемлет всякого при виде тех ужасных следов вандализма, какие представляют начальные листы Синайской Библии, воспроизведенные с фотографической точностью в названном издании; от некоторых листов имеются лишь жалкие обрывки, некоторые имеют только боковые края, некоторые содержат один столбец вместо четырех, а некоторые даже полстолбца и т. п. И напрасно представитель синайского архиепископа позволил себе обвинить ни в чем не повинного труженика науки и усердного работника на пользу Синайской обители профессора В. Н. Бенешевича «в неправдоподобных измышлениях» и «умышленных преувеличениях» истины относительно Синайского кодекса, так как он не видел его и действительно не мог видеть на Синае, а сообщил сведения как с л у х, со слов старца скевофилакса Поликарпа.** Русские ученые епископ Порфирий Успенский, архимандрит Антонин, академики Н. П. Кондаков и Н. Я. Марр, профессора А. А. Цагарели, В. Н. Бенешевич и другие заслуживали бы со стороны Синайского монастыря не глумления и инсинуации, а глубокой благодарности, так как именно им прежде всего обязан Синай действительным сбережением исторического культурного наследия в обители через составление каталогов и обнародование их трудов.

На основании всего нами изложенного нельзя не присоединиться с полным удовлетворением к заключительным словам ответа Наркомпроса, что «передача Синайского кодекса не должна иметь места ни по правовым, ни по научным, ни по моральным соображениям».

---

[12] *Антонин Капустин*. Древний Канонарь Синайской библиотеки. Киев, 1874. 67 с.

[13] Кирсоп Лэйк (1872—1946) — англо-американский библеист и патролог. Вместе с женой осуществлял издание Синайской Библии.

* *Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. 1. С. 172—221.

** [*Бенешевич В. Н.*] Описание греческих рукописей [монастыря святой Екатерины] на Синае. СПб., 1911. Т. 1. Л. XXI.

О. А. БАРЫНИНА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ РУСИ С ГРЕКАМИ
(Проект русско-византийской комиссии РАН 1920-х гг.)

Одним из основных исследовательских проектов Русско-византийской комиссии РАН, организованной в 1918 г. по инициативе академика Ф. И. Успенского (сокращенно — РВК; существовала до 1930 г.), было изучение текстов русско-византийских договоров и подготовка их критического издания.[1]

В 1918 г. на первом, организационном заседании Комиссии поступило предложение выделить в составе Комиссии отдельные подкомиссии. Тогда оно было отвергнуто присутствующими. Обратимся к тексту протокола: «Председатель (Ф. И. Успенский. — *О. А.*) предложил высказаться членам Комиссии об организации будущих занятий в Комиссии и указать несколько примерных тем или особенных задач для изучения. Эти задачи могли бы быть выделены для образования отдельных подкомиссий, например: северное побережье Черного моря, Кавказ, Балканский полуостров, Малая Азия. Кроме того, можно бы формулировать некоторые вопросы, заслуживающие особенного внимания, например: изучение рукописей и текстов, днепровские пороги, топография Константинополя, церковные обряды, центральное и провинциальное устройство империи. <…> После обмена мнений выяснилось, что большинство членов признавало преждевременным образование подкомиссий, которые без пользы для дела могли бы разъединить, а не объединить занятия Комиссии».[2] В 1925 г., когда Комиссия широко развернула свою деятельность, беспокоиться о сохранении согласованности в работе Комиссии уже не приходилось: рабочий ритм был налажен (хотя и не доведен до необходимой, но и невозможной в то время организацион-

---

[1] Подробнее об истории и работе РВК см.: *Барынина О. А.* Русско-Византийская историко-словарная комиссия: Историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х годов // ВВ. 2004. Т. 63. С. 195—205.

[2] ПФА РАН, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 4—5 (автограф Ф. И. Успенского), л. 2 — конспективный черновой вариант протокола. Тем не менее многие из перечисленных вопросов стали темой докладов и обсуждений на заседаниях РВК.

© О. А. Барынина, 2007

ной четкости). Заседания проводились достаточно часто, представляемые доклады тщательно и подробно обсуждались.

Напомним, что еще в 1922 г. в статье «Из истории византиноведения в России» Ф. И. Успенский писал: «Чтобы дать отчет в том исключительном внимании, какое было у нас искони уделяемо „греческому царству", Цареграду или Византии, надлежало бы анализировать некоторые места и выражения в летописи, в „Русской Правде", в договорах с греками».[3] Эти идеи и легли в основу образованной Подкомиссии, которая, как было сформулировано уже в 1927 г., ставила себе следующие задачи: «1) изучение русско-византийских отношений в X и смежных веках, 2) изучение экономических и торговых связей между Русью и греками, причем в центре внимания стоят договоры Руси с греками, и 3) изучение направления морских и сухопутных путей, по которым направлялись торговые сношения между Китаем, Центральной Азией и юго-восточной Европой».[4] Немного ранее в отчете за 1926 г. цели Подкомиссии были сформулированы несколько конкретнее: 1) приготовить сводный текст договоров Руси с греками X в. по всем спискам; 2) изучить текст договоров со стороны исторической, лингвистической и юридической, сопровождая это изучение критическим обзором результатов, добытых предшественниками,[5] и 3) изучить вопрос о торговых путях из Древней Руси на Восток и Византию и с Запада через Русь на Восток и Византию.[6]

Инициатива организации Подкомиссии, по-видимому, принадлежала В. Н. Бенешевичу. Тема русско-византийских договоров ему как историку права была безусловно близка. Он председательствовал на всех ее заседаниях с первого до последнего. Подчеркнем, что первоначально Подкомиссия была организована как самостоятельное учреждение. 14 мая 1925 г. решением РВК по предложению В. Н. Бенешевича «группа лиц, поставившая задачей изучение экономических и торговых связей Древней Руси с Византией и Востоком и, в частности, изучение договоров Руси с греками X в., была включена в состав РВК».[7] В связи

[3] *Успенский Ф. И.* Из истории византиноведения в России // Анналы. 1922. № 1. С. 110.

[4] Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет 1917—1927 / Под ред. акад. А. Е. Ферсмана. Л., 1927. С. 93.

[5] Эта задача в значительной степени сегодня решена в работах Яны Малингуди, рассмотревшей технические термины византийской дипломатики на примере русско-византийских договоров. Так, в одной из ее работ (см.: *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1993; сокращенный перевод на русский язык опубликован: *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // ВВ. 1995. Т. 56 (81). С. 68—91; 1997. Т. 57 (82). С. 58—87) представлены результаты дипломатического анализа русско-византийских договоров; другая работа посвящена юридической лексике договоров: *Малингуди Я.* Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сб. статей. М., 1996. С. 61—67 (Славяне и их соседи. Вып. 6).

[6] Отчет АН за 1926 г. 1927. С. 320. Черновик отчета: ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 35, л. 8, 10. Автограф В. А. Брима с правкой В. Н. Бенешевича.

[7] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 1, л. 13 об. Протокол 14-го заседания РВК от 14 мая 1925 г.

с этим интересно проследить изменение названия Подкомиссии. 1-е и 2-е заседания (11 мая и 25 мая 1925 г.) прошли как заседания Комиссии по изучению русско-византийских договоров. В заголовке 3-го заседания слово «Комиссия» заменено «Подкомиссией», а начиная с 15-го, собрание именует себя «Подкомиссией по изучению экономических и торговых связей Древней Руси с Востоком и Византией». Эти изменения специально не оговариваются ни на заседаниях РВК, ни самой Подкомиссии, и характер заседаний при этом не меняется. Два последних заседания прошли снова под прежним именем: Подкомиссии по изучению русско-византийских договоров. Такая неопределенность, как нам кажется, свидетельствует о большей, относительно РВК, неформальности этого «ученого образования». Не случайно основной и почти единственной формой деятельности Подкомиссии были выступления с докладами и их обсуждение (в противоположность РВК, основная деятельность которой была сосредоточена на собирании словарного материала и многие сообщения на заседаниях которой были посвящены обсуждению вопросов, связанных с этой задачей).[8]

На 1-м заседании Подкомиссии В. Н. Бенешевич сообщил, что Комиссия ставит себе целью всестороннее изучение договоров русских князей с Византией, отметив, что в заседаниях Комиссии могут быть заслушаны также доклады по специальным вопросам общей работы и что эти доклады могут быть предложены в форме предварительного сообщения. Высказываясь, по просьбе В. Н. Бенешевича, о способах и задачах работы, известный византиновед и востоковед А. А. Васильев, в то время секретарь Комиссии, предложил как коллективную тему совместное чтение текста договоров.[9] И. И. Соколов счел необходимым расширить хронологические рамки работ и привлечь к изучению также более поздние договоры, а В. А. Брим предложил составить библиографию литературы по договорам.[10] Ни одно из этих предложений реализовано не было.[11] Единственным исключением по предложению, внесенному И. И. Соколовым, был доклад Ф. И. Успенского о приеме княгини Ольги в Константинополе в 955 г., представлявший главу из не вышедшего на тот момент II тома «Истории Византии». В этом докладе автор проанализировал договоры 907, 911 и 945 гг. и заключил, «что Византия находила возможным вступать в официальные сношения с Русью как с правильно организованным государством»,[12] ученый также высказал мне-

[8] Там же, д. 34, л. 1, 3, 5, 27, 48, 51.

[9] Это было единственное заседание Подкомиссии, на котором присутствовал А. А. Васильев. Отметим, что на состоявшихся заседаниях РВК 9 апреля, 14 мая, 30 мая 1925 г. он не присутствовал (последнее заседание РВК с его участием состоялось 19 мая 1924 г.) (см.: ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 1).

[10] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 1, 2.

[11] На 5-м заседании Подкомиссии в качестве ближайшей ее работы был намечен критико-библиографический обзор литературы по договорам (в этой работе согласились принять участие И. Ю. Маркон, А. И. Лященко, М. Д. Приселков, А. Ф. Вишнякова и В. М. Бузни), но и это не было выполнено (ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 9, 10).

[12] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 3. Протокол 2-го заседания Подкомиссии от 25 мая 1925 г.

ние об особом значении для анализа договоров византийского придворного дневника,[13] рисующего прием великой княгини Ольги в Константинополе в 955 г. Он считал необоснованной точку зрения, что княгиня Ольга ходила туда с враждебной целью, и в докладе подчеркнул, что цель ее посещения становится ясной, если всмотреться в состав ее свиты: из 88 человек в ней насчитывается 40 торговых людей и 22 поверенных от бояр. Поэтому можно думать, как считал Ф. И. Успенский, что Ольга посетила Константинополь не ради крещения и не с военной целью; очевидно, цель ее поездки была торговая. Подводя итог, докладчик заключает, что путешествие Ольги и впечатление, произведенное на русскую свиту великолепием Византии, должны были подготовить переворот, который скоро сказался на Руси: по мнению Ф. И. Успенского, путешествие Ольги сыграло приблизительно такую же роль, как путешествие Петра Великого в Европу.[14]

На 4-м заседании в ответ на предложение В. Н. Бенешевича приготовить рабочий текст договоров М. Д. Приселков отметил трудность этого вопроса и желательность детального изучения текста договоров по каждому списку в отдельности.[15] В результате было принято решение сфотографировать текст договоров по наиболее важным спискам. На следующем заседании[16] М. Д. Приселков прочел доклад о летописных списках договоров и о работе А. А. Шахматова над ними.[17] Для определения позиций, от которых отталкивались в решении своих задач сотрудники Подкомиссии, приведем здесь текст доклада полностью:[18]

«После работ академика А. А. Шахматова над изучением русских летописных сводов представляется несомненным, что договоры Руси с греками были включены в русское летописание составителем „Повести временных лет". Не касаясь здесь весьма важного вопроса о том виде текста договоров, которым располагал составитель „Повести", и ограничиваясь лишь рассмотрением вопроса о возможности реконструировать тот текст договоров, который получился после работы над ним составителя „Повести" в тесте „Повести", мы обращаем прежде всего внимание на следующее обстоятельство. Текст „Повести" не дошел до нас непосредственно. Его представляет нам летописная традиция сводов, почти непрестанно возглавлявшая „Повестью" свое изложение. Исследуя текст „Повести" чрез эту летописную традицию сводов, А. А. Шахматов дал нам опыт реконструкции текста все же не самой „Повести", так как она не имелась в руках летописцев уже того же XII в., а двух ее видоизменений, названных им второю и третьею редакциями „Повести". Ввиду изложенного сосредоточивая свое внимание на тексте договоров, нам необходимо сделать прежде всего одно основное предположение: т. е. считать, что текст договоров в тех двух переделках „Повести", о которых говорилось выше, оставался простым повторением текста договоров „Повести"; такое предположение, весьма вероятное само по себе, единственно в настоящий момент может дать исходную точку для наших исканий. Всякая попытка подняться чрез сличение текстов договоров так называемых второй и третьей редакций „Повести" к тексту договоров самой „Повести" (или ее первой редакции) — нужно считать безнадежною, поскольку до нас не дошло в интересующей нас части ни одного летописного свода, где бы вторая и третья редакции не сливались в той или иной степени между собой под руками последующих сводчиков».

Позже М. Д. Приселков выскажет более смелое предположение, отнеся договоры к русским актам, а не к греческим.[19] Здесь же, после текста выступления М. Д. Приселков перечисляет те списки летописи, которые, по его мнению, должны быть исследованы в первую очередь: «Публ. биб.: Лавр., Хлебн. F. IV 230, Погод. 1401, Ермолаев. F. IV 231, Эрмит. 416 б., Погод. 2035 (Н. IV); Ак. Наук: Ипатьев., Радзивил., Воскрес.; Моск. Д. Ак.: М. Академ. сп.; Арх. К.: Соф. 1 (К. о.)». Список почти полностью совпадает с сохранившимися в фонде Комиссии фотокопиями летописных текстов, касающихся договоров русских с греками,[20] из: Новгородской IV летописи Погодинского списка 2035;[21] летописи РПБ, Хлебниковский список (F. IV. № 230);[22] то же, Ермолаевский список (F. IV. № 231);[23] то же, Эрмитажный список (416 б);[24] Воскресенской летописи, хранящейся в БАН (34. 524);[25] Софийской I летописи, по списку Оболенского;[26] Московского главного архива Министерства иностранных дел;[27] из неизвестной летописи.[28] К сожалению, в фонде не сохранилось никаких данных о том, как были использованы полученные фотографии.[29] Осталось неизвестным и то, почему были взяты

[13] Имеется в виду трактат «de Ceremoniis» Константина Порфирородного.

[14] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 4. См. обзор работ и мнений по этому вопросу: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.) / Перевод А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. 2-е изд., испр. и доп. для рус. перевода. СПб., 1996. С. 26—27. Сн. 70. Здесь представлена обширная библиография второй половины XX в. Из последних публикаций на эту тему следует отметить: *Литаврин Г. Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 429—437.

[15] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 7, 8.

[16] Там же, л. 9, 10.

[17] Вероятно, имеется в виду следующая работа: *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилологического общества. СПб., 1914. Ч. 8. Иная точка зрения на происхождение договоров, утвердившаяся сегодня, высказана в исследовании Н. А. Лавровского (*Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками // Русский филологический вестник. Варшава, 1904. Т. 52, вып. 3. 153 с. С. 4: «Договоры русских с греками бесспорно принадлежат к числу переводных памятников»). Его взгляды были изложены на заседаниях Подкомиссии в сообщениях А. Ф. Вишняковой. Подробнее о современном состоянии историографии изучения происхождения договоров см., например: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX—первая половина X в. М., 1980.

[18] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 37 (1925): Рукопись М. Д. Приселкова «О тексте договоров русских с греками». 4 л. Осень 1925 г.

[19] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 80.

[20] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 36, 36 л.

[21] Там же, л. 1—5 (9 кадров).

[22] Там же, л. 6—10 (10 кадров).

[23] Там же, л. 11—14 (8 кадров).

[24] Там же, л. 32—36 (9 кадров).

[25] Там же, л. 17—22 (12 кадров).

[26] Там же, л. 23—31 (18 кадров).

[27] 36 страниц — эти фотографии не сохранились.

[28] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 36, л. 15, 16 (3 кадра). Всего в деле 69 снимков, 134 страниц; снимки наклеены на картон; их размер: 11 × 16—12,5 × 17,5—36 л. Те же фотографии сохранились в фонде В. Н. Бенешевича в двух делах: ф. 192, оп. 3, д. 153 и 154 (в это дело вложен лист с надписью: «Профессор В. Н. Бенешевич. Снимки славянских текстов для предполагавшегося издания договоров Руси с греками X в. Акт 1934. V. 21. № 1»).

[29] Единственное упоминание о планах относительно сделанных фотографий встречаем в рукописном «Годовом отчете Подкомиссии за время от мая 1925 г. по 1 декабря 1926 г.» (ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 35, л. 8. Автограф В. А. Брима с правкой В. Н. Бенешевича): «Всего было сделано около 100 снимков, которые могли бы образовать чрезвычайно интересный альбом, если на это будут отпущены необходимые средства»

именно эти списки летописи. Следует отметить, что к исследованию предполагались также Лаврентьевская и Ипатьевская летописи: в личном деле сотрудника Комиссии Николая Петровича Сычева сохранилась запись, сделанная рукой В. Н. Бенешевича: «23 ноября 1925 г. послана просьба выбрать термины по всем областям искусства и художественной техники Византии в летописях: Лаврентьевская летопись = Лавр. лет.; Ипатьевская летопись изд. 3. (ПСРЛ) = Ипат. лет.».[30] Никаких следов этой работы в фонде нами не обнаружено. Одновременно с выбором списков летописей, необходимых к изучению в первую очередь, на заседании Подкомиссии было принято решение составить словарь к тексту договоров (эта работа была поручена А. Ф. Вишняковой, А. А. Степанову и А. Н. Насонову).[31] 19 февраля 1926 г. на 9-м заседании М. Д. Приселков сообщил, что А. А. Степанов и А. Н. Насонов приступили к составлению указателя слов к тексту договоров,[32] через несколько месяцев (17 мая) В. Н. Бенешевич сообщает, что указатель к тексту договоров окончен.[33] Ни в фонде Комиссии, ни в фонде В. Н. Бенешевича указатель к текстам договоров нами найден не был.

Важно отметить, что тематика докладов, с которыми сотрудники выступали на заседаниях РВК, также часто соответствовала задачам Подкомиссии: подобно тому, как участники работы Комиссии могли быть одновременно членами РВК и Подкомиссии, так и темы их заседаний были общими (совместными были и несколько проведенных заседаний). Так, например, в Отчете АН за первые 10 советских лет подчеркнуто, что в отношении путей, связывающих Древнюю Русь с Востоком и Византией, «особенно интересует Комиссию изменение этих путей, происшедшее вследствие монгольского вторжения и стремления монголов направить торговые сношения через их владения».[34] На заседаниях РВК этому вопросу были посвящены несколько докладов Ф. И. Успенского: «Значение в общеевропейской истории выступления монголов»,[35] «Появление монголов в Южной России»[36] и «Ближайшие годы по смерти Чингиз-Хана».[37] На заседаниях Подкомиссии на эту тему были прочитаны два сообщения: доклад А. Ю. Якубовского «Торговая дорога из Восточной Европы в Китай по северному побережью Каспийского моря в средние века» и доклад Ф. И. Успенского «Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу».[38]

(В. Н. Бенешевичем, редактировавшим текст В. А. Брима для публикации в годовом академическом отчете, эта фраза вычеркнута).

[30] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 9/31, л. 3.

[31] Там же, д. 34, л. 10.

[32] Там же, л. 17.

[33] Там же, л. 22. Протокол 12-го заседания Подкомиссии.

[34] Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет... С. 93.

[35] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 1, л. 37—38. Текст выступления сохранился в фонде самого Ф. И. Успенского: ф. 116, оп. 1, д. 27.

[36] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 1, л. 41—42.

[37] Там же, л. 51—52. Ср.: ф. 116, оп. 1, д. 28.

[38] ПФА РАН, ф. 126, оп. 3, д. 34, л. 38, 41. Автограф И. И. Соколова (секретаря Комиссии). В этом же деле (л. 36—36 об.) сохранился текст доклада, написанный самим

Другим направлением исследований, которому были посвящены многие выступления, было изучение скандинавских источников, освещающих русско-византийские связи. Так, еще на 3-м заседании[39] был заслушан доклад В. А. Брима об именах в договорах, в котором докладчик особенно подробно остановился на скандинавских именах. На 13-м заседании[40] В. А. Брим прочел доклад «Пути руссов по Волге к Черному морю», в котором разобрал археологические данные, сведения арабских географов и скандинавские источники, при сопоставлении которых стало возможным проследить путь по Волге и отметить в истории первое появление норманнов у Черного моря. Доклад, прочитанный В. А. Бримом на следующем заседании,[41] был посвящен руническим надписям в Византии. Ряд докладов Е. А. Рыдзевской рассказывал о скандинавских источниках, освещающих детали летописного текста,[42] в частности о клятвенных формулах в договорах и аналогиях в скандинавской литературе,[43] о военных сношениях Руси и скандинавов с Византией по греко-русским договорам и сагам,[44] о некоторых выражениях в греко-русских договорах.[45]

Некоторые из прочитанных на заседаниях Подкомиссии докладов были опубликованы. Так, 19 февраля 1926 г.[46] А. Ю. Якубовский сделал доклад на тему «Известия Ибн-Месхавехи[47] о походе руссов в Бердаа в 944 г.». «Изложив содержание относящегося сюда отрывка из истории Ибн-Месхавехи, А. Ю. Якубовский остановился на разборе этого известия. По мнению докладчика, известие Ибн-Месхавехи является первоисточником для истории похода 944 г. Ибн-ал-Асир только пересказал данные Ибн-Месхавехи, прибавив лишь одно место. Самостоятельный источник мы имеем в сочинении Моисея Каганкатваци»[48] — это краткий пересказ доклада, переданный в протоколе секретарем Подкомиссии В. А. Бримом. Полностью доклад был опубликован под названием «Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г.» в томе 24 «Византийского временника».[49] Немного позже А. Ю. Якубовский прочел доклад на тему «Торговые пути руссов на восток в X в.». В протоколе сказано: «Содержание доклада не приводится, так как он будет напе-

А. Ю. Якубовским (почерк его менее разборчив), незначительно отличающийся от «пересказа» И. И. Соколова.

[39] Там же, л. 5.

[40] Там же, л. 23.

[41] Там же, л. 25.

[42] Там же, л. 18.

[43] Там же, л. 20.

[44] Там же, л. 27.

[45] Там же, л. 38. См. текст доклада: Там же, д. 38. 4 л. Автограф Е. А. Рыдзевской.

[46] Там же, д. 34, л. 17.

[47] В рукописи протокола так.

[48] Моисей (Мовсес) Каганкатваци (Каланкатуйский), армянский писатель X в. Его «История агван» впервые была переведена К. Патканoвым (Патканяном) и издана в Петербурге в 1861 г. Недавно издан другой перевод: *Смбатян Ш. В.* Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван: Издательство Института древних рукописей им. Маштоца «Матенадаран», 1984.

[49] ВВ. 1926. Т. 24. С. 63—92.

чатан в „Византийском временнике”», но опубликован он не был (в «Византийском временнике» за 1927 г.[50] была опубликована другая работа А. Ю. Якубовского — «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.»). Протокол также сообщает, что «к докладу приложена нарисованная автором карта путей». Нами эта карта в архивах пока не обнаружена.

К сожалению, главная задача Подкомиссии — подготовка и критическое издание сводного текста договоров — так и не была выполнена, однако с образованием Подкомиссии и в ходе ее деятельности тема русско-византийских отношений в X—XI вв. получила в работе РВК дополнительное и более глубокое освещение.[51]

[50] ВВ. 1927. Т. 25. С. 53—76.

[51] О проблемах происхождения русско-византийских договоров X в., включенных в текст «Повести временных лет», о дипломатических особенностях и юридических нормах, связанных с историей византийской дипломатии, и о необходимости сравнительных исследований см., например: *Бибиков М. В.* Тексты договоров Руси с греками в свети византийской дипломатической практики // ΓΕΝΝΑΔΕΙΟΣ: К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 47—56.

Ю. ЯНЧАРКОВА

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Н. Л. ОКУНЕВА С Н. Я. МАРРОМ

Имя историка искусства Н. Л. Окунева до сих пор еще продолжает оставаться не возвращенным на родину и не включенным в контекст интенсивно создающейся в последние годы истории русской византинистики.[1] Его эмигрантский путь был сложен и трагичен, имя известно многим, но труды в силу труднодоступности — лишь небольшому кругу специалистов. Архив Окунева отсутствует, что осложняет восстановление его биографии и истории научной деятельности, особенно эмигрантского периода. Письма ученого коллегам сохранились только в Петербурге (местонахождение иных пока не удалось установить) и относятся к российскому периоду его жизни.

Предлагаемые вниманию пять эпистолярных документов адресованы Окуневым одному из его учителей — востоковеду и лингвисту, академику Николаю Яковлевичу Марру.[2] Материал этих и других писем частично был использован Г. Вздорновым в его статье «Материалы для биографии Н. Л. Окунева», где представлены и охарактеризованы некоторые этапы учебы Окунева, а также его труды в России. Целью нашей публикации является выявление научных проектов Марра в Армении, в которых принимал участие Н. Л. Окунев, уточнение круга выбранных им тем и результаты проведенной под руководством Марра работы, значение рабочего контакта с Марром для творческого роста молодого специалиста, а также маршрут и содержание экспедиции по охране памят-

[1] О нем см.: *Вздорнов Г. И.* Материалы для биографии Н. Л. Окунева // Зборник за ликовне уметности. Нови сад, 1976. Т. 12. С. 309—318 (далее — *Вздорнов*); *Джорджевич И. М.* Значение Н. Л. Окунева для истории сербской живописи // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. С. 213—219; *Myslivec J.* Nikolaj Lvovic Okunev. 5.V.1886—22.III.1949 // Byzantinoslavica. Prague, 1949. T. 10/2. C. 205—218; *Радојчич С.* Николај Лвович Окунев (5.V.1886—22.III.1949) // Старинар. Београд, 1951. Т. 2. С. 354—356.

[2] К основной литературе о Н. Я. Марре относится, например: *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. М.; Л., 1948 (далее — *Миханкова*); *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр. СПб., 2002.

© Ю. Янчаркова, 2007

ников древности и культуры на Кавказский фронт, совершенной летом 1917 г. под руководством Н. Л. Окунева.

В строках, посвященных науке, закодирована и информация о характере автора страничек, исписанных мелким аккуратным почерком. Этот маленький банк данных неоценим, поскольку позволяет нам понять те личностные качества, устремления, чувства, которые побуждали Окунева принимать часто рискованные решения и строить свою научную жизнь.

Обратимся к главным вехам биографии ученого в период до 1925 г., которым датировано последнее письменное обращение к Марру. Николай Львович Окунев родился 22 апреля 1885 г. в Варшаве.[3] После окончания Седлецкой гимназии в 1905 г. он подал документы на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился у профессоров Д. В. Айналова, С. Ф. Платонова, И. М. Гревса, Н. В. Ястребова и др. В 1911 г. Окунев получил выпускное свидетельство и был оставлен в университете, на кафедре теории и истории искусств для приготовления к профессорскому званию. Темой его диссертации являлось исследование лицевой рукописи Иоанна Кантакузина, хранившейся в Парижской национальной библиотеке (№ 1242).

Активную научную деятельность Окунев начал еще на третьем курсе в 1909 г., когда в составе группы учеников проф. Айналова на средства университета был командирован в Новгород, Псков и Старую Ладогу для изучения средневековых памятников. Вторую поездку в Новгород финансировало Императорское Русское археологическое общество, она состоялась летом 1910 г. Результатом явились сообщения в ИРАО и статья, посвященная архитектуре и ансамблю стенописи церкви Федора Стратилата.[4]

Начало рабочих взаимоотношений Окунева с деканом факультета восточных языков (с 1911 г.) академиком Н. Я. Марром относится к 1911 г. Окуневу представилась, опять же в рамках университета, возможность поехать на раскопки в столицу средневековой Армении — Ани, начатые Марром еще в 1892 г., позднее прерванные, вновь возобновленные в 1904 г., дававшие грандиозные результаты и превратившиеся в одно из самых крупных мероприятий российской гуманитарной науки того времени. Окунев с радостью принял приглашение.

Молодой ученый сосредоточился в первую очередь на архитектуре, он был включен Марром в работу над темами, посвященными церковным и гражданским постройкам города Ани. Итогом трудов под руководством Марра стали доклад в ИРАО, предварявший запланированную

[3] В эмиграции в выданном Н. Л. Окуневу нансеновском паспорте год рождения ученого (1885) был по ошибке заменен на 1886. Данные о периоде учебы Окунева в гимназии и университете приводятся по материалам студенческого дела. См.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 43536.

[4] *Окунев Н. Л.* Вновь открытая роспись церкви св. Федора Стратилата в Новгороде // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб., 1911. Т. 39. Вздорнов говорит о рано сложившейся специфической манере Окунева излагать материал сжато, ясно, логично и доступно, что отчетливо видно уже на примере названной работы. См.: *Вздорнов.* С. 312.

публикацию работы о круглых и многогранных храмах Ани, и статья «Город Ани»,[5] напечатанная Окуневым сразу же по возвращении, в 1912 г., и представляющая еще более широкую историческую панораму средневекового строительства в Армении. Работа захватила аспиранта. Академика Н. Я. Марра, вероятно, старания Окунева удовлетворили, он рекомендовал ученика в действительные члены ИРАО и даже хотел устроить Окунева к себе на факультет лектором по истории армянского зодчества.[6] Так установился долговременный тесный рабочий контакт, к Марру Окунев многократно обращался за помощью и за советом, организация Н. Я. Марром археологических и архитектурных исследований в Ани становится для Окунева, сумевшего оценить сложность подобного мероприятия, своего рода образцом.

Дальнейшие события, происшедшие в жизни Н. Л. Окунева, несколько отодвинули его планы по изучению армянского искусства и архитектуры. 12 июня 1913 г. он по собственному ходатайству был назначен на должность научного секретаря Русского археологического института в Константинополе (1894—1914)[7] и отбыл туда с женой[8] и только что родившейся дочерью Ириной.[9] РАИК сделал исключение из правил своего устава, приняв Н. Л. Окунева без ученой степени.[10] Ему обещали создать условия для научной работы и командировки за границу. Выбирая этот путь, Окунев руководствовался фактической неотложностью поездок, поскольку тот период его работы над диссертацией заключался в необходимости личного знакомства с памятниками Балкан и стран Западной Европы.

Новый этап научной деятельности принес Окуневу как успехи, так и разочарования, связанные с неосуществлением планов. Именно из Константинополя он писал Н. Я. Марру письма, в которых делился несбывшимся, сетуя на подход к делу Ф. И. Успенского и плохую организацию проводимых мероприятий. «Вот если бы здесь были в качестве главы заведения Вы, М. И. Ростовцев[11] или Я. И. Смир-

[5] *Окунев Н. Л.* Город Ани // Старые годы. Пг., 1912. С. 3—16.

[6] См.: письмо В. К. Мясоедова Л. А. Мацулевичу. ПФА РАН, ф. 991, оп. 3, д. 138, л. 247—248 об.

[7] О деятельности РАИК: *Августин*, архимандрит. Русский Археологический институт в Константинополе (1894—1914) // Богословские труды. М., 1986. № 27. С. 266—293; *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999 (далее — *Басаргина*); *Папулидис К.* Русский Археологический Институт в Константинополе (1894—1914). Фессалоники, 1987; *Пятницкий Ю., Юзбашян К.* Русский Археологический Институт в Константинополе (к 90-летию со дня основания) // Палестинский сборник. Л., 1987. № 29. С. 3—12; *Пятницкий Ю. А.* Русский Археологический Институт в Константинополе // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 28—31.

[8] Вера Петровна, урожденная Патрик (1888—?).

[9] Окунева-Расовская Ирина Николаевна (1913—1941), окончила Карлов университет, искусствовед, специалист по древнерусскому и византийскому искусству, автор статей, посвященных иконам, литой пластике, иконографии святых. Жена историка Д. А. Расовского.

[10] О деятельности Н. Л. Окунева в РАИК подробнее см.: *Басаргина*.

[11] Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, археолог, действительный член РАН (с 1917 г.) и многих других иностранных академий, обществ. Он яв-

нов!»[12] — сожалел Окунев. Ни в желанную Сербию, ни далее на запад ему, несмотря на прилагаемые старания и обещания Ф. И. Успенского,[13] так и не удалось поехать, поэтому он ограничился Константинополем: наблюдениями над мозаиками Кахрие Джами, архитектурным строением храма Св. Софии и др. «Материал же для исследований здесь неисчерпаемый. Интересуясь живописью и церковными росписями, я за это время исподволь собирал сведения и получил ряд указаний на, по-видимому, очень важные памятники, о которых почти ничего не известно», — сообщал Н. Л. Окунев Марру. Время пребывания Окунева в Константинополе было коротким, немногим более года: 28 октября 1914 г. молодой ученый был прикомандирован для научных занятий к Академии наук, где патронат над ним взял на себя академик Н. П. Кондаков.[14]

В Петербурге Окунев обрабатывает привезенный из столицы Византии материал, осенью 1915 г. выступает с сообщением в ИРАО о перестройках собора Св. Софии Константинопольской, публикует текст доклада в журнале «Старые годы»,[15] мечтает издать отдельную, богато иллюстрированную книгу о Св. Софии в Константинополе.

Работая при Академии наук, Окунев продолжает разрабатывать начатые ранее темы. Он занимается вопросом происхождения архитектурных форм древнерусских храмов. Во время собственных изысканий в храме Св. Софии в Киеве, в его юго-западной части, Окунев обнаружил «небольшое помещение, давно заброшенное, превращенное в складочное место»[16] — крещальню, плачевное состояние сохранности которой позволило ему поразмышлять «об архитектуре здания по открытым частям кладок и определить характер росписи по фрагментам фресок».[17] Ученый приходит к выводу о существовании двух рядов открытых притворов, что, по мнению Окунева, «совершенно не вяжется с установившимися представлениями о фасадах византийских церквей».[18] Эти наблюдения позволили Окуневу сделать вывод о знании строителями Св. Софии архитектурных форм как византийских, так восточных и западных, что и было использовано для создания «нового образца» архитектуры. В статье об этом Окунев впервые издал фресковую живопись крещальни Софийского собора в Киеве.

Кондаков писал в характеристике, что, кроме этих находок, Окунев разрабатывал вопрос происхождения «грановитых палат» в контексте влияния готики на русское каменное зодчество, занимался программой росписи дьяконника Спасо-Мирожского собора во Пскове. Ученый продолжил работу по составлению ряда статей для «Нового энциклопедического словаря» (НЭС) Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона.[19] В этот период своей научной деятельности молодой ученый вновь возвращается к проблемам изучения армянского искусства.

В 1915 г. семья Окунева увеличилась: на свет появилась вторая дочь — Вера.[20]

В июне 1917 г. Окунев был принят в Петроградский университет в качестве приват-доцента. Тогда же он был снова приглашен Н. Я. Марром для участия в экспедиции, на этот раз по охране памятников в районе военных действий на Кавказском фронте, организуемой Российской Академией наук с 1915 г.

Окуневу удалось выехать в Тифлис только 21 июня, вернулся он в Петроград 28 сентября 1917 г. Первоначально предполагалось, что ученого будет сопровождать архитектор-художник В. Н. Максимов, коллега по планам издания книги о Св. Софии Константинопольской, так и не реализованным, однако в последний момент отказавшийся от поездки. Максимова заменил А. Я. Белобородов,[21] отправившийся вслед за Окуневым 2 июля 1917 г. Единственным опубликованным свидетельством данной командировки является отчет Н. Л. Окунева, вышедший в «Известиях РАН».[22]

Из Тифлиса в направлении Эрзерума поехала группа из трех специалистов, кроме Окунева и Белобородова в ней находился фотограф, командированный Управлением генерал-комиссара Турецкой Армении, Бульбенко. В Гассан-Кале к экспедиции планировал присоединиться хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисьян, производивший там раскопки. Семейные обстоятельства не позволили ему выполнить задуманное, и Окунев, Белобородов и Бульбенко, сфотографировав Гассан-Калинскую крепость, развалины армянского монастыря Аствацацин и руины церквей в окрестностях Гассан-Кале, двинулись дальше. В Эрзеруме Окунев занимался исследованием и фотофиксацией сель-

---

лялся одним из первых членов-сотрудников РАИК, оказавшим институту помощь при комплектовании библиотеки и обустройству. Подробнее: *Басаргина*. С. 125.

[12] Смирнов Яков Иванович (1869—1918), историк искусства, византинист, востоковед, археолог, сотрудник Эрмитажа, член-корреспондент РАН (с 1907 г.). Один из первых членов-сотрудников РАИК, участвовал в комплектовании коллекций РАИК. Подробнее см.: *Басаргина*. С. 126.

[13] Успенский Федор Иванович (1845—1928), историк-византинист, славист, академик Петербургской АН (с 1900 г.), директор РАИК (1894—1914).

[14] Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог, ординарный академик Петербургской АН (с 1900 г.) и иностранных академий, действительный член многих научных обществ и организаций. Н. П. Кондаков написал Окуневу характеристику для представления в Академию наук с анализом его научной деятельности, приведенную в полном варианте Г. И. Вздорновым. См.: *Вздорнов*. С. 314—315.

[15] *Окунев Н. Л.* Храм св. Софии в Константинополе // Старые годы. Пг., 1915. С. 3—29.

[16] Там же. С. 2.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 23.

[19] К ним относятся, например, статьи НЭС (СПб., 1911—1916): Иконописание или иконопись. Т 19. С. 173—177; Древнехристианское искусство. Т. 16. С. 775—782; Грановитая палата. Т. 14. С. 732—733; Византийское искусство. Т. 10. С. 485—493.

[20] Окунева В. Н. (1915—1998), в замуж. Покорна.

[21] Белобородов Андрей Яковлевич (1886—1965), фотограф, умер в эмиграции в Италии. О нем см.: *Shiskin A.* Andrei Beloborodov and Italy // Archivio russo-italiano IV. A cura de Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2005. P. 369—384.

[22] Предварительный отчет приват-доцента Петроградского университета Н. Л. Окунева о командировке летом 1917 г. на Кавказский фронт для охраны памятников древности и культуры // Изв. РАН. 1917. № 17. С. 1435—1438 (далее — Предварительный отчет).

джукских памятников, в XII—XIII столетиях оказывавших влияние на армянскую архитектуру, выражавшееся, по мнению Окунева, в формах конусообразных сталактитовых куполов. Через Мемахатун экспедиция проследовала в Эрзинджан, потом опять в Эрзерум, Бейбурт (Байбурт)[23] и в Испир. На расстоянии 12 верст от Бейбурта, в деревне Варзахан, учеными были обследованы «развалины двух армянских церквей, чрезвычайно интересных и по планам, и по конструкции сводов, и по отделке».[24]

Вторая часть пути, проходившая вдоль течения реки Чороха, внезапно осложнилась, поскольку А. Я. Белобородов, заболевший лихорадкой, покинул группу и вернулся в Россию. Окунев с фотографом прибыли в села Кале-Касрык, Данзут (Тандзот), Арсис и Киским с целью собрать среди местных жителей сведения о находящихся в районе архитектурных постройках. Опираясь на полученные указания, Окунев составил дальнейший маршрут: Дорт-Килиссе (Дорт-Килисе, Кирк-Килиссе), Бархал (Пархал), Ишхан, Эошк (Ошк, Оэшк), Хахул (Хаху, Хахо). Первый из намеченных пункт сразу же поразил воображение искусствоведа впечатляющих размеров трехнефной базиликой, превращенной в загон для скота. В Бархале участники экспедиции обнаружили подобную, хорошо сохранившуюся базилику, с почти уничтоженными настенными росписями. Подобные храмы, перекрытые коробовыми сводами и датированные Окуневым X столетием, напоминали, по его мнению, образцы западной романской архитектуры. Данная находка опровергала еще долго бытующее мнение, что «в позднейшую эпоху бескупольные базилики перестали строиться».[25]

Переход в Ишхан занял 5 дней, но трудный путь оправдал себя. Окунев писал: «Ишханский храм представляет собою купольную базилику в виде латинского креста в плане. Сохранность его значительно хуже — обрушились своды (западный, южный) и конха апсиды, но зато сохранились фрагменты росписи в куполе и на склоне северного свода».[26] В апсиде сохранилась уникальная гранитная колоннада с резными капителями времени Нерсеса III. Большая церковь X в. в селе Эошк-Ванк представляла собой похожее по форме на собор в Ишхане «соединение трехнефного триконха с однонефной базиликой»,[27] снаружи она была богато украшена рельефами, ее своды в западной части не уцелели и живопись была уничтожена. Окуневу удалось добиться, судя по отчету, чтобы в северном притворе ишханской церкви была поставлена дверь, не позволяющая скоту попадать туда и портить росписи. Ученый также настоял на том, чтобы размещаемые в храме в Эошк-Ванке запасы сена, телятник и кладовая съестных припасов были удалены из его притворов. Хахульский храм явил собою крестообразную купольную базилику (Окунев называл этот тип формой свободного креста) с уцелевшими фрагментами живописи.

По дороге в Россию Окуневу удалось посетить, исследовать и сфотографировать крепость и мечеть в Ольтах, руины церкви в Бане, около деревни Пеняк, собор в Карсе. Во время двухнедельного ожидания проявленных фотографий в Тифлисе Окунев съездил в Мцхет для ознакомления с его древностями, посетил музеи.

Результатами экспедиции Окунев считал свои дневники с записанными наблюдениями, позднее вывезенные в Прагу, меры, принятые им по спасению наиболее ценных компартиментов храмов, а также планы, чертежи и фотографии в количестве 500 штук, хранимые в Петербурге. Подробную информацию об этом он отправил Марру из Одессы, куда попал в октябре 1917 г. Судя по тому, что в Петербурге у Окунева не было времени даже просто систематизировать привезенные негативы и предоставить Марру отчет о поездке, мы можем предположить, что Окунев переехал в Одессу в экстренном порядке.

Одесский период был связан с деятельностью Н. Л. Окунева в Новороссийском университете, письмо Н. Я. Марру рассказывает нам о подробностях первых шагов преподавателя, о его успехе у студентов, интересе к его лекциям. В этом южном городе Окунев, сам того не ожидая, по изменившемуся закону в 1917 г. был повышен на должность профессора. В 1919 г. в семье Окуневых рождается третий ребенок — сын Михаил.

В Одессе Окунев активно общался с читавшим там лекции академиком Н. П. Кондаковым, там же произошла и размолвка коллег-профессоров, вылившаяся в неприятие Кондаковым Окунева на все оставшиеся годы. Не помогло и то, что оба они, спустя несколько лет оказались в эмиграции в Праге. Окунев со своей стороны делал попытки к примирению, Кондаков не принимал их и остро высказывался по адресу бывшего ученика, некрасиво изворачивая и передергивая факт получения им профессорского звания.

Мы можем предположить, что еще в Одессе Окунев узнал ужасающие новости о гибели всей 16-летней работы в Армении — пропаже в 1918 г. целого вагона, следовавшего в Тифлис и содержащего весь анийский архив.

Если обратиться к публикуемым документам, то все они, будучи разновременными и отправленными из разных мест, имеют нечто общее. В них виден подход Окунева к той или иной научной проблеме или к комплексу вопросов — везде обстоятельный и конкретный. Письма характеризуют Н. Л. Окунева в первую очередь как ученого, глубоко преданного своему делу, а также как способного руководителя, обладающего чутьем, немалым дипломатическим тактом и умением организовать, спланировать, рассчитать. Во многом он был обязан этим Н. Я. Марру, активное общение с опытным археологом явилось для него своего рода этапом в научном формировании.

---

[23] Написание названий селений, в которых находились постройки, в письмах и в отчете, а позднее в статье (примеч. 25) несколько отлично. Варианты приводятся в скобках.

[24] Предварительный отчет. С. 1436.

[25] *Окунев Н. Л.* Армяно-грузинская церковная архитектура и ее особенности // Русский зодчий за рубежом. Прага, 1938. № 9—10.

[26] Предварительный отчет. С. 1437.

[27] *Окунев Н. Л.* Армяно-грузинская церковная архитектура. С. 18.

Окунев эмигрировал из Одессы в феврале 1920 г.,[28] он был приглашен преподавать археологию в отделении Белградского университета, расположенном в Скопле (Македония). 1 марта 1923 г. по приглашению Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики он перебрался в Прагу, где сначала читал лекции для русских студентов-эмигрантов, а в 1925 г. стал профессором философского факультета Карлова университета. Летом 1924 г. в Прагу к Окуневу смогла приехать и его жена с тремя детьми.[29]

Как и многие другие, ученый оказался оторванным от почвы русской научной академической и университетской среды, взрастившей его. Последнее письмо Марру датировано 1925 г., Окуневу тогда уже удалось посредством Русского консульства в Константинополе выписать и получить свою библиотеку и ящики с рабочими материалами.[30] У Окунева в руках оказались результаты кавказских и новгородских поездок — дневники, планы, фотографии, но ему не с кем было это обсуждать, советоваться, у него не хватало многого из научной литературы. Оказавшись в тяжелейших для ученого условиях, Окунев вновь обратился к человеку, принявшему когда-то активное участие в его жизни и всегда откликавшемуся на просьбы помочь и советом, и отправкой изданий. Но ситуация в середине 1920-х гг. была уже совершенно иной. Горькие и очень осторожные слова, посланные из Праги, остались без ответа.

Окунев, несмотря на это, использовал свои находки, анализируя, например, сербское зодчество и говоря о влиянии армянской архитектуры на развитие планов сербских церквей XII и XIII вв. В Праге Окуневу удалось заинтересовать своим предметом молодого коллегу, к сожалению рано ушедшего из жизни, сотрудника Археологического института им. Н. П. Кондакова — Николая Михайловича Беляева (1899—1930), совершившего в 1927 г. поездку в Сербию и начавшего изучать сербские настенные росписи. В его фонде хранятся некоторые фотографии, сделанные Окуневым в экспедиции по охране памятников. Непосредственно к армянскому искусству Н. Л. Окунев вернулся лишь один раз — в статье, написанной в 1938 г. и опубликованной в газете «Русский зодчий за рубежом», упомянутой выше. В ней ученый говорит об особенностях перечисленных и иных церквей, существенно дополняя основополагающее на тот момент исследование Й. Стржиговского «Архитектура армян и Европа».[31] Окунев подчеркнул важность изучения построек этого региона, давшего миру разнообразие форм и богатство вариантов, нашедших отражение в архитектуре Византии, Древней Руси, Болгарии, Румынии. Сельджукские памятники Окунев называл детищем армянского зодчества, он видел «поразительное сходство» храмов Армении с романскими сооружениями Запада. В данной статье наконец нашли своего зрителя и некоторые фотографии, сделанные в экспедиции в 1917 г.

[28] Государственный центральный архив Чехословацкой Республики, ф. PŘ 1941—1951, к. 8127, о. 107/4 Okunev N.

[29] Там же.

[30] Архив Министерства иностранных дел. 2-я секция. К. 52.

[31] *Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.

Рукописные оригиналы писем хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Пользуясь случаем, сердечно благодарим директора Архива И. В. Тункину за любезное разрешение публиковать данные документы. Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии, стиль и особенности написания оставлены без изменения.

Письма Н. Л. Окунева Н. Я. Марру

1

Константинополь. 30.III.1913 г.

Жена и я шлем Вам, многоуважаемый Николай Яковлевич, Александре Алексеевне[1] и сыновьям Вашим[2] свои сердечные поздравления и пожелания. Мы со здешней жизнью уже почти совсем освоились и чувствовали бы себя хорошо, если бы у меня было другое начальство. Если Успенский[3] не испортит дела, то я летом собираюсь в Сербию изучать тамошние церкви. Недавно здесь был проездом в<еликий> к<нязь> Конст<антин> Константинович,[4] и мне удалось заинтересовать его этим вопросом — он обещал просить Государя дать средства на эту экспедицию. Было решено, что Усп<енский> тотчас же пошлет К<онстантину> К<онстантинови>чу вслед докладную записку об этом, но, как теперь кажется, У<спенс>кий начинает сознательно затягивать дело и записка до сих пор не послана, несмотря на то что мною предоставлены материалы для нее. Надеюсь, что все-таки как-нибудь дело это мне удастся устроить.[5] Что у Вас нового? Из письма Александры Алексеевны знаю, что существует какое-то странное отношение к Вам закавказских армян. Неужели это правда? И неужели Вы будете делать перерыв в Ваших работах в Ани?[6] Может быть, все это еще не так страшно?

Искренне преданный Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 2—3.

[1] Имеется в виду жена Н. Я. Марра — Александра Алексеевна, урожд. Жуковская (1893—1940).

[2] Н. Я. Марр имел двоих детей — Юрия и Владимира. Ю. Н. Марр (1913—1935) окончил факультет восточных языков Петроградского университета, иранист, филолог-литературовед, языковед, фольклорист. Писал стихи, рисовал, занимался музыкой. В. Н. Марр, младший сын, погиб от тифа во время Гражданской войны в 1921 г.

[3] Успенский Федор Иванович (1845—1928), директор РАИК. Под «делом» подразумевается инициатива, начатая в 1908 г. самим Успенским и подхваченная в 1914 г. Ф. И. Шмитом, бывшим сотрудником РАИК и заведующим кафедрой теории и истории искусств Харьковского университета, касающаяся изучения и издания сербских храмовых росписей. Первая мировая война не дала возможности этому большому проекту осуществиться. Подробнее см.: *Банк А. В.* Из истории изучения памятников серб-

ского искусства в России // Зборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1968. Т. 4. С. 239—245.

[4] Романов Константин Константинович (1858—1915), великий князь, внук императора Николая I, президент Российской Академии наук (с 1889 по 1915 г.), почетный член РАИК, посетил институт 23 марта 1914 г. (*Басаргина*. С. 214).

[5] Записка была подготовлена Ф. И. Успенским и подана, посредством вел. кн. Константина Константиновича, Николаю II в апреле 1914 г. (*Басаргина*. С. 214—217). Надежды Н. Л. Окунева не оправдались.

[6] Конфликт заключался в том, что известный австрийский историк искусства Йозеф Стржиговский (1862—1941) использовал формы армянской архитектуры для доказательства собственной теории о восточном происхождении каролингского искусства (см.: *Strzygoivski J.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918). «Теория Стржиговского имела целью выделить армянское искусство из его кавказского окружения, связать его с искусством мировым, т. е. западноевропейским, тем самым укрепить представление об исконном индоевропеизме армян» (*Миханкова*. С. 142—143). Марр не был склонен «„поддерживать современные политические взгляды историческими справками", когда эти взгляды он считал неправильными. <…> Ответом на такую программу было недовольство в тех кругах, которые поощряли раскопки в Ани и финансировали их…» (Там же). Автор книги о Марре приводит письмо Марра С. Ф. Ольденбургу: «Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, ведомой против меня в армянском обществе. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня и в научных изысканиях должна быть грузинская психология, хотя бы наполовину. Но почему и у армян претензия требовать от меня националистической программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что я „Ани отнимаю у армян и передаю русским", что в Ани я „умаляю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской" и „даже турецкой"» (АРАН, ф. 208, оп. 2, № 81; цит. по: *Миханкова.* С. 143).

2

Константинополь, 21 декабря. 1913 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич, мое более чем 4-месячное пребывание здесь было связано со многими неудачами и волнениями — с одной стороны, очень трудно было устроиться с минимальными средствами при здешней дороговизне, с другой — постоянно происходили трения и недоразумения между мною и начальством. Оказалось, что я не так понял свою деятельность здесь, думал, что буду заниматься ученым трудом по преимуществу, а выходит, что я прежде всего «не имеющий чина и состоящий в VI классе» чиновник. Об условиях, на которых я принял предложение ехать сюда, — 1) свобода в области научного исследования и 2) ежегодная трехмесячная командировка за границу, — как будто никогда и речи не было, да на командировку и средств никаких, по-видимому, нет. Они, может быть, и были бы, если бы не тратились без толку. Весь год жалуются на отсутствие денег, просят об усилении средств и тратят со скупостью невероятной, а к концу года оказывается, что в кассе остается крупная сумма, лир во 100, которую во что бы то ни стало нужно израсходовать, чтобы не было остатка. Для этого выписывают всякие фотографичекие приборы подороже, хотя в них особенной надобности нет, а главное, массой покупается всякий старый хлам, который запирается затем в одной из комнат Института, имеющей громкое, не по заслугам, название музея.[1] Вначале были

открытые столкновения, когда я никак не мог понять, что непременно нужно во время занятий сидеть за определенным столом и в определенной комнате, что, когда я хочу пойти в город изучать памятники, я должен всякий раз проситься, что когда мне во время работы, например, нужны фотографии из институтского собрания, то я опять-таки должен спросить разрешения их посмотреть, и т. д. и т. п. Теперь уже они понемногу прекращаются, так как я превращаюсь в канцеляриста и стараюсь не возбуждать перед начальством никаких «вопросов»: мне наружно предоставляется делать, что я хочу, но все время я чувствую за своей спиной недовольство. Согласитесь, что такое положение угнетает — не хочется писать, чтобы не жаловаться. Общую атмосферу здешних отношений, которые никак нельзя назвать человеческими, Вы, вероятно, знаете, так что об этом нечего и писать.

Скажу только, что с П<анчен>ко[2] я, как это ни странно, живу в мире, но при этом вспоминаю слова М. И. Ростовцева, который говорил, что мир или ссора с П<анчен>ко безразличны, так как одинаково бесполезны. Это жалкий человек, совершенно загубленный У<спенс>ким — стыдно смотреть на 42-летнего ученого, который бледнеет и долго топчется на месте прежде, чем подойти к Его Пр<евосходительст>ву, который допускает, чтобы последнее говорило ему грубости и колкости на каждом шагу, который говорит со страхом в глазах: «Вся судьба моя в руках этого человека, он каждую минуту может меня выгнать!».

Душевное настроение каждого из нас заключается в том, что У<спенс>кий боится, чтобы кто-нибудь как-нибудь не покусился на его достоинство, П<анчен>ко боится, чтобы его не выгнали, а я боюсь, чтобы меня не покрыла плесень и чтобы от меня не пошел дух затхлости, так свойственный К<онстантинопольскому> институту.

Деятельность института заключается в том, что Ф<едор> И<ванович>,[3] как известно, пишет историю Византии,[4] П<анченко>ко пишет III том этой истории (в промежутках напивается), Клуге[5] чертит карты и делает фотографии для этой истории (также в удобную минуту напивается), Лесис (наш «нештатный служащий»* для письма) переписывает на машинке эту историю, один я покуда еще ничего для этой истории не делаю и пишу только карточки библиотечного каталога, заношу в инвентарь, в систематический каталог, а в промежутках ухитряюсь делать свое дело. В области действительной археологии институт ничего не предпринимает в настоящее время, все же попытки последнего времени потерпели фиаско. Так задумали большое, интересное и важное дело — исследовать развалины базилики Студия, поручили его П<анчен>ко, а тот так стал разговаривать с тамошними муллами, что они его со скандалом в самый разгар работ оттуда прогнали: тем дело и кончилось, хотя надежды не оставляются... ждут времени, когда русское влияние в Турции вновь упрочится.[6] Бог дал пожар — сгорел громадный квартал между мечетью Султан-Ахмета и морем: место, где был большой дворец.[7]

---

* Особая категория лиц, которым подают руку слегка и которых чай пить не приглашают! (*Примеч. Н. Л. Окунева.*)

Предпринято исследование этой драгоценной территории, правда, спустя два года после пожара, когда начались уже работы по нивелированию площади, а поручили вести его П<анчен>ко. Три с половиной месяца изо дня в день лазил несчастный Клуге по сырым и грязным подвалам и измерял их. Составил план развалин, но без всякого их исследования, так что иногда совершенно неизвестно, зала ли это византийского дворца или турецкая конюшня. Правда, исследования и нельзя было сделать, так как для этого необходимы раскопки, а их нельзя произвести, потому что во-1) денег нет, а их на это нужно очень и очень много, а во-2) турки не разрешают и не разрешат никогда, покуда во главе института стоит У<спенс>кий и покуда с ними будут разговаривать так, как они разговаривают. Сделана работа, громадная по объему и трудности, но решительно без всякого научного значения. Вот и все, в чем выразилась научная работа института в течение трех последних лет (не считаю Шмита,[8] которому удалось после целой войны с У<спенс>ким вырваться в Никею и на Хиос). Материал же для исследований здесь неисчерпаемый. Интересуясь живописью и церковными росписями, я за это время исподволь собирал сведения и получил ряд указаний на, по-видимому, очень важные памятники, о которых почти ничего не известно. Если бы здесь были Вы и если бы дело было поставлено так, как у Вас в Ани, то сколько можно было бы сделать — просто без канцелярии. Но с Успенским не надеюсь ни на какой успех. Вот если бы здесь были в качестве главы заведения Вы, М. И. Ростовцев или Я. И. Смирнов!

Сегодня прочитал в Изв<естиях> Ак<адемии> наук, что грузино-греческая рукопись наконец приобретена в Публичную библиотеку.[9] Надеюсь, что она была найдена Вами в Азиатском музее[10] в совершенном порядке, так же, как и негативы с нее. Как я писал Вам в Ани, мне пришлось ее оставить под расписку служителю Брядову, что меня, признаться, несколько беспокоило. В каком положении находится теперь вопрос об ее издании? Как Вам известно, я прошлой весной в П<етер>бурге показывал ее У<спенс>кому, и он тогда высказал мысль, что хорошо бы издать ее Кон<стантино>польскому институту. Так как он теперь отпирается от всего, что он тогда говорил, выходит, что «издание памятников, находящихся в П<етер>бурге, не входит в задачи института».* Я исподволь (между карточками) подбирал здесь некоторый материал к этой рукописи, но мое участие в ее издании, если я останусь здесь, кажется мне теперь безнадежным. Начал ли кто-нибудь ее изучение со стороны текста?[11]

Очень интересуюсь результатами кампании этого года в Ани и Ваших поездок. Где копали нынче и что нашли?[12] Кто были Ваши сотрудники и как они Вас удовлетворили?[13] Мой долг перед Вами (круглые храмы и роспись Пркиго) обещаю заплатить, как только смогу.[14] Пополняется ли Анийская серия[15] и пишет ли кто-нибудь и что-нибудь об Ани? Кстати, в институтской библиотеке нет ни одного выпуска Анийской серии, а потому есть просьба к Вам, если возможно, выслать их

* Подлинные слова господина Директора. (*Примеч. Н. Л. Окунева.*)

нам. Лично я очень хотел бы получать «Христианский Восток»,[16] которого у меня нет даже первого выпуска. Что у Вас нового? Как поживает Александра Алексеевна и сыновья Ваши? Очень я сожалею, что приезд Юрия Николаевича[17] совпал с моим — теперь уже я мог бы быть его руководителем здесь. Володя,[18] вероятно, уже настоящий гимназист, в солдатики уже не играет, «собака» пишет верно и по железнодорожному указателю давно выехал за пределы России! Передавайте, пожалуйста, Александре Алексеевне и Вашим сыновьям мой самый сердечный привет и поздравления с праздниками и примите от меня уверения в искреннем уважении и преданности. Очень жалею, что так далеко от Вас. Жена моя также просит передать свой привет и поздравления.

Ваш Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 4—9 об.

[1] Коллекция музея начала формироваться в первый год работы РАИК. Целенаправленно собирались рукописи, фрагменты архитектуры и надгробий, печати и др. После того как Турция в октябре 1914 г. вступила в войну, русские подданные вынуждены были покинуть Стамбул. Имущество РАИК было конфисковано турками, собрание хранилось в подвалах Оттоманского музея до 1929 г. Позднее часть коллекции, посредством русского консульства, была отправлена в США, а часть передана в СССР. Окуневу удалось заполучить в Прагу свою библиотеку и письменные материалы. О музее подробнее см.: *Пятницкий Ю. А.* В музее Русского археологического института в Константинополе. СПб., 1993.

[2] Панченко Борис Амфианович (1872—1920), ученый секретарь и заведующий библиотекой и канцелярией РАИК с 1901 г.

[3] Имеется в виду Ф. И. Успенский.

[4] Труд Ф. И. Успенского выходил на протяжении 25 лет: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М.; Л., 1913—1948. Т. 1—3.

[5] Клуге Николай Карлович (1869—1947), художник, внештатный сотрудник РАИК, копировал мозаики, составлял планы, разрезы, чертежи.

[6] Работы РАИК по изучению базилики Студийского монастыря (V в.) продолжались в период в 1906 по 1909 г. Исследования велись посредством раскопок, право на проведение которых сумел выхлопотать Ф. И. Успенский. Результатом явился монументальный труд Панченко, посвященный рельефам монастыря. См.: *Панченко Б. А.* Рельефы из базилики Студия в Константинополе // ИРАИК. 1912. Т. 16. С. 1—359. Подробнее о работах РАИК см.: *Басаргина.* С. 38—39.

[7] Пожар произошел в 1912 г. В начале июля 1914 г. РАИК получил разрешение произвести зондажи. «В половине июля политическое положение стало настолько напряженным, что работы пришлось прекратить в самом начале» (*Басаргина*. С. 214—218). Результаты двухнедельного исследования дворца представлены в «Отчете о деятельности РАИК за 1914 г.» (РГИА, ф. 757, оп. 1, д. 43, л. 2—11. Отчет опубликован в книге Басаргиной. См.: *Басаргина.* С. 214—218).

[8] Шмит Федор Иванович (1877—1937), с 1901 по 1904 г. стипендиат РАИК, занимался изучением мозаик Кахрие-Джами. С 1908 г. — ученый секретарь РАИК. На Хиосе Шмит совместно с Н. К. Клуге с 23.12.1910 по 16.01.1911 исследовал архитектуру и мозаики монастыря Неа Мони. В Никее Шмит был в 1912 г. Подробнее см.: *Басаргина*. С. 112.

[9] Имеется в виду небольшого формата, толстая (146 с.) рукопись, на греческом и грузинском языках, исполненная на тонкой, желтого оттенка бумаге и сопровожденная множеством (800) иллюстраций. Окунев датировал памятник XIV столетием и идентифицировал рукопись как «сборник духовного содержания, состоящий из евангельских текстов, церковных песнопений, молитв, апокрифических сказаний и т. п.». Подробнее см.: *Окунев Н. Л.* О грузино-греческой рукописи с миниатюрами // Христиан-

ский Восток. СПб., 1912. Т. 1, вып. 1. С. 43—44. Рукопись хранится в настоящее время в РНБ. См.: РНБ. Разноязычная, О.I.58.

[10] Азиатский музей Академии наук, сегодня Институт востоковедения РАН, был основан в Петербурге в 1818 г. на основе азиатских коллекций, поступивших из Кунсткамеры. Задачей музея явилось собирание литературы в области востоковедения, как печатной, так рукописной и эпиграфической. Уже в начале XX в. музей представлял собой одно из богатейших собраний в мире.

[11] Издание рукописи было осуществлено сравнительно недавно, в конце 1990-х гг., исследовательницей Л. М. Евсеевой. Она считает рукопись древнейшей из сохранившихся до нашего времени книгой образцов иконописца, исполненной греческими и грузинскими мастерами в Иверском монастыре на Афоне в конце XV в. См.: *Евсеева Л. М.* Афонская книга образцов XV в. М., 1998.

[12] Работы летнего сезона 1913 г. в Ани сосредоточились «главным образом у храма Спасителя, остатков дворца Абулгариба и часовни типа приходских церквей, маслодавилен и других хозяйственных и жилых сооружений. Были исследованы также мечеть Мануче и Анийский собор, обследован Баш-Шурагел, где произведены раскопки городища и исследован Ширакаванский храм, а также зарегистрированы армянские надписи в различных пунктах» (*Миханкова*. С. 205—206).

[13] В «анийский» коллектив сотрудников Н. Я. Марра в 1912—1917 гг. входили И. А. Орбели, И. А. Кипшидзе, Д. А. Кипшидзе, С. Ломиа, А. Г. Шанидзе, К. С. Кекелидзе, С. В. Тер-Аветисян, Н. Г. Адонц, И. А. Джавахишвили, а также студенты и местные научные работники.

[14] Данные планы так и не были реализованы.

[15] Речь идет о серии изданий «Анийские древности» (1906—1916), в которой увидело свет 8 книг.

[16] Журнал «Христианский Восток» был учрежден в 1912 г. при Императорской Академии наук благодаря инициативе академиков Б. А. Тураева, Н. Я. Марра и В. Н. Бенешевича. За десятилетие существования журнала было выпущено 6 томов.

[17] Имеется в виду сын Н. Я. Марра — Ю. Н. Марр, который окончил в 1913 г. гимназию и посетил Константинополь, будучи студентом первого курса Санкт-Петербургского университета.

[18] Имеется в виду младший сын Н. Я. Марра, В. Н. Марр.

3

Тифлис, 4 сент. 1917 г.

Многоуважаемый и дорогой
Николай Яковлевич,

вчерашнего дня я приехал в Тифлис, закончив свою поездку. Хотя начало ее было связано со многими неудачами, вторая ее половина была настолько удачна и интересна, что с избытком, как мне кажется, их искупила. Маршрут первой половины был таков — Гассан-Кале, Эрзерум, Мемахатун, Эрзинджан, Бейбурт. Несмотря на то что мы в этих местах были прекрасно обставлены в смысле средств передвижения и т<ому> под<обное>, дело не удовлетворяло — христианских памятников почти не видели.[1] К тому же архитектор Белобородов почти все время или был болен, или плохо себя чувствовал. Наконец, в Бейбурте перед началом второй, более трудной части путешествия он так ослаб, что, несмотря на все свое желание ехать дальше, вынужден был отказаться от этого и вернуться в Россию. Итак, дальнейшую поездку я уже совершил один с фотографом по такому маршруту — Бейбурт, Испир, Киском, Арсис, Дорт-Килисе, Бархал, Ишхан, Эошк-Ванк, Хахул, Олты, Бана, Карс. Несмотря на очень большие трудности пути, иногда почти совсем непроходимые, даже верхом, дороги, трудность добывания фуража и провианта, эта половина моего путешествия оказалась в высшей степени удачной, интересной и поучительной. Фотографии снимались в очень обильном количестве, описания составлялись как можно полнее и обстоятельнее, недоставало только архитектора. На обратном пути столкнулся с экспедицией Такайшвили,[2] движущейся по тому же маршруту в обратном порядке. Каковы будут их результаты, покажет будущее. Некоторые подробности, касающиеся того, что мне удалось повидать, передаст Вам И. А. Орбели,[3] так как их в рамки письма не уместить, а ему я кое-что успел рассказать. Здесь, в Тифлисе, мне придется провести некоторое время, не менее недели, а то и дней 10, для того чтобы проявить эту часть негативов, которая осталась непроявленной.[4] Чтобы использовать это время, думаю съездить в Мцхет, Аптену, Набахтево и Цроми,[5] благо все это близко. Посылаю Вам это письмо с И. А. Орбели, который завтра собирается выехать в Питер.

Меня очень беспокоит положение петроградцев и, в частности, моей семьи, для которой, в настоящий момент, я бессилен что-либо сделать. Числу к 15-му, я буду, чуя поведение в Петрограде.[6] Пока желаю Вам всего наилучшего. Привет А<лександре> А<лексеевне> и Володе.

Преданный Вам Н. Окунев.

P. S. Письмо Ваше от 17 июля о реставрации анийского собора и о Комиссии[7] получили только вчера.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 13—14 об.

---

[1] В нескольких километрах от Бейбурта, в деревне Варзахан, Окуневым и Белобородовым были обследованы развалины двух армянских храмов.

[2] Такайшвили Евфимий Семенович (1863—1953), грузинский историк, филолог, археолог, один из основателей (1918) и первых профессоров Тбилисского университета. В период в 1921 по 1945 г. проживал в эмиграции во Франции.

[3] Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961), востоковед, ученик Н. Я. Марра, входил в состав экспедиции по охране памятников под руководством Такайшвили.

[4] Согласно «Отчету», Окунев пробыл в Тифлисе 2 недели. См.: Предварительный отчет. С. 1437.

[5] Из «Отчета» следует, что ученому удалось посетить Мцхет и ознакомиться с его музеями. См.: Предварительный отчет. С. 1438.

[6] Окунев прибыл в Петроград 28 сентября 1917 г. См.: Предварительный отчет. С. 1435.

[7] Возможно, имеется в виду инициатива Н. Я. Марра по созданию Кавказского историко-археологического института, утвержденного 27 июня 1917 г.

4

Одесса, Елизаветинская 10, кв. 2
28.XII.17

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич,

сегодня до меня дошло Ваше письмо от 9-го (кажется) числа, где Вы пишете о просьбе Белобородова дать ему возможность отпечатать фотографии для себя. Об этом я Вам не писал, да и не писал покуда вообще, потому что до последнего момента надеялся, что у меня будет возможность съездить теперь же в П<етро>град. Сейчас я вижу, что мне это сделать не удастся, так как у нас на юг, в связи с бегством солдат с фронта, никакое передвижение по железным дорогам невозможно.

Итак, по поводу передачи фотографий Белобородову я считаю, что те фотографии, которые были сделаны под его наблюдением (а не им самим!), можно разрешить ему отпечатать для себя и на свой счет, но без права издания либо какого бы то ни было публикования. Сюда войдут снимки, сделанные в Гассан-Кале, Эрзеруме, Мемахатуне, Эрзинджане и Бейбурте. Об этом я ему, между прочим, уже писал отсюда. Какова была его беседа с Вами, я могу предполагать, так как знаю Б<елобородо>ва как человека хоть и талантливого и в общем милого, но не слишком умного, взбалмошенного и крайне, высокомерно самоуверенного, на что, кстати, он больших оснований не имеет. Возникает одно лишь затруднение, которое, конечно, было бы легко устранено, если бы я сам мог быть в П<етро>граде. Дело в том, что все негативы имеют №№-ра, соответствующие вполне списку, который я Вам представил и который я видел уже отпечатанным; но, так как печатались они все в этом порядке и вследствие октябрьских событий, совпавших с моим отъездом, печатание их затянулось до самого дня моего отъезда и часть негативов была доставлена даже А. Д. Рудневу Йохимом после моего отъезда, я не смог расположить эти негативы в коробке по порядку №№-ров. Я имел в виду сделать это в мой приезд на Рождество, а так как он не состоится, то надо бы поручить это дело какому-либо осторожному и опытному лицу, либо покуда оставить так, предоставив только Белобородову выбрать те негативы, которые его интересуют, с тем, что он представит Вам список №№-ров.

Денежный отчет по поездке у меня давно готов, но не решаюсь его Вам послать из-за отсутствия уверенности в почте — боюсь, как бы не пропали оправдательные документы. Письма же теперь пропадают постоянно, даже заказные. Отчет полный начал изготовлять, но страдаю постоянно от бедности здешних библиотек, — нет самых общераспространенных изданий. Очень было бы хорошо, если бы получила разрешение та просьба о книгах из Академии, которую я оставлял у Вас перед отъездом.

Так как в здешней библиотеке Музея искусств[1] совсем нет ничего, касающегося христианского Востока, а я намерен в будущем году попытаться прочитать курс — искусство христианского Востока, если найду

материал, то буду очень Вас просить устроить музею получение: 1. всех, по возможности, Ваших трудов,

2. Анийской серии,
3. Изданий анийского музея,
4. Анийских открыток и
5. Христианского Востока.

Когда времена переменятся хоть немного к лучшему и можно будет опять легко заниматься фотографией и делать диапозитивы, то у меня будет к Вам еще одна просьба — разрешить сделать для Музея искусства Новороссийского университета[2] дубликаты некоторых Ваших диапозитивов, иллюстрирующих Ани и Закавказье. Здесь есть большое собрание диапозитивов, но они в большинстве все касаются исключительно античного искусства, которое только и читал покойный профессор Павловский.[3] Но что важно, здесь при музее есть отлично оборудованная лаборатория фотографическая и для выделки диапозитивов, есть и мастер-служитель, хоть и престарелый, но хорошо работающий. Когда будет возможно, думаю все это использовать и начать даже обмен диапозитивами с другими учреждениями.

За два месяца моего пребывания здесь я уже несколько осмотрелся и акклиматизировался. Познакомился со всем профессорским составом и покуда, вследствие полного отсутствия квартир и комнат, живу у профессора Линниченко.[4] Впечатление от коллег очень неутешительное — есть два-три милых и интересных человека, а остальные все какие-то монстры и в физическом, и в нравственном смысле. В факультете и в совете занимаются только взаимным подсиживанием и интригами, невероятными интригами. Так как существует несколько лагерей, и политических, и основанных на чисто личных отношениях, я ни к одному не пристал и стараюсь держать себя независимо. Вступительная моя лекция прошла с большим даже успехом, а количество слушателей на моих лекциях вызывает уже, как я слышал, даже у некоторых зависть. Теперь рождеств<енские> вакации, которые продолжатся, вероятно, дольше обыкновенного вследствие полного отсутствия топлива. Холод здесь, благодаря этому, всюду невозможный. Что же самое существенное, это то, что самое существование у<ниверсите>та висит на волоске. Сношений с министерством нет, денег также нет. Для содержания у<ниверсите>та и выдачи жалованья заложили какие-то процентные бумаги, принадлежащие университету. Жалованье выдают какими-то невероятными деньгами — купонами, расписками, чеками, векселями, а мне последний раз дали даже процентными бумагами. Это положение у<ниверсите>та, конечно, использовала Киевская Рада,[5] которая предложила прислать ей сметы будущего года. После долгих обсуждений совет решил сметы отправить, но вынес туманную и двусмысленную резолюцию — с одной стороны, он власти Рады не признает, но с другой стороны, кушать хочется, а потому и т. д.

Что-то у Вас делается? В каких Вы отношениях с правительством? Существует ли еще Академия[6] и на что она существует? Возможна ли какая-либо деятельность? Из Петрограда известия имею очень редко.

åìüÿ ì ÿ ó ð äèòå åé ì åé åíû, â óìàõ, è ï êóäà òàì åå è è ìåíåå à ï - ó í . äðàâ ÿ àñ ñ Í âûì ä ì, åñ è â ùå ñåé àñ ì í ê - è è ñ åì- è ï äðàâ ÿòü, è ïð ó ïåðåäàòü ì é èñêðåíèé ïðèêåòò è ï äðàâ åíèÿ À åêñàíäðå À åêñåâíå è äå. ó àåòå è è åñòèÿ ò ðèÿ? å à àì âñå ñàì ä ð .

Преданный Вам

Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л.15—16 об.

[1] Очевидно, подразумевается Музей Императорского Одесского общества истории и древности, имевший библиотеку.

[2] Вероятно, речь идет о Музее Императорского Одесского общества истории и древности.

[3] Окунев говорит о Павловском Алексее Андреевиче (1856—1913), историке искусства, ординарном профессоре (с 1896 г.), декане историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе.

[4] Имеется в виду Линниченко Иван Андреевич (1857—1926), историк, профессор русской истории Новороссийского университета, член-корреспондент ИАН.

[5] Имеется в виду Центральная рада (март—декабрь 1917 г.), политическая организация, захватившая власть на Украине и провозгласившая в ноябре 1917 г. Украинскую народную республику.

[6] Очевидно, речь идет об Академии наук.

5

28.III.25

Многоуважаемый
Николай Яковлевич,

последние несколько лет все мое научное внимание было привлечено к изучению средневековых древностей Балканского полуострова, но прежний интерес к Востоку у меня не остыл, и мне не хотелось бы оставлять и тут тот все же богатый материал, который мне удалось собрать во время последней моей поездки в М<алую> Азию. К сожалению, работа в этом направлении здесь очень затруднена. Так как очень мало кто когда-либо уделял здесь внимание Востоку, а особенно христианскому, то в библиотеке по этому вопросу полная почти пустота. Никто не может мне помочь в прочтении надписей и т. д. Поэтому сделать какие-либо разыскания в области истории таких памятников, как Ишкан, Пархал, Эошк, Хахул, Дорт-Килиссе, почти не представляется возможным. Не могли ли бы Вы мне помочь каким-либо образом? Нельзя ли было бы получить перевод надписей, сохранившихся в этих памятниках, и какие-либо сведения их возникновения и существования. Мне очень была бы нужна география Вакухты, которую тут, уж конечно, найти нельзя.

Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы нашли возможность сообщить мне, мог ли бы я получить какое-либо удовлетворение этим моим научным нуждам, и высказать Вашу точку зрения на то, каким путем это можно было бы сделать.

Н. Л. Окунев

Жена моя и я просим Вас передать наш привет Александре Андреевне,[1] Юрию и Володе.

Желаю Вам всего хорошего

Ваш Н. Окунев.

Praha, Smíchov,
Komenského, 17.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 17 об.

[1] Н. Л. Окунев ошибается, жену Н. Я. Марра звали Александра Алексеевна.

Б. С. КАГАНОВИЧ

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ О Н. Я. МАРРЕ

В архиве выдающегося медиевиста и византиниста Елены Чеславовны Скржинской (1894—1981), находящемся в С.-Петербургском Институте истории РАН, наряду с многими другими ценными материалами[1] хранится неопубликованная рецензия на книгу В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 450 с.).[2] Рецензия эта, как явствует из приложенного к ней письма редакции, была написана Е. Ч. Скржинской в начале 1949 г. и предназначалась для «Вестника АН СССР», но напечатана не была. Между тем, как нам кажется, рецензия эта представляет интерес в ряде отношений и заслуживает введения в научный оборот.

Само соединение этих двух имен на первый взгляд может показаться странным. Е. Ч. Скржинская была убежденным и законченным представителем науки классического типа, строгим и точным источниковедом, наделеннным замечательным историческим чутьем и ярким видением прошлого.[3] Она чтила научную традицию — что не исключало, конечно, самостоятельности мысли — и была очень далека от революционных переворотов в науке, каковыми программно должны были стать «яфетическая теория» и «новое учение о языке» Марра, в которых, по мнению современных лингвистов, некоторые гениальные прозрения сочетались с фантастическими домыслами. Вместе с тем, как свидетельствует рецензия на книгу В. А. Миханковой, Е. Ч. Скржинская глубоко уважала Марра как ученого и восхищалась им как человеком (таковым было отношение к Марру и ряда других крупных ученых, его современников, в частности китаиста академика В. М. Алексеева).[4]

Е. Ч. Скржинская хорошо знала Н. Я. Марра. В 1919—1930 гг. она работала в созданной и возглавлявшейся Марром Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), сформировалась там как ученый и начала свои исследования по генуэзскому Крыму, принесшие ей известность в ученом мире Европы. В августе 1930 г. вместе с рядом других сотрудников Е. Ч. Скржинская была уволена из ГАИМК в ходе так называемой чистки кадров за «идеалистическое мировоззрение». По-видимому, она не винила в этом Марра, который к этому времени в значительной мере уже не был хозяином в руководимых им учреждениях (приказ об увольнении подписал заместитель председателя ГАИМК С. Н. Быковский, один из партийных комиссаров при Марре и пропагандистов-вульгаризаторов его «учения»).[5] В 1934 г. Елену Чеславовну, как сообщает ее дочь М. В. Скржинская, не пустили в Мраморный дворец, где проходила гражданская панихида по Марру.[6] В 1943—1953 гг. Е. Ч. Скржинская вновь была старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, как с 1937 г. стала именоваться ГАИМК.

Все это необходимо иметь в виду, читая рецензию Е. Ч. Скржинской на книгу о Марре. Следует сказать также несколько слов об этой книге и ее авторе. Вера Андреевна Миханкова (1892—1952) в течение многих лет была секретарем Н. Я. Марра в ГАИМК, а после его смерти заведовала Кабинетом Н. Я. Марра в Академии (позднее Институте) истории материальной культуры, в котором были сосредоточены все его рукописи. В. А. Миханкова разобрала и описала огромный архив Марра (в конце 1950 г. он был передан в Ленинградское отделение Архива Академии наук, где находится поныне) и написала его биографию, вышедшую тремя изданиями, каждое из которых имеет свои особенности.[7] Книга эта, основанная на архивных материалах, хотя и содержит немало лакун и умолчаний (автор не мог в то время коснуться многих сторон как дореволюционной, так и советской деятельности Марра и его окружения) и выдержана в апологетическом духе, до сих пор остается в целом ряде отношений не замененной. Отметим, что В. А. Миханкова, человек старой петербургской интеллигентской культуры, очень тактично трактовала многие трудные вопросы: излагая противоречивые научные концепции Марра, она старалась как можно чаще предоставлять слово ему самому, приводя обильные цитаты как из его опубликованных работ, так и из рукописей. Книга Миханковой написана хорошим академиче-

[1] См.: *Васильев А. Н., Климанов Л. Г.* Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 458—521.

[2] Архив СПбИИ РАН, Зап.-европ. секция, ф. 14, оп. 1, д. 201, 20 л.

[3] См.: *Мажуга В. И.* Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской) // ВИД. Л., 1987. Т. 12. С. 1—24.

[4] См.: *Алексеев В. М.* Н. Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3—4. С. 62—69 (переиздано в кн.: *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982).

[5] Ср.: *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 89—91.

[6] *Васильев А. Н., Климанов Л. Г.* Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды... С. 464 (со ссылкой на неопубликованную статью М. В. Скржинской).

[7] *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1935; 2-е изд. М.; Л., 1948; 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1949.

© Б. С. Каганович, 2007

ским русским языком: строгим, благородным и, может быть, на теперешний взгляд несколько старомодным.

В последние полтора-два десятилетия в России возобновилось обсуждение «феномена Марра», причем в появившихся журналистских статьях решительно превалируют негативные оценки. Дебатируется, например, вопрос, был ли Марр «шарлатаном» или «шаманом» и т. п. Стоявшая у истоков этой дискуссии книга В. М. Алпатова[8] — серьезная работа, привлекающая большой массив литературы. Но — помимо того, что автор ее совсем не обращался к архивам — она пронизана духом неприязни (чтобы не сказать: ненависти) к Марру, грешит психологическим недопониманием и в итоге содержит ряд передержек. Создание настоящей научной биографии Н. Я. Марра, ставшее возможным лишь в недавнее время, — задача очень важная, но и чрезвычайно трудная. Считаем поэтому небесполезным познакомить заинтересованного читателя с подходом к Марру такого ученого, как Е.Ч. Скржинская. Приводим далее рецензию Е.Ч. Скржинской in extenso с некоторыми сокращениями и показавшимися нам необходимыми комментариями. В тексте в скобках указываются листы названного выше (примеч. 2) архивного дела.

«Среди множества тем, которые определяются как актуальные и первоочередные для научной литературы нашего времени, стоит, несомненно, и тема об академике Николае Яковлевиче Марре — исключительном ученом и одном из лучших представителей советской общественности. Однако, хотя уже протекло 15 лет со дня его смерти (Н. Я. Марр умер 15 декабря 1934 г.), нельзя сказать, чтобы работы, посвященные Марру, были обильны. Страницы воспоминаний — правда, очень ярко фиксирующие пока еще такой живой и памятный образ — также немногочисленны. Поэтому в высшей степени и ценно, и важно — как для большинства советской интеллигенции, так и для советского студенчества — появление на исходе прошедшего года книги о жизни и деятельности Н. Я. Марра, притом книги, написанной автором, который был связан с работой Н. Я. в течение ряда последних лет его жизни», — этими словами начинается рецензия Е. Ч. Скржинской (Л. 3—4).

Представив и одобрив структуру книги В. А. Миханковой, в которой биографические главы чередовались с историко-научными, Е. Ч. Скржинская замечает: «Стержнем книги В. А. Миханковой является живой образ Н. Я. Марра. Несмотря на то что автор имел все данные, чтобы сделать свою книгу и пространнее, и полнее сведениями, ссылками, фотографиями, образ этот удался: он возникает, по мере чтения оживляется, растет и крепнет, становится для читателя понятным, импонирующим и — к концу книги — близким. Еще убедительнее встает этот образ для людей, лично знавших и ясно помнящих Марра, и в этом — признак тщательности работы и редкой правдивости рисунка автора. Действительно, облик Н. Я. вылепился из материала самого доброкачественного, а именно — из почти нетронутого, стоящего еще близко современности, наследия Н. Я. В книге с большим мастерством подобраны марровские высказывания, которые намечают и очерчивают эту замечательную фигуру. Однако множество цитат отнюдь не перегружают изложение: наоборот — они его украшают и оживляют, так как через них говорит нам сам Н. Я. Марр. Это и создает прочное впечатление подлинности и свидетельствует о тонкой и бережной обработке текста книги. Редко бывает, чтобы то, что упрощенно называют „монтажом", т. е. конструкцией наново из имеющегося в иных сочетаниях материала, было сделано столь красиво и, так сказать, незаметно. Чувство убежденности, что книга рисует подлинного Марра, важно во многих отношениях. Прежде всего потому, что образ его уже начинает изменяться, как все, удаляющееся во времени. Претерпевает он изменения как через устное предание, так и через изобразительное искусство (чему служит примером сильно изменяющая облик Н. Я. Марра статуя в рост, установленная в коридоре Ленинградского университета). Книга В. А. Миханковой препятствует в значительной мере этому нарастающему искажению; она твердо и многосторонне фиксирует образ выдающегося человека, пользуясь неоспоримыми и неопровержимыми средствами — с одной стороны, богатым архивом, сохраняющимся в специальном „Кабинете Н. Я. Марра" в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР, с другой — выдержками из разнообразнейших трудов самого Н. Я.» (Л. 6—7). «Собственными воспоминаниями и впечатлениями автор делится крайне скупо», — отмечает Е. Ч. Скржинская (Л. 7).

Далее Е. Ч. Скржинская пытается формулировать, в чем заключается «поучительность» жизни Марра, и выделяет такие его черты, как «громадная требовательность к себе, к объему своих знаний и наряду с этим строгая ответственность за глубину и обоснованность научной работы» (Л. 8), «необыкновенное трудолюбие», «усидчивость, упорство, обстоятельность» (Л. 9), «полная независимость мышления и мнений, непреклонность при их отстаивании и убеждение, что общепринятое не всегда предрешает правильность научного решения» (Л. 10—11). Заметим, что все эти черты близки и присущи самому автору рецензии, в то время как «обоснованность выводов» едва ли следует приписывать Марру. «Раскопки в Ани и проникновение в живую древность языков и быта кавказских народов, создание Академии истории материальной культуры с ее новыми исследовательскими задачами, занятия баскским и бретонским языками на крайнем западе Европы и изучение на крайнем ее востоке языков чувашского, удмуртского, мордовского и марийского, чтение лекций в Париже и в Баку, речи на годовых собраниях ГАИМК и Академии наук — все в целеустремленной личности Н. Я. было направлено к одному — к пониманию происхождения языка (как «мощного рычага культурного подъема») как ценности, сотворенной в процессе труда в определенных общественных условиях, ценности, имеющей корни свои в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве, технике», — пишет Е. Ч. Скржинская (Л. 13).

[8] См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

Она отмечает как достоинство книги Миханковой и то, что ее главы «весьма четкими чертами отразили и последовательное развитие его научной мысли — его яфетическую теорию и его новое учение о языке» (Л. 15). Хотя некоторые обороты Е. Ч. Скржинской создают впечатление, что она положительно оценивает теории Марра, принятие это выражено в самой общей декларативной форме, без каких-либо конкретизаций. Не будучи лингвистом, она, естественно, не решалась высказываться по каким-то конкретным пунктам построений Марра.

«Кратко об этой книге можно сказать, что она строга и интересна от начала и до конца. Кроме того, она — и в этом нет сомнения — имеет перед собой перспективу долгой и плодотворной жизни как произведение достаточно полное, исторически достоверное, научно содержательное и, безусловно, хорошо сделанное. Если в ближайшие десятилетия или даже годы не будет написано другого сочинения о Марре, то книга В. А. Миханковой останется основным трудом современника о замечательном ученом», — заключает рецензент (Л. 17).

В самом конце своей рецензии Е. Ч. Скржинская обращает внимание еще на один аспект: «Марр, несомненно, является очень оригинальным стилистом, в ряде случаев изобличающим прекрасное знание и глубокое чувство русского языка; он располагал богатейшим запасом слов, прибегая к неожиданным и поражающим воображение образам и сравнениям» (Л. 18). «Хотелось бы, чтобы впредь Н. Я. Марр получил характеристику как выдающийся, хотя и весьма своеобразный стилист» (Л. 19). «Русский стиль речи Марра изумителен — он знал этот второй родной язык лучше многих русских по рождению», — замечает Е. Ч. Скржинская (Л. 20). Отец Н. Я. Марра, как известно, был шотландцем, мать — грузинкой, детство его прошло на Кавказе и первым его языком был грузинский.

Современный борец с Марром В. М. Алпатов следующим образом характеризует язык его работ: «Скорее мы имеем дело с камланием шамана, чем с научной статьей».[9] На наш взгляд, невозможно отрицать яркую и необычную (как и все в нем) литературную одаренность Н. Я. Марра, но очень часто мысль его бывала выражена столь сложно, что понять ее почти невозможно, на что и намекала в деликатной форме Е. Ч. Скржинская. И вместе с тем Марр нередко поражает исключительными по глубине, проникновенности и изысканности замечаниями и образами. Вообще Е. Ч. Скржинская, как кажется, воспринимала личность и писания Н. Я. Марра в значительной степени эстетически. В 1945 г. на юбилее сотрудницы ИИМК М. А. Тихановой она вспомнила слова археолога А. А. Спицына об «орлиной мысли» Марра.[10]

Финал марровской эпопеи последовал через год с небольшим после составления рассматриваемой рецензии. 26 июня 1950 г. Е. Ч. Скржинская писала в Москву своей сестре Ирине Чеславовне: «Ты никак в своем письме не отозвалась на крупнейшее событие в области культуры — на критику учения Марра в статье Сталина. Следила ли ты за дискуссией? Я была убеждена, что какой-то поворот против Марра будет — иначе не стали бы организовывать дискуссию. Но я не ожидала подобной статьи, с которой нельзя не согласиться, притом полностью, и столь жестких слов о Марре. В нашем Институте спешно установили приемник и все, кто был 20-го к 12 ч. дня, слушали чтение статьи в зале. Тут же были люди из Ин-та востоковедения. На меня, да, мне казалось, и на многих других впечатление было потрясающее. Вера Андр-на сидела с неподвижным убитым лицом. Событие, полное трагизма для нашего Института — создания Н. Я. А статья замечательная, умнейшая, глубоко убедительная. Только бы люди не сделали из нее грязного дела, не пустился — как бывает — кто-то на обратное подхалимство. Уже начинают спешно (!!) отрекаться от Марра — уже, уже. Бедный Николай Яковлевич».[11]

Реакция Е. Ч. Скржинской на выступление Сталина по существу близка той, которая выражена в названии статьи филолога-классика старой школы акад. И. И. Толстого по этому же поводу: «Отрезвляющий голос разума».[12] И вместе с тем, как видим, Е. Ч. Скржинская не отрекается от Марра как человека и от своих симпатий к нему. Она сохранила их до конца жизни.

Мы не собираемся характеризовать здесь «дискуссию 1950 г.» в разных ее аспектах и тем более не претендуем на новое освещение огромной темы «Величие и падение Н. Я. Марра». Задачей настоящей заметки было донести мнение о Марре, этой «беззаконной комете в кругу расчисленных светил» академического мира, еще одного современника, независимого и неподкупного.

---

[9] Там же. С. 75.

[10] Архив СПбИИ РАН, Зап.-европ. секция, ф. 14, оп. 1, д. 220.

[11] Там же.

[12] *Толстой И. И.* Отрезвляющий голос разума // Изв. АН. Отд-ние литературы и языка. 1950. Вып. 1. С. 62—63.

С. А. НИКОНОВ

ТРИ ПИСЬМА А. И. КОПАНЕВА К И. И. СМИРНОВУ[1]

Публикуемые письма составляют лишь незначительную часть переписки двух историков, охватывающую преимущественно период с 1947 по 1953 г. Безусловно, что все письма А. И. Копанева заслуживают того, чтобы быть опубликованными, поскольку являются ценным источником по истории исторической науки Ленинграда послевоенного времени и главного научного учреждения «северной столицы» — Ленинградского отделения Института истории. Достаточно сказать, что среди тем, «звучащих» в письмах, которые, что не вызывает сомнений, так волновали ученых, были такие, как подготовка в ЛОИИ академического издания Судебников XV—XVI вв., обсуждение отдельных книг и многотомников («Очерки истории Ленинграда»), работа внутри Института московских комиссий, явившихся предвестником грядущей ликвидации всего учреждения. Сквозь призму каждой из перечисленных тем просматривается и нечто большее, то, что составляло духовный мир самого автора писем и стиль его взаимоотношений с учителем — И. И. Смирновым.

Несмотря на то что публикуемые письма как бы вырваны из общего контекста переписки, все же они сохраняют свою целостность (все три письма датируются июнем—августом 1953 г.) и смысловое единство по той простой причине, что затрагивают один из самых драматичных эпизодов в биографии А. И. Копанева. Речь идет об увольнении историка из стен родного ему ЛОИИ. Напомним, что постановлением Президиума АН СССР от 20 марта 1953 г. было ликвидировано ЛОИИ, а весь штат Института оказался поделенным на две неравные группы: ученые, попавшие в первую из этих групп, сохранили свои должности при архиве распущенного Института, вторая же группа, где оказался и А. И. Копанев, была вовсе оставлена без работы.[2] В уже опубликованных очерках

[1] Все письма хранятся в личном фонде И. И. Смирнова. См.: Архив СПбИИ, РАН, ф. 294, оп. 1, д. 4 и 5 (в тексте указываются только листы этого дела).

[2] См.: *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // ВИ. 1993. № 10. С.19, 23.

© С. А. Никонов, 2007

и воспоминаниях о жизни и творчестве А. И. Копанева обращалось внимание на те причины, которые повлекли за собой увольнение историка. Видимо, главною из этих причин явилось то, что в годы войны ученый «волею судеб» оказался в немецком плену.[3] «Черное пятно» в биографии историка, а именно так это расценивалось государственной идеологией Советского Союза, могло надолго отлучить А. И. Копанева от науки. Только через Президиум АН СССР, высшую научную инстанцию, историку удалось добиться назначения в Рукописный отдел БАН. По словам самого ученого, такой ход событий был для него наиболее оптимальным, поскольку в РО — «ставка та же и работа с источниками».

В связи с этим — одна любопытная деталь. Читая письма А. И. Копанева за 1952 и 1953 гг., сталкиваешься с интересным фактом: подробно рассказывая И. И. Смирнову о работе в Институте московских комиссий и попытках (тогда еще только попытках) отстранить от работы некоторых сотрудников (В. Г. Геймана, Р. Б. Мюллер и др.), ученый ни разу не обмолвился о том, что подобная судьба грозит и ему самому. Думаю, что разговоры такого рода, а они, вне всякого сомнения, имели место, были предметом частных бесед А. И. Копанева и И. И. Смирнова, а не переписки.

Впоследствии же, когда неминуемое увольнение состоялось, свою посильную помощь в судьбе историка помимо И. И. Смирнова готовы были оказать и некоторые другие сотрудники распущенного ЛОИИ (Н. Е. Носов, Г. Е. Кочин).[4]

В воспоминаниях, посвященных А. И. Копаневу, отмечалось, что историк после увольнения из ЛОИИ не мог найти работу вплоть до своего назначения сотрудником РО БАН.[5] Но это не совсем так: как явствует из двух последних писем, летние месяцы 1953 г. А. И. Копанев провел в качестве воспитателя в одном из пионерлагерей под Новгородом. Возможно, что к этой работе его привлекла супруга — Александра Прокофьевна, бывшая в ту пору учителем истории в одной из школ Ленинграда.

Надеемся, что публикуемые письма помогут как прояснить некоторые эпизоды из биографии А. И. Копанева, так и прочувствовать «настроение момента» того переломного 1953 г., оказавшегося столь трудным для многих историков Ленинграда.

[3] *Маньков А. Г.* Человек и Ученый (Из воспоминаний об Александре Ильиче Копаневе) // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб. С. 104—105; *Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи. Воспоминания младшего брата // Там же. С. 77.

[4] См. письмо № 1 настоящей публикации.

[5] Младший брат историка, Г. И. Копанев, писал по этому поводу: «Александр Ильич пытался поступить на работу, но безрезультатно: в школе ему отказали как бывшему военнопленному, хотел устроиться грузчиком, но оказалось, что ученых нельзя принимать на физическую работу» (*Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи... С. 77).

№ 1

Дорогой Иван Иванович!

Сегодня я приехал в Л[енинград], завтра уезжаю в лагерь. Сообщаю о московских делах. Мое заявление комиссия разбирала 03.06 в присутствии Сидорова,[1] Иванова, Молчановой, Филиппова и др. Председатель — Светлов — произвел на меня хорошее впечатление.

Но я выразил мои претензии в энергичной форме. Комиссия задала ряд вопросов. Напр[имер], почему я сразу не подал в суд? («Ведь вы хороший работник».) Почему я не переведен в стар[шие] науч[ные] сотр[удники]? Соглашусь ли я переехать в Москву? О плене? И т. д. Я ответил на все с толком. Под конец председатель отдела кадров Академии обратился к Сидорову: не может ли он использовать меня все-таки в Институте. Тот ответил, что нет вакансий по феодализму. Что по договору Ал[ександр] Копанев может работать хоть сейчас и т. д.

Потом меня выслали из комнаты и что-то долго кричали между собой. Затем вновь вызвали меня, и Светлов объявил, что комиссия считает, что восстановить меня в Ин[ституте] нельзя, так как работы по феодализму сокращены. Но комиссия считает, что я могу работать в БАН, и будет просить Президиум перевести меня на работу в Б[иблиотеку] А[кадемии] Н[аук]. А пока суд да дело, я могу взять работу у Сидорова. Решение, конечно, не из лучших, но все же есть некоторый просвет. Сегодня я отправил в Президиум новое заявление, где, опираясь на решение комиссии, прошу пристроить меня в рукопис[ный] отд[ел] БАН. Если бы это удалось, то лучшего ожидать нечего — ставка та же и работа с источниками.

Будем ждать, что скажет Президиум.

На комиссии заявили, что в ближ[айшее] время всех ленинградцев переведут в Москву или, если не захотят, уволим! Так что, Иван Иванович, видимо, Вы скоро переедете в Москву.

Звонил по телефону Елены Ивановны,[2] но мне какой-то чужой голос сообщил, что Кс[ения] Никол[аевна][3] уехала.

Да! Сегодня, придя домой, нашел открытку — просим в горком к Андрееву. Был. Он сказал, что считает, что с вами поступили несправедливо и «будем говорить с Академией, чтобы она вам дала работу, если не в Институте, то в другом в каком-либо науч[ном] учрежд[ении»]. Я ему тогда рассказал о решении комиссии. Он сказал, что позвонит Сидорову и от горкома скажет, что это решение он поддерживает. Тут же заявил, что в местных организациях, если встретятся трудности, они меня поддержат. В Ин[ститу]те поддержку перед БАН предложили Г. Е. Кочин[4] и Н. Е. Носов.[5] Так что видите, может быть, что-либо удастся. Во всяком случае, верил в победу разумного, а сейчас еще более укрепился. Вам поклон от А. А. Зимина.[6] Он в своем «Пересветове»[7] выступает с «новых позиций» об Ив[ане] Грозном. Напр[имер], Пересветов не выразитель интересов дворянства, а интересов стрельцов, реформы 50 гг. почти все не были осуществлены и т. д. Вообще он говорил, что персонифицировать 16 в. — Ив[аном] Грозным — неправильно. Это, говорит он, настроение дня. Например, сняты работы по фильмам («Ив[ан] Грозный», «Дмитр[ий] Донск[ой]» и др. персональные фильмы).

Вот, Иван Иванович, пока и все. Поклон всем вам от всех нас (получил верстку из «Известий» статьи о Москве. Моя фамилия стоит со всеми).[8]

1953 (*проставлено вверху письма карандашом*)

Ваш А. И. Копанев

Л. 42—42 об.

[1] Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — историк, с 1949 г. заведующий кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. — заведующий сектором отечественной истории XIX—начала XX в. Института истории АН СССР, в 1953—1959 гг. — директор ИИ АН СССР.

[2] Смирнова Елена Ивановна (?—1993) — сестра И. И. Смирнова.

[3] Сербина Ксения Николаевна (1903—1990) – историк, источниковед и археограф, в 1936—1990 гг. — научный сотрудник, старший научный сотрудник ЛОИИ. Во время своих поездок в Москву Ксения Николаевна останавливалась на квартире у Е. И. Смирновой.

[4] Кочин Григорий Евгеньевич (1897—?) — историк, в 1926—1931 гг. — преподаватель средних учебных заведений Ленинграда, в 1931—1935 гг. — научный сотрудник Историко-археографического института, в 1939—1963 гг. — научный сотрудник, старший научный сотрудник ЛОИИ, с 1946 г. — секретарь парторганизации ЛОИИ.

[5] Носов Николай Евгеньевич (1924—1985) — историк, с 1951 г. — научный сотрудник, в 1969—1981 гг. — заместитель директора, с 1981 г. — заведующий Сектором истории СССР периода феодализма ЛОИИ.

[6] Зимин Александр Александрович (1920—1980) – историк, источниковед, археограф, в 1947—1980 гг. — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник ИИ АН СССР, в 1947—1979 гг. — преподаватель МГИАИ (с 1950 г. — старший преподаватель, в 1950—1970 гг. — доцент, в 1970—1973 гг. — профессор).

[7] Речь идет о готовившейся А. А. Зиминым книге, посвященной анализу публицистики И. С. Пересветова в контексте идейной борьбы середины XVI в. (см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М.; Л., 1958).

[8] О какой именно статье идет речь, установить не удалось.

№ 2

Дорогой Иван Иванович!

Вот я и на новом месте. Деревня, Волхов, Старая Ладога, хорошее питание — все это преимущества этого нового положения.

Бедой является сама работа. Эти люди, для которых сделано все возможное, ведут себя оч[ень] плохо. Мои великовозрастные просто ужасны. Грубы и нахальны. Но как-нибудь переживем.

Из Академии пока ничего нет. Конечно, хорошо бы, если бы последовал перевод в БАН (я Вам подробно писал об этом). Но хорошо бы, если бы лето удалось прожить все-таки здесь. Но посмотрим.

Поклон Вашим.

С поклоном А. И. Копанев

17.06.53

Л. 40.

№ 3

Дорогой Иван Иванович!

Занят с 8 ч. утра до 1 ч. ночи с моими «архаровцами». Делают все непотребное, так что приходится смотреть и смотреть.

Конечно, полностью оторван от жизни: газеты не ходят, радио нет и вечная беготня.

Только на один день вырвался в Старую Ладогу — подышать стариной (наш лагерь на прав[ой] стороне Волхова в полутора килом[етрах] от Стар[ой] Ладоги, стоящей на лев[ой] стороне). Осмотрел крепость (развалины), раскопки (залиты водой). Хорошо сохранилась Георг[иевская] церковь XII в. и монастыри конца XVI в.

Что-то молчит совсем Президиум АН СССР. На все мои запросы ни слова. А эта временная работа меня скоро превратит в круглого идиота. Ну подождем, увидим.

Еще раз всем Вашим поклон и лучшие пожелания.

С грустью вспоминаю все прелести ушковских пейзажей,[1] Ваши добрые приемы, Ваши обеды и вообще все.

Числа 5-го я или Шура,[2] может быть, приедем со сменой в город, проведу ли я вторую смену — не знаю.

Ваш А. И. Копанев

28.06.53 (*проставлено вверху письма карандашом*).

Л. 41—41 об.

[1] Начиная с 1946 г. И. И. Смирнов лето и осень проводил на даче в поселке Ушково, расположенном под Ленинградом.

[2] Копанева Александра Прокофьевна — супруга А. И. Копанева.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. С. ДУЙЧЕВА С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ВИЗАНТИНИСТКАМИ В 50—70-е гг. XX в.

В научной судьбе И. П. Медведева в его ленинградский период (в 60—70-е гг. XX в.) большую роль сыграли многие ученые антиковеды, византинисты, медиевисты. Они опекали и поддерживали его в трудные моменты жизни, радовались его научным публикациям, зарубежным поездкам и стажировкам, способствовали многим международным контактам. Среди замечательной плеяды петербургских ученых — М. Е. Сергеенко, Е. Э. Гранстрем, Н. В. Пигулевская, А. Д. Люблинская, А. В. Банк, А. Д. Доватур, А. И. Зайцев, О. Л. Вайнштейн, В. И. Рутенбург, а также две выдающиеся отечественные византинистки XX в. Е. Ч. Скржинская и Е. Э. Липшиц.[1]

В личных фондах Е. Ч. Скржинской (1897—1981) и Е. Э. Липшиц (1901—1990), которые находятся в Научно-историческом Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, сохранились эпистолярные источники этого периода. Всего в Архиве хранятся 3 письма и 9 открыток, датируемых от 27 июля 1958 г. и до 15 мая 1965 г. (фонд Е. Э. Липшиц) и 4 письма и 8 открыток, датируемых от 23 декабря 1958 г. до 5 февраля 1975 г. (фонд Е. Ч. Скржинской), которые они получили от знаменитого слависта и историка И. С. Дуйчева (1907—1988). Архивы обрабатываются, но хотелось бы уже теперь познакомить коллег с некоторыми материалами.

[1] См.: *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2005. С. 313—319. Об архиве Е. Ч. Скржинской см. очерк А. Н. Васильева и Л. Г. Климанова в кн.: Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Отв. редактор чл.-корр. РАН И. П. Медведев. СПб., 2004. С. 458—521.

[2] Нам известно из устных бесед с коллегами византинистами, что И. С. Дуйчев переписывался также и с А. В. Банк, и с Н. А. Мещерским, и, вероятно, со многими другими учеными Ленинграда 60—70-х гг. XX в.

© Е. К. Пиотровская, 2007

Мы отлично понимаем, что эпистолярное наследие И. С. Дуйчева безгранично по количеству корреспондентов по всему миру, и особенно среди его коллег.[2]

Это обширное поле деятельности для самых разных исследователей. Но в этом море переписки и искреннего уважения к русским коллегам не должны затеряться письма И. С. Дуйчева к петербургским (а в те годы ленинградским) византинисткам, которые, как мы теперь уже можем оценить, многое сделали на поприще продолжения традиций русской византинистики и славистики, несмотря на идеологические препоны. По-видимому, хотя мы не можем сказать это с уверенностью, И. С. Дуйчев познакомился с русскими коллегами на IV съезде славистов в Москве в 1957 г.[3] И сразу же со свойственной его натуре широтой включился в научные дела русских ученых, помогая всем, чем мог. Он присылал книги, оттиски, отвечал на многочисленные вопросы, наводил справки в архивах и библиотеках Европы, щедро делился своими познаниями в области греческой и славянской письменности. И. С. Дуйчев печатался и в «Трудах Отдела древнерусской литературы», и в «Византийском временнике».[4] Мы хотели бы привести выдержки из писем к Е. Э. Липшиц (правописание и пунктуация писем И. С. Дуйчева сохранены).

№ 1

Глубокоуважаемая и дорогая Елена Эмануйловна, предполагаю, что, может быть, Вы уже будете, после Вашего отдыха, в Ленинграде. Думая так, я до сих пор откладывал Вам написать хоть несколько слов. Теперь я Вам посылаю в знак глубокого и искреннего уважения — одну из моих книг. Позже мне хотелось бы Вам послать некоторые оттиски. В то же самое время я хочу, дорогая и многоуважаемая Елена Эмануйловна, выразить Вам мою наисердечную благодарность. Я очень рад, что во время моего пребывания в Вашем прекрасном Ленинграде имел возможность познакомиться с Вами и побывать с Вами. Надо признаться, что это наше знакомство и составляет для меня одним из самых лучших воспоминаниях. Это знакомство мне дало очень много: понять и — позвольте — полюбить искренне человека и ученого, которого я уже давно знал и глубоко уважал. Надеюсь, что это наше знакомство не будет только эпизодом. Знаю, однако, что Вы неохотно пишете, и для того буду знать в будущее, что — хотя Вы мне не ответите — Вы все-таки мое письмо

[3] Из рассказов Н. А. Мещерского, заведующего кафедрой русского языка филологического факультета СПбГУ (тогда — ЛГУ), подтвержденных его дочерью Е. Н. Мещерской, во время съезда они даже жили в одних апартаментах общежития МГУ. В 1991 г. там также жили участники XVIII Конгресса византинистов. В один из вечеров после напряженных заседаний и мы с Еленой Никитичной обсуждали, о чем они могли говорить.

[4] См.: *Салмина М. А.* Хронологический список трудов И. С. Дуйчева // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 490—498.

и книгу получили. Напишите, пожалуйста, проф[ессору] А. Досталью о пражской рукописи «Геопоники».[5] Эта рукопись, по-видимому, XIV—XV века и содержит текст «Геопоники» и что-то от Плутарха. Шифр рукописи: Ms.VI.Fe.4, в Пражской Клементинской библиотеке. Надо просить, чтобы Вам послали фото с всей рукописи, потому что листи не в порядке.

Приймите, дорогая Елена Эмануйловна, мой сердечный привет.

Уважающый Вас Ив. Дуйчев.

(*Письмо без конверта, на бумаге, машинопись, от 27 июля 1958 г.*)

И в других письмах и открытках также И. С. Дуйчев обсуждает вышедшие работы Елены Эммануиловны, например «Эклогу», предполагает, что возможно будет увидеться на конгрессе востоковедов в 1960 г.

№ 2

...Мне очень жаль, что мы так далеко, чтобы встречаться и общать по вопросам нашей науке. Так часто думаю о Вас с благодарностью и симпатию.

Благодаря Вам сердечно, прошу Вас, дорогая и глубокоуважаемая Елена Эмануйловна, принять мой преданный привет!

Уважающий Вас Ив. Дуйчев.

(*Письмо от 18 апреля 1960 г., машинопись.*)

Встретиться им больше никогда было не суждено.

В письмах же И. С. Дуйчева к Е. Ч. Скржинской многие строки написаны по поводу подготовляемого Еленой Чеславовной в конце 50-х гг. XX в. издания историка VI в. Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (известного как «Getica»):[6] «А ожидаю, конечно, притом с большим интересом, Ваше издание Иордана, чтобы все прочесть и написать большую, хорошую заметку. Знаю предварительно, что это будет хорошая, ценная публикация, и я для того ожидаю ее с настоящим интересом» (*письмо от 23 декабря 1958 г.*).

Издание Иордана и связанные с ним проблемы постоянно беспокоили ленинградскую византинистку, а болгарский ученый поддерживал, старался отвечать на многие ее вопросы. Так, Елена Чеславовна попросила И. С. Дуйчева узнать о работах итальянского ученого, профессора Палермского университета Ф. Джунта, в которых рассматривался текст открытой в 20-е гг. XX в. неизвестной ранее рукописи VIII в., сохранив-

[5] Елена Эммануиловна работала в это время над подготовкой уникальной византийской энциклопедии. См.: Геопоники, византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века / Введение, перевод с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц. М.; Л., 1960.

[6] Иордан о происхождении и деяниях гетов «Getica» / Вступ. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

шей большую часть текста •Getica•. А итальянский коллега готовил ее издание, и, естественно, Елена Чеславовна хотела получить и издание, и исследование памятника. Эти вопросы подробно освещены и развиты в письмах № 2 и № 3 от 28/XII — 59 г. и 26/III — 60 г. И. С. Дуйчев пытался также узнать и о Лигурийском обществе, членом которого Елена Чеславовна стала еще в 20-е гг. XX в.[7] (письмо № 1 от 23/XII—58 г.)

И наконец, следует привести строки, которые читаем на открытке с розами (№ 4 от 16/II — 61 г.): «Дорогая, глубокоуважаемая Елена Чеславовна, получил Вашу замечательную книгу о Иордана и не знаю, как выразить Вам мою признательность. Думаю, что Вы сделали огромную работу и что Ваше издание будет приносить пользу всем специалистам. Поздравляю Вас искренне за этот большой Ваш научный труд и желаю Вам еще много и много успехов…».

Таким образом, мы видим, что И. С. Дуйчев на протяжении многих лет после знакомства с русскими византинистами в конце 50-х гг. XX в. сделал для истории русской культуры то же, что и первые древнеболгарские книжники и переписчики, которые передали наследие христианской письменности древнерусским книжникам. Он был интеллектуальным мостом между русской (советской) византинистикой и европейской славистикой и медиевистикой.

Византино-болгаро-русские отношения продолжались трудами наших учителей. К сожалению, позднее они затухли по причине политических, идеологических и экономических проблем.

Нам не удалось ознакомиться с материалами Архива И. С. Дуйчева, хранящимися в Софии и посмотреть ответы ленинградских византинистов. (Отметим интереснейший факт — в 50—60-е гг. XX в. письма из Болгарии в Ленинград попадали обычной почтой через неделю!!!) Хочется надеяться, что уже ученики Игоря Павловича Медведева сумеют достойно продолжить добрые традиции научного содружества ученых.

---

[7] В личном фонде Елены Чеславовны Скржинской в Научно-историческом Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН хранится этот диплом.

V

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

1 ноября 2005 г. исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося ученого-византиниста члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Санкт-Петербургского Института истории РАН, члена редколлегии «Византийского временника», главы Санкт-петербургской группы византинистов Игоря Павловича Медведева.

Игорь Павлович родился на Урале, учился в Екатеринбургском (Свердловском) государственном университете, где занимался под руководством одного из крупнейших медиевистов XX в. профессора М. Я. Сюзюмова. По настоянию и рекомендации М. Я. Сюзюмова он был принят в 1963 г. в аспирантуру при Санкт-Петербургском Институте истории РАН (тогда Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР). Научным руководителем И. П. Медведева была широко известная своими трудами по истории византийского права и культуры доктор исторических наук Е. Э. Липшиц. Поколение византинистов, от кого И. П. Медведев принял огонь немеркнущей свечи, невероятными усилиями сохраняло традиции византиноведческой науки, ее сложную проблематику, подчас с трудом укладывавшуюся, а иногда и совсем не укладывавшуюся в рамки марксистско-ленинской науки в системе тогдашней Академии наук СССР. Игорю Павловичу посчастливилось застать цвет отечественной византинистики второй половины XX в. еще в период зрелого мастерства и физического благополучия. И Михаил Яковлевич, и Елена Эммануиловна увидели в Игоре Павловиче, в его природных способностях, работоспособности, увлеченности, черты и характер академического ученого, все свое время отдающего познанию истины, то приближающегося к ней, то отдаляющегося, но ни на минуту не прекращающего погружаться в материалы источников, написанных и по-гречески, и по-латыни, и по-славянски, а также пробивавшегося сквозь обширные дебри историографии, представленной на различных европейских языках.

Многие ученые Петербурга (а тогда Ленинграда) повлияли на становление И. П. Медведева как ученого, на развитие его способностей и формирование научного фундамента его будущих исследований. Нельзя не вспомнить здесь и А. В. Банк, в те годы зав. Отделом византинове-

дения Государственного Эрмитажа, и зав. собранием греческих рукописей РНБ Е. Э. Гранстрем (у нее он постигал азы палеографии), сотрудников Санкт-Петербургского Института истории РАН антиковедов М. Е. Сергеенко, А. И. Доватура, византиниста Е. Ч. Скржинскую; а также медиевистов А. Д. Люблинскую, О. Л. Вайнштейна, чл.-корр. РАН В. И. Рутенбурга, профессора ЛГУ А. И. Зайцева. Известно, что, когда Игорь Павлович держал экзамены в аспирантуру, он, согласно «византийской мифологии второй половины XX в.», представил сложный реферат по истории исихастских споров в Византии, а Е. Ч. Скржинская с пристрастием подготавливала его к вступительным экзаменам.

Темой своей кандидатской диссертации он выбрал историю средневековой Мистры и защитил ее в 1967 г., его оппонентами, давшими высокую оценку работе, были чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская (в те годы возглавлявшая группу ленинградских византинистов) и профессор кафедры средних веков ЛГУ Г. Л. Курбатов. Н. В. Пигулевская сыграла еще одну важную роль в научном становлении И. П. Медведева. В конце 60-х гг. на филологическом факультете ЛГУ по инициативе Н. В. Пигулевской читался коллективный курс по истории Византии, в котором вместе с И. Н. Лебедевой, сотрудницей БАН, и Г. М. Прохоровым, сотрудником Пушкинского Дома, участвовал и И. П. Медведев. Он читал лекции о возникновении Византии и истории ее раннего периода до VII в. Естественно, проблемы иконоборческого движения были также отражены в его лекциях. В 1973 г. в издательстве «Наука» вышла и первая книга И. П. Медведева «Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города». Отметим, что книга была написана с использованием фотоархивных материалов, хранящихся в Ленинграде, и автор никогда до 1976 г. не бывал в Мистре. Многих зарубежных коллег, знакомых с этим сочинением, удивляло, что его автор так точно изобразил историческую действительность и топографию города.

Спектр научных интересов И. П. Медведева и разрабатываемой им научной проблематики чрезвычайно широк: это и вопросы истории средневекового города (и в этом плане специфика византийского феномена), и проблемы византийского правового наследия. И. П. Медведев был ответственным редактором издания одного из самых интересных в истории становления законодательных норм хозяйственной жизни византийского общества постюстиниановской эпохи памятников — «Νόμος γεωργικός». Он был также и одним из авторов этого труда вместе с Е. Э. Липшиц и Е. К. Пиотровской, выполнив задуманное еще до Великой Отечественной войны академиком Б. Д. Грековым (издание с переводами и комментариями вышло в издательстве «Наука» в 1984 г.).

Проблемы интеллектуальной жизни византийского общества XIV—XV вв., особенности исихастских споров и влияние идей этого восточного христианского течения на духовное развитие славян и Древней Руси также неоднократно освещались в статьях и докладах И. П. Медведева. В 1976 г. вышло в свет его исследование «Византийский гуманизм XIV—XV вв.» («Наука», 1976), которое было защищено на Ученом совете Института всеобщей истории в Москве в 1978 г. в качестве докторской диссертации, оппонентами были: чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова, зав. кафедрой средних веков ЛГУ профессор Г. Л. Курбатов и академик АН СССР Г. Г. Литаврин. Эта книга нашла широкий отклик в среде византинистов России и Европы, на нее было опубликовано 11 рецензий!

Не оставляет своим вниманием юбиляр и проблемы средневековья, особенно греческой палеографии, кодикологии и дипломатики. В 1988 г. в «Науке» выходит его монография «Очерки византийской дипломатики: частноправовой акт». Эта работа чрезвычайно важна и для истории средневекового частного акта, и для истории византийского права, и проблем социально-экономической истории. И. П. Медведев впервые на материалах сплошного обследования дошедших рукописных памятников X—XV вв. установил четкую и обоснованную их классификацию, показал особенности системы византийского нотариата, уделил значительное внимание процессу доказательной силы и подлинности документов. Разносторонним обобщающим и проблемно-теоретическим аспектам науки посвящены и главы И. П. Медведева о развитии правовых знаний в Византии в VII—XII вв., главы о развитии политических идей в поздней Византии (XIII—XV вв.) (в соавторстве с М. А. Поляковской), главы о дипломатии поздней Византии (XIII—XV вв.) (в соавторстве с Г. Г. Литавриным), написанные для фундаментального коллективного трехтомного труда «Культура Византии» («Наука», 1984—1991). В этом обобщающем труде И. П. Медведев не только продолжил традиционную историографическую линию рассмотрения специфики византийского права в сравнении с римским, но и присоединился к взглядам коллеги А. Шминка, убедительно доказавшего неоспоримую роль патриарха Фотия в правовой реформе Василия I. Участники этого труда были удостоены Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники в 1996 г. И наконец, весь свой накопленный опыт, знания и идеи И. П. Медведеву удалось воплотить в трех томах грандиозного проекта, связанного с введением в научный оборот материалов архивов петербургских византинистов XIX— XX вв. (Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995; Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999; Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004). Он выступает здесь и в качестве ответственного редактора, и автора ряда разделов. Любовь к источнику, глубокие знания культурно-исторического фона позволили авторам этого проекта, который более 10 лет поддерживали РГНФ и другие фонды, представить богатства личных фондов многих выдающихся ученых, работавших в дореволюционной России, выявить иконографические материалы византинистов и ученых других связанных с историей Византии областей историко-филологического знания, например антиковедов. Этот труд получил многочисленные положительные отклики в научной периодике.

Есть у него любимые авторы, о которых он знает очень много, так как погружен в их труды, письма (Георгий Гемист Плифон, Лев Алля-

ций, Владимир Николаевич Бенешевич и другие авторы, удаленные от нас на десятки или сотни лет). Для него они одинаково близки и дороги, к какой бы исторической эпохе они ни принадлежали.

Игорь Павлович придерживается традиций средневековых интеллектуалов и эрудитов. Он постоянно открыт к общению. На заседаниях Санкт-петербургской византийской группы можно видеть и ученых с мировыми именами, и начинающих студентов, и аспирантов, которые слушают доклады и сообщения, обсуждают диссертации, обмениваются книгами и журналами. Как известно, византийская группа была создана еще в довоенные годы в Ленинграде, у ее истоков стояли М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, а в послевоенное время объединяла всех чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская и позднее Г. Л. Курбатов. И по сей день актуальные проблемы византиноведения и смежных дисциплин обсуждаются на этих заседаниях. Неоднократно на них выступали зарубежные ученые «византийского сообщества» XX—XXI вв.: Э. Арвайлер (Франция). Р. М. Бартикян (Армения), А. Бруни (Италия), Л. Бургман (Германия), В. Вавржинек (Чехия), Ж. Дагрон (Франция), В. Зайбт, Н. Зайбт (Австрия), о. Иоанн Мейендорф (США), Х. Копштейн (Германия), о. Михаил Арранц (Ватикан), Д. Д. Оболенский (Англия), И. Ф. Фихман (Израиль), И. И. Шевченко (США), Ж.-К. Шёне (Франция) и многие другие. И нередко они посвящены памятным датам наших коллег. Игорь Павлович руководит аспирантами, часто выступает оппонентом на защитах диссертаций, рецензирует книги и издания других исследователей.

Игорь Павлович корректен и доброжелателен, он умеет поддержать своих коллег и в трудные и в счастливые минуты. Его уважают и любят сотрудники Санкт-Петербургского Института истории, ему легко работать в Отделе всеобщей истории, где он начинал свою научную карьеру, когда отделом руководил чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбург, и теперь, когда его возглавляет один из авторов статьи академик РАН А. А. Фурсенко, и где незыблемы традиции взаимного уважения и «историографического плюрализма». И. П. Медведев является членом библиотечного совета отдела БАН при Санкт-Петербургском Институте истории РАН. Он активно участвует в комплектовании фондов библиотеки, никогда не отказывает в консультациях сотрудникам библиотеки и ее читателям, благодаря своим обширным научным связям привлекает многих дарителей, которые пополняют редкими изданиями уникальное собрание книг, у истоков которого был академик Н. П. Лихачев.

Игорь Павлович — автор более 250 научных работ. Он был одним из первых ученых гуманитариев, кто в 2002 г. был удостоен премии им. академика С. Ф. Ольденбурга, учрежденной Правительством Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским Научным центром РАН в области гуманитарных и общественных наук. Недавно Игорь Павлович был награжден еще одной высокой наградой — премией им. митрополита Макария (Булгакова) за монографию «Правовая культура византийской империи» (2001 г.). Игорь Павлович в течение многих лет состоит в Международной Ассоциации византинистов (является представителем России в ее Исполкоме).

Его доклады на международных конгрессах и коллоквиумах (часто на пленарных заседаниях) встречают живой отклик среди зарубежных и отечественных коллег. Так было и на последнем, 21-м Конгрессе византинистов в Лондоне в августе 2006 г.

Открытий Вам, Игорь Павлович, **εἴς πολλά ἔτη**.

Академик РАН *А. А. Фурсенко,*
директор Санкт-Петербургского Института истории РАН,
доктор исторических наук *В. Н. Плешков*,
зав. библиотекой Санкт-Петербургского
Института истории РАН *Л. И. Першина*

* * *

Дорогой Игорь Павлович,

Центр по изучению византийской цивилизации Института всеобщей истории РАН и редколлегия «Византийского временника» сердечно поздравляют Вас, замечательного ученого и прекрасного человека, со славным юбилеем — 70-летием со дня рождения. Ваши работы по социально-экономической истории, праву, дипломатике, идеологии и интеллектуальной жизни Византии вошли в золотой фонд современного византиноведения. Много сил и организаторского таланта Вами потрачено на изучение на основе неопубликованных архивных материалов наследия российских византинистов. Мы высоко ценим Вашу работу в редакции «Византийского временника», в византийской группе Петербурга и в Международной ассоциации византинистов, членом Бюро которой Вы являетесь. Ваша многогранная деятельность получила высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. Вы — лауреат Государственной премии Российской Федерации и других отечественных престижных премий. Ваши прекрасные доклады на многих международных конгрессах и конференциях получили самый широкий резонанс в византиноведении и медиевистике. Своим вкладом в науку Вы достигли всеобщего признания. В этот прекрасный день мы желаем Вам новых творческих радостей и огромного счастья! Πολλὰ τὰ ἔτη, дорогой Игорь Павлович!

Диплом об окончании Международных архивных курсов И. П. Медведеву вручают генеральный директор Национального архива Франции Жан Фавье и директор Паблик Рекорд Оффис в Кью Джерси Р. Ид. 1978 г., Париж

XVI Международный конгресс византинистов. 1981 г., Вена

Вручение Макариевской премии (выступление И. П. Медведева). 30 сентября 2005 г., Москва

Personalia

Répertoire International des Médiévistes. Paris; London; München; New York, 1987. Vol. 2. P. 761—762.

Юбилей И. П. Медведева // ВВ. 1995. Т. 56 (81). С. 367.

Медведев Игорь Павлович // Российская Академия наук. Персональный состав. Книга 3: 1974—1999. М., 1999. С. 338 (с портретом).

Акентьев К. К. Игорь Павлович Медведев: Историк в истории // Труды Санкт-Петербургского Общества византино-славянских исследований: Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / Под редакцией К. К. Акентьева. СПб., 2005. С. XV—XVIII (Византинороссика, 3). [Список трудов: С. XIX—XXV.]

Герд Л. А., Мещерская Е. Н., Пиотровская Е. К. К 70-летию Игоря Павловича Медведева // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 304—306.

Историки России XX века: Биобиблиографич. словарь / Под ред. А. А. Чернобаева. Саратов, 2006. Т. 2. С. 38—39.

Члену-корреспонденту РАН И. П. Медведеву — 70 лет // Вестник Российской Академии наук. 2006. Т. 76. № 8. С. 766 (с портретом).

СПИСОК ТРУДОВ И. П. МЕДВЕДЕВА*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1966

1. Основание города Мистры // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 57—74.

1967

2. Из истории Мистры // ВВ. 1967. Т. 27. С. 131—141.

1968

3. Некоторые вопросы общественно-экономических отношений в поздневизантийском городе Мистре // ВВ. 1968. Т. 29. С. 77—87.

1969

4. Феномен трансурбанизации и его роль в становлении византийского города // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. Свердловск, 1969. Вып. 6. С. 79—90.

5. О подделке византийских документов в XVI веке // ВИД. 1969. Вып. 2. С. 277—286.

1970

6. Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда // АЕ за 1968 год. 1970. С. 337—348. В соавторстве с Е. Э. Гранстрем.

7. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде // ВВ. 1970. Т. 30. С. 312—315.

8. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре // В. И. Ленин и проблемы истории: [Сб. ст.]. Л., 1970. С. 391—408.

9. Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований // ВИД. 1970. Вып. 3. С. 360—370.

10. [*Рецензия*] // Βυζαντινά. 1970. Т. 2. S. 426—433. Рец. на кн.: История Византии. М., 1967. Т. 1—3.

1971

11. Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР // ВВ. 1971. Т. 32. С. 223—231.

12. Был ли цех хартуляриев в Византии? // ПС. 1971. Т. 23 (86). С. 63—67.

13. [*Рецензия*] // ПС. 1971. Т. 23 (86). С. 192—193. Рец. на кн.: Georgios Sphrantzes. Memorii (1401—1478) / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966.

---

* Список составлен О. А. Барыниной.

14. [*Рецензия*] // ПС. 1971. Т. 23 (86). С. 193—194. Рец. на кн.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. Л., 1968.

1972

15. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 129—139.

16. Империя и суверенитет в Средние века (На примере истории Византии и некоторых сопредельных стран) // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1972. С. 412—424.

17. Византийский гуманизм // ВИ. 1972. № 4. С. 214—217.

1973

18. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973. 164 с.

Рец.: *Каухчишвили С. Г., Нодия И. М.* Исследование о крупнейшем центре поздневизантийской культуры // Литературная Грузия. 1974. № 12. С. 87—88; *Литаврин Г. Г.* // ВИ. 1974. № 8. С. 157—160; *Сюзюмов М. Я.* // ВВ. 1974. Т. 36. С. 178—181; *Dujčev I.* // Byzantinische Zeitschrift. 1974. Bd 66. Hf. 1. S. 108—110; *K(aždan)* // Byzantinoslavica. 1974. T. 35. No. 1. P. 113; *Werner E.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1974. Hf. 3. S. 363—364; *Avenarius A.* // Byzantinoslavica. 1976. T. 37. No. 2. P. 221—222.

19. Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона // ВВ. 1973. Т. 34. С. 88—96.

20. Современная библиография исихастских споров в Византии в XIV веке // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 270—274.

1974

21. Византийские и поствизантийские копийные книги // ВИД. 1974. Вып. 6. С. 307—318.

22. К вопросу об источниках «Жизнеописания Иоанна Кантакузина» // ВВ. 1974. Т. 36. С. 145—146.

1975

23. À propos des soi-disant assemblées représentatives à Byzance, en particulier au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1975. Vol. 2. P. 211—216.

24. Photographies de documents athonites: Collection P. I. Sevastjanov // Revue des Etudes Byzantines. 1975. T. 33. P. 277—293. Avec la collaboration de E. Granstrem.

25. К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии в XIV веке на изобразительное искусство // «Искусство и культура Византии»: Краткие тезисы докладов научной конференции, Ленинград, 6—10 октября 1975 г. Л., 1975. С. 31—33.

1976

26. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л.: «Наука», 1976. 254 с.

Рец.: *Спешнева Е. А.* // Реферативный журнал «Общественные науки в СССР». Серия 5, История. 1977. № 5. С. 181—183; *Горфункель А. Х.* // Вопросы философии. 1978.

№ 1. С. 181—183; *Corsi Pasquale* // Quaderni medievali. 1978. No. 5. P. 243—244; *Mihaescu Haralambie* // Revue des Etudes Sud-Est Européennes. 1978. T. 16. No. 1. P. 167—169; *Niculescu Constanta* // Revista de Istorie. 1978. T. 31. No. 12. P. 2325—2328; *Сюзюмов М. Я.* // ВВ. 1979. Т. 40. С. 193—195; *Beyer Hans — Veit* // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1979. Bd 28. S. 359—363; *Tinnefeld Franz* // Revue des Etudes Byzantines. 1979. T. 37. P. 281—282; *Литаврин Г. Г.* // ВВ. 1980. Т. 41. С. 262—267; *Удальцова З. В.* // ВВ. 1980. Т. 41. С. 258—261; *Dostálová Ružena* // Byzantinoslavica. 1980. Т. 41. No. 2. P. 237—241.

27. Лев Алляций о византийских хронографах // ВВ. 1976. Т. 37. С. 130—139.

28. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 255—262.

29. Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. Вып. 7. С. 289—297.

30. Роль народных масс в истории поздней Византии в освещении новейшей буржуазной историографии // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей. Л., 1976. С. 254—266 (Тр. ЛОИИ СССР АН СССР. Вып. 15).

31. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // ВИД. 1976. Вып. 8. С. 274—285.

32. Fragments d'un praktikon de la région d'Athénes (avant 1204) // Revue des Etudes Byzantines. 1976. T. 34. P. 5—44, 4 pll. Avec la collaboration des E. Granstrem et D. Papachryssanthou.

1977

33. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 года // ВВ. 1977. Т. 38. С. 161—172.

34. К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // Византийские очерки: Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византинистов. М., 1977. С. 138—148.

35. Списки хроники Псевдо-Сфрандзи в ленинградских хранилищах // Studia Codicologica. Berlin, 1977. S. 325—329.

1978

36. Некоторые сведения о греческих и латинских рукописях в неизданной корреспонденции Льва Алляция // ВВ. 1978. Т. 39. С. 114—123.

37. Архивы Франции // ВИД. 1978. Вып. 10. С. 311—322.

38. [*Рецензия*] // ВИ. 1978. № 4. С. 162—164. Рец. на кн.: *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

1979

39. Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья: [Сб. статей] / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1979. С. 124—147.

40. Васильев Александр Александрович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 92—93.

41. Лавровский Николай Алексеевич // Там же. С. 212—213.

42. Леонтьев Константин Николаевич // Там же. С. 218—219.

43. Международные архивные курсы // Советские архивы. 1979. № 1. С. 74—77. В соавторстве с Е. В. Старостиным.

1980

44. Предварительные заметки о рукописной традиции Земледельческого закона. Ч. 1: Рукописи X—XII вв. // ВВ. 1980. Т. 41. С. 194—209.

45. La date du Syntagma de Mathieu Blastarès // Byzantion. 1980. T. 50. Fasc. l. P. 338—339.

46. [*Рецензия*] // ВВ. 1980. Т. 41. С. 298—300. Рец. на кн.: Actes de Kastamonitou / Ed. diplomatique par N. Oikonomidès. Paris, 1978. (Archives de l'Athos, X).

47. [*Рецензия*] // ВВ. 1980. Т. 41. С. 300—303. Рец. на кн.: Παπαστάτη Χ. Κ. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοράβιᾳ. Θεσσαλονίκη, 1978.

1981

48. Предварительные заметки о рукописной традиции Земледельческого закона. Ч. 2: Рукописи XIII—XV вв. // ВВ. 1981. Т. 42. С. 49—70.

49. К истории Академии degli Umoristi в XVII веке // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 110—116.

50. Пушкин — переводчик Коллегии иностранных дел // Временник Пушкинской комиссии за 1978 г. Л., 1981. С. 105—109.

51. Neue philosophische Ansätze im späten Byzanz // Akten des XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 1981. Bd 1/2. S. 529—548 (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd 32/2).

52. [*Рецензия*] // ВВ. 1981. Т. 42. С. 234—236. Рец на кн.: *Darrouzès J.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1978. Vol. 1. Fasc. 5.

1982

53. Софийский список Шестикнижия Константина Арменопула // ВИД. 1982. Вып. 13. С. 324—328 (*перепечатано*: ВВ. 1982. Т. 43. С. 102—105; Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». 1983. Т. 8 (24). С. 283—290).

54. Был ли Константин Арменопул автором «Арменопуловской» версии Земледельческого закона? // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 216—233.

55. По поводу нового издания так называемого Моисеева закона // ВВ. 1982. Т. 43. С. 257—259.

56. Фонд Льва Алляция как источник по истории эллинизма в Западной Европе в XVII веке // Рукописные источники по истории западноевропейского средневековья в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР: Археографический сборник. Л., 1982. С. 96—123.

1983

57. Елена Чеславовна Скржинская: Некролог // ВВ. 1983. Т. 44. С. 267—269.

1984

58. Византийский Земледельческий закон (Nomos Georgikos). Л., 1984. 280 с. Критич. изд., перевод и комментарии; в соавторстве с Е. Э. Липшиц, Е. К. Пиотровской.

59. Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (в связи с книгой Пьера Брюнеля) // Античное наследие в культуре Возрождения: [Сб. статей]. М., 1984. С. 136—140.

60. Две поправки к каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. 1984. Т. 45. С. 211—217.

61. Cartulaires byzantins et postbyzantins // Miscellanea Agostino Pertusi. Bologna, 1984. P. 95—109.

62. Tendances vers une Renaissance dans la culture byzantine tardive // Βυζαντιακά. 1984. Т. 4. S. 113—136.

1985

63. Юридический скрипторий Константина Арменопула? // ВИД. 1985. Вып. 17. С. 297—307.

64. Solar Cult in Plethons Philosophy? // Δώρημα στὸν Ἰ. Καραγιαννόπουλο. Θεσσαλονίκη, 1985. S. 737—749 (Βυζαντινά. Т. 13).

1986

65. Правовое образование в Византии как компонент городской культуры // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени: Сб. статей. Л., 1986. С. 8—26.

66. Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157—163.

67. Болонская грамота Виссариона Никейского в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134—144.

68. Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // The 17th International Byzantine Congress: Major Papers. New York, 1986. P. 31—43.

69. [*Рецензия*] // ВВ. 1986. Т. 46. С. 221—224. Рец. на кн.: Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hg. von L. Burgmann. Frankfurt/Main, 1983.

1987

70. Византия // Всемирная история экономической мысли. М., 1987. Т. 1. С. 187—195.

1988

71. Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт. Л.: «Наука», 1988. 260 с.

Рец.: *Вин Ю. Я.* // Реферативный журнал «Общественные науки в СССР». Серия 5; История. 1989. № 5. С. 149—154; *Margetić Lujo* // Historijski zbornik. 1989. God. 42 (1). С. 359—362; *Поляковская М. А.* // ВВ. 1991. Т. 52. С. 275—279.

72. Греческий писец XV в. Мефодий и его три рукописи // ВВ. 1988. Т. 49. С. 127—133.

73. Литературные «салоны» в поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры: К 80-летию академика Д. С. Лихачева. М., 1988. С. 53—59.

74. XVII Международный конгресс византинистов в Вашингтоне // ВВ. 1988. Т. 49. С. 241—252. В соавторстве.

1989

75. Палеографические заметки о греческих рукописях // Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia: In memoriam Ivan Dujcev. [Sofia], 1989. P. 259—264.

76. Ἰσότης как принцип социальной справедливости у византийцев // ВВ. 1989. Т. 50. С. 123—130.

77. Развитие правовой науки // Культура Византии: Вторая половина VII—XII вв. М., 1989. С. 216—240.

78. О писце лондонской рукописи «Родосских песен любви» // Византия и Русь: Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой (1937—1981): Сб. статей. М., 1989. С. 108—113.

79. The Problem of So-called Byzantine Manufacture // Βυζαντιακά. 1989. Т. 9. S. 207—228.

1990

80. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (Vl— XVII вв.): Сб. статей. Л., 1990. С. 7— 45.

81. Апофеоз Плифона: Новая историографическая волна // ВВ. 1990. Т. 51. С. 74—85.

82. Почему константинопольский патриарх Филофей Коккин считал русских «святым народом»? // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в Средние века: Сб. статей. М., 1990. С. 73—82.

83. Une espèce mal étudiée du bail à long terme byzantin: ἀνάκαμψις // Βυζαντιακά. 1990. Т. 10. S. 103—113.

84. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XV вв.). Л., 1990. Отв. ред., совместно с В. И. Рутенбургом.

85. [*Рецензия*] // ВВ. 1990. Т. 51. С. 214—216. Рец. на кн.: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987.

1991

86. Заметка о двух греческих юридических рукописях из ленинградских собраний // ВВ. 1991. Т. 52. С. 136—140.

87. Право в эпоху латинского владычества // Культура Византии: XIII—первая половина XV вв. М., 1991. С. 188—200.

88. Особенности философской мысли в Византии XIV—XV вв. // Там же. С. 242—254.

89. Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры // Там же. С. 224—241.

90. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Там же. С. 298—312.

91. К завершению нового издания «Василик» // ВВ. 1991. Т. 52. С. 273—274.

92. Греческая копийная книга XVII в. с Хиоса в собрании ГПБ // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 123—141.

93. К предыстории первого издания Актов Константинопольского патриархата // ВИД. 1991. Вып. 23. С. 20—37.

94. Византийское право: Обзор современной зарубежной историографии // Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований: К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 293—324.

95. Развитие политических идей в поздней Византии // Культура Византии: XIII—первая половина XV вв. М., 1991. С. 255—279. В соавторстве с М. А. Поляковской.

96. Дипломатия поздней Византии (XIII—XV вв.) // Там же. С. 341—360. В соавторстве с Г. Г. Литавриным.

97. Ἡ συνοδικὴ ἀπόφαση τῆς 24 Μαρτίου 1171 ὡς νόμος γιὰ διαδοχὴ στὸ θρόνο τοῦ Βυζαντίου // Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12-ο αἰῶνα. Κανονικὸ Δίκαιο, κράτος καὶ κοινωνία / Ἐκδ. Ν. Οἰκονομίδης. Ἀθήνα, 1991. S. 229—238.

98. Ἡ ὑπόθεση τοῦ ἀποστάτη Ἰουβεναλίου ἀπὸ τὴν ἄποψη τοῦ δικαίου // Βυζαντιναὶ Μελέται. 1991. Т. 3. S. 152—173.

99. *Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. Л.: Наука, 1976; 2-е изд. СПб.: Наука, 1991. Отв. ред.

100. On the Origin of the Opening Summary of Byzantine Private Acts // XVIIIth International Congress of Byzantine Studies: Summaries of Communication. Moscow, 1991. Т. 2. P. 752.

101. *Мейендорф И. Ф.* Флорентийский собор: Причины исторической неудачи // ВВ. 1991. Т. 52. С. 84—101. Перевод с англ.

1992

102. Смертная казнь в толковании Феодора Вальсамона // ВВ. 1992. Т. 53. С. 53—61 (репринт: Византийская цивилизация в освещении российских ученых: 1947—1991. М.: Ладомир, 1999. С. 466—474).

103. Об одном забытом диспуте в связи с проблемой византийского нотариата // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 149—153. [Античная древность и средние века].

104. Ἡ θανατικὴ ποινὴ στὴν ἑρμηνεία τοῦ Βαλσαμῶνος // Βυζαντιναὶ Μελέται. 1992. Т. 4. S. 118—137.

105. Μετέφρασε ὁ Πούσκιν τὴν «Ἑξάβιβλο» τοῦ Ἁρμενοπούλου; // Ἑορταστικὸς Τόμος: 50 χρόνια (1939—1989) τῆς Ἑταιρείας Μακεδονικῶν Σπουδῶν. Θεσσαλονίκη, 1992. S. 237—244.

106. The Role of Byzantium in the Medieval Christian World with Particular Reference to the Christianization of Rus' // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow: Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26—28 November 1988. Thessaloniki. 1992. P. 349—357.

1993

107. Греческая культура конца XV—первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры // История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 586—591.

108. По поводу нового издания «Книги Эпарха» // ВВ. 1993. Т. 54. С. 183—187.

109. Неизвестная работа М. Я. Сюзюмова // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М. Я. Сюзюмова, Екатеринбург, 21—23 сентября 1993: Тезисы докладов. Екатеринбург, 1993. С. 26—27.

110. Цензура в ранней Византии (по данным законодательства) // Там же. С. 24—26.

111. The So-called Θέατρα as a Form of Communication of the Byzantine Intellectuals in the 14th and 15th Centuries // Ἡ ἐπικοινωνία στὸ Βυζάντιο: Πρακτικά τοῦ Β΄Διεθνοὺς Συμποσίου, 4—6 οκτωβρίου 1991 / Ἐπιμέλεια Ν. Γ. Μοσχόνας. Ἀθήνα, 1993. S. 227—235.

112. [*Рецензия*] // ВВ. 1993. Т. 54. С. 190—193. Рец. на кн.: *Сметанин В. А.* Византийское общество XIII—XV веков (По данным эпистолографии). Свердловск, 1987.

113. [*Рецензия*] // Средние века. 1993. Вып. 56. С. 259—262. Рец. на кн.: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.

1994

114. Неожиданный Бенешевич: Заметки по материалам архива ученого // ВВ. 1994. Т. 55. С. 27—32.

115. Автограф Кесария Дапонте в Санкт-Петербурге // Ἀνδριάς: Herbert Hunger zum 80. Geburtstag. Wien, 1994. S. 327—337 (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd 44).

116. Honor sepulcri: Размышления А. А. Васильева у могилы В. Г. Васильевского // ВВ. 1994. Т. 55. С. 24—26.

117. Об авторстве византийского раздела «Хрестоматии по истории средних веков» (1939 г.): В. Н. Бенешевич // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1994. С. 99—100.

118. Материалы по теме «Греки и Россия в XVI—XVII вв.» в архивах русских византинистов в Санкт-Петербурге // Славяне и их соседи: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время: Тезисы докладов XIII Конференции «Славяне и их соседи». М., 1994. С. 73—76.

119. Архивные материалы по истории «Византийского временника» в Санкт-Петербурге // Российское византиноведение: итоги и перспективы: Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию «Византийского временника» и 100-летию РАИК, С.-Петербург, 24—26 мая 1994. М., 1994. С. 91—95.

120. Историческая экология и византийский город: К постановке проблемы // Античный и средневековый город: Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург; Севастополь, 1994. С. 13—14.

121. L'égalité comme principe de justice sociale chez les Byzantins // Μνήμη Δ. Α. Ζακυθηνοῦ. Ἀθήνα, 1994. S. 121—136 (Σύμμεικτα; Τ. 9/2).

122. La crise de la tradition juridique byzantine dans la Bessarabie du 19e siècle // Septième Congrès International d'Etudes du Sud — Est Européen, Thessalonique, 29 août—4 septembre 1994: Rapports. Athènes, 1994. P. 671—698.

123. Die Russen als «Heiliges Volk» aus Sicht Konstantinopels im 14. Jahrhundert // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Internationaler Symposion zu Ehren Herbert Hungers, Wien, 30. November — 3. Dezember 1994: Resumées. Wien, 1994. S. 23—24.

124. Карпозилос А. «Ἡ ἅλωση τῆς Θεσσαλονίκης» Иоанна Камениата: Размышления о подлинности текста // ВВ. 1994. Т. 55. С. 62—68. Перевод с греческого.

1995

125. Βυζαντινὴ διπλωματία. Ἀθήνα, 1995. 215 σ. ([Авторы:] Ζ. Ουνταλτσόβα, Γ. Λιτάβριν, Ἰ. Μεντβέντιεφ).

126. О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 57—61.

127. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Там же. С. 157—180.

128. В. Н. Бенешевич: Судьба ученого, судьба архива // Там же. С. 339—381.

129. Письма К. Э. Цахариэ фон Лингенталя в архиве А. А. Куника // Там же. С. 389—429. В соавторстве с Т. Н. Таценко.

130. Неизвестный каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный А. И. Пападопуло-Керамевсом // Там же. С. 430—445.

131. Русская княжна на византийском троне // ВИ. 1995. № 2. С. 144—147.

132. Le pouvoir, la loi et le ius resistendi à Byzance: Quelques considérations // ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Studia byzantina ac slavica: Vladimiro Vavrinek ad annum sexagesimum quintum dedicata. Prague, 1995. P. 75—81 (Byzantinoslavica. Vol. 56/1).

133. О несостоявшемся участии В. Н. Бенешевича в академическом издании Русской Правды // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докладов и сообщений II Чтений памяти А. А. Зимина, Москва, 26—28 января 1995. М., 1995. С. 336—340 (перепечатано в издании: Россия в IX—XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 264—267).

134. Перевод с франц. яз. статьи о. Михаила Арранца: *Дмитриевский А. А.* Из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120—133.

135. Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 460 с. Отв. ред.

1996

136. Преглед византијске философије / Пер. Илија Марић. Београд, 1996. Совместно с С. С. Аверинцевым.

137. «Русский Арменопул» и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского // ВВ. 1995 (1996). Т. 56 (81). С. 193—203.

138. Об одном неосуществленном проекте издания в 30-е годы русского перевода «Тайной истории» Прокопия Кесарийского: Неизвестные документы // ВВ. С. 320—331.

139. Урок Бенешевича // Византийские очерки: Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византинистов. М., 1996. С. 187— 205.

140. Священник Дмитрий Лебедев — полузабытый «гигант науки» // Деятели русской науки XIX—XX веков: Исторические очерки. СПб., 1996. Вып. 3. С. 24—42.

141. Проект Гражданского уложения для Бессарабии // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 247—250. 2-е изд. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. С. 224—227.

142. Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 803—816.

143. Russian and Western Byzantologists in the Archives of Saint-Petersburg: Collaboration or Competition? // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 18—24 August 1996: Abstracts of Communication. Copenhagen, 1996. [No. 9421]. S. p.

144. Die Russen als «Heiliges Volk» aus der Sicht Konstantinopels im 14. Jahrhundert // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Referate des Internationalen Symposions zu Ehren von Herbert Hunger, Wien, 30. November bis 3. Dezember 1994. Wien, 1996. S. 145—150.

145. Pour l'écologie historique de la ville byzantine // Acts of the 18th International Byzantine Congress, Moscow, 1991: Selected Papers: Main and Communications / Editors-in-chief: I. Ševčenko and G. G. Litavrin; Corresponding Editor: W. K. Hanak. Shepherdstown (WV), 1996. Vol. 1. P. 425—430.

146. [*Рецензия*] // ВВ. 1995 (1996). Т. 56 (81). С. 339—341. Рец. на кн.: *Глушанин Е. П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

1997

147. Византийский гуманизм XIV—XV вв. [2-е изд., испр. и доп.]. СПб.: Алетейя, 1997. 341 с.

148. К истории изучения новгородской переводной письменности конца XV в. // Новгородский исторический сборник. 1997. Т. 6 (16). С. 165—174.

149. О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 249—272.

150. Неизвестное об архиве Ф. Ф. Зелинского // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия: Сб. статей. СПб., 1997. С. 338—342.

151. К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // Россия и Христианский Восток. М., 1997. Т. 1. С. 226—244.

152. Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге как источник по истории науки // Вестник РГНФ. 1997. № 3. С. 59—62 (переиздание: «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М., 2004. С. 287—291).

153. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и в христианизации Руси в частности // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-исторические исследования центров и культуры до XVII в.: Материалы VI Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 28—30 мая 1986. М., 1997. С. 124—134.

154. Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997. 479 с. Отв. редактор, примечания, комментарии; совместно с В. М. Лурье.

155. [*Рецензия*] // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 283—286. Рец. на кн.: *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X—XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

156. [*Рецензия*] // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 337—340. Рец. на кн.: *Семеновкер Б. А.* Библиографические памятники Византии. М., 1995.

1998

157. В. Н. Бенешевич как «душеприказчик» Н. П. Лихачева // ВИД. 1998. Вып. 26. С. 105—113.

158. Материалы к истории рукописных собраний Санкт-Петербурга // ППС. 1998. Т. 98 (35). С. 132—138.

159. Коронация Николая II глазами греческого журналиста // Россия в XIX и XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 91—96.

160. «Порекомендуйте меня Мошину» (Из переписки В. А. Мошина и В. Н. Бенешевича) // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894—1987) / Под ред. В. М. Загребина. СПб., 1998. С. 144—149.

161. Канонизация св. Григория Паламы: Исторический контекст // Мир Православия. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 18—19.

162. Lexikon der Byzantinistik / Hrsg. von J. Irmscher. Amsterdam, 1998. Fasc. 1.

[Статьи:] Agnes — Anna (S. 10); Allatios Leon (S. 18); Amnestie (S. 24); Anna Vasil'evna (S. 32—33); Barlaam von Kalabrien (S. 69); Barlaamiten (S. 69—70).

1999

163. А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 289—335.

164. Неизвестный каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса: Грандиозная палеографическая мистификация? // Там же. С. 537—567.

165. Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // Там же. С. 574—611.

166. Письмо критского ученого П. Г. Властоса к Ф. И. Успенскому от 1 июля 1895 г. // *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 227—229.

167. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком / Под ред. акад. Г. Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 293—332.

168. Quiescat in pace: К 100-летию со дня кончины академика В. Г. Васильевского (Глава «Последний год жизни В. Г. Васильевского» из неопубликованной монографии И. М. Гревса) // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 220—236.

169. Г. Г. Литаврин: краткий очерк научной деятельности // ΓΕΝΝΑΔΕΙΟΣ: К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 7—22. В соавторстве с Б. Н. Флорей.

170. The Fall of Constantinople in fifteenth-century Greek and Italian humanistic writings // Bysantinska Sällskapet: Bulletin. Uppsala, 1999. No. 17. P. 5—14.

171. Lexikon der Byzantinistik / Hrsg. von J. Irmscher. Amsterdam, 1999. Fasc. 2.

[Статьи]: Blendung (S. 86); Bürgerrecht (S. 96); Bürgschaft (S. 96—97); Demetrios Chalkokondyles (S. 132); Demetrios Chrysoloras (S. 132); Diplomatik (S. 141); Eid (S. 157).

172. Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 632 с. Отв. ред.

173. *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Отв. ред.

2000

174. Проект Гражданского уложения для Бессарабии (1824—1825) // ВИД. СПб., 2000. Т. 27. С. 200—210.

175. Письма в защиту В. Н. Бенешевича // Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь А. А. Фурсенко. 2000. С. 72—82.

176. Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // Учен. зап. Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 5. С. 205—216.

177. Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // ИЗ. 2000. Т. 3 (121). С. 30—47.

178. Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев // Деятели русской науки XIX—XX веков [н. с.]. СПб., 2000. Вып. 1. С. 227—267.

179. Труды В. В. Болотова на немецком языке (прерванный проект) // История древней церкви в научных традициях XX века: Материалы научно-церковной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины В. В. Болотова. СПб., 2000. С. 81—83.

180. Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (По случаю представления в академики на выборах 1927—1929 гг.) // Деятели русской науки XIX—XX веков [н. с.]. СПб., 2000. Вып. 2. С. 155—172.

181. Русские как «святой народ»: Взгляд из Константинополя XIV века // Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России (2000-летию христианства посвящается). СПб., 2000. С. 83—89 (Verbum. 3).

182. Акты мучеников (Acta Martyrum) // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 426—427.

183. Ἱστορία ἑνὸς πλαστογραφήματος: ὁ λεγόμενος Toparcha Gothicus // Βυζαντινά. 2000. Τ. 21. S. 237—249 (Ἀφιέρωμα στὴ μνήμη τοῦ καφηγητὴ Ἰωάννη Ε. Καραγιαννοπούλου).

184. Неколико речи о аутору и његовом раду // Фјодор Успенски. Историја Византијског царства од 11. до 15. века. Источно питање. Београд, 2000. С. 957—962. [Послесловие к трехтомному югославскому изданию].

185. Деятели русской науки XIX—XX веков (н. с.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 1—2. Отв. ред.

2001

186. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. 575 с.

Рецензия: *Морозов М. А.* // Древнее право. М., 2002. Т. 2 (10). С. 278—284.

187. Малоизвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 183—191.

188. Труды В. В. Болотова на немецком языке (прерванный проект) // Христианский Восток. СПб.; М., 2001. Т. 2 (VIII). С. 359—365.

189. Заметки на полях одной недавно опубликованной книги // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов. СПб., 2001. С. 39—44.

190. Записка В. Н. Бенешевича о возрождении византиноведения в Ленинградском государственном университете // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Сб. статей в честь 70-летия профессора Г. Л. Курбатова. СПб., 2001. Вып. 3. С. 72—80.

191. Лихудовская тема в рукописном наследии русского канониста М. И. Горчакова // Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения», Великий Новгород, 11—14 мая 1998. Великий Новгород, 2001. С. 127—132.

192. Алляций Лев // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 37—38.

193. О происхождении коллекции греческих рукописей Санкт-Петербургского университета // ΜΟΣΧΟΒΙΑ: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Т. 1. С. 293—299.

194. [Слово о Сигизмунде Натановиче Валке] // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 328—329.

195. Ἡ ἐξωτερικὴ πολιτικὴ τῆς Αἰκατερίνης Β΄ // Ἱστορικά. Τ. 77. Μεγάλη Αἰκατερίνη. Ἀθὴνα, 2001. S. 34—39. [О так называемом «греческом проекте» Екатерины II].

196. The Saint-Petersburg — based project «Archives of Russian Byzantologists as a source of the history of science» // Pré-Acts XX-e Congrès International des Études Byzantines, 19—25 août 2001, I. Séances plénières. Paris, 2001. P. 399—402.

197. [*Рецензия*] // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 203—205. Рец. на кн.: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847). М., 1997.

2002

198. Политическая идеология Византии: историографический экскурс // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 154—166.

199. Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 5—23.

200. Геннадий Схоларий как идеолог «византийской инквизиции» // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 264—279.

201. «**Стиси добрѣиши к винѣ слъзнѣи**» византийского патриарха Германа (VIII в.) в славянских и древнерусских рукописях // Χρυσαὶ Πύλαι — **Злата врата**: Essays presented to Ihor Ševčenko on his eightieth birthday / Ed. by P. Schreiner and Olga Strakhov. Cambridge, Mass., 2002. P. 37—53 (Palaeoslavica. 10/1). В соавторстве с Н. С. Демковой; автору принадлежит часть II: Греческий текст «Стихов добрейших» патриарха Германа (с. 50—53).

202. Kunik and Mullach on the Necessity of a Re-edition of Du Cange's Glossary (From the Correspondence of the Two Scholars) // Χρυσαὶ Πύλαι — **Злата врата**: Essays presented to Ihor Ševčenko on his eightieth birthday / Ed. by P. Schreiner and Olga Strakhov. Cambridge, Mass., 2002. P. 265—280 (Palaeoslavica. 10/1).

203. Неизвестное свидетельство об одной особенности иконографии печатей папской канцелярии // Новое в византийской сфрагистике: Международная научная конференция, посвященная юбилею В. С. Шандровской: Тезисы докладов. СПб., 2002. С. 21—23.

204. Греческий картон в архиве Н. П. Лихачева: Предварительный обзор материалов // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин: К 140-летию академика Н. П. Лихачева (1862— 1936) и 100-летию Дома Н. П. Лихачева в С.-Петербурге: Тезисы докладов конференции, С.-Петербург, 3—5 декабря, 2002. СПб., 2002. С. 44—46.

205. Ὑπήρχε στὴ Θεσσαλονίκη ἕνα ἐργαστήριο ἀντιγραφῆς νομικῶν χειρογράφων τὸ 14-ο αἰώνα; // Πρακτικὰ τοῦ Β΄ Συμποσίου «Ἡ Μακεδονία κατὰ τὴν ἐποχὴ τῶν Παλαιολόγων», Θεσσαλονίκη, 14—20 Δεκεμβρίου 1992. Θεσσαλονίκη, 2002. S. 215—229.

206. Островное евангелие VIII в. из собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург // ВИД. 2002. Вып. 28. С. 437—438 [отзыв об электронном издании рукописи Lat. F. v. 1.8: СПб., издательство «Спаеро», 2001].

2003

207. К. Ф. Калайдович в свете неопубликованной переписки графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга // Очерки феодальной России: Сб. статей. М., 2003. Вып. 7. С. 278—286.

208. Нумизматическое путешествие графа Н. П. Румянцева по Кавказу и Крыму (1823 г.) // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений, Екатеринбург, 26—28 марта 2000. Екатеринбург, 2003. С. 62—65.

209. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // Ἀντίδωρον: К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина: [Сб. статей]. СПб., 2003. С. 86—98.

210. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки Готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения: [Сб. статей]. СПб., 2003. С. 160—172.

211. Из истории петербургского византиноведения. Истоки и становление // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 97—113.

212. «Византийское хобби» государственного контролера Т. И. Филиппова // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 268—272.

213. Жюль Давид: штрихи к портрету малоизвестного эллиниста // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2003. Вып. 3. С. 133—146.

214. Недодуманные мысли. Письма русских антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (на примере переписки И. В. Помяловского) // Scripta Gregoriana: Сб. в честь 70-летия академика РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 300—310.

215. Академик Филипп Иванович Круг и его архив // Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 179—189.

216. Несколько слов о моих встречах с отцом Иоанном Мейендорфом // Свидетель истины: Памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа: [Сб. статей]. Екатеринбург, 2003. С. 192—196.

217. Y avait-il une constitution a Byzance? Quelques considerations // Βυζάντιο: Κράτος καὶ κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οἰκονομίδη. Ἀθήνα, 2003. S. 383—391.

218. Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Отв. ред., совместно с Э. И. Колчинским.

219. Византийское «диссидентство» как виновник крушения империи: мнение Георгия Трапезундского (XV в.) // Историческая роль Константинополя: В память о 550-летии падения византийской столицы: Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов, Москва, 29—30 мая 2003. М., 2003. С. 72—74.

2004

220. И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 207—240.

221. Письма Карла Бенедикта Газе в архиве Ф. И. Круга // Там же. С. 522—583.

222. Письма Габриэля Милле к Н. П. Кондакову // Там же. С. 622—629 (письма № 1—17 в одноименной публикации И. Л. Кызласовой).

223. Переписка греческих иерархов с русским правительством и патриархией в конце XVII в. (по данным рукописи Кесария Дапонта) // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 493—517.

224. Медаль Моммзена // Вестник древней истории. 2004. № 1. С. 224—227.

225. Письма искусствоведов в архиве В. Н. Бенешевича // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб., 2004. С. 93—99.

226. Петербургская школа византиноведения // Просветительство в Санкт-Петербурге: Российские и западноевропейские традиции: Материалы международной научно-практической конференции (13 мая 2003 г.). СПб., 2004. С. 44—46.

227. Еще одно неучтенное свидетельство «древностелюбивых проказ» со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 178—183.

228. Н. П. Кондаков как соавтор В. Н. Бенешевича по изданию Синайского альбома // Мир Кондакова: Публикации, статьи, каталог выставки. М., 2004. С. 141—149.

229. Византийское престолонаследие и русский престол в XVI—XVII вв. // Судебник Ивана III: Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 427—434.

230. Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 292—317. Совместно с А. К. Гавриловым.

231. Итоги петербургского научного проекта по изданию архивов русских византинистов // Вестник РГНФ. 2004. № 3 (36). С. 99—105.

232. Мир русской византинистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 832 с. Отв. ред.

233. Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов, Москва, 26—27 мая 2004. М., 2004. С. 123—124.

234. [*Рецензия*] // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 646—649. Рец. на кн.: *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920—1930 годы). По материалам архивов. М., 2000.

2005

235. Об одном несостоявшемся проекте издания житий Константина Великого на страницах «Византийского временника» // Albo dies notanda lapillo: Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 128—132.

236. «Меня манят архивы, пока я молод» (Малоизвестные факты из биографии Н. П. Лихачева) // ВИД. 2005. Вып. 29. С. 278—284.

237. Прощальное письмо Цахариэ фон Лингенталя к Российской Академии наук // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Ярославу Николаевичу Щапову. М., 2005. С. 361—366.

238. Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 316—334.

239. Греческая грамматика на исходе средневековья: две поздневизантийские рукописи из Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // Античная грамматическая традиция в веках: Материалы международной конференции = Ancient grammar and its posterior tradition: Abstracts of International Colloquium, S.-Peterburg, April 20—23, 2005. СПб., 2005. С. 57—58. (То же на англ. яз.: Там же. С. 56—57).

240. Россия как «спонсор» европейской исторической науки в начале XIX в. (граф Н. П. Румянцев и его парижские партнеры) // ИЗ. М., 2005. Т. 8 (126). С. 364—389.

2006

241. Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб.: Алтейя, 2006. 334 с.

242. История одной французской книги о греческих древностях с посвящением русскому императору // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 2. С. 375—385.

243. История Льва Диакона как один из источников «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (уточнения к комментарию) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византинистов. СПб.: Алетейя, 2006. С. 162—168.

244. Печать византийской императрицы Анны из собрания Эрмитажа (к проблеме идентификации) // Византия в контексте мировой культуры. Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. В. Банк (1906—1984): Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 21—23.

245. Russia as a sponsor of European Byzantinology in the nineteenth century // Proceedings of the 21st Internationsl Congress of Byzantine Studies. London, 2006. Vol. 3. P. 356—357.

246. Алексей Николаевич Оленин как византинист // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX вв.: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 17—29.

247. [Рецензия] // Byzantinoslavica. 2006. Т. 64. P. 339—340. Рец. на кн.: *Киселева Л. И.* Латинские рукописи XIII века (описание рукописей Российской национальной библиотеки). СПб.: Дмитрий Буланин. 2005. 294 с., 5 ил.

248. Право [Византии] // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 284—286.

Находятся в печати:

249. Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: Еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // ВВ. 2007. Т. 66 (91).

250. Санкт-Петербург и греческая византинистика в конце XIX—начале XX века // Труды Международной научной конференции «Петербург и Греция: Прошлое и настоящее» (27—29 окт. 2006, СПб., Научный центр РАН).

251. «Я был так привязан к России!» (Неопубликованные письма графа де Брэя) // Вестник истории, литературы, искусства. М., Т. 5.

252. Греческие школы в турецком Трапезунде в начале XX столетия (неизвестный документ) // ΜΟΣΧΟΒΙΑ: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М.: Индрик. Т. 2.

253. Об одной неосуществившейся мечте — стать палеографом // Там же.

254. Из истории занятий греческой палеографией в России // Монфокон / Под ред. Б. Л. Фонкича. М., Вып. 1.

255. Письмо с Афона (Библиотекарь русского Пантелеймоновского монастыря схимонах о. Матфей) // Россия и христианский Восток. М., Вып. 4.

256. Неизвестный эпизод из ранней истории изучения славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола // ТОДРЛ. СПб., Т. 59.

257. Ἕνα μάθημα Κανονικοῦ Δικαίου: Κωνσταντῖνος ὁ Οἰκονόμος ἐξ Οἰκονόμων // Τόμος στὴ μνὴμη τοῦ Νίκου Οικονομίδη. Ἐπ . Σπ. Τρωϊανός. Ἀθήνα.

258. Τὸ ῥωσικὸ προανάκρουσμα στὴν πρώτη ἔκδωση τοῦ ἱεροῦ κώδικα τοῦ Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως // Τόμος στὴ μνήμη τοῦ π. Jean Darrouzès / Επ. Δ. Ἀποστολόπουλος. Ἀθήνα.

Участие в редколлегиях и редакционных советах следующих изданий:

Академический периодический журнал «ВВ» (Москва), зам. отв. ред.
Журнал «Христианский Восток» (СПб.).
Журнал «Монфокон» (Москва).
Журнал «Клио» (СПб.).
ВИД (СПб.).
Серия «Византийская библиотека» издательства «Алетейя» (СПб.).
Серия «Россия и христианский Восток» (Москва).
Периодический орган «ΜΟΣΧΟΒΙΑ»: Проблемы византийской и новогреческой филологии» (Москва).
Вестник истории, литературы и искусства (Москва).

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ В. Г. ЧЕРНУХИ*

1) Важное свидетельство о внешнеполитическом аспекте Польского восстания 1863 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 217—220. Труды ЛОИИ. Вып. 7.

2) Материалы Архива Артиллерийского исторического музея о военных действиях 1863 г. на Украине // К 100-летию героической борьбы «За нашу и вашу свободу»: Сб. статей. М., 1964. С. 280—291.

3) Подготовка текста и археографический комментарий к показаниям В. Рудницкого и др. // Следственные показания о восстании 1863 г. Вроцлав; Москва, 1965. С. 148—264.

4) Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (сер. XVI—нач. XX в.). Л., 1967. С. 197—238. Труды ЛОИИ. Вып. 8.

5) Всеподданнейший доклад Комиссии П. А. Валуева от 2 апреля 1872 г. как источник по истории податной реформы в России // ВИД. Л., 1968. Вып. 1. С. 262—269.

6) Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. Чл. редколл.

* Данный список составлен С. В. Куликовым и содержит краткую информацию о большинстве научных работ В. Г. Чернухи. Полный указатель ее работ см.: Валентина Григорьевна Чернуха (к 75-летию со дня рождения). Биобиблиографический указатель трудов. 1962—2007 / Сост. Е. З. Панченко, С. В. Куликов. СПб., 2007.

7) Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-х гг. XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1969.

8) ВИД. Л., 1969. Вып. 2. Чл. редколл.

9) В. И. Ленин о земстве // В. И. Ленин и проблемы истории: Сб. статей. Л., 1970. С. 283—310.

10) ВИД. Л., 1970. Вып. 3. Чл. редколл.

11) Записка П. А. Валуева Александру II о земских учреждениях (январь 1867 г.). Ввод. статья и коммент. // Советские архивы. 1971. № 4. С. 79—87.

12) ВИД. Л., 1972. Вып. 4. Чл. редколл.

13) Проблема политической реформы в правительственных кругах России в нач. 70-х гг. XIX в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 138—190. Труды ЛОИИ. Т. 13.

14) Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е гг. XIX в.): Монография. Л., 1973. 225 с.

15) ВИД. Л., 1973. Вып. 5. Чл. редколл.

16) Совет министров в 1857—1861 гг. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 120—137.

17) ВИД. Л., 1974. Вып. 6. Чл. редколл.

18) ВИД. Л., 1976. Вып. 7. Чл. редколл.

19) Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // ВИД. Л., 1976. Вып. 7. С. 210—220.

20) ВИД. Л., 1976. Вып. 8. Чл. редколл.

21) Конструирование Совета министров в 1861 г. // ВИД. Л., 1976. Вып. 8. С. 164—184.

22) Рец. на кн.: *Мыльников А. С.* Йозеф Юнгман и его время // Проблемы слав`янознавства. Львов, 1976. Вып. 14. С. 127—129 (на укр. яз.).

23) Русская общественно-политическая мысль XIX в. в освещении современной американской историографии // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей. Л., 1976. С. 196—219 (совм. с В. А. Нардовой и А. Н. Цамутали). Труды ЛОИИ. Т. 15.

24) ВИД. Л., 1978. Вып. 9. Чл. редколл.

25) Совет министров в 1861—1882 гг. // ВИД. Л., 1978. Вып. 9. С. 90—117.

26) Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Л., 1978. 40 с.

27) Внутренняя политика царизма с сер. 50-х до нач. 80-х гг. XIX в.: Монография. Л., 1978. 248 с.

28) ВИД. Л., 1978. Вып. 10. Чл. редколл.

29) Программная записка министра финансов М. Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.) // ВИД. Л., 1978. Вып. 10. С. 269—284.

30) ВИД. Л., 1979. Вып. 11. Чл. редколл.

31) Законы 13 июня 1867 г. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 171—192 (совм. с В. А. Нардовой).

32) О прототипе графа Твэрдсонто в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Русская литература. 1979. № 4. С. 136—140.

33) ВИД. Л., 1981. Вып. 12. Чл. редколл.

34) Жизненный путь С. Н. Валка (13 декабря 1887—5 февраля 1975 г.) // История и историки. Историографический ежегодник, 1978. М., 1981. С. 171—181.

35) ВИД. Л., 1982. Вып. 13. Чл. редколл.

36) Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния // ВИД. Л., 1982. Вып. 13. С. 223—249.

37) ВИД. Л., 1983. Вып. 14. Чл. редколл.

38) Мемуары столичного чиновничества вт. пол. XIX в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 195—216.

39) Рец. на кн.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. III. 1857—1894. Ч. 1—4 // История СССР. 1984. № 5. С. 166—168.

40) ВИД. Л., 1985. Вып. 16. Чл. редколл.

41) Неизвестное публицистическое сочинение А. И. Васильчикова // ВИД. Л., 1985. Вып. 16. С. 202—216.

42) ВИД. Л., 1985. Вып. 17. Чл. редколл.

43) Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.) // ВИД. Л., 1985. Вып. 17. С. 201—213.

44) Проблемы внутренней политики самодержавия в русской публицистике 60—70-х гг. XIX в. // Труды ЛОИИ. Л., 1986. Вып. 16. С. 132—158.

45) Самодержавие и печать (60—70-е гг. XIX в.). Программа политики в делах печати и ее осуществление // ВИ. 1986. № 11. С. 52—66.

46) Библиографический арсенал исторической науки // Советская библиография. 1987. № 4. С. 67—71.

47) ВИД. Л., 1987. Вып. 18. Чл. редколл.

48) ВИД. Л., 1987. Вып. 19. Чл. редколл.

49) Понятие «общественное мнение» у Н. А. Добролюбова // Революционно-демократические традиции и русская культура: Сб. статей. Л., 1987. С. 49—61.

50) Сельскохозяйственный съезд 1-го округа в Петербурге (1881 г.) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 1987. С. 86—94.

51) Создание Общества взаимного поземельного кредита // Монополии и экономическая политика царизма в кон. XIX—нач. XX в.: Сб. статей. Л., 1987. С. 182—200.

52) Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // ИЗ. 1988. Т. 116. С. 161—186.

53) *Егоров Б. Ф.* Петрашевцы. Л., 1988. 240 с. Ред.

54) С. Н. Валк — ученый и человек // ВИ. 1988. № 2. С. 31—46.

55) Вводная статья // ВИД. Л., 1989. Вып. 20 (совм. с М. Б. Свердловым).

56) ВИД. Л., 1989. Вып. 20. Отв. ред., чл. редколл.

57) Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г.—26 ноября 1862 г.) // ВИД. Л., 1989. Вып. 20. С. 89—102.

58) Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е гг. XIX в.: Монография. Л., 1989. 206 с.

59) ВИД. Л., 1990. Вып. 21. Чл. редколл.

60) Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859—26 ноября 1862 г.) // ВИД. Л., 1990. Вып. 21. С. 74—83.

61) Книга в России. 1861—1881: В 3 т. Т. 2. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1990. 214 с. Чл. редколл.

62) Место Политико-экономического комитета Географического общества в либеральном движении 50—60-х гг. XIX в. // Zeitschrifts. Schiller-Universitat, 1990. H. 1—2.

63) ВИД. Л., 1991. Вып. 22. Чл. редколл.

64) ВИД. Л., 1991. Вып. 23. Чл. редколл.

65) Книга в России. 1861—1881. М., 1991. Т. 3. 256 с. Чл. редколл.

66) Первый шаг к революции (Власть и общество: этапы расхождения) // Родина. 1991. № 9—10. С. 25—28 (совм. с Б. В. Ананьичем).

67) Реформы и реформаторы (Власть и общество: этапы расхождения) // Родина. 1991. № 11—12. С. 108—111 (совм. с Б. В. Ананьичем).

68) Сельскохозяйственные общества в России в 60—70-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 188—196.

69) Чернильные перемены (Власть и общество: этапы расхождения) // Родина. 1991. № 11—12. С. 108—111 (совм. с Б. В. Ананьичем).

70) Александр III // ВИ. 1992. № 11—12. С. 46—64.

71) Выступление // Реформы или революция? Россия 1861—1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 287.

72) Главное управление по делам печати. 1865—1882 // Книжное дело в России во второй половине XIX—начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 20—40.

73) Записка псковского губернатора Б. П. Обухова // Проблемы эволюции сельского хозяйства и крестьянского движения на Северо-Западе России: Сб. тезисов. Псков: «Псковский государственный университет», 1992.

74) М. Х. Рейтерн // Русско-немецкие контакты в биографии С.-Петербурга: Сб. тезисов. СПб., 1992. Вып. 1. С. 16—17.

75) Партия контрреформ (Власть и общество: этапы расхождения) // Родина. 1992. № 2. С. 30—35 (совм. с Б. В. Ананьичем).

76) ВИД. СПб., 1993. Вып. 24. Чл. редколл.

77) ВИД. СПб., 1994. Вып. 25. Чл. редколл.

78) Государственный деятель 1860-х гг.: П. А. Валуев (1814—1890) // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 97—106.

79) Некоторые вопросы отечественной истории. События и судьбы. СПб., 1994. 88 с. Чл. редколл.

80) Александр II: Воспоминания. Дневники. Серия: «Российские государственные деятели глазами современников». Ввод. статья, сост., коммент. СПб., 1995. 448 с.

81) Александр II и проблема конституционных преобразований // Дом Романовых в истории России: Сб. статей. СПб., 1995. С. 214—221.

82) Великий реформатор и великомученик // Александр II: Воспоминания. Дневники. Серия: «Российские государственные деятели глазами современников». СПб., 1995. С. 5—36.

83) Цензура в Западной Европе и в России // Цензура в России: история и современность: Тезисы конф. 20—22 сентября 1995 г. СПб., 1995. С. 60—61.

84) Alexander III // Portraits of the Tsars. New York; London, 1995. P. IV.

85) Russia falls back, Russia catches up: three generations of Russian reformes // Reform in modern Russian history: Progress or cycle. Washington-Cambridge, 1995. Pt. 1. N 3. P. 5—96 (совм. с Б. В. Ананьичем).

86) Великие реформы. Попытка преодоления кризиса (Ч. 4) // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 283—368.

87) Забытый общественно-политический деятель граф В. Н. Орлов-Давыдов (1809—1882) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 54—64.

88) Рец. на кн.: 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. 384 с. // Отечественная история. 1996. № 3. С. 183—185 (совм. с Б. В. Ананьичем).

89) С. Н. Валк // Историки России XVIII—XIX вв. Биографии. М., 1996. Вып. 3. С. 94—103.

90) Великая княгиня Елена Павловна на государственной арене // О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России: Сб. статей к 50-летию Г. А. Тишкина. СПб., 1997. С. 85—93.

91) О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России: Сб. статей к 50-летию Г. А. Тишкина. СПб., 1997. 192 с. Чл. редколл.

92) ВИД. СПб., 1998. Вып. 26. Чл. редколл.

93) Император Александр II и фельдмаршал князь А. И. Барятинский // Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 110—118.

94) Начало земского движения в России // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы: Сб. науч. тр. СПб., 1998. Вып. 4. С. 105—123.

95) С. Н. Валк (1887—1975) // ВИД. СПб., 1998. Вып. 26. С. 299—316 (совм. с Р. Ш. Ганелиным).

96) Предтеченский А. В. Из творческого наследия. СПб., 1999. 436 с. Чл. редколл.

97) Утраченная альтернатива: наследник престола великий князь Николай Александрович (1843—1865) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX вв.: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 236—246.

98) Валк С. Н. // *Чернобаев А. А.* Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2000. С. 79.

99) ВИД. СПб., 2000. Вып. 27. Чл. редколл.

100) Модель карьеры государственного деятеля на стыке эпох: С. А. Грейг // Проблемы всемирной истории: Сб. статей к 75-летию А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 322—331.

101) С. Н. Валк // Историки России XVIII—XIX вв. Биографии. М., 2001. С. 617—623.

102) Александр III // Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. Серия: «Российские государственные деятели глазами современников». СПб., 2001. С. 5—40.

103) Александр III: Воспоминания. Дневники. Письма. Серия: «Российские государственные деятели глазами современников». Ввод. статья, сост., коммент. СПб., 2001. 399 с.

104) Выступление // АЕ за 2000 г. М., 2001. С. 305—308.

105) На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX—начала XX в.: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб.; Кишинев, 2001. 495 с. Чл. редколл.

106) Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // ИЗ. 2001. Т. 4 (122). С. 91—131.

107) Паспорт в эпоху реформ // Вестник молодых ученых. 2001. № 5. С. 3—14.

108) Проблема всесословной волости и мелкой земской единицы в 60—70-е гг. XIX в. // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX—начала XX в.: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб.; Кишинев, 2001. С. 81—94.

109) Р. Ш. Ганелину — 75 лет. С юбилеем! // Клио. 2001. № 2 (14). С. 253—254.

110) ВИД. СПб., 2002. Вып. 28. Чл. редколл.

111) *Лопатников В. А.* Пьедестал: время и служение канцлера А. М. Горчакова. СПб., 2002. 385 с. Научное консультирование (совм. с Б. В. Ананьичем).

112) *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе (1898—1916) / Подгот. текста и коммент. // Звезда. 2002. № 7. С. 117—153.

113) Юрий Давидович Марголис — знакомый и незнакомый // История глазами историков: Межвузовский сб. науч. тр., посвященный 70-летию Е. Р. Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 343—352.

114) Дворянство // С.-Петербург: Энциклопедия. Т. 2. Девятнадцатый век. СПб., 2003. С. 65—68.

115) «Паспортный сбор» в России (1763—1897 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сб. статей к 70-летию Б. В. Ананьича. СПб., 2003. С. 223—228.

116) Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // ИЗ. 2003. Т. 6 (124). С. 132—142.

117) Паспорт в России во второй четверти XIX в. // Английская набережная, 4: Альманах. СПб., 2004. Вып. 4. С. 163—190.

118) Рескрипт в государственной жизни России XIX в. // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: Сб. статей памяти М. М. Шумилова. СПб., 2004. С. 276—282.

119) Создание Ленинградского отделения Археографической комиссии во главе с С. Н. Валком // АЕ за 2003 г. М., 2004. С. 199—202.

120) Эпоха «великих реформ» — шаг на пути от полицейского к правовому государству // Власть, общество и реформы в России (XVI—нач. XX): Материалы науч.-теоретич. конф. 8—10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 105—121.

121) Безальтернативность как базовое свойство российского крепостничества // Крепостное право и его отмена: История и современность: Материалы семинара. С.-Петербург, 17 декабря 2004 г. СПб., 2005. С. 42—44 (текст паралл. рус., англ.).

122) Валк С. Н. // *Чернобаев А. А.* Историки России XX в.: Биобиблиографический словарь. Саратов, 2005. Т. 1. С. 149—150.

123) ВИД. СПб., 2005. Вып. 29. Чл. редколл.

124) Совет министров Российской империи до 1905 г. // К 100-летию издания Манифеста 1905 г. об учреждении Государственной думы: Материалы науч.-практич. конф. Петергоф, 6 октября 2005 г. СПб., 2005. С. 56—61.

125) *Оболенский Д. А.* Записки. 1856—1879 / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. СПб., 2005. 503 с.

126) Из истории паспорта в России: Столичные адресные конторы (1809—1888) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—нач. XX в.: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 279—288.

127) Император Александр II и время его реформ // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006. Реформы в России. XVI—нач. XX в. СПб., 2006. С. 128—144.

128) Имперский фактор во внутренней политике России XIX в.: паспорт на российских окраинах // ИЗ. 2006. Т. 9 (127). С. 49—73.

VI

ПАМЯТИ И. З. ЛИБЕРЗОН (1925—2003)

5 декабря 2003 г. скончалась Ирина Зусевна Либерзон.

Многие годы творческая и научная жизнь И. З. Либерзон была связана с Санкт-Петербургским Институтом истории РАН (тогда ЛОИИ СССР АН СССР).

Ирина Зусевна была связана и с деятельностью Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН. Она была ее ученым секретарем и регулярно публиковала научные отчеты, начиная с 1975 г., в «Археографическом ежегоднике» РАН.

И. З. Либерзон родилась в Ленинграде, в семье военного врача, в 1951 г. окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета, где занималась в семинарах профессоров Б. А. Романова и И. И. Смирнова и, конечно же, слушала лекции С. Н. Валка, академика Д. С. Лихачева. До прихода в Институт она многие годы проработала в Артиллерийском историческом музее, поэтому прекрасно разбиралась в военном искусстве и была его знатоком, участвовала в создании «Путеводителя по историческому архиву музея», изданного в 1957 г., и в подготовке сборников документов по проблемам военной истории.

Ее перу принадлежит более 20 научных трудов. Особо следует отметить ее работу, связанную с подготовкой серии сборников документов

«Акты социально-экономической истории Севера России» (конца XV—первой половины XVII вв.). Подготовка этих томов к печати требовала больших знаний в области специальных исторических дисциплин — архивоведения, дипломатики, палеографии. Ирина Зусевна вполне ими обладала. Ею обследованы десятки фондов архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска и других городов; выявлены новые источники. Многие последующие исследователи Севера России не могут обойтись без ее статьи, посвященной актам Соловецкого монастыря (Т. 18 ВИД).

И после выхода на пенсию Ирина Зусевна не утратила научного интереса к проблемам средневековой России и продолжала участвовать во многих заседаниях Археографической комиссии. Она была исключительно доброжелательным человеком, и у всех, кто ее знал, навсегда останется о ней светлая память.

В. И. Иванова
С. Н. Искюль
В. Ю. Черняев

ПАМЯТИ А. Г. МАНЬКОВА (1913—2006)

Аркадий Георгиевич Маньков проработал в Ленинградском отделении Института истории (ныне С.-Петербургский Институт истории РАН) 50 лет и прошел путь от младшего научного сотрудника до доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. А. Г. родился в 1913 г. и начал свою трудовую деятельность в 1931 г. статистиком, затем библиотекарем, а в 1935 г., через год после возобновления работы исторических факультетов, А. Г. поступил на истфак Ленинградского университета, где провел 5 лет под руководством И. И. Смирнова, ставшего его учителем. В 1941 г., когда А. Г. стал аспирантом и проучился в аспирантуре всего один год, была опубликована первая его статья «Побеги крестьян в вотчине Троицкого Сергиева монастыря». Так успешно начатая научная работа была прервана нападением нацистской Германии на СССР, и А. Г. был призван в ряды Красной Армии.

В 1946 г. А. Г. вернулся в аспирантуру Ленинградского университета, которую закончил в 1948 г., защитив в этом же году кандидатскую диссертацию. После этого А. Г. был принят на работу в ЛОИИ, и сразу стали выходить его работы; вначале статья в «Исторических записках», а затем, в 1951 г., монография «Цены и их движение в Русском государ-

стве XVI в.». Это была новаторская книга, поскольку в нашей стране историей цен ранее не занимались, и А. Г. стал пионером данного направления в российской науке. В 1957 г. книга была переведена на французский язык и издана во Франции. Она имела выдающийся резонанс в мировой науке. Если перечислять только монографии А. Г., то мы увидим, что его путь в науке развивался в сторону изучения правовой системы русского средневековья. В 1962 г. вышла книга «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.», которая в следующем году была защищена А. Г. в качестве докторской диссертации. А. Г. и в дальнейшем придерживался именно этого направления в своих исследованиях. Так, он участвовал в издании законодательных актов XVII в., опубликованных в «Памятниках русского права» и в многотомных сборниках документов «Российское законодательство X—XX вв.». В 1980 г. произошло значительное событие — в нашей литературе впервые в советское время появилась монография об Уложении 1649 г. — кодексе феодального права, автором которой был А. Г. Это дало ему основание поставить вопрос об академическом издании Соборного уложения.

Необходимость подготовки такой публикации давно осознавалась в нашей науке. Еще до войны под руководством академика Б. Д. Грекова было начато издание памятников российского законодательства. В 1940 г. была осуществлена публикация первого тома (тексты), а в 1947 г. второго (комментарии) «Правды русской». Затем в 1952 г. вышло в свет комментированное издание «Судебники XV—XVI веков», содержавшее Судебники 1497, 1550 и 1589 гг. Наконец, более чем через 30 лет, в 1986 и 1987 гг., осуществилась публикация «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.» (тексты и комментарии). Одновременно с этим изданием готовилась критическая публикация Соборного уложения 1649 г., вышедшего в свет в 1997 г. Душой этого издания стал А. Г. — не только его инициатор, но и автор его концепции, глава авторского коллектива, ответственный редактор. Венцом научно-исследовательской деятельности А. Г. в сфере исследования русского права XVII в. стала вышедшая в 1998 г. его книга «Законодательство и право России во второй половине XVII в.».

Если же обратиться к другим аспектам научного творчества А. Г., то необходимо упомянуть о его участии в многотомнике «Очерки истории СССР», в издании источников по восстанию Болотникова, иностранных источников по восстанию Степана Разина, о написанных главах для «Краткой истории СССР», переведенной на многие языки. В течение многих лет А. Г. возглавлял публикацию хозяйственных книг монастырей. С конца 50-х гг. XX в. А. Г. был многолетним участником Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, входил в Оргкомитет этого важного исследовательского проекта.

Общественная и научно-административная деятельность А. Г. была также весьма значимой. Он занимал пост ученого секретаря ЛОИИ с 1949 по 1951 г. В 1952 г. А. Г. возглавил Архив нашего института, и,

ê äà â àïðå å 1953 . Î û óïðà äíåí , À. . êà à ñÿ åäèíñòâåííûì ä - í ñòíûì èö ì, â àâèê èì ò , ò ñòà ñü ò ðà íàíí åíèí ðàäñê òäååíèÿ íñòèòóòà èñò ðèè. Àðõèê ûâ å òäå åíèÿ û âñê ðå ïðå ðà âàí â Îòäå äðåâíèõ ðóê ïèñåé è àêò â íñòèòóòà èñò ðèè, ê ò ðûé À. . â àâ ÿ âï òü ä â í â åíèÿ ðà òû Î â âò ð é ï âèíå 1955 . 15 åò À. . à - âåä âà ðóïï é å äà è ìà â Ð ññèè, â ê ò ð é ï ä å ðóê â äñòâ ì ðà òà è êðóïíûå ó åíûå. 1958—1962 . í û ïðåäñåäàòåì åì ïð ñ í ê ìèòåòà Î , àíèà ðÿä äðó èõ âà íûõ ï ñò â.

Особо следует подчеркнуть, что А. Г. был незаурядной личностью, добрым, участливым, всегда готовым прийти на помощь человеком. Выход в свет случайно сохранившихся дневников А. Г. за 1933—1934 и 1938—1941 гг. не только подтвердил эти впечатления его коллег, но и раскрыл А. Г. в совершенно новом свете. Первая публикация отрывков этих дневников в журнале «Звезда» в 1994—1995 гг. потрясла Д. С. Лихачева. Он написал в письме к А. Г. о его нравственной чистоте, отметил, что в этом дневнике наилучшим образом передан дух времени. Сохранившиеся фрагменты дневника были изданы в 2001 г. отдельной книгой. Этот дневник свидетельствует о том, что 30-е гг. были временем отнюдь не всеобщего единомыслия. А. Г., не ставя перед собой этой цели, разоблачил миф о всеобщем одобрении «коллективизации сельского хозяйства» и «индустриализации». Несмотря на то что в то время А. Г. был очень молод, он глубоко проник в сущность происходивших процессов. А. Г. занял тогда позицию последовательного антисталиниста, хотя это был антисталинизм не философа, теоретика, а простого человека, разгадавшего суть происходившего в стране — угнетение людей, обнищание народа. Дневник А. Г. — поразительный человеческий документ. По существу А. Г. уже в молодом возрасте предстал как глубокий мыслитель. Следует особо сказать, что дневник является ценнейшим источником по истории советского периода, в частности по истории повседневности, истории частной жизни. Он хотя и высоко оценен, но не до конца использован пока в исследованиях. Уверен, что значение дневника будет все больше и больше возрастать.

Аркадий Георгиевич Маньков скончался 2 марта 2006 г., не дожив нескольких дней до своего 93-летия.

В. М. Панеях

ПАМЯТИ В. А. ШИШКИНА (1931—2006)

7 апреля 2006 г. ушел из жизни член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор Валерий Александрович Шишкин.

Валерий Александрович родился 24 мая 1931 г. в Ленинграде в семье служащих. Во время Великой Отечественной войны он был эвакуирован на Алтай и вернулся в Ленинград только в 1945 г. После окончания средней школы он поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил с отличием. Затем были аспирантура Московского государственного института международных отношений и успешно защищенная в 1960 г. кандидатская диссертация, посвященная чехословацко-советским отношениям в 1921—1925 гг. Валерий Александрович был оставлен в МГИМО преподавателем, но через несколько месяцев он переезжает в Ленинград и с июля 1960 г. становится сотрудником Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ныне Санкт-Петербургский Институт истории РАН). Здесь он трудился свыше 45 лет, пройдя путь от младшего до главного научного сотрудника. В 1987 г. Валерий Александрович был избран членом-корреспондентом РАН. В течение 18 лет, с 1981 по 1999 г., он возглавлял отделение (затем филиал) Института истории, одновременно (с 1987 по 2000 г.) являясь заведующим отделом современной истории России. В апреле 2000 г. Валерий Александрович стал советником РАН.

С 1985 по 2000 г. он являлся ответственным редактором одного из ведущих отечественных исторических изданий «Вспомогательные исторические дисциплины». С середины 60-х гг. одним из основных направлений деятельности Валерия Александровича становится изучение проблем внешнеэкономической политики Советского государства в первое десятилетие советской власти. В этой области он был первопроходцем. В многочисленных статьях, в таких монографиях как «Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений» (Л., 1969); «„Полоса признаний" и внешнеэкономическая политика СССР (1924—1928 гг.)» (Л., 1983); «Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929 гг.)» (СПб., 1991) он дал глубокий и комплексный анализ внешней торговли и концессионной политики как средств решения и экономических, и политических задач.

В последнее десятилетие XX в. Валерий Александрович обратился к изучению большевистской власти в 1920-е гг. В изданной в 1997 г. монографии «Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.)» он сформулировал важнейшую научную проблему: насколько глубоким было «потрясение основ» российской государственности в результате революции 1917 г., и пришел к выводу, что русская государственная традиция оказывала гораздо более сильное влияние на многие области жизни нового общества, чем считалось ранее.

На протяжении многих лет Валерий Александрович неоднократно обращался еще к одной теме — истории блокадного Ленинграда. Но внешняя политика Советской России все же оставалась ведущей в его научном творчестве. В новой книге «Становление внешней политики послереволюционной России и капиталистический мир», вышедшей в 2001 г., он показал, как традиционные геополитические интересы постепенно вытеснили взгляды революционного «западничества» на внешнюю политику социалистического государства. К сожалению, эта монография оказалась последней.

А. Н. Чистиков

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В XXI—XXX ТОМАХ ИЗДАНИЯ «ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»*

***А**вилушкина Л. Т.* Из рукописной традиции «Хроники» Михаила Глики. XXIII, II. С. 127—133.

Авилушкина Л. Т. Структурные особенности «Хроники» Михаила Глики. XXX, I. С. 199—206.

Агоштон Магдолна (Венгрия). Восковая печать Ивана III 1497 г. (к источниковедению проблемы). XXIX, II. С. 385—399.

Акентьев К. К. О проекте «Свода письменных источников по истории византийского искусства и архитектуры» и некоторых вопросах источниковедения художественной культуры. XXIII, I. С. 67—74.

Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда. XXIII, III. С. 208—222.

Алексеев Ю. Г. Победа на Волге. XXX, III. С. 348—360.

Алексеев Ю. Г., *Павлов А. П.* Николай Евгеньевич Носов (1924—1984). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 317—327.

Алексеева И. В. К истории одной поездки. По материалам неопубликованного дневника П. Н. Милюкова (август—сентябрь 1916 г.). XXI, III. С. 136—143.

Алексеева М. А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы. XXVI, II. С. 232—240.

Андреева Т. В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829—1834 гг. XXI, III. С. 107—118.

Андреева Т. В. Судебники 1497 и 1550 гг. в издании К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева. XXVIII, II. С. 284—306.

Анисимов Е. В. Лидия Николаевна Семенова (1937—1993). XXV. С. 308—315.

Анищенко Е. В. Некоторые наблюдения над санкт-петербургским списком конца XII в. письмовника Петра Блуаского (Российская национальная библиотека, Lat. F. v. I, 22). XXVIII, I. С. 73—88.

Антонец Е. В. Мариан де Магистрис (1441—1503) и маргиналии рукописи Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ). XXVIII, I. С. 220—234.

Арбузова И. В., *Пиотровская Е. К.* Письма Н. П. Кондакова (1874—1909 гг.) к В. Ягичу, хранящиеся в архиве В. Ягича в Загребском университете. XXVIII, II. С. 366—374.

Артемьев А. Р. Памятная надпись с именами посадников псковского пригорода Опочка в 1428 г. XXV. С. 57—62.

Арутюнова-Фиданян В. А. «Загадка Истории Тарона». XXX, I. С. 85—92.

***Б**азарова Т. А.* Чертеж Петербургского острова по реке Карповке из собрания Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 271—277.

Балашов Е. М. Практика политической «цензуры» архивных документов советского периода в Ленинграде (1920-е—1980-е годы). XXVIII, II. С. 412—432.

Банников А. В. Manuscrit latin F. v. IV. 3 — un témoin du travail en progrès d'Adémar de Chabannes sur le Chronicon? (Рукопись Российской национальной библиотеки F. v. IV. 3 — свидетель работы Адемара Шабанского над текстом «Хроникона»?) XXVIII, I. С. 62—72.

Барабанов Н. Д. Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов. XXX, I. С. 100—110.

Бартельс Н. В. Вопросы реставрации и изучения икон в частных собраниях (по материалам переписки Н. П. Лихачева и И. С. Остроухова). XXIX, I. С. 285—297.

Барынина О. А. К истории изучения договоров Руси с греками (проект Русско-византийской комиссии РАН 1920-х гг.). XXX, IV. С. 185—492.

Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.). XXIII, IV. С. 295—306.

Басаргина Е. Ю. К истории проекта Палестинского комитета. XXX, IV. С. 432—437.

Беленький И. Л. С. О. Шмидт — источниковед и историограф. XXV. С. 293—307.

Белов Ю. С. Особое совещание С. В. Рухлова и инструкция 2 марта 1914 г. по порядку применения Правил 24 августа 1909 г. XXVIII, II. С. 375—390.

Белоброва О. А. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре. XXX, III. С. 361—366.

Бернадская Е. В., *Срединская Н. Б.* «Малая феррарская хроника» Риккобальдо Феррарского. XXI, V. С. 247—256.

Беспятых Ю. Н. Об авторстве первых немецких описаний Петербурга. XXI, IV. С. 169—179.

Бибиков М. В. К истории библиотек на Святой Горе (Афонские этюды). XXX, I. С. 111—119.

Блескина О. Н. «Зерцало человеческого спасения» в собрании Российской национальной библиотеки. XXV. С. 256—269.

Блескина О. Н. Текстологическое исследование рукописи РНБ Fr. F. IV, 45 и проблемы датировки французского перевода «Res Gestae Alexandri Magni» Курция Руфа. XXVIII, I. С. 208—219.

Бобович И. М. Публикации Департамента земледелия как источник по истории российской агрикультуры в 1900—1910-е годы. XXV. С. 177—190.

Бородкин Л. И., *Бурдей Г. Д.* Защита диссертаций по гражданской истории в 1941—1945 гг. (Источники, проблематика, динамика). XXIV, II. С. 106—126.

Булгакова В. И. (Украина). Печать клироса Новгородской Софии и проблема отношений между светскими и церковными властями в Северо-Западной Руси. XXIX, II. С. 367—373.

Бурдей Г. Д., *Бородкин Л. И.* Защита диссертаций по гражданской истории в 1941—1945 гг. (Источники, проблематика, динамика). XXIV, II. С. 106—126.

***В**овина В. Г.* Новый летописец и архив Посольского приказа. XXIV, IV. С. 254—264.

Вовина-Лебедева В. Г., *Панеях В. М.* Я. С. Лурье — источниковед. XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 345—363.

Водолазкин Е. Г. Из истории древнерусского исторического повествования. Краткая Хронографическая Палея. XXX, III. С. 339—347.

Возгрин В. Е., *Шаскольский И. П.*, *Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. XXVI, II. С. 125—135.

Вольфцун Л. Б. Мнение профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. XXX, IV. С. 474—484.

Вялова С. О. Синайский альбом Н. П. Кондакова как источник изучения памятников письменности и архитектуры (Из истории изучения Синайского альбома). XXVI, II. С. 241—254.

Вялова С. О. Из переписки Н. П. Кондакова с А. Ф. Бычковым и В. В. Стасовым. XXVII, I. С. 211—218.

Вялова С. О. Собрание глаголических памятников И. Берчича в Российской национальной библиотеке. Из истории приобретения. XXVIII, II. С. 352—365.

Вялова С. О. Глаголическая версия одного из апокрифов об Аврааме — «Смерть Авраама». XXIX, II. С. 374—384.

Вялова С. О. Рукописи из Синайского монастыря Св. Екатерины в Российской национальной библиотеке. XXX, IV. С. 454—473.

***Г**аврилов А. К.*, *Казанский Н. Н.* К 100-летию М. Е. Сергеенко. XXIV, VI. С. 316—328.

Галкин А. А. Неопубликованные статьи И. Д. Беляева как источник об отношении славянофилов к крестьянскому вопросу. XXIV, III. С. 164—182.

Галынина И. О. Каролингская реформа орфографии по редакторской правке в рукописи Российской национальной библиотеки Lat. Q. v. I, 17. XXVIII, I. С. 24—29.

Галынина И. О. Петербургский список XII в. сочинения блаженного Августина «Contra Faustum Manichaeum» (Lat. Q. v. I, 61) в рукописном собрании РНБ. XXIX, I. С. 79—99.

Ганелин Р. Ш. Петиции по указу 13 февраля 1905 г. XXI, III. С. 119—136.

Ганелин Р. Ш. Царский указ о петициях перед судом Совета министров 21 марта 1905 г. XXV. С. 167—176.

Ганелин Р. Ш., *Чернуха В. Г.* С. Н. Валк (1887—1975). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 299—316.

Герд Л. А. Византийские завещания: функция преамбулы. XXV. С. 240—255.

Герд Л. А. Неизданные формуляры писем из Номоканона Мануила Малаксы (XVI в.). XXVII, II. С. 331—340.

* Указатель составлен А. В. Чирковой.

Герд Л. А. Еще один проект «русского Константинополя». Записка Ф. И. Успенского 1915 г. XXX, IV. С. 422—431.
Герцман Е. В. Об одном византийском музыкально-теоретическом источнике. XXIII, II. С. 118—127.
Гладков А. Л. Три наблюдения по поводу скандинавской колонизации Нормандии. XXVIII, I. С. 47—61.
Головнин П. А. Родственные связи дворянского рода Головниных с семьей Лихачевых. XXIX, I. С. 264—270.
Гордиенко Э. А. Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» и особенности новгородской литургии в XII в. XXIII, III. С. 155—169.
Гукова С. Н. Исихазм и новые иконографические темы в позднепалеологовском искусстве. XXX, I. С. 232—246.
Гурулева В. В. И. И. Толстой и византийская нумизматика. XXIII, IV. С. 260—279.
Гурулева В. В. Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачева. XXVI, I. С. 19—39.
Гурулева В. В. «В Палестине скоро будет русский музей» (музей архимандрита Антонина в Иерусалиме). XXX, IV. С. 382—392.
Гусева Э. К. Об иконе блаженного Андрея Юродивого XVI в. из собрания Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 160—173.

Давыдов А. Ю. О путеводителях как источнике по истории культурной жизни Ленинграда. XXIV, II. С. 126—137.
Деревянко С. С. Документы по личному составу Ленинградского радиокомитета (1930—1940-е гг.). XXIV, II. С. 83—106.
Джаксон Т. Н., *Молчанов А. А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки». XXI, V. С. 226—238.
Дмитриева З. В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в. (К проблеме достоверности данных писцовых книг). XXII, IV. С. 230—242.
Добиаш-Рождественская О. А. Речь, произнесенная на заседании Смешанной специальной комиссии 15 сентября 1922 г. XXVIII, I. С. 8—23.
Догаева В. П. Вопросный лист Министерства земледелия Временного правительства как исторический источник по аграрно-крестьянскому движению в 1917 г. XXII, III. С. 130—143; XXIV, III. С. 194—207.
Дорофеев В. В. Проблема достоверности картографических материалов (По некоторым материалам, касающимся Крестьянской войны 1773—1775 гг.). XXIV, IV. С. 282—291.

Елагина Н. А. «Сон в саду». Французская рукопись XV в. из коллекции П. К. Сухтелена. XXVIII, I. С. 200—207.
Енин Г. П. Воеводское праздничное кормление в начале 60-х годов XVIII в. XXV. С. 103—116.

Жаворонков П. И. Возвышение рода Акрополитов в XIII—первой четверти XIV в. XXX, I. С. 219—227.

Залесская В. Н. Архив А. П. Смирнова в Государственном Эрмитаже. XXIII, IV. С. 306—311.
Залесская В. Н. Болгарский амулет из собрания Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 155—159.
Залесская В. Н. Интерпретация надписи на ковше с дионисийской сценой из музеев Московского Кремля. XXX, I. С. 28—34.
Замуруев А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (На примере глав о противоцерковных преступлениях). XXV. С. 117—126.

Иванов А. А. Аграрная революция в России в документах сельского схода (проблемы археографии). XXIX, II. С. 471—504.
Иванов С. А. Последний стамбульский проект Русского археологического института в Константинополе. XXX, IV. С. 410—421.
Ильин П. В. Новый источник для изучения «декабристского либерализма»: записи А. В. Семенова в записной книжке, принадлежащей семейству Ф. П. Львова (1821 г.). XXIX, II. С. 445—462.
Иодко О. В. Мари-Фелисите Броссе. Археологическое путешествие на Кавказ (1847—1848). XXX, IV. С. 375—381.
Ипатов И. В. «Правосудие митрополичье». XXII, IV. С. 194—204. XXIV, IV. С. 240—254.
Искюль С. Н. Проект манифеста против Пруссии 1805 г. XXV. С. 152—166.

Каганович Б. С. Е. Ч. Скржинская о Н. Я. Марре. XXX, IV. С. 512—517.
Казанский Н. Н., *Гаврилов А. К.* К 100-летию М. Е. Сергеенко. XXIV, VI. С. 316—328.
Каковкин А. Я. Эрмитажная коптская ткань из собрания Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 40—49.
Каковкин А. Я. Коптские ткани как исторический источник. XXIII, I. С. 50—60.
Каковкин А. Я. Коптская ткань с изображением древнегреческого философа. XXX, I. С. 35—44.

Каменский А. Б. К вопросу о родословных росписях конца XVII в. XXI, IV. С. 211—225.
Карпов С. П. К вопросу о государственной символике в поздневизантийском мире: герб и флаг Трапезундской империи. XXX, I. С. 228—231.
Касатов А. А. Символика акта сейзины в Англии XII в. XXX, II. С. 297—310.
Касинец Э., *Уортман Р.* Императорские коронационные альбомы (*Kasinec E.*, *Wortman R.* Imperial Coronation Albums). XXV. С. 138—151.
Киселева Л. И. «Книга сокровищ» Брунетто Латини. Петербургский список XIV в. (РНБ, Fr. F. v. III, 4). XXVIII, I. С. 113—136.
Киселева Л. И. Памяти Александра Гейштора. XXVIII, IV. С. 439—443.
Киселева Л. И. Часослов=Часовник=Книга часов? XXX, II. С. 290—296.
Кистерев С. Н. К реконструкции протографов Софийской Второй и Львовской летописей. XXIX, II. С. 400—407.
Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев о венецианской сфрагистике и дипломатике. XXIII, IV. С. 280—295.
Климанов Л. Г. О художественных подражаниях сиенским tavolette dipinte из коллекций Н. П. Лихачева. XXVI, I. С. 78—87.
Климанов Л. Г. Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. (Лапидарная надпись 1426 г. с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи). XXVII, II. С. 303—330.
Климанов Л. Г. О происхождении некоторых венецианских документов Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН. XXVIII, I. С. 235—270.
Климанов Л. Г. Из истории изучения папской дипломатики в России (по письмам к Н. П. Лихачеву Е. Ф. Шмурло, ученого корреспондента в Риме при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук, и дом Урсмера Берлиера, члена Бельгийской королевской исторической комиссии). XXIX, I. С. 143—154.
Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII—первой четверти XIX в. XXI, I. С. 5—17.
Копецкая Л. Л. Об одной забытой рукописи (из творческого наследия Н. П. Кондакова). XXVII, II. С. 355—357.
Королев Г. И. Публикации актовых печатей в Словакии и Чехии. XXVIII, III. С. 433—436.
Кочетков И. В. Статистика хлебной торговли в СССР (1923—1926 гг.). XXVII, I. С. 249—262.

Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия о регентстве Елены Глинской. XXV. С. 77—86.
Кром М. М. Источники для реконструкции истории русско-литовских отношений 1538—1541 гг. XXVII, I. С. 5—18.
Кротов П. А. Названия боевых кораблей Балтийского флота в эпоху Петра I. XXII, IV. С. 243—252.
Кучма В. В. Περι τοξειας. XXX, I. С. 93—99.
Кущ Т. В. Торговцы в оценках интеллектуала. XXX, I. С. 247—253.
Кызласова И. Л. Из истории гуманитарных наук в России (1917—1925 гг.). По материалам писем к академику Н. П. Кондакову. XXVI, II. С. 266—282.

Лаврентьев А. В. Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России. XXV. С. 94—102.
Лаврентьев А. В. Для каких целей были отчеканены «золотые» Лжедмитрия I? XXVI, II. С. 195—208.
Лаврентьев А. В. Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654—1663 гг. XXVII, I. С. 39—52.
Лавров А. С. Новый источник по истории московского восстания 1682 г. XXV. С. 87—93.
Лавров А. С. «Изветное письмо» и смертный приговор князьям Хованским. XXVI, II. С. 185—194.
Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. XXVII, I. С. 191—199.
Лаптев Л. П. Вспомогательные исторические дисциплины в Чехословакии. XXIV, I. С. 47—61.
Лебедева Г. Е., *Якубский В. А.* Несостоявшиеся зарубежные поездки 1927—1928 гг. (Из материалов к научной биографии академика Ф. И. Успенского). XXX, IV. С. 438—444.
Лебина Н. Б. Источники изучения социальной психологии рабочей молодежи 20—30-х гг. XXII, II. С. 87—100.
Легких В. И. К истории формирования службы на перенесение мощей св. Николая Мирликийского в славянской рукописной традиции XII—XVII вв. (проблема становления структуры текста). XXIX, II. С. 348—366.
Литаврин Г. Г. Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея (Из комментария к «Пире» — сборнику судебных решений юриста XI в.). XXX, I. С. 169—183.
Лихачев Н. П. О подделке итальянских автографов (перевод с фр. яз., примечания и

послесловие Л. Г. Климанова). XXI, V. С. 286—297.
Лихачев Н. П. Деятельность Густава Шлёмберже (по случаю исполнившегося 17 октября 1924 года его восьмидесятилетия и полусотлетия ученых трудов). Публикация, послесловие и примечания Е. В. Степановой. XXIII, IV. С. 233—260.
Лихачев Н. П. Письмо к С. И. Порфирьеву 21/8 декабря 1921 г. XXVII, III. С. 358—360.
Логутова М. Г. Опыт исследования эпистолографических источников XVII—XVIII вв. XXV. С. 281—292.
Логутова М. Г. The manuscript codices from Modern Devotion libraries in Russia (Рукописные кодексы из библиотек «Нового благочестия» в России). XXVIII, I. С. 176—199.
Лосский Б. Н. Памяти Андрея Грабара. XXIII, IV. С. 311—314.
Lounghis T. C. Les Villages d'Origine de l'Aristocratie Paphlagonienne. XXX, I. С. 155—159.
Лурье Я. С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г. XXII, IV. С. 144—157.
Лурье Я. С. Как установилась автокефалия русской церкви в XV в.? XXIII, III. С. 181—198.
Луцкий Е. А. Воспоминания Э. А. Рахьи о последнем подполье В. И. Ленина. XXIV, II. С. 62—83.
Любарский Я. Н. О составе исторического сочинения Михаила Атталиата. XXIII, II. С. 112—118.

***М**ажуга В. И.* Древнейшие грамоты епископов и князей Священной Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института российской истории. XXVII, II. С. 273—293.
Мажуга В. И. Неизвестный фрагмент «Энеиды» Вергилия с комментарием Сервия (вторая половина X—первая треть XI в.). XXVIII, I. С. 30—46.
Мажуга В. И. Памяти О. А. Добиаш-Рождественской (1874—1939). XXVIII, I. С. 5—7.
Мажуга В. И. Петербургский фрагмент «Истории франков» Григория Турского (первая треть IX в.). XXIX, I. С. 60—78.
Мажуга В. И. Неизвестный каролингский фрагмент бл. Августина «О Троице». XXX, II. С. 283—289.
Маньков А. Г. А. И. Копанев (1915—1990 гг.). XXIV, V. С. 298—304.
Масленикова Н. Н. Писцовые и переписные книги XVII в. — основной источник по истории псковских крестьян. XXI, IV. С. 200—211.
Медведев И. П. К предыстории первого издания актов Константинопольского патриархата. XXIII, I. С. 20—37.
Медведев И. П. В. Н. Бенешевич как «душеприказчик» Н. П. Лихачева. XXVI, I. С. 105—116.
Медведев И. П. Проект Гражданского уложения для Бессарабии (1824—1825). XXVII, I. С. 200—210.
Медведев И. П. Островное Евангелие VIII в. из собрания Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург. XXVIII, III. С. 437—439.
Медведев И. П. «Меня манят архивы, пока я молод» (малоизвестные страницы биографии Н. П. Лихачева). XXIX, I. С. 278—284.
Мельникова А. С. Средневековая русская нумизматика в советских исследованиях 1950—1980 гг. XXII, I. С. 5—24.
Мельникова А. С. Пулковский клад монет XVII в. и денежное обращение в Ижорской земле и Корельском уезде при шведах. XXVII, I. С. 70—106.
Мещерская Е. Н. Ветхозаветные апокрифы в сирийской литературе. XXIII, I. С. 38—50.
Мещерская Е. Н. Протоевангелие Иакова в сирийской традиции. Тексты. Издания. Версии. XXX, I. С. 13—27.
Мещерская Н. А., *Пиотровская Е. К.* Памяти Ольги Петровны Лихачевой (18.12.1937—06.01.2003). XXIX, III. С. 505—509.
Мещерская Н. А., *Пиотровская Е. К.*, *Сиволоб Н. С.* Из истории захоронения академика Н. П. Лихачева и установки мемориального надгробия на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. XXIX, III. С. 510—516.
Микулин Н. Б. Комментарии к назначению российского посланника в Англию Григория Ивановича Микулина и его пребыванию в Лондоне в 1600—1601 гг. XXVII, I. С. 32—38.
Мокрецова И. П. Иконографические особенности иллюминаций «Книги сокровищ» Брунетто Латини (РНБ, Fr. F. v. III, 4). Иконография сюжетных миниатюр. XXVIII, I. С. 137—168.
Молчанов А. А., *Джаксон Т. Н.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки». XXI, V. С. 226—238.
Моппель Э. Л. Приходно-расходные книги Псковской приказной избы в XVII в. XXII, IV. С. 204—217.

***Н**икжентайтис А. П.* Легенда XIV в. о мученичестве 14 францисканцев в Вильнюсе и историческая истина. XXI, V. С. 257—269.
Никонов С. А. Три письма А. И. Копанева к И. И. Смирнову. XXX, IV. С. 518—522.
Новиков А. А. Византийские источники в «Истории Российской» В. Н. Татищева. XXVIII, II. С. 271—283.
Новожилов А. В. Charte de l'àn 1249 passée au nom et sous le sceau de Roger de Mercy, évêque de Toul. Archives de l'Institut d'histoire à Saint-Pétersbourg, Académie des sciences de Russie: cart. 332, n. 6 (Грамота 1249 г. Роже де Мерси, епископа Тульского). XXVIII, I. С. 89—92.
Носков В. В. Материалы по истории Океании в фонде Главного морского штаба ЦГАВМФ. XXI, V. С. 269—285.
Носов Е. Н. Новгородская волость Буйцы (Историко-археологичекий комментарий). XXV. С. 41—56.

***О**всяников О. В.*, *Рождественская М. В.* Сольвычегодский летописец как историко-архитектурный и географический источник. XXII, IV. С. 217—229.
Ольховский Е. Р. Воспоминания Л. Д. Троцкого «Ленин и старая „Искра"» как исторический источник. XXIV, III. С. 207—224.
Ошарина О. В. Позднеантичная завеса из собрания Эрмитажа (некоторые вопросы символики). XXIX, II. С. 335—347.
Ошарина О. В. Образ св. Даниила во рву львином в ранневизантийском искусстве. XXX, I. С. 45—55.

***П**авлов А. П.*, *Алексеев Ю. Г.* Николай Евгеньевич Носов (1924—1984). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 317—327.
Павлова О. И. Проблемы использования массовых источников в изучении социального развития современной рабочей молодежи. XXV. С. 225—230.
Памяти Д. С. Лихачева (28.10.1906—30.09.1999). XXVII, IV. С. 361—363.
Памяти Татьяны Владимировны Булаиной (04.08.1953—16.04.2005). XXIX, III. С. 522—523.
Памяти И. З. Либерзон (1925—200?). XXX, VI. С. 561—562.
Памяти А. Г. Манькова (1913—2006). XXX, VI. С. 563—565.
Памяти В. А. Шишкина (1931—2006). XXX, VI. С. 566—567.
Панеях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина (1930—1990 гг.). XXIV, V. С. 304—315.
Панеях В. М. Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки). XXV. С. 19—40.
Панеях В. М., *Вовина-Лебедева В. Г.* Я. С. Лурье — источниковед. XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 345—363.
Панченко Е. З. Забытая коллекция: суперэкслибрисы в библиотеке Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 118—130.
Пашкина Л. Д. Новые данные о нижних чинах — участниках восстания декабристов, узниках Кексгольмской крепости (по материалам ЦГИА СССР и ЦГВИА СССР). XXIV, III. С. 138—155.
Пашкова Т. И. Материалы к изучению персонального состава волостной администрации Русского государства второй половины XV—первой половины XVI в. XXVI, II. С. 136—172.
Петров В. А. Газета трудового коллектива как исторический источник (на материалах газеты «Кировец»). XXI, II. С. 66—73.
Петров К. В. К истории создания списков разрядных книг в XVIII в. XXVI, II. С. 224—231.
Петров К. В. Разрядная книга 7183 (1674—1675) г. XXVII, I. С. 180—190.
Петров К. В. О так называемой разрядной книге 1559—1605 гг. XXVIII, II. С. 307—316.
Петров К. В. «Сборник князя Оболенского. № 13» и неизданный «Архив» князя М. А. Оболенского. XXIX, I. С. 248—252.
Петров М. Т., *Фурсенко А. А.* Памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. XXI, VI. С. 305—315.
Пивоварова Н. В. Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице. XXIII, III. С. 144—155.
Пиотровская Е. К. Отрывок из «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова в собрании архива ЛОИИ СССР АН СССР. XXIII, III. С. 198—207.
Пиотровская Е. К. Письма А. И. Соболевского об отечественной науке и культуре в свете развития событий русской истории 1917—1919 гг. XXVI, II. С. 283—292.
Пиотровская Е. К. Страничка из дневника Н. П. Кондакова от 11—24 сентября1917 г. XXVI, II. С. 293—298.
Пиотровская Е. К. Из истории подготовки издания Радзивиловской летописи в серии Полного собрания русских летописей. XXVII, I. С. 263—272.
Пиотровская Е. К. К изучению научного наследия Н. П. Лихачева (1935 г.). XXIX, I. С. 316—324.
Пиотровская Е. К. Из переписки И. С. Дуйчева с ленинградскими византинистками в 50—70-е гг. XX в. XXX, IV. С. 523—526.
Пиотровская Е. К., *Арбузова И. В.* Письма Н. П. Кондакова (1874—1909 гг.) к В. Ягичу, хранящиеся в архиве В. Ягича в Загребском университете. XXVIII, II. С. 366—374.

Пиотровская Е. К., *Мещерская Н. А.* Памяти Ольги Петровны Лихачевой (18.12.1937—06.01.2003). XXIX, III. С. 505—509.
Пиотровская Е. К., *Мещерская Н. А.*, *Сиволоб Н. С.* Из истории захоронения академика Н. П. Лихачева и установки мемориального надгробия на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. XXIX, III. С. 510—516.
Плешков В. Н. Из истории Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге (ул. Петрозаводская, д. 7). XXIX, III. С. 517—521.
Покровский Н. Н. Начало вотчин Тобольского и Софийского дома. XXVI, II. С. 173—184.
Поляковская М. А. К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра. XXX, I. С. 254—263.
Правилова Е. А. Б. М. Кочаков — исследователь русского законодательного акта XIX в. XXVI, II. С. 255—265.
Прохоров Г. М. Две грамоты 1655 г.: из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь и обратно (с приложением других документов). XXIII, III. С. 222—232.
Прохоров Г. М. Как А. С. Орлов разоблачал академика Николая Петровича Лихачева. XXVI, I. С. 102—104.
Пуцко В. Г. Об иконе Христа Пантократора, происходящей из Алеппо. XXIX, I. С. 202—211.
Пятницкий Ю. А. Обзор поствизантийских памятников в России (по данным архивных и печатных источников). XXIII, I. С. 60—67.
Пятницкий Ю. А. Доклад Н. П. Лихачева «Об иконе Владимирской Божией Матери». XXVI, I. С. 55—77.
Пятницкий Ю. А. Створка панагиара критского мастера Виктора из коллекции Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 174—201.
Пятницкий Ю. А. Отзыв Л. А. Мацулевича о византийской мозаичной иконе из собрания Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 325—334.

***Р**аздорский А. И.* Торгово-ремесленное население Курска в 1639—1659 гг. (Опыт сравнительного анализа курских оброчных и таможенных книг). XXVII, I. С. 107—179.
Раздорский А. И. Можайские таможенные книги XVII в. XXVIII, II. С. 317—348.
Раздорский А. И. Можайские кабацкие книги XVII в. XXIX, II. С. 408—413.
Рогозный П. Г. «Перед нашими взорами совершился суд над историей» (Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.). XXX, IV. С. 445—453.
Рождественская М. В., *Овсяников О. В.* Сольвычегодский летописец как историко-архитектурный и географический источник. XXII, IV. С. 217—229.
Романовский В. К. Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. XXI, II. С. 54—65.
Ромодановская Е. К. Римские деяния и притчи Варлаама. XXX, III. С. 367—371.
Рябцевич В. Н. Севский чех (к истории атрибуции). XXI, IV. С. 179—200.

***С**авкевич О. С.* К вопросу о движении цен во Франции XVI—XVII вв. (Источники и методы расчета металлического содержания турского ливра). XXII, V. С. 264—275.
Самодурова З. Г. Краткая византийская хроника VI в. и ее версии (К вопросу о протооригинале малых древних хроник). XXI, V. С. 238—247. XXII, V. С. 253—264.
Сапунов Б. В. К вопросу о достоверности информации Угличского следственного дела. XXII, IV. С. 157—174.
Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского. XXII, III. С. 101—117.
Сафронова С. В., *Цамутали А. Н.* Александр Львович Шапиро (1908—1994). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 338—344.
Свердлов М. Б. Игорь Павлович Шаскольский (1918—1995). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 328—337.
Седов П. В. К изучению источников по истории отмены местничества. XXVI, II. С. 209—223.
Седов П. В. К вопросу о достоверности данных боярских списков. XXVII, I. С. 53—63.
Седов П. В. Выдающиеся представители рода Лихачевых на закате Московского царства. XXIX, I. С. 253—263.
Семенова Л. Н. Елена Петровна Подъяпольская — историк-источниковед. XXI, VI. С. 298—304.
Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. XXII, IV. С. 188—193.
Сербина К. Н. Типографская летопись 1528 г. XXII, IV. С. 174—187. XXIV, IV. С. 225—40.
Сербина К. Н., *Шаскольский И. П.* Р. Б. Мюллер (1896—1989 гг.). XXIV, V. С. 292—298.
Сиволоб Н. С., *Мещерская Н. А.*, *Пиотровская Е. К.* Из истории захоронения академика Н. П. Лихачева и установки мемориального надгробия на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. XXIX, III. С. 510—516.
Симонов Р. А. Когда родился Петр I (К вопросу о русском суточном счете часов). XXI, IV. С. 158—169.

Смирнова Т. Г. Публикация летописных памятников Археографической комиссией. 1917—1929 гг. XXVII, I. С. 228—248.
Смирнова Т. Г. Н. П. Лихачев и Археографическая комиссия (к биографии ученого). XXIX, I. С. 298—315.
Соколова И. В. О так называемой печати протевона Херсона. XXIII, II. С. 94—102.
Список трудов И. П. Медведева. XXX, V. С. 536—552.
Список научных работ В. Г. Чернухи. XXX, V. С. 553—558.
Срединская Н. Б. Документы рода д'Эсте в собрании Н. П. Лихачева. XXVII, II. С. 294—302.
Срединская Н. Б. Актовый материал западноевропейского собрания Н. П. Лихачева (по материалам фамильного архива Сакрати XII—XV вв.). XXIX, I. С. 131—142.
Срединская Н. Б., *Бернадская Е. В.* «Малая феррарская хроника» Риккобальдо Феррарского. XXI, V. С. 247—256.
Степанов В. П. Численность чиновников в России второй половины XVIII в. XXVIII, II. С. 349—351.
Степанова Е. В. Печати табуляриев. XXX, I. С. 56—63.
Степанова Е. В., *Шандровская В. С.* Неизданная рукопись Н. П. Лихачева «О византийских печатях». XXVI, I. С. 40—47.
Стрекопытов С. П. Журнал «Социалистическая реконструкция и наука» («СОРЕНА») как источник по истории организации науки в системе ВСНХ—Наркомтяжпрома СССР. 1931—1936 гг. XXII, II. С. 73—87.

***Т**ахиаос А.-Э. Н.* Несколько замечаний относительно кончины Константина-Кирилла в Риме. XXX, I. С. 160—168.
Таценко Т. Н. Развитие неоготического курсива в Риге в XVI в. (По материалам городских книг рижского магистрата). XXV. С. 270—280.
Таценко Т. Н. Бранденбургские рукописи XVI в. из коллекции Н. П. Лихачева в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. XXIX, I. С. 212—247.
Таценко Т. Н. Письма XVI в. герцогов Вюртембергских в коллекции Н. П. Лихачева ЗЭС архива СПбИИ РАН. XXX, II. С. 311—332.
Творогов О. В. Паралипомен Зонары в издании О. М. Бодянского. XXX, III. С. 333—338.
Толстая Л. И. Дневник и воспоминания петербургского городского головы И. И. Толстого (1913—1916 гг.). XXII, III. С. 117—130.
Трусова Т. Н. Письма А. А. Папкова к В. Н. Бенешевичу в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. XXVII, I. С. 219—227.
Тургаев А. С. Источники по истории пахотных солдат Новгородской губернии в предреформенный период. XXIV, III. С. 187— 193.
Тутолмин С. Н. Накануне сухого закона 22 августа 1914 г.: крестьянские проекты борьбы с пьянством. XXIX, II. С. 463—470.
Тхоржевская Р. И. Краткое введение в бонистику. XXIV, I. С. 33—46.
Тюменцев И. О. Датировка и атрибуция первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына. XXVII, I. С. 64—69.

***У**ортман Р.*, *Касинец Э.* Императорские коронационные альбомы. (*Kasinec E.*, *Wortman R.* Imperial Coronation Albums). XXV. С. 138—151.

***Ф**алилеев А. И.* Некоторые аспекты рукописной традиции средневекового Уэльса. XXVIII, I. С. 169—175.
Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV—начала XV в. XXV. С. 63—76.
Филатов Н. Ф. Генеалогия нижегородских крестьян XVII в. XXIV, IV. С. 265—282.
Фирсов С. Л. Отчеты обер-прокуроров святейшего Синода как источник по истории русской православной церкви 1903—1914 гг. XXIII, I. С. 75—84.
Фихман И. Ф. Из истории повинностного труда в византийском Египте (Источники и проблемы). XXIII, II. С. 85—94.
Фойницкий В. Н. Об историческом значении печатного каталога «Библиотека В. И. Ленина в Кремле» (М., 1961). XXII, II. С. 65—73.
Фонкич Б. Л. Дипломатика и палеография. XXVII, II. С. 341—354.
Фонкич Б. Л. О происхождении московской рукописи «Жития преподобного Афанасия Афонского». XXX, I. С. 193—198.
Фролова С. А. Комплекс источников по истории дворянской семьи России (XVIII—первая половина XIX в.). XXIX, II. С. 414—426.
Фундаминский М. И. Источниковедческо-библиографические аспекты изучения отечественной дореволюционной прессы (на примере газеты «Санктпетербургские ведомости»). XXI, I. С. 17—29.
Фурсенко А. А., *Петров М. Т.* Памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. XXI, VI. С. 305—315.

***Х**артанович М. Ф.* К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30—60-е гг. XIX в.). XXIV, III. С. 155—164.
Хоффманн П. (ГДР). Радищев на государственной службе: библиографические и историко-ведомственные аспекты. XXI, IV. С. 144—157.

***Ц**амутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения. XXIII. С. 5—19.
Цамутали А. Н., *Сафронова С. В.* Александр Львович Шапиро (1908—1994). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 338—344.
Цеханович А. А. Коллекция европейских изданий XVI—XVIII вв. в собрании Н. П. Лихачева и ее научное значение. XXVI, I. С. 88—101.
Цеханович А. А. Сочинения князя Курбского и полемические антикатолические традиции древнерусской письменности. К проблеме изучения источников. XXVII, I. С. 19—31.

***Ч**екалова А. А.* Запад и Восток в представлении ранневизантийских авторов. XXX, I. С. 64—72.
Чернуха В. Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859—26 ноября 1862 г.). XXI, III. С. 74—88.
Чернуха В. Г., *Ганелин Р. Ш.* С. Н. Валк (1887—1975). XXVI, Памяти отечественных ученых. С. 299—316.
Чиркова А. В. Грамоты XIII в. приората Сент-Фуа в Куломье из собрания Санкт-Петербургского Института истории РАН. XXVIII, I. С. 93—112.
Чиркова А. В. Две малые буллы Александра III (1159—1181) и Луция III (1181—1185), адресованные фламандскому монастырю Сен-Бертен, в собрании Н. П. Лихачева. XXIX, I. С. 100—117.
Чистиков А. Н. Документальные источники по истории деятельности Общества содействия жертвам интервенции на Северо-Западе. XXI, II. С. 40—54.

***Ш**андровская В. С.* Моливдовулы должностных лиц Византии XI в. (Новое чтение легенд). XXIII, II. С. 102—112.
Шандровская В. С. Николай Петрович Лихачев: из научного наследия. XXIX, I. С. 50— 59.
Шандровская В. С. Cursus honorum Нестора (XI в.). XXX, I. С. 184—192.
Шандровская В. С., *Степанова Е. В.* Неизданная рукопись Н. П. Лихачева «О византийских печатях». XXVI, I. С. 40—47.
Шапкина А. П. Особенности научного использования источников по истории русской школы первой половины XIX в. XXI, III. С. 100—106.
Шаскольский И. П. Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд. XXIII, III. С. 134—143.
Шаскольский И. П. Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах. XXV. С. 231—239.
Шаскольский И. П., *Возгрин В. Е.*, *Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. XXVI, II. С. 125—135.
Шаскольский И. П., *Сербина К. Н.* Р. Б. Мюллер (1896—1989 гг.). XXIV, V. С. 292—298.
Шварц Е. М. О византийском влиянии на русский переплет. XXIII, III. С. 169—181.
Шелаев Ю. Б. Деятельность Чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам). XXI, II. С. 30—39.
Шепелев Л. Е. Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований. XXII, I. С. 25—52. XXIV, I. С. 6—33. XXV. С. 127—137.
Шиферсон Б. П. Документальные источники о деятельности Ленинградского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. XXV. С. 215—224.
Шкаровский М. В. История изъятия церковных святынь и ценностей в Петрограде 1918—1922 гг. Новые источники. XXV. С. 203—214.
Шмидт С. О. К 60-летию со дня кончины академика Н. П. Лихачева (Об изданиях последних лет). XXVI, I. С. 11—18.
Шохин Л. И. Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX—начале XX в. XXII, I. С. 52—64.
Шохин Л. И. Письма Н. П. Лихачева С. Д. Шереметеву. XXVI, I. С. 48—54.
Шрадер Т. А., *Возгрин В. Е.*, *Шаскольский И. П.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. XXVI, II. С. 125—135.
Шрадер Т. А. Письма гардемарина Д. М. Головкина. XXIX, II. С. 427—444.
Шумилов М. М. Еженедельные записки как форма делопроизводственных взаимоотношений губернаторов с Министерством внутренних дел (60—80-е гг. XIX в.). XXI, III. С. 88—99.

***Ю**рченко Н. Л.* Некоторые проблемы использования ревизских сказок как источника по исторической демографии. XXIV, III. С. 183—189.

***Я**кубский В. А., Лебедева Г. Е.* Несостоявшиеся зарубежные поездки 1927—1928 гг. (Из материалов к научной биографии академика Ф. И. Успенского). XXX, IV. С. 438—444.
Янин В. Л. Моливдовул ростовского епископа Леонтия. XXV. С. 5—18.
Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к «Хождению игумена Даниила». XXVI, II. С. 117—124.
Янковская Н. Б. Клинописная дипломатика. XXIX, I. С. 15—39.
Янчаркова Ю. К истории взаимоотношений Н. Л. Окунева с Н. Я. Марром. XXX, IV. С. 493—511.
Яров С. В. Учредительное Собрание в политических дискуссиях 1918 г. (По материалам стенографического отчета Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района). XXV. С. 191—202.
Яров С. В. Доклады агитаторов как источник для изучения политического протеста крестьян Северо-Запада Советской России в 1918—1919 гг. XXVIII, II. С. 391—411.

***D**agron G.* La France au miroir de Byzance. XXX, I. C. 264—272.
Živojinovič M. Sur les ecclésiastiques d'apres les documents Athonites. XXX, I. C. 207—218.
Nicolaïdou-Kyrianidou V. Nature et pouvoir selon les Péres de l'Église orthodoxe. XXX. I. C. 120—135.
Παπουλίδης Κ. Κ. Γρηγορίου Ιωάννου Μαρασλὴ (1831—1907). Ὁ Εὐεργετὴς δύο Παΐριδον. XXX, I. C. 273—280.
Perentidis S. À quoi bon le latin à Byzance après Justinien? Ou la rhétorique et le charme de l'incompréhensible. XXX, I. C. 136—154.
Pitsakis G. Constantin. Aristéalos: poète byzantin inexistant. A propos de l'auteur des vers gravés sur les frères graptoi. XXX, I. C. 73—84.
Schreiner P. Vom Brief zur Freundeschaft. Der Briefwechsel von Viktor Karlovič Jernstedt mit Karl Krumbacher (1893—1902). XXX, IV. C. 394—409.

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ XXX т. «ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»

Л. Т. Авилушкина (Россия, Санкт-Петербург)
Ю. Г. Алексеев (Россия, Санкт-Петербург)
В. А. Арутюнова-Фиданян (Россия, Москва)
Н. Д. Барабанов (Россия, Волгоград)
О. А. Барынина (Россия, Санкт-Петербург)
Е. Ю. Басаргина (Россия, Санкт-Петербург)
О. А. Белоброва (Россия, Санкт-Петербург)
М. В. Бибиков (Россия, Москва)
Е. Г. Водолазкин (Россия, Санкт-Петербург)
Л. Б. Вольфцун (Россия, Санкт-Петербург)
С. О. Вялова (Россия, Санкт-Петербург)
Л. А. Герд (Россия, Санкт-Петербург)
С. Н. Гукова (Россия, Санкт-Петербург)
В. В. Гурулёва (Россия, Санкт-Петербург)
П. И. Жаворонков (Россия, Москва)
В. Н. Залесская (Россия, Санкт-Петербург)
С. А. Иванов (Россия, Москва)
В. И. Иванова (Россия, Санкт-Петербург)
О. В. Иодко (Россия, Санкт-Петербург)
С. Н. Искюль (Россия, Санкт-Петербург)
Б. С. Каганович (Россия, Санкт-Петербург)
А. Я. Каковкин (Россия, Санкт-Петербург)
С. П. Карпов (Россия, Москва)
А. А. Касатов (Россия, Санкт-Петербург)
Л. И. Киселёва (Россия, Санкт-Петербург)
С. В. Куликов (Россия, Санкт-Петербург)
В. В. Кучма (Россия, Волгоград)
Т. В. Кущ (Россия, Екатеринбург)
Г. Е. Лебедева (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Литаврин (Россия, Москва)
В. И. Мажуга (Россия, Санкт-Петербург)
Е. Н. Мещерская (Россия, Санкт-Петербург)
С. А. Никонов (Россия, Мурманск)
О. В. Ошарина (Россия, Санкт-Петербург)
В. М. Панеях (Россия, Санкт-Петербург)
Л. И. Першина (Россия, Санкт-Петербург)
Е. К. Пиотровская (Россия, Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков (Россия, Санкт-Петербург)
М. А. Поляковская (Россия, Екатеринбург)
П. Г. Рогозный (Россия, Санкт-Петербург)
Е. К. Ромодановская (Россия, Новосибирск)
Е. В. Степанова (Россия, Санкт-Петербург)
А.-Э. Н. Тахиаос (Греция, Фессалоники)
Т. Н. Таценко (Россия, Санкт-Петербург)
О. В. Творогов (Россия, Санкт-Петербург)
Б. Л. Фонкич (Россия, Москва)
А. А. Фурсенко (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Чекалова (Россия, Москва)
А. В. Чиркова (Россия, Санкт-Петербург)
А. Н. Чистиков (Россия, Санкт-Петербург)
В. С. Шандровская (Россия, Санкт-Петербург)
В. А. Якубский (Россия, Санкт-Петербург)
Ю. Янчаркова (Чехия, Прага)

Gilbert Dagron (France, Paris)
Telemachos C. Lounghis (Greece, Athens)
Vana Nicolaïdou-Kyrianidou (Greece, Athens)
Constantinos Papoulidis (Greece, Thessaloniki)
Stavros Perentidis (Greece, Thessaloniki)
Constantinos G. Pitsakis (Greece, Piracus)
Peter Schreiner (Germany, Köln)
Mirjana Živojinovič (Serbia, Belgrad)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АЕ	— Археографический ежегодник
АН СССР	— Академия наук СССР
БАН	— Библиотека Академии наук
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВО	— Византийское обозрение
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономии
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
ИМК РАН	— Институт материальной культуры РАН
ЛОИИ СССР АН СССР	— Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
МГАМИД	— Московский главный архив Министерства иностранных дел
ОИ	— Отечественная история
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников ГИМ
ОР РНБ	— Отдел рукописей РНБ
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ПКНО	— Памятники культуры. Новые открытия
ППС	— Православный Палестинский сборник
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПФА РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РАИК	— Российский археологический институт в Константинополе
РАН	— Российская Академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	— Русская историческая библиотека
РНБ	— Российская национальная библиотека

СА	— Советская археология
СВ	— Средние века
СЭ	— Советская этнография
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбИИ РАН	— Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург
Anal. Boll.	— Analecta Bollandiana
BHG	— Bibliotheca Hagiographica Graeca
BS	— Byzantinoslavica
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
EO	— Echos d'Orient
JA	— Jornal Asiatique
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft
MM	— Miklošich F. Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana
NE	— Νέος Ἑλληνομνήμων
PG	— *Migne J. P.* Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Paris, 1850—1887.
PL	— *Migne J. P.* Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Paris, 1878—1890.
PLP	— Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit
RBS	— Rerum Britannicarum medii aevi scriptores.
REB	— Revue des études byzantines
TLG	— Thesaurus Linguae Graecae
TM	— Travaux et Mémoires

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

I

Е. Н. Мещерская. Протоевангелие Иакова в сирийской традиции. Тексты. Издания. Версии 13

В. Н. Залесская. Интерпретация надписи на ковше с дионисийской сценой из музеев Московского Кремля 28

А. Я. Каковкин. Коптская ткань с изображением древнегреческого философа 35

О. В. Ошарина. Образ св. Даниила во рву львином в ранневизантийском искусстве . 45

Е. В. Степанова. Печати табуляриев 56

А. А. Чекалова. Запад и Восток в представлении ранневизантийских авторов 64

Constantin G. Pitsakis. Aristéalos, poète Byzantin inexistant: a propos de l'auteur des vers gravés sur les frères graptoi 73

В. А. Арутюнова-Фиданян. Загадка «Истории Тарона» 85

В. В. Кучма. Περὶ τοξείας 93

Н. Д. Барабанов. Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов 100

М. В. Бибиков. К истории библиотек на Святой Горе (Афонские этюды) 111

Vana Nicolaïdou-Kyrianidou. Nature et pouvoir selon les Pères de l'Église orthodoxe . . 120

Stavros Perentidis. À quoi bon le latin à Byzance après Justinien question? ou la rhétorique et le charme de l'incompréhensible 136

T. C. Lounghis. Les Villages d'Origine de l'Aristocratie Paphlagonienne 155

А.-Э. Н. Тахиаос. Несколько замечаний относительно кончины Константина-Кирилла в Риме 160

Г. Г. Литаврин. Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея 169

В. С. Шандровская. Cursus honorum Нестора (XI в.) 184

Б. Л. Фонкич. О происхождении московской рукописи «Жития преподобного Афанасия Афонского» 193

Л. Т. Авилушкина. Структурные особенности «Хроники» Михаила Глики 199

Mirjana Živojinović. Sur les ecclesiastiques d'apres les documents Athonites 207

П. И. Жаворонков. Возвышение рода Акрополитов в XIII—первой четверти XIV в. 219

С. П. Карпов. К вопросу о государственной символике в поздневизантийском мире: герб и флаг Трапезундской империи 228

С. Н. Гукова. Исихазм и новые иконографические темы в позднепалеологовском искусстве 232

Т. В. Кущ. Торговцы в оценках интеллектуала 247

М. А. Поляковская. К словарю поздневизантийского церемониала: Анавафра 254
Gilbert Dagron. La France au miroir de Byzance 264
Κωνσταντίνος Κ. Παπουλίδης. Γρηγοριοσ γρ. μαρασλησ (1831—1907)·ο ευεργετησ δυο πατριδων 273

II

В. И. Мажуга. Неизвестный каролингский фрагмент сочинения бл. Августина «О Троице». 283
Л. И. Киселева. Часослов = Часовник = Книга часов?. 290
А. А. Касатов. Символика акта сейзины в Англии XII в.. 297
Т. Н. Таценко. Письма XVI в. герцогов Вюртембергских в коллекции Н. П. Лихачева. ЗЕС архива СПбИИ РАН 311

III

О. В. Творогов. Паралипомен Зонары в издании О. М. Бодянского 335
Е. Г. Водолазкин. Из истории древнерусского исторического повествования. Краткая Хронографическая Палея 341
Ю. Г. Алексеев. Победа на Волге 350
О. А. Белоброва. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре. . . . 363
Е. К. Ромодановская. Римские Деяния и притчи Варлаама 369
О. В. Иодко. Мари-Фелисите Броссе. Археологическое путешествие на Кавказ (1847—1848) 377
В. В. Гурулева. «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) 384
Peter Schreiner. Vom Brief zur Freundschaft. Der Briefwechsel von Viktor Karlovic Jernstedt mit Karl Krumbacher (1893—1902) 396
С. А. Иванов. Последний стамбульский проект Русского археологического института в Константинополе 412
Л. А. Герд. Еще один проект «русского Константинополя». Записка Ф. И. Успенского 1915 г. 424
Е. Ю. Басаргина. К истории проекта Палестинского комитета 434
Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский. Несостоявшиеся зарубежные поездки 1927—1928 гг. (Из материалов к научной биографии академика Ф. И. Успенского). . . 440
П. Г. Рогозный. «Пред нашими взорами совершился суд над историей» (Проповедь профессора А. А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.). 447
С. О. Вялова. Рукописи из Синайского монастыря Св. Екатерины в Российской национальной библиотеке 456
Л. Б. Вольфцун. «Мнение» профессора А. А. Дмитриевского по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. 476
О. А. Барынина. К истории изучения договоров Руси с греками (Проект Русско-византийской комиссии РАН 1920-х гг.) 487
Ю. Янчаркова. К истории взаимоотношений Н. Л. Окунева с Н. Я. Марром. 495
Б. С. Каганович. Е. Ч. Скржинская о Н. Я.Марре 514
С. А. Никонов. Три письма А. И. Копанева к И. И. Смирнову 520
Е. К. Пиотровская. Из переписки И. С. Дуйчева с ленинградскими византинистками в 50—70-е гг. XX в.. 525

IV

К юбилею ученого 531
Список трудов И. П. Медведева 538
Список научных работ В. Г. Чернухи. 555

V

Памяти И. З. Либерзон (1925—2003). 563
Памяти А. Г. Манькова (1913—2006) 565
Памяти В. А. Шишкина (1931—2006) 568
Указатель статей, опубликованных в XXI—XXX томах издания «Вспомогательные исторические дисциплины» 570
Список авторов статей XXX т. «вспомогательные исторические дисциплины» 580
Список сокращений 581

CONTENTS

From the Editorial Board 5

I

E. N. Mescherskaya. The Protoevangelium of James in Syriac Tradition. Texts. Editions. Versions. 13

V. N. Zalesskaya. The Interpretation of the Inscription on the Ladle with a Dionysiac Scene from the Moscow Kremlin Museums. 28

A. Ja. Kakovkin. Coptic Textile with the Image of an Ancient Greek Philosopher. 35

O. V. Osharina. St. Daniel in the Lion's Den of the early Byzantine art. 45

E. V. Stepanova. The Seals of Tabellions. 56

A. A. Chekalova. West and East in the Ideas of the Early Byzantine Authors. 64

Constantin G. Pitsakis. Aristéalos, poète Byzantin inexistant: a propos de l'auteur des vers gravés sur les frères graptoi 73

V. A. Arutiunova-Fidanian. The Riddle of the «History of Taron». 85

V. V. Kuchma. Περὶ τοξείας 93

N. D. Barabanov. Byzantine Church struggling against the Amulets. 100

M. V. Bibikov. To the History of Libraries on the Holy Mount (Athos' studies). 111

Vana Nicolaïdou-Kyrianidou. Nature et pouvoir selon les Pères de l'Église orthodoxe . . 120

Stavros Perentidis. À quoi bon le latin à Byzance après Justinien question? ou la rhétorique et le charme de l'incompréhensible 136

T. C. Lounghis. Les Villages d'Origine de l'Aristocratie Paphlagonienne 155

A. N. Tahiaos. Some Remarks on Konstantin-Cyril's Death in Rome. 160

G. G. Litavrin. Social Motives of the Activity of Eustathios Romaios (From the commentary to «Peira», the Codex of judgements of XI century jurist). 169

V. S. Shandrovskaya. Cursus honorum of Nestor (XI century). 184

B. L. Fonkich. On the Origin of the Moscow Manuscript of «The Life of Saint Athanasius of Athos». 193

L. T. Avilushkina. The structural Features of Michael Glykas' Chronicle. 199

Mirjana živojinović. Sur les ecclesiastiques d'apres les documents Athonites 207

P. I. žhavoronkov. The Eminence of the Family of Akropolits in the XIII – the first quarter of the XIV century. 219

S. P. Carpov. State Symbolics in the Late Byzantine world: The Arms and the Flag of Trapesund Empire. 228

S. N. Gukova. Hesychasm and new Tendencies in the Iconography of the Palaeologan Art. . 232

T. V. Kushch. Merchants as seen by an Intellectual. 247

M. A. Polyakovskaya. Vocabulary of the late Byzintine Ceremonial: η άναβάθρα. 254

Gilbert Dagron. La France au miroir de Byzance 264

Κωνσταντίνος Κ. Παπουλίδης. Γρηγοριοσ γρ. μαρασλησ (1831—1907)·ο ευεργετησ δυο πατριδων 273

II

V. I. Mazhuga. The Unknown Carolingian Fragment of St. Augustin's Work «De Trinitate». 283

L. I. Kiseleva. Horologoin = the Hours book = the Book of Hours? 290

A. A. Kasatov. Symbols of seisin in England (XII century). 297

T. N. Tatsenko. Letters of the XVI century of Dukes Wьrttemberg in the Collection of N. P. Lihachev (West-European Section of the Archives of St-Petersburg Institute of the History of the Russian Academy of Sciences). 311

III

O. V. Tvorogov. Zonara's Paralipomenon edited by O. M. Bodyansky. 335

E. G. Vodolazkin. From the History of the Old Russian historical Narration. Short Chronographical Paleya. 341

Ju. G. Alexeev. The Victory on the Volga.. 350

O. A. Belobrova. About the Worship of Maxim the Greek in the Trinity — St. Sergius Monastery. 363

E. K. Romodanovskaya. The Roman Acts and Varlaam's Parables.. 369

O. V. Iodko. Marie-Felicité Brosset. Archeological Tavels in the Caucasus (1847—1848). 377

V. V. Guruleva. «There will be the Russian Museum in Palestine soon» (the Museum of Archimandrite Antonin in Jerusalem). 384

Peter Schreiner. Vom Brief zur Freundschaft. Der Briefwechsel von Viktor Karlovic Jernstedt mit Karl Krumbacher (1893—1902) 396

S. A. Ivanov. The last Istanbul Project of the Russian Archeological Institute in Constantinople. 412

L. A. Gerd. One more Project of the «Russian Constantinople». F. I. Uspensky's Note of 1915. 424

E. Ju. Basargina. The Project of the Creation of the Committee on Palestine. 434

G. E. Lebedeva, V.A. Yakoubsky. The foreign Trips planed for 1927—1928, which have not taken place (according to materials on the scholarly biography of academician F. I. Uspenskiy). 440

P. G. Rogozny. «The Justice over History was done before our Eyes» (the Sermon of Professor A.A. Dmitrievsky of the 5th of March 1917). 447

S. O. Vyalova. Manuscripts from the Monastery of St. Catherine of Sinai in the Russian National Library. 456

L. B. Volftsun. The Opinion of Professor A. A. Dmitrievsky on the Codex Sinaiticus of the V century.. 476

O. A. Barynina. To the History of the Research on Treaties between the Russians and the Greeks (the project of the «Russian-Byzantine Commission of the Russian Academy of Sciences in the 20-s of the XX century). 487

Julia Jancharkova. To the History on the Relations between N. L. Okunev and N. Ja. Marr. 495

B. S. Kaganovich. E. Ch. Skržinska on N. Y. Marr. 514

S. A. Nikonov. A. I. Kopanev's three letters to I. I. Smirnov. 520

E. K. Piotrovskaya. I. S. Dujchev's Correspondence with Byzantine Scholars of Leningrad (on Materials of Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences). 525

IV

К юбилею ученого 531

The List of works of I. P. Medvedev. 538

The List of works of V. G. Chernuha 555

V

In the memory of I. Z. Liberzon (1925—2003) 563

In the memory of A. G. Man'kov (193—2006) 565

In the memory of V. A. Shishkin (1931—2006) 568

The Index of the Articles and Materials published in «Auxiliary Historical Disciplines», vols. XXI—XXX 570

The List of authors. 580

The List of abbreviations 581

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Т. XXX

Утверждено к печати
С.-Петербургским Институтом истории
Российской Академии наук

Редактор издательства
Технический редактор
Корректор
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 953001 — книги,
95 3150 — литература по истории историческим наукам

Подписано к печати 10.01.08.
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 37. Уч.-изд. л. 36.
Тираж 800. Заказ ???

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
„Искусство России"»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
http://www.dbulanin.ru